

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

КУРС
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

ТОМ
I

Л. А. БУЛАХОВСКИЙ
действительный член Академии наук УССР

КУРС
РУССКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО
ЯЗЫКА

ТОМ I

Пятое, переработанное издание

Допущено Управлением по делам высшей школы при Совете Министров УССР как пособие для филологических факультетов университетов и факультетов языка и литературы педагогических институтов УССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РАДЯНСЬКА ШКОЛА»
КИЕВ — 1952

Мы любим свой язык и свою родину.

В. И. Ленин. Сочинения. Т. 21, стр. 85.

Язык Тургенева, Толстого, Добролюбова,
Чернышевского — велик и могуч.

В. И. Ленин. Сочинения. Т. 20, стр. 55.

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК.

Под понятием «русский язык» следует разуметь, с одной стороны, русский литературный язык, с другой — различные диалекты.

Литературный язык — это язык государственных и общественных учреждений, школы, науки, прессы, художественной литературы, театра, радио.

Однако, поскольку литературный язык обслуживает такие сложные культурные потребности главным образом в письменном (печатном) виде, понятие «литературный язык» часто применяется только к языку печатных и письменных произведений. В этом значении литературный язык противопоставляется и диалектам, и городскому разговорному языку как речи обиходного устного общения. В свою очередь этот городской разговорный язык, соответственно общественным группировкам, представляет собой разновидности (социальные жаргоны).

Так как литературный язык в первом смысле по его установке есть язык общенациональный — унормированный в составе словаря, форм и особенностей произношения, этот его состав подчиняет себе разговорную речь людей, прошедших школу, и речь эта оказывается, таким образом, в соответствии с уровнем полученного говорящими образования, в большей или меньшей мере совпадающей в лексической (словарной) и грамматической стороне с языком, принятым в книгах, газетах и т. д. Будучи организованной системой, литературный язык, при всём этом, оставляет пользующимся им широчайшую возможность отбора тех или иных языковых средств, отбора, определяемого устремлениями пишущего или говорящего и характеризующего в целом его слог, или стиль.

Роль и значение современного русского литературного языка, как языка государственных и общественных учреждений, школы, науки, прессы и пр., огромны. Язык этот стал могучим орудием культурного строительства. Великая Социалистическая революция покончила с позорной империалистической политикой, существовавшей при царизме, когда русский язык был в руках дворянства и буржуазии орудием порабощения других национальностей старой России. В СССР свободно развиваются все национальные языки. Неуклонно развивается и обогащается новыми средствами и сам русский.

Как всякий язык, и русский является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформлялся, обогащался, развивался, шлифовался (См. И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 6), достигнув, наконец, того высокого и разностороннего развития, которое характеризует его теперь.

ЛИТЕРАТУРА (МЕТОДОЛОГИЧЕСКИ - УСТАНОВОЧНАЯ).

- В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. Соч., т. 21.
В. И. Ленин. Нужен ли обязательный государственный язык? Соч., т. 20.
В. И. Ленин. Критические заметки по национальному вопросу, гл. I. Соч., т. 20.
В. И. Ленин. О праве наций на самоопределение, гл. I. Соч., т. 20.
В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов. Соч., т. I, стр. 137.
В. И. Ленин. Материализм и эмпириокритицизм, гл. II—IV. Соч., т. 14.
В. И. Ленин. К вопросу о диалектике. Соч., т. XIII, изд. 3.
И. В. Сталин. Анархизм или социализм? Соч., т. I.
И. В. Сталин. Марксизм и национальный вопрос. Соч., т. 2.
И. В. Сталин. Национальный вопрос и ленинизм. Соч., т. 11.
И. В. Сталин. Заключительное слово по докладу на XVI съезде ВКП(б). Соч. т. 13.
И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950 г. и др.

Для критического использования.

Статьи в сборнике «Вопросы языкознания в свете трудов И. В. Сталина», М., 1950.

Акад. В. В. Виноградов. Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания, М., 1950.

Статьи по языковедению в «Известиях Отд. литер. и яз.» Акад. наук СССР за 1950 и 1951 гг.

ГЛАВА I. ФОНЕТИКА.

Содержание: 1. Фонемы и их звуковые вариации. 2. Чередования гласных. 3. Чередования согласных. 4. Деление на слоги (слоγοраздел). 5. Общие замечания об ударении.—Из литературы.

Приложения: I. а) Образец литературного произношения. б) Список ударений, против которых особенно часто погрешают. в) Чтение е в иноязычных словах со смягчением и без смягчения согласного. г) Разрешаемые в литературном произношении варианты произношения е : ё в отдельных словах. II. Частота употребления в русском языке отдельных звуков. III. Важнейшие особенности вошедших в русский литературный язык южнославянизмов. IV. а) Образец московских документов XIV века. б) Образец русского литературного языка второй половины XVII века. в) Образец языка начала XVIII века. V. а) Русские наречия. б) Образец севернорусского говора. в) Образец южно-русского говора.—Из литературы.

1. ФОНЕМЫ И ИХ ЗВУКОВЫЕ ВАРИАЦИИ.

Русский литературный язык располагает следующими фонемами, или основными типами звуков, при помощи которых можно различать значения слов:

Гласные: и, э, (ы), у, о, а.

Согласные: 1. д, т, з, с, д ^Ь ¹ т ^Ь , з ^Ь , с ^Ь ; ц, ж, ш, ж ^Ь , ш ^Ь , ч; 2а) г, к, х; 2б) (г ^Ь), (к ^Ь), (х ^Ь); 3) б, п, в, ф; б ^Ь , п ^Ь , в ^Ь , ф ^Ь	}	Шумные	}	р, л, н; р ^Ь , л ^Ь , н ^Ь , й м; м ^Ь	}	Сонорные
--	---	--------	---	---	---	----------

Из согласных первая группа — нёбнозубные, вторая — а) задненёбные (велярные) и б) средненёбные, третья — губные; в, ф и в^Ь, ф^Ь — губозубные.

Русское письмо, продолжающее во многом традиционное древнеболгарское (церковнославянское), пользуется системой букв, расходящейся с требованиями письма, последовательного в передаче фонем. Письмо наше — нефонетическое и далеко от строгого соответствия между звуками и обозначаемыми ими буквами: мы

¹ Транскрипцию мягких согласных при помощи ь (мягкого знака сверху), вм. обычной — чёрточки вверху сбоку, избираем по мотивам техническим.

говорим *рош*, а пишем *рожь*, т. е. употребляем для передачи согласного букву, обычно соответствующую другому звуку, и ставим при этом ещё мягкий знак, которому в произношении ровно ничто не соответствует. Говорим *казáца* или *казáць*¹, а пишем *казаться*. Один звук, мягкое (палатальное) *н*, *т* и под., мы обозначаем при помощи двух знаков — *нь*, *ть*, и таких несоответствий в нашем письме очень много.

Важнейшие различия между системой фонем литературного языка и их типическими обозначениями сводятся к следующему.

Для гласных русское письмо располагает, кроме пяти указанных выше без скобок (*и*, *э*, *у*, *о*, *а*), ещё буквами: *ы*, *е*, *ю*, *ё*, *я*. Из них *ы* представляет по существу вариант фонемы и после твёрдых согласных: ср. *коли* (= приблизительно «кал^ьь») и *колы*, *бил* (= приблизительно «б^ьыл») и *был*, причём нет случаев, где бы возможно было в русском языке употребить *ы* после мягкого согласного, а *и* — после твёрдого. Совпадение в русском языке *ы* и *и* в одной фонеме сказывается особенно отчётливо в таких постоянных отношениях, как: *других* — *иных*, *синий* — *красный*, *синих* — *красных*.

Практически, однако, удобнее *ы* трактовать как самостоятельную фонему. «Ввиду того, — говорит Л. В. Щербачев, — что случаи, где со смысловой точки зрения *ы* и *и* являются тождественными, крайне немногочисленны... — то *ы* является всё-таки самостоятельной фонемой, хоть, может, и не в такой мере, как *а*, *э*, *и*, *о*, *у*» («Русские гласные» в качественном и количественном отношении», 1912, стр. 50).

Буквы *е*, *ю*, *ё*, *я* имеют двойное основное значение: это или сочетания *йэ*, *йу*, *йо*, *йа* в начале слога — *есть*, *ехать*, *юг*, *стою*, *её*, *своё*, *я*, *моя* и под., или *э*, *у*, *о*, *а*, предшествующий которым согласный смягчён, — *вера*, *лес*, *любить*, *люди*, *нёс*, *вёдра*, *пять*, *рявкнуть* и под.

Для обозначения согласных характерно, что ряд мягких (палатальных) имеет своё обозначение или при помощи добавочной буквы («мягкого знака» — *ь*) в конце слога: *встань*, *тетрадь*, *глянь*, *кровь*, или при помощи букв *е*, *ю*, *ё*, *я*, *и*, следующих за ними: *нет*, *лесть*, *люк*, *рюмка*, *рёв*, *плёл*, *слякоть*, *мята*, *тих*, *липа* = н^ьэт, л^ьэс^ьт^ь, л^ьук, р^ьумк^ь, р^ьоф, пл^ьол, с^ьл^ьак^ьт^ь, м^ьать, т^ьих, л^ьип^ь².

Буква *щ* обозначает фонему $\bar{ш}^b$, т. е. долгое мягкое *ш* произношения г. Москвы: *ищу* = и $\bar{ш}^b$ у, *щека* = $\bar{ш}^b$ ика, *щуплый* = $\bar{ш}^b$ уплый.

Параллельная звонкая фонема $\bar{ж}^b$, т. е. долгое мягкое *ж* произношения г. Москвы, выражается комбинацией букв: *йэж^ьу* передаётся в письме через *езжу*, да $\bar{ж}^b$ á — через *дождя*.

Мягких шипящих не долгих (кроме *ч*) ни как фонем, ни как

¹ *ь* — тут знак особого редуцированного звука (см. ниже). Произношение с *ц* долгим и *ц* коротким у москвичей встречается в этой категории параллельно.

² *ь* над согласным употребляем тут как знак его мягкости.

звуковых вариантов¹ русский литературный язык не в заимствованных словах (*жюри, брошюра*) не знает. Поэтому традиционные написания вроде *шило, жизнь, шелест, жезл* имеют только этимологическое значение: *ши, жи, ше, же* следует читать как *шы, жы, шэ, жэ*. Точно так же московскому произношению неизвестно мягкое *ц*. Поэтому написания *целый, на крыльце, цирк, революция* в московском произношении звучат как *цэлый, крыльце, цырк, ривалыцый* (ср. распространённое на юге неправильное произношение с мягким *ц* в словах *целовать, целый, цена*, где в украинском языке мягкое *ц*: *цілувати, цілий, ціна*, и *революция, эвакуация* и под., произношение которых с мягким *ц*, под влиянием этимологии, несколько десятилетий назад считалось орфоэпическим и для русских).

Наоборот, только мягким является русское *ч*.

Некоторые из указанных фонем русского языка имеют варианты, зависящие от специальных условий.

В неударяемых слогах русские этимологические гласные подвержены значительным изменениям: напр., *о* (*ё*) в русском литературном языке, вообще говоря, возможно только под ударением; также только под ударением существует *э* (*е*). Но и фонемы *а, и*, выступающие вместо них в неударяемых слогах («*вада, кас'и, н'ис'и, в'иду*») или чаще со звуком, только близким к *и* (вместо орфографических *вода, коси, неси, веду*), меняется в известных положениях. Напр., в московском произношении неударяемое *а* употребляется вообще только в слоге, непосредственно предшествующем ударяемому, т. е. *покажем* произносится «*пакáжым*», *коса* — «*касá*», так же, как и *хвалá, далá* и под.; но *поросёнок* произносится уже как «*пърас'онък*», *показать* — как «*пъказáт'ъ*», *дело* — как «*д'элъ*», *пароход* — как «*пърахóт*» со звуком *ъ*, напоминающим несколько *ы*. Физиологически это звук среднего ряда среднего подъёма, произносимый с ослабленным голосом и очень коротко. Особенно велико ослабление голоса при произношении его между двумя глухими согласными: «*пътамú, пькар'йт*» (*потому, покорит*) и под., — ослабление, лишаящее данный звук почти всякой определённости. (Кроме положения перед ударением, как *а* звучат ещё начинающие слово *о* и *а*). Однако, у значительной части русских наряду с подобным произношением употребляется вместо звука *ъ* — обыкновенное *а*, т. е. произносится: «*парас'онак, паказáт'ъ, д'эла, паракóт*».

Правописному *е* без ударения в литературном произношении соответствует обычно *и*, но рядом возможно *э*^и, т. е. закрытое, напряжённое *э*: «*н'ис'ош*» (*несёшь*) и «*н'э'ис'ош*», «*в'исна*» (*весна*) и «*в'э'исна*», «*н'ис'от'и*» (*несёте*) и «*н'э'ис'от'эи*».

Примечание 1.

В положениях, в которых *о* и *а* выступают как редуцированные, известную редуцированность может обнаруживать также звук и такого происхождения.

¹ В украинском *ш, ж* мягкие как варианты фонем (перед *і*) существуют: *товариші, пиштіть, скажіть* и под.

Примечание 2.

В ряде случаев в заударных слогах, являющихся приметой морфологических категорий, под влиянием родственных образований с окончанием *о* выступает вместо ожидаемого рефлекса — *ъ* (редуцированный гласный) со смягчением предшествующего согласного: «пол^ъ» (*поле*), «пол^ъм» (*полем*), «пахар^ъм» (*пахарем*) и под.

Отметим из вариантов фонем, кроме указанных, важнейшие:

Неударяемое и в литературном произношении г. Москвы соответствует правописному *а* после *щ, ч*: *счастливый* произносится «ш^ъис^ъл^ъйв^ъй», *чахотка* — «чих^ъотк^ъ», *очаровать* — «ачирава^ът^ъ», *щадит* — «ш^ъид^ъйт^ъ». Под влиянием письма широко распространено произношение и с сохранением звука *а*.

Неударяемое *ы*¹ является в параллельных условиях после *ж, ш*: «шыл^ъун» (пишется *шалун*), «жырк^ъой^ъ» (пишется *жаркое*). Под влиянием письма широко распространено, однако, вне Москвы произношение «шал^ъун, жарк^ъой^ъ» и под.

Правописному *я* в неударяемом слоге, предшествующем ударению, соответствует в московском произношении *и*: «л^ъид^ъин^ъой» (= *ледяной*), «т^ъигат^ъа» (= *тяготá*); но возможно и напряжённое *э*, главным образом, у представителей старшего поколения.

Примечание 3.

Так и в нефлективных слогах заударных: «зán^ъил» (*занял*), «пр^ъйн^ъить» (*принято*); но в конечных слогах с морфологическим значением выступает под влиянием родственных форм обыкновенно *ъ* (редуцированный гласный) за смягчённым согласным: «вр^ъэм^ъь» — *время*, «с^ъэм^ъь» — *семя* (ср. «пóль^ъ», «мóръ^ъ», отражающие влияние «д^ъэл^ъь» — *дело*, «м^ъэст^ъь» — *место*), «пóль^ъ» — *поля*, «мóръ^ъ» — *моря*, «пáхър^ъь» — *пахаря* (род. п. ед. ч.), «бáшн^ъь» — *башня*, «д^ъын^ъь» — *дыня*, «бáшн^ъьм» — *башням*, «д^ъын^ъьм» — *дыням* (дат. мн.).

Влиянию письма обязано широкое употребление произношения *а* с предшествующей мягкостью, т. е. «зán^ъал, л^ъид^ъан^ъой».

В качестве общего явления, типичного для литературного произношения г. Москвы, нужно, наконец, указать, что сравнительно с ударными гласными гласные безударные произносятся неполным голосом. Распространённое среди украинцев и севернорусов произношение без такой редукции, по свидетельству Д. Н. Ушакова («Русская речь», III, стр. 23), производит на москвичей впечатление «отчеканивания».

Литературное русское произношение в настоящее время знает по существу только фонему взрывное *г* (= лат. *g*); её фрикативный вариант, очень близкий к украинскому *г* (но обыкновенно не гортанный, а задненёбный), ещё недавно широко распространённый в нескольких словах — *богатый, благодарить, господствовать* и др., повидимому, вымирает². На юге, в области южно-

¹ О том, что оно по существу — вариант фонемы, упоминалось выше.

² Ср. Е. Поливанов. О литературном (стандартном) языке современности. Родн. яз. в школе. 1927, № 1, стр. 226. Специальную характеристику распределения фактов см. в статье Д. Ушакова. «Звук *г* фрикативный в русском литературном языке в настоящее время». Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук. 1928, 61.

русского наречия и в зоне украинского и белорусского языков, широко распространено произношение русского правописного г как украинского г или близких к нему оттенков. Такое произношение следует признать, бесспорно, нелитературным.

Щ в произношении г. Москвы звучит как долгое мягкое ш (см. выше); но такое произношение нельзя считать общелитературным. Рядом с ним существует едва ли не более распространённое литературное произношение ш^бч: *роща* — «рош^бча» (московское — рош^бъ), *гуща* — «гуш^бча» (московское — гуш^бъ) и под. Наряду с московским долгим мягким ж в случаях, вроде *уезжать*, *дожда*, *позже*, распространено и произношение, близкое к орфографическому, — долгое твёрдое ж (уиж^бат^б), жд^б (дажд^ба) и под.

Говоря об образцовом литературном произношении, т. е. по сути о произношении г. Москвы, как это произношение установилось в ораторской речи, на сцене и т. д., никак нельзя упускать из виду, как отчасти ясно из сказанного, что оно полностью не было и не может быть достоянием всех говорящих литературно по-русски. Московское произношение до Великой Социалистической революции не было общелитературным уже в силу того, что Москва не была единственным ведущим культурным центром, а роль государственного центра принадлежала имевшему свою окраску литературного языка Петербургу.

После Великой Социалистической революции говор Москвы, ввиду новой роли её как столицы Советского Союза, всё время вбирающей в себя многочисленных представителей других диалектов, заметно меняется.

В пользу орфоэпии, установки на фонетическую норму, говорят теперь мотивы, с которыми нельзя не считаться, и важнейший из них — забота об общепонятности языка.

Но, при всех усилиях школы, театра, деятелей слова вообще выработать норму литературного произношения, она скорее существует как тенденция, нежели как вполне реально существующий всеобщий и бесспорный факт. Произношение очень большого числа культурных людей, говорящих по-русски, в ряде черт не одинаково: отчасти оно подвержено значительным колебаниям в речи их самих; в ещё большей степени — оно окрашено налётом диалектных влияний — места их рождения и воспитания, среды, в которой им пришлось особенно долго жить, и т. д.

«Вопросник» Академии наук СССР¹ предусматривает, напр., литературные произношения: «плясать — плесать — плисать», «заяц — заец — заиц».

В качестве диалектно окрашенного произношения (северного) возможны, согласно ему, случаи, когда слова типа *войлок*, *стойло* и под. выступают как трёхсложные с и вместо й, т. е. звучат

¹ См. «Русск. язык в школе», 1939 г., № 1, стр. 12 — статья Л. В. Щербы «Спорные вопросы русской грамматики».

воилок, стоило и под. (Из того, что отразилось в истории письменного литературного языка, — чаще других встречается: *яица* (напр., у И. А. Крылова).

Заметны различия в произношении конечных звонких: полный переход в глухие (образцовое литературное произношение) и ослабленная звонкость (под влиянием письма или украинского произношения — на юге) и под.

2. ЧЕРЕДОВАНИЯ ГЛАСНЫХ.

Кроме чередований гласных, которые русский язык наравне с остальными славянскими языками получил в конечном счёте ещё из древнейшего состояния¹, ему принадлежат несколько новых, зависящих от специальных характерных для него фонетических законов.

Это прежде всего переход *е* в *ё*² (точнее — *э* с предшествующей мягкостью согласного *в* *о* с предшествующей мягкостью). Так как неударяемое *е* переходит в литературном русском языке в *и* или звук, к нему близкий, то по существу чередование сводится к отношению «неударяемое *и*, *е*^и : ударяемое *ё*»: *весло* : *вёсла*, *несу* : *нёс*, *метла* : *мётлы*, т. е. «*в*^и*исл*о : *в*^о*бсл*ь, *н*^и*ис*у : *н*^о*ос*, *м*^и*итл*а : *м*^о*тль*». Исходный пункт перехода *е* в *ё* заключается, кроме указанного условия — ударяемости, ещё в положении *е* перед твёрдым согласным; поэтому: *мелешь*, а не *мёлешь*, *весело*, а не *вёсело*, *стелешь*, а не *стёлешь*, *постель*, а не *постёль*, но *замёл*, *весёлый*, *мёд*.

При этом надо, однако, иметь в виду, что в абсолютном конце слова ударяемое *е* обычно тоже переходит в *ё*: *бельё*, *гнильё*, *моё*. После отвердевших в русском языке *ш*, *ж*, естественно, вместо *ё* будет выступать *о*: *шорох*, *жолудь* и под.

Комбинируя примеры положения ударяемого *е* перед мягким согласным, перед твёрдым согласным и неударяемого *е*, получаем типичные для русского литературного языка чередования: *перья* : *пёрышко* : *перо*; *веселье* : *весёлый* : *весел*, т. е. «*п*^э*р*^й*ь* : *п*^о*брышк* : *п*^и*р*о; *в*^и*с*^э*л*^й*ь* : *в*^и*с*^о*л*^ь*й* : *в*^э*сил*»³.

Наряду с этим, особенно распространённым фонетическим чередованием, существует ещё другое, основные особенности которого принадлежат и украинскому языку, — *е* (*ё*) и отсутствие гласного звука, обычно при мягкости согласного, за которым он выпал: *день* — *дня*, *пень* — *пня*, *лён* — *льна*, *козырёк* — *козырька*.

После отвердевших шипящих вместо *ё* в этой категории — *о*: *пирожок* — *пирожка*, *пушок* — *пушка*.

¹ Таковы чередования *е* и *о* независимо от ударения (*тёплый* : *топливо*); чередования *о* и *а* (*поишь* : *спаивать*), *у* и *ы* (*приучишь* : *привычка*) и пр., играющие в настоящее время лишь морфологическую роль.

² Для упрощения так в этом отделе и будем писать.

³ Или *вм.* и — редуцированный гласный звук переднего ряда.

Как выразительно показывает, напр., украинский язык, кроме русского *е* (ѣ), которому в украинском соответствует *е* (но с твёрдостью предшествующего согласного: *веселій, села, мед*), русский язык знает ещё и другое *е* — чередующееся только с *и* в неударяемом положении, но не переходящее в *ѣ* под ударением перед твёрдыми согласными: *мера, дело, сено, лето* (в дореволюционном правописании в таких случаях употреблялась буква *ѣ*: *мѣра, дѣло, сѣно, лѣто*); такому *е* в литературном украинском языке соответствует *і*, т. е. *міра, діло, сіно, літо*. Правда, и первому *е*, чередующемуся с *ѣ*, в украинском языке часто соответствует *і*, но это бывает при определённом дополнительном условии — в закрытых слогах: *ніс, вів, лід* (при *льоду*) и др.

Физиологически теперь между *е* (э с предшествующей мягкостью согласного), чередующимся с *ѣ* (^во), и *е* (^вэ), с ним не чередующимся, никакой разницы нет; причины такого различия исторические — оба упомянутых *е*, а также *е* «беглое», исчезающее в отдельных формах того же самого слова, произошли из различных звуков древнейшего славянского языка¹.

Всякие *э* (*е*), независимо от своего происхождения, подвергаются ещё одному характерному, но менее заметному изменению: они произносятся напряжённей перед мягкими согласными; ср. *тесто* и (*в*) *тесте, эта* и *эти, спет* и *спеть, честный* и *честь*.

Чтобы уяснить себе все типические особенности, относящиеся к русскому *е*, нужно, наконец, принять во внимание ещё несколько специальных условий.

Характерны вариации группы *-ер-* между согласными. В этой группе *е* переходит под ударением в *ѣ* только тогда, если за *р* следует твёрдый зубной, т. е. *твёрдый, чёрный, мёрзнуть, мёртвый, зёрна, но четверг, первый, верх, церковь, верба, смерть* (ср. произношение «*в^вэр^вх, читв^вэр^вк, цэр^вк^вф^в, в^вэр^вб^в, п^вэр^вв^вый*» и под.). Заметим, что произношение «*читв^вэр^вк, в^вэр^вх*» и под. как литературное не узаконено. Смягчение перед губными встречается ещё реже. Ср. Е. Будде («Очерк истории современного русского языка. XVII—XIX век», 1908): «Ныне мы уже не пишем и не печатаем *ь* после *р* в этих и подобных словах, хотя и произносим *р* мягко, наблюдая в то же время и произношение твёрдого *р* в этих случаях у лиц с литературным образованием и даже у уроженцев г. Москвы» (стр. 32—33).

Далее, хотя звук *ц* теперь в русском языке (в отличие от украинского) всегда твёрд независимо от положения, в прошлом он был мягок и действует на предшествующее *е* именно как мягкий. Поэтому мы имеем *молодец*, а не «молодѣц», *скупец*, а не «скупѣц», *сердец* (род. мн.), а не «сердѣц» и под. С другой стороны,

¹ Звук *е*, не чередующийся с *ѣ*, восходит к особому звуку древнерусского языка — *ѣ*: *лѣто, мѣра* и под.; звук *е*, переходящий в *ѣ*, — к *е*: *веселый, несль*, и под.; звук *е* «беглое» — к очень короткому звуку — *ь*: *весь, вся* из *вьсь, вься*.

тоже бывшие в прошлом мягкими звуками ш, ж, память о мягкости которых отчасти сохраняет до сих пор орфография (ши, жи, шь, жь), влияют на предшествующее е как твёрдые: мы произносим ё в *везёшь, вернёшь, грабёж, лёжа, дешёв*¹. К влиянию диалектного твёрдого ш следует отнести и литературное *тёща*: перед долгим мягким ш в произношении г. Москвы ожидалось бы е, но в ряде говоров, где щ произносится как долгое твёрдое ш, ё вполне естественно; из них-то оно, повидимому, и заимствовано.

По поводу нашего произношения *женский, деревенский, смоленский* следует припомнить, что отвердение с здесь — относительно новая черта, чуждая, напр., многим севернорусским говорам (ср. и укр. *бабський, сільський* и под.).

Слоги ги, ки, хи влияют на предшествующее подударное е, как твёрдые, т. е. соответственно своему древнему произношению *гы, кы, хы*; поэтому имеем *щёки* (форму, повлиявшую и на *пощёчина*). Менее доказательны случаи вроде *кровоподтёки*, где возможно также влияние единственного числа².

Нет перехода е в ё в начальном не в префиксальных существительных и под. и в случаях переноса на него ударения в глаголах; *недруг, не дал*. В случаях вроде *не дал* и под., вероятно, издревле ударение не отличалось устойчивостью. Нужно также принять во внимание, что в словах *ненависть, недоросль* мы имеем продукты старославянского влияния.

До сих пор упоминались особенности в изменениях е, характерные для русского языка в его, так сказать, чистом виде. Но русский литературный язык имеет в своём составе очень значительную примесь церковнославянских элементов. Древнеболгарский (церковнославянский) язык не знал изменения подударного е в о с предшествующей мягкостью (ё). Поэтому многочисленные заимствованные из него слова произносятся до сих пор на древнеболгарский лад, с тем, однако, отличием, что е смягчает, как вообще в русском, предшествующий согласный и неударяемое е произносится близко к и. Таковы: *небо, пещера, полезный, лев* (но собственное имя иногда произносится как *Лёв*)³, *перст* (но *напёрсток*), *дерзость, серна*.

В старом литературном языке (почти вплоть до половины XIX века) церковнославянское произношение было в употреблении значительно больше, чем теперь. В ряде слов, где, напр., Пушкин произносил (или мог произносить) е, теперь, подчиняясь общей фонетической тенденции русского языка, мы произносим

¹ Отдельные отступления — *чешет, брешет, тешет* (ср. диал. *чошет*) — могут отражать влияние родственного типа — *мечет, щечет*, поддержанное говорами, где ж, ш отвердели поздно и не влияют, как твёрдые, на предшествующее е (ср. диал. *нѣисѣш* и под.). Из подобных диалектов в литературный язык попало, вероятно, *головешка*.

² К неясным случаям относится *щепки*.

³ Пушкин (с Баратынским) рифмует «Лёв» (имя своего брата) с «плов».

только ё (о): «На холмах пушки, *присмирев*, Прервали свой голодный *рев*» («Полтава»). «И ты пришёл, сын лени *вдохновенный*, О Дельвиг мой, твой голос пробудил Сердечный жар, так долго *усыпленный*, И бодро я судьбу благословил» (19 окт. 1825). Особенно многочисленны случаи такого чтения в его юношеских стихах. Ср. также у его современников рифмы вроде: *Лафайэт* и *кладет* (Д. Давыдов), *небес* и *нес* (Ф. Тютчев) и под. У Батюшкова в одном и том же стихотворении («В обители ничтожества унылой») рифмы: *слёз* — *роз* и *небес* — *слез*.

Довольно консервативными мы остаёмся в произношении некоторых слов книжного происхождения, вероятно, непосредственно не восходящих к старославянскому: ср. *учебный*, *врачебный*, *душевный*, *плачевный*. Правда, А. Н. Соболевский (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XXVIII, стр. 398) толкует их как правильные русские формы перед былым -ьн-, но широкое распространение произношения *тёмный* (стар. *тьмный*) (ср. ещё напр., народн. *неуёмный*) и книжный характер приведённых им примеров не позволяют считать его мнение убедительным.

Сказанное об е в словах, заимствованных из церковнославянского, относится к заимствованиям и из других языков: *пекарь*, *опека*, *концерт* (канв^ьэрт), *газета* (газ^ьэть), *рента* (р^ьэнтъ), *лента* (л^ьэнтъ), *момент* (мам^ьэнт), *пресса* (пр^ьэсь), *секция* (с^ьэкцийъ), *тема* (т^ьэмъ), *проблема* (прабл^ьэмъ), *метр* (м^ьэтр), *спектр* (сп^ьэктр) и под.

Наряду с отмеченными особенностями фонетического происхождения или объясняемыми заимствованием мы найдём известное количество случаев, обязанных действию сближений по смыслу и производящих впечатление отклонений от общих фонетических законов. Таковы:

1. Переход е в ё (о) перед мягким согласным в дательном и местном падеже, оканчивающемся на е: *омёла* и так же *омёле* (вместо фонетического «омеле»), *обжора* (*обжоре*), *берёза* (*берёзе*), *подоплёка* (*подоплёке*). Ясно, что фонетические формы утрачены под влиянием остальных форм склонения, где е находилось перед твёрдым согласным.

2. Другой тип выравнивания имел место в творительном падеже единственного числа женского склонения на -я: под влиянием «стороною», «рекою» и под. вместо ожидаемого «землею», «свечею», «вожжею» имеем *землёю*, *свечою*, *вожжосою*. Ср. фонетические формы *моею*, *твоею*.

3. Выравниванию же обязаны своим появлением формы с ё в род. падеже мн. ч., как *мётел*, *вёсен* (ср. *мётлы*, *вёсны*).

4. Под влиянием «несёт», «несём» и под. вместо фонетических «несете», «плетете», «рвете» явились и получили в литературном языке исключительное господство — *несёте*, *плетёте*, *рвёте*.

5. Иногда ё (о) проникало в близко родственные слова: *тётя* — под влиянием *тётка*; *горшочек* — под влиянием *горшок*; *мешочек* —

под влиянием *мешок*; *околёсица* — под влиянием *околёсная* (ср. «пнёс околёсную»); *зелёненький*, *весёленький* — под влиянием *зелёный*, *весёлый*.

6. Там, где, по показаниям украинского и других родственных языков, ожидалось бы *е*, не чередующееся с *ё* (из *ѣ*), в нескольких случаях выступает *ё* аналогического происхождения: *гнёзда*, *звёзды* (при *звезды*), *приобрёл*, *позёвывать*, *зёв*, *запечатлён*, *преодолён*. Слова эти уподобились отношениям — *весло* : *вёсла*, *село* : *сёла*, *метло* : *мётлы*, *ветло* : *вётлы*, *брело* : *брёл*, *плело* : *плёл*, *плева́ть* : *попле́вывать*, *клева́ть* : *покле́вывать*, *клева́ть* : *клёв*, *приведена́* : *приведён*, *употреблена́* : *употреблён*.

7. В формах «запрёг»¹ (пишется *запряг*) и «трёс» (пишется *тряс*) *ё* на месте *я* обязано влиянию отношений — «нёс : несла́, вёз : везла́». Ср. произношение «запрёг^вгла́, трёс^висла́», параллельное «н^висла́, в^визла́»². Под влиянием «запрёг» является и «запречь» (пишется *запрячь*)³. В переносном значении, напр., «потряс слушателей», произношение *я* сохраняется.

8. Под влиянием *дёрнуть* (*ер* — перед твёрдым зубным согласным) явилось нефонетическое *дёргать*. Новое литературное *подчёркивать* (ср. параллельное *подчеркивать*) могло возникнуть по аналогии с *отдёргивать* и *под*.

9. В литературном произношении г. Москвы в зависимости от места ударения чередуются *о* : *а* : *ъ* — *во́ды* : *вада́* : *вѣд^ваной*; *ко́льс* : *кало́с^вй^в* : *кѣласо́к* (*во́ды* : *вода* : *водяной*; *колос* : *колосья* : *колосок*). В том же положении, в котором *о* переходит в *ъ*, переходит в *ъ* и *а*, т. е. имеем: *пѣрахо́т*, *зѣмарáт^в* — *пароход*, *замарáть* и *под*.

Под влиянием этого чередования распространено в литературном языке южнорусское произношение в глаголе «плот^виш, плот^вит» и в производных от него «уплочинъ» и *под*. (пишется *платишь*, *платит*, *уплачено*)⁴.

10. После слова, оканчивающегося на согласный, и следующего слова, если оно тесно связано с предыдущим, изменяется в *ы*: «с Иваном» звучит «сыванъм», «с икрой» — «сыкрой», «брат и сестра» — «братыс^вистра». Ср. и аббревиатуры: *Госиздат* произносится «госыздат», *горизбирком* — «горыз^вбирком». После гласных и мягких согласных и сохраняется; ср. произношение «ты и я», «ночь и день» и *под*. Наблюдение Д. Н. Ушакова («Русская речь», III, 24): «Среди немосквичей часто можно встретить таких,

¹ Иногда произносят «запряг» и *под*. См. рифму «напряг» — «овраг» у Некрасова («Про холопа примерного — Якова верного» в «Кому на Руси жить хорошо»).

² Но *лягу* : *лечь*, *сяду* : *сесть* — наследие древнейшего периода славянских языков.

³ Ср., напр., у Пушкина («Зимнее утро») рифму: «Трещит затопленная печь» и «Кобылку бурую запречь».

⁴ Ср. у А. Майкова: «Но нет! Я не сужу. Кто беспорочен? В падении, быть может, сокровен Глубокий смысл, и, может быть, заплачен Им странный долг...» и *под*.

которые произносятся в указанных случаях вообще **ы**, но после **г**, **к**, **х** произносятся и: «изызыбы», но: «человек идёт» — целиком соответствует фактам распространённого на Украине русского произношения.

3. ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ.

1. Конечные звонкие согласные, если не стоят перед другим словом, начинающимся со звонкого же согласного, переходят в глухие: *боб* изменяется в «боп», *род* — в «рот», *рог* — в «рок». Интересные данные о рифмах у поэтов, главным образом южного происхождения, с произношением конечного **г** как **х** см. у Чернышёва («Законы и правила...», стр. 39—40).

2. Глухие согласные в положении перед звонкими изменяются в звонкие, а звонкие перед глухими — в глухие: *просьба* звучит «проз^ббъ», *молотба* — «мълад^бба», *книжка* — «кн^бишкъ», *бабка* — «бапкъ». Последняя ассимиляция отсутствует в литературном украинском. На конце слова перед следующим звонким в русском возникают даже аффрикаты **дз**, **дж**: «ат^бэдз был, дод^бж была» (*отец был, дочь была*).

3. **С** и **з** ассимилируются последующим шипящим: *сшить* — «ш^быт^б», с шипением — «ш^бып^бэн^бий^бьм», *сшиб* — «ш^бып», с жадностью — «жадн^бьс^бт^бйу», с жиру — «ж^быру».

4. **К** и **г** изменяются в **х** перед **к** и **т**: *к кусту* произносится иногда «х кусту», *к коню* — «х кан^бу», *мягкий* — «м^бахк^бй», *ногти* — «нох^бт^би», *когти* — «кох^бт^би» (откуда в контаминации с «ноготь», «коготь», — но^бх^бт^б, ко^бх^бт^б), *дёготь* — «д^бо^бх^бт^б» (ср. «д^бо^бх^бт^б»). При «нох^бт^би» существует, однако, в Москве и произношение «нок^бти» (Ушаков, указ. соч., стр. 25). Точно так же *кто* употребительнее, чем «хто», орфоэпичность которого не всеми признаётся. Параллельно — у некоторых **г** изменяется в **н** (звук, близкий к украинскому **г**) перед **д**: *когда*, *тогда* произносятся «ка^бнда», «та^бнда» (наряду с «кагда», «тагда»).

5. Сонорные **р**, **л**, **н**, **м**, а также **й** и **в** не ассимилируют себе по звонкости предшествующих глухих согласных, так же как подобного ассимилирующего воздействия не производят гласные; ср. *отбор*, *отдых*, произносящиеся как «адбор, одых», но рядом: «атарват^б, атрыф, атлог^бй, атмыкат^б, ат^бн^бос, атвор, ат^бйэхат^б» (*оторвать, отрыв, отлогий, отмыкать, отнёс, отвор, отъехать*).

Любопытно, что это как раз те звуки, которые не имеют пар, звонкого и глухого, вроде, напр., **б** : **п**, **г** : **к** и под.; **в**, правда, имеет соответственный глухой **ф**, но он перед гласными встречается только в словах, заимствованных из иностранных языков. Как показывают данные русских диалектов, а также факты украинского и белорусского языков, в прошлом он произносился как губогубной (билабиальный) звук и пары себе вовсе не имел.

6. Ч переходит в ш перед н: конечно звучит «кан^вэшнъ», *кузнечный* в произношении г. Москвы — «куз^вн^вэшный» и под.

В словах книжного происхождения и немногих общенародных ч, однако, удерживается: *научный, точный, приличный, вторичный, публичный, речной, ночной, мучной* и под.¹

7. Согласные, которые могут в литературном языке быть мягкими перед мягкими согласными, обыкновенно произносятся мягко. Д. Н. Ушаков (указ. соч., стр. 25) считает орфоэпическими формами, напр.: «бан^вщик, д^вверь, ден^вщик, деф^вки, естес^втвенно, з^вверь, кор^вмить, кор^вни, лаф^вки, нын^вче, пер^ввенец, раз^вбить, с^втих» и др. Однако, далеко не все приведённые им примеры могут считаться общелитературнорусскими. А. М. Пешковский, напр., затруднялся, какому произношению отдать предпочтение: «армия» или «ар^вмия», «вместе» или «в^вместе», «общественный» или «общес^втвенный»². Повидимому, не у всех предшествующие согласные подвергаются влиянию мягких губных: «дверь, общественный, естественный». Диалектным надо считать — когда под влиянием последующих мягких согласных смягчаются губные: «деф^вки, лаф^вки» и под.

По наблюдениям В. И. Чернышёва («Законы и правила русского произношения», стр. 46) губные смягчаются перед мягкими губными же или к, г, х, но не имеют полной мягкости перед мягкими сонорными и т, д, з, с; мало способны к смягчению к, г, х. Некоторые в качестве общего правила признают мягкость зубного перед мягким зубным же.

В целом надо, однако, отметить, что сфера смягчения согласных перед мягкими (передними) гласными, вероятно — под влиянием графики, всё более сужается.

8. Д и т в сочетаниях зд, ст выпадают перед н: *праздник* произносится — «праз^вн^вик, *лестный* произносится «л^вэсный» и под.

Точно так же имеем выпадения в группах в три зубных согласных: *счастливый, сердце, солнце* произносятся «ш^вис^вл^вивый, с^вэрць, сонць» (ср. *счастье, сердечный, солнечный*, где т, д, л произносятся); ср. ещё иностранное «ланшафт» (*ландшафт*).

9. Другие чередования согласных, наблюдаемые в русском языке, относятся по преимуществу к более ранним эпохам жизни языка. Часть из них обща и другим славянским языкам или только восточнославянским.

¹ Для колебания в самой Москве характерно расхождение между произношением «облачный» и «облашный». Пушкинские е, напр., рифмы указывают на то, что он допускал произношение *скушно* и *сучно*, *конешно* и *конечно* и под. Нельзя и для нашего времени считать запрещёнными рифмы с установкой на произношение чн, вроде, напр., «Трубили горнисты *беспечно*, И лошади строились в ряд, И мне полюбился, *конечно*, С барсучьим султаном солдат» (Багрицк.).

² Сборник статей, 1925, стр. 172.

Ограничимся их перечнем и самыми короткими замечаниями.

- к : ч** — *наук/а : уч/ить ; волк : волч/ий ;*
ц : ч — *заяц : заяч/ий ; отец : отеч/ество ;*
к : ч : ц — *лик : лич/ный : лиц/о ;*
г : ж — *лог/овище : лож/е ; лг/ать : ложь ;*
г : ж : з — *друг : друж/ба : друзь/я ;*
х : ш — *ух/о : уш/и ; дух/ота : душ/ный ;*
с : х — *тряс/у : трях/нуть ;*
с : ш — *пис/ать : пиш/у ; чес/ать : чеш/у ;*
з : ж — *рассказ : рассказ/у ; воз/ить : возж/у ;*
д : ж — *буд/ить : буж/у ; вод/ить : вожж/у .*

Примечание. Если наряду со словами, имеющими подобные **д** и **ж**, встречается ещё родственное слово, имеющее **жд**, то последнее обычно является не русским, а заимствованным из старославянского; ср. *о/перед/ить* — *о/переж/ать*; *прежд/е* — *преду/прежд/ать*; *суд/ить* — *о/сужд/ать*; *са/ж/ать* — *на/сажд/ать*; *у/год/ить* — *у/гожж/у* — *у/гожд/ать*.

т : ч — *свет : свеч/а ; плат/ить : плач/у .*

Примечание. Если наряду со словами, имеющими подобные **т** и **ч**, выступает ещё родственное слово со **щ**, то оно является заимствованным из старославянского; ср. *ворст/ить*, *по/ворач/ивать* — *из/вращ/ать*, *воз/вращ/ать*.

Слова с **жд**, **щ** относятся обычно к кругу более книжных, отвлечённых понятий, чем родственные с **ж**, **ч**; ср.: *рожж/ать* — *рожд/ать*; *сажж/ать* — *на/сажд/ать*; *вороч/у* — *воз/вращж/у*.

кт, гт : ч — *пек/у : печь (из *пек/ть) ; мог/у : мочь (из *мог/ть) .*

ст : щ — *прост/ить : прощж/у ; у/гост/ить : угощж/у .*

ск : щ — *пуск/ать : пущж/у ; треск : трещж/ать .*

б, п, м, в, ф : бл, пл, мл, вл, фл (с л мягким) —

люб/ить : любл/ю ; сп/ать : спл/ю ; лом/ить : ломл/ю ; лов/ить : ловл/ю ; граф/ить : графл/ю .

Многие из указанных изменений произошли по причине того, что за звуками **к, г, д, т** и др. был раньше, а отчасти сохранился и теперь, один из палатальных гласных **и, е, ь¹** или согласный **й**. При этом надо заметить, однако, что для каждого изменения были свои, особые условия, которых, ввиду их сложности, мы здесь не описываем. Ограничимся только единичными примерами: *Свет-и-шь*. I лицо ед. ч. было «свет-и-у», перешедшее в «свет-й-у», а **тй** перешло в **ч**. *Буд-и-шь*. I лицо ед. ч. звучало «буд-и-у», затем «будйу»; **дй** дало **ж**. *Люб-и-шь*. I лицо ед. ч. в древности — «люб-и-у»², откуда «любйу», а из **бй** — **бл** (с мягким л). Подробнее во II томе.

¹ Теперь **ь** — только знак мягкости предшествующего согласного, а раньше он обозначал особый отдельный гласный звук.

² В интересах простоты обозначаем флексию как **у**. В древнейшую эпоху здесь был особый гласный носовой звук.

Полезно заметить некоторые выпадения согласных:

в выпало после б — *волок/у : об/олоч/ка*.

д, т выпадали перед л — *вед/у : вѣ/л* (из *вед/л), *плет/у : плѣ/л* (из *плет/л).

Возможны ещё случаи выпадения перед н согласных г, к, д, т, б, п: *трог/ать : тро/нуть*; *треск : трес/нуть*; *кид/ать : ки/нуть*; *блист/ать : блес/нуть*; *сгиб/ать : сог/нуть*; *у/топ/ать : у/то/нуть*.

Благодаря действию ассоциаций по смыслу соответственный звук иногда сохраняется, напр.: «топ/нуть» — под влиянием «топ/ать», «об/волакивать» — под влиянием «волочить» и под.

4. ДЕЛЕНИЕ НА СЛОГИ (СЛОГОРАЗДЕЛ).

Старое правило переноса из строки в строку, при наличии двух согласных между гласными, только одного из них создавало впечатление, будто русскому языку свойственно подобное слогоразделение: *прав-да, свеч-ка, проб-ка, реч-ной* и под.¹ На самом деле, как легко убедиться на опыте с детьми или людьми, которым ещё не внушено подобного правила, слогораздел в русском языке обыкновенно приходится после гласного, и противоположные случаи следует рассматривать скорее как отступления, т. е. нормальное распадение на слоги: *пра-вда, све-чка, про-бка, ре-чной*.

Уже М. В. Ломоносовым («Российская грамматика», 1755, § 102) было сделано очень интересное наблюдение, забытое впоследствии, что «началом слога» (по его терминологии — «склада») «причитаются те согласные буквы к последующей самогласной, с которых есть начинающееся какое-нибудь речение в российском языке, тем же порядком согласных; например: *у-жа-сный, чу-дный, дря-хлый, то-пчу*: ибо от согласных *сн, дн, хл, пч* начинаются речения: *снег, дно, хлеб, пчела*».

А. А. Потебня («Записки Академии наук», том 33, прил., стр. 820—824) устанавливает, по своим наблюдениям, для русского и украинского языков такие правила деления слов на слоги: к следующему слогу относится шумный согласный со следующим л, р, известные сочетания, как *ск, ст, зд* и под., со следующими л, р или без них, может быть также согласный (кроме м, р) со следующим в; к предшествующему слогу — р, л перед другим согласным, далее согласный, за которым в старину следовал ъ или ь суффикса (т. е. *шап-ка, дум-ка, шед-ший*). Мои наблюдения над детьми не позволяют мне признать выводы Потебни полностью имеющими общее значение: в большинстве случаев у детей дошкольного возраста, производивших разбивку, я констатировал: *ко-шка, тря-пка, мя-тный, пу-сты-ня, ме-дный, гра-жда-нин*,

¹ Написания для упрощения набора берём орфографические.

пе-сня, чи-стить и под. К предшествующему слогу отходили обыкновенно только **р**: *гор-ка, вер-ный, кор-ка, пер-цу*; **л**: *и-гол-ка, шёл-ку, пал-ка, пол-ный*; **й**: *ко-пей-ка, бой-ко, кой-ка*; **м, н**: *рюм-ка, зим-ний, тём-ный, кон-дуктор* (при *ко-нду-ктор*), т. е. сплошь сонорные. Из шумных относились к предшествующему слогу иногда мягкие: *прось-ба, Вась-ка*, но, повидимому, известную роль при такой разбивке играли упоминаемые и Потемнею «психологические» моменты (привычное «Вася» и под.)¹.

5. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ УДАРЕНИИ.

В настоящее время образцовым для носителей литературного русского языка в области ударения является произношение уроженцев города Москвы. Старославянские элементы вошли в русский язык, разумеется, с ударением, зачастую отличным от живого русского, и только частично ассимилировались типичным для русского языка явлениям. Так, напр., исконные русские *ворóтишь, горóдишь* указывают на ударение 2 лица ед. ч. и далее на слоге перед приметой класса, но старославянизмы *возвратíшь, наградíшь* мы произносим с ударением на и. Старославянское влияние, при его значительности в литературном языке, должно было оставить немалый след и в ударении, и, говоря о последнем, приходится серьёзно считаться, что в живой ткани русских особенностей окажутся нити языка близко родственного, но тем не менее чужого. Особенно, конечно, этого следует ожидать по отношению к языку старых писателей.

Иностранные слова (заимствования в широком смысле слова) — часть лексики, допускающая наибольшие колебания. В общем в их ударении отражается стремление сохранить особенности, которые принадлежат слову на его родной почве; но тот факт, что заимствование слов происходит нередко не прямым путём, а через языки-посредники, зачастую по два и даже по три раза, что и после люди, знающие иностранные языки, иногда невольно, а иногда сознательно, меняют установившееся ударение на ударение языка-источника, приводит к более или менее значительным колебаниям. Это во-первых. Во-вторых, при перенимании чужих слов почти всегда с известной силой проявляется стремление так или иначе ассимилировать элементы чужие привычному, что создаёт столкновение или колебание между ударением первоисточ-

¹ Э. Бернекер категорически утверждает: «... Граница слога никогда в русском не приходится между согласными, а всегда лежит после гласного: согласный всегда принадлежит следующему слогу» (Russische Grammatik. 1906, изд. 2, стр. 37); но это утверждение нельзя принять безоговорочно.

О слогоразделе см. также в учебнике Аванесова и Сидорова, стр. 17—19.

Очень подробную другую характеристику слогораздела даёт Р. Кошутич в своей на сербском языке написанной книге — «Грамматика руског језика». Гласови, 2 изд., Петроград, 1919, стр. 173 и далее.

ника и новой для него почвы. И в-третьих, значительная часть книжных заимствований, с которыми знакомятся читая, а не слушая, подвержена вообще в отношении ударения случайностям такого рода восприятия.

Вот несколько иллюстраций к сказанному:

При распространённом ударении *магазiн* иногда употребляется и устарелое ударение *мага́зин*. Если первое соответствует ударению французского и немецкого источника, то второе следует, повидимому, отнести к влиянию польского посредства — *magázyn*. Старое ударение слова *музыка* в русском падало на второй слог. Писатели XVIII и начала XIX века произносили именно так и следовали в этом отношении ударению, установившемуся уже в конце XVI — начале XVII века («мусiка» в «Лексиконе вокабулам новым» времени Петра I) и отражающему, повидимому, французское и немецкое влияние. Пушкин, вообще употреблявший только *музы́ка* (ср., напр., «Моцарт и Сальери», где это слово с таким ударением повторено несколько раз), около 1830 года переходит на новое для него *му́зыка* с ударением лат. и итал. *música*, пол. *múzyka* (в польском группа слов на *-yka* отступает от общего правила о предконечном ударении).

Заимствованное из английского *репортёр* (*repórter*) «сотрудник, доставляющий в газету местные новости» в настоящее время, под влиянием многочисленных у нас заимствований из французского (*режиссёр*, *антрепренёр* и под.), произносится обычно с конечным ударением — *репортёр*.

Французское ударение *паспóрт*, несколько десятилетий назад допускаясь в литературном языке, уступило место ударению *пáспорт*, отражающему, вероятно, польское влияние (ср. и произношение «пашпорт» — пол. *paszport*). Утверждение Я. К. Грота: «Пáспорт (фр. *passe-port*), — так это слово обыкновенно пишется, но произносится *пáшпорт* (польск. *paszport*)», надо признать, однако, даже для его времени, слишком категорическим. Бодуэн-де-Куртенэ, напр., в словаре Даля в первую очередь ставил *паспóрт*. Ср. и у Некрасова: «Надышавшись классической пылью В Петербурге, *паспóрт* мы берём И чихать уезжаем в Севилью». Польскому же влиянию мы обязаны, вероятно, ударением *доку́мент* при образцовом *докумéнт* (лат. *documentum*); ср. народное *инстру́мент* при литературном *инструмéнт* (лат. *instrumentum*). Следует, впрочем, заметить, что и влияние польского языка само по себе заключало уже условия для колебания: именительный падеж *dokúment*, но родительный *dokuméntu* и под.

Грецизмы поступали в русский язык обычно в латинской оболочке; поэтому у нас обычны ударения *демократи́я*, *эпиде́мия* и под. У людей, владеющих иностранными языками, мы чаще встречаем, однако, ударения *демократи́я*, *эпидеми́я* и под., отчасти восходящие к прямым греческим образцам, отчасти отражающие французское и немецкое произношение учёных кругов.

Не приходится и говорить о том, что в ряде случаев ударение заимствованного слова отражает принадлежность говорящего к определённой среде и типичные именно для неё влияния; ср. ударения лиц, прошедших духовную школу, — *педа́гог, кафед́ра* (обычные литературные — *педаго́г, кафед́ра*)¹, ударения моряков: *компа́с, рапо́рт* и под. Было бы ошибкой, однако, думать, что колебание ударения — особенность только заносных слов и что в словах издавна русских мы найдём в литературном языке вопрос вполне унормированным. Дело в том, что ударение, ввиду того, что оно в книге обыкновенно не обозначается, что ему очень мало внимания уделяли школьные грамматики, а в связи с этим — и школа вообще, было в практике устной литературной речи более предоставлено и живым тенденциям ассоциативного порядка (выравниваниям в пределах этимологических групп и под.), и влиянию диалектов. Особенно последние заявили свои права со времени Великой Социалистической революции. Ясно, напр., что такая пёстрая система ударения, какую мы имеем в результате действия давних фонетических причин в русском глаголе, не могла не подвергнуться сильному действию грамматической аналогии — разным «выравниваниям»; тенденция говорить *взя́ла* вм. *взяла́*, *жра́ла* вм. *жрала́*, *зва́ла* вм. *звала́*, *упе́рся* вм. *уперся́*, *взя́лся* вм. *взялся́* и многое другое — могла зависеть не только от того, что так уже говорили в диалектном окружении, но и от того, что к этому всё время вели многочисленные влиятельные формы самой системы; ср. *взял, взя́ли, жрал, жра́ли, ... упе́р*.

Параллелизм *уперся́* — *упёрся*, *взялся́* — *взялся* и под. даже узаконился.

Велика, однако, была и значительной остаётся и поныне в русском литературном языке роль ударений, господствующих в определённой диалектной среде.

Севернорусское и южнорусское наречия имеют заметные различия в ударении. Так, в первом господствуют формы вроде *вары́шь, солы́шь; спитё, говоритё; отдал, про́лил; на́ землю, на́ берег; зёмлю, зиму* и др.; во втором — *ва́ришь, со́лишь; спи́те, говори́те; отда́л, проли́л; на зёмлю, на бе́рег; землю́, зиму́* и т. д.

Ударение литературное в целом ближе к северному (более архаичному), и северные влияния поддерживались в дореволюционный период, кроме всего прочего, географическим положением г. Москвы. Но южные влияния имели за себя в ряде черт ббльшую выравненность, и это открывало им зачастую дорогу в литературный язык, куда труднее проникали некоторые иные особенности специфически-южнорусской фонетики и морфологии, встречавшие, как уже упоминалось, кроме того, и большое противодействие школы.

¹ Приблизительно до середины XIX века ударение *кафед́ра* было распространено и у писателей-дворян; его употребляли, напр., Лермонтов, А. Майков и др.

Сфера заметного проявления в книжной речи литературных ударений — стихотворный язык. Это источник, допускающий наиболее объективный контроль того, в какой мере литературное ударение едино и до какой степени возможны в нём диалектные отклонения. В целом относящийся сюда материал, хотя бы в объёме собранного В. И. Чернышёвым («Русское ударение»; о диалектных особенностях — стр. 56 — 65), свидетельствует, что отклонения от обычного у писателей с литературной основой речи хотя и нередки, но в большинстве случаев не представляют чересчур резко бросающихся в глаза особенностей. Диалектизмы поэтов проходят исключительно по линии живых колебаний, в основе которых лежат выразительные влияния грамматической аналогии и зачастую прогрессивные тенденции. Вот почему так распространены считающиеся диалектизмами ударения существительных без переноса на предлоги — *на бѣрег* и под. (ср. Чернышёв, § 31), ударения глаголов в прошедшем времени без переноса на префикс — *назвѣл, разлил* и под., колебания в ударении глаголов типа *кру́жится* — *кружѣтся* (ср. *кружѣсь* — *кружѣться*) и под. По этой же, прежде всего, причине «диалектизмы» многих поэтов-южан оказываются, напр., в языке поэтов — уроженцев севера. Правда, Чернышёв (§ 34) склонен думать, что «если эти поэты употребляют ударения, которых нет в тех говорах, среди которых они родились и росли, то, очевидно, они взяли такие ударения из литературного языка: или из живого говора образованного общества, испытывающего влияние и северных, и южных русских наречий, или же непосредственно — из языка поэтов-великоруссов»; но в этом утверждении, при всей его справедливости, недооценивается роль выравниваний в пределах самих грамматических групп, с которыми прежде всего приходится считаться там, где влияния школы не выступали резко. Диалектизмы иного рода (ударения узкой сферы аналогических влияний, напр., в отдельных словах) — явление крайне редкое, почти столь же редкое, как диалектизмы лексические; их мы видим по преимуществу, напр., у Кольцова (*сѣржуся, не сѣрдись, прикуѣт*), у Никитина (*в кувшинѣ, кафтанѣ, вин. пад. свѣчу*), Л. Н. Трефолева («Зелёной стеной Он, *нахмурѣвшись, стоял предо мной*»), и под.

Особых замечаний требует один широко распространённый предрассудок. Многие думают, будто поэты по требованиям ритма разрешают себе вольное обращение с ударением, доходящее иногда до искажений. На самом деле ни один культурный поэт никогда себе не позволял и не позволяет колебаний больших, чем те, которые реально существуют в литературном употреблении его времени. Наталкиваясь у поэтов на непривычные для нас ударения, мы забываем о том, что ударения эти могут быть традиционными, перенятыми из языка учителей данных писателей, т. е. восходящими к эпохе, с которой у нас уже нет живой связи, и что сохраняющееся теперь как диалектизмы раньше могло ещё бороться за своё существование в литературном языке.

Не поэтической вольностью Пушкина является, напр., упомянутое выше *музыка*, хотя некоторые его современники (напр., И. А. Крылов) уже раньше его усвоили себе более новое *музыка*. Не нарочито выдуманно К. Ф. Рылеевым такое странное для нас теперь ударение, как *битва́* («Почто, почто в *битвѣ́* кровавой, Летая гордо на коне, Не встретил смерти под Полтавой?» — «Войнаровский»); ударение *битва́* образцовым могло считаться в годы учения Рылеева, напр., потому хотя бы, что его рекомендовала «Российская грамматика, сочинённая Российской Академией» (изд. 3, 1819). Ср. и у Н. И. Гнедича: «Скажи ж, умел ли я, как муж, стоять в *битвѣ́*?» («К другу», 1819). С удивлением мы слышим ударение *девóчка* в арии Томского в «Пиковой даме», но это — попавшие в либретто стихи Г. Р. Державина¹, который так это слово, до сих пор живущее с этим ударением на севере и встречающееся в таком виде у Некрасова, действительно произносил, и под.

Чем ближе к нашему времени, тем всё реже попадают нам подобные отклонения, и это является лучшим доказательством того, что дело здесь не в произволе того или другого поэта, а во влияниях языковой среды, нам теперь чуждой.

Совсем иное дело — колебания ударений в языке современников, а иногда даже у того самого поэта, и притом на протяжении нескольких строк того самого стихотворения. Колебание такое — не редкость; ср., напр.: «*Прíдут* с песнью на устах Наши дети, — А не дети, так *Придúт* с песнью внуки» (Фет). «А дружок мой милый *Далекó, далёко*» (А. К. Толстой). Или у Пушкина («Борис Годунов»): «Ты тихо ждёшь, да *прóйдет* заблужденье: Оно *прóйдёт*, и солнце правды вечной Всех озарит». «Шлейф, забрызганный *звездáми*» и «Вся окутана *звёздами* вьюг» (А. Блок). «Поволжскому сердцу ветер над *мóстом* Дул многовёрстным гудком» и «Над *мостóм* же полотняный голубь Ширь клевал у неба на краю. Над *мостóм* же часовой весёлый Пел про злую молодость свою» (Н. Тихонов). Но колебание это совершается, как мы уже заметили, всегда в пределах существующих в живом литературном языке расхождений, таких именно, которые не кажутся носителям этого языка странными, необычными. Причём, конечно, приходится принимать во внимание для ряда слов и форм и то, что отдельные ударения могут продолжать культивироваться, выйдя из разговорной речи, как специально поэтические, с несколько архаизирующей окраской. Такого рода ударений немало, напр., у В. Брюсова, А. Блока и др.²

¹ «Я желал бы быть сучочком, Чтобы тысячам *девóчкам* На моих сидеть ветвах» («Шуточное желание»).

² В некотором количестве случаев, как известно, литературное употребление ударений до сих пор остаётся свободным. Подробно такие случаи, относящиеся к морфологическим категориям, характеризуются ниже. Здесь заметим только, что в большинстве случаев, где мы имеем допускаемые литературной нормой колебания (свободное употребление того или другого уда-

Для полноты стоит ещё отметить, что в речениях и поговорках, попавших в литературный язык из областных говоров, могут сохраняться диалектные ударения: «Не мытьём — так катаньем», «Не пи́ла — не ела», «Куда конь с копы́том, туда и рак с клешнёю», «Гу́ба не дура», «Вынь да поло́жь» и под.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

Для критического использования.

В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1936, изд. 5.

Его же. Фонетика русского языка в свете экспериментальных данных. Казань, 1930.

А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4, М., 1941.

С. И. Абакумов. Современный русский литературный язык. М., 1942.

Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского языка. М., 1945.

Ср. также курсы по общему языкознанию А. И. Томсона, Е. Поливанова, Д. Н. Ушакова, М. Н. Петерсона и др.

Л. В. Щерба. Русские гласные в качественном и количественном отношении. П., 1912.

В. И. Чернышёв. Законы и правила русского произношения. Изд. 3. П., 1915.

Д. Н. Ушаков. Русская орфоэпия и её задачи. — «Русская речь», III, М. — Л., 1928.

Л. В. Щерба. О нормах образцового русского произношения. — «Русский яз. в школе», 1936, № 5.

Л. В. Щерба. Спорные вопросы русской грамматики. — «Русский яз. в школе», 1939, № 1.

Серг. Бернштейн. Назревший вопрос. — «Русский яз. в школе», 1936, № 5.

Ф. Ф. Гельгардт. К вопросу об орфоэпической норме в русском литературном языке. — «Русск. яз. в школе», 1946, № 5—6.

Г. Винокур. Русское сценическое произношение, 1948.

А. Н. Гвоздев. О фонологических средствах русского языка, М.—Л. 1949.

Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. 1950.

А. И. Ельсин. Правила ударения в русском языке. Варш., 1890.

В. И. Чернышёв. Русское ударение. Пособие к его изучению и употреблению, П., 1912.

Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Том II. Киев. 1948.

рения), дело идёт о словах иностранного происхождения: рево́льве́р, диа́лбг, диа́гно́з и под. Заметна тенденция и такого рода колебания в конце концов ограничить (в этом отношении характерны, например, указания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова, 1949 года, сравнительно с тем, что имеем в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова, вышедшем с 1935 года, где значительно чаще дается по два возможных ударения: бло́кировать и бло́кирова́ть, э́кспорт и эксфо́рт и т.п.) В некоторых, относительно немногочисленных, случаях различие ударений в иностранных словах служит различению смысла: ха́ракте́рный — «отличительный; с резко выраженными особенностями»: ха́рактерный «упрямый, любящий делать по-своему»; ха́ос (древнегреч. мифол.) «беспорядочная стихия, существовавшая до появления земли»: ха́ос «беспорядок, неразбериха».

I. а) Образец литературного произношения.

Старый обширный, тянувшийся позади дома сад, выходящий за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглухший, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своём картинном запустении. Зелёными облаками и неправильными трепетолитными куполами лежали на небесном горизонте соединённые вершины разросшихся на свободе дерёв. Белый колоссальный ствол берёзы, лишённый верхушки, отломленной бурею или грозю, подымался из этой зелёной гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная, сверкающая колонна; косою остроконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или чёрная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины,

Примечания к записи. Буква ъ здесь обозначает редуцированный звук среднего ряда, среднего подъёма, нелабиализованный.

Мягкий знак в обычном своём значении поставлен над соответственными согласными. Напомним, что г следует читать как латинское g. Ч в русском языке всегда мягко, и потому здесь мягкость его не обозначается. Неударяемые гласные в положении не перед ударением следует читать, несколько их редуцируя. Разбивки фразы на фонетические группы здесь не даётся: слова даны отдельно в соответствии обычному правописанию. Формы вроде «вверх» записаны с твёрдым р. Безударное э передаётся в «икающем» произношении. Формы на -ся переданы в произношении -са (-сь).

Тот же текст обычным письмом.

Старый обширный, тянувшийся позади дома сад, выходящий за село и потом пропадавший в поле, заросший и заглухший, казалось, один освежал эту обширную деревню и один был вполне живописен в своём картинном запустении. Зелёными облаками и неправильными трепетолитными куполами лежали на небесном горизонте соединённые вершины разросшихся на свободе дерёв. Белый колоссальный ствол берёзы, лишённый верхушки, отломленной бурею или грозю, подымался из этой зелёной гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная, сверкающая колонна; косою остроконечный излом его, которым он оканчивался кверху вместо капители, темнел на снежной белизне его, как шапка или чёрная птица. Хмель, глушивший внизу кусты бузины,

рябины и лесного орешника и пробежавший потом по верхушке всего частокола, взбегал, наконец, вверх и обвивал до половины сломленную берёзу. Достигнув середины её, он оттуда свешивался вниз и начинал уже цеплять вершины других дерёв или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие, цепкие крючья, легко колеблемые воздухом.

(Н. В. Гоголь, «Мёртвые души»).

б) Список ударений, против которых особенно часто погрешают.

В литературном языке теперь приняты ударения:

Автóграф. Алфавít. Аляповáтый. Арбу́з. Аргумéнт. Арéст. Астронóм. Баловáть. Барáна (род. пад. ед. ч.), барáну и т. д. Безмéн. Безделу́шка. Библиотéка. Брáтья. Буржуазíя. Бюллетéнь. Валовóй. Вёрба. Взбáлмошный. Взбешён. Возбудítь. Вóлка (род. пад. ед. ч.), вóлку и т. д., вóлки, но волкóв, волкáм и т. д. Востóрженный. Вы́боры. Выsóко и высокó. Гектáр. Гра́бли. Гусе-ница. Давнíшний. Дéбет. Дефíс. Диспансёр. Дневнíк. Добы́ча (но «добыча угля» может произноситься с областным ударением — добы́ча). Договóр. Договорённость. Дóллар. Доскá. Ды́биться. Жём-чуг. Жёрнов. Едíнство. Еретíк. Заголо́вок. Заём. Зайндеветь (инде-веть). Заку́порить (раску́порить). Заржáветь (ржáветь). Засучíть (рукава). Защитíть. Звонíшь, звонíт и т. д. Злóба. Изобретéние. Каучу́к. Квартáл. Кéта. Килó. Киломéтр. Кинематографiя. Киржá. Кишкí (мн. ч.), кишёк и т. д. Кóдекс. Кожéвенный. Коклю́ш. Колóсс. Компромíсс. Конурá. Кóнюх. Коромы́сло. Краду́, крадёшь и т. д. (но кра́дучись). Крапíва. Красíвее, красíвейший. Кремéнь. Кубарем (но кубáрь, кубаря́ и т. д.). Кувшíна (род. пад. ед. ч.), кувшíну и т. д. Кúхонный. Лáптя (род. пад. ед. ч.), лáптю и т. д., но лаптéй, лаптjáм и т. д. Ломóть, ломтjá и т. д. Лубóчный. Лúпа (увеличительное стекло). Мáршал. Мéльком. Мéстничество. Мiлостивый. Мишéнь. Мозг (род. пад. ед. ч. мóзга и т. д.), но мозгí, мозгóв и т. д. Молодéжь. Мýлить. Намеревáться. Намéриваться. Намéрение. Нарóчно. Некролóг. Нéнависть. (Не)оперíвшийся. Нетопíрь. Нóгтя (род. пад. ед. ч.), нóгтю и т. д., но ногтéй, ногтjáми и т. д. Обезу́меть. Облегчíть. Оборвáнец. Обрáзчик. Обруч. Озор-ник. Озорничáть. Олéнь. Опрóметью. Опустошíть. Осведомить (но осведомíтель и под.). Отчáсти. Отщепéнец. Партёр. Пенькá. Плéсневеть. Плутáть. Побудíть. Повáренная (соль). Повернётся, повернётся и т. д. Подбочéниться. Подзаголо́вок. Пожáра (род. пад. ед. ч.), пожáру и т. д. Положíть, предложíть и т. д. Полюдскí. Прáздничный. Предвосхíтить. Приговóр. Приобретéние. Придáное. Приспособíть. Пришпíлить. Просрóчить. Процéнт. Про-ясниться (о погоде). Прояснíть (объяснить). Раку́шка. Раскошé-литься. Распоясáться. Ремéнь. Рехнúться. Рóзан. Сантимéтр. Сáпа. Свёкла. Сéльский. Сердíть (но ты сёрдишься, он сёрдится и т. д.). Скорлупá. Слúчай. Снáдобье. Соболезновáть. Соболезнование. Созы́в. Спорынья́. Срédства (мн. ч.). Стáтуя. Столjáр. Ступéнь. Судно

(корабль). Счастливый. Таможня. Творог. Террор. Тетива. Товарищество. Товарищеский. Топлёное (масло). Топливный. Туфля. Уведомить. Угля, углю и т. д. Улей. Урод. Фарфор. Фистула. Хлопок (растение). Ходатай, ходатайствовать, ходатайство. Хозяева. Центнер. Цыган. Чернослив. Черпать. Чистильщик. Чихать. Шакал. Широко. Шофёр (шофёр). Щавель, род. пад. ед. ч. щавеля. Язык.

в) Чтение е в иноязычных словах со смягчением и без смягчения согласного.

1. После губных без смягчения согласного произносятся, напр.: *без, бета, кафе, резюме.*

Со смягчением: *бетон, грифель, сфера, специалист, спектр, игумен, каломель, метрополия, механика.*

2. После г, к, х, обычно со смягчением: *герань, кефаль, керамика, херувим, трахея*, но часто с возможными вариантами без смягчения. Невозможно, однако, напр., «гэрой».

3. После д, т — без смягчения: *дефензива, дефиле, децернат, темп, астения, астероид, патер, тест, детектор, теннис, тенденция, гетероморфоз.*

Со смягчением: *демонстрация, идеал, идея, математика, демон, пьедестал, тема, авторитет, аптека.*

После з, с — без смягчения: *абсент, абсентеизм, сенсуализм.*

Со смягчением: *десерт, сельтерский, зельтерский, зебра.*

После н без смягчения: *фонетика, неоклассицизм, анестезия («анэстэзия»).*

Со смягчением: *нерв, нефть, абонемент, анекдот, анемичный.*

После р без смягчения: *абрек, каре, грейпфрут.*

Со смягчением: *революция, реклама, карета, тренироваться, премия, третиловать, препарат.*

После л смягчение последовательно: *делегат, дилемма, дилетант, лекция, трейлер.*

В ряде случаев возможны варианты: *демагог* (де- и дэ-), *десант* (де- и дэ-), *пневмония* (не- и нэ-), *мембрана* (ме- и мэ-), *буккер* (ке- и кэ-) и под.

Формы со смягчением вообще преобладают и являются более приемлемыми как замены произносимых без смягчения, нежели наоборот.

г) Разрешаемые в литературном произношении варианты произношения е : ё в отдельных словах.

Жёлчь, жёлчный : желчь, желчный (редко).

Шёрстка, короткошёрстный и под. : шерстка, короткошерстный и под. (реже).

Пёрышко : перышко (редко).

Зев : зёв (реже). Манёвр и маневр (реже).

Шедёр и шедевр.

Издевка и (простореч.) издёвка.

Сметка (редко) и счётка.

Рубеж : рубёж (реже); параллельно — производные: зарубеж-
ный : зарубежный и др.

Безнадежный : безнадёжный, но только надёжный.

Современный и (простореч.) современённый.

Соименный (устар.), но поимённый.

Местоименный : местоимённый.

Разноплеменный : разноплемённый.

Оседлый : осёдлый (реже).

Можжевеловый : можжевелёвый.

Решётчатый : решетчатый.

Учёба : учёба (реже).

Причастия: *приведший, привезший, привлекий, облекший, при-
легший, принесший : приведший, привёзший, привлёкий, прилёг-
ший, принёсший*¹.

II. Частота употребления в русском языке отдельных звуков.

Звучанием фонем, кроме целей практического порядка, писатели поль-
зуются, особенно в стихах, для создания того или другого художественного
эффекта. Последний, однако, осуществляется только на фоне общей типичной
для языка звуковой системы и относительной частоты в употреблении опре-
делённых звуков. Польский язык, напр., при его обилии шипящих в обычной
речи, позволяет создать впечатление шипения как художественного эффекта
только тогда, когда поэт сосредоточит в известном месте шипящие в исклю-
чительно большом числе, между тем для русского — достаточно для того же
самого лишь нескольких шипящих. Ср.: «И слышен был мне шум ручьёв,
Бегущих, бьющих по скалам» (Жуковский); «... Знакомым шумом шорох их
вершин Меня приветствовал» (Пушкин); «... Но вперяясь во мглу сиротливо,
Надышаться блаженством спеша, Отдалённого шума прилива Уж не может
не слышать душа» (Блок).

Для чёткого представления о нормальной для русского языка частоте
употребления отдельных звуков сравнительно с их употреблением в художе-
ственных целях сообщаем соответственные цифры, добытые исследователями
(В. А. Богородицким — «Общий курс русской грамматики», А. М. Пеш-
ковским и М. Н. Петерсоном — «Лекции по современному русскому
литературному языку», 1941)².

Процентное отношение гласных и согласных в литературном
русском языке Богородицкий определяет числами 40,4 : 59,6, т. е. прибли-
зительно как 2 : 3. Приблизительно те же числа получил и Пешковский, иссле-
довавший живую разговорную речь: гласные — 42,35, согласные — 53,53 +
й — 4,12.

Отношение ударяемых гласных к неударяемым, по Богоро-
дицкому, — 17,3 : 23,1 всех звуков, т. е. приблизительно 3 : 4, по Пешков-
скому — 15,65 : 27,70. Разница в цифрах, кроме частных переменных условий,
зависит между прочим от того, что Богородицкий в число ударяемых гласных

¹ Ср.: «Толк. словарь русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова и ста-
тьи акад. С. П. Обнорского: «Правильности и неправильности совре-
менного русского литературного языка», — Изв. Акад. наук СССР, Отдел.
литер. и яз., 1944, III, вып. 6, и «Переход е в о в современном русском языке», —
сборник «Акад. А. А. Шахматов», 1947.

² Об известной условности таких цифр и методологии работы над ними
ср. А. Пешковский. Сборник статей, 1925, статья «Десять тысяч звуков».

включает некоторые неполноударяемые, принимающие на себя только побочное ударение: союзы **а, но** и **под**. Петерсон (стр. 46) определяет процент ударяемых гласных в 36, неударяемых — в 64, т. е. отношение между теми и другими выступает, по его исчислениям, как 9 : 16.

Употребление согласных **звонких** (включая сюда **сонорные и й**) по отношению к **глухим** выражается цифрами 35,5 : 24,1, т. е. приблизительно 3 : 2 (Богородицкий). По Петерсону (стр. 46), из шумных 63% приходятся на глухие и 37% — на звонкие. Отношение взрывных, фрикативных и **аффрикат** Петерсон даёт в цифрах 53 : 44 : 3.

Отношение согласных **твёрдых и мягких** (**с й**) — 35,9 : 23,7 (Богородицкий), 37,06 : 20,59 (Пешковский).

Что касается процентного употребления согласных по месту образования, то цифры, даваемые исследователями, сильно расходятся:

Процент **губных** Богородицким определяется в 7,9, Пешковским — в 11,88; далее, по Богородицкому, **переднеязычных** — 33,8, по Пешковскому **нёбно-зубных** — 36,36; **заднеязычных** по Богородицкому — 7,5, по Пешковскому **задненёбных** — 4,82 и **средненёбных** (**г, к, х, перед э, и**) — 0,47, т. е. 5,29; употребление **среднеязычного й** Богородицкий исчисляет в 5,4 процента, Пешковский — в 4,12. Петерсон (стр. 47) исчисляет относительную употребительность согласных по органам произношения в виде: 25% — **губные**, 60% — **зубные**, 4% — **средненёбные**, 11% — **задненёбные**. Соотношение между **лабиализованными** и **нелабиализованными** гласными, по Петерсону, — 17 : 83.

Цифры употребительности **заднего, среднего и переднего рядов гласных** даёт только Пешковский — 18,56 : 10,37 : 13,42; **нижнего, среднего (ы и ъ), средневерхнего (э) и верхнего подъёма** — 10,79 : 15,56 : 4,67 : 11,33 — он же.

Сонорные согласные (с й) по отношению к **шумным**, согласно данным Пешковского, употребляются как 16,34 : 37,19; причём употребление **носовых** по отношению ко всем **чистым** звукам (гласным и согласным) он исчисляет в виде отношения 8,89 : 9,11 (ср. данные Богородицкого, очень к этому близкие: 8,2 всего звукового состава). Петерсон исчисляет отношение шумных согласных к сонорным, как 63 : 37. Из последних 20% приходится, по его подсчёту, на **носовые**, 17 — на **плавные**.

Процент **аффрикат** в системе звуков Пешковский определяет в 2,72.

Цифры употребительности отдельных звуков по Пешковскому:

и —5,32	у —3,92
э —3,43	о —3,85
э^и —4,67	а —10,79
ы —2,09	ъ —8,28
в —3,61	из них м'ягких 0,89
б —1,73	» » » 0,53
ф —0,93	» » » 0,09
п —2,89	» » » 0,53
д —2,95	» » » 1,36
з —1,52	» » » 0,37
т —7,59	» » » 2,02
с —4,56	» » » 1,53
ж —0,88	» » » 0,03 (долгое)
ш —2,25	» » » 0,86 (долгое)
ц —1,03	
ч —1,69	(только мягкий)
г —0,96	из них мягких 0,07
н —0,04	(мягким не бывает)
к —3,26	из них мягких 0,38
х —1,03	» » » 0,02
л —3,75	» » » 1,73
р —3,70	» » » 1,46
н —6,17	» » » 1,27
м —2,72	» » » 0,64
й —4,12	

По Петерсону (стр. 46), в круглых цифрах: а составляет 23% всех гласных, употребляемых в русском языке, ъ — 17, и — 12, о — 12, э — 11, у — 5, ь (палатальный редуцированный) — 4, ы — 3. Вычисление нуждается в уточнении, так как не указано, куда включено при подсчёте эи; почему-то к гласным отнесено й (4%).

По порядку употребительности, таким образом, звуки распределяются так:

а, ъ, т, н, и, э^и, с, й, у, о, л, р, в, э, к, д, п, м, ш, ы, б, ч, з, х, ц, г, ф, ж.

III. Важнейшие особенности вошедших в русский литературный язык южнославянизмов.

В качестве южнославянизмов (церковнославянизмов, старославянизмов), устанавливаемых по фонетическим приметам, должны быть отмечены такие:

1. Слова с рефлексами ра, ла, рѣ, лѣ, в случаях соответствия древнейшим славянским ор, ол, ер, ел между согласными и русскому полногласию (оро, ере, оло): град — русск. город (в родстве с литовск. gardas, нем. Garten); прах — русск. порох; глава — русск. голова (литовск. и латышск. galva); власть — русск. волость (в родстве с литовск. valdyti «владеть»); прѣдъ, пред — русск. перед; врьдъ, вред — русск. веред; плънъ, плен — русск. полон (в родстве с литовск. pelnas); влькж, влеку — русск. волоку и под.

2. Слова с рефлексами ра, ла, в соответствии древнейшим славянским начальным ор, ол с так называемой циркумфлексовой интонацией¹ перед согласным в начале слова и вост.-славянским ро, ло: раб, работа, расти, разум, разный, ладья; ср. русск. робость, сев.-русск. робота, рост, укр. розум, др.-русск. розный, совр. рознь, лодка (ср. с работа — нем. Arbeit, с лодка — литовск. aldija).

3. Слова с жд в соответствии древнейшей славянской группе дй (dj) и русскому ж: рождать (ср. родить) — русск. рождать; насаждать (ср. садить) — русск. сажать; невежда (ср. ведать) — русск. невежа.

4. Слова с щ в соответствии древнейшей славянской группе тй (tj) и русскому ч: возвращать (ср. возвратить) — русск. ворочать; просвещение, освещение (ср. светить) — русск. свеча.

5. Подавляющее большинство славянских слов с подударным е перед твёрдым согласным или на конце слова, в которых е, не восходящее к старому ѣ, произносится не как о со смягчением предшествующего согласного, а как э: небо (ср. русск. нѣбо в другом значении), хребет, лев, вертеп, бытие и под.

6. Слова с ер (из ѣр) между двумя согласными, из которых второй — твёрдый зубной, имеющие под ударением произношение е как э, а не о со смягчением предшествующего согласного: перст, дерзкий, серна.

¹ Устанавливается эта интонация на основании показаний, главным образом, языков сербо-хорватского и словенского.

7. Славянские слова с начальным ю.: юг, юный, юрбдивый.

8. Слова с твёрдым з из г после бывших перед ним в древнейший период славянских языков гласных переднего ряда: польза (ср. русск. лёгок и не-льзя), состязаться, непритязательный (ср. русск. тягаться), осязать (ср. русск. посягать).

9. Многие слова с переходом ъ в о, ь в е в открытых в прошлом слогах (в слогах, за которыми не следовали слоги с ъ, ь слабыми, впоследствии отпадавшими и выпадавшими), отражающие искусственное сохранение старых глухих (особенно в префиксах и суффиксах): вопить (ст.-сл. въпити), уповать (ст.-сл. упъвати, при «уповати», явившемся аналогически), собор (ср. ст.-сл. предлог съ), собирать, воплощать, восклицать, вознаграждать (ср. ст.-сл. префикс въз-), множество, художество (ср. ст.-сл. множество и под.).

10. Многие слова и формы с ы, и в соответствии древнейшим славянским ъ, ь перед ј (й): व्या, убийца, желание, явление, воин, достоин.

В области словообразования церковнославянское влияние, и прямое и косвенное (образование новых слов по южнославянским образцам), исключительно велико. Так, по крайней мере для большинства слов, южнославянский источник несомненен при суффиксах: **-тай** (ходатай, глашатай), **-тель** (утешитель, ревнитель, воспитатель), **-чий** (кормчий, зодчий), **-ен(е)ц** (молодец, пленец, первенец), **-стви(е)** (благоденствие, путешествие, бедствие), **-еств(о)** (количество, убожество), **-енств(о)** (главенство, верховенство), **-ани(е)**, **-ени(е)** (желание, состязание, соревнование, терпение, умение), **-изн(а)** (отчизна, укоризна), **-знь** (жизнь, приязнь), **-ын(я)** в абстрактном значении (милостыня, гордыня), **-тв(а)** (ловитва, жатва, битва), **-ейш(ий)**, **-айш(ий)** (добрейший, сильнейший, величайший).

Причастные образования на **-щий**, **-ший**, **-вший**, **-мый**.

Из префиксов надо, опять-таки для большинства случаев, церковнославянскими считать: **без-**: безмерный, бесстрастный, безвестный; **воз-**: воспитать, возрастить (ср. русск. «вырастить»); **вз-**: взрастить, взлкать; **из-**: испачкать (ср. «выпачкать»), изругать (ср. «выругать»), испепелить и под.; **низ-**: ниспадать, низвергать. Ср. и **пре-**, **пред-**, **чрез-**.

Меньше привилось даже в искусственном употреблении церковнославянизмов, относящихся к флексии. Таковы:

1. Отдельные звательные формы. Ср. оправданное стилизацией в «Сказке о рыбаке и рыбке» Пушкина: «...Приплыла к нему рыбка, спросила: «Чего тебе надобно, старче?». 2. Писавшийся и многими произносившийся род. п. ед. ч. женск. рода **ея**. 3. Уже в конце XVIII и в начале XIX века архаичный род. п. ед. ч. женск. рода прилагательных на **-ья**, **-ия**: из земныя неволи, на пажитях кровавыя войны. 4. Имен.-вин. падеж мн. ч. женск. и средн. рода на **-ья**, **-ия**: старья башни; дальня дороги — формы, так писавшиеся и изредка так произносившиеся до 1917 г. 5. Правописание

-аго, -яго, в род. п. ед. ч. муж. и среднего рода прилагательных.
6. Формы нечленных прилагательных и причастий в роли определений у писателей начала XIX века: «*Отчески пенаты, О пестуны мои!*» (Батюшк.). «*Отдай же мне протекши дни*» (Пушк.).
7. К церковнославянскому влиянию надо, вероятно, отнести и творительный пад. ед. ч. жен. рода на -ою, -ею: *своею рукою, чужою землёю* и под.

Синтаксическими церковнославянизмами являются:

1. Употребление *есть* и *суть* в роли связки.
2. Обороты, связанные с употреблением причастий.
3. Союзы *ибо, дабы* и др.

IV. а) Образец языка московских документов XIV века.

Отрывок из «Духовной» вел. кн. Семёна Ивановича Московского (1341—1353).

... а сю грамоту пи()ль есмь пере(д) своими о(т)ци, пере(д) влд(д)кою володимерьскимъ пере(д) олексъемъ пере(д) влдкою переяславскимъ офонасеемъ, пере(д) влдкою коломеньскимъ офонасьемъ. пере(д) архимандритомъ петромъ, пере(д) архимандритомъ пере(д) филимономъ. пере(д) своимъ оцем д()шевнымъ попомъ евсевьемъ, а все есмь се положилъ на б()зѣ и на своєи братьѣ на князи на иванѣ на князи на андрѣи. а по о()ца нашего бл()гв(е)нью что намъ приказа(л) жити за одинъ, такоже и язъ вамъ приказываю своєи братьи жити за одинъ, а лихихъ бы есте люд... и не слуша(л)и хто иметь васъ сваживати. слушали бы є... о()ца нашего влд()ки олексъя. такоже старыхъ бояръ хто хот...лъ о()цю нашему добра и намъ, а пишу вамъ се слово того дѣля что бы не перестала память родилии нашихъ и наша и свѣча бы не угасла, а хто сю грамоту иметь рушити судить ему б()ъ в семь вѣцѣ и в будущемъ.

(Церковнославянские буквы для упрощения набора заменены русскими. Титла заменены скобками. Знаки препинания оригинала сохранены. Многоточия обозначают стёршиеся и под. части текста).

Примечание. *Родилии* — описка (родителии).

б) Образец русского литературного языка второй половины XVII века.

Отрывок из «Жития» протопопа Аввакума (1621—1682), написанного около 1672—1673 г.

...Таже съ Нерчи рѣки паки назадъ возвратились къ Русѣ. Пять недѣль по льду голому ѣхали на нартахъ. Мнѣ подъ робять и подъ рухлядишко далъ двѣ клячи, а самъ и протопопица брели пѣшіе, убивающесе о ледъ. Страна варварская, иноземцы не мирные: отстать отъ лошадей не смѣемъ, а за лошадьми итти не поспѣемъ, голодные и томные люди. Протопопица бѣдная бредеть, да и повалится; сколько гораздо; в иную пору бредучи

повалилась, а иной томной же человекъ на нее набрелъ, тутъ же и повалился; оба кричатъ, а встать не могутъ. Мужикъ кричитъ: «Матушко государыня, прости!» А протопопица: «Что ты, батько, меня задавилъ?» Я пришелъ. На меня бѣдная пеняетъ, говоря: «Долго ли муки сея, протопопъ, будетъ?» И я говорю: «Марковна, до самыя смерти». Она, воздохня, отвѣщала: «Добро, Петрович: ино еще побредемъ».

(Перепечатывается по «Историко-литературной хрестоматии» Бродского, Мендельсона и Сидорова, ч. II, 1916, стр. 300. Ср. и текст, воспроизведѣнный в книге А. Бороздина «Протопоп Аввакум», 1900, Приложения, стр. 89. В нём характерно «Неръчи»).

в) Образецъ языка начала XVIII вѣка.

Письмо Петра I во Французскую академию наук 11 февраля 1721 г.

...Объявляем Королевской французской академии наук мило- стивое наше поздравление.

Нам не инако, как зело приятно быть могло, что вы нас членом в свою компанию избрали. Мы також не хотели оставить, не оказав вам за то сим нашего признания и не обнадежа вас, что мы с великим удовольствием то место, которое вы нам представляете, приемлем, и что мы ничего больше не желаем, как чрез прилежность, которую мы прилагать будем, науки в лучший цвет привести, себя яко достойного вашей компани члена показать. Мы повелели нашему первому лейб-медику Блюментросту вам от времени до времени сообщать о том, что в государствах и землях наших нового и рассуждения Академии достойного случится, и нам зело будет приятно, ежели вы с ним корреспонденцию содержать и от времени до времени оному взаимно сообщать будете, какие новые декуверты от Академии учинены будут.

(Перепечатано из «Введения в историю просвещения в России XVIII столетия» П. Пекарского, 1862, стр. 532—533. Орфография изменена).

Примечание. Декуверты — открытия (фр. découvertes).

V. а) Русские наречия¹.

За вычетом древнеболгарского (старославянского) влияния, наложившего свой отпечаток и на синтаксис, многое внесшего в лексику и, как увидим дальше, сыгравшего значительную роль в стиле русских писателей, основное принадлежит образовавшимся слиянием севернорусских и южнорусских говоров говорам среднерусским.

¹ В некоторых очерках русской диалектологии, вышедших даже после Великой Социалистической революции, говорится о «белорусском наречии» и «малорусском наречии» русского языка (в скобках — «украинский язык»). В нашем курсе речь идёт только о русских говорах.

Полоса последних проходит по областям: южной части Ленинградской, Калининской, Московской, крайней южной части Ивановской, южной части Горьковской, сев.-вост. части Рязанской, Мордовской АССР, сев.-вост. части Тамбовской области, крайней юго.-зап. части Куйбышевской и части Саратовской¹. Влиятельнейший их представитель в настоящее время — говор города М о с к в ы.

Среднерусские говоры по своему происхождению представляют потомков тех севернорусских говоров, которые развили в себе под влиянием южнорусских (курско-орловской «речи») их типическую особенность — так называемое а канье, т. е. в существенном — произношение неударяемого о как а: *водá*, — «вадá», *нога* — «нагá» и под., или в отдельных положениях — особые редуцированные оттенки, и утратили таким образом одну из наиболее выразительных черт северного наречия.

Это проникновение южнорусской диалектной стихии в качестве основы русского национального языка совершилось, как учит И. В. Сталин («Марксизм и вопросы языкознания», стр. 37), в процессе образования русской нации, т. е. хронологически — в эпоху поднимающегося капитализма (И. В. Сталин, Соч., т. 2, стр. 303).

Сопоставляя особенности севернорусские с южнорусскими, мы найдём в говоре Москвы только известное количество тех или других, причём во всём существенном факты московского говора окажутся вместе с тем и литературными или довольно к ним близкими.

Вот перечень важнейших особенностей севернорусского наречия:

1. О канье. Так условно называется сохранение различия между неударяемыми о и а, т. е. *водá*, *говорíть*, *полосá* не произносятся с а и редуцированными (качественно неопределёнными) звуковыми оттенками, а звучат в соответствии орфографическим написаниям.

В ряде говоров оканье в данном смысле существует только после твёрдых согласных.

2. Произношение г взрывного (латин. g), т. е. в латинской транскрипции: *погá*, *гогá*, *погú*.

3. Выпадение й между гласными и, как результат такого выпадения, стяжение гласных: *бываэт*, откуда — *быват* и *быват*; *знаэм*, откуда — *знам* и *знам*; *хозяэва*, *хозява* — *хозява*; *крозт* и *крот* — *крот*.

4. Формы род.-вин. ед. ч. *меня*, *тебя*, *себя*.

5. Окончание -т в 3 лице обоих чисел у глаголов: *несёт*, *хвалит*, *несут*, *хвалят* (хвáлют)².

¹ Точное обозначение границ среднерусских говоров даёт И. Фалёв в книге «Русская диалектология» (составили С. Ерёмин и И. Фалёв), 1928, стр. 30.

² Отсутствует эта особенность в части говоров б. Олонецкой губернии, где встречаются формы *несуть*, *ведуть*, но *несёт*, *ведёт*, и немногих других.

Типичны для севернорусского наречия, но не охватывают его целиком:

1. Переход **а** после мягких согласных (орфогр. **я**) в **э** (орфогр. **е**). Переход этот бывает ограничен дополнительными условиями: неударяемостью данного гласного, наличием последующих мягких согласных и под.: *в грезі, грезні, но грязь*; или *грезь, преник, но грязно*, и под.

2. Произношение старого звука **ѣ** (во всех случаях или в определённых условиях, напр., перед последующим мягким согласным) как **и** или как узкого **э** (**ê**): *мисто, лито, тинь, сить; мѣсто, лѣто* и под.

3. Произношение неударяемого **е** как **ё** (о с предшествующей мягкостью согласного): *будѣт, полѣ, сѣстра*. Такое произношение (ёканье) ограничено обыкновенно концом слова или положением перед твёрдыми согласными.

4. Различные виды совпадения **ч** и **ц**: или только в **ц**, или только в **ц'**, реже — в **ч** или в шепелеватом звуке, среднем между **ц'** и **ч**; иногда в виде мены звуков **ц** и **ч**, т. е. употребления их в ненадлежащих (с точки зрения свидетельств всех славянских языков) словах: *цас, цыстой, цяс; цѣрёпок, ц'истый, ц'ас*.

5. Изменение **дн** в **нн**: *мѣнной, бѣнной* (= литературным: *медный, бедный*).

6. Сохранение мягкости, параллельной украинской, в согласном перед суффиксом **-ск-** (ср. ст.-сл.-**ьск-**) и смягчение **с**: *деревеньськой, женьськой, руськой*, а также мягкость **с** и выпадение **т** в суффиксе **-ство** (ср. ст.-сл.-**ьство**): *отецесьво, царсьво, сиросьво*.

7. Произношение «что» как **чѣ** (*чо*), **щѣ** (*що*), **штѣ** и под.

8. Окончание сравнительной степени на **-яе** (**-ае**): *сильняе, добряе, громчае*. Шире распространено оно в восточно-севернорусских говорах.

9. Постпозитивный член **-от, -та, -то** (по происхождению примкнувшие к существительным формы *тѣ, — ср. тот, — та, то, те*), во многих случаях сохраняющий ещё следы былого склонения: *музик-от, музика-то, музику-ту, вода-та, воду-ту, люди-те*.

10. Творительный падеж мн. ч. на **-м**, совпадающий, таким образом, с дательным мн. ч.: *с сундукам, с рукам, с ногам*, или на **-мя, -ма, -мы** (**-мя** у местоимений — *имя, всемя*).

11. Родительный падеж ед. ч. муж. рода на **-во** у прилагательных: *доброво, синево*.

12. Архаизмы ударения, иногда обнаруживающие совпадение с украинским: *гоститѣ, спитѣ*.

13. Некоторые синтаксические особенности:

а) Употребление в роли сказуемых окаменелых форм причастий: *брат ушодчи* (= ушёл), *ищо не отошодши служба* (= не отошла), *он был проспавши*.

б) Именительный падеж имён женского рода в соответствии

винительному литературного языка при неопределённых глагольных формах (инфинитивах): *надо душа спасти, своя голова подставлять не хотню, трудно тебе у царь-девицы живая вода достать.*

в) Страдательные безличные обороты: *смолоду много бито-граблено; доучёнсь до того; уйдёно.*

Основные особенности южнорусского наречия следующие:

1. Аканье, т. е. совпадение неударяемых *о* и *а* в звуке *а* вообще или в редуцированных оттенках в зависимости от положения.

2. Иканье или яканье, т. е. переход неударяемых *э* (орфогр. *е*) и *а* (орфогр. *я*) с предшествующим мягким согласным или шипящим *в* и *и* или *а* с предшествующей мягкостью (орфогр. *я*). Переход бывает зачастую ограничен специальными условиями. «Несу» переходит в *нису* или *нясу*; «десять» — в *десить* или сохраняется как *десять*; *отрезать* произносится как *атризять* или *атрязять*.

3. Рефлексия (отражение) старославянского звука *ѣ* в виде *е* под ударением: *вера, бел, бедный, лекарь* (ср. др.-болгарск. *вѣра, бѣль, бѣднь* и под.).

4. Переход *г* (латин. *g*) в звук длительный, похожий на укр. *г*, но более по сравнению с ним передний (задненёбный, а не гор-танный).

5. Род.-вин. пад. *мине, тибе, сибе.*

6. Имен. мн. ч. *аны.*

7. Там, где 3 л. ед. и мн. ч. в глаголах оканчивается на *т*, оно мягко: *ходить, визеть* (или *визе*), *ходять, визуть* и под.

8. Под влиянием отношений в глаголах «нош^у : ношишь, кош^у : кошишь», звучащих *наш^у, каш^у : носиш, кошиш*, ряд глаголов, имевших раньше ударение «дар^ишь, вар^ишь, плат^ишь» и под., стал звучать *дарю : дорш, варю : ворш, плачу : плотиш* и под.

Типичны для южнорусского наречия, но не охватывают его в настоящее время целиком:

1. Смягчение *к* после мягких согласных: *Танькя, ачкё* (очко).

2. Сохранение *г* в род. пад. ед. ч. муж. и ср. рода прилагательных: *слипбга* (*сляпбга*), *тагб.*

3. Род. пад. женск. рода *её* (не *её*), *таё, самаё* и под.

В говоре Москвы мы найдём в настоящее время последовательно проведёнными отдельные северные и отдельные южные черты: к севернорусским относятся взрывное произношение *г*; *меня, тебя, себя*; окончание *-въ* (*-ва*) в род. падеже ед. числа прилагательных мужского и среднего рода; твёрдое *т* в 3 лице ед. и мн. чисел глаголов; южнорусское влияние обнаруживают *аканье* и *иканье* а также окончание *-ее* (*-ей*) в сравнительной степени¹.

¹ В XVIII веке у писателей ещё не редки севернорусские формы на *-яе*. Их пытаются ввести в определённые рамки (мнимо-эстетического порядка), но

Стоит отметить, что говор Москвы лишён как раз специфической черты, отличающей значительную часть среднерусских говоров от обоих основных наречий: он не знает перехода мягких *к* и *г* в *т^б* и *д^б*, широко распространённого в среднерусской полосе (т. е. в говоре Москвы, как и в литературном языке, — *кислый*, *гибнуть*, а не *тислый*, *дибнуть*).

Из типичных для говора Москвы особенностей, не имеющих широкого распространения в основных наречиях, надо упомянуть произношение *щ* как долгого мягкого *ш*: «щи» — *ш^и*, «ещё» — *иш^о*.

Параллельно долгое мягкое *ж* звучит в словах: «уезжать, приезжать» — *уиж^аат^б*, *прииж^аат^б*; «дождик» — *дож^иик* и под.

Являясь продуктом влияния ряда говоров, литературный язык при внимательном анализе обнаруживает следы отдельных диалектных влияний в форме тех или других слов, попавших в него из говоров, вообще говоря, не игравших заметной роли в его образовании: так, *щ* произносится как твёрдое *ш* в говоре Москвы в слове *Польша* (ср. укр. *Польща*, русск. *польский*). Литературное *цапля*, как показывают укр., белорусск. и южнорусск. «чапля», а также другие славянские языки, имеющие в этом слове звук *ч*, заимствовано из цокающих севернорусских говоров. *Тёща* с *ё* (о с предшествующей мягкостью согласного) попало в литературный язык из говоров с твёрдым долгим *ш*; *крыло* — из говоров с переходом *гриб* в *грыб*, *скрипеть* в *скрыпеть* (ср. ст.-сл. *крило*) и т. д.¹.

б) Образец севернорусского говора.

А вѣдомо, к слову да к рѣче топѣре, дидушко, ... — скаж-ко нам, почѣм ты эвто узнаѣш — колды какуюѣ будѣт лѣто? Лѣко, ты веснѣсь бачил нам: не краснѣ будѣт нонче лѣто. Ну так и есь. Лѣко, по сам Ильин день вѣдреча не бывало! Эко диво: а коля́ какая жарá стоит об эвту пору: так варѣм те и варѣт. А колды́ опеть баѣш по весна́м: краснѣ будѣт нонче лѣто. Так и бываѣт завсѣлда. Скаж-ко нам, — по чему ты эвто примечеѣш, дак и мы знать станѣм.

— Покма́ станѣш знать, скоро состаришша... Однак послушайтѣ, пожалуй: скажу я вам и про эвту примету. На штѣ веть старики, штѣбы́ калякать. Я слышал от старых людей, штѣ весной ежеле из муравишшов перѣж красные муровьи выху́одят — будѣт лѣто краснойѣ, а коля́ чѣрныѣ переж, — лето будѣт чѣрнойѣ, заму́очливо. Я весной эвто замечѣю, — перѣж и узнаю, коля́ какуюѣ будѣт лѣто.

уже Л о м о н о с о в высказывается в пользу предпочтительности форм на -ее: «Не рѣдко ради двухъ или трёхъ е, первые склады составляющихъ, вмѣсто -ѣе употребляется -яе: *блекляе*, *святляе*. Однако и *блекльѣ*, *святльѣ* равное, или и лутчее достоинство имѣють». — «Россійская грамматика», 1755, § 213.

¹ Более подробные сведения о русских диалектах см. в книгах Р. И. А в а н е с о в а «Очерки русской диалектологии», 1949, стр. 212—234, и П. С. К у з н е ц о в а «Русская диалектология», 1951.

Вуот штё... Эка, парень! подумаш, какие досель были мудрёные старики-ти: всё веть замечели. А тебе, дидушко, матёроё спасибо, штё ты нас уму-разуму научаёш!

(Говор бывш. Котельнического уезда Вятской губ. по рукописи пятидесятих годов XIX столетия, перепечатанной в выдержках акад. А. А. Шахматовым в «Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук», т. ХСV, № 1, стр. 72—73. Орфография заменена новой).

Объяснение слов: *колды* — когда.

лико — смотри-ка..

бачить — сказывать, предрекать.

завсёлда — всегда.

покма — много.

калякать — разговаривать, болтать.

перез — раньше.

матёрой — большой, огромный.

в) Образец южнорусского говора.

Был у нас станавой, ни тем яго паминать: тяперь уш ён памёр. Любил ён больна денишку. Вот даслыхалси ён, што у аднаго багатага мужька была тысяча рублёв дених, и давай придумывать, как бы йих палажыть у свой карман. Ня долга ён думал; смикалка-та у ниго здаровая на все праделки. Вялел ён сваиму рассыльнаму, такому ш выжаги, изделать чилавечью чучилу, замазать йие кровью и падбросить к мужьку на гарот. А сам ночью приижокаить у то сяло и кричить: Давайте мне хватеру! — Иде прикажытя, ваша благородья? успрашивая соцкай. — Ну, хоч у такога-та мужька. Привёл яго соцкай на хватеру, и мужьк пришол к няму на паклон. Станавой и приказываить соцкаму узять у каго-нибудь сена для яго лашадей. А хазяин и кажа: Зачем жа, ваша благородья, хадить далёка за сенам? мы сами ради служыть вашей милости, — ни у первой вы у мене астанавливайтись: чем багаты, тем и ради. Узьял мужьк хванарь и пашол с рассыльным за сенам. Рассыльнай, как толька пришол у сарай, и хватил сена пряма у том местя, иде лижала чучила, и закричал: Ах, батюшки, тут мёртвай ляжыть чилэк! Мужьк, как глянул, так и абамлел. Што тут делать? Прибех у хату и бух станавому у ноги: Батюшка, такой-сякой, стань за атца, за матиря! знать ни знаю и ведать ня ведаю, аткуля на мене такая напасть. Станавой закричал, залапел, вялел была грамаду збивать, а даля збил с мужьчка тысичку и паехал; и чучилу с сабою узьял. Да што казать! ни ув адном сяле пабывала ета чучила; пабралси станавой на ниё дених.

(Текст в Обоянском уезде Курской губ. записан в 50-х годах XIX века А. С. Машкиным. При перепечатке внесены следующие изменения: *вм.* γ везде печатается *г*, которое следует читать как звук фрикативный; «*яти*» заменены буквой *е*; вместо йота — *й*; вместо *і* — *и*. Исправлены явные ошибки оригинала):

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

Для критического использования.

О древнеболгарских элементах в русском языке:

Е. Ф. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX вв.). 1908. Энциклопедия славян. филол. Вып. 12.

А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М. 1941, изд. 4.

А. В. Михайлов. Опыт введения в изучение русского языка и письма. Варш. 1911.

С. П. Обнорский. К истории словообразования в русском литературном языке. Русская речь, 1927, № 1.

В. В. Виноградов. К истории лексики русского литературного языка. Там же.

В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М. 1938.

В. В. Виноградов. Основные этапы истории русского языка. Русский язык в школе. 1940, №№ 3, 4 и 5.

В. В. Виноградов. Великий русский язык. М. 1945.

Г. Винокур. Русский язык. М., 1945.

С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, 1946.

Г. О. Винокур. О славянизмах в современном русском языке.—Русский язык в школе. 1947 № 4.

П. Я. Черных. Происхождение русского литературного языка и письма. 1950.

Очерки русской диалектологии:

Е. Ф. Карский. Русская диалектология. 1924.

С. Ерёмин и И. Фалёв. Русская диалектология. 1928.

П. С. Кузнецов. Русская диалектология. 1951.

Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. 1949.

Важна «Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка», I, Вологда, 1945, и в других изданиях.

Об иноязычных элементах в русском языке:

Лучший систематический очерк даёт книга В. А. Богородицкого «Общий курс русской грамматики», 1935, изд. 5, гл. XVII.

Полезный справочник представляет «Словарь иностранных слов» под редакцией И. В. Лешина и проф. Ф. Н. Петрова, 3-е переработанное и дополненное издание, Госуд. изд. иностр. и национ. словарей, М. 1949 г.— При предшествующих изданиях был дан прекрасный очерк Н. В. Юшманова «Грамматика иностранных слов».

В «Литературной учёбе» 1932 г., №№ 7—8 и 9—10, напечатан популярный очерк Н. Коварского «Иностранные слова в русском языке».

Ср. также Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века, I, Киев, 1941, глава VI, и «Иностранные элементы в русской художественной литературе и отношение к ним в первой половине XIX века», — «Научные записки Харьк. гос. педаг. инст. иностр. языков», I, 1939 г.

ГЛАВА II.

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ.

Содержание: 1. Вводные замечания. 2. Состав русской лексики в стилистическом отношении. 3. Областная и социальнодиалектная лексика. 4. Древнеболгарские элементы. 5. Архаизирующая лексика. 6. Неологизмы. 7. Иноязычные элементы. 8. Борьба с варваризмами. Замечания об аббревиатурах. 9. Об источниках литературной фразеологии. 10. Замечания о супплетивных словах (формах) и омонимах. 11. Лексикография.— Из литературы.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Характеризуя состав русской лексики, необходимо иметь в виду, что так называемые значения слов во всех языках не представляют собою фактов большой устойчивости и ограниченности: природа слова чуть ли не в каждой новой фразе даёт о себе знать новыми оттенками по отношению к другим сочетаниям, в которых слово это уже воспринималось. Если слово, отдельно взятое, справедливо называли «мёртвым препаратом», то слово во фразе, в контексте, и притом в зависимости от установки контекста,— факт самой жизни, нередко ставящий нас перед резкими различиями смысла даже в отношении внешне ближайше-родственного. *Живой*, напр., в предложении: *Он был ещё живой, когда по ступеням больничной лестницы поднимался его сын*, имеет значение «проявляющий жизнь, не мёртвый»; в сочетании *живой звук* — «относящийся к живому существу, принадлежащий живому существу»: *Звук привычный, звук живой, Сколь ты часто раздавался Там, где тихо развивался Я давнишнею порой* (Пушк.); *Вдруг из-за однообразного шума ветра он явственно услышал какой-то новый, живой звук* (Л. Толст.); во фразе: *Места живого нет, так избили — живой* значит «целый, не повреждённый»; в предложениях: *Она была живая подвижная, как ртуть* (Гонч.), *Жива, как порох, весела, умна* (Тург.) — *живой* получает значение «проворный, подвижный» и т. д. *Пробираясь меж кустами, Пробежит огонь живой* (Тютч.) — «подвижный».

Если *лёгкий* чаще всего значит «имеющий малый вес», то оно же может значить в других сочетаниях вообще «небольшой, малый, слабый», ср. *лёгкое замешательство, лёгкая проседь, лёгкая зыбь*

и т. д.; в контекстах вроде: *носиться на лёгком скакуне; лёгкая кавалерия; Соня... лёгкими, весёлыми шагами, с покрасневшимся лицом, побежала вслед за Наташей* (Л. Толст.); *Лёгкая, как лань, лезбиянка вошла* (Фет) — лёгкий имеет смысл «быстрый, проворный»; лёгкий слог значит «плавный и понимаемый без затруднений» и под. Во фразе: *Ты, слушая мой лёгкий вздор, С улыбкой иногда дремала* (Пушк., «Русл. и Людм.») со словом лёгкий мы естественнее всего свяжем представление о легкомысленности; в другой: *...И мысли в голове волнуются в отваге, И рифмы лёгкие навстречу им бегут* (Пушк., «Осень») — лёгкие поймём как «давшиеся без труда» и под.

Любопытный как название известной басни И. А. Крылова а значит «склонный к любопытству, любознательный», а во фразе: *Тут выяснилось любопытное обстоятельство* — уже обозначает «возбуждающий любопытство, интересный». Подобным образом *терпимый* в одном контексте может иметь смысл «снисходительный» — ср.: *терпимый к чужим мнениям*, в другом — «тот, которого терпят» или «то, что терпят»: *Такого рода поступки не могут быть терпимы.*

Кроме контекстуальных сдвигов в значениях, в языках нередко приходится считаться с внешним совпадением в одном слове несколько раз повторявшихся названий новых понятий с использованием того же корня и тех же словообразовательных средств. В таких случаях роль контекста для понимания ещё значительнее, ещё определённое. Если отсутствует материальная ситуация, то лишь из фразного контекста можно узнать, идёт ли речь о *ломе* как орудии, о *ломе* ли в костях, или о *ломе* золота и под.: о *бое* ли — битве, о *бое* ли часов, о *бое* ли посуды.

Особенно многочисленны разветвления значений, выражаемые префиксальными образованиями: ср., напр., *завести*: 1. Привести куда-нибудь в сторону от надлежащего пути: *Он... описал край, куда завела меня судьба* (Пушк.). 2. Завести машину и под.: *Всё в доме шло, как заведённые часы* (Л. Толст.). 3. Завести порядок, обыкновение и мн. др. Или *перевести*: 1. Переправить руководя, помогая, поддерживая за руку и под.: *Отец перевёл меня через ручей*. 2. Сделать перевод с одного языка на другой. 3. Даром истратить, испортить: *Только переводишь бумагу* и под. *Просмотреть*: 1. Бегло прочесть и под., напр.: *Просмотреть вчерашнюю газету*. 2. Не увидеть то, на что глядел: *Мы в книге просмотрели ряд существенных ошибок*. *Выжить*: 1. Остаться в живых, уцелеть. 2. (С вин. пад. объекта) Принудить оставить помещение или должность, и под.

Вместе с ролью контекста, отражающего сочетание понятий в новых и новых комбинациях, необходимо считаться с переносностью употребления слов, явлением, теснейшим образом связанным с первым. Граница между так называемым прямым употреблением слов и употреблением переносным в большой мере условна: *замкнутый* характер, напр., — первоначально метафора (ср. *замкнуть* — «запереть на ключ»), но теперь обычный способ выражения

соответствующего понятия, не останавливающий на себе внимания в стилистическом отношении.

В общем можно сказать, что существо различия здесь только в той степени сознательности, которую говорящий и слушающий связывают тут с установкой на новое, на перенесение слова из той сферы, где оно бытовало без специальной выразительности, в сферу иную, осознанную иногда — в прихотливой ассоциированности с данной и вместе с тем — в отличии от неё.

Ясно, напр., что во фразе: «Офицер прищурил глаза и *воткнул* их на секунду в рябое, неподвижное лицо» (Горьк., «Мать») *воткнул* можно понимать только переносно, или в стихотворении: *Я пришёл солнцеглазым парнем В переломленный надвое мир* (Жаров) — *переломленный* употреблено не в его прямом смысле, а в смысле — «разделённый на два враждующих лагеря».

Возможно, однако, и это наблюдается нередко, что метафорический смысл получает контекст в целом, а слова его, взятые отдельно, не претерпевают заметного сдвига в своём значении. Так дело обстоит, напр., в определённо метафорических выражениях-образах стихотворения С. Васильева «Кремль ночью»: «А рассвет уж еле-еле Побелил окно. Поздних звёзд ночное просо Ветер сдул с небес. Первый стриж пронёсся косо Снам наперерез. Над Москвой-рекою стало Всё уже видней, И туман своих усталых Расседлал коней».

Или другой пример:

«Скоро, скоро *зелёным пожаром* Запылают на солнце сады» (Исак.).

Полнозначных, самостоятельных слов, которые вовсе не употреблялись бы или не могли бы употребляться переносно, вообще говоря, не бывает.

Количество слов, получивших после Великой Социалистической революции новые, переносные значения широкого употребления, огромно: *чистка, передышка, фронт науки, лёгкая кавалерия, низовые звенья, расстановка сил, взяться по-боевому* — лишь отдельные примеры ежечасно и повсюду осуществляемого процесса перенесения значений на рождающееся в жизни новое, требующее своего названия.

Резки сдвиги значений в том, что относится к *оценочному* моменту, сопровождающему понятия. Лингвистика констатирует в большом числе явления так называемой «энантиосемии», перехода слов, имевших определённое значение, в слова со значением противоположным. Но разве не факты этой самой энантиосемии мы имеем хотя бы в употреблении слов в ироническом смысле, в снижении «высокого» в оценке одного класса и «низменного», «презренного» в оценке другого?

Характеристика лексики даже литературного языка, исторически в большей мере, чем диалекты, являвшегося достоянием классов господствующих, предполагает констатацию, что дифференциация имела место и среди них и что значения многих слов

окажутся окрашенными по-разному для разных причастных к литературному языку общественных групп. Ещё в большей мере это нужно предполагать для русского литературного языка послеоктябрьского времени. Советское общество, критически усваивая литературный язык дореволюционной эпохи в качестве организованного средства культурного строительства, должно было, естественно, приспособить его для новых, своих задач, и в процессе этого приспособления не могло, не говоря уже об интенсивном творчестве в области словообразования, не внести в восприятие перенимаемого лексического состава многого из того, чем оно уже в своём языке располагало, языковых фактов своей идеологии.

Особенно типичны в этом отношении сдвиги в окраске, сопровождающей слова, относящиеся к социальным или сильно окрашенным социальным понятиям: *господин* (теперь обыкновенно употребляющееся с эмоцией враждебности и иронии), *дворянин* (эмоция враждебности), *барин*, не говоря уже о таких понятиях, как *благотворительность*, *благосклонность*, *чернь*, *прощение*, *покорность*, *милостыня*, *миловать*, *поститься*, сохраняющих в своей этимологии отчётливые следы иной идеологии, иных социальных устремлений.

2. СОСТАВ РУССКОЙ ЛЕКСИКИ В СТИЛИСТИЧЕСКОМ ОТНОШЕНИИ.

Приняв во внимание сделанные ограничения, условно можно лексику русского языка XIX и начала XX века свести к таким категориям.

В составе нашего литературного словаря мы можем выделить прежде всего основной фонд о б щ е у п о т р е б и т е л ь н ы х и о б щ е п о н я т н ы х слов, служащих прямому названию и составляющих достояние каждого носителя литературного языка. Эта группа наименее нуждается в нашей характеристике. Она охватывает такие присущие чуть ли не любому языку понятия, как *мясо*, *глаз*, *рука*, *палка*, *красный*, *белый*, *медленный*, *скорый*, *я*, *ты*, *два*, *три*, *медленно*, *быстро*, *впереди*, *да* и под. Как отмечено И. В. Сталиным (Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 19), «главное в словарном составе языка — основной словарный фонд, куда входят и все корневые слова, как его ядро». По своему происхождению эта группа принадлежит самым широким массам и такую ощущается. Но при этом надо иметь в виду, что она пополнялась в течение веков многочисленными наименованиями предметов и понятий, отражающих разнообразные материальные и культурные приобретения, уже сделавшиеся достоянием любого грамотного человека, — *паровоз*, *вагон*, *оранжевый*, *лакировать*, *голосовать* и под. (так называемые «к у л ь т у р н ы е с л о в а») и среди них, конечно, очень много ещё свежо ощущающихся как заимствования (см. ниже).

С последней группой сродни, но явно нуждается в особом к себе внимании специфически-бытовая лексика.

Специфически-бытовая лексика, ещё относительно недавно, главным образом, крестьянская, занимает большое место в таких собраниях словарного материала, как «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля (4 тома). Обычному носителю литературного русского языка она или в значительной мере чужда, или, если он усваивает её, представляется наносной, хотя он и сознаёт её постоянное право влиться в литературную речь для обозначения соответствующих понятий.

Место широкого использования подобной лексики — проза тех беллетристов, которые дорожат изображением быта, любовно следят за этнографическими деталями, интересуются «вещами». Некоторые из них не рассчитывают, что круг привлекаемых ими слов окажется известным широкой читательской массе, для которой они пишут, и находят поэтому нужным давать пояснения к вводимым ими бытовым словам. У одних писателей эта бытовая лексика (большею частью предметная) идёт рядом со стремлением вообще подражать крестьянской речи или передавать её, у других она вкрапливается в обычную, просто как результат обогащения новыми понятиями.

На особое место следует поставить бытовую лексику, относящуюся к другим странам и народам. Романтизм с его позднейшими ответвлениями внёс в русскую литературу немало слов, довольно прочно осевших если не в активном, то в пассивном словаре русского читателя. Эта лексика по её природе не стойка, — не стойка в том смысле, что её роль может оканчиваться собственно тем произведением, где она привлечена с целью или создать впечатление *couleur locale* (и тогда она обыкновенно даётся несколькими словесными «точками», отдельными словами) или ввести в особенности описываемого быта (и тогда она может быть достаточно обширна). Тематика исторически влиятельной литературы, почти исключительно художественной, определила отбор из подобного очень большого материала. А так как то, что твёрдо знал русский читатель из экзотической лексики, было уже в значительной степени у писателей и ранее, — настоящим фондом русского литературного языка приходится считать именно этот сильно уменьшённый запас. Уже Марлинский и Лермонтов дали много кавказских локализмов, но русский читатель, после них имевший ещё Понского и др. (из новейших ср., напр., «Солдатскую славу» С. Голубова, «Великого Моурави» А. Антоновской и большую переводную литературу с грузинского; меньшую — с других языков), чуть не целый век фактически оставался при *ауле*, *сакле*, *чинаре*, *кунаке*, *муэдзине* и немногих других. *Гаремы*, *янычары*, *паши одалиски* — почти постоянные спутники сюжетов, связанных с дореволюционной Турцией. При изображении Испании, хотя русская литература имела, напр., живые, в своё время пользовавшиеся успехом и даже вошедшие в школьные хрестоматии «Письма об

Испанию» В. П. Боткина (1847), за Пушкиным и А. К. Толстым читатель помнил только *мантилью, кастаньеты, серенаду, гидальго*, реже — *качучу, гитану* и под.

Значительно богаче, чем всякая другая чужеземная бытовая лексика, была в художественной литературе лексика, характеризующая античный мир. В отзвуках своих она через весь XIX и начало XX века с В. Брюсовым вошла даже в пореволюционную литературу, но для силы и стойкости именно античной лексики были свои хорошо известные культурно-исторические причины: положение её во многих литературах, эстетический культ дворянских верхов, отгораживавшихся от жизни, долговременное господство в России классической школы и под.

Экзотисты XX века внесли в бытовую лексику этого типа немало нового, свежего, но это новое не отстоялось в общем языке и большею частью ещё остаётся для него инородным телом.

Н. В. Гоголь в «Вечерах на хуторе близ Диканьки», в повестях «Миргорода» свободно и любовно вводил слова, относящиеся к быту Украины, делая знакомыми русскому читателю предметы и названия их. Но лексика эта была очень ограниченной, узкобытовой. В подходе к использованию лексики сказалась традиция таких очень близких к Гоголю в этом отношении писателей, как его предшественник В. Т. Нарезный («Бурсак» и др.), Гр. Ф. Квитка-Основьяненко («Пан Халявский» и др.). Благодаря им знакомыми делались в России или оживлялись в памяти «этнографические» *галушки, бандура, гопак, кобза, каганец, чумаки, макитра, пампушки* и др. Позже украинскую лексику в русской беллетристике находим у украинца же по происхождению Г. Данилевского («Старосветский маляр» и др.), у В. Короленка («Лес шумит» и др.); у К. Тренёва («Затерянная криница» и др.). В настоящее время её широко вводит С. Бабаевский («Кавалер Золотой звезды», «Свет над землёй»).

В приобщении русского читателя к русской бытовой лексике заметная роль принадлежит, напр., В. Далю¹, П. Мельникову-Печерскому, С. Максимова, Л. Толстому,

¹ Вот два примера из В. И. Даля («Новые картины русского быта. Январь»):

«Дороги разъезжены — сущее подобие хлябей морских. О *шибельках* и *порожках*, выбитых конскою ступней под обозами, по которым едешь... и бережешь зубы, уже давно речи нет — пошли *нырки* да *ухабы*, в которых и возу не видать, как осядет... а *раскаты* знай переваливают возище сбоку на бок... троечной езды уже нет с Николы: либо *бочкой* ступай, не то *гусем*, у кого кони приезжены, а нет, так в одиночку».

«Спит (сопит?) и курит и дует — что-то будет? По кличку на зимнюю непогоду нам не за море идти, полный подбор дома есть: стояла *пометуха* и *понизовка*, и *тащиha*, была и *свистуха*, и *кура*, и *вьюга*, и *хурта*, и просто *держало* (при этом слове курсив Даля), то есть стояла *плящя стыль*, с искрой и с блестякой — (;) там было отпустило, пошла *падъ* и *кидъ*... Повалил было и *лепень*, и *жижса*, и *дрябня*, оделся было и весь лес в белый овчинный тулуп свой, в *куржсвину* и *опоку*, да вскоре опять заворотило внутрь...»

В. К о р о л е н к у и многим из наших современников, из которых упомянем хотя бы прекрасного знатока быта русского севера — А. Ч а п ы г и н а, и Дона — М. Ш о л о х о в а.

Если обойти писателей-собрателей, таких, напр., как Даль, Мельников-Печерский, Максимов, у которых интересы лексикологические и этнографические преобладали или боролись с устремлениями общественно-художественными¹, то как одну из типичнейших фигур, писателя-знатока бытовой лексики можно назвать Л. Н. Толстого.

Л. Н. Толстой не производит впечатления собирателя и любителя лексики, которой ещё не знают и которою могут поэтому именно заинтересоваться его читатели; у него гораздо меньше нарочитого в подборе словарного материала, потому что у него на первом плане — живые изобразительные задачи, сами предметы, а не слова о них. Бытовая лексика его не так разнообразна, напр., как у М е л ь н и к о в а - П е ч е р с к о г о², но зато и не представляется нам высканной, а ощущается она как органически принадлежащая писателю и той среде, в которой он вырос и которую изобразил. Возьмём, напр., исключительную по богатству лексику, относящуюся к охоте («Война и мир», том II, часть 4, главы 3, 4, 5): она дана легко и свободно, как обиходная и привычная, как органически принадлежащая быту, от которого воображаемый читатель Толстого отнюдь не отделён какою-либо заметной перегородкой. Ср. ещё, напр., лексику коневодства в «Холстомере»: *оброть*³, *потник*⁴, *трок*⁵, *кормяга*⁶ и под.

¹ Менее других из этой писательской группы забывает за лексикологизмом свои художественные задачи М е л ь н и к о в. В целом он всё-таки остаётся беллетристом с самым ярким языком и с галереей интересных, хорошо очерченных характеров. Бытовая лексика его менее, чем, напр., у Д а л я, режет своей сконцентрированностью, но вместе с тем читатель постоянно чувствует его знание вещей. Почти наудачу взятые выдержки обнаруживают эту сторону его слога: «Местами солнечные лучи огненно-золотистой рябью подёргивали синие струи и круги, расходившиеся оттуда, где белопёрый мартин успевал подхватывать себе на завтрак серебристую плотвицу... Слегка тронутые солнцем, громады домов, церкви и башни гордо смотрят с высоты на тысячи разнообразных судов — от крохотного ботника до полувёрстных коноводок у барж, густо столпившихся у городских пристаней и по всему плёсу» («В лесах», III, гл. 3). «Накануне Аграфены-купальницы запасливые домовитые хозяйки, старые и молодые, советуются, в каком месте какие целебные травы брать: где череду от золотухи, где шалфей от горловой скорби, где мать-мачеху, где зверобой, ромашку и девясил» (IV, гл. 1).

² Писателя, как он сам отмечал, с сильною памятью и притом прошедшего через исключительно разнообразные бытовые впечатления: «И где-то не доводилось бывать, — говорил о себе Мельников, — и в лесах, и на горах, и в болотах, и в тундрах, и в рудниках, и на крестьянских полатях, и в лесных кельях, и в скитах, и во дворцах, — всего и не перечтёшь».

³ Конская узда без удила и с одним поводом (Даль).

⁴ Войлок, подкладываемый под седло или под седёлку (Даль).

⁵ Верхняя подпруга (Даль).

⁶ Долбушка вместо яслей для корма скота мелким и пареным кормом, также для водопоя (Даль).

Заметим кстати, такого же рода лексику с большим знанием дела даёт в «Гардениных» А. И. Эртель: «Это была длинная лошадь с не особенно широкою, но удивительно мускулистою грудью, с «подльжеватыми» ногами и низко поставленным хвостом. На взгляд неопытного человека она, пожалуй, не была красива. Плечо, например, показалось бы слишком длинным и слишком косым, «бабки» слишком изогнутыми, так называемый «локоть» — длинен, «почка» — высока, челюсти — чересчур раздвинуты, «подпруга» — очень глубока».

Богатство словаря у Л. Н. Толстого всегда воспринимается как результат исключительного, но вместе с тем непосредственно из жизни приобретённого знания вещей. Он не скользит по ним, не вводит их в круг широких понятий, намекая только на частные признаки или описывая видовые приметы, он умеет вещь назвать уже существующим в употреблении словом, и никому не западёт в голову подозрение, что попавшее к писателю слово, вероятно, некоторое время ждало своей очереди в его толстой записной книжке. Вот, напр., из начала «Хаджи-Мурата»: «Есть прелестный подбор цветов этого времени года: красные, белые, розовые, душистые, пушистые кашки; молочно-белые, с яркой жёлтой серединой, «любит-не любит», с своей приятной пряной вонью; жёлтая сурепка, с своим медовым запахом; высоко стоящие лиловые и белые тюльпановидные колокольчики; ползучие горошки; жёлтые, красные, розовые скабиозы; лиловый, аккуратный, с чуть розовым пухом и чуть слышным приятным запахом, подорожник; васильки, яркосиние на солнце и в молодости и голубые и краснеющие вечером и под старость; и нежные, с миндальным запахом, тотчас же вянувшие цветы повилики».

Несколько напоминает в этом отношении Толстого И. С. Тургенев, но его лексика значительно ближе к «средней линии» общеинтеллигентского словаря. Из наших современников заслуживают быть отмеченными как мастера такой лексики особенно М. Пришвин¹, К. Федин («Похищение Европы»), Ф. Гладков («Цемент», «Энергия»), М. Шолохов («Тихий Дон», «Поднятая целина») и Л. Леонов («Соть»); в стихотворной форме со специальной стилизацией — И. Сельвинский («Пушторг», «Улялаевщина»).

В качестве прекрасного знатока бытовой лексики, дающего её свободно и без подчёркнутой нарочитости, следует назвать ещё М. Горького (ср. хотя бы его «Детство», «Мои университеты»,

¹ Ср., напр., прекрасные строки из «Жень-шень»: «Если бы я мог о себе рассказать, как эти простые цветы в Зусу-хэ! Были ирисы — от бледноголубых и почти что до чёрных, орхидеи всевозможных оттенков, лилии, красные, оранжевые, жёлтые, и среди них везде звёздочками яркокрасными была рассыпана гвоздика. По этим долинам, простым и прекрасным цветам всюду летали бабочки, похожие на летающие цветы: жёлтые с чёрными и красными пятнами аполлоны, с радужными переливами крапивницы и огромные удивительные тёмносиние махаоны».

«Фома Гордеев»). Ограничимся лишь немногими примерами: «Изот, вероятно, заснул на реке, и лодку его снесло на пыжи¹ трёх барж, стоявших на якорях...», «Обугленные верей² ворот стояли у костра чёрными сторожами...», «Это рыбак лучит³ рыбу» («Мои университеты»).

Очень богата такого рода лексикой, но без нарочитости Даля, напр., прекрасная, насыщенная непосредственным знанием быта «Повесть о детстве» Ф е д о р а Г л а д к о в а.

Ср., хотя бы, такой отрывок:

«Он поставил рядом с мельницей брусок с вырезанными в ряд ямками, с двумя столбами по краям и вертикальными пестами под каждой ямкой. Наверху между столбами лежал валик с шипами, вбитыми длинным винтом. По другую сторону мельницы, у стены, быстро всунул в костыли длинную *лутушку*⁴ с выжженной сердцевиной. Потом пристроил коробку, похожую на скворешник, с коротким рычагом, а на рычаг надел другой — длинный рычаг. От коробки тянулась *лунка*⁵ для стока воды. Ребята с терпеливым любопытством вытягивали шеи и, пораженные, не могли оторваться от этой сложной постройки. Кузьярь, сухопаренький, с недетскими морщинками на лбу и по углам рта, беспокойно извивался, и костлявенькие длинные пальцы его хватались за *переплёт*⁶ телеги и тянулись к *толчее*⁷ и к мельнице. А Наумка глупо сопел и спрашивал недоверчиво:— А на ней можно муку молоть?..»

Из других см., например, ещё: «Кушанья готовы. Накрыты три стола... На них расставлены и разложены в мисках, в чашках и на гладко выструганных досках угощенья: тут и *колобы*, и *сканцы*, и *пращенные пироги*, и *калачи*, и *калитки*! (Викт. Чехов, «Возмутители») ⁸.

Бытовая лексика, проникающая в литературный язык, почти вплоть до Великой Социалистической революции носит по преимуществу характер крестьянский и помещичье-дворянский. После Октября меняется характер тем русской беллетристики: в центре внимания — рабочий, его быт, его интересы, и широким читательским массам делаются известны и привычны многочисленные понятия повседневной жизни фабрик, заводов и шахт. *Вагранки*, *домны*, *трансмиссии*, *гуты*, *бремсберги*, *пирсы*, *шкивы*, *шестерни* и под. входят полноправными членами в русский литературный

¹ *Пыж* — нос судна, баржи.

² Столбы, на которые навешиваются полотенца ворот (Даль).

³ Бьёт острогою.

⁴ *Лутушка* (по Далю) — «липка, с которой снята кора, содрано лыко».

⁵ *Лунка* — «ямка, впадина».

⁶ *Переплёт* (телеги) — «решётчатые сплетения».

⁷ *Толчая* — «приспособление для толчения; небольшая мельница».

⁸ «*Колоб* — круглый пирог, начинённый толокном. *Сканец* — делается из тонкого теста, начиняется кашей. *Пращенный пирог* — из пресного теста, начинён толокном. Его варят (прягут) в масле. *Калач* — пирог с горохом из толстого теста. *Калитки* — ватрушки из ржаной муки, начинённые картошкой или пшеном, сваренным в молоке, облитые маслом».

словарь. Те из них, которые ещё скорее воспринимаются чисто терминологически, т. е. являются ещё достоянием узкого круга специалистов, по существу, при общем индустриальном повороте страны, ждут своей недалёкой очереди, чтобы последовать за своими собратьями, уже проложившими себе дорогу в области художественного слова.

Тематика и словарь новых производств, индустриальная лексика заводов и фабрик налегает на старый словарь примитивного быта и его умений, и в их антитезирующем сочетании резко выступает сила и быстрота совершающихся в жизни страны сдвигов. Вот, напр., ряды «промышленовых» художественно нужных сибирских слов в «Воспоминании» В. С а я н о в а: «...Вспоминаю тайгу и ночную тоску перелесиц. *Поторжские* дороги, как лето, уходят на юг. И, как ложка кривая, над старыми юртами месяц... В соболиных следах потеряется след *бурундучий*. Низко кренясь, проходят над брошенным *прииском* тучи. Смута жёлтых снегов. Над озёрами лёд голубой. В дымный край *мерзлоты* позабытый уходит забой. *Приискатели* спят. Страшен *прииск* богатый в ночи. С фонарями «Летучая мышь» пробегают во мгле *копачи*...» Образы, чувства и слова глухой таёжной жизни, и на смену им — строфа, в которой звучит уже язык вытесняющего её нового быта, с новыми производствами и обслуживающей их техникой: «Ведь уже отшумел по далёким болотам камыш. И другая тайга от оврага бежит на овраг В *экскаваторном* шуме и яростной поступи *драг*».

Нечего говорить, что вне художественного слова, в речи, напр., газетной, права бытовой индустриально-технической лексики в настоящее время вовсе не ограничены.

Вот, напр., несколько строк из газетной статьи, говорящей о трудовом героизме бугурусланских нефтяников: «И земля и небо — всё пропало в какой-то белесой полумгле. Немолчно гудел северный ветер, слепил снежной колючей пылью глаза; беснуясь заваливал *привода* и *качалки*. Уже с предельным напряжением работали *электромоторы*. Как струны, обрывались скованные завалами полевые *тяги*, размывались створы крючков, ремней, *помповых* передач. В скважине лопнул *переводник*, на приводе сошёл *кривошип*...» (Л. Митницкий, «Нефтяной Бугуруслан», — «Правда», 8 апр. 1944 г.).

Несколько слов об усваиваемой так или иначе через школу терминологической лексике.

Терминологическая лексика имеет свою сферу применения в книге — это научные исследования, учебники и под. Шире других рядовому обладателю литературного языка известны: терминология грамматическая, знакомство с которой совпадает обыкновенно по времени с началом более или менее серьёзного обучения языку, элементарно-математическая, элементарно-биологическая, физическая; после Великой Социалистической революции — политико-экономическая.

Термины — это сфера широкого употребления грецизмов и ла-

тинизмов, иногда с более или менее чёткими признаками, что они прошли через воздействие живых европейских языков.

Несколько страниц любого учебника любой науки легко позволяют в этом убедиться.

Специфичны терминологические сферы, напр., музыки и пения, почти сплошь состоящие из итальянизмов; морского дела, где царят слова, перенятые из языков голландского и английского, отчасти — немецкого, и т. п.

В качестве источника терминологических новообразований в русском языке пользуются также церковнославянизмами или, вернее, элементами старинного словопроизводства; ср.: *произведение, кратность, умножение, сложение* (арифмет.), *наклонение, согласование, примыкание* (грам.), *вещество, созвездие, тяготение, светимость* (физика, астрон.), *пищевод, голеностопный* (сустав), *сухожилие, грудобрюшная преграда, щитовидный* (хрящ), *чревная* (артерия), *кровообращение* (физиол.).

Наша грамматическая терминология, поскольку она не представляет непосредственных заимствований греческих или латинских терминов, — сплошные более или менее церковнославянизированные «кальки»: *грамматика* — греч., *этимология* — греч., *фонетика* — греч., *синтаксис* — греч., *падеж* — перевод греч. *ptōsis*, лат. *casus* («падение»); *родительный* — греч. *genikē*, лат. *genitivus*, *винительный* — греч. *aītiatikē* (собственно — «причинный»), лат. *accusativus*. Ряд этих кальк отражает беспомощность старинных переводчиков: лат. *adverbium* — *наречие* (собственно — «приглагольная форма», ср. укр. «прислівник»); *interjectio* — *междометие* (собственно — «вставка») и под., но по инерции сохраняется до сих пор¹. В большей или меньшей мере кальки мы имеем и в других областях.

Чем более терминология определённой области знания связана с бытованием последней в прошлом на русской почве в виде родственных производств и умений, тем, конечно, больше в этой терминологии элементов русских или давно обрусевших, усвоенных наукою непосредственно из уст рабочих, ремесленников и под.

Таковы многие термины *технические*, как напр.: *полотно, вал, лапа, шестерня, тяга, коромысло, колено, шип, шатун, кривошип, мотыль, обшивка, облицовка, раскружсаливать* и под.

Во многих случаях, как легко видеть, терминологическая лексика создавалась и создаётся в результате называния новых предметов по сходству внешнему или сходству функций; так, раздвижные колодки в тормозах носят название *щёк* или *башмаков*; часть вала, свободная от шатунов, называется *шейкой*; часть, соединяющая шейку с другой шейкой, — *плечом* (ср. ещё из примеров, приведённых выше: *лапа, колено* и др.), т. е. в этом отношении пути

¹ С происхождением русских грамматических терминов знакомит популярная статья В. В. Данилова. «Этимология грамматических терминов» — «Русск. яз. в школе», 1937, № 4.

лексики терминологической совпадают вообще с обычными при обогащении словами.

В целом, однако, приходится считаться с тем, что «терминология дореволюционного или, точнее, доиндустриализационного периода проводилась в значительнейшей своей части не от корней развития техники промышленности, а от иностранной литературы и во многом зависела не от технической подготовленности масс, а от цеховой и... даже... классовой принадлежности переводчика, обычно оторванного от рабочей массы»¹.

В беллетристику терминологическая лексика до Октября проникала относительно редко. Ей надо было учиться, и это отпугивало от неё читателя; её надо было объяснять, и на это не с большою охотою шёл автор, чувствовавший, что рассудочные элементы объяснения ставят под угрозу общий беллетристический тон. Прослойки подобной лексики, относительно легко входящей в повествование благодаря его общему этнографическому фону, находим, напр., у Мельникова-Печерского. Часто трудно бывает, конечно, решить при этом, не остаёмся ли мы в сфере бытовой лексики. Вне этнографического колорита поступает терминологическая лексика в художественно-литературный обиход у тех писателей, в прошлом, впрочем, относительно немногочисленных, которые избирают темы своих повествований из технических сфер, мало знакомых рядовому читателю: морская терминология занимает видное место, кроме описаний путешествий (известнейшие «Фрегат Паллада» И. А. Гончарова и «Корабль Ретвизан» Д. В. Григоровича), в повестях впервые — А. А. Бестужева-Марлинского («Фрегат Надежда», 1832, и др.), ближе к нашему времени — К. М. Станюковича, А. С. Новикова-Прибоя (сборники «Морские рассказы», «Море зовёт» и др.), — в романах Л. Соболева «Капитальный ремонт» (его же рассказы — «Морская душа»), А. Малышкина «Севастополь» и Б. Лавренёва «Синее и белое». В. Одоевский в «Русских ночах» (1844) и К. Федин в «Братьях» свободно пользуются терминологией музыкальной; И. С. Тургенев не чуждается биологической терминологии в «Отцах и детях», и т. д.

Вкус к терминологически-бытовой лексике определённо вырос за последние десятилетия; ср. рассказы Н. Ляшка «Доменная печь», знакомящие с терминологией заводской работы, «Искатели» В. Лидина, «Скутаревский» Л. Леонова, «Сталь и шлак» В. Попова и мн. др. (техническая терминология); сельско-

¹ Д. Лотте. Очередные задачи технической терминологии. — Изв. Акад. наук СССР, 1931, сер. VII, № 7, стр. 883 — 891. О русской терминологической лексике см. ещё его же — «Некоторые принципиальные вопросы отбора и построения научно-технических терминов», Изв. Акад. наук СССР (Комит. техн. термин.), 1941.

К истории русской научной терминологии в связи с деятельностью акад. И. И. Лепехина — М. И. Сухоминов. История Росс. Академии. Сборн. отд. русск. яз. и слов. АН, XIV, 1875, стр. 196—198, 209, 216—218, 482—514.

хозяйственную лексику широко вводят, напр., С. Бабаевский («Кавалер Золотой Звезды», «Свет над землёй»); П. Павленко («Степное солнце»); с литературой времени Отечественной войны и отражающей её позднейшей обильно вошли слова — понятия, относящиеся к войне: у Арк. Первенцева («Огненная земля»), Викт. Некрасова («В окопах Сталинграда»), Вас. Гроссмана («Народ бессмертен»), Э. Казакевича («Весна на Одере») и мн. др.

Терминологическая лексика морского дела изредка встречается и в стихах — напр., в «Морском бое» Н. Панова: «Сигнальщики следя за секторами, Глядели в ледяной, рассветный мир»; «У семьдесят четвертой параллели Эсминец шёл...»; «Но командир и штурман знали — рано. Но линии на карте океана Пока еще прокладка не свела», и под.

Редки случаи, когда автор пользуется терминологической лексикой с установкой на смешное: смешить она может в обстановке, совершенно чуждой её нормальному применению, где выступает, она как что-то ненужное, беспомощное в своей ненужности, или где она окарикатурена, выступая в резком несоответствии с убожеством передаваемого содержания. Художественные образцы такого использования терминологической лексики находим, напр., у А. Чехова в «Свадьбе» (речь капитана 2 ранга Ревунова-Караулова) и у Л. Толстого («Плоды просвещения» — речь профессора). Ещё реже встречается использование терминологии для шуточного эффекта при характеристике лица определённой профессии в том виде слога, который по существу терминологической лексике чужд; ср., напр., стихотворение А. Н. Апухтина «П. И. Чайковскому», обильно уснащённое музыкальными терминами, употреблёнными в переносном значении («нашей дружбы fuga»¹, «не ставь бекара² предо мной», «я детонировал³ немало и с диссонансами сжился» и под.).

Вошедшие в литературу специфически-бытовая и терминологическая лексики в том их разнообразии, которое под пером писателей нашло своё выражение отчасти как результат роста художественного мастерства, отчасти, в гораздо большей степени, как результат необыкновенного развития и разнообразия самой жизни, более, чем все другие, определяют быстрый количественный рост лексикона русской художественной речи. Именно за их счёт нужно отнести бесспорно-правильную констатацию М. Горького: «Чтобы убедиться в быстроте роста языка, стоит только сравнить запасы слов — лексиконы Гоголя и Чехова, Тургенева и, напр., Бунина, Достоевского и, скажем, Леонида Леонова» («Статьи о литературе и литературной технике», стр. 80).

¹ Пьеса, в которой несколько голосов, вступая один за другим, исполняют тот же мотив с вариациями.

² Знак, уничтожающий действие диеза или бемоля.

³ Детонировать — сбиваться с тона.

Частично входит в основной словарный фонд языка, а отчасти является в нём особым, заметно выделяющимся пластом эмоционально или аффективно окрашенная лексика.

Словарный материал, эмоционально или аффективно окрашенный, за относительно небольшими исключениями, представляет синонимные параллели к словам более общего употребления, более «холодным», причём обыкновенно можно констатировать и некоторое изменение в материальном значении слова (ср. *красивый, изящный, элегантный; дерзкий, дерзновенный, нахальный; бить, колотить, ударять* и под.). Та или другая окраска чувства может сопровождать понятия по их значению, и это характеризует и соответственные слова; таковы, напр., *гнев, любовь, добрый, злой, ярый, нежный, волноваться, крик, яркий, блеснуть, торжествовать* и под. Они образуют материал нашей речи, так сказать, органически эмоциональный. Так как, однако, далеко не все виды эмоциональности производят на нас впечатление положительное, эстетическое в узком смысле, то не приходится удивляться, что ряд эмоционально окрашенных слов мы не только не объединяем в понятии «поэтического» языка, связывая со словом «поэзия» дополнительный признак прекрасного, но ощущаем их как слова, поэтическому настроению враждебные, подлежащие исключению из всего, что стремится быть поэтичным, и даже более,— слова запрещённые, враждебные литературной речи.

Такие слова на поверхность литературного языка прорываются относительно редко, как своеобразный вызов, как литературно-бытовое бунтарство против условностей «приличного». Пушкин, напр., в духе своих реалистических тенденций бранную лексику ввёл в речь персонажей «Бориса Годунова». Для его времени смелостью было вложить в уста дон-Карлоса («Каменный гость») так реалистически звучащие брошенные Лауре гневные слова: «Твой дон-Гуан — безбожник и мерзавец; А ты, ты — дура».

Из новых писателей, сознательно и обильно вводящих подобную лексику, приходится назвать Сейфуллину, Волнова, Панфёрова и мн. др. Художественно смягчённой удаётся её дать, напр., Л. Н. Трефолеву («Два Мороза Морозовича»: добродушная брань крестьянина), Ив. Руквишникову¹, П. Романову («Технические слова»). В прошлом можно указать на бранную лексику, прежде всего, у Гоголя; ср. хотя бы «словесность» Ивана Никифоровича в «Повести о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» или Кочкарёва в «Женитьбе».

¹ Ср. заключительную часть «Сказа скоморошьего про Степана Разина» (сборник «Круг», III) — милостивые слова Разина: «Дайте парню тройку, черти еловые, Тройку дайте, черти, коней-чертей!.. Ты скачи, парнишка, — в рот те оглоблю, Ты скачи, еловый пень, да в день, да в ночь, Прямо к Катерине, сукин кот, к невесте. Эй вы, косопузые! Живо закладывай! Привези ты сюда, растакой-такой, Ты невесту свою раскрасавицу. Мы поженем вас, обвенчаем враз Без попов, без свечей да без ладану».

Искусство использования такой лексики у Гоголя проявляется в её почти исключительно юмористическом эффекте без какого-либо оскорбления нравственного чувства. Замечательное мастерство в этом отношении обнаруживает и А. П. Чехов в своих комедиях-шутках («Предложение», «Медведь»), персонажи которых не жалятся бранных слов, обыкновенно оригинальных и всегда в конечном счёте только забавных. Умеренно, с большим тактом и нужной выразительностью даёт Чехов бранную лексику и в своих рассказах: «...он [перепившийся на свадьбе у себя дома отец невесты, добродушный отставной военный] в передней надевает пальто и шапку и, отыскивая свои галоши, кричит хриплым голосом: — Не желаю я тут больше оставаться! Вы все подлецы! Негодяи! Я вас выведу на чистую воду!

А возле стоит жена и говорит ему:— Уймись, безбожная твоя душа! Уймись, истукан, ирод, наказание моё!» («Свадьба»).

Передавали в печати недозволенные слова точками или различными эвфемизмами, намёками (ср. передачу брани капитана-исправника в главе VII гоголевских «Мёртвых душ»). Большим мастером таких намёков был, напр., Салтыков-Щедрин. Редкий случай передачи сконцентрированной брани в целях юмористического эффекта («Кабы только не этот мой девичий стыд, Что иного словца мне сказать не велит, Я тебя, прощельгу, нахала, И не так бы ещё изругала...») находим в «Потоке-богатыре» А. К. Толстого. Изредка прибегая к точкам, брань передавал в интересах жизненности даже Л. Толстой. Казалось бы, грубую фразеологию должен был разрешить себе введший в литературу босяка Максим Горький; художественный такт, однако, удержал его в тех границах, которые не всегда соблюдаются другими нашими современниками.

Заслуживает внимания один факт, относящийся к составу русской бранной лексики,— в ней оказывается немало и н о с т р а н н ы х з а п а д н о е в р о п е й с к и х слов, приобщение к которым шло, видимо, через посредство дворянской верхушки; ср.: *бестия, каналья, шельма, шарлатан, шалопай* и под.

Эмоцией грубости, в степени литературно дозволенной, обыкновенно в речах действующих лиц, окрашен ряд синонимов к близким по значению, но имеющим иную эмоциональную окраску словам: *жрать, лопать* — есть, кушать; *морда, рыло* — лицо; *издыхать* — умирать; *валандаться* — бродить, возиться и под. Отчасти подобные слова — метафоры, перенесённые с понятий, относящихся к животным, на людей; часто — параллели, попавшие из речи других слоёв населения.

Сродни такой лексике в у л ь г а р и з м ы, воспринимаемые не как проявление прямой грубости, а только как дурной или фамильярный тон, неумение или нежелание оставаться в кругу «приличной», отложившейся лексики литературного языка. Как вульгаризмы, напр., воспринимаются *бузовый, шамать, халтура, колошматить*. Образцы художественного использования вульгаризмов

дали А. Блок в «Двенадцати», В. Маяковский в ряде своих произведений, И. Сельвинский в «Улялаевщине» и др. Строфу, напр., с нарочито огрублённой лексикой даёт Брюсов в «Дожде перед ночью»: «Брёл дождь, расчётливо скупой, А тучи смачно висли брюхом, Чтоб ветер вдруг рванул скобой, Вдруг взвизнул по санным краюхам».

Любопытно, что в эпоху, когда на арену русской общественности выходил разночинец и когда на путях культуры перед дворянством чётко обозначилась влиятельная и сильная фигура «семинариста», многое из того, что теперь отложилось в литературной лексике как вполне узаконенное, кое-кому казалось «пахнущим семинарией», плоским и вульгарным. Ср. в тургеневской «Нови» (1876): «...Но русский, так сказать, ежедневный язык... — говорит Калломейцов, — разве он существует? Ну, например, как бы вы перевели моё восклицание *de tout à l'heure* «*C'est un mot!*» Это — слово!? Помилуйте. — Я бы сказала, — отвечает Сипягина, — это удачное слово. — Калломейцов засмеялся. — «Удачное слово». Валентина Михайловна! Да разве вы не чувствуете, что тут... семинарией сейчас запахло? Всякая соль исчезла...»

Даже самая строгость в проведении литературной нормы могла дворянину казаться почти дурным тоном, признаком «семинариста». Павел Петрович Кирсанов («Отцы и дети» Тургенев) нарочно в разговоре с разночинцем Базаровым подчёркивает, что он аристократ и потому может говорить с отклонениями в сторону «народного» языка («эфто»), отклонениями, в настоящее время уже невозможными.

Характерно, что вульгаризмами часто кажутся многие в прошлом «аристократические» слова, исчезнувшие из обихода литературного языка; ср.: *кураж, форс, авантажный*.

Наше время, разрушившее классовые перегородки, вместе с их уничтожением, сильно снизило чувствительность в разговорной речи для довольно большого числа слов к фамильярной окраске, сопровождающей их и казавшейся иногда и просто вульгарною в конце XIX и начале XX века. Представители «высших» слоёв в обществе этого времени были в отношении такой окраски чувствительнее и педантичнее нас. Вот, например, разговор пожилого отца с дочерью в повести П. Боборыкина «Изменник», безусловно близкий к тому, что не раз должно было наблюдаться в действительности: «Послушай, — начала она тоном старшей сестры, — ты должен очень много прожить с такой шиказной обстановкой». Слово «шикозная» задело его почти болезненно. Он перебил Нату и вполголоса сказал ей: — Брось, пожалуйста, это слово. — Какое? — Шиказный. — Почему? — спросила Ната просто, не обидевшись. — Оно дурного тона. Отзывается армейским офицером. — Ну вот ещё, папа... Не всё ли равно. — И в её глазах он прочёл: «Как тебе не стыдно обращать внимание на такие пустяки». — И потом... видишь что, мой друг, — продолжал Симцов, надо вообще воздерживаться от слов, составленных бог знает как... Что такое это прилага-

тельное *шикозный*? Корень тут — слово *шик*, а окончание *-озный*, опять-таки противное духу русского языка. — Всё равно: *шикозный*, *шикарный*!.. — перебила его Ната и откинулась головой на низкую подушку дивана. — *Шикарный* тоже банальное слово. — А как его заменить? — Да как угодно: изящный, модный, ловкий... — Понятное дело, — перебила его Ната и положила ногу на ногу, — можно было бы найти подходящий перевод, да не стоит времени тратить. — Возглас «понятное дело» опять задел Симцова. И он напомнил ему жаргон Людмилы. С трудом удержался он от замечания или просьбы — бросить привычку повторять беспрестанно некоторые поговорки».

Различные вульгаризмы, стилистически смягчённые, без слов определённо грубых, служат основными элементами для так называемого *буршикозного* способа речи. В статье «О карикатуре на марксизм» В. И. Ленин, упоминая о буршикозных выражениях, называет их «студенчески-простоватыми, грубоватыми, употребительными (и естественными) при студенческой попойке» (т. XIX, изд. 3, 1929, стр. 209).

Ср. *подъезжать* в значении «стараться склонить на свою сторону» и под.: «Она знает, с чем он *подъезжал* к мужу сестры её» (Б о б о р.), *ловчиться*, *трубить* («А скажите, долго вам ещё в училище *трубить*? — Л. С о б о л е в, «Капитальный ремонт»), *тянуть скучную ляжку*, *влопаться*, *подхарчиться* («Торопятся *подхарчиться* куском сырого мяса» — г а з.), *отколоть штуку*, ученические «профессиональные»: *срезаться*, *провалиться*, *засыпаться*, *плавать и под*.

Только в послереволюционное время в поэзии заняли место слова и выражения фамильярных жанров, очень разнообразных по тематике, но обычно связанных со словоупотреблением молодёжи — учащихся, военнотружущих, работников производств и т. п. Эту лексику в её живой подвижности, в переливах настроений от шуточных до печальных, с различиями полов, положений и т. д. художественно впитала в себя поэзия Дем. Бедного, А. Жарова, А. Твардовского, И. Сельвинского, М. Исаковского и многих других наших современников.

Вот почти наудачу взятые примеры: «Я тему такую *не сдам в откупа* Ни прозе, ни лирике *щуплой*, Я рифмы натаскивал как собак, Я каждое слово вертел на зубах, На слух и на замысел щупал. Я шёл месяцами не к той простоте, Что пестует *врун малохольный*, В болотах метафор шагал не затем, Чтоб строки до дырок *мусолил эстет*, Но тысячи *начисто* поняли. Я весь этой темой перехворал До самого мелкого нерва, Как хлеба кусок из горы *барахла*, Я взял и понёс её первый» (Б р а у н). «Она в посты ходила разводящим, Над фрезерным станком наклонена. Бывало, мы её к матлёту тащим, А всё ещё *кобенится* она. *Братве* тех лет почти что всей знакома, Она не знала, есть ли мрак и мгла» (С а я н о в).

Говоря об эмоционально окрашенной лексике, на особое место следует поставить лексику произведений *научной прозы*.

Избегая снижения стиля серьёзного, сознательно или бессознательно стремясь сделать свой слог максимально сдержанным, носители такого стиля часто не только исключают при отборе своей лексики слова поэтические, волнующие и красочные, но и отдают предпочтение из словарного материала прозаического такому, который больше производит впечатление специфически-книжного, не разговорного, не входящего в сферу повседневности. Для многих этот холодный, «академический» стиль — результат постоянных книжных влияний, но для других за ним, несомненно, кроется своеобразная эмоция — «профессиональная гордость», чувство отгороженности от «низменного» и «вульгарного». Очень характерно это было в прошлом для известной группы буржуазных учёных, кичившихся наукой и стремившихся отгородиться от «массы». Время от времени в истории русского слога имели место индивидуальные попытки оживить научную лексику, внести в неё больше элементов живого разговорного языка. Особенно естественно это выходило в литературе научно-полемической. Можно, далее, назвать учёных, которые охотно в свой стиль, в целом сухой и отвлечённый, вносили отдельные «сочные» слова разговорно-бытовой речи, сознательно обращались к источникам так называемой народной фразеологии и под. Очень типичен, напр., в этом отношении знаменитый лингвист А. А. П о т е б н я. Но в общем до Великой Социалистической революции, а у некоторых учёных и до наших дней, «учёный слог» дошёл с неизжитыми признаками профессиональной замкнутости и сухости, иногда более или менее сознательно преодолеваемыми, в более редких случаях — сугубо подчёркиваемыми. Основные источники, питающие этот академический стиль, — и н о с т р а н н ы е с л о в а (главным образом, грецизмы и латинизмы) и к а л ь к и с - у н а с л е д о в а н н ы х ц е р к о в н о с л а в я н с к и х о б р а з ц о в, в свою очередь восходящие к грецизмам византийским, продуктам схоластической науки с её вкусом и творческой изобретательностью в области отвлечённых понятий.

Нужно отметить, однако, научную область, где в традиционную сферу академической лексики всё более проникают элементы живого разговорного языка, того языка не принуждённого общения (просторечия), который и по темам, и по выбору слов обыкновенно представляет особый пласт, противопоставляемый отборочной, книжной лексике. Ср., напр., слова вроде: *ошпарить, замусолить, притерпеться, дрянной, коверкать, куцый* и под. Науки о б щ е с т в е н н ы е тесно связаны с жгучими вопросами современности и представляют одно из мощных орудий классовой борьбы. Они прежде всех других органически должны выходить за узко-академическую сферу; добытое в них стремится немедленно реализоваться в соответствующих действиях. Общественные науки и серьёзная публицистика не далеки друг от друга, и если последняя приобретает от общественных наук в своей лексике типические черты учёного слога — обилие специальных терминов, большое количество слов отвлечённого характера, точную очерченность

понятий и под., то и, обратно, публицистическая установка сообщает научным исследованиям остро-полемические черты: чётко окрашенные эмоциями негодования, иронии и под. «словечки»; фразеологические обороты, перенятые от масс, чья лексика, как «низкая», находилась долго под литературным запретом; новообразования, принижающие предметы, против которых направлены полемические удары, и под.

Возможность отбирать стилистические варианты в русской лексике очень велика вследствие большого числа синонимов, образовавшихся спайкой со старославянской лексикой. Мысли, высказанные Ломоносовым в его рассуждении «О пользе книг церковных в российском языке» (1757), при всей кажущейся теперь искусственной трактовке слога¹, заключают в себе много справедливого: эмоция торжественности легко обеспечивается до сих пор отбором синонимических слов старославянского происхождения, даже тех, в которых мы не могли бы с точки зрения современного языка заметить признаков архаичности. Мы не отойдём далеко от фактов, если скажем, что в истории русского литературного языка, правда, главным образом, XIX века, можно констатировать почти полное соответствие между степенью торжественности избранного писателем слога и количеством употребляемых им церковнославянизмов. Последние заметно выдвинуты в трагедии, поэме, балладе, многих видах лирики и под. Злоупотребление церковнославянской примесью может сделать стиль тяжёлым и напыщенным (Вяч. Иванов, поздний Бальмонт, В. Брюсов); однако, у большинства русских мастеров художественного слова XX века такое пристрастие к старославянской стихии — относительно редкое исключение, и чаще всего их выбор проходит по линии слов, представляющих в русской лексике органическую часть её состава.

Церковнославянизмы — настолько исторически внедрившееся средство возбуждения эмоций торжественности, что даже в слоге писателей, вся поэтика которых направлена к обновлению речевых приёмов и устранению старых, они оказываются использованными

¹ Ломоносов различал три вида слога: «высокий», «посредственный» и «низкий». По его учению, первый составляется из «речений славенороссийских», т. е. употребительных в обоих наречиях, и из «славенских, россиянам вразумительных и не весьма обетшалых». «Средний штиль состоять должен из речений больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым». «Низкой штиль принимает речения третьего рода, т. е. которых нет в славенском диалекте, смешивая со средним...». Высокий стиль — учит Ломоносов — естествен в героической поэме, оде, прозаических речах «о важных материях», средний — в драме, стихотворных дружеских письмах, сатирах, идиллиях и элегиях; «в прозе предлагать им пристойно описание дел достопамятных и учений благородных». Сфера приложения низкого — комедии, увеселительные песни, прозаические дружеские письма, описания обыкновенных дел.

Источники ломоносовского учения о слогe указывает А. П. Кадлубовский в статье в «Сборнике в честь М. С. Дринова «Почеть» (Сборн. Ист.-филол. общ. при Харьк. унив., XV, 1908, стр. 83—89).

в моментах, наиболее эмоционально поднятых. Ср., напр., даже у Маяковского: «Где глаз людей обрывается куцый, Главой голодных орд В терновом венце революций Грядёт шестнадцатый год» («Облако в штанах»).

Специфическая особенность русского языка, вызванная обильной примесью в нём церковнославянизмов, проявляется, к слову сказать, особенно в возможности повышать торжественность слога не только отбором из синонимических групп по преимуществу соответственных прилагательных и глаголов, как в других языках, но решительно всех возможных групп слов, не исключая даже предлогов и союзов; ср.: *пред*, более торжественное, чем *перед*; *ибо*, более приподнятое, чем *потому что*, не говоря уже о таких парах, как *око* — *глаз*, *чело* — *лоб*, *уста* — *губы*, *иной* — *другой*, *почивать* — *спать* и под.

Особая эмоция поэтичности, стилистической приподнятости или отобранности, которую нельзя, однако, отождествлять с напыщенностью, в большей или меньшей мере характерною для старославянских элементов языка, в русском языке сопровождает часто синонимические варианты разговорной речи, не исключая самых обычных слов. Так, в синонимических группах, вроде *дорожка* — *тропинка* — *тропка*, *бабочка* — *мотылёк*, *шум* — *гул*, *черёд* — *очередь* (последовательность), *порядок* — *череда*, *смотреть* — *глядеть*, *тишина* — *тишь*, *смерть* — *кончина*, как более соответствующие поэтической приподнятости мы ощущаем *тропинка*, *тропка*, *мотылёк*, *гул*, *черёд*, *череда*, *глядеть*, *тишь*, *кончина*.

Любопытно, что, помимо упомянутой выше группы слов, используемых для создания *couleur locale*, и классической номенклатуры (*муза*, *арфа*, *лира*, *нектар* и под.), заимствования из европейских языков редко поступают в специфически-поэтический фонд русской речи: имея чрезвычайно большое влияние в прозе научной и научно-публицистической, в поэзии в узком смысле, особенно лирической, они скорее — случайно принятые гости, причём состав их почти исключительно ограничен именами существительными. Из таких назовём, напр.: *идеал* (ср. у Пушкина в «Евг. Онег.»: «На модном слове «идеал» Тихонько Ленский задремал»; ни у кого, кажется, в лирике XIX века это слово не встречалось так часто, как у Надсона), *аромат*, *эфир* (поэтическим это слово является уже у Державина и Карамзина), *нимб* (часто оно, напр., у Брюсова)¹.

¹ Ср. с этим преодоления непозитического воздействия иностранного слова вроде: «Река колеблет еле внятно По синеве стальные пятна И зыби цвета «электрик» (Брюсов, «Тусклая картина»), или «... И спелые *виражи* в поле Срезая, вновь взлетать на склон» (Брюсов, «Зов автомобиля»). Явно нарочитый подбор сугубо иностранных слов, притом несклоняемых слов, имеем, напр., в стихотворении Брюсова «Бодлер»: «Давно, когда люди дышали *пачули* И лица солидно склонялись в *лансье*, Ты ветер широт небывалых почувля Сквозь шелест шелков и волн *валансьен*».

Особое место следует отвести названиям деревьев, кустов, цветов и под. предметов, наименования которых очень часто восходят к иностранным источникам, но сохраняют свою поэтическую действительность. Для многих из них, впрочем, иностранный источник забыт, и ощущаются они зачастую как родные. Такими поэтически-ми словами являются, напр., *пальма, акация, кедр, кипарис, сирень, фиалка, роза, лансыш, хризантема, жасмин* и т. д., самостоятельная эстетическая весомость которых преодолевает в ряде случаев даже отрицательные последствия их затасканности. То же, что и о названиях цветов, в существенном следует сказать о названиях драгоценных камней: *брильянт, бирюза* и под.

Нельзя, однако, упускать из виду, что «поэтичность» и таких слов — явление определённых эпох и стилей. В тех случаях, когда известное течение отталкивается от старого наследия, отходит на задний план и эта лексика¹.

Труднее охарактеризовать специфические черты синонимического отбора, относящегося к нежности и ласке. Общее впечатление таково, что здесь писатели, конечно, прежде всего пользуются ласкательными суффиксами, которыми так богаты, напр., сравнительно с английским, славянские языки, но углубляют эмоцию нежности, обращаясь к синонимическим словам или формам народной лексики, которая не является вместе с тем в этом отношении диалектной; ср. такие, идущие явно из богатства крестьянской речи слова, как *дитячко, родимая, голубок* (прозаичней, заношенной — *голубчик*), *соколик, пташка, лапушка, лелеять, голубить* и под.

Из слов, оставшихся народными, но играющих исключительно большую художественную роль в тексте, где они даны, стоит упомянуть хотя бы *милачок* Луки («На дне» Горького) или у Чехова («Иванов»): «Авдотья Назаровна (увидев Бабакину, всплескивает руками): *Ясочка моя, красавица!* ... Она здесь, а я, куриная слепота, и не вижу... *Голубочка...*»

С ещё более определённым налётом диалектной речи у И. Сельвинского в «Казачьей колыбельной» — «Серебристая луна... Золотая зыбка... Истомишься ты без сна, *Лапка моя, рыбка!*»

Особую художественную роль играет собственно диалектное *малявочка* в «Преступлении и наказании» Достоевского:

¹ О поэтическом и непоэтическом в лексике в духе традиционных воззрений — С. Я. Надсон, Литературные очерки (1883—1886), 1887, стр. 195—197.

Ряд интересных исторических справок о преодолении «поэтической» лексики см. в статье В. Тренина и Н. Харджиева: Маяковский и «Сатириконская поэзия». Лит. критик, 1934, № 4.

... Ср. и замечание Л. Толстого: «Так считаются в нашем кругу всякого рода легенды, саги, старинные предания поэтичными сюжетами. Поэтичными же лицами и предметами считаются девы, воины, пастухи, пустынные, ангелы, дьяволы, во всех видах, лунный свет, грозы, горы, море, пропасти, цветы, длинные волосы, львы, ягнёнок, голубь, соловей; поэтичными вообще считаются все те предметы, которые чаще других употреблялись прежними художниками для своих произведений» («Что такое искусство?»).

«Когда же, шесть дней назад, я первое жалованье моё — двадцать три рубля сорок копеек — сполна принёс, *малявочкой* меня назвала: «*Малявочка*, говорит, ты этакая!» И наедине-с, понимаете ли? Ну, уж что, кажется, во мне за краса и какой я супруг? Нет, ущипнула за щёку: «*Малявочка* ты этакая», говорит» (слова Мармеладова).

С ним наряду в «Бедных людях» Достоевского может быть поставлено слово *маточка*, особое эмоциональное значение которого в своём последнем письме раскрывает сам Макар Деушкин: «Да как же может быть такое, Варенька! К кому же я письма буду писать, *маточка*? Да! Вот вы возьмите-ка в соображение, *маточка*, — дескать, к кому же он письма-то будет писать? Кого же я *маточкой*-то называть буду; именем-то любезным таким кого называть буду? Где мне вас найти потом, ангельчик мой?»¹

Исключительной нежностью и теплотой согрето в устах Сатина («На дне») новое, «его» слово *человечинка*: «Славная, брат, была *человечинка* сестра у меня».

Большая степень эмоциональности достигается иногда писателями, подновляющими чувство, которое внушает известное ходовое слово, необычным его употреблением; особенно свежо, напр., *миленький* в речах и письмах Верочки («Что делать?» Чернышевского) благодаря тому, что оно обыкновенно даётся без существительного, и не в обращении, а как замена названия третьего лица.

Ближе к «средней» линии употребления — «Я спрашивала своих подруг, какое самое нежное имя на русском: *милый*, *голубчик* — сказали они. И я говорю тебе это имечко, потому что другого, нежнее, не знаю...» (из письма Мариорицы к Волынскому в «Ледяном доме» Лажечникова). Ср. и: «Я пишу тебе, *мой добрый*, *славный*, *милый*, *Мой хороший*, *ненаглядный мой!*» (Случевский, «Из чужого письма»).

Замечательные образцы фамильярной ласковости, служащие юмористическому впечатлению, даны А. П. Чеховым, напр., в «Предложении»: «*Чубиков*: ...*Голубушка*, кого вижу! Иван Васильевич! Весьма рад. ...Вот именно сюрприз, *мамочка*... Садитесь, покорнейше прошу. Вот именно нехорошо соседей забывать, *мамочка моя!* *Голубушка*, но что же вы так официально? Во фраке, в перчатках и прочее. Разве куда едете, *драгоценный мой?* — В чём дело, *красавец?*»

Нужно, однако, заметить, что основной словарный фонд, которым обеспечивается передача в лексике ласки и нежности, в большей мере заключается в самих понятиях, чем в отборе синонимических параллелей.

Из излюбленных слов, служащих постоянным средством метафоризации с преобладающей окраской ласки, наиболее характерны названия некоторых птиц (*голубчик*, *соколик* и под.)

¹ Раньше, однако, оно без особенно яркой эмоциональной окраски уже встречалось в значении, близком к обыкновенному «матушка», у Г. Ф. Квитки-Основьяненко в комедии «Шельменко-денщик»: «*Шпак*: ...А что вам, *маточка*, надо?»; «*Шпак*: Помилуйте меня, *маточка!* Я совсем здоров, и на что мне лекарство?»

Стоит внимания, что очень значительное число слов русского языка существует только с окраской, хотя бы бледной, ласковости и нежности, подсказываемой суффиксом, сделавшимся неотъемлемой принадлежностью данного слова. Таковы многочисленные названия цветов вроде, напр., *васильков, колокольчиков, душистых горошков, ноготков, серёжек, анютиных глазок*; маленьких животных и насекомых — *хорька, морской свинки, пеночки* (при редком: *пенка*), *мотылька, божьей коровки, кузнечика, улитки, букашки*; некоторых названий родства: *бабушка* (слово *бабка* почти не употребляется и встречалось раньше едва ли не исключительно в официально-канцелярском слого; в языке поэзии и художественной прозы встретить его можно было очень редко; ср.: «Твоя бабка была кадиксанка. Да, я помню её, как сейчас...» (в переводе Щепкиной-Куперник из Ростана), *дядя* (*дядька* уже несёт за собой эмоцию грубости), *тётя* (ср. более грубое *тётка*); людей ранних лет жизни — *малютка, мальчик, девочка* и др. Среди упомянутых слов найдутся такие, которые зачастую могут связываться с понятиями отнюдь не положительными: *луговой мотылёк*, напр., — вредитель, но языковая оболочка слова в русском языке подсказывает всё-таки эмоциональную окраску, расходящуюся тут с интеллектуальным содержанием слова.

Отбор вежливых слов, диктуемый разными общественными группами по-иному, сказывается отчасти в известных эвфемизмах, благодаря которым в литературный язык могут находить себе доступ не разрешаемые приличием понятия, и в ещё большей степени — в специальных фразеологических оборотах. К тому же, фразеология вежливости в смысле требовательности к ней различна в разных языках. Французские, напр., требования к слогу в этом отношении настолько превосходят наши, что точный перевод с французского на русский язык обыкновенного письма должен на нас произвести впечатление приторности. Стоит сопоставить, напр., тот же самый текст пригласительного билета, напечатанный одновременно на нескольких языках, чтобы разница между обязательною степенью вежливости, типичною для каждого, выступила очень заметно. Сдвиги в распределении влияния социальных групп сказываются в этой стороне речи с большою чёткостью. Буржуазное общество, ещё дорожащее феодальным наследством, имеет, естественно, очень большое количество слов и оборотов, соответствующих разным рангам почтительности. К нашим дням от них остаются более или менее случайные обломки, причём обыкновенно скорее всего из употребления выходят обороты и слова, наиболее бьющие в глаза чертами сервизма. Великая Социалистическая революция и в этом отношении внесла огромные изменения. Из состава живой лексики выбыли титулы (*князь, граф, барон*), обращения, обязательные для рангов и потомственности (*ваше превосходительство, ваше сиятельство, ваше благородие*), обращения, уже раньше утратившие свой прямой смысл, но сохранявшиеся как формулы вежливости по отношению к лицам «уважаемых» классов (*милостивый государь,*

господа, его высокородию — на конвертах), такие же фразеологические обороты (*покорнейшую просьбу* сменила просто *просьба*; *прошение*, повидимому, окончательно вытесняется *заявлением*; никто теперь не подписывается *ваш покорнейший слуга*, а тем более... *всенижайший*..., хотя ещё время от времени употребляется *готовый к услугам* и под.). Из старых отложений, типичных для русского языка, в полной мере сохранено употребление отчеств (с *-ичем*, *-вичем*, *-овною* и под., с *чем*, как признаком высокого положения, неохотно мирился по отношению к низшим классам канцелярский язык с его «Иваном Михайловым Гончаровым», «Ольгою Тимофеевою Поповой» и под.). Третье лицо, присутствующее при разговоре, не должно, согласно требованиям вежливости, называться местоимением *он*, *она*, а по имени и отчеству или фамилии с прибавлением *товарищ* или *гражданин*. *Товарищ* (в сочетании с «уважаемый», «дорогой» и т. д.) всё больше стремится вытеснить классовые и профессиональные наименования, сопровождавшие фамилии, и на фоне такого употребления *гражданин* уже может восприниматься как сухость или ирония, а *господин* или *милостивый государь* (вне таких узких сфер, как язык дипломатии) звучит как сарказм.

К условностям вежливости относится возможное употребление обращений: приняты, напр., *доктор* (в отношении врача, но не учёного с соответствующей степенью), *профессор*, но необычно звучали бы: *врач*, *инженер*, *академик*, возможные только в сочетании с *товарищ*.

Вежливость может быть, разумеется, различных степеней и различной классовой окраски. Так, напр., *любезный*, *любезнейший*, *почтенный*, *почтеннейший* без имени существительных до Революции обыкновенно употреблялись только по отношению к низшим и легко приобретали ироническую окраску.

Лексика и фразеология, воспринимаемые как смешные, существуют на фоне средней принятой в известных стилях лексической манеры. Почти всегда несколько смешны, напр., отрезки, стилизованные под разговорно-бытовую речь¹ и вставляемые в обычную книжную; смешны старомодные слова, как смешными могут казаться не привычные неологизмы; забавляет мещанская речь, особенно тогда, когда она претендует на литературность, а ещё больше — на изысканность; улыбаемся мы арготизмам² и т. д.

Некоторые специальные замечания об эффекте смешного читатель найдёт в других параграфах данной главы, посвящённых

¹ Обычное средство усиливать в ней смешное — «народные этимологии», искажённые заимствованные слова, получившие своеобразное осмысление. Много подобных мнимых «народных этимологий» сочинено Лесковым (ср. особенно «Левша», «Полунощники»): *мелескоп* (телескоп), *нимфозория* (инфузория), *долбица умножения* (таблица), *свистовые* (вестовые) и под.

² Словам, употребляющимся в арготизме, т. е. в специальном языке какой-либо общественной группы, сообщества и т. п., отличающемся от общего языка главным образом наличием слов, непонятных непосвящённым.

отдельным типам лексики; здесь мы упомянем только о нескольких видах смешного, возникающих не на базе социальной дифференциации или дифференциации хронологической, а в пределах той же самой среды и времени по мотивам ассоциативного порядка. Юмористическим средством слово делается, напр., когда его употребляют в смысле или с эмоцией, противоположной той, которая обычно принадлежит ему, причём говорящий намекает, что, по существу, дело идёт не о том, что сказано, а о том, что прямо-противоположно мыслится и чувствуется (ирония и под.); ср., напр., *полететь* в значении «упасть» (особенно — *полететь турманом*: *турман* — порода голубей); *попросить* — в значении «удалить» и под., *улыбнуться* — «показаться и исчезнуть» (о том, что клонилось к удаче); ср.: «Так и есть: *улыбнулись* часики, достались московским жуликам либо петербургским мазурикам» (М е л ь н и к о в - П е ч е р с к и й, «На горах»); *удружить* употребляется теперь только в ироническом смысле; *посеять* — «потерять»; *сокровище* — по отношению к лицу надоевшему; *скандал в благородном семействе*; *праздновать трусу* (*труса* с меньшим пониманием образца — церковного выражения)¹; *щеголять* (зимою) *в летнем пальто*; *честить* — «называть обидными словами, оскорблять»: «Его «клеймёным, каторжным» *честил* родной сынок» (Некр.). «Предлинной хворостиной Мужик Гусей гнал в город продавать; И, правду истинну сказать, Не очень вежливо *честил* свой гурт гусиной...» (Крыл.). Ср. *честь*. Старое значение, без иронии, встречается ещё в первой половине XIX века: «На памятный вовеки пир Мужей, держащих в длани мир, Созвала царская трапеза. И два дня верных слуг своих, Князей войны, князей совета *Честил* властитель царства света» (Кюхельб., «Зоровавель»). Академический словарь церковнославянского и русского языка 1869 года первым значением давал ещё для *честить* «оказывать честь; почитать, уважать»; *честная компания*; *хулиган*, *подлец* и под. в смысле похвалы (ср. «мой халиган» — гордые слова Софрона о сыне Ваньке в «Перегнутое» С е й ф у л л и н о й) и др. Такое лексическое употребление можно встретить в любом языке и чуть ли не у каждого писателя во всех видах литературы, мало-мальски открывающих доступ смешному или забавному.

Интереснее и индивидуальнее другой вид смешного: слово даёт не в его точном значении, а намекает на другое значение, чаще всего почему-либо запретное, принадлежащее или другому слову, похожему на него по звукам, или тому же, но употребляемому в другом контексте. Таковы, напр., «хлёсткие» словечки, оставленные русской фразеологии в наследство С а л т ы к о в ы м - Щ е д р и н ы м: *помпадур*, администратор царских времён; ассоциация с «дурить», «дурак» и т. д. и «помпа» — пышность; *помпадурша* — его фаворитка; исходный пункт словесной игры — фамилия маркизы

¹ Ср. «Храбрый то и сам вперед норовит.—Я-то сделаю, а вы-то *трусу веруете*» (Глад.).

де-Помпадур, влиятельной фаворитки Людовика XV¹; *головотяпы*², *пустоплясы*³, *аплодисменты*⁴. Удачно, хотя и не привилось, словечко Достоевского: «зла и сверлива, как буравчик» (ср. «сварлива»). Ср. и старое *здать Храповицкого* — «захрапеть» (Храповицкий — влиятельный личный секретарь Екатерины II).

Широко были распространены в прошлом казавшиеся, при известной грубости, смешными *берёзовая каша*, *зарядить с казённой части*, *мышинные жеребчики* и под.; с искоркой смеха произносится *кормить завтраками* — «отсылать «назавтра» и произносилось ученическое *праздновать Сократа* («сокращать», т. е. пропускать уроки). Забавное насмешливое слово по образцу, «млекопитающие» находим в «Литературной газете» (1937, № 26). Статья называется «*Литпитающиеся*». В ней пишется: «Теперь-то всем раскрылась тайна существования многих молодчиков от литературы. 12 миллионов годового бюджета литфонда — вот главный источник их благополучия...» Смешными и теперь представляются, напр., *клевать носом* и под. Следует, впрочем, не упускать из виду, что эмоция смешного принадлежит в языке к наиболее быстро стирающимся.

Из слов, приобретших значение или окраску шуточных по различным частным мотивам, можно упомянуть ещё, напр.: *скоропалительный* («скоропалительное решение» и под.); *новоиспечённый* («новоиспечённый инженер» и под.); *подопечный* (когда «опека» носит подозрительный характер); *распеканция*, *старушенция*; *разлимониться* и под. (ср. «Разлимонился, рассиропился, раскис... стою на коленях, как дурак, и предлагаю руку», — Чехов «Медведь»); *тютелька в тютельку* «точь-в-точь, совершенно точно»; ироническое *пустопорожний* (в старину так назывались никем не занятые земли): «пустопорожние разговоры»; ирон. *доморощённый* («доморощённый философ»); *вломиться в амбицию*; *посошок* «последняя рюмка водки, выпиваемая на дорогу»; «Ещё маленькую... извольте выкушать. На дорожку посошок, — сказала она, слегка улыбаясь» (Мельн. - Печерск.), ср.: *посох*, особенно дорожный; междометие *тю-тю* — о пропаже или неудаче, к которой относятся шуточно: «...А оно и *тю-тю!* не выгорело» (Горьк.).

¹ «Ради Христа, ваше превосходительство, поскорее поспешите к его сиятельству, ибо вас сделали *помпадуром*» (Салтыков, «Помпадуры и помпадурши»).

«Оказывается, что «новый» *помпадур* выбрал себе в *помпадурши* жену квартального» (там же). К современному употреблению ср.: «*Помпадуры* из Союзконсерва» («Правда», 25/VI 1932), «Окололитературные мелочи, или *помпадурское* администрирование» («Правда», 19/III 1932).

² «*Головотяпами* же прозывались эти люди оттого, что имели привычку «тять» головами обо всё, что бы ни встречалось на пути. Стена попадётся, об стену тьяпают; богу молиться начнут, об пол тьяпают» («История одного города»).

³ О красивых сытых конях («Коняга»), — намёк на либералов; ср. *пустомели*, *пустозвоны* и под.

⁴ За стеною вам слышатся голоса: — Как тебя зовут? — спрашивает один голос. — Кого? — отвечает другой. — Тебя! — Меня-то? — Ну, да, тебя! — Зовут-то? — Ах, чтоб тебя... Раздаются «*аплодисменты*». — Аким, Аким Сергеев, — торопливо отвечает голос» (Салт.). «*Аплодисменты*» здесь — «пощечины».

Русский язык не принадлежит к числу богатых омонимами, являющимися прекрасным средством нарочно создавать забавные недоразумения или, по крайней мере, налёт словесной игры. Он гораздо менее пригоден для каламбуров, чем, напр., английский и французский, из славянских — чешский. Поэтому каламбуры в разговорно-бытовой речи и в языке писателей, построенные на омонимности слов или одинаковости форм, сравнительно редки¹; ср.: «А что же делает *супруга*, Одна в отсутствии *супруга*?» (Пушк., «Граф Нулин»). Ср. и написанное в 1888 г. четверостишие — каламбур поэта-сатирика П. В. Шумахера: «Поэзия всегда была моя *стихия*. Свободой, правдою звучал мой смелый *стих*; Но, изувеченный цензурою, я *стих*, И только для друзей пишу теперь *стихи я*». Чаше игра строится на комбинации нескольких слов: у Пушкина («Утопленник») находим, напр.: «Вы, щенки, за мной ступайте. Будет вам *по калачу*, Да смотрите ж — не болтайте, А не то *поколочу*». Ср. поговорку: *Не под дождём — подождём* (у Островского в «Димитрии Самозванце»: «Не торопись! Не в сутки город строят. *Не под дождём*, мы лучше *подождём*»). Исключительное мастерство в области русского каламбура и родственных ему эффектов в XIX веке признавалось за Д. Д. Минаевым, по словам которого, рифмы — «моя *стихия* и легко пишу *стихи я*»², после Октября — за несравненно большими мастерами каламбура — В. Маяковским и И. Сельвинским.

В особую группу и по эмоциональной окраске, и по их культурно-логической роли следует выделить отвлечённые понятия.

В народном словаре их относительно немного, и рост их всегда показателен в смысле культурности. Сферы употребления отвлечённых понятий в русском языке, конечно, — по существу те же, что и в языках других культурных народов, — философия с характерными её ответвлениями в различных науках (обществоведческих, математических и т. д.), все виды рассуждений и под., но специфическую особенность обслуживающей такие понятия лексики в русском языке составляет относительная её оторванность от словопроизводства разговорно-бытовой речи. Мы в большом числе образуем отглагольные имена существительные (главная категория абстрактных слов), но не в духе свободной от книжных влияний речи (*пробег, пролом, порубка*), а чаще по старославянским образцам: с суффиксами *-ние, -ость, -ство, -ствие*, и это, кроме сугубой отвлечённости значений, влечёт за собой упомянутую выше специальную

¹ Целое стихотворение строит на блестящей игре омонимами Н. Тихонов («Индия в Москве»): «Индус отныне в деле *спор* — Он любит скорость, любит *спор*, А русский *спор* — особый *спор*, Его приветствует в упор Курсант на языке урду. Курсант за словом слово *гнёт*. Он ненавидит слово: *гнёт*. Чужой язык — язык тенёт. Но он тенёта разорвёт...» и т. д.).

² О нём см. И. Г. Ямпольский. Дмитрий Минаев. — Учён. записки Ленингр. Гос. унив., Серия филол. наук, вып. 9. Собрание стихотворений, 1947.

эмоцию академической сухости. Именно формальная лёгкость образования отвлечённых слов часто создаёт их избыточную продукцию, далеко не всегда и не во всём вызываемую потребностями уточнения мысли¹.

Пристрастие старого канцелярского языка к образованиям этого рода пародирует капитан Рухнев в рассказе из «Уже отцветших цветков» А. Ф. Писемского: «Губернское правление, получив этот рапорт, вошло в такого рода рассуждение: «так как влечение и разбитие стёкол вороною показывает явную небрежность со стороны лиц, смотрению которых непосредственно подлежат присутственные места, то израсходованную сумму возложить на виновных», т. е., значит, прямо на мой счёт».

Отвлечённые понятия, особенно в иностранной оболочке, по своей природе считаются для поэзии инородным телом: сфера поэзии — переживания и пронизанные ими представления². Но поэзия может быть и рассудочной: её предметом могут стать эмоции рассудочных переживаний. То, что в этом отношении может быть отмечено в истории русского литературного языка, относится, однако, не к научно-рассудочному типу, наиболее трудно поддающемуся поэтической обработке, а главным образом — к типу абстрактно-мистическому, уже имевшему идеологически родственные образцы в старинной русской письменности. Особенно типичны из таких писателей в этих своих устремлениях являвшиеся идеологами дворянской интеллигенции Андрей Белый и Вяч. Иванов, значительно умереннее — В. Брюсов. Своеобразное место абстрактные слова занимают в слоге К. Бальмонта. С одной стороны, как отмечал И. Анненский³, «лексическое творчество Бальмонта проявилось в сфере элементов, наименее развитых в русском языке, а именно... абстрактностей... Не знаю, не в первый ли раз у Бальмонта встречаются следующие отвлечённые слова: *безбрежность, печальность, (росистая) пьяность, запредельность, напевность, многозыблемость, кошмарность, безглагольность*. Но Бальмонт лирически их оправдал», с другой — типичное для него (и А. Белого) употребление отвлечённых слов во множественном числе понижает их абстрактность, конкретизирует их, не делая, однако, заметно-конкретными (ср. в его собственных стихах и переводах: «Из смертельных обмлений, Из борений

¹ Ср., напр., такую фразу, взятую из книги научно-технического содержания: «Проявлению усадки в виде внутренних пустот препятствуют соответственным усадке сжиманием металла болванки боковым давлением от продвижения и заклинивания её в изложнице восходящим движением нижнего поршня» (Н. И. Беляев. «Сталь», Л., 1925, стр. 39).

² Ср., напр., воспринимаемую как необычную начальную фразу в стихотворении Плещеева: «Напрасно, птички, вас мое *Присутствие* тревожит...»

Пушкин явно «эпатирует», играя прозаизмами *остракизм* и *эгоизм*: «Когда средь оргий жизни шумной Меня постигнул *остракизм*, Увидел я толпы безумной Презренный, робкий *эгоизм*», или в другом случае — словами того же типа *романтизм* — *афеизм*.

³ И. Ф. Анненский. Книга отражений. 1906, стр. 205.

долгих, грозных Пробуждён Франциск был к жизни», «Твоя земля... Та няня вечная исконных *созиданий*, Созданий, что родятся и висят, Сосут её живые груди», «На бёдрах землю нёс И чувствовал все *болести* её, *Рождения* её и *умиранья*»). Для его вкуса к абстрактным словам особенно характерны разложения глаголов на абстрактное существительное и управляющий им другой глагол; ср.: «В овраг тропинка *вьётся на уклон*», «За здоровье человека *вдох несу*» и под.

У поэтов рассудочного стиля, вкус которых к абстрактным словам (главным образом, отглагольным существительным) не бросается в глаза, их бывает, однако, значительно больше, чем обыкновенно думают (ср. хотя бы «Кавказский пленник» или «Цыганы» Пушкина, «Мцыри» Лермонтова, лирику Фета и под.).

Вот две иллюстрации этого стиля.

«Сохраню ль к судьбе презренье? Понесу ль навстречу ей *Непреклонность* и *терпенье* Гордой юности моей?» (Пушк.). «...Но ими дорожит моё *воспоминанье*; Без них всё *прошлое* — один жестокий бред, Без них — один *укор*, без них — одно *терзанье*, И нет *прощения* и *примиренья* нет» (Фет).

Но разница между этими поэтами и Бальмонтом, А. Белым и пр. — в том, что выбираемые ими слова или специфически-эмоциональны (*желание, любовь, скорбь, печаль, радость*), или, если говорить о малоэмоциональных, принадлежат к общему фонду языка и не воспринимаются поэтами как слова «учёные».

Ясно, что значительную примесь абстрактных слов мы встретим во всей литературе, не чуждающейся или близкой к рассудочному стилю: в публицистике, в соответственных частях романа, в резонёрских частях драмы и т. д. В частях собственно-беллетристических, впрочем, такие, напр., фразы, как «...что доводило Полторацкого до *забвения* всего, кроме *сознания* её *близости*» (Л. Толстой, «Хаджи-Мурат»), «Впереди пятой роты шёл в чёрном сюртуке и папахе и с шашкой через плечо недавно перешедший из гвардии высокий красивый офицер Бутлер, испытывая бодрое *чувство радости жизни* и вместе с тем *опасности смерти* и *желания деятельности* и *сознания причастности* к огромному управляемому одной *волей целому*» (Л. Толст.), представляют относительно редкий сгусток абстрактных слов. Много подобных сгустков находим у Н. Г. Чернышевского («Что делать?»). Ср., напр.: «Две и три недели его тянуло тогда к Лопуховым, но и в это *время* было больше *удовольствия* от *сознания* своей *твёрдости* в *борьбе*, чем боли от *лишения*, а через месяц боль вовсе прошла, и осталось одно *довольство* своей *честностью*» (III, 12), или в конце этой же самой главы: «*Надобность* в дежурстве прошла. Для *соблюдения благовидности*, чтобы не делать крутого *перерыва*, возбуждающего *внимание*, Кирсанову нужно было ещё два раза навестить Лопуховых на днях, потом через неделю, потом через месяц, потом через полгода. *Затем удаление* будет достаточно *объясняться занятиями*».

3. ОБЛАСТНАЯ И СОЦИАЛЬНОДИАЛЕКТНАЯ ЛЕКСИКА.

«...Диалекты и жаргоны представляют ответвления от общенародного национального языка, лишенные какой-либо языковой самостоятельности и обреченные на прозябание» (И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 11).

Не всегда легко бывает провести границу в языке русских писателей между лексикой и фразеологией разговорно-бытовой в широком смысле слова (просторечием), откуда они черпают материал, обогащающий их собственный язык лексикой, стилизованной под собственно народную, и лексикой, социальнодиалектной (напр., мещанской), которой они пользуются в речах выводимых ими персонажей. В словарь литературного языка просачивается только первая, тогда как последние остаются индивидуальным художественно-литературным достоянием авторов, инородным лексическим телом, не узаконяемым — внешняя примета их инородности — ни в каких словарях литературного языка. Тем не менее подобной лексике и особенно фразеологии в нашей художественной литературе принадлежит заметное место: не владея ею, не понимая её, очень трудно войти в русскую повесть, комедию и драму, во всяком случае — значительно труднее, чем, напр., во французскую или немецкую.

Разговорно-бытовой язык даже людей с серьёзным образованием редко бывает вовсе свободен от большего или меньшего налёта «просторечия», лексики городской массы, или совсем не проходившей школы, или прошедшей недостаточную школу языка. Предпочтение таких, напр., синонимов, как *нынче*, литературным *сегодня* или *теперь*; *давеча* — *на днях*, *недавно*; *умориться*, *умаяться* — *устать*; *ладно* — *хорошо*; *впрямь* — *в самом деле*, *действительно*; *больно* — *очень*; *промеж* — *между* и под., в речевой практике отдельных лиц или групп определяет собою такой налёт вольной или невольной сниженности.

Лексика крестьянских, главным образом среднерусских, говоров и мещанская (с той же диалектной основой) относительно давно стали предметом художественной обработки.

Приблизительно вторая половина двадцатых годов и тридцатые годы XIX века являются временем, когда в художественную литературу вместе с приёмами натуралистической школы, как один из них, входит копирование или подражание речи крестьян, ремесленников и т. п. Особенно значительным, делающим эпоху явлением в этом отношении несколько позже оказалась повесть Д. В. Григоровича «Деревня» (1846 г.).

Рано же из социальных жаргонизмов привлекла к себе внимание специфическая манера речи духовенства. Из арготических жаргонизмов благодаря Н. Г. Помяловскому («Очерки бурсы») с 60-х годов известными делаются словечки и выражения бурсы. Достоевский, Чехов, Мельшин (П. Якубович), В. Дорошевич познакомили русского читателя с

лексикой каторги. Арго больших городов, закреплённое для своего времени (1864 — 1867) В. В. Крестовским («Петербургские трущобы»), находит снова своих знатоков среди беллетристов в наши дни (Каверин и др.). Исключительное по мастерству использование арго в произведениях стихотворной формы имеем в «Улялаевщине», «Воре» и других вещах И. Сельвинского¹. Школьное арго мастерски отражено, напр., в «Дневнике Кости Рябцева» Ник. Огнёва.

Замечательное явление, большей настоящей цены, нежели выпавшая на его долю историческая роль в области художественного языка, представляют «Гарденины, их дворня, приверженцы и враги» А. И. Эртеля (1889 г.), произведение исключительное по точности и разнообразию социальнодиалектных характеристик его многочисленных персонажей и выразительности их индивидуальной словесной манеры. Оценке, данной роману в этом отношении не кем другим, как Л. Н. Толстым, — «такого языка не найдёшь ни у старых, ни у новых писателей», нельзя отказать в полной справедливости.

Вообще надо заметить, что после второй половины двадцатых годов XIX века писатели, вовсе не прибегающие к передаче областной или социальнодиалектной речи при разработке бытовых тем, — скорее очень редкое исключение, чем правило. Наоборот, легко назвать ряд таких, которые почти всё, что дали в художественной форме, дали в формах бытовой крестьянской и купеческой речи. Из более приметных имён назовём хотя бы А. Н. Островского и И. Ф. Горбунова. Репутация большого мастера сказа издавна укоренилась за Н. С. Лесковым (ср. особенно его «Левшу»). Он же прекрасный передатчик и фразеологии духовенства («Соборяне», «Мелочи архиерейской жизни» и др.), которая позже находит себе большее или меньшее место у многих других её знатоков: Чехова, Потапенка, Гусева-Оренбургского, Тренёва. Художественный памятник оформленной в стихе разговорной речи московского дворянства — «Горе от ума» Грибоедова.

Из наших современников, любящих сказ, можно назвать А. Невеорова («Андрон Непутёвый»), Л. Сейфуллину («Мужичий сказ о Ленине»), Гл. Алексеева («Дунькино счастье»), Н. Ляшка («Доменная печь») и мн. др. Примечательное явление представляют уральские сказы Павла Бажова — «Малахитовая шкатулка».

В стихотворной форме сказ культивировали, напр., И. Крылов (басни), Н. Некрасов (ср. особенно «Кому на Руси жить хорошо»), А. Майков, сильно архаизируя — А. К. Толстой

¹ О русском арго ср. В. Стратен, Об арго и арготизмах. Русск. яз. в сов. школе, 1929, № 5. Его же, Арго и арготизмы. Труды Ком. по русскому яз. Акад. наук, 1931, I. Л., 1931; Б. А. Ларин. О лингвистическом изучении города. «Русская речь», III, стр. 61—74; Е. Поливанов. За марксистское языкознание. М., 1931, стр. 152—161.

и Л. А. Мей; в наши дни — А. Твардовский («Василий Тёркин») и др.

Можно назвать ряд писателей, у которых любовь к крестьянской речи и стилизация под неё становятся типическими чертами их собственного слога. К таким можно причислить упоминавшихся уже выше В. Дала, П. Мельникова-Печерского, С. Максимова, из наших современников — такого прекрасного мастера, как М. Шолохов («Тихий Дон», «Поднятая целина»), А. Чапыгина, Ф. Панфёрова («Бруски»), Л. Леонова («Барсуки») и ряд других; в стихотворной форме — Демьяна Бедного, Твардовского, Яшина и т. д.

Речь рабочей молодёжи Донбасса в общем верно передаётся А. Фадеевым в романе «Молодая гвардия». «Они говорили, — замечает он о речи своих героев, — на том характерном для Донбасса смешанном грубоватом наречии, которое образовалось от скрещивания языка центральных русских губерний с украинским народным говором, донским казачьим диалектом и разговорной манерой азовских портовых городов — Мариуполя, Таганрога, Ростова на Дону».

Надо не упускать, однако, из виду, что лексический и фразеологический этнографизм в художественной литературе не может не регулироваться требованиями художественности. Передача нелитературной речи не должна представлять диалектных фотографий, точно соответствующих действительности. Социальная лексика поэтому даётся обыкновенно на фоне обычно-литературной, чаще — разговорно-литературной, представляя по отношению к ней только более или менее заметную примесь. Зачастую, эта примесь не многим превосходит элементы, вводимые там, где хотят создать впечатление чужой этнографической среды, *couleur locale*.

Слишком резко выраженное пристрастие к диалектизмам и к арготизмам, подхваченным у люмпен-пролетариата и тех слоёв, которые перенимают подобную лексику как «свежую», кажущуюся им более выразительной, пересыпание ими собственного языка (иногда ещё не без примеси придуманных в этом же духе слов) может стать в конце концов явлением опасным для литературного языка вообще. Видимость того, что слова что-то «значат», заменяет значащие, определённые и понятные слова; манерная игра словом, да к тому же далеко не всегда игра занятная, выступает там, где слово должно служить в своей прямой роли — быть выразителем смысла, доходящего до читателя. «Надобно помнить, что в словах заключены понятия, организованные долговечным трудовым опытом, и что одно дело — критическая проверка смысла слов, другое — искажение смысла, вызванное сознательным или бессознательным стремлением исказить смысл идеи, враждебность которой почувствована. Борьба за чистоту, за смысловую точность, за остроту языка есть борьба за орудие культуры. Чем острее это орудие, чем более точно направлено, тем оно победоносней; именно поэтому одни всегда стремятся притуплять язык, другие — оттачивать его» (Горький. О языке. — «Правда», 18/III 1934. Ср. и за-

мечания его в «Статьях о литературе и литературной технике», 1931, стр. 108—109).

Стилистическая роль крестьянской и мещанской лексики, вкладываемой в уста героев повествования, — приблизить читателя к бытовым впечатлениям, создать у него настроение, близкое к роли наблюдателя.

А. М. Горький отстаивает вообще ту точку зрения, что «...речевой язык остается в речах изображенных литератором людей, но остаётся в количестве незначительном, потребном только для более пластической, выпуклой характеристики изображаемого лица, для большего оживления его» («О литературе», 1937 г.). Этот взгляд, имеющий значительное количество сторонников (из старых писателей его энергично представлял, например, Ф. М. Достоевский), не является, однако, до сих пор безусловно определяющим практику русской художественной прозы, и некоторые писатели, и в их числе очень крупные, свою прямую художественную задачу видят в искусстве верно воспроизводить бытовую речь в её разнообразии и своеобразии¹.

У тех писателей прошлого, которые с о й с о б с т в е н н ы й язык стилизируют под крестьянский (иногда чисто-крестьянский, чаще — былинно-народный, поэтический, сдобренный изрядною примесью архаизмов), легче, чем в других случаях, угадываются, в зависимости от преобладания тех или других элементов народной речи (современной ли им крестьянской, архаической, былинной, песенной и под.), черты идеологии буржуазно-народнической, кулацкой, реакционно-дворянской и под. Слог былинно-народный имеет свои особые опасности, — при недостаточном искусстве автора он легко превращается в ходульно-напыщенный. Недаром именно его так охотно избирают многие писатели в целях пародии или вообще шутки.

Как на своеобразное явление, может быть, стоит указать, хотя совершенно оригинальным он в этом отношении не был, на А. А. Ф е т а — переводчика латинских авторов. По его собственным словам (предисловие к переводу «Превращений» П. Овидия Назона, 1887 г.), «борьба с ними на народном языке, ещё мало готовом к выражению столь чуждой ему жизни, представляет великое наслаждение, и, только надеясь на знакомство с простонародным языком и навык управляться с русским стихом, мы на неё решились» (Разрядка моя — Л. Б.).

Слова и даже некоторые формы из крестьянской и социально-диалектной речи — неотъемлемая принадлежность идиоматических выражений нашего литературного языка. Говорят, например, обыкновенно «худо ли, хорошо ли», «что *поделаешь!*», «работать *не покладая рук*».

¹ Ряд других высказываний Горького собран, например, в статье И. В а с и л ь е в а «Борьба А. М. Горького за чистоту, смысловую точность и остроту русского литературного языка», — Русский язык в школе, 1946 г., № 2, стр. 1—8.

В поэтическом языке литературы XIX века нашли себе место некоторые крестьянские слова, сообщающие речи автора бытовую окраску. Таковы, напр.: *аль, али; знать* (=верно). Ср.: «Много дум, гордых дум В их застынувшей мгле, Но смиренья печать На лилейном челе... *Али* ей, молодой, Не по силам борьба? *Али* на душу грех Навалила судьба?» (П о л о н с к и й, «Говорят...»). «Из дебрей туманы несмело Родное закрыли село, Но солнышком вешним согрело И ветром их вдаль занесло. *Знать*, долго скитаться наскуча Над ширью земель и морей, На родину тянется туча, Чтоб только поплакать над ней» (Ф е т). «Не сошла бы с ума — *Знать, взаправду* цыганка любила» (А п у х т и н).

Вне задач собственно-стилистических проникают в язык писателей такие провинциализмы, которые они сами не воспринимают как необычные для своей речи. Такие элементы, естественно, очень немногочисленны и случайны; А. В. Кольцов, напр., как доказал В. Чернышёв (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, 1921, XXIII, 2, стр. 83—91), в рукописях своих последовательно писал *альни* в значении «даже, так что» (Белинский не понял значения этого слова, разделил его на *аль ни*, и так долго и печатали, явно тоже не понимая смысла фраз: «Крикну, свистну им из-за леса: *Аль ни* тёмный лес шелохнется», «Заиграл я свадьбу новую... *Аль ни* дым пошёл под облака»). У Пушкина встречается севернорусск. *вечор* — «вчера вечером»: «*Вечор*, ты помнишь, вьюга злилась...» («Зимн. утро»), раньше его употреблявшееся уже Державиным.

И. С. Никитин пользуется диалектным словом *гудовень* — «сильное, беспрестанное гудение»: «В ковыле *гудовень* — и поют, и жужжат, Раздаются свистки» («Поездка на хутор»). Писемский любит диалектизмы *чехвал, чехвальство* и под. (из *тщехвальство* = бахвальство). Диалектизмы *отары* — «стада овец», *черва* попали в перевод «Илиады» Н. Минского.

Не больше как слишком далеко зашедшая свобода — *даден* в м. «дан» у Есенина в поэме «Ленин»: «И вот он умер... Плач *даден*. Не славят музы голос бед. Из медно лающих громадин Салют последний *даден, даден*».

Можно заметить, что только в качестве очень редких исключений в собственный язык писателей попадают диалектизмы из области склонения; ср., например, такой раритет у Полонского — «Глухая ночь меня застигла, — Морозной мглы сверкающие *игла* Открытое лицо мое язвят» («Ф. И. Тютчеву»).

4. ДРЕВНЕБОЛГАРСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ.

Вобрав в себя в течение веков фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности ведущих говоров, литературный язык русского народа многим обязан также, главным образом в лексике, еще и тому, что им усвоено было на заре его развития от другого славянского, близкого русскому, но вместе с тем

с ним непосредственно не связанного языка — древнеболгарского. Начатки влияния древнеболгарского языка как языка книги восходят ещё к концу X века, когда македонское наречие болгарского языка было единственным литературно обработанным славянским наречием, пригодным служить орудием письменности для других славян с близким к нему языком. Свидетельства летописи указывают на Киев как на тот центр, который сосредоточил в себе первоначальное книжное влияние. Но рядом со старославянским, хотя и близким к родному, языком, сделавшимся языком церкви и школы, большую роль в практическом употреблении культурных представителей восточнославянских племён уже в X веке играет родной, восточнославянский, сначала находящий себе широкое применение в сфере актовой и вообще практической речи, позже более или менее успешно конкурирующий с церковным также и в светских художественных жанрах, в мемуарной литературе и под. («договорные» части летописи, восходящие к X веку, «Русская правда» — XI в., «Слово о полку Игореве» — XII в., «Моление Даниила Заточника», относящееся ко времени между серединой XII и второй четвертью XIII века, «Поучение» Владимира Мономаха, первой четверти XII в. и под.).

Нужно, впрочем, заметить, что такой важный вид старинной литературы, как летопись, ещё в большой степени обнаруживает до самого XVIII века зависимость своего языка, не говоря уже о частях церковно-учительного содержания, написанных определённо на старославянском языке, — от старинных образцов книжной, в основе — староболгарской речи.

Естественный рост русской стихии в литературном употреблении светских людей встретил серьёзное препятствие в XIV—XV вв. Исторические процессы, вызвавшие передвижение восточнославянских племён на север и позже (с XIV века) приведшие к исключительному усилению Москвы, в области языка имели следствием то, что даже в традиционный литературный язык стали проникать со всё увеличивающейся силой элементы тех говоров, в области которых сосредоточивалась политическая и культурная жизнь страны.

В конце XIV века в делах церкви оказались влиятельными, однако, выходцы из южных славянских стран — Болгарии и Сербии (осуществилось так называемое «второе южнославянское влияние») ¹.

В условиях феодального общества церковное влияние определяло вместе с тем в большой мере характер всей школы. Немудрено поэтому, что относительно небольшое число южных славян, считавших себя носителями «правильного», «образцового» церковного языка, могло исключительно сильно влиять на письменный язык ещё относительно мало самостоятельной русской письменности,

¹ По вопросу о причинах и характере болгарского влияния см. М. Н. С п е р а н с к и й. История древнерусской литературы. 1921, изд. 3, стр. 287—292; В. И. И с т р и н. Очерк истории древнерусской литературы, стр. 65 и след.

поворачивая его вспять к чужому источнику. Традиция в литературных языках, закреплённых на письме, вообще чрезвычайно сильна. Элементы живых русских говоров, как сказано, пролагали себе путь в унаследованный письменный язык; особенно естественно это было в тех видах письменности, которые не были связаны с церковностью и тесно соприкасались с бытом и потребностями культурно-политическими, — как, напр., во всём, относящемся к деловым предметам: в договорных документах, постановлениях судов и под. Но, как ни жизненно было это влияние, как ни широк был его приток, разрушить до конца унаследованные особенности книжного языка, совершенно порвать с традицией оказалось невозможным¹.

В условиях долгого монголо-татарского ига живые силы естественного развития Руси оказались чрезвычайно ослабленными. Светские литературные жанры ещё в большей мере, чем это имело место в письменности XI—XIII веков, должны были отступить на задний план перед церковными со всеми вытекающими отсюда последствиями. Последствия оказались стойкими.

За исключением делового языка (языка документов, грамот и под.), до самого XVIII века носящего народный характер, языка простого и понятного, как нигде в Европе, — в русской письменности возобладали и в лексике и в грамматике элементы староболгарские, руссифицированные, в большей или меньшей мере, главным образом, в фонетике (в произношении). Даже жанры повествовательные, слог научно-философский ещё остаются до второй половины XVIII века на старых путях. Можно легко заметить очень большую разницу в количестве церковнославянских элементов между писателями первой трети и двух других XIX века; но и сейчас нам трудно составить фразу, в которой бы не попало слова, так или иначе не проникшего в наш язык из старого книжного источника или не созданного по старинным образцам. Мы даже и не чувствуем уже, что *время, сладкий, жажда, враг, нужда, плен* — это чужие слова, и только научный анализ может нас в этом убедить. Наоборот, мы, конечно, были бы удивлены, если бы нам предложили вернуться к их настоящей русской форме — *солодкий, веремя, жажжа, ворог, нужа, полон*.

Говоря о традиционном влиянии чужого языка, нельзя упускать из виду того, что оно далеко не во всём оставалось только книжным. Не нужно думать, что к нему через школу приобщались только грамотеи, а более широкие народные массы не испытывали влияния

¹ Генрих Лудольф свидетельствует, напр., для конца XVII в.: «Но точно так же, как никто из русских не может писать или рассуждать по научным вопросам, не пользуясь славянским языком, так и, наоборот, — в домашних и интимных беседах нельзя никому обойтись средствами одного славянского языка, потому что названия большинства обычных вещей, употребляемых в повседневной жизни, не встречаются в тех книгах, по каким научаются славянскому языку. Так у них и говорится, что разговаривать надо по-русски, а писать по-славянски» (Б. А. Ларин, Русская грамматика Лудольфа 1696 г., Л. 1937, стр. 114).

литературного языка. Ясно, что в большей или меньшей мере литературный язык в свою очередь влиял на язык массы, особенно в таких крупных центрах, как Москва. Поэтому и язык городского населения, не проходившего школы, так или иначе сближался с литературной речью, и между ними не создавалось излишним резких отличий; ни о какой «бездне» во всяком случае говорить не приходится.

Нужно также принять во внимание, что древнеболгарский язык не оказался на русской почве до конца и во всем инородным телом. Дело в том, что многие его особенности сделались отправными пунктами дальнейшего языкового творчества: многое, чем мы теперь пользуемся в литературном русском языке как привычным и даже необходимым, — не что другое, как заимствованные из древнеболгарского книжного языка образцы-шаблоны: ср. такие формы, как причастия на *-мый*: *несомый, любимый*, на *-щий*: *ведущий, глядящий*, на *-ший, -вший*: *шедший, видевший* и под.; отглагольные имена существительные на *-ние*: *похождение, возмущение*; превосходная степень прилагательных на *-ейший*: *сильнейший, честнейший*; образования существительных на *-тель*: *любитель, мучитель*; на *-ство*: *художество, убожество*; на *-ость*: *слабость, пряность*, и т. д.

В практике литературного русского языка лексические элементы церковнославянские или церковнославянизированные исполняют две важные функции:

1) быть уже, как замечено выше, основным источником абстрактной и ученой лексики и 2) обеспечивать языку богатый источник оттенков значений в сфере торжественного, отборочного, специфически-книжного и т. д.

5. АРХАИЗИРУЮЩАЯ ЛЕКСИКА.

Несколько слов следует ещё сказать об архаизирующей лексике, привлекаемой специально для того, чтобы создать впечатление старины. Принципиально она существует в тех же границах, что и лексика специфически-этнографическая, т. е. объём её регулируется требованиями понятности текста: она бывает обыкновенно вкраплена и отнюдь не представляет сплошных языковых пластов.

Среди архаизмов при этом надо различать архаизмы *материальные* — слова, обозначающие предметы и понятия, вышедшие из употребления, относящиеся к старине: *латы, корзно* (плащ, епанча), *камзол, стрелец, тиун, боярин, гусяр, вече*, и архаизмы *стилистические* — слова, синонимы к возможным параллельно другим, не носящим окраски старины: *уста* (губы), *вежды* (веки), *очи, бразды* (поводья, вожжи), *лицедей* (артист, актёр), *стяг* (знамя) и под. Ср.: «И он слегка коснулся жаркими устами К её трепещущим губам...» (Лерм., «Демон»). «Предстал — и старец великий смежил Орлиные *очи* в покое» (Барат., «На смерть Гёте»). «Что нового? — спросил Селим, Подняв слабеющие *вежды*...»

(Лерм., «Беглец»). «И в ужасе сомкнул я *вежды*» (Брюс.). «Мне ль было управлять строптивыми конями И круто напрягать бессильные *бразды*?» (Пушк., «Андр. Шенье»). «...Всё было ложь в тебе, всё призраки пусты: Ты был не царь, а *лицедей*» (Тютч., «Ник. Павл.»). «И Польша, как бегущий полк, во *прах* бросает *стяг* кровавый...» (Пушк., «Бород. годовщ.»). «Верно, дерзкий! Ты поставил Над землёй ряды *ветрил*...» (Брюс.); ср.: *парусов*. «...Полководцы Александра друг на друга *взносят меч*» (Брюс.); ср.: *поднимают*. «Не заглушить стремленья к высшей сфере И буре той, что *днесь шумит кругом*» (Брюс., «Мировая война XX в.»); ср. *теперь*.

«*Блажен* в беде не гнувший *выш*, *Блажен* певец *грядущих* дней, Кто среди тьмы денницы новой *Провидит* радостный восход И утешительное слово Среди общих слез произнесёт» (А. К. Толстой).

✓ Архаизирующая лексика в произведениях, изображающих допетровскую эпоху, часто комбинируется из элементов старинного языка, сохраняющих свою понятность для нас благодаря силе традиционного церковнославянского влияния, или в зависимости от стиля — примеси народного элемента (разговорно-крестьянского и поэтического крестьянского — песенного, былинного и т. д.). Так архаизируют, напр., А. С. Пушкин («Борис Годунов») ¹, М. Ю. Лермонтов («Песня про царя Ивана Васильевича»), А. К. Толстой (трилогия, «Князь Серебряный», баллады), А. Н. Островский («Василиса Мелентьева» и др.), Л. Мей («Царская невеста», «Псковитянка») и др.

У других в первой половине XIX века, напр., у Н. И. Погого («Клятва при гробе господнем», 1832) или И. И. Лажечникова («Басурман», 1838) установка на архаизацию выражается во включении в текст, относительно, впрочем, немногих, старинных слов, объясняемых и обыкновенно выделяемых курсивом, — с тем, чтобы не искущённый в исторической письменности читатель, для которого предназначается повесть или роман, сразу ощутил в них инородное языковое тело.

Хорошую начитанность в старинных памятниках обнаруживает архаизация Д. Л. Мордовцева.

Из наших современников приметнее других А. Чапыгин («Разин Степан»), в архаизации которого большую роль играет непосредственное знание лексики русского севера.

Впечатление языка XVIII века писатели создают обыкновенно пересыпая текст, вместе с чертами старинного порядка слов, некоторыми устарелыми словами, частично известными из позднейшего канцелярского языка (*опричь*, *токмо*, *оний*, *сей*, *противу*, *ниже*, — «ни даже», повторяемое «ни»; *единожды*, *понеже* — «потому что», *затем что* — «потому что», *гораздо* — «много, очень»), и типичными варваризмами петровской и екатерининской эпох: *авантюрьерка*,

¹ Специальную характеристику архаизации в «Борисе Годунове» см. в статье Г. О. Винокура — Язык «Бориса Годунова», — Сборн. Гос. акад. театра драмы «Борис Годунов» А. С. Пушкина, Л., 1936.

променад, реляция, вояж, сатисфакция и под.; реже — большими выдержками из памятников эпохи (П и с е м с к и й, «Масонь»).

Манера передавать язык XVIII века настолько, можно сказать, однообразно-традиционна, что трудно бывает установить разницу между архаизацией таких, напр., представителей исторического романа, как В с е в. С о л о в ь ё в, Г. Д а н и л е в с к и й, Д. М о р д о в ц е в и др. Новый тип архаизации, основанный на изучении документов, дающих главным образом язык, близкий к разговорному (пыточные материалы и под.), отражён в «Петре I» А. Н. Т о л с т о г о. Богатство языка, стилизованного под старину и под народные диалекты, его исключительная выразительность в речи персонажей позволяет спокойно пройти мимо исторических и особенно многочисленных диалектных неточностей архаизации в «Емельяне Пугачёве» В я ч. Ш и ш к о в а.

Архаизацию под первую половину XIX века, очень умеренную и не могущую по сути быть другой, так как язык начала века, благодаря чтению писателей этого времени, для нас не стал ещё вполне чужим, несколько заметней, чем другие, осуществляют, напр., Ю. Т ы н я н о в («Смерть Вазир-Мухтара», «Кюхля», «Пушкин»), С. Г о л у б о в («Бестужев-Марлинский», «Багратион», «Солдатская слава»).

У ряда писателей-пуристов, националистов, обыкновенно влияние разговорно-бытового крестьянского языка смешивается и теоретически и в практике их слога с более или менее сильными элементами древнерусского или церковнославянского языка. Поступают последние в их слог вне определённой хронологии как смутные реминисценции или нередко даже выдуманные слова, кажущиеся особенно близкими к крестьянским. Старина и «народность» крайне тесно сближены в их сознании, и этому в их лексике и фразеологии соответствует пёстрая смесь диалектно-бытовых элементов с архаическими. Черты такого слога нередки у славянофилов; бросаются они в глаза, напр., у М е я.

Из писателей, у которых такой стиль не прямо упирается в особенности идеологии, типичен А. К. Т о л с т о й: именно его слог, повидимому, имел в виду Ч е х о в, когда говорил о маске, которую этот человек раз надел, а затем и проносил всю жизнь. Приметен таким сконцентрированным слогом А. Р е м и з о в, любитель народной сказки, апокрифа, поговорки, писатель-собирающий, язык которого не имеет вне его индивидуальности никакой цельной живой базы. Архаизирующая лексика присуща иногда и отдельным писателям послеоктябрьского периода. Особенно её, иногда до крайности, с верной угрозой понятности, культивировал Н. К л ю е в, наиболее ярко отразивший, как в своё время отметила советская критика, «мироощущение вымирающего кулачества, цепляющегося за прошлое и отталкивающегося от революции».

С внутренней стороны в архаизирующей лексике, вводимой писателями, стоит отметить большое различие между архаизмами допетровской эпохи и послепетровской. С первыми преимущественно

но связана своеобразная приподнятость, торжественность, иногда благоговейность, вторые обычно несколько смешны. Если первые создают впечатление старины, то вторые — впечатление забавной старомодности. В произведениях с юмористическим уклоном архаизация под XVIII век — проверенный в смысле эффекта приём. Наиболее интересные образцы такой юмористической архаизации находим у «Кузьмы Пруткова»¹, Салтыкова-Щедрина и Горбунова.

Что касается старинной (допетровской) лексики, то смешною она может оказываться именно в силу своей приподнятости в тексте с содержанием, явно приподнятости чуждым, прозаически-обыденным или просто низменным. Образцы юмора, в которых архаизирующая лексика — одно из средств повысить впечатление смешного, относительно немногочисленны. Тут опять-таки приходится назвать, главным образом, А. К. Толстого («Поток-богатырь») и подражания старинной письменности И. Горбунова. Постоянно в большей или меньшей мере элементы старинной лексики фигурируют в бытовом языке духовенства и вносятся в большинстве случаев писателями с юмористическими целями (Лесков, Чехов). Сочетает элементы архаические с народными в сюжете со «скоморошьям» уклоном Ив. Руквишиников («Сказ скомороший про Степана Разина, про Мухоярова князя, про дочку его Катерину, да ещё про стремянного Васюту»; шесть песен с присказкой, в сборнике «Круг», III).

В течение всего XIX века церковнославянизмы были и остаются и в наши дни ходячим, испытанным словесным средством иронии — от вызывающей лёгкую улыбку до саркастической; ср., напр.: «Журналы, подвизающиеся на ловитве европейского просвещения...» (Белинский, «Лит. мечтания»). «Затесавшись в ряды бюрократии, она [вяленая вобла] паче всего на округлении периодов настаивала» (Салт. - Щедр.). «Коршун был ветхий старик и от старости едва-едва скрипел клювом. В ту минуту, когда у ног его опустился ворон, он только что пообедал и в полудремоте, смежив очи, покачивал головой» (Салт. - Щедр.). «...Подошёл к одному возу, хочет запустить лапу, ан лапа не поднимается; подошёл к другому возу, хочет мужика за бороду вытрясти — о, ужас! — длани не простираются» (Салт. - Щедр.). «Городничий стоит посреди передней, издавая звуки и простирая длани (с рукоприкладством² или без оного — заверить не могу), а против него стоит, прижавшись в угол, довольно пожилой мужчина... с виду степенный, но бледный и как бы измученный с лица» (Салт. - Щедр.). «Он пишет «Мемуары военного человека». Подобно мне, он каждое утро принимается за свою почтенную работу, но едва только успеет написать: «Я родился в...», как под балкон является какая-нибудь Варенька или

¹ Псевдоним А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых.

² Старинное значение — «подписывание документа»; переносное в данном контексте — «битьё по лицу».

Машенька и раненый раб божий берётся под стражу» (Чехов). *Ничтоже сумняся (сумняшесь)* церковнослав. — «ни в чём не сомневаясь»: «Вдвоём с своим чудачком-хозяином, они были всё и ничего: они переплетали книги, малярничали, лудили кастрюли — и всё это делали *ничтоже сумняшесь*, и дешёво, и скверно» (Леск., «Котин доилец и Платонида»); *питаться акридами* (саранчёю; ср. еванг. от Марка, гл. I, о пище Иоанна Крестителя) — «голодать»: «Сам ты едва концы с концами сводишь и *акридами* питаешься» (Чехов).

Разоблачение иронии представляет пущенное Салтыковым-Щедриным слово *благоглупость*: ср. архаическое *благо-*, типичное для ряда «высоких» понятий: *благодравие, благоговение* и под.

Иной тип архаизации, ничего общего не имеющий с художественными задачами, характерен для лексики дооктябрьского буржуазно-помещичьего законодательства и подражающего ей канцелярского языка. Язык буржуазного законодательства стремится быть монументальным, внушающим благоговение и потому нарочито торжественным и не совпадающим с обиходным. Обладание им рассчитано на посвящённых. Общедоступность по отношению к нему ощущалась бы как вульгаризация. В лексике законодательства поэтому ревниво оберегалось традиционное достояние, вышедшее из употребления в разговорном языке или никогда в него и не поступавшее, овеянное ореолом давности, лишь смутно схватываемое широкими массами, импонирующее своею необычностью и трудностью полного в него проникновения¹. Уступая в последние десятилетия перед Великой Социалистической революцией давлению жизни, стиль законодательства делается более простым в лексике, перекладывая всю тяжесть монументальности, главным образом, на архаизирующий синтаксис; но остатков старого в нём всё-таки ещё немало. Ср., напр., из «Устава Горного» (т. XVII Свода законов по изд. 1912 г., ст. 1218):

«... 5) Потребность разных материалов и веществ, провианта и фуража на текущее употребление и в запас по статьям, а где нужно, то и по частям заводов порознь; всем *сим* предметам *надлежит* означить в плане самые крайние цены, по *коим* завод полагает возможным *оны*е заготовить, с изложением самых способов заготовления; способы *сии* суть: а) гуртовые подряды, *кои* должны иметь место только по необходимости и никогда относительно построек; б) частные подряды на законном основании, с раздачею в разные руки материалов и работ *особливо* по постройкам; в) договоры с крестьянами на разные поставки, перевозки и работы; г) заготовление через отправляемых особых комиссионеров из чиновников; д) покупка наличных вещей; сверх того, при всяком роде материалов и также работ, должно различать те, по *коим* заготовление или наём должны быть представлены решению Горного Начальника,

¹ Ср. А. В. Луначарский. О языке закона. — «Изв.», 24/II 1931, № 82.

лишь бы по сложности каждого артикула не превышать значительных цен, предположенных заводом или пониженных при утверждении плана, и те, по *коим* должно ещё испрашивать особого разрешения Главного Начальника, пред самым *приступом* к заготовлению; к *сему* второму разряду принадлежат провиант и другие важные надобности по усмотрению Главного Начальника, который, впрочем, тут *обязывается* иметь в виду, чтобы без точной надобности и пользы не затруднять действия Горных Начальников».

Вне серьёзного употребления, само собою разумеется, слог этот разделяет общую участь старомодной лексики, т. е. очень легко соскальзывает в смешное. Из художественных попыток юмористической стилизации законодательно-канцелярского слога наиболее интересные образцы находим у Салтыкова-Щедрина («История одного города»).

О стилистической роли старославянизмов как средства торжественности см. выше¹.

6. НЕОЛОГИЗМЫ.

Заметное место у значительной части русских писателей принадлежит лексике новаторской, неологизмам, создаваемым и вводимым с большею или меньшею свободой. Напекая на Н. М. Карамзина, суровый хранитель традиционного языка А. С. Шишков отмечал как бедствие своего времени то, что «одни [из писателей]... безобразят язык свой введением в него иностранных слов...; другие из русских слов стараются делать нерусские, как например: вместо *будущее время* говорят *будущность*; вместо *настоящее время* — *настоящность* и пр.» (Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, 1803).

Неологизмы Карамзина вызывались, однако, серьёзными потребностями молодой литературы, нуждавшейся в словесных эквивалентах для ряда понятий, уже выработавшихся и нашедших своё словесное выражение в литературах Запада. В области научного языка, постоянно нуждающегося в новых словах для вновь отрабатываемых понятий, сочинение новых слов-терминов всегда признавалось и признаётся законным. Поэтому терминологическая лексика сплошь и рядом бывает довольно разнообразною в различных научных школах, особенно философских, лингвистических и историко-литературных. Из лингвистических школ приметной лексикой обладает, напр., фортунатовская школа (московская), школа Бодуэн-де-Куртенэ (казанская) и пр. Нужно, однако, заметить, что и для терминологической лексики обязательны известные границы: стремление сплошь обновить терми-

¹ В связи с вопросами перевода много ценных замечаний о стилистической роли архаизмов даёт книга А. Фёдорова «О художественном переводе», 1941 г.; см. в особенности стр. 175—176, 204—205.

нологию мало кому удаётся и, производя впечатление вообще покусения на принятый язык, часто вызывает общую недружелюбную реакцию.

В художественной литературе неологизмы всегда должны быть художественно оправданы, т. е. вызваны не только желанием создать тот или другой эмоциональный оттенок, но и убеждением, которое должно передаваться читателю, что уже имеющиеся средства языка для этого недостаточны. Лучшие писатели, признанные мастера стиля послекарамзинской эпохи, относительно мало сочинили явно новых слов, и это понятно: для хорошо и свободно владеющего языком, нет большой надобности сочинять новые слова, по отношению к которым читательская масса почти всегда настроена негостеприимно. Много ли, напр., выжило в русском литературном языке из слов, сочинённых таким для своего времени крупным писателем, как П. Д. Боборыкин? А он ведь, если верить юбилейной заметке в «Ниве» (1911 г., № 35), сочинил (повидимому, по сведениям, идущим от него самого) до двух тысяч (!) слов. Так же точно лишь довольно длинный «Алфавитный список слов, сочинённых В. Г. Бенедиктовым, видоизменённых или никем почти не употребляемых, встречающихся в его стихотворениях», которые Я. П. Полонский, редактор собрания его сочинений, приложил к нему, остаётся одиноким памятником стилистической свободы и исканий этого популярнейшего в «публике» поэта тридцатых и сороковых годов.

Однако, в лексике русской художественной литературы очень распространена одна категория «кованых» слов, собственно стоящая на границе словотворчества и комбинации слов уже имеющихся, — это сложные слова, традицияковки которых идёт от писателей, воспитанных на античных образцах или, чаще, на старославянских переводах. Сложные слова очень употребительны и в поэзии, и в художественной прозе, особенно в роли эпитетов и средства характеристики; большею частью, поэтому, они — прилагательные в основной — второй части слова и наречия или родственные им образования — в первой, дающей признак признака. Вот, напр., такие слова, встречающиеся в произведениях Ф. М. Достоевского: «Лукавый, острый, какой-то *недетски-подмигивающий* глазок. Какое-то *тихо-радостное* светлое ощущение. Трепещущий, но *странно-решительный* взор. Взгляд *огневой, лихорадочно-воспалённый*. Маленькая *крутобёдрая* лошадёнка. С *важным, решительно-форменным* видом. *Толстоподошвенные* башмаки. Пара старых *сиворозовых* лошадей. Наплыв *странных и беспокойных слов и беспорядочно-восторженных* мыслей. Тут же заключалось и что-то такое, что было *мучительно-действительное* и *страдальчески-справедливое*. Понятие о *тёмной и бессмысленно-вечной* силе. Есть что-то *неизъяснимо-трогательное* в нашей петербургской природе. Сделается *неизъяснимо-чудно-прекрасное*. Эта жизнь есть смесь чего-то *чисто-фантастического, горячо-идеального* и вместе с тем *тускло-прозаичного*. Какое-то *неизъяснимо-сладкое*, а вместе с тем и

мучительно-грустное чувство посетило меня. *Неистоцимо-весёлые люди*¹.

На каждом шагу подобные слова создавал Г о г о л ь², особенно в местах лирически окрашенных: *зелёнокудрые* (леса), *трепетно-лиственные* (купола деревьев), *умно-худощавое* (слово), *невинно-простодушные* (речи), *пронзительно-ясные* (глаза). Нечего и говорить, что ими пестрят стихотворения поэтов классической школы, напр., Ф. И. Тютчева: *громокипящий* (кубок), *незримо-роковая* (длань), *ввучно-ясный* (час), *гордо-боязлив*; ср. ещё: «И легче и пустынно-чище струя воздушная течёт». Исключительно много их у Н. М. Языкова. Да и вообще можно сказать, что в громадном количестве знает их язык русской поэзии, начиная от XVIII века и кончая нашими днями.

Ряд сложных слов, своеобразных по сочетанию понятий, находим в новейшее время в поэзии Маяковского: «Подъёмля торжественно стих *строкоперстый* — Клянусь...»; «Если Марс, И на нём хоть один *сердцелюдый*, То и он Сейчас Скрипит Про то ж»; «Так с топором влезают в сон, Обмерят *спящелобых*, И сразу исчезает всё...»

Среди других типов словотворчества надо различать новые слова, образуемые при помощи *продуктивных* элементов языка, слова, над которыми хозяином является всякий свободно говорящий по-русски: нам нет, напр., нужды спрашивать, есть ли уже в словарях *ушить*, *укроить* (ср. у Салтыкова-Щедрина, «Благонамеренные речи»: «Всякий спешил как-нибудь поближе приютиться около пирога, чтобы нечто урвать, утаить, *ушить*, *укроить*, усчитать и вообще, по силе возможности, накласть в загорбок любезному отечеству»); *впроситься* («Впроситься старик хочет, — по секрету сообщил председатель Максиму Афанасьевичу», — там же); *прожелть* (ср.: *просинь*, *прозелень* и под.); *длиннеть* («Длиннеют лиловые тени» — у Брюсова)³; *выпеться* («Все сочинения, чтобы быть хорошими, должны, как говорит Гоголь в своей прощальной повести (она выпелась из души моей), *выпеться* из души сочинителя», — Л. Толстой); *утреет*, *золотеет* (Блок). «...Но густых рябин в проезжих сёлах Красный цвет *зареет* издали» (Блок); *перетолпиться* («Марата нет... Париж *перетолпился* у окна» — Н. Тихонов); «Оно [море] *угуливало* за рейд, в котором плоско лежали и *мглились* корабли» (Малышкин); «Он [мир] весь *протрачен* горечью утрат...» (З. Шишова) и многие другие; и слова, созданные на основании

¹ См. Л. Гроссман. Семинарий по Достоевскому. 1923, стр. 76—78.

И. Мандельштам явно ошибался, утверждая («О характ. гоголевского стиля», стр. 179), что только Тургенев и Толстой «позже (после Гоголя) создают такие эпитеты..., а вслед за ними в последнее время подобное сложение вошло в обычное употребление».

² Ср. А. Белый. Мастерство Гоголя, 1934, стр. 204 и след.

³ Ср., видимо, подобным же образом, свободно возникшее это слово у Языкова: «От сеней леса над водами Волнообразными рядами *Длиннеет* трепетная тень» («Тригорское»).

индивидуальных сближений признаков, при помощи суффиксов ограниченной продуктивности и под.

Стремление к словотворчеству характеризует выдающихся писателей сравнительно мало, но и то немногое, что ими в этом отношении делалось, часто оказывалось «однодневками», не разделившимися с ними их непреходящей славы. Мало кто знает, сколько не привившихся слов сочинил Г о г о л ь в период, когда ещё не вырос в писателя, настолько свободно овладевшего русским языком, что у него больше не было в них нужды¹. Не раз упоминалось о пущенном в обиход Д о с т о е в с к и м, впрочем, не им сочинённом, слове *стусшеваться*, историю которого он сам изложил в «Дневнике писателя», но опять-таки мало кто знает о других употреблённых им впервые словах, которые никем усвоены не были, — *образить*, т. е. «дать образ, восстановить в человеке образ человеческий» (слово, слышанное им на каторге) («Дн. пис.» за 1876 г.), *вуйки* — «девицы, которые до тридцати лет почти отвечают вам: вуй да нон» (там же), *настрой* — настроение и др.². Любопытно, что среди них не много таких, о гибели которых приходится пожалеть: одни из них рождены исключительно индивидуальными вкусами писателя (*вуйки*, *всемство*: «...не смейте говорить «все мы». Позвольте, господа, ведь не оправдываюсь же я этим *всемством*»); другие имели в языке уже установившиеся точные или очень близкие синонимы — *невременье* (ср. *недосуг*), *вывескный* (ср. *вывесочный*) и под. Удачные же не только живут, но могут у каждого возникнуть в любой момент, так как принадлежат к образованиям большой продуктивности в языке вообще; таковы, напр., *белоручничать*, *подробничать* (ср.: *капризничать*, *подличать*, *умничать* и под.), *окраинцы* (ср.: *ленинцы*, *выдвиженцы* и под.), *установители* (ср.: *законодатели*, *просители*, *строители* и под.). Такие неологизмы, конечно, и у других писателей не редкость.

Можно назвать несколько приметных писательских имён, относящихся или к недавнему прошлому, или к настоящему, для которых словотворчество вообще составляет одну из излюбленных задач их поэтики. С различными установками творят новые слова Андрей Белый, Вл. Маяковский³; патологическое проявление страсти к словесно-новому, как бы ни оценивать его экспериментальный вес, представляет почти всё написанное Вел-

¹ Ср. М а н д е л ь ш т а м, указ. соч.; стр. 95, 97. Новый приток новообразований в последний период его жизни (судя по характеру этих образований) следует, повидимому, поставить в связь с ростом его мистицизма и влиянием на него схоластической лексики.

² Л. Г р о с с м а н, указ. соч., стр. 73, 75.

³ В частности о неологизмах Маяковского см., напр., в статьях А. Л у н а ч а р с к о г о — «Маяковский — новатор». Литература и искусство, 1931, № 5—6; А с е е в а — «Работа Маяковского», Новый мир, 1931, № 4; В. В. Т р е н и н а — «В мастерской стиха Маяковского», М., 1937, гл. IV; П. М. М и к и т е н к о — «О языковом новаторстве В. В. Маяковского», — «Учені записки» Харьк. гос. унив., № 20, Збірн. праць каф. мовознавства, № 1, 1940; Ф. О. В и н о к у р а — «Маяковский — новатор языка», 1943.

миром Хлебниковым¹. Если исключить последнего и его немногочисленных печатавшихся, но вряд ли многими читанных последователей, остаётся многое такое, что, рассуждая теоретически, могло бы войти в литературный обиход. Однако, дальше страниц соответственных произведений, где они выполняют свою специальную роль, подавляющее большинство выдуманных слов не пошло: *прочертни* (гор), *просветни* (облаков), *прокипи* (туманов), *жердисто*, в *опрозраченном* (свете), *звездолучие*, *белоструи*, «...Не-разрывные *миголётты* Неотражаемой судьбы...» мы встретим лишь у А. Белого; или у такого несравненно более сильного мастера, как В. Маяковский: «душу *выржу*», «миллион миллионов... маленьких *любят* [любовей]», «Солнце, в ладонях твоих *изогрей* их», «Вот и вечер в ночную жуть Ушёл от окон, Хмурый, *декабрь*», «Грядущих лет брызгой Хожу по мгле по *сеновой* Всей *нынчести* изгой», «...Так я К тебе Тянусь неуклонно, Еле расстались, *Развиделись* еле», «И глядишь на неё, И ждёшь знаменосцем, *Краснощёлкий* огонь над землёй *знаменя*» и под.

И всё-таки, говоря о современной русской лексике в целом, нельзя пройти мимо этих и подобных им исканий. Было бы несправедливо видеть в них простую накипь, которую следует смахнуть уверенной рукой блюстителя отстоявшегося литературного языка: создаваемая писателями лексика живёт, но живёт не как готовый факт, передаваемый далее неизменным и усваиваемый нетворчески, а как возможности для бесконечных подражаний хотя бы тоже только индивидуального значения. Вот почему, хотя приведённые новообразования и не имеют права на то, чтобы их вносили в нормативные словари, — поскольку эти новообразования создаются на путях общего развития русского языка, при помощи формальных средств, для него естественных и законных (продуктивных примет), они, безусловно, образуют известную часть лексики, реально существующую в сознании носителей литературного языка. Показательно для реальности существования многих правильно образованных неологизмов, что понимаем мы их сразу почти так же, как привычные для нас слова, и что иногда их, хотя и в качестве неологизмов, создают независимо друг от друга различные авторы.

Много неологизмов, как и естественно, внесла эпоха Великой Социалистической революции. Не говоря о типичных для неё условных сокращениях слов, превращающихся незаметно в слова самостоятельные, узаконенные (*вузовец*, *селькор*, *профорг*, *культпоход*, *парторганизация*, *комсомолец*), языковое творчество самых различных типов стимулировала вся жизнь, бурная, боевая, каждый день которой представлял вызов старому и приносил новые понятия, новые предметы, глубоко входившие в повседневность. В результате

¹ Творчество новых слов входило в программу футуризма. Ср.: «Мы приказываем чтить права поэтов: 1. На увеличение словаря в его объёме произвольными и производными словами (словоновшество). 2. На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку». («Пощёчина общественному вкусу», М., 1913).

того, что печать стала достоянием широких масс, литературный язык значительно меняется в тех областях его, которые более других допускают приток новых элементов,— в словообразовании, лексике и фразеологии.

Живые потребности вызывают к жизни многочисленные слова, лишённые какого-либо другого вида претензий, кроме того, что они действительно понадобились, а не выдуманы по чьему-нибудь произволу. Таковы напр., многочисленные слова с продуктивным суффиксом *-ник*: *десантник*, *надомник* «ремесленник, работающий на дому», *злокачественник* «врач-специалист по злокачественным опухолям», *напарник* «работник, исполняющий свою работу в паре с другим», и под. Далее: *выдвиженец*, *партиец*, *запланировать*, *перевыполнить*; в ряде случаев рождаются новые слова, нужные в общественной борьбе, чтобы заклеить противника, осмеять его и под.: *учредилка* (ср.: *курилка*, *предварилка*, и под.), *уравниловка*, *обезличка*,— и это приводит к широкому использованию особенно эмоциональных суффиксов и под.

Наряду с неологизмами формальными всё время в литературном языке в большей или меньшей мере творились и творятся неологизмы, представляющие изменения былых значений. Таковы, напр., вошедшие с Великой Социалистической революцией в новое значение: *смычка*, *ячейка*, *увязка*, *звенья* и под.¹.

С другой стороны, старые слова могут частично или полностью утрачивать принадлежавшие им раньше значения. Сравнительно с первыми десятилетиями XIX века мы, напр., не употребляем слова *должность* в значении (нравственного) долга, *прелестный* — «соблазняющий» или *презрительный* в смысле «презренный», *порядочный* — «аккуратный» («Княжна была столь же беспорядочна, как отец *порядочен*»,— Л. Толстой, «Война и мир»), *возмутительный* — «подбивающий, призывающий к бунту» («Новое обстоятельство усилило беспокойство коменданта. Схвачен был башкирец с *возмутительными* листами»,— А. Пушкин, «Капит. дочка»),— они получили у нас другой смысл. Таких больших сдвигов значений за продолжительный период, отделяющий нас хотя бы от П у ш к и н а, однако, сравнительно немного.

7. ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

Элементы народные (среднерусские) и церковнославянские (древнеболгарские) являются основными в русском литературном языке. Наряду с ними, однако, лингвистический анализ вскрывает, как и естественно, ибо «всякая нация может и должна учиться у других» (М а р к с, Капитал, I, стр. 15), также и другие элементы, сыгравшие

¹ Большое собрание материала, относящегося к словотворчеству советского периода, можно найти в книге проф. А. М. С е л и щ е в а — «Язык революционной эпохи», вышедшей двумя изданиями. Верную характеристику этой книги (1-го изд. 1928 г.) в её сильных и слабых сторонах дают замечания Б. А. Л а р и н а в сборнике «Русская речь», 1928, III, стр. 73.

большую или меньшую роль в его формировании. Устанавливая силу и характер этих элементов меньшего значения (большею частью — интернационализмов), мы прежде всего должны упомянуть о лексике, наиболее открытой во всяком языке влияниям со стороны других языков.

Словарные заимствования, которыми на протяжении веков пополнялся русский язык, играя известную роль, не изменили, однако, существенно его физиономию. Как говорит И. В. Сталин: «...словарный состав русского языка пополнялся... за счёт словарного состава других языков, но это не только не ослабило, а, наоборот, обогатило и усилило русский язык.

Что касается национальной самобытности русского языка, то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперёд и совершенствоваться по внутренним законам своего развития»¹.

К влияниям очень слабым или специфическим принадлежат, напр.: голландское, относящееся почти только к сфере морской терминологии, — *верфь*, *кильватер*, *фарватер*, *руль* и под.

Из слов другого рода можно упомянуть лишь немногие, напр.: *дюйм*, *зонтик*, *конфорка*, *ситец*, *юфть*; *макрель* (рыба); *мортира*.

Финские и родственные им элементы представлены только несколькими словами, большею частью связанными с особенностями быта севера:

пурга (фин. *riigki*); *нарты* (коми-пермяцк. *purto*; сани для езды на собаках и оленях); *пъексы* (фин. *pieksu*; обувь для ходьбы на беговых лыжах); *пельмень*, мн. ч. *пельмени* (перм.-вогул. пель «ухо», нянь «хлеб»; ушки, начинённые мясом); *паюсная икра* (ср. паюс — плева, в которой лежит в рыбе; по Гроту, от фин. *rainaa* «давить» или *rajotaa* «колотить»); *тундра* (ненецк.; фин. *tunturi*); *морда* (фин. *merä*; плетёнка из ивовых прутьев для ловли рыбы; собств. областное слово, но известное и в литературном языке: «В морды он и в сети Наловил всего...», Плещеев); *морж* (фин. *mursu*), *корюшка* (фин. *kuoge*), *салакушка*, реже — *салака* (фин. *salaka*); *сайка* (эст. *saia*; род крутого пшеничного хлебца); *пахтать* (фин. *pahtaa*; сгущать, давать свернуться — «сбивать масло»), *акула* (ср. в Слов. Акад. 1789 года ещё с ударением и написанием *аккула*: норв., исланд. *hassal*).

Скандинавского происхождения слова: *сиг* (др.-сев. (сканд.) *sikr* или родств.), *скат* (исл. *skata*; крупная хищная морская рыба); *кипа* (шведск. *kipra*); *клеймо* (шв. *kleima*); *кнут* (др.-сев. *knutr* «узел» и др.); *крюк* (др.-сев. *krōkr*); *ларь* (исл. *lar*; ящик, шкатулка; может быть, через финск. *laagi*); *плис* (швед. *plys*); *ябеда* (др.-русск. *ябетникъ*; ср. старосканд. *āmbiti* «служба»).

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 25.

Вероятно, через тюркское посредство вошли в народную речь, а из неё в литературный язык некоторые ориентализмы, напр., и р а н и з м ы, но для ряда иранизмов не менее вероятно и непосредственное заимствование (в очень различное время). К иранизмам русского литературного языка относятся, напр.: *гиря*, *десть* (повидимому, через татарск. *даста* — пакет, связка), *мишень*, *ревень*, *сурьма*, *тахта* (широкий диван без спинки, покрытый ковром, материей), *шакал* (в первой половине XIX в. часто *чакал*).

Тюрки (татары, турки) были, без сомнения, в ряде случаев передатчиками также а р а б и з м о в, но многие из последних, как интернациональные культурные слова, пришли в наш язык через посредство западноевропейских языков: *адмирал*, *алгебра* (через западные языки), *алкоголь*, *алхимия*, *альбатрос*, *карат*, *сундук*, *халат*, *халва*, *харчи* и др.

И т а л ь я н и з м ы, как во всех европейских языках, касаются главным образом сфер искусства и организации торговли. Наряду с многочисленными итальянизмами, сохранёнными в чистом виде: *контральто*, *сопрано*, *меццо-сопрано*, *пиццикато* (пиччикато), *меццо-тинто*, *сальдо*, в русский литературный язык вошли многочисленные термины музыки, живописи, архитектуры, бухгалтерии и т. д., приобретшие в большей или меньшей мере признаки усвоения их русской средой: *бас*, *контрабас*, *речитатив*, *цоколь*, *контокоррент*, *римесса* и под.

Заимствования итальянского происхождения из других сфер — немногочисленны: *фуфайка* (ит. *fofa*), *цукат* (*succada*), *цитадель* (*citadella*), *цистерна* (*cisterna*), *сорго* (*sorgo*), *сода* (*soda*), *сапа* (*sapa* «мотыга»), *макароны* (*makaroni*, венец. *maccheroni*), *вермишель* (*vermicelli* — «червячки»). Ряд их, однако, поступил в русский язык, по всей видимости, через посредство других европейских языков.

Влияния более значительные:

О т ю р к с к и х элементах мы должны говорить как о специфически-устных, устно входивших в язык различных общественных групп и уже вместе с ним воспринятых языком литературным. Проникновение некоторых тюркизмов (слов половецких, татарских и таких, которые были получены через посредство татар, — монгольских, арабских, иранских и под.) относится уже к XII—XIII веку; спадает это влияние к XVI веку вместе с началом роста сильного обратного влияния — русского на татарский и другие близкие к нему языки. В это и позднейшее время к старым татарским элементам присоединяются ещё татарские-крымские и турецкие. Короткий список бесспорных тюркизмов показывает характер этого влияния: это по преимуществу названия одежды и материй, примитивного вооружения и вообще военного дела, разной утвари, животных и их мастей, растений, торговых понятий, презрительных наименований и т. д.: *тулуп*, *азям*, *армяк*, *зипун*, *сарафан*, *башлык*, *башмак*, *каблук*, *чулок*, *кушак*, *кисея*, *войлок*, *кошма*, *кумач*, *камка*, *каракуль*; *амбар*, *сарай*, *балаган*, *чулан*, *очаг*; *набалдашник*, *таз*, *утюг*, *чубук*,

тюфяк, кибитка; караул, кистень, колчан, чапрак, аркан, капкан; аргамак, лошадь, табун, буланный, караковый, чалый; барсук, бирюк, беркут, сайгак; карандаш, жесть (монг.), сурьма, кизяк, арбуз, лапша, изюм, урюк; алтын, аршин, барыш, могорыч, базар, безмен, ярлык, казна, бакалея; буерак, курган, яр, туман; ералаш, ни бель-меса, башка, балда, болван, каюк, кавардак (первоначально, название кушанья), тумак, кутерьма, якшаться и многие другие.

Греческое влияние непосредственным было лишь в небольшой мере; шло оно в первые века русской письменности почти исключительно через южнославянское посредство и может быть включено поэтому в понятие книжного влияния церковнославянского. Грецизмы этой поры носят на себе выразительные следы языка византийского периода. Большею частью это всё понятия, относящиеся к церкви: *евангелие, икона, амвон, панихида, литургия, церей* и под.

В разное время, частью изустно, частью книжным же путём, попадали в русский язык из греческого различные названия бытовых предметов. Сюда относятся, напр., такие слова, как *лохань* (засвидетельствовано с XII в.), *кукла* (засвидетельствовано с XII в.), *лента, оладья, каторга* (первоначально, род судна), *парус, фонарь* и др. Совершенно иной характер имеют греческие элементы, ставшие достоянием русского языка как элементы *общеевропейской культуры*, корнями уходящей в античную. Вместе с латинскими они вливаются в язык русской науки и техники, причём пути их иногда лежат через промежуточные для русской культуры книжные инстанции — немецкую и французскую. Ср.: *оптика, патология, склероз, тактика, период, теорема, математика, фонетика, театр, оркестр* и т. д.

Латинизмы русского литературного языка, за немногими исключениями, относятся к сферам понятий науки, техники, искусства, социальных отношений и под. В подавляющем большинстве эта категория слов — книжного происхождения, входивших в русский язык через контакт с другими европейскими народами, усвоившими их как наследство римской цивилизации и приспособившими их в том или другом отношении к потребностям своего культурного развития. В ряде областей латинизмы, как корни и формальные элементы, стали в Европе вообще, наряду с грецизмами, основным фондом учёного языка в широком смысле слова и такое же употребление получили и на русской почве, — в большей мере как прямые заимствования, в меньшей — как материал для вновь вырабатываемой терминологии, наименований культурных предметов и т. д. Проникают они в русский язык в существенном приближении с начала XVII века, усиливаются в числе к концу его и характеризуют как влиятельная часть лексического состава развитие литературного языка в течение всего последующего времени.

К латинизмам относятся, напр., такие широко употребляемые слова, как: *революция, конституция, пролетарий, индукция, дедукция, консультация, аудитория, лаборатория, форма, формула,*

социальный, популярный. Учёные образования нового времени из латинских элементов или приспособление латинских слов к называнию новых предметов представляют, напр.: *эгоцентризм, палатализация, детектор, трактор, траектория* и мн. др.

Некоторые немецкие элементы наблюдаются в бытовом и литературном русском языке со середины XVII века, когда впервые отчётливым делается проникновение в Россию западноевропейского капитализма, и особенно с начала XVIII века, времени встречного движения на запад молодого капитализма русского. Сферы немецкого влияния широки и разнообразны. Оно охватывает военное дело: *штаб, солдат, гауптвахта, офицер, унтер-офицер, фейерверкер, ефрейтор, лагерь, плац, мундир, аксельбант, шпора, штуцер, лафет, штурм, фельдъегерь, штык¹, муштровать, провиант* (из итал.), *цейхгауз, фланг, юнкер, вахтер; ремёсла* и под.: *кнопка, шпунт, шпандырь, штукатур* (из итал.), *парикмахер, штабель, штатив, штейгер, клейстер, кран, верстак, шмуклер, стамезка, лобзик, фуганок, формат, филёнка, штамп, шина; торговлю* и под.: *бухгалтер, вексель, маклер, кассир, фрахт; управление* и под.: *брандмейстер, почтмейстер, штраф, штат*; многие бытовые предметы и понятия: *галстук, лацкан, китель, обшлаг, фалды, панель, мундштук, ширма, футляр, фляжка, штопор, швабра, бутерброд, крендель; наездническую и охотничью терминологию* и под.: *ягдташ, патронташ, егерь, цуг, шенкель, краги; медицинскую: лазарет, фельдшер, бинт, шрам, курорт, провизор* (в нем.—из лат.), *фонтанель* (в нем.—из фр.), *шприц, хина* (по происх. перуанское слово), *цитварное семя* (в нем.—из арабск.), *гоголь-моголь* (гогель-могель); и игры и развлечения: *кегли, кегельбан, танец, фант*; терминологию различных искусств: *гастроль, ландшафт, мольберт, тушь, капельмейстер, блик, арфа, волторна, флейта*. Известная часть заимствованных из немецкого языка слов прошла, вероятно, через польскую передачу, но не всегда приметы этой передачи достаточно чётки.

Пути усвоения немецкого влияния различны. В петровское время, напр., играли большую роль в этом отношении верхи бюрократии, усваивавшие немецкие элементы отчасти через книгу, отчасти изустно; характерно, однако, что в отличие, напр., от влияния французского, передатчиками немецкого во многом являлись ремесленники, торговцы и пр.

Появление книжных французских элементов относится ко времени, сравнительно мало отдалённому от появления книжных же немецких. Разница в хронологии между ними приходится собственно на тот не очень продолжительный и не очень значительный в культурном отношении промежуток времени, который падает на XVII век и характеризуется устным перениманием германизмов, в большой мере, повидимому, через польское посредство. Фран-

¹ Может быть, и из голландского.

цузское влияние в русской лексике неуклонно крепнет до самого конца XVIII и заходит как одна из самых влиятельных струй в первые десятилетия XIX века. Влияние и рост французского языка при этом, несомненно, зависят ещё от той громадной роли, которая принадлежит ему во второй половине XVIII века в продолжавшей влиять на Россию Германии.

Как почти монополюсный проводник этого влияния до второй четверти XIX века выступает дворянская верхушка, и только после этого времени, с проникновением в литературу новых общественных групп (разночинцев), передатчиками его, главным образом в области политической терминологии, становится создающаяся разночинная интеллигенция.

Сферы заимствований из французского языка во многом соприкасаются с указанными относительно немецкого — в о е н н о е д е л о: *гарнизон, манёвры, манеж, сапёр, мина, минёр, партизан, фураж, флеш, траншея, батарея, атака, блиндаж, брешь, авангард, арьергард, каска, кокарда, команда, португез, эскорт; ремёсла: монтёр, ретушёр, гравёр; общественно-политическая терминология: бюрократ, дебаты, премьер, прокурор, режим, саботаж, коммюнике, демарш, тариф (из арабск.).* Но приглядываясь к характеру заимствований, нетрудно заметить, что среди них относительно мало терминов ремёсел, заимствованных из немецкого изустно работниками физического труда, но зато решительно преобладает терминология искусств¹. Многочисленны названия материй, одежды и под.². Названия предметов быта³ и терминология нравов⁴ обнаруживают черты дворянского, аристократического обихода.

Близко французскому лексическому влиянию по своему характеру а н г л и й с к о е: *раут, пикник, клуб, робер, спич, тост, джентльмен, денди, флирт, смокинг, макинтош, свитер, плед, сэндвич, ростбиф, пикули, кекс, кольдкрем, пойнтер, мопс, дог, сеттер, бойкот, митинг, лидер, бюджет,* — с тою разницею, что оно до XX века значительно слабее и что ему принадлежит и одна более или менее специфическая сфера — с п о р т а; ср. само название *спорт, спортсмен, бокс, лаун-теннис, крокет, хоккей, крикет, чемпион, грум, жокей, старт, финиш, тренироваться, киксовать* и т. д.

¹ *Картуш, виньетка, пилястр, жанр, силуэт, макет, пуант, тапёр, фарс, водевиль, солист, трель, тембр, сурдинка («под сурдинку»), мотив, ноктюрн, актёр, костюмер, репертуар, суфлёр, ампула, конференсье, романс, роман, рояль.*

² *Трико, пики, корсаж, корсет, костюм, пелерина, креп, люстрин, капот, саржа, пальто, жакет, жилет, фетр, плюш, тюль, вуаль, плюмаж, кринолин, плерез, плисе, панаш, муар, муслин.*

³ *Трельяж, бокал, бонбоньерка, бордюры, боскет, люстра, пудра, фиксаж, ридикюль, несесер, куверт, парфюмерия, пенсне, флакон, розетка, бульон, лимонад, суп, сосиски, крем, пломбир, паштет и т. д.*

⁴ *Салон, кортеж, котильон, бомонд, визит, жетон, манера, пансион, маникюр, педикюр, шик, маскарад, будуар, бонна, пизжон, бонвиван, фат, вивер, пикантный, фланировать, жантильничать, каприз, деликатный, симпатичный (из греч.), кокотка, сальный, скабрёзный.*

Общеизвестно английское влияние в сфере морской терминологии. Ср. ещё многочисленные понятия из сферы техники: *рельсы, шпалы, танк, буффер, блюминг, картер, фидер, туннель, крекинг* и т. д.

Много политических, философских и экономических терминов из немецкого, французского и английского языков заимствовано русским языком при посредстве переводной политической и научной литературы.

Заслуживает внимания, что после Великой Социалистической революции немецкое, французское и английское влияния продолжают сказываться едва ли не только в области технической терминологии. В области лексики политической, наоборот, влияющим делается русский язык.

Струя польская я, главным образом как передатчик западноевропейских воздействий, влиятельна с конца XVI века до середины XVII, после чего она заметно спадает, так как Россия вступает уже в непосредственный довольно интенсивный контакт с Европой. Нет никакого сомнения, что большую роль в проведении польского влияния в Россию играли в Москве учёные украинцы. Многие полонизмы, занесённые до XVIII века, с течением времени вышли из употребления, но немало их и до сих пор составляет достояние литературного языка. Часть из них вышла из употребления только с Великой Социалистической революцией, в связи с изменениями административной терминологии и под. Если исключить некоторое количество слов, специально относящихся к польскому быту и нравам (*краковяк, мазурка, жупан, ксёндз, пан* и под.), то старый слой заимствований из польского охватывает главным образом терминологию военного дела: *вахмистр, рота, ротмистр* (из нем.), *гарцовать* (в пол. — из венг.), *вербовать* (в пол. — из нем.), *шеренга* (первоисточник — венгерский), *курок, манерка, палаш* (в пол. — из венг.), *кивер* (то же), *темляк* (вост.), *хорунжий* (из монг.); административные понятия: *урядник, писарь, бурмистр* (в пол. — из нем.), *местечко*; латинизмы: *почта, канцелярия, реестр* (в пол. через немецкое посредство), *метрика*; многочисленные понятия, относящиеся к верховой езде, экипажам и упряжке (большую часть немецкого происхождения): *трэнзель, арапник, рейтузы, бричка, дышло, карета, рыдван, сбруя, козлы, постромки*, может быть, *коляска*; терминологию ремёсел (главным образом немецкую): *дратва, маляр, шлифовать, шпулька*; названия многих бытовых предметов: *кофта, гарус* (в пол., вероятно, из чеш.), *замша* (в пол. — из нем.), *клавиш* (в пол. — из лат.), *бляха* (в пол. — из нем.), *фрамуга* (из нем.), *булка, фляки, зразы*; некоторые названия растений: *барвинок* (в пол. — из нем.; в нем. — из латин.), *инбирь* (в пол. — из нем.; первоисточник — санскр.), *пастернак* (в пол. — из диал. нем.; в нем. — из латин.), *петрушка* (в пол. — из нем.; первоисточник — греч.).

Повидимому, к позднему времени (XIX и XX вв.) относятся заимствования с определённой окраской пренебрежительности или

дурного тона: *фортель* (нем.), *отщепенец*, *клянчить*, *шалберить*, *манатки*, *скарб*, *фигляр*, *шпик*, *забияка*, *финтить*, *парша*, *заядлый*, *завзятый*, *панибратство*, *франт* (в пол.— из евр.-нем.), *фанберия* (в пол.— из евр.), *шпаргалка* и др.¹.

Из украинского в литературный русский язык проникли, вероятно, слова: *школяр*, *бондарь*, *детвора*, *вареник*, *галушка*, *бублик*, *корж*, *борщ*, *плюгавый*, *долговязый*, *хутор*² (последнее в украинском — из венг.— *határ*), оставшееся областным *чупрун* «чуб» — укр. *чуприна* («Перед нею усердные слуги; Она бьёт их, за чупрун таскает», — Пушкин. «Сказка о золотой рыбке...»); после Великой Социалистической революции: *незаможник*, *недобиток*, *хлебороб*, *хлопкороб* и др.

Вместе с непосредственным лексическим влиянием, несомненно, входили в русский литературный язык так называемые *кальки* — новые слова, с внутренней формой по образцу иностранных. Уже церковнославянская письменность пестрела кальками, образуемыми в подражание церковным, философским и риторическим понятиям греческого языка. Оттуда идут многочисленные образования, вроде: *целомудрие*, *добродетель*, *милосердие*, *благолепие*, *мздоимство*, *сквернословие*, *словопрение*, *песнопение*, *остроумие*, *благословение*, *летописец*, *живописец*, *правосудие*. Далее уже по их образцу, без непосредственного воздействия греческих оригиналов, вводились в литературный обиход многочисленные сложные слова: *благотворительность*, *летоисчисление*, *словосочетание*, *жизнеописание* и под.

Слабее и по объёму, и по глубине влияния была в этом отношении струя древнегреческого воздействия, отчасти прошедшего через немецкие переводы. Её мы находим в особенности у классиков XVIII века, у Н. И. Гнедича (пер. «Илиады»), В. А. Жуковского («Одиссея») и др. Вместе с предшествующей она, однако, до сих пор ещё составляет заметный фонд литературного языка, из которого иногда охотно черпают и поэзия, и научная проза.

С именем Н. М. Карамзина (1766—1826) и его последователей связывается ряд кальк с французского языка, получивших очень широкое распространение и настолько вросших в наш словесный обиход, что мы с трудом верим в их искусственное и относительно недавнее происхождение. Таковы: *склонность* (*inclination*), *предрассудок* (*préjugé*)³, *утончённый* (*raffiné*), *влияние* (*influence*) — на кого-нибудь или что-нибудь (ср. франц. *faire influence sur les*

¹ Как указано Н. А. Смирновым («Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху», Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, т. 88, 1910, стр. 5), полонизмами является значительная часть имён существительных европейского происхождения на *-ия* (*амнистия*, *вакансия* и под.) и глаголов-инфинитивов на *-овать* (*адресовать*, *штрафовать* и др.).

² К. Рылеев при «Войнаровском» даёт к этому слову, как непонятному, объяснение.

³ Идёт ещё от Сумарокова.

esprits), *переворот* (révolution, révolte), *сосредоточить* (concentrer) *трогательный* (touchant) и под. А ещё, между тем, в начале XIX века кальки эти были предметом негодования известного пуриста А. С. Шишкова, видевшего в них порчу русского языка («Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», 1803). Не говорим уже о кальках преходящего значения, таких, напр., как: «Хохот чистого веселья, Неподвижный, тусклый, взор. *Изменяли* чад похмелья, Сладкий Вакха заговор» = «обнаруживали», ср. значение франц. trahir (Пушк., «Воспоминание»); *делать* впечатление (= производить впечатление) — faire une impression (Пушкин, Герцен и др.). Со второй четверти XIX века решительно преобладают кальки с немецкого языка: *образование* — Bildung, *мировоззрение* — Weltanschauung, *зубрить* — büffeln, ochen и под.

Немногочисленны, но заслуживают внимания вошедшие с лексическими заимствованиями словопроизводственные элементы иностранных языков. Если оставить в стороне довольно заметные церковнославянские, то надо будет упомянуть прежде всего получивший большое распространение суффикс *-ир-(-овать)*. Он перешёл в русский язык из немецкого (ier-en), где употребляется при заимствованных из французского корнях: *маршировать* (marchieren), *командировать* (kommandieren), *аккомпанировать* (akkompanieren) — франц. marcher, commander, accompagner и под., — и стал ощущаться как примета «европейских», большею частью французских же слов, даже таких, которые могли не проходить через немецкое посредство: *протезировать*, *манкировать*, *дезавуировать*, *завуалировать*; позже создались такие, как *украинизировать*, *яровизировать* и под. Сродни этим образованиям формы на *-фицировать*: *электрифицировать*, *руссифицировать* и пр.

Хорошо осмысливается как формальный элемент, восходящий к греческому языку, но воспринятый главным образом в словах, прошедших через европейское посредство, суффикс *-ист*. Суффикс этот стал продуктивным: ср. современные образования: *активист*, *правдист*, *очеркист* (сотрудник газеты или журнала, пишущий очерки). Не стал ещё продуктивным, но тоже осознаётся как формальная примета французский суффикс *-еур* (ёр): *антрепренёр*, *режиссёр*, *суфлёр* (ср. *антреприза*, *режиссировать*, *суфлировать*); впрочем, существует уже вульгарное *ухажёр* от «ухаживать». Очень велико в русском языке число слов с суффиксом *-изм* (по происхождению греческим); ср.: *ленинизм*, *большевизм* и под.

Возможно, что М. В. Ломоносов, считавший префикс *наи-* заимствованным из польского («Российская грамматика» 1755 года, § 211: «Новыя превосходныя, съ Польскаго языка взятыя, съ приложеніемъ наи, наилутчій, наичистѣйшій, Россійскому слуху неприяты»), отчасти был прав: польско-украинские влияния могли поддержать употребление префикса, известного и из церковнославянского языка.

Заметим попутно, что некоторое влияние нужно признать за иностранными языками в области русского литературного син-

таксиса. Памятники живой речи масс, поскольку она вообще проникала в письменность, и разговорный язык, в сопоставлении с нашей письменной речью обнаруживают черты очень заметного различия. Влияние древнеболгарского книжного языка, синтаксис которого формировался в свою очередь под непосредственным воздействием греческого, наложило на литературный язык черты специфической книжности, отчасти отразившейся и в явлениях, переходных к лексике.

Латинское влияние как самостоятельное заметным в синтаксисе не было и проявляется главным образом в языке отдельных писателей XVIII века, прошедших более или менее основательную латинскую выучку. Частично оно поддерживалось влияниями немецкими: в немецком языке оно отразилось заметнее и сильнее¹. Роль его, однако, как уже замечено, в целом следует считать преходящей и в современном литературном языке почти вполне изжитой.

Из установившихся в русском языке галлицизмов характерны: *благодаря кому или чему* (фр. *grâce à*; менее вероятно, что это калька с нем. *dank dem*); *может быть, раз* в значении «если»; *иметь место* (*avoir lieu*); «мы вас *слишком* мало знаем, чтобы дать вашу характеристику»; *может быть, тем не менее* (фр. *néanmoins*, если не из нем. *nichtsdestoweniger*) и под.

8. БОРЬБА С ВАРВАРИЗМАМИ. ЗАМЕЧАНИЯ ОБ АББРЕВИАТУРАХ.

Вряд ли можно назвать литературный язык, лексика которого в известный период не прошла бы через большую или меньшую пуристическую критику. Русская лексика в этом отношении не представляет исключения. Пуристические тенденции в истории русского языка никогда, однако, не сопровождались особенно заметными результатами. Уже в начале XVIII века (в так называемое петровское время) наплыв иностранных слов стал представлять реальную угрозу понятности текста для представителей современной образованности и не кто другой, как сам Пётр, начинал чувствовать, что поток, хлынувший из Европы через открытые им шлюзы, надо

¹ Вот, напр., выдержки из письма Ломоносова графу И. И. Шувалову по поводу трагической смерти академика Г. В. Рихмана — с типично-латинским порядком слов: «...что я ныне к вашему превосходительству пишу, за чудо почитайте для того, что мёртвые не пишут. Я не знаю ещё, или, по крайней мере, сомневаюсь, жив ли я или мёртв. Я вижу, что господина профессора Рихмана громом убило в тех же точно обстоятельствах, в которых я был в то же самое время.

...Пока кушанье на стол ставили, дождался я нарочитых электрических из проволоки искр, и к тому пришла жена моя, и как я, так и она беспрестанно до проволоки и привешенного прута дотыкались затем, что я хотел иметь свидетелей разных цветов огня, против которых покойный профессор Рихман со мною споривал. Внезапно гром чрезвычайно грянул в самое в то время, как я руку держал у железа и искры трещали...

В самой возможной скорости, как сил было можно, приехав, увидел, что он лежит бездыханен...» (Для упрощения набора орфография Ломоносова заменена современной).

хотя бы отчасти сдерживать. Послу Рудаковскому он пишет, напр.: «В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразить невозможно: того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов».

С именами М. В. Ломоносова и В. К. Тредьяковского (в ранний период его деятельности) связано сознательное ограничение церковнославянского влияния. Ему отводится определённое стилистическое место, причём аргументы, выдвигаемые в пользу реформы слога, в существенном не оставляют сомнения, что основная задача её — сблизить речь книжную с разговорной.

А. П. Сумароков ведёт энергичную борьбу с злоупотреблением иностранными словами.

А. С. Шишкова почти всегда в новейшее время вспоминают как представлявшего интересы наиболее реакционного дворянства квасного патриота, тупого приверженца старины, автора анекдотических «тихогромов» (фортепиано) и «мокроступов» (калош), защитника раздобытых из церковных книг, мало кому уже в его время понятных слов («гобзование», «непщевать», «наитствовать» и под.). Не может быть теперь, конечно, спора, что автор посвящённых вопросам пуризма диссертаций («Рассуждение о старом и новом слоге российского языка», 1803, «Рассуждение о красноречии священного писания, о том, в чём состоит богатство, обилие, красота и сила российского языка и какими средствами оный ещё более распространить, обогатить и усовершенствовать можно», 1810—1811, и др.) — фигура действительно реакционная, что он не стоял на уровне даже современного ему европейского языковедения, что борьба с варваризмами, за которыми он чувствовал идеи Великой буржуазной французской революции¹, велась им с увлечением, переходившим в фанатизм, что многое в его манере забавно не только для нас, но вызывало улыбку даже его современников (припомним хотя бы пушкинское шутовое «Она казалась верный снимок Du somme il faut... Шишков, прости! Не знаю, как перевести» в «Евгении Онегине») ².

¹ Любопытен список «ненужных» иностранных слов, который находим несколько десятилетий спустя у позднейшего академического представителя пуризма (И. И. Давыдова): «...Но должны быть изгоняемы слова, вводимые без всякой надобности, напр.: феномен, факт, цивилизация, прогресс, мораль, кризис, эффект, консеквентность, концентрировать, концепция и т. п.» («Опыт общесравнительной грамматики русского языка», изданный Вторым отд. Акад. наук, изд. 3, 1854, стр. 474).

² Ср. и жалобу самого Шишкова: «Мне случилось разговаривать с одним из защитников нынешних писателей, и когда я сказал ему, что слово influence переведено влиянием не потому, чтоб в языке нашем не было соответствующего ему названия, но потому, что переводчик не знал слова *наитствовать*, изображающего то же самое понятие, тогда отвечал он мне: «Я лучше дам себя высечь, нежели когда-нибудь соглашусь слово это употребить». Сие одно уже показывает, как много заражены мы любовью к французскому и ненавистью к своему языку».

Но советские учёные все же отдают должное филологическим способностям этого дилетанта. Вчитавшись в него, легко обнаружить, что в его пуристических тенденциях были среди слишком обильной половы и отдельные здоровые зёрна. Мысль Шишкова: «всякий язык обогащается другим, но не заимствованием из него слов, а тем, что, размножая наши понятия, открывает нам путь и даёт разуму силу и знание извлекать из корней собственного языка своего дотоле неизвестные и для раздробления мыслей наших нужные ветви» (прим. к 4-му изд. «Рассуждения о старом и новом слог»), — хотя, вероятно, и перенятая от Ломоносова, была полезна во время, когда варваризмы дворянской верхушки грозили сделать разговорный и письменный язык совершенно макароническим. Шишков, смешивая русское со старославянским, шёл в своих исканиях по реакционному пути. Но, с другой стороны, он во-время поставил вопрос о необходимости раньше, чем просто перенимать, использовать естественные источники русского языка.

Пурист по симпатиям — А. С. Грибоедов, крылатая фраза которого в «Горе от ума» о смешении языков — французского с нижегородским — до наших дней является лучшим выражением антипатии к макаронической манере речи. Живым иллюстратором носившейся в воздухе идеи Грибоедова был, вероятно, теперь безнадежно забытый И. Мятлев, забавлявший своих современников нарочитою смесью французских и простонароднорусских слов в речах своей героини *madame de Kourdukoff*¹.

Любопытно, однако, что макароническая манера дворянской речи, и далеко не всегда как осмеиваемая, упорно воспроизводилась в русской художественной литературе, и русский читатель, не владеющий французским языком, давно уже привык видеть у Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского и многих других длинные остающиеся ему непонятными фразы. Манера эта отмерла только перед самой Великой Социалистической революцией вместе со смертью традиций дворянского образования и воскрешается только изредка в историческом романе (напр., Ю. Н. Тыняновым, «Кюхля»).

Лексикологические интересы В. И. Даля в значительной степени соединяются со стремлением приблизить литературную речь к живым источникам крестьянской речи, сообщить литературному языку чистоту, богатство и меткость речи народной. Даль — определённый сторонник языковой самобытности. В «Напутном слове к Толковому словарю...», прочитанном им в 1862 году в Обществе

¹ «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой за границей дан л-этранже» (I—1840, II—1843, III—1844). Идеологически, однако, Мятлев отнюдь не параллель Грибоедову. Вот пример его юмористической манеры: «Ж дилижансу приступила, Думала, что *ла мельер* Будет *плас дан л'ентерьер*; Но ошиблась: *гран-сеньёры*, Знатоки и *аматёры*, *Плас* берут дан *ле купе*. Но он весь был *окупе*; Так засела в шестиместной Я карете, очень тесной». (*Ла мельер плас дан л'ентерьер* — передача русскими буквами франц. «лучшие места, внутри»; *гран-сеньёры* — «большие господа»; *аматёры* — «любители»; *плас дан ле купе* — «место в купе»; *окупе* — «занято»).

любителей русской словесности в Москве, он заявляет: «...Мы начинаем догадываться, что нас завели в трущобу, что надо выбраться из неё по-здоровому и проложить себе иной путь. Всё, что сделано было доселе, со времён петровских, в духе искажения языка, всё это, как неудачная прививка, как прищипка разнородного семени, должно усохнуть и отвалиться, дав простор дичку, коему надо вырасти на своём корню, на своих соках, сдобриться холей и уходом, а не насадкой сверху... Пришла пора подорожить народным языком и выработать из него язык образованный. Народный язык был доселе в небрежении; только в самое последнее время стали на него оглядываться, и то как будто из одной снисходительной любознательности. Одни воображали, что могут сами составить язык из самоделковых слов, скованных по образцам славянским и греческим; другие, вовсе не заботясь об изучении своего языка, брали готовые слова со всех языков, где и как попало, да переводили дословно чужие обороты речи, бессмысленные на нашем языке, понятные только тому, кто читает нерусскою думою своею между строк, переводя читаемое мысленно на другой язык».

И Далю, при всём его увлечении идеею выработать самобытный литературный простой язык, было ясно уже в это время¹, что «языком неграмотным», т. е. диалектами, писать нельзя. «Но из этого вовсе не следует,— замечает он,— что должно было писать таким языком, какой мы себе сочинили, распахнув ворота настежь на запад, надев фрак и заговорив на все лады, кроме своего; а из этого следует только, что у нас ещё нет достаточно обработанного языка и что он не менее того должен выработаться из языка народного. Другого, равного ему источника нет... Если же мы, в чадю обаяния, сами отсечём себе этот источник, то нас постигнет засуха, и мы вынуждены будем растить и питать свой родной язык чужими соками... Пусть же всяк своим умом рассудит, что из этого выйдет: мы отделимся вовсе от народа, разорвём последнюю с ним связь, мы испошлеем ещё более в речи своей, отстав от одного берега и не пристав к другому. Не гаерствуя, никак нельзя оспаривать самоистины, что живой народный язык, сберёгший в жизненной свежести дух, который придаёт языку стойкость, силу, ясность, целость и красоту, должен послужить источником и сокровищницей для развития образованной русской речи, взамен нынешнего языка нашего, каженника».

Выражая свои симпатии народному языку, всячески пропагандируя его использование, Даль всё-таки не настаивал на том, что это использование должно быть прямым: «...Никто не заставляет нас,— писал он,— принять в замену нынешнего простонародный язык, а речь идёт только о необходимости воспользоваться им, приобрести его, приобщить, очистив и обработав, к нынешнему языку, с тем чтобы не переиначивать слога и склада его

¹ Интересные справки о первой стадии устремлений Д а л я и критику их см. в «Филологических разысканиях» Я. К. Г р о т а, I, 1895, изд. 3, стр. 16—17.

по-иноземному; не идти наперекор языку, как мы ныне делаем, а идти с ним братски, рука в руку, быть не только учителем его, но и учеником».

Великий труд, взятый на себя Далем, труд изучения того, что в действительности представляет собой русская живая лексика, оказался лучшим оправданием жизненности его замысла. В пуризме Даля в отличие от пуризма Шишкова, искавшего источников обогащения языка в прошлом — обветшалом или вовсе мёртвом, и притом по сути прошлом чужом (старославянском), — и его современники, и последующие поколения должны были оценить и оценили здоровое стремление сблизить книжный язык с речью масс, творившеюся и продолжающей твориться не по надуманным поверхностными наблюдателями законам, а в процессе самой жизни и при широком развёртывании природных средств этой речи.

Пуристические тенденции у писателей после Даля никогда уже не достигали силы и не приобретали значения, равного тому, которые мы видим у него. Даль представляет наиболее высокий гребень пуристических волн, за которым уже следовали до самой Великой Социалистической революции только относительно малозаметные зыби. Вчитываясь в язык того или другого писателя, можно заметить, напр., большее или меньшее желание освежить свой язык элементами живой народной речи, большую или меньшую антипатию к варваризмам, но уже никто из приметных писательских фигур, вне стилизации, не рискует в прозе сильно уклоняться от средней устоявшейся линии литературного языка.

При всей обоснованности борьбы с заимствованными словами, когда они являются только бесполезно дублирующими уже имеющиеся слова родного языка, безоговорочный отказ от этого способа пополнения лексического фонда вреден хотя бы уже по тому соображению, которое в своё время приводил Ф. Э н г е л ь с («Развитие социализма от утопии к науке». Собр. соч. XV, стр. 624): «Ведь необходимые иностранные слова, представляющие собой большей частью общепринятые научно-технические выражения, вовсе не были бы необходимы, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод искажает смысл; вместо того чтобы пояснить, он сбивает с толку».

Борьба с иностранными словами и неологизмами дворянско-буржуазными языковедами проводилась большею частью из соображений реакционных и националистических. В этой борьбе отразилось стремление господствующих классов направлять развитие языка по реакционному пути.

На иных, марксистских, основах происходит борьба с искажением языка в наше время в СССР.

В. И. Л е н и н у принадлежала мысль начать в целях поддержания близости языка партии к массам борьбу со словесными и з л и щ е с т в а м и в области варваризмов и неправильным их употреблением. Свои взгляды Владимир Ильич изложил в известной заметке «Об очистке русского языка» (Размышления на

досуге, т. е. при слушании речей на собраниях, т. 30, изд. 4, стр. 274). Этот интересный документ приводим целиком.

«Русский язык мы портим. Иностранные слова употребляем без надобности. Употребляем их неправильно. К чему говорить «дефекты», когда можно сказать недочёты или недостатки или пробелы?»

Конечно, когда человек, недавно научившийся читать вообще и особенно читать газеты, принимается усердно читать их, он невольно усваивает газетные обороты речи. Именно газетный язык у нас однако тоже начинает портиться. Если недавно научившемуся читать простительно употреблять, как новинку, иностранные слова, то литераторам простить этого нельзя. Не пора ли нам объявить войну употреблению иностранных слов без надобности?

Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово «будировать» в смысле возбуждать, тормошить, будить. Но французское слово «boudier» (будэ) значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле «сердиться», «дуться». Перенимать французски-нижегородское словоупотребление значит перенимать худшее от худших представителей русского помещичьего класса, который по-французски учился, но во-первых, не доучился, а во-вторых, коверкал русский язык.

Не пора ли объявить войну коверканью русского языка?»

Примечание. К истории будэ в XIX веке ср.: «Отвечая кратко на общие вопросы, она [Волинская] рассеянно глядела во все стороны; лицо её, изменчивое, как облако, изобразило досаду; она села подле важной княгини Г. и, как говорится, *se mit á boudier*» (Пушк.). «С нею он ни разу не говорил с глазу на глаз, не будировал её, не делал никаких многозначительных мин» (Бобрыкин, «Поумнел»). В «Слов. русск. яз.» Акад. наук, I, 1891: *Будировать* — показывать молча, косвенным образом неудовольствие; простор.—«дуться».

Иной вид борьбы за чистоту языка, который не мог быть известен предшествующим эпохам, возник в относительно недавнее время — **б о р ь б а с н е п о н я т н ы м и с о к р а щ ё н н ы м и с л о в а м и**.

К числу недостатков русского послереволюционного языка в законодательстве А. В. Луначарский («Изв.», 24/II 1931, № 82) относит «огромное количество невразумительных терминов, возникших из слияния сокращённых слов».

Особенно чётко на опасность злоупотребления аббревиатурами указал тов. Л. М. Каганович в своём докладе на XVII съезде партии: «Товарищ Сталин часто упрекает литераторов и наши газеты в том, что они, не считаясь с уровнем широких масс, допускают всякого рода сокращённые слова. Вот пишут, например, о международном юношеском дне, и обязательно увидите: МЮД. Мы послали тов. Шохина из сельхозотдела ЦК в деревню, чтобы изучить, на какие книги там запросы, каков там уровень читателя.

Он выяснил, что книг там мало. Тов. Шохин в беседе спросил: «Понимаете ли вы, что такое МЮД?» Один коммунист ответил ему: «МЮД — это был, одним словом, революционный праздник». Но какой праздник? Что значит само слово МЮД? — Не знаю, говорит. — Или возьмите наши газеты, там часто встречается слово ИТР. У нас знают, что так сокращённо называют инженерно-технических работников. А вот деревенский коммунист читает ИТР и не знает, что это такое за ИТР...»

9. ОБ ИСТОЧНИКАХ ЛИТЕРАТУРНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ.

Наряду с лексикой в точном значении слова, типический для каждого литературного языка словесный фонд составляют фразеологические предложения, представляющие по смыслу как бы одно понятие, а по форме — в большей или меньшей мере тесное целое (ср.: *иметь, оказывать влияние*, но не «совершать, делать и под. влияние»; *совершать путешествие*, но не «делать, иметь и под. путешествие»; *знать во все лопатки, биться об заклад, питать пристрастие* или *ненависть, одержать победу*, но *выиграть сражение* (ср. в языке начала XIX века: «28 августа одержано Ставучанское сражение», — С. Глинка, «Русская история, VII, 1819 г., стр. 258); *не покладая рук, скрепя сердце* (раньше было возможно и *скрепив сердце*, — ср. А. А. Бестужев-Марлинский, «Часы и зеркало»), *сплошь да рядом*¹ и излюбленные, более или менее эмоционально воспринимаемые «крылатые» слова и выражения (фразеология)². Часть из них может настолько обветшать, что уже только учёный комментатор выяснит при случае их былое точное значение³, но ими продолжают пользоваться,

¹ Стоит отметить среди другого, что фразеологизмы, как фиксированные сочетания слов, могут отличаться от свободных и одним порядком слов; это характерно, напр., для сочетания *терпеть не могу, терпеть не мог*; ср. свободные: не могу терпеть и под.

² Ср.: И. Вульфус. К вопросу о классификации идиомов. — Русск. яз. в сов. школе, 1929, № 4, стр. 115—121; С. Абакумов. Устойчивые сочетания слов. — Русск. яз. в школе, 1936, № 1, стр. 58—64. В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. — Ленингр. гос. орд. Ленина унив. Труды юбил. научн. сессии, 1946, стр. 45—69.

Автор различает фразеологические сращения (фразеологические единицы «абсолютно неделимые, неразложимые, значение которых совершенно независимо от их лексического состава»: *как пить дать, собаку съест*); фразеологические единства («...другой тип устойчивых, тесных фразеологических групп, которые тоже семантически не делимы и тоже являются выражением единого, целостного значения, но в которых это целостное значение — мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов»; ср. рифмованные и под. фразеологизмы: *Федот, да не тот; еле-еле душа в теле*), и фразеологизмы, представляющие крепко спаянные группы, «легко расшифровываемые как переносные выражения» и потому обладающие свойством потенциальной образности: *из мухи делать слона, уйти в свою скорлупу* (фразеологические сочетания).

³ Дело — табак. — «не ладно», по объяснению Михельсона, II, 356,

редко вдумываясь в них, не справляясь ни о месте и времени их возникновения, ни об имени их автора. Фразеологические богатства русской речи (материал ходовой цитации) очень велики, и попытки привести их в известность, при всей своей значительности, далеко не полно охватывают и по сути дела и не могут охватить всего того, чем фактически пользуется даже один литературный язык. Важнейшие собрания русского фразеологического материала представляют: «Пословицы русского народа» Вл. Даля, 1862, 2 изд., 1879¹; его же «Толковый словарь живого великорусского языка» (1 изд. 1861—1868. Четырёхтомное издание под редакцией И. А. Бодуэна-де-Куртене, 1912); двухтомный (около полутора тысяч страниц) труд М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний» и громадный, но не законченный «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Российской академии наук».

Знакомясь с этими собраниями, мы должны констатировать, что можно было бы ожидать и а priori, очень значительную пестроту русского фразеологического состава: пройдя через многочисленные влияния, русский литературный язык, естественно, вобрал в себя многочисленные разнородные элементы, более или менее прочно в нём

«намёк на употребительное слово волжских бурлаков «табак» («под табак»), которое они употребляют, когда при переходе вброд пересекающие путь реки [sic! пересекающих... речек] вода настолько высока, что доходит до горла и грозит подмочить их табак, подвязанный нарочно под самую шею, и переход оказывается невозможным».

Попасть впросак — «по неловкости очутиться в смешном и затруднительном положении». «Вся прядильная, канатная снасть и верёвочный стан носит старинное имя *просак*. Здесь, если угодит один волос попасть в «сучево» или «просучево» на любой верёвке, то заберёт и все кудри» — С. Максимов. «Крылатые слова», стр. 14. Ср. и Мих., II, стр. 86, который приводит примеры употребления этого выражения у писателей.

Баяшки-бая — раньше означало «сказки сказываю».

В выражении *ни кола, ни двора*, как объяснял Максимов, слово *кол* имеет значение известной меры земли.

Сгореть до тла и под. — остаток употребления слова *тло* — «основание» (ср. укр.).

Жив курилка, выражение, повторяемое обыкновенно за пушкинскою эпиграммой на Каченовского, своё объяснение получает в народной игре: «курилка» — горящая лучинка, переходящая из рук в руки с приговоркой: «Жив, жив курилка (ножки тоненьки, душа коротенька)»; тот, у кого курилка погаснет, выходит из круга» (Мих., I, стр. 302).

Попадают и малопонятные застывшие речения, представляющие скверные переводы с чужих языков: *всеми фибрами сердца* — фр. *fibre* значит «волокно»; *быть или не быть в своей тарелке* — фр. *assiette* имеет значение «местоположение» и «тарелка»; *строить куры* — фр. *faire la cour* — «ухаживать». Ср. каламбурное столкновение фразеологизмов в стихотворении П. А. Вяземского «Дружеская беседа»: «Я, бывало, куры строю, Где курятник нахожу; А теперь, под сединою, Курам на смех я гляжу».

¹ Из позднейших собраний можно указать, например, И. И. Иллустров. Жизнь русского народа в его пословицах и поговорках. — Сборник русских пословиц и поговорок. Изд. 3, 1915 г.; В. Князев. Русь. Сборник избранных пословиц и поговорок, 1924 г.

осевшие. Из этих элементов заметнее других выступают: 1) пословицы и поговорки, почти сплошь лишившиеся диалектной окраски и звучащие как обычные фразы литературного языка; 2) получившие метафорическое употребление профессионализмы; 3) закрепившиеся выражения из анекдотов, шуток и под.; 4) цитаты и образы из «Ветхого» и «Нового завета»; 5) многочисленные реминисценции античной старины, безымённой и личной; 6) переводы ходячих выражений французских, значительно реже — немецких, итальянских и английских; 7) крылатые слова писателей русских и иностранных. Среди русских наиболее влиятельными оказались И. Крылов и А. Грибоедов. К слову сказать, такую роль последнего безошибочно предсказал уже Пушкин; 8) меткие фразы выдающихся людей.

Вот несколько иллюстраций ко всем этим составным частям русской фразеологии.

1. *Сядем рядком да поговорим ладком.* Ср. у писателей: «Ну, что там дело! Дело не медведь, в лес не убежит, а ты прежде подойди-ка сюда ко мне: *сядем рядком да поговорим ладком*, по-старому, по-бывалому» (Лесков, «Очарованный странник»). «*Сядем рядком, потолкуем ладком*, — сказал Потап Максимыч, сажая Настю рядом с собой. — Что, девка, раскручинилась? Молви отцу. Может, что и присоветуем» (Мельников, «В лесах», — Мих., II, 356).

Нечего греха таить. Из писателей Мих., I, стр. 686, цитирует: «*Нечего таить греха* — все мы очень плохо знаем Россию» (Гоголь, «Переписка с друзьями»). «Мы привыкли к шуму и раздолью военному — *нечего греха таить* — мерный кубок не для наших губок!» (Марлинский, «Наездь»). «Помню только, что я, как был, кубарем через них [собак] к себе в спальню. Чуть под кровать не забился — *что греха таить!*» (Тургенев, «Собака»).

2. Профессионализмы, получившие метафорическое употребление: *тянуть канитель* (*канитель* — золотая, серебряная или мишурная витушка для золотошвейных работ); *тянуть ляжку* — из языка бурлаков; (*не*) *ставить всякое лыко в строку* («не) всё принимать во внимание»: при плетении лаптей для строки берётся только чистое лыко (Мих., I, стр. 641—642); *попасть в переплёт*; (*валять*) *по всем по трём* (ср. «...Общественного мнения нет, печать безмолвствует — *валяй по всем по трём*. Ха-ха». Салт.-Щедр., «За рубежом») — выражение из языка ямщиков-троечников (Мих., II, стр. 49); *играть первую скрипку, завести волынку, попасть в тон, сбавить тон, повесить нос на квинту, делать что-нибудь под сурдинку* — из языка музыкантов; *играть роль, задать бенефис*, — «устроить скандал», *этот номер не пройдёт* — из языка актёров; *разделатъ под орех; без сучка и задоринки* — из языка столяров; *не стоит овчинка выделки* — из языка скорняков. Ср. и *покушение с негодными средствами* — термин уголовного права.

Ср. и: *остаться при пиковом интересе* («намёк на карточное гаданье, в котором «пики» принадлежат к дурным картам», Мих., II, стр. 125); *втереть очки* (в шулерском арго выражение это первоначально значило втереть лишние очки посредством особого порошка в т. наз. порошковые карты), *идти в гору* (термин из карточной игры в горку)¹ и другие многочисленные выражения, перешедшие от игроков в карты: *его карта бита, ему и карты в руки, подтасовать факты* и др. Характерны также отдельные слова с подобными изменениями значений: *лавировать, сдрейфить* (из морской терминологии), *сплавить* — «сбыть, отделаться от чего-либо» (из языка сплавщиков леса), *скандачка* (делать, действовать) — «легкомысленно, необдуманно» (*скандачок* — особая выступка в мужской пляске — пяткой в землю, носком вверх) и под.

3. Закрепившиеся выражения из анекдотов, шуток и под. или намёки на них: *положение хуже губернаторского, дело в шляпе, танцовать от печки* и под.²

4. Так как они сеяли ветер, то и пожнут бурю. Кн. пророка Осии, 8, 7. Французская и итальянская пословицы с тем же смыслом: «Кто сеет ветер, пожнёт бурю» (Мих., II, 356).

Беречь, как зеницу ока. «Господь нашёл его [народ] в пустыне, в степи печальной и дикой, ограждал его, смотрел за ним, хранил его, как зеницу ока своего». Второзак., 32, 10. «Храни меня, как зеницу ока». Псал. 16, 18 (Мих., I, 35).

Заблудшая овца. «Если бы у кого было сто овец и одна из них заблудилась, то не оставит ли девяносто девять в горах и не пойдёт ли искать заблудшую?» Матф., 18.

Вливать молодое вино в старые мехи. «Не вливают вина молодого в мехи ветхие». Матф., 9, 17.

5. *Пришёл, увидел, победил* (*veni, vidi, vici*) — донесение Цезаря Аминтию после победы при Зеле (47 год до нашей эры). Из русских авторов Михельсон цитирует, II, 128: «И так всё случай довершил. Каков же я? *Пришёл, увидел, победил*» (Н. И. Хмельницкий, «Воздушные замки»).

Между Сциллой и Харибдой. Образ заимствован из «Одиссеи» Гомера: «Страшная Скилла живёт там... К ней приближаться Страшно не людям одним, но и самим бессмертным. Близко увидишь другую скалу... Страшно всё море под тою скалою тревожит Харибда... Если избежать удастся Харибды, могу ли добиться Силой, когда на сопутников бросится жадная Скилла?» (2 песнь, пер. Жуковского).

Жребий брошен. Слова эти (*Alea jacta est*) Светоний при-

¹ См. В. В. Виноградов. Очерки по истории русск. литер. языка XVII—XIX в., 1938, стр. 431.

² Заслуживает быть отмеченным, что некоторые закрепившиеся словосочетания, воспринимающиеся теперь как вульгаризмы или выражения более или менее дурного тона, ничего прямо дающего повод для такой характеристики зачастую в своём этимологическом составе вовсе не заключают; ср., напр.: *то, что надо; ничего подобного; будьте уверены; и никаких гвоздей* и под.

писывает Цезарю при переходе через Рубикон в 49 г. для борьбы с Помпеем. Выдержки из русских писателей, употребляющих это выражение, см. у Мих., I, стр. 307. Из более новых: «Довольно споров! Брошен жребий. Плыви, мой конь, чрез Рубикон» (Брюс., «Юлий Цезарь»).

Гора родила мышь. Восходит к поговорке, повидимому, перенятой из народных уст римскими поэтами (Горацием, Вергилием). У римлян, вероятно, от греков («Гора рожала, Зевс испугался, но родилась мышь»). (См. Мих., I, стр. 208).

Разрубить Гордиев узел. Легенда говорит о том, что Александр Македонский после тщетной попытки развязать узел, которым было привязано дышло к колеснице царя Гордия в храме Зевса в Сардах, просто разрубил его. (По древнему предсказанию, развязавший должен был стать владыкой всей Азии).

Со щитом или на щите. По свидетельству Плутарха, — слова спартанки Горго, сказанные ею при вручении щита сыну, отправлявшемуся на войну. Смысл: «быть победителем или пасть». (Мих., II, стр. 301).

6. *Аппетит приходит во время еды* (фр. L'appétit vient en mangeant). *Чем хуже, тем лучше* (фр. Pire ça va, mieux ça est). *Поставить точку над i* (фр. Mettre les points sur les i). *Это не в порядке вещей* (фр. Ce n'est pas dans l'ordre des choses).

7. *Умерьте ваши восторги.* — Modérez vos transports (В. Гюго, «Odes»). *Быть или не быть?* — To be or not to be? (В. Шекспир, «Гамлет»). *Оставьте надежду навсегда.* — «Lasciate ogni speranza» — надпись над дверями ада — Данте, «Божественная комедия»; «вы, входящие» при цитации обыкновенно опускается. — *Мир хижинам, война дворцам!* (Шамфор, 1714—1794). — *Из искры возгорится пламя.* Слова в стихотворении декабриста А. И. Одоевского — ответ на стихотворное послание Пушкина. Стали девизом газеты Ленина «Искра».

За человека страшно (Ник. Полевой; вставлено в перевод «Гамлета»). *Кукушка хвалит петуха За то, что хвалит он кукушку* (Крылов, «Кукушка и Петух»). — *И я его лягнул...* (Крылов, «Лев состарившийся»). — *Когда бы вверх могла поднять ты рыло...* (Крылов, «Свинья под дубом»). — *Порадеть родному человечку* (Грибоедов, «Горе от ума»); *умеренность и аккуратность* (там же); *дать фельдфебеля в Вольтеры* (там же: «фельдфебеля в Вольтеры дам»); *сметь своё суждение иметь* (там же); *пофилософствуй — ум вскружится* (там же). — *Кажинный раз на ефтом самом месте* (Горбунов). — *Срывать цветы удовольствия* (Гоголь, «Ревизор») ¹. Оно, конечно, Александр Македонский — герой, но

¹ С ироническим оттенком, так как слова эти произносит комическая фигура (Хлестаков). Ср. у других писателей: «Она кушала конфеты, срывала цветы удовольствия, читала романы» (Достоевский, «Село Степанчиково»). «Хищники, увлечённые успехом, как будто совсем не думают о будущем и играючи срывают цветы удовольствия» (Салтыков-Щедрин, «Признаки времени») (Мих. II, 308).

зачем же стулья ломать? (там же). — Ударь раз, ударь два, но не до бесчувствия же! (слова Расплюева в «Свадьбе Кречинского» Сухова-Кобылина). — *Нельзя объять необъятное* (Кузьма Прутков). — *Сидение между двумя стульями* (Салтыков-Щедрин). — *Друг мой Аркадий Николаевич, не говори красиво!* (Тургенев, «Отцы и дети»; точная цитация: «Друг мой Аркадий Николаевич! об одном я тебя прошу: не говори красиво!»). — *Тащить и не пущать* (слова будочника в «Нравах Растеряевой улицы» Гл. Успенского). — *Применительно к подлости* (Салтыков-Щедрин, из сказки «Либерал»). — *Завязывание и развязывание узлов* (Салтыков-Щедрин); стало крылатым после доклада Л. М. Кагановича на XVII съезде ВКП(б)¹.

8. *А всё-таки она вертится [о земле]* — *Erriq si muove* (итал.) — приписываемые Галилею слова, сказанные им будто на суде после неискренного отречения от своего учения о вращении земли.

Скачок из царства необходимости в царство свободы (Энгельс, «Анти-Дюринг»: «И это будет скачком человечества из царства необходимости в царство свободы»). — *Революции — это локомотивы истории...* (К. Маркс, «Классовая борьба во Франции 1848—1850»). — *... Государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим* (Энгельс, Введ. к «Гражд. войне во Фр.» К. Маркса). — *Лучше умереть стоя, чем жить на коленях* (Долорес Ибарри). — *Лучше быть вдовой героя, чем женой труса* (она же).

Далеко не всегда можно быть уверенным, что фраза, ставшая ходячей благодаря тому или другому писателю или выдающемуся деятелю, принадлежит целиком именно ему. Многие, пущенные в художественный оборот искусством отдельного автора, сначала попадали к нему из фразеологии народной или иностранной его времени и только вплетались им в ткань его собственного слога. «Пристало, как корове седло» мы цитируем за Гоголем, но сам Гоголь эту поговорку, имеющую предков уже в греческом и латинском языках, обращающуюся в немецком, мог перенять из разговорно-бытовой русской речи. Внешняя форма распространённой цитаты «И дым отечества нам сладок и приятен» не оставляет сомнения, что мы знаем её из «Горя от ума», но многие ли знают, что в державинской «Арфе» 1798 года можно было уже прочесть: «Звучи, о арфа, ты всё о Казани мне! Мила нам добра весть о нашей стороне: Отечества и дым нам сладок и приятен» и что в свою очередь Державин сам является здесь не более, как цитатором Гомера («...Но напрасно желая Видеть хоть дым, от родных берегов далеко восходящий, Смерти единой он

¹ Специально о фразеологизмах Салтыкова-Щедрина А. И. Ефимов. Фразеологическое новаторство Салтыкова-Щедрина. — Русск. язык в школе, 1940, № 1.

молит», «Одиссея») или его латинских передач, к слову сказать, хорошо известных современникам Державина? ¹.

Зачастую на ходячих, привычных для нас выражениях, вроде *среда заела, жизнь научила*, лежит определённая печать книжности, но авторы их продолжают, несмотря иногда на тщательные поиски, оставаться неизвестными. Знаем мы только, напр. (ср. Мих., II, стр. 308), что первое выражение характерно для сороковых годов («Прежде в сороковых годах, говорили: «среда заела» — П. Б о б о р ы к и н, «Из новых»); ср. иронические слова о том, что кто-то заеден средою, в «Потоке-богатыре» А. К. Т о л с т о г о. Фразеологию тридцатых годов приписывает Т у р г е н е в Михаилу («Дворянское гнездо»): «Мне хочется непременно узнать, что ты, какие твои мнения, убеждения, чем ты стал, чему *жизнь тебя научила?*» — У Д о с т о е в с к о г о в «Дневн. пис.»: «Мы с братом... мечтали о чём-то ужасно, обо всём *прекрасном и высоком*, — тогда это словечко было ещё свежо и выговаривалось без иронии». Уже сниженными «прекрасное и высокое» даёт Ф е т: «У соседа ненароком Я сказал ей слова три *О прекрасном, о высоком...* Скука — хоть умри!»

Указанные выше источники русской фразеологии не все сохраняют в настоящее время одинаковую жизненную силу ². Так, тексты религиозных книг нового в нашу фразеологию вносить, понятно, уже не могут. Нет оснований полагать, что будут возрастать в своём значении реминисценции античной старины.

Чем же дальше будет и может обогащаться русская фразеология? Повидимому, перед нею широкий путь усвоения через книги, журналы, газеты, съезды, конференции и пр. фразеологии вождей партии и советской власти, фразеологии выдающихся советских авторов и ораторов. Понравившееся легко разнесут громадные средства современной передачи, а сказанное и написанное сегодня может, начиная с завтрашнего дня, стать для поколений фразеологизмом с долго не стирающейся эмоциональностью. В советскую фразеологию русского литературного языка вошли, напр., прочно осев: *всерьёз и надолго; догнать и перегнать...* Социализм — это прежде всего учёт (Л е н и н). Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому. — Техника во главе с людьми, овладевшими техникой, может и должна дать чудеса. — «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжёлого

¹ Подробные справки см. в издании сочинений Державина с объясн. примечаниями Я. Г р о т а, 2 акад. изд., II, 1869, стр. 118—120; М. И. М и х е л ь с о н, Русская мысль и речь. I, стр. 361; в книге Н. К. П и к с а н о в а «Грибоедов», изд. писателей в Ленинграде (год не указан), стр. 223—224. Ср. и специальную заметку об этом фразеологизме Н. С е р г е е в а в «Лит. газ.», 1938, № 26.

² Интересна литературная цитация Л е н и н а. О ней см. подробно в книге А. Ц е й т л и н а — Литературные цитаты Ленина. М.—Л., 1934.

времени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства». — Препятствия для того и существуют, чтобы их преодолеть». — «Наше дело правое, мы победим!» (С т а л и н), и многое другое¹.

10. ЗАМЕЧАНИЯ О СУППЛЕТИВНЫХ СЛОВАХ (ФОРМАХ) И ОМОНИМАХ.

Заканчивая характеристику русской лексики, остановимся на двух частных вопросах: как велико в ней количество инозвучных слов, образующих тесно связанные смысловые группы, — так называемых супплетивных форм, и как часты в русском языке лексические омонимы.

И в том и в другом отношении русский язык принципиально близок к украинскому и к большинству других славянских языков: в нём относительно невелико и число входящих в близкие смысловые группы инозвучных слов и количество омонимов. Как примеры первых можно привести названия, с одной стороны, самок и, с другой, детёнышей домашних животных с иными корнями сравнительно с названиями самцов: *кoнь* — *кoбыла*, *кoбылица* — *жeрeбёнок*, *кaбaн* — *свинья* — *пoрoсёнок*, *сeлeзeнь* — *уткa* — *утёнок*, *бьк* — *кoрoвa* — *тeлёнок*, *бaрaн* — *oвцa* — *ягнёнок* (ср. по отношению к диким животным: *лeв* — *львица* — *львёнок*, *тигр* — *тигрица* — *тигрёнок*, *мeдвeдь* — *мeдвeдицa* — *мeдвeжoнок*, *вoлк* — *вoлчица* — *вoлчoнок*); далее, сравнительные степени к наиболее употребительным прилагательным и наречиям: *хoрoший* — *лучше*, *плoхой* — *хуже*, *мaлый* — *меньше*, *вeликий*, *мнoгo* — *бoльше*; некоторые употребительные глаголы и глагольные формы: *клaсть* — *пoлoжить*, *идти* — *иду* — *пoшёл*, *eду* — *eхaть*, *бepу* — *взял* (при *зaбрaл*), *лoвить* — *пoймaть* (при *уловить* с дифференциацией значения), *гoвopит* — *скaзaть* (ср., однако, и *пpoгoвopит*) и под. Фактически к форме именительного единственного числа *дитя* употребляются косвенные падежи только от слова *ребёнок*; множественное число к *человек* — *люди* (лишь со специальной стилистической установкой возможно, как, напр., у Чехова в «Человеке в футляре»: «И в самом деле, Беликова похоронили, а сколько ещё таких *человеков* в футляре осталось, сколько их ещё будет»). К слову *год* род. мн. после чисел — *лет*. Для полноты стоит напомнить, что так называемые личные местоимения² имеют, как и во многих других языках, разные корни или только для именительного сравнительно с косвенными падежами: *я* — *меня*, *oн* — *eгo*, *oнa* — *eё*, *oни* — *их*, и под., или и для отдельных чисел: *я* — *мы*, *ты* — *вы*, *мы* — *нaс* и под.

Наиболее употребительные о м о н и м ы, кроме случаев, пред-

¹ Полезный материал заключают печатавшиеся в «Русском языке в школе» (1938 г., №№ 1, 2, 5—6, 1939, № 1) «Крылатые слова и выражения».

² Включая и анафорическое, т. е. относящееся к уже сказанному слову, — *oн* и т. д.

ставляющих простые разветвления значений, иногда далеко отошедшие от первоначальных, относятся, главным образом, к глаголам и глагольным формам: *засыпать* — «погружаться в сон» и производное от «сыпать»; *точить* — в значениях: 1) «источать, давать течь»; 2) «истачивать, исподволь переедать, просверливать, грызть, продырявливать»; 3) «точить что на токарном станке, выделывать вещь долотом, приводя её подножкой в коловратное движение, так что она ровно подставляет под резец все стороны или бока свои» (Д а л ь); *топить* — 1) «отапливать»; 2) «растопливать, расплавлять» (напр., воск); 3) «погружать в воду»; *косить* — 1) «срезать косою» и 2) «поворачивать вкось»; у многих омонимами является *седеть* (когда неударяемое *е* произносится как *и*) и *сидеть*; *жать* — 1) «сжимать»; 2) «срезать».

Наибольшую терпимость язык обнаруживает относительно омонимов, являющихся в качестве продуктов словопроизводства с живыми чередованиями; ср. приведённое выше *засыпать* и ряд таких, как *умалывать* (от «мал») и *умолять* (от «молить»; произносится с *а*); *спаивать* (от «споить» и от «спаять»); *просаливать* (от «солить» и от «сало»); при произношении неударяемого *е* как *и* омонимами могут оказаться, напр., *распевать* и *распивать* и под.

Реже омонимы именные: известнейшие — *коса*: 1) земледельческое орудие, 2) причёска, 3) узкий выступ материка в море, 5) женский род прилагательного «кос»; *мир*: 1) вселенная, 2) согласие, спокойствие; *брак*: 1) супружество, 2) испорченная продукция.

Охранительная тенденция языка по отношению к омонимам сказывается, напр., в том, что фактически вышло из употребления: *заплатить* в значении «наложить заплату» (ср. *заплатить* — «выплатить уплатить»); *стлать* (произносится «слать») из-за совпадения со *слать* («посылать») всё больше вытесняется новообразованием *стелить*; ср.: «Нехлюдов разделся, *постелил* на клеённый диван плед...» — Л. Т о л с т о й, «Воскресение», «...И *подстелив* под себя шинель, сел, прислонясь к дереву» — Л. Т о л с т о й, «Хаджи-Мурат», «...стала *стелить* себе постель» — П. Р о м а н о в, «Путаница», «Но, одеяло *расстелив* с затасканным концом...» (Н. Т и х о н о в), «Я *расстелил* одеяло на отдых» (у него же)¹.

11. ЛЕКСИКОГРАФИЯ.

Словарный материал русского языка, собираемый и систематизируемый с теми или другими целями, представлен в разных типах лексиконов. Из большого количества их видов укажем только немногие, представляющие большой интерес для работника по языку (литератора, учителя, лингвиста). Таковы прежде всего: толковые словари, собрания фразеологического материала, словари иностранных слов, словари этимологические и исторические.

¹ Подробнее в статье — «Из жизни омонимов». — «Русская речь», 1928, III. См. также В. В. В и н о г р а д о в, О грамматической омонимии в современном русском языке. — Русск. яз. в школе, 1940, № 1, стр. 1—12.

Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 4 тома.

Словарь Даля преследовал задачу охватить и объяснить слова живого разговорного русского языка, главным образом (см. выше), лексику общественных групп, не владевших литературным языком. Материал для него Даль собирал с 1819 г. (восемнадцатилетним юношей) до 1863—1866 гг., когда словарь появился первым изданием. Свою работу собирательского характера сам Даль охарактеризовал в таких словах: «Жадно хватая на лету родные речи, слова и обороты, когда они срывались с языка в простой беседе, где никто не чаял соглядатая или лазутчика, этот [соглядатай или лазутчик] записывал их... Сколько раз случалось ему среди жаркой беседы, выхватив записную книжку, записать в ней оборот речи или слово, которое у кого-нибудь сорвалось с языка, а его никто и не слышал. Все спрашивали, никто не мог припомнить чем-либо замечательное слово, а слова этого не было ни в одном словаре, и оно было чисто-русское».

Строгого плана в своей собирательской работе Даль не имел: наряду с добытым им огромным живым материалом в его словарь вошли выписки из академических словарей слов древнерусских и церковнославянских (Далем использованы «Словарь Академии Российской», «Словарь церковнославянского и русского языка», изд. Акад. (1847), «Опыт областного великорусского словаря» (1852); в живом материале— много такого, что явно не относится к русскому языку; кое-что включил Даль, особенно в объяснения, из собственных новообразований, как ему казалось, «в духе» народного языка (ср., напр., *колоземица*, *мироколица* — «атмосфера», *себятник*, *самотник* — «эгоист», *насылка* — «надпись на письме, посылке, адрес»; *озор*, *овидь*, *огляд*, *закрой*, *кругозор*... *небозём* — «горизонт» и под.).

Истолковываемые слова Даль распределил гнёздами: в гнездо включаются родственные слова (слова того же корня), связь между которыми ещё сознаётся. Исключение сделано только для префиксальных образований, которые в словаре даны под другими буквами (под буквами, с которых они начинаются).

Иллюстративный материал у Даля, главным образом, пословичный и поговорочный. Дано его много, настолько много, что он зачастую производит впечатление самоцели, а не иллюстраций.

Объяснения слов не представляют обыкновенно определений, а даются в виде длинного ряда синонимов. Синонимы эти не всегда, однако, близки к настоящему значению слова и не всегда представляют слова, более употребительные и потому более понятные, чем объясняемое; ср., напр.: *ветхий* — «исконный, доконный, древний, давний, стародавний, отживающий, дряхлый, пришедший в негодность от долгого употребления»; *ссора* — «свара, не-

согласие, раздор, побранка, перебранка, размолвка, вражда, козлы, нелады, разлад, неприязнь, розни, вздорь».

При объяснениях Даль не упускает случая развернуть своё исключительное знание быта — вещей, действий и явлений — в их закреплённых словами подробностях. Как примеры, можно привести хотя бы такие толкования:

«Скоба... железная полоса с заострёнными концами, загнутыми буквою п, но иногда концы загнуты в рознь, вразбежку. Скоба вбивается для взаимного скрепления двух частей, иногда накладные скобы прибиваются гвоздями. ||Рвань или обойма на ободе колеса с заклёпкой. ||Скоба калиточная, ворóтная, дверная, стар. кольцо, крюк в виде молотка, для стуку, что нынешний колокольчик. ||Скоба, иногда и округло согнутая, вбивается в дверь и вообще служит замест ручки, хватки; скобы сундучные для подъёму; скобы к выдвигаемым ящикам; скобочки вбиваются в вал органа, а кончиками вверх — в чесалки и пр.».

«Верёвка... самое общее название свитой или спущенной в неск. прядей толстой нити, обычно пеньковой; каждая прядь скручивается сперва по себе, из каболки, а затем три, иногда четыре пряди спускаются вместе. От бечовки в гусиное перо и до якорного каната, всё верёвка, но у моряков, слóва этого нет: тонкая верёвка, *линь*; толще, вообще *конец*, *трос*, с добавкою названия по своему назначению, или окружной меры в дюймах; верёвка в деле, на судне, *снасть*; самая толстая, *кабелтов*, *перлин*, а якорная — *канат*, на Волге *шейма*; ходячий конец снасти, *лопарь*. Мочальная верёвка, у крест. и на белянах, *лычага*; из грив и хвостов с шерстью, орнб. и сиб. *аркан*; у турок бумажные, в Китае даже шёлковые, на Средиземн. море есть травяные, а для висячих мостов спускают и проволочные; у дикарей, из кокосовых и др. волокон, жильные и пр.».

В 1880—1882 гг. словарь Даля был переиздан.

Два последующих издания словаря Даля (4-е 1912—1914 гг.) вышли в научно улучшенном виде под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене¹. Редактор взял на себя задачу усовершенствовать «подробности внешней отделки словаря, исправить ошибки», включить «слова, почему-либо пропущенные Далем, а также те новые слова, которыми обогатился живой русский язык за последние годы». Существенное изменение внесено в словарь также в том отношении, что, кроме исправлений «гнезд», сделанных при буквах А—М, начиная с буквы Н, в «гнездах» оставлены только слова, связанные алфавитным порядком, но даны при них ссылки на родственные, у Даля выступавшие в том же самом «гнезде». При словах заимствованных приводятся указания на словоисточник. Внешне работа редактора достаточно определённо показана тем, что внесённые им дополнения даются в угловатых скобках с соответствующими ссылками.

¹ Переиздание 1935 г. со вступительной статьёй А. Сухотина воспроизводит текст издания 1880—1882 гг.

Хотя даже в момент выхода словаря Даля жизнь сделала его уже в значительной части историческим памятником, а теперь, после больших сдвигов, совершившихся в русской лексике в результате Великой Социалистической революции, когда завершена ликвидация эксплуататорских классов и в основном построено бесклассовое общество, он ещё в большей мере является таким памятником,— однако, значение его и теперь для работников слова велико: он остаётся грандиозным законченным (охватывающим все буквы) собранием русского словарного материала, и ещё многим, при критическом к нему подходе, можно из него воспользоваться в практических целях (истолкование и подбор синонимов, словопроизводство, справки об ударении и под.).

Лучший критический разбор словаря Даля в первом издании принадлежит акад. Я. К. Г р о т у — «Филологические разыскания», том I¹.

«Толковый словарь» Даля в настоящее время имеет меньшее значение сравнительно с другим, коллективно в течение нескольких десятилетий осуществляемым грандиозным предприятием — «С л о в а р ё м р у с с к о г о я з ы к а» Академии наук. Буквы А—Д (включительно) (составившие первый том словаря— 1250 с лишним страниц) вышли под редакцией акад. Я. К. Г р о т а в 1891—1895 гг. Задача словаря в этой редакции понималась так, что он должен был быть истолкователем общеупотребительного в России литературно-художественного и делового языка со времени Л о м о н о с о в а. Затем план издания был изменён в сторону его увеличения и усложнения задач. Уже при работе над первыми выпусками стало ясно, что чётко различить лексику литературную от диалектной (областной) очень нелегко. «Так как,— писала редакция словаря,— очень трудно с точностью определить, к общерусскому ли языку или только к его говорам принадлежит такое-то слово, то в словаре иногда появляются и слова областные, и именно частью такие, которые получили распространение, частью местные слова, встречающиеся у писателей, частью, наконец, часто выражающие такие понятия, для которых в общеупотребительном языке недостаёт слова». Поэтому новая редакция, приняв во внимание условность отношения между местными словами и словами литературного языка («...среди областных слов попадаются нередко такие, которые известны на большом пространстве России, но чужды общеупотребительному языку, языку Москвы и Петербурга, центров нашей образованности»), изобилие диалектизмов в языке писателей как у их персонажей, так отчасти и у них самих, наконец, недостачу в литературном языке слов для очень многих понятий, обеспечен-

¹ Ср. и В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. 1938, X; § 12; А. М. С у х о т и н. В. И. Даль.— Русск. яз. в школе, 1937, № 6; В. В. В и н о г р а д о в. Толковые словари русского языка,—в книге «Язык газеты», М.—Л., 1941, стр. 375—382.

В последнем, очень содержательном, очерке дана и характеристика предшественников Даля: см. стр. 353—375.

ных областными словами (таковы, по преимуществу, слова, относящиеся к различным явлениям природы, многим ремёслам и производствам), признала необходимым обнять русский язык во всей его совокупности, т. е. «включить в... издание весь словарный материал, представляемый живыми говорами».

Общее редактирование перешло к акад. А. А. Шахматову и после его смерти (1920 г.) до 1929 г. в основном осуществлялось по уже принятому направлению. В этом плане были окончательно разработаны и изданы: в 1897—1916, 1922—1929 гг. вып. **Е, Ж, З** (т. II, вып. 1—9), **И** — *Издёрживать* (т. III, вып. 1—2), **К** — *Крошечный* (т. IV, вып. 1—10), **Л** — *Лисичий* (т. V, вып. 1—3), **М** — *Маститый* (т. VI, вып. 1—2) и **Не** — *Недорубищик* (т. VIII, вып. 1—2).

С конца 1929 г. план издания снова изменился, и задача его была уточнена как «толкового словаря современного русского языка, взятого в историческом развитии». Согласно с такой задачей «в Словарь включаются ... как слова литературные (в пределах от середины XVIII века до наших дней) и употребляющиеся в речевом обиходе различных социальных групп и местностей СССР, так и научные и технические термины по разным отделам знаний и производств. В качестве материала для Словаря использованы все прежние крупные словарные предприятия (словари академические, словарь Даля, областные, печатные и рукописные словари, терминологические и энциклопедические словари), широкий круг произведений художественных, критических, публицистических, научных и под. Для эпохи революции и социалистического строительства используются: а) новейшие энциклопедические словари и справочники (БСЭ, МСЭ, БМЭ, ТЭ, ЛЭ¹ и др.), б) произведения современной художественной литературы в её виднейших представителях, в) ряд советских газет и журналов, г) сочинения вождей пролетарской революции и виднейших общественных и научных деятелей».

В новом издании уже начат был выпуск словаря на буквы **А** (вышло четыре выпуска, 1932—1936, **А** — *Антиципироваться*), **Д** (вып. 1: **Д** — *Даятельный*, 1937), **И** (вып. 1: **И** — *Идеализироваться*, 1935), **Л** (четыре выпуска; последний — *Лезгота — Лесной*, 1935), **М** (три выпуска; последний — *Маслоглазый — Махать* 1936), **Н** (вып. 4; *Нежуреный — Некрытый*, 1936), **О** (пять выпусков; последний: *Ободратся — Обратность*, 1936).

Подробности — «Вестник Акад. наук СССР», 1932, № 7, стр. 13—26.

Обработка отдельного слова в этом словаре сводится к таким моментам. Дается современное его написание, затем старое написание (до 1917 г.), если оно отличается от современного (главным

¹ Большая советская энциклопедия, Малая советская энциклопедия, Большая медицинская энциклопедия, Техническая энциклопедия, Литературная энциклопедия.

образом употреблением «ятя»), и соответствия (не переводы) в других славянских языках, в первую очередь — в украинском и белорусском. Если слово заимствованное, приводится его параллель (слово-источник) из языка, откуда оно перенято. Объясняется слово относительно каждого принадлежащего ему значения с максимальным стремлением исчерпать все имеющиеся контекстуальные оттенки, причём даются указания на то, обычно ли слово в литературном языке теперь или устарело, известно ли оно из литературных источников или взято из языка диалектов, в какой сфере литературного языка оно в обращении (в языке ли техническом, политическом, юридическом, коммерческом, в той или другой области науки, искусства, производства и т. д.). Каждое значение иллюстрируется расположенными в хронологическом порядке цитатами, начиная с авторов XVIII века (Кантемира и Ломоносова), причём по мотивам техническим сначала при каждой рубрике идут цитаты прозаические, а затем — стихотворные.

Что особенно характеризовало Словарь — это стремление к возможно полному использованию литературных печатных материалов. Разумеется, в выпусках, вышедших до Великой Социалистической революции, вовсе не отразились по причинам цензурного порядка издания революционные, и этот важный пробел исправляется только в новейших выпусках.

Нужно также отметить, что неверны, реакционны были в прежних (дореволюционных) выпусках многие толкования слов социально-политического характера. Для примера можно привести хотя бы объяснение слова коммунизм.

Коммунизм, -а, м. (Ново-латинск. communismus от communis, общий). Учение, отвергающее частную собственность во имя людского блага (Радлов, Филос. слов.). Самодержавие народа, которого первая степень — представительная монархия, вторая степень — демократия, третья степень — социализм и коммунизм. Жук., «Св. Русь» (т. VI, 168). Какое дело коммунизму до республиканской формы, когда он в основе своей отрицает не только всякую форму правления, но и само государство, но и всё современное общество? Дост., «Дн. пис.», 1876, март, I, 4. Я не проповедую коммунизма, кузина, будьте покойны. Гонч., «Обрыв», I, гл. 4.

Цитаты избирались, как видим, из произведений реакционных и консервативных авторов.

Не на высоте в ряде случаев также характеристика стилистической стороны употребления слов, и вообще ей уделено в словаре слишком мало внимания.

Не всегда обеспечена была и необходимая точность в характеристике приводимого материала со стороны его хронологии.

Пособие исключительного значения представляет собою «Толковый словарь русского языка» под редакцией проф. Д. Н. Ушкова. Словарь этот, в составлении которого, кроме редактора, приняли участие выдающиеся лингвисты страны — В. В. Виноградов, Г. О. Винокур, Б. А. Ларин, С. И. Ожегов и Б. В. Томашев-

ский, вышел в четырёх томах (первый том — в 1934 году, четвёртый — в 1940). Объяснены в нём свыше 85.000 слов.

Этот словарь охватывает материал только литературного русского языка, и притом главным образом современного, но «литературного» в широком смысле слова, т. е. вообще книжной и разговорной речи образованных людей. Не вошли в словарь узко-специальные термины наук, искусств и техники, но термины производств, шире других известные из прессы, в словарь включены и объясняются в нём. «Толковый словарь» ставит себе задачу служить пособием: 1) к правильному употреблению слов, 2) к правильному образованию форм слов и 3) к правильному произношению. Если две последние задачи относительно удовлетворительно разрешались различными прежними справочниками этого рода, то правильному употреблению слов со стороны стилистической данное пособие учит впервые, и работа проделанная его авторами для разграничения разновидностей устной и письменной речи, исторической перспективы языка, эмоциональных оттенков и под., представляет в русской лексикологии новый важный этап. Статья «Как пользоваться словарём», вводящая в него, даёт в существенном очерк русской литературной фонетики и морфологии¹.

Большое значение имеет принятая в словаре система помет, определяющих круг употребления соответствующих слов. Среди других особого внимания заслуживают: «(простореч.)», т. е. просторечие: слово относится к «простой, непринуждённой или даже грубоватой устной речи, не связанной нормами литературного языка, и стоит на границе литературного употребления»; примеры: *капут, добытчик, канителиться*.

Другой вид отношения к литературной речи характеризует «(разг.)», т. е. разговорные слова: последние не нарушают норм литературного употребления, но в книжном языке придают контексту разговорный характер: *зажигалка, капустный, замаслить, выпачкать, ёрзать, выручка*.

Слова разговорной речи или просторечия, носящие характер интимности или развязности, имеют помету «(фам.)» — фамильярное. Если слово «по своей бесцеремонности и грубости неудобно для литературного употребления», оно снабжается пометой «(вульг.)», т. е. вульгарное: 1) *капризник, ерунда, пятишница* («пять рублей»); 2) *высадить* «выбить, выломить сильным ударом», *перезреть*.

Из различений, требующих большой тонкости, можно отметить ещё: «(науч.)», т. е. научное, «(тех.)», т. е. техническое, «(спец.)», т. е. специальное. Первая помета даётся при терминах, одновременно относящихся к разным областям науки: *атавизм, аэролит*; вторая — только к технике: *клемма, поршень, амортизатор*; третья —

¹ Из рецензий см: А. Печатников. Замечания к толковому словарю русск. яз., — Средн. школа, 1936, № 4, стр. 104—111. Р. Р. Гельгард — рецензия в «Русском языке в школе», 1941, № 2. Особенно важны критические замечания в упомянутой статье В. В. Виноградова, стр. 388—392.

к нескольким профессиям и производствам: *заимка, высачивать, задорина, клепальщик, подогрев.*

Далее: «(поэт.)» — поэтическое, свойственное языку поэзии, но «(нар.-поэт.)» — народнопоэтическое, слово, проникшее в литературный язык из устной народной словесности: *долу, заутра, сень* — «покров», *кормило; соколик, родимый.*

Не приходится удивляться, что в ряде случаев текучесть значений не даёт возможности чётко охарактеризовать слово в стилистическом и других отношениях, и многие пометы вроде фам.: вульг., техн., спец., поэт., ритор. (риторическое), канц. (канцелярское), офиц. (официальное) носят очень условный характер.

Большие достоинства имеет и значительно более краткий «Словарь русского языка» С. И. Ожегова под редакцией акад. С. П. Обнорского, вышедший в 1949 году. Словарь — в одном томе, 968 страниц. «Сведения, необходимые для пользующихся словарём» уложены в нём всего в несколько страниц (V—XIV). Он однообразнее, определённое «Толкового словаря» под редакцией Д. Н. Ушакова, так как, во-первых, не даёт вариантов написаний, последовательно идя за проектом «Правил русской орфографии и пунктуации», выработанным комиссией Академии наук и Министерства просвещения РСФСР в 1948 году, а во-вторых, в меньшей мере считает обязательным сохранение особенностей московского произношения (в широком смысле слова) и ориентируется вообще на литературную норму, выработавшуюся в последнее десятилетие в качестве общерусской. Задача словаря, как её понимает сам автор, — служить «руководством к правильному употреблению слов, к правильному образованию их форм, к правильному произношению, а также к правильному написанию слов в современном русском литературном языке». Охват лексики в этом словаре, естественно, уже: в него не вошли слова узкопрофессиональные; областные, кроме относящихся к существенным предметам и явлениям крестьянского обихода; просторечные с вульгарным или грубым оттенком, — старинные или устаревшие слова ограниченного значения; большинство сложносокращённых слов; слова индивидуального художественного употребления; собственные имена и под.

Объяснения слов в словаре Ожегова в большинстве верны, точны и доступны пониманию культурных читателей.

Кроме словаря В. Даля и «Словаря русского языка» Академии наук, включающих большой фразеологический материал (материал ходовой цитации), в русской литературе важнейшим фразеологическим справочником является М. Михельсон. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний, 2 тома (779 и 580 стр. + 250 стр.), 1903—1904.

Труд Михельсона состоит из расположенных в алфавитном порядке крылатых слов и выражений с цитатами, приводимыми иногда в хронологической, а иногда в случайной последователь-

ности. Если соответствующее крылатое слово или фраза попали в русский язык извне, приводятся их источники немецкие, французские и под. и далее — в тех случаях, когда и по отношению к ним может быть указан древнейший источник, — цитаты из античной литературы. Наряду с указаниями прямых источников и комментариями к ним даются многочисленные параллели. Нахождение нужных цитат, справка о которых разыскивается, облегчается обширным предметным указателем, приложенным ко второму тому. При втором же томе дан очень полный «Указатель иностранных слов, вошедших в русский язык, а также других, нередко приводимых письменно и устно», в котором материал расположен по алфавиту в пределах языков немецкого, английского, французского, итальянского и латинского (греческий опущен).

Вот пример разработки у Михельсона отдельного фразеологизма (крылатого выражения):

Слёзы крокодиловы — волчьи (иносказ.) — притворные.

Ср. Все те его слёзы были крокодиловы, предваряет летописец события. С а л т ы к о в, «История одного города».

Ср. *И крокодилы плачут*, а всё-таки по целому телёнку глотают. О с т р о в с к и й, «Волки и овцы», 2, 2.

Ср. Ну, это слёзы крокодиловы, и им не совсем можно верить. Д о с т о е в с к и й, «Крокодил».

Не плачьте! Я вас понимаю, ваши слёзы — слёзы крокодила.

А. П. Е р м о л о в — Дибичу (при оставлении Кавказа).

Ср. *Krokodilstränen weinen*¹.

Ср. *Wie das Krokodil tränen weint, Wenn er einen zu fressen meint.* — G. Rollenhagen. Froschm. 2, 15, 129—130².

Ср. *Larmes de crocodile*³.

Ср. *Le donne sono simile al coccodrillo: per prendere l'uomo piangono e preso lo divorano*⁴.

Ср. *Crocodili lacrymae*⁵.

Ср. *Κροκοδείλου δάκρυα*⁶.

Древние говорили, что крокодил, прежде чем окончательно проглотить свою жертву, проливает слёзы (крокодиловы — фальшивые слёзы)⁷.

Представляя очень большое собрание ходовой цитации, труд Михельсона даже и для своего времени имел существенные недостатки: многие приводимые им параллели явно натянуты и без поль-

¹ Нем. Плакать крокодиловыми слезами.

² Ст.-нем. Как плачет крокодил, когда он собирается кого-нибудь пожрать.

³ Фр. Крокодиловы слёзы.

⁴ Итал. Женщины подобны крокодилу: чтоб овладеть мужчиною, они плачут и, овладев им, его пожирают.

⁵ Лат. Крокодиловы слёзы.

⁶ Греч. Крокодиловы слёзы.

⁷ Хорошую историческую литературу этого фразеологизма, заметим попутно, представляет заметка В. И. Чернышёва в статье «Тёмные слова в русском языке», XLV Акад. наук СССР, Н. Я. Марру, 1935.

зы увеличивают размеры книги; в цитации проглядывают реакционные вкусы автора (очень часто приводятся выписки, напр., из В с е в. К р е с т о в с к о г о, из третьестепенного, но яркорекционного романиста М а р к е в и ч а, и обходится очень многое выдающееся даже из просто либеральной литературы); ряд замечаний обличает в авторе не специалиста, а дилетанта.

Лучший этимологический словарь русского языка — А. П р е о б р а ж е н с к о г о, вышедший выпусками с 1910 г. и оставшийся в издании незаконченным (всего вышло 14 выпусков, от А до Сулея).

Окончание его (с очень значительными пропусками: нет конца С; нет начала Т — до *тело*; отсутствуют слова на У после *удручать*; вовсе нет Ф и Х и под.) напечатано в «Трудах Инст. русского языка» АН СССР, I, 1949.

Построен он на основе этимологических словарей славянских языков — Ф. М и к л о ш и ч а, «*Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*», 1886; Н. В. Г о р я е в а, Сравнительный этимологический словарь русского языка, Тифлис, 1896 и в значительной мере — Э. Б е р н е к е р а, «*Slavisches etymologisches Wörterbuch*» с 1908 г. [не окончен — доведён до начала буквы *m* (м)] и, кроме них, на громадной этимологической литературе русской и европейской, которую автор, если и не всегда критически, использовал с исключительным трудолюбием и тщательностью. Хотя со стороны полноты разбираемых слов «Этимологический словарь русского языка» Преображенского и небезупречен (особенно много пробелов допущено относительно заимствований), но материал, в него вошедший, настолько велик и взят обыкновенно из настолько научно серьёзной литературы, что в целом словарь на том этапе языковедения, когда он выходил, в существенном удовлетворял поставленной задаче.

Слова даются в словаре Преображенского под основными формами: напр., ни *донести*, ни *принести* и под. непосредственно искать в нём по алфавиту не следует. Не окажется также в порядке алфавита форм *носить*, *нашивать*, *носилки*, *разнос* и под. — все их читатель должен разыскать под *нести*. Или: нет самостоятельно данного слова *истина*: оно, как и другие родственные ему — *истовый*, *истей*, стоит в одной группе с заглавным *истый*. Таким образом, пользование этимологическим словарём Преображенского предполагает уже некоторое элементарное умение устанавливать родственные связи слов и ориентироваться, главным образом, на такие, которые предположительно можно признать более других первоначальными.

При каждом заглавном слове материал располагается следующим образом: 1. Указываются все важнейшие современные русские производные от корня объясняемого слова. Напр.: Г о р а... горка, пригорок, предгорье... горный, гористый. Сюда же: горница. Или: М и н о в а т ь... минут, минуя — *мимо*, *обойдя*, *пройдя*; минувший — *прошедший*; из ц.-сл. преминуть — *пропустить*, *укло-*

ниться (в выр. «не премину» — не уклонюсь, непременно сделаю); диал. неминучий — неизбежный; разминоваться, разминуться — пройти, проехать мимо друг друга, не встретясь, не зацепясь.

2. Даются существующие соответствия в славянских языках: украинском, белорусском, древнерусском (т. е. в восточнославянских памятниках, независимо от места их написания), старославянском (древнеболгарском), словенском, болгарском, сербо-хорватском, чешском, польском и лужицких. Отсутствуют, таким образом, соответствия только из языков словацкого и кашубского. В порядке расположения языков допускается известная необоснованность: между старославянским и болгарским почему-то стоит словенский язык, ближайший родич сербо-хорватского. Впрочем, серьезного практического значения это обстоятельство не имеет.

3. В третьей рубрике указываются с ссылкой на авторов соответствия в других языках и отмечаются контроверзы, существующие по поводу того или другого сопоставления в научной литературе. Ср. при г о р а: ...сскр. *giri gora*, зенд. *gairiš* (Уленб...), лит. *gīgia*, *gīgė лес*. лтш. *dzīgē лес*. др.-прус. *garian дерево*. гр. *βορέης* (Гом.), атт. *βορρέας северный ветер*. Прельвиц настойчиво утверждает, что под словом **gogi* разумеются волнообразные возвышенности. (Валдайские), покрытые лесом; от них шёл *βορέας*. Отсюда *ὕπερβόρειοι*, так сказать, «загорцы»... алб. *gig камень*... При м и н о в а т ь — лат. *meo*, -*are идти, странствовать* (WEW 478¹, Solmsen KZ, 37, 528), гал. *Moenus* название реки (ныне Майн) (Stokes, 204). Уленбек (AiW. 224) считает, напротив, исконнородств. сскр. *minati*, *minōti вредит, уменьшает*; *mīyate*, *mīyāte уменьшается, проходит, пропадает*... слав. мьний, гр. *μνύω уменьшаю* и пр. (см. под м е н ь ш е). Solmsen..., ввиду значения наречия м и м о, возражает против этого сближения. По мнению Вальде... **mei идти*, м. б., наряду с лат. *migrare* относится к группе *mūtare*. Буга... относит сюда лит. *muities иметь сношения, обращаться*, лтш. *muđit побуждать, понукать* и др. балт., лат. *movere двигать*, сскр. *mīvati толкает, побуждает*...

При словах заимствованных указывается предполагаемый источник заимствования и, если она известна, этимология слова на той почве, откуда слово перенято... Ср., напр., о р а н ж е в ы й: Новое заимств. (с Петра В...) из фр. (м. б. через пол.): *orange апельсин*; *orangerie оранжерея* (ср. лат. *arāngus, arāngia*. ит. *arancio*... исп. *paņaņa*. порт. *lapanja*. перс. *paņej*. араб. *paņanja*). Во фр. преобразовано под влиянием от *золото* (римляне называли апельсины *aurēa mala*). Немцы преобразовали лат. *rotum aurantium* в *romeranze*...

К словарю приложены облегчающие ориентацию таблицы звуковых соответствий.

Наиболее серьезный разбор этимологического словаря А. Пре-

¹ W a l d e. Lateinisches etymologisches Wörterbuch.

ображенского дан акад. Б. М. Л я п у н о в ы м в «Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук СССР», 1925 и 1926, XXX и XXXI.

Лучшие словари иностранных слов, вышедшие после Великой Социалистической революции: И. В а й с б л и т — «Полный иллюстрированный словарь иностранных слов с указанием их происхождения, ударений и научного значения», 1926 и «Словарь иностранных слов».

Словарь иностранных слов вообще должен служить двум мало связанным между собой задачам: одной, этимологической, — указывать, откуда заимствовано и какому именно иностранному соответствует изучаемое слово, другой, о б ъ я с н и т е л ь н о й, — истолковывать заимствованные слова. Практически все справочники, в том числе и данные, вынуждены из-за несоотнесенности обеих задач разрешать их только частично. Со стороны этимологической одинаковый интерес представляют и заимствования старые, не воспринимаемые в настоящее время как слова, поступившие извне (*аист, арбуз, хутор* и под.), и заимствования более поздние, ещё чувствующиеся как «чужие»; точно так же с этой стороны имеют право на внимание, наряду со словами «культурными» (терминологическими, социально-политическими, относящимися к предметам культурного общения и т. д.), всякие вообще слова, усваивавшиеся данным языком из других.

Истолковательская задача, наоборот, сводится к значительно более узкому кругу слов — к тем заимствованным, которые нуждаются в объяснении, и, таким образом, работая над нею, нецелесообразно привлекать материал лексики, хотя и заимствованной, но общепонятной. Осмысливая истолковательскую задачу, естественно прийти к заключению, что по сути своей она не должна прямо иметь в виду именно заимствованные слова, так как, если взять хотя бы терминологическую лексику, в составе последней окажется много слов не заимствованных, но не менее нуждающихся в объяснении, чем заимствованные (ср.: *сопло, берцовая кость, спаренная езда* и др.).

За традиционной формой словарей иностранных слов лежит, повидимому, легко угадывающаяся предпосылка — что «культурная» лексика (техническая и т. д.) есть по преимуществу лексика интернациональная, попадавшая в русский язык извне. Это справедливо только отчасти, и потому словари такого типа разрешают лишь приблизительно ту задачу, которую в полном её виде можно было бы сформулировать как объяснение лексики наук, искусств, производств, социально-политических понятий и т. д. Большая условность в построение таких словарей вносится ещё тем, что охват материала в них ни в каком случае не может быть полным (всей терминологии наук они вместить не могут: претенциозность заглавия словаря Вайсблита тут только может ввести в заблуждение неопытного читателя), и установка берётся обыкновенно на более чем условный круг слов, принадлежащий образованному человеку «вообще» или обращающийся в возможном круге неспе-

циального чтения опять-таки абстрактно взятого «образованного человека».

Лучший и со стороны этимологической и по подбору материала — словарь, изданный Гос. изд. иностр. и национ. словарей.

Последнее, 3-ье переработанное и дополненное, издание — под редакцией И. В. Лёхина и проф. Ф. Н. Петрова — 1949 года.

Со стороны этимологической его преимущество над всеми его предшественниками — в указании не только слов-источников, но и путей передачи. Ср., напр., *турнир* — нем. [Turnier] < фр. [tournoi]; *буфф* — фр. [bouffe шутовской, комический] < ит. [buffa] комическая пьеса, шутка..., или *тонус* — лат. tonus < гр. tonos «напряжение»; *фазаны* — нем. Fasan < соб. гр. phasianos (ornis), *фасийская* (птица) < Phasis нынешняя река Рион на Кавказе; *факел* — нем. Fackel < гр. phakelos «пучок, связка».

Важно также для верного представления о процессе интернационализации словаря чёткое различие учёных и искусственных образований и слов, реально существовавших в языковом обиходе.

Этимологических указаний неверных, неточных и сомнительных [вроде, напр.: *буффонада* — фр. [bouffonnerie] < ит. [bouffonata]; явно, что окончание *-ада* не может восходить к *-erie*; *паяц* (ит. pagliaccio); слово попало в русский язык через французское посредство: *paillasse*, ср. в первой половине XIX века — *паяс* — и нынешнее *паясничать*; *-ц-*, повидимому, под немецким влиянием — *Bajazzo*], — в словаре немного.

В объёме около 20000 слов, словарь, как указывает редакция, «предназначен для самых широких кругов советских читателей и ставит своей основной задачей дать краткое объяснение слов и терминов иноязычного происхождения, встречающихся в произведениях классиков марксизма-ленинизма, в научно-популярной, технической и художественной литературе, в журналах и газетах. В словарь включены интернациональные термины, образованные из элементов древнегреческого, латинского языков и частично из восточных и новых западноевропейских языков, а также слова, вошедшие в русский язык из языков народов СССР, наиболее часто встречающиеся в периодической печати».

К сожалению, в последнее издание не вошёл включавшийся в первые издания прекрасный очерк — «Грамматика иностранных слов» Н. В. Юшманова, знакомящий с методологией опознания и характеристикой словарных заимствований.

Единственный исторический словарь древнего русского языка — «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» Изм. И. Срезневского — три основных тома и один дополнительный, 1893—1912. Хотя этот словарь имеет ряд существенных научных достоинств (очень большое количество использованных источников, внимательное различение значений, богатая цитация), в работе над историей русского языка он полностью в настоящее время удовлетворить не может: при самом его издании, которое велось уже после смерти автора, не удалось объяс-

нить точно некоторых ссылок на источники и установить, какими именно рукописями он воспользовался для своих выписок; в словарь попало слишком много слов, взятых из чисто церковнославянских памятников; но самое главное — по охвату материала в пределах самим автором поставленной задачи словарь И. И. Срезневского не обеспечивает многого важного для истории русской лексики и для чтения как раз тех русских памятников, в которых с большой отчётливостью проявляется русское (не старославянское) начало. В записке, представленной Второму отделению Академии наук в 1866 году, Срезневский писал, выясняя характер и цели своей работы: «Я не упустил из виду ни одного такого слова [«выражающего так или иначе быт народный» или «изображающего отвлечённые или научные понятия и представления»], где бы оно мне ни встретилось; но многие занёс на свои листки только случайно, не воспользовавшись вполне теми источниками, из которых их занял. Памятниками XV—XVIII веков я пользовался всего более для объяснения слов ныне употребительных. Только из памятников XI—XIV веков (русского письма) я старался выбрать все слова без исключения и вместе со словами всё, что может годиться для их объяснения»¹.

Обработка отдельных слов в «Материалах» обычно такова: даётся объясняемое слово с переводом каждого отдельного значения на русский, а в ряде случаев — на греческий или — значительно реже — на латинский язык. Истолковываемое значение подкрепляется цитатами из памятников (расположенными не всегда, однако, в хронологическом порядке), в определённых случаях — с греческими параллелями. Иногда предлагаются справки этимологического характера — родственные слова из других языков — или изредка — историко-бытовые комментарии-параллели.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

М. Горький. О литературе. Статьи 1928—1933 г., М., 1934, и статьи в «Лит. учёбе», 1934, № 1—4.

Для критического использования.

Ю. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Л., 1924.

А. Орлов. Русский язык в литературном отношении.— Родн. яз. в школе, 1926, № 9.

Его же. О социологии языка русских литературных произведений.— Родн. яз. в школе, 1927, № 2.

Б. Арватов. Социологическая поэтика. 1928.

В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., М., 1938.

С. М. Успенский. Элементы лексико-фразеологического анализа художественного текста.— Учёные записки Марийского педагог. инст., III, 1943. 289—338.

¹ Подробности, относящиеся к составлению «Материалов», см. в статье В. И. Срезневского «Об истории составления словаря древнерусского языка И. И. Срезневского», — Изв. АН СССР, Отд. обществ. наук, 1933 г., стр. 705—728.

ГЛАВА III.

МОРФОЛОГИЯ. I. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ.

Содержание: 1. Грамматические особенности языка. 2. Части речи. 3. Вводные замечания о словообразовании. 4. Суффиксы имён существительных. 5. Ударение суффиксальных имён существительных. 6. Суффиксы имён прилагательных. 7. Ударение членных прилагательных. 8. Глагольные суффиксы. 9. Префиксальные имена существительные и прилагательные. 10. Об ударении префиксов. 11. Бессуффиксные образования существительных. 12. Причастия (глагольные прилагательные). 13. Ударение причастий. 14. Залоговые формы на *-ся (-сь)*. 15. Приметы видов. 16. К ударению видовых образований. 17. Наречия. 18. Деепричастия. 19. Сложные слова. 20. Сокращённые слова.— Из литературы.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА.

Руководящими при оценке природы грамматики и её значения для человеческой мысли являются следующие высказывания И. В. Сталина:

1. «Подобно тому, как строительные материалы в строительном деле не составляют здания, хотя без них и невозможно построить здание, так же и словарный состав языка не составляет самого языка, хотя без него и немислим никакой язык. Но словарный состав языка получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики языка, которая определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложения и, таким образом, придаёт языку стройный, осмысленный характер. Грамматика (морфология, синтаксис) является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Следовательно, именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку.

Отличительная черта грамматики состоит в том, что она даёт правила об изменении слов, имея в виду не конкретные слова, а вообще слова без какой-либо конкретности; она даёт правила для составления предложений, имея в виду не какие-либо конкретные предложения, скажем, конкретное подлежащее, конкретное сказуемое и т. п., а вообще всякие предложения, безотносительно к конкретной форме того или иного предложения. Следовательно, абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берёт то общее, что лежит в основе

изменений слов и сочетаний слов в предложениях, и строит из него грамматические правила, грамматические законы. Грамматика есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления.

В этом отношении грамматика напоминает геометрию, которая даёт свои законы, абстрагируясь от конкретных предметов, рассматривая предметы, как тела, лишённые конкретности, и определяя отношения между ними не как конкретные отношения таких-то конкретных предметов, а как отношения тел вообще, лишённые всякой конкретности»¹.

2. «Грамматический строй языка изменяется ещё более медленно, чем его основной словарный фонд. Выработанный в течение эпох и вошедший в плоть и кровь языка, грамматический строй изменяется ещё медленнее, чем основной словарный фонд. Он, конечно, претерпевает с течением времени изменения, он совершенствуется, улучшает и уточняет свои правила, обогащается новыми правилами, но основы грамматического строя сохраняются в течение очень долгого времени, так как они, как показывает история, могут с успехом обслуживать общество в течение ряда эпох.

Таким образом, грамматический строй языка и его основной словарный фонд составляют основу языка, сущность его специфики»².

Грамматика распадается на м о р ф о л о г и ю — учение о формах слов и синтаксис — учение о типах связей слов и законах построения из них больших объединений (предложений).

2. ЧАСТИ РЕЧИ.

Со стороны семантической (смысловой) однозначные слова в русском языке (т. е. слова — носители самостоятельных значений) делятся на: и м е н а с у щ е с т в и т е л ь н ы е, представляющие собой выражение названий предметов в узком и широком значении слова (всего, о чём можно спросить кто? или что? или назвать словом *он, она, оно, они*); и м е н а п р и л а г а т е л ь н ы е, являющиеся обычным выражением признаков предметов (чаще всего постоянных) и могущие быть ответом на вопросы *какой, какая, какое, какие? каков, какова, каково, каковы?* В более редких случаях прилагательные выражают отношение к предмету лица владеющего (*чей, чья, чьё, чьи?*): *Манин, мужнин*; глаголы — выражающие переменные признаки (действия, состояния) — что предмет делает? что с ним совершается?; наречия, показывающие признаки признаков (признаки прилагательных и глаголов) и дающие специальные указания на характер действия

¹ И. С т а л и н. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950 г., стр. 19—20.

² Там же, стр. 21.

(*быстро, взапуски*), время (*издавна, иногда*), место (*дома, домой, спереди*), причину (*сгоряча, сдуру*) и под.

Со стороны формальных примет русские имена существительные представляют собой слова склоняемые, но не имеющие специального изменения по родам; имена прилагательные изменяются по родам и обладают в определённых функциях системой склонения; для системы глаголов характерно прежде всего изменение по временам и наклонениям, и для значительной части форм — по лицам; наречия — это образования, допускающие в относительно немногих случаях изменения словообразовательных форм, но не имеющие форм словоизменения.

Примеры. Имена существительные: *конь, овца, паровоз, берег, трава, верх; коня, овцы, паровоза, берега, травы* и т. д.; имена прилагательные: а) склоняемые — *сильный, сильная, сильное, сильные, верхний, верхняя, верхнее, верхние; сильного, сильной, сильному, сильных* и под.; б) несклоняемые: *рад, рада, радо, рады; силен, сильна, сильно, сильны* и под.; глаголы: *пишу, писал, буду писать; точу, точил, буду точить; пишу, пишешь, пишет, пишем, пишете, пишут; точу, точишь, точит* и т. д.; наречия *сильно, сильнее; быстро, быстрее; вперёд, назад, стремглав, вплавь* и под.

С главными признаками данных частей речи соединяется немало других, выступающих в тех или других морфологических категориях, связанных ближайшим родством с имеющими указанные типические черты. Так, напр., для имени существительного, имени прилагательного, глагола характерно морфологическое выражение категории числа; в систему глагола входит как обязательная принадлежность каждого глагола инфинитив (неопределённая глагольная форма), — образование, лишённое признака времени и лица (*писать, точить*), и под.

Формальные категории, как выражение определённых смысловых, получают настоящее применение только в связной речи. Каждая часть речи имеет свои типические для неё виды связей с другими. Так, напр., с именами существительными согласуются в роде, числе и падеже прилагательные (*высокий берег, зелёный лес*); косвенные падежи имён существительных зависят (управляются) от имён же существительных, глаголов, реже — прилагательных и наречий (*добыча железа, встреча делегации, посылает письмо, сообщает товарищу, богатый материалом, быстрее почты*); имена прилагательные в склоняемых формах выступают в роли пояснительных слов к существительным, согласуясь с ними (см. выше), в несклоняемых формах обычно бывают сказуемыми к существительным в именительном падеже; глаголы (кроме инфинитивов) согласуются с именами существительными в числе (и роде), являясь к ним сказуемыми (*пришёл товарищ, пришли товарищи*); наречия обычно примыкают, чаще всего — к глаголам (*недавно прочёл, быстро вышел, направился домой* и под.). (Подробности ниже — в «Синтаксисе»).

Полную характеристику изучаемых категорий даёт только учёт вместе моментов семантических, т. е. собственно-смысловых, морфологических и синтаксических. В результате такого учёта выделяют обыкновенно в русском языке для полнозначных слов наряду с основными частями речи ещё две: *местоимения* и *имена числительные*.

Местоимения со стороны семантической представляют собою слова, соотносительные с именами существительными, прилагательными и наречиями. Если последние называют предметы, качества, признаки признаков и под., то первые служат для спрашивания о них, указания на уже названные, для общих замечаний о них: ср. *товарищ* и *он*, *кто-то*, *кто?*; *высокий* и *какой?* *такой*; *дома* и *где?* *здесь*, *там*.

Большая часть склоняемых местоимений имеет свои значительные отличия от существительных и прилагательных, поэтому их издавна принято рассматривать как особую часть речи. Что же касается местоимений неизменяемых, так как их выделение в особую группу не имеет большого практического значения, то их обычно не отличают от наречий вообще (*как?* *здесь*, *там*, *откуда?* *зачем?* и под.). Для избежания двусмысленности будем далее говорить о местоимениях — как части речи в узком значении термина и местоимениях — как семантической категории в широком значении термина.

Имена числительные представляют собою числовые наименования типа существительных (*пять*, *десять*, *сорок*, *тысяча*), прилагательных (*два*, *две*, *первый*, *второй*), наречий (*дважды*, *трижды*) и под. Категория числительных количественных (отвечающих на вопрос *сколько?*) имеет существенные синтаксические особенности, присущие только ей (ср.: *два взрослых ученика*, *два взрослых ученика*, но *двум взрослым ученикам* и т. д.; *пять высоких деревьев*, но *пяти высоким деревьям* и под.), и у многих входящих в её состав слов — своеобразные морфологические признаки (ср., напр., склонения *два*, *три*, *сорок*). Издавна, поэтому, эту категорию (и с нею и порядковые числовые наименования, что имеет значительно меньше оснований) выделяют в особую часть речи. Что касается образований типа *дважды*, *трижды*, *по-двое*, то по практическим соображениям их не отличают от простых наречий.

Небольшую, но синтаксически характерную группу слов имеем в *полнозначных неизменяемых словах*, употребляемых только в функции *сказуемых*: *надо*, *жаль* и под. (неизменяемые сказуемые слова).

Специальный разряд знаков непосредственной эмоциональности, волеизъявления и звукоподражания представляют морфологически неоформленные слова — *междометия*: *ах!* *ой!* *увы!* *эй!* *агу!* *гав-гав!*

Слова *неполнозначные* (служебные), естественно, разделяются на части речи только по их синтаксической роли. Тут различают два важнейших разряда: *предлоги*, *служебные*

слова, роль которых заключается в том, чтобы вносить в управление именами (косвенные падежи имён) специальные смысловые оттенки (*смотреть на шествие, следить за порядком*); и союзы, роль которых сводится к соединению между собою параллельных членов предложения или целых предложений (*ты и я; не ты, а он; если это будет сделано, надо ожидать важных результатов*).

В особый разряд (часть речи) выделяются частицы вроде *разве, даже, ужасли*, неизменяемые служебные слова, служащие главным образом передаче различных видов эмоциональности или уточнения слов и целых предложений. К ним близки отличающиеся от них в большей или меньшей мере своей ритмомелодической изолированностью такие неизменяемые модальные слова, как: *пожалуй, авось* и под.

Такова классификация частей речи, принятая в настоящее время за основу в школьной работе над русским языком.

Условность этой классификации ясна из замечаний, сделанных выше.

Среди формальных элементов, входящих в состав полнозначных слов, различают относящиеся к словообразованию (формированию грамматически выраженных понятий) и словоизменению (изменениям окончаний, показывающим отношения данного понятия к другим в связной речи). Ср. примеры первого: *нож-к-а, внуч-ек, топор-ищ-е, золот-ист-ый, игрив-ый, под-нож-к-а, у-вес-ист-ый, за-нес-ти, при-лож-и-ть*; примеры второго: *протянуть руку, взять рукою, держать в руках; я вижу, ты видишь* и под.

В классификации полнозначных частей речи, как легко убедиться, существеннейшими моментами являются со стороны морфологической признаки словоизменения. С последними, однако, рядом выступают зачастую особенности словообразовательные. Имя существительное, напр., или имя прилагательное имеют каждое свою типичную для них систему словообразовательных элементов (суффиксов, префиксов), которая почти в такой же мере, как и факты словоизменения, образует то, что позволяет говорить об определённой большой категории грамматических значений¹.

3. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СЛОВООБРАЗОВАНИИ.

Область словообразования — одна из наиболее творческих, наименее замкнутых в грамматике языка. В ней с исключительной выразительностью выступает тот подчёркнутый И. В. Сталиным

¹ Пересмотр вопроса о классификации частей речи см. в книгах В. В. Виноградова «Современный русский язык», вып. 1, М., 1938; рец. — «Русск. яз. в школе», 1938, № 4; и в переработанном её издании — «Русский язык. Грамматическое учение о слове», 1947, глава «Введение в грамматическое учение о слове». См. также: С. И. Абакумов. Современный русский язык. 1942, глава IV, и Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. 1945, разд. «Морфология».

факт, что «развитие языка происходило не путём уничтожения существующего языка и построения нового, а путём развёртывания и совершенствования основных элементов существующего языка»¹. Словообразовательные элементы и их комбинации обеспечивают почти бесконечное количество новых слов и новых оттенков, обогащение которыми отвечает серьёзным потребностям роста языка. Если формы словоизменения в существенном представляются нам отложившейся прочно, почти непоколебимой системой, которой должен подчиниться каждый из нас, не ожидая при её применении фактов новых, с чертами творческой свежести (родительный падеж, напр., каждого существительного с именительным на -а будет иметь ту же примету -ы или -и: *воды, красоты, ноги* и под., и функции этого падежа в существенном остаются теми же самыми), то элементы словообразования мы почти всегда ощущаем как материал для отработки новых понятий и новых оттенков. Изучая их, мы, однако, скоро убеждаемся, что свободному творчеству и здесь поставлены достаточно ощутительные грани. Никогда по отношению к значительному числу словообразовательных элементов, обычных в языке, мы не можем быть уверены, что, встречаясь в нескольких десятках слов, этот же элемент окажется применимым и в остальных, которым он по смыслу может соответствовать, и лишь немногие словообразовательные элементы имеют почти неограниченную продуктивность².

Практика языка часто довольно консервативна, консервативнее, чем это вызывается самой природою нормативности, и требованиям жизни она подчиняется медленно и не без сопротивления. Не раз и не два, конечно, в жизни встречалась потребность в параллель *пловцу* назвать плавающую женщину, но всякий образующий вполне соответствующее законам русского словообразования слово *пловица* чувствует себя тем не менее новатором. В старом (напр., у Гоголя) и канцелярском языке (в нотариальной практике) уже давно употреблялось нужное по обстоятельствам дела слово *продавица* (*продащица* имеет смысл «продающая в магазине» и под.), но многие ли из нас воспринимают его как привычное? Мы с трудом преодолеваем языковую инерцию, удивляясь в то же время такому странному факту, что за тысячелетия не выработалось в литературном языке определённой формы женского рода

¹ И. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950, стр. 22—23.

² Говорим «почти», так как даже среди таких, напр., особенно продуктивных образований, как причастия страдательного залога, не исключён случай, что к *заставить* «наполнить вещами» причастие будет *заставленный*, но от *заставить* «принудить» оно уже не употребляется и заменяется формой *принуждённый*.

Вопросу о том, «каким образом в современном русском языке выражается членимость производных основ на выделяющиеся в них морфемы» (формальные элементы), посвящена очень ценная статья Г. О. Винокура «Заметки по русскому словообразованию», — Изв. Акад. наук СССР, Отдел. литер. и яз., V, вып. 4, 1946, стр. 314—332.

к понятию «врага». В диалектах имеются образования *вразуша*, *ворогуша*, но, ища нужного ему слова, К. Б а л ь м о н т, напр., останавливался на неудачном *врагиня* (ассоциация — *бог* — *богиня*); теоретически возможны были бы также *вражица*, *вражка* и др., но, как видим, все они в обращение не вошли. Ср. ещё отсутствие таких слов, как *хитрица*, *льстица* (к *хитрец*, *льстец*), *потомица* (к *потомок*).

Тенденция к системе в проведении словообразовательных элементов на каждом шагу наталкивается на препятствия, её дезорганизующие. Среди них особенно влиятельны следующие.

Формальные приметы имеют слишком общие значения, которые в комбинации со значениями корневыми могут дать совсем особый индивидуальный оттенок смысла; ср.: *творить* — *сотворить*, но *натворить* (из значений *на-*: *написать*, *напилить* и т. д. прямо никак не следует тот оттенок смысла, который имеется в слове «натворить»); флексия основы (чередования гласных) и суффикс в *хаживать* и *ухаживать* создают совершенно непохожие разветвления значений и т. п.

Оттенки значений, принадлежащие корням и целым словам, в большей или меньшей мере модифицируют служебные значения, принадлежащие словообразовательным элементам, напр., суффиксам: *моряк* уже не имеет отрицательной или аффективной окраски суффикса *-ак* (*-як*); потеряло её и слово *рыбак*. Не имеет общей резкой окраски суффикса *-ун*, напр., слово *опекун*; наоборот, *-ца* в именах мужского рода (ср. *убийца*, *кровопийца*), первоначально эмоционально не окрашенное, приобретает отрицательный оттенок благодаря значению основ, с которыми соединяется.

Зачастую наблюдается необходимость, если в языке уже есть слово того же корня, образованное при помощи данного суффикса, прибегнуть для того, чтобы обозначить другое понятие, к другим словообразовательным средствам: *наперсник* мы не передаём при помощи «нагрудник», избегая соответственного омонима; слово женского рода к *друг* не выступает в виде *дружка*, так как последнее получило в прошлом специфическое значение свадебного чина¹, а заменяется словом *подруга*, но ввиду того, что и это слово приобрело специальный оттенок — «друг и приспешница женщины», а по отношению к мужчине — оттенок только торжественный, настоящего словесного выражения понятия женского рода, параллельного слову «друг», в литературном языке ещё нет; приводимое Д а л е м *другиня* — искусственное, не привившееся слово. Любопытно, что та же самая тенденция избегать омонимных слов действует даже при образованиях от слов омонимного употребления; ср. *разносить* (напр., по сторонам), откуда *разносчик*, но по отношению к *разносить* «делать разнос, упрекать» и под. образование «разносчику» было бы неприемлемо.

Самое же главное препятствие — тождество или близость зна-

¹ В просторечных выражениях «друг дружку», «друг дружке» и т. д. утрачено чутьё принадлежности *дружка* только к женскому роду.

чений у многих словообразовательных элементов, унаследованных уже от древнейшего периода языка: и *-ец*, и *-щик*, и *-тель*, напр., одинаково годятся на роль элементов, обозначающих лицо, что-либо делающее; ср. ещё, напр., суффиксы, служащие для образования наименований цветов: *краснота*, *чернота*, но *белизна*, *желтизна*; *синева*, но *зелень*. К *стирать* как совершенный вид возможны образования *стереть* (в значении «пыль, мел» и под.) и *постирать* («бельё» и под.); к *доставить* — несовершенный вид *доставать*, но к *стать* — становиться и под.

Значению времени, которое является одним из принадлежащих окончанию имён прилагательных на *-ний*, точно соответствует старое, давно установившееся слово *субботний*; но другие слова этого рода, позже вошедшие в язык, — *понеделничный*, *вторнич-ный*, *пятничный* образованы уже без осознания специфичности суффикса; а *воскресный* и вовсе не представляет правильного образования к *воскресенье* (ожидалось бы «воскресен-ний»). Заслуживает внимания также, что совсем нет соответствующего принятого образования к *среда*.

Нам приходится также считаться и с тем, что никогда, ни в какую эпоху говорящими не были и не могли быть использованы до конца все формальные возможности, представляемые языком; каждая последующая эпоха в своих новообразованиях руководилась не общей тенденцией к систематичности, а кругом ассоциаций, с одной стороны, с тем, что уже реально в языке осуществилось, и, с другой стороны, с тем, что нуждалось в выражении. Если теперь мы от прилагательных на *-ивый*, *-ливый*, образуем слова типа *счастливец*, *ленивец* и под. (ср. в диалектах *милостивец*), то от *красивый* подобное образование уже невозможно, так как старина оставила нам *красавец*, форму, восходящую к другой, ставшей теперь непродуктивной, основе «крас-ав-(а)», и мы уже не станем в угоду системе заменять её новой, соответствующей новому кругу формальных ассоциаций, действующих в языке сейчас.

Так же точно нас не смущает теперь не укладывающееся в рамки обычной словообразовательной системы отношение: *беглец* — *беглянка* (а не «беглица») или *торговец* — *торговка* и под.

Разновременность поступления в язык элементов, которые позже оказывается невозможным в их словообразовании подчинить системе, особенно заметно определяет историю слов заимствованных; ср.: *бенефис*, но *бенефициант*, *паяц*, но *паясничать* (к распространённому в первой половине XIX века *паяс*), *магнит*, но *магнетизировать*, *Персия*, но *персидский*, *Дания*, но *датчанин*, *датский*, *претензия*, но *претенциозный*.

Указанные особенности словообразования исключают возможность полностью описать язык, ограничившись характеристикой значений его словопроизводственных элементов. Овладеть словообразовательной структурой языка можно, за исключением некоторых особенно продуктивных категорий, только шаг за шагом усваивая каждое отдельное слово. Но повысить своё чутьё к слово-

производственным элементам, наблюдая с большей или меньшей чёткостью отложившиеся в языке группы, конечно, возможно, и в этом и заключается смысл предлагаемых ниже характеристик отдельных словообразовательных средств.

Формы словообразования не существуют в славянских языках строго обособленно от форм словоизменения: число, напр., имени существительного (относящееся к словообразованию) соединено в одной примете с соответственными падежными значениями (представляющими факты словоизменения); точно так же приметы времени в глаголе (настоящего и будущего) слиты в том же окончании, которое служит для распознавания лица.

Родственные по смыслу формальные категории, напр., настоящее и прошедшее время, могут выражаться разными способами: признак настоящего времени заключается, как только что упоминалось, в окончании, обозначающем лицо (форма словоизменения): *веду, ведёшь, ведёт*, а признак прошедшего времени заключён в чисто-словообразовательном элементе -л: *вёл, вела, вело* и т. д. Подобные особенности строения языков заставляют при описании их считаться с рядом практических неудобств, которые обязательно должны возникнуть в случае, если описывающий систематизаторским задачам отдаст предпочтение перед стремлением показать факты в их органической связи. Поэтому по мотивам собственно-практическим мы исключаем из словообразования некоторые особенности, которые удобнее дать при характеристике флексии.

4. СУФФИКСЫ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

Остановимся из большого числа суффиксов лишь на некоторых, главным образом на тех, которые заслуживают внимания со стороны стилистической¹.

1. Суффиксы, служащие преимущественно для образования названий живых существ.

Мужской род.

-ач: *ткач, трубач, скрипач, бородач, лихач, усач, силач.*

В русском языке этому суффиксу, вернее — целым словам, в состав которых он входит, чаще принадлежит оттенок неуважительного отношения к чему-то грубо-размашистому. Ср. разговорно-аффективные новообразования: *ловкач, рвач*. Из новообразований первой половины XIX века характерно, напр.: «...И седому хрычу, *Лысачу-усачу* Молви: доброго дня!» (Вяземск., «Поруче-

¹ Так как в своей морфологической характеристике многие суффиксы теснейшим образом связаны с флексией, то ниже для упрощения суффиксом называется соединение суффикса и флективной приметы именительного падежа ед. ч.

ние в Ревель», 1833). «Насилу-то, *римфач* я безрассудный, Отделался от сей октавы трудной» (Пушк., «Домик в Коломне»).

В словах вроде *ткач*, *скрипач*, *трубач*, обозначающих профессию или род деятельности, этого оттенка, однако, уже давно нет.

Продуктивность суффикса **-ач** значительно меньше, чем, напр., в украинском.

Сродни ему по значению суффиксы **-(а)ла**, **-и(ла)**, преимущественно в именах — названиях мужчин: *запевала*, *обирала*, *кутила*; **-ина**: *молодчина*, *дурачина*, *купчина*, *казачина* (ср. у Л е р м о н т о в а — «казачина гребенской»). К продуктивности первого ср.: «...с жемами ярмарочного *зазывалы* («Изв.», 10/III 1936); **-ака**: *рубака*, *писака* и под.

-яй: *слюняй*, *негодяй*, *кисляй*.

Сродни этому суффиксу **-тяй**: *лентяй*, *слюнтяй* (ср. укр. *гулятяй*).

Оба суффикса обозначают человека презираемого, внушающего отвращение. Их продуктивность очень невелика.

-яга (-ага) подчёркивает фамильярно-эмоциональное восприятие понятия, но характер эмоции определяется значением корня: *бедняга*, *молодчага*, *плутяга*, *бродяга*, *протяга*.

Любопытно, что слово *сутяга*, где **-яг-** относится к корню и где суффикса нет, заметно входит по созвучию в сферу эмоционального влияния данной группы.

-ыга: окрашен сильной эмоцией презрительности, но малопроизводителен и в ряде образований не отделяется от корня: *торопыга*, *процелыга*, *забудыга*. Сродни и *пьян-д-ыга*.

-ун: обычно относится у названий лиц к отрицательным понятиям: *шалун*, *болтун*, *лгун*. Отступают *опекун* и устар. и нар. *пестун* (*пестун*) «дядька, воспитатель»; ср.: «Отечески пенаты, О *пестуны* мои!» (Б а т ю ш к.). «...И музы ветреной моей Наперсник, *пестун* и хранитель» (Пушк.). Не имеет отрицательной окраски, а наоборот, приобрело положительную *скакун* (о коне). Изредка этот суффикс без эмоциональной окраски распространяется на названия вещей: *колун* «дровосечный топор».

-ак, **-як** обычно вносит значение пренебрежительности или фамильярности: *чудак*, *простак*, *добряк*, *остряк*. Сродни ему **-чак**: *весельчак*, *смельчак*.

Свою окраску он утрачивает в названиях профессий: *рыбак*, *моряк*, в словах обозначающих жителей тех или иных местностей и под.: *сибиряк*, *туляк*, в названиях животных: *гусак*, *червяк*. Впрочем, некоторый эмоциональный налёт просторечности и за такими словами остаётся.

Непроизводителен и слабо выделяется из целого слова, но резко окрашен презрительной эмоцией суффикс **-уй**: *холуй*, *оболдуй* (обалдуй), *буржуй* (адаптация французского *буржуа*). Для специфической его окраски характерно, что фактически в литературном языке не выжило из-за сходства с ним встречавшееся раньше образование *индивидуй* вместо нынешнего *индивидуум*. Ч е х о в исполь-

зует это «индивидуу» как смешное слово, приписывая его своим комическим персонажам.

-ень, род. п. -ня. Этот суффикс малопродуктивен. У названий существ он сопровождает отрицательные понятия: *дурень, увалень, прихвостень, баловень*. В последнем слове при поэтическом употреблении отрицательная окраска может исчезнуть: «баловень счастья», «...Россини, Европы баловень — Орфей» (Пушк.).

Иной тип эмоциональности вызывается суффиксом **-ыш**. Исходное его значение — малые живые существа: *малыш, глупыш, крепыш, несмышлёныш, заморыш, зародыш, подкидыш, приёмш*. С *малыш, глупыш, крепыш, несмышлёныш* связана эмоция снисходительной ласковости; *заморыш* — некоторого отвращения; *подкидыш, приёмш* сопровождаются скверной окраской фарисейской морали.

Ответвление значения с эмоцией пренебрежительности имеем в таких словах, как *голыш, поганыш, последыш* (ср. у Некрасова, «Кому на Руси жить хорошо») в значении «последний убеждённый крепостник». «Победа рыбной промышленности и ловецких колхозов Сев. Каспия — сокрушительный удар по антимеханизаторам и кулацким *последышам*» («Правда»). В сочетании с **-ён-** суффикс **-ыш** обозначает молодых животных, вызывающих обыкновенно чувство гадливости: *гадёныш, змеёныш*; менее эмоционально *зверёныш* и свободно от такой окраски — *детёныш*.

Суффикс (сложный), обозначающий молодых животных, не вызывающих чувства отвращения, — **-ёнок** (укр. «-еня»): *козлёнок, львёнок, тигрёнок, поросёнок*.

Во множественном числе выступает иное образование — **-ят(а)**: *козлята, лвята, тигрята* и под. У Маяковского с установкой на неожиданность — от слова «любовь»: «... И миллион миллионов маленьких грязных *любят*».

Щенок имеет **-ен-** коренное и потому образует множественное число *щенки*. *Щенята*, существующее параллельно, — продукт влияния образований на **-ёнок**.

Известную эмоциональность имеет и относительно редкий суффикс **-ок** (род. п. **-ока**): он вносит оттенок интенсивности свойства, такой степени его, которая бросается в глаза: *знаток, игрок, ходок* (спортсмен); менее эмоционально окрашены *едок* и *седок*.

С суффиксом **-ан(-ян)**, обособленным или адаптированным (выделенным по сходству из заимствованного слова), связывается ощущение грубости или значение большой величины: *губан, брюхан, буян, горлан, мужлан* (грубый мужчина; ср. областн. *мушло* — «неотёса»), *великан, грубиян* (через пол.), *болван* (из тюрк.); слабее эмоциональность в заимствованном *политикан* (из фр.). Сродни суффиксу **-ян** — *смутьян*. К вышедшему из употребления «старикан» восходит *старикашка*.

Упомянем ещё несколько особняком стоящих образований с чёткой эмоциональной окрашенностью: *вр-аль, дур-ал-ей, торг-аш, кудр-яш*.

Из эмоционально неокрашенных суффиксов для русского литературного языка характерен заимствованный из церковнославянского суффикс **-тель**. Он вполне обычен, хотя нередко ощущается как книжный: *родитель, учитель, свидетель, деятель, владетель, благодетель, устроитель, предсказатель*. Ср: «...вас, конструкторы небывалых машин, строители Днепрогэса и Магнитогорска, осушители болот, озеленители пустынь размером в пол-Европы, суровое племя мечтателей и воинов...» (Леонов). Лишь с относительно недавнего времени появляются образования с этим суффиксом в значении предметов неодушевлённых: *предохранитель, выключатель*; ср. и математические термины — *делитель, числитель*.

Распространён, далее, суффикс **-чик** со значением профессии, занятия и под.: *переплётчик, резчик, доносчик, подрядчик* и родственный ему **-щик**: *каменщик, прогульщик, выдумщик*. Его не следует смешивать с **-чик** из **ец+ик**: *пальчик, стульчик, мальчик, чемоданчик*, имеющим ласкательное значение. **-щик** входит в состав ещё таких продуктивных сложных суффиксов с родственными значениями, как **-овщик, -альщик, -ельщик, -ильщик**: *гробовщик, кладовщик* (от имён существительных); *рисовальщик, болельщик, точильщик*¹.

-ец с предыдущим **е** характеризует образования от слов на **-ия**; *красноармеец, гвардеец, индеец* (Красная Армия, гвардия, Индия)², но *австриец* (Австрия), *партиец* (партия). По аналогии с первыми установилось неправильно образованное *путеец*.

Суффикс **-арь** (род. пад. **-аря**) обозначает обыкновенно лиц: *лекарь, писарь, пахарь, косарь, главарь*. Встречается он часто в словах заимствованных (*пекарь, аптекарь*, напр., из польского).

Относительно редко можно встретить **-арь** при названиях предметов: *сухарь, букварь, словарь*.

Книжен и малопродуктивен суффикс **-тай**: *глашатай, ходатай, завсегдатай, соглядатай*.

Известную продуктивность получил и на русской почве греческий, перешедший через западноевропейское посредство суффикс **-ист**; ср. современные образования: *активист, очеркист; -ант, -янт* (фр.): *квартирант, курсант, фабрикант*; отчасти **-ёр** (фр., англ.), осмысливаемый благодаря отношениям вроде *режиссёр: режиссировать: режиссура*; ср.: *боксёр, визитёр, монтёр, шахтёр*; вульг. *ухажёр*, театр. *шумёр* «ведущий постановкой шумовых эффектов»; с нем. корнем — *гастролёр* (ср. *гастроль*).

В качестве суффикса относительно недавно выделился **-енец** (род. **-енца**); ср. *переселенец* (переселение); под его влиянием — *беженец*; после Великой Социалистической революции — *выдвиг*

¹ Подробности в статье А. А. Дементьева «Агентивные суффиксы **-щик, -чик** в русском языке». — Учён. зап. Куйбыш. гос. пед. и учит. инст., вып. 2, 1938.

² Рядом существует *индеец* с дифференциацией значения — абориген Индии в точном значении наименования (*индеец* — американский абориген).

женец и др. К старославянскому восходят *младенец*, *первенец*, имеющие *-ен-* другого происхождения; ср. укр. *-ен-я*.

Большое распространение после Великой Социалистической революции получил сложный суффикс *-овец*; ср. образования от аббревиатурных корней: *рабфаковец*, *курупровец* (работающий в курортном управлении).

Как суффиксы, обозначающие, откуда кто родом или где проживает, употребляются *-ец*, *-овец*, *-ич*, *-як*, *-анин*, *-янин*, *-чанин*: *ленинградец*, *тамбовец*, *орловец*, *москвич*, *костромич*, *сибиряк*, *туляк*, *киевлянин*, *парижанин*, *курянин* (к Курск), *сумчанин* (к Сумы).

Ср. и такие своеобразные формы, как *читинец* (к Чита), *пензенец* (к Пенза).

Ещё менее выдержаны образования от иностранных наименований, сохраняющие зачастую особенности языков-источников: *генуэзец* (ср. *Генуя*), *неаполитанец* (ср. *Неаполь*) и под.

Особняком стоит *одессит* с суффиксом греческого происхождения.

Употребление того или другого суффикса зависит от многих, часто довольно случайных условий: *-ич*, напр., употребляется от названий мест женского рода на *-а* (но ср., с одной стороны, такие особенности, как теперь уже вышедшее из употребления *вятчич*, а не «*вятчиц*», от *Вятка*, с другой — *туляк* и *полтавец*; *-овец* — от тех, прилагательные к которым имеют *-овский*: *орловский*, *валковский*; *-як* — от существительных женского склонения с родительным падежом на *-и*: *сибиряк*, *пермяк*; *-ец* — от оканчивающихся на согласный (муж. рода): *новгородец*, *воронежец*¹.

Существительными в настоящее время являются отчества на *-ич*. Этот суффикс в чистом виде имеют только имена на *-а(-я)*: *Илья* — *Ильич*, *Савва* — *Саввич*, *Никита* — *Никитич*, *Лука* — *Лукич*.

В других выступают *-ович*, *-евич*: *Михайлович*, *Иванович*, *Данилович*, *Арсеньевич*².

Женский род.

Суффикс *-тель* в словах женского рода сопровождается суффиксом *-ниц(а)*: *руководительница*, *учительница*, *свидетельница*.

К словам мужского рода на *-ун* присоединяется *-ья*: *плясунья*, *хохотунья*³. Изредка только это *-ья* имеем при несуффиксальных: *гостья* (ср. *гость*), *игуменья* (ср. *игумен*), *сватья* (ср. *сват*). *Попадья* к *поп* представляет необычное образование, так как в таком виде отдельно заимствовано из греческого.

Иностранные слова и особенно фамилии с мужскими окончаниями во многих случаях употребляются без специальных суф-

¹ Из новейшей литературы см. А. А. Деметьев. Наименование лиц по местности с суффиксом *-ец*. — «Русск. яз. в школе», 1946, № 2, и его же — Суффиксы *-ец* и *-анин(-янин)*, — там же, № 5—6.

² Сокращённые к *-ович*, *-евич*, формы на *-ыч*, *-ич* теперь воспринимаются как нелитературные или фамильярные.

³ Отступает *опекунша*.

фиксов женского рода (*доктор Иванова, музыкант Васильева* и под.). Не образуется женский род также от слова *товарищ* (укр. *товаришка*); *товарка* имеет значение «подруга, приятельница» и не соотносительно со словом *товарищ* в его общественном смысле.

При суффиксе **-ист** употребление **-ка** не ограничено: *модистка, артистка, пианистка, дантистка*.

Суффикс **-ша** обозначает, чаще всего при названиях заимствованных из иностранных языков профессий, жену профессионала: *докторша, инженерша, профессорша*. Продуктивность его невелика, и употребителен он главным образом в разговорной речи. После Великой Социалистической революции суффикс этот начинает распространяться на названия представительниц профессий с иностранными корнями: *секретарша, кондукторша, аккомпаниаторша*. Впрочем, уже у Тургенева и его современников встречаем *музыкантша* («Она не была музыкантшей»). С установкой на смешное у Маяковского — «калеки и калекши».

Отчества имеют в именах женского рода суффиксы **-овна, -евна**, в соответствии мужским на **-ович, -евич**: *Даниловна, Ивановна, Васильевна, Арсеньевна* и т. д. В соответствиях мужским на **-ич** нет последовательности: *Саввична, Никитична*, но *Ильинична, Кузьминична, Фоминична*, т. е. **-ична** и **-инична**. Последний суффикс представляет ясное слияние **-ин(а)** и **-ичн(а)**.

Из эмоционально окрашенных суффиксов отметим ещё возможный в значении обоих родов **-са**: *крикса, плакса, рюмса*.

По происхождению суффикс женского рода **-уша**, употребляющийся для обоих родов: *кликуша, втируша* («человек, втирающийся в доверие» и под.), *копуша, чинуша* («чиновник и только чиновник, мелкий чиновник»). Ср.: «Он [Маяковский] ненавидел бюрократов, подлиз, пролаз, приспособленцев, *чинуш*» («Комсом. правда»). Раньше в литературном языке употреблялось (напр., *Б о б о р ы к и н ы м*) и *чинуш*, подвергшееся потом, очевидно, влиянию других образований на **-уша**¹. Слов с **-уша** очень немного².

Уединённые в системе архаичные по типу образования: *пряха* и *свах* с суффиксом **-ха**, непосредственно присоединяемым к корню, оканчивающемся на взрывной зубной (выпадающий) — *ряд-, сват-*. Вероятно, подобного происхождения и *неряха* (к корню *ряд-*).

2. Суффиксы, употребительные главным образом при названиях предметов.

Суффикс **-ика** образует названия ягод и растений: *ежевика, черника, гвоздика*. Редко, наряду с **-ика**, выступает и **-ица**: *метлика — метлица*.

¹ Старее по употреблению *чинуша* (см., напр., у Станюковича «Из дневника неунывающего россиянина»).

² Ср. к этой главе — А. В. Миртов. Родоизменяемые существительные. — Русский яз. в школе, 1946, № 1.

Сложный суффикс **-инка**, реже простой **-ина**, характерен для многих сингулятивов (образований со значением единичности) от собирательных и материальных: песок — *песчинка*, сор — *соринка*; горох — *горошина*; жемчуг — *жемчужина*.

3. Суффиксы со значениями увеличительности, уменьшительности, ласки и пренебрежения.

Суффиксы увеличительности в словах, где они выступают, имеют более или менее резкую эмоциональную окраску — оттенки удивления, отвращения и под. Для названий и существ и неодушевлённых предметов может употребляться суффикс **-ище** с различием флексии в зависимости от рода имён существительных: *парнище*, *человечище*, *лесище*, *чудище*, *болотище* (мужск., средн. р.), *рыбища*, *дурища*, *жарища*, *ручища* (женск. р.). Кроме фамильярного и ласкового *дружище* все подобные образования мужского рода для названий существ малоупотребительны. Для характеристики иронического употребления см., напр., у Некрасова в обращении к ребёнку: «Здорово, парнище!..»

Книжн. *детище* значит переносно — «любимый, дорогой плод своего труда».

Исключительную употребительность эти формы получают в поэзии Маяковского: «Об пол с потолка *звончище* хлопал. И снова, Звенящий *мячище* точно, Взлетал к потолку, ударившись об пол...» «А сердце глубже уходит в рогатину! Течёт *Ручище* красной меди». «*Шерстищу* с *лапищ* и с *мордищи* выбрил. Гляделся в льдину».

Довольно сильна тенденция слова на **-ища** переводить в группу **-ище**: «ручище», «бабище»; в письме, однако, эта тенденция не узаконена.

Суффиксы уменьшительности обычно вместе с тем обозначают и ласковое отношение. Ср.: «*Снежинка* лёгкою *пушинкою* Порхает на ветру, И ёлка слабенькой *вершинкою* Мотает на юру» (Блок).

Суффиксы ласкательные, одинаково при названиях предметов одушевлённых и неодушевлённых, вообще, были и остались одною из очень продуктивных словообразовательных категорий русского языка. Наиболее употребительные из них не требующие особых замечаний: **-ик**, **-ичек**, **-ок** (род. пад. ед. ч. **-ка**), **-очек** (род. пад. ед. ч. **-очка**), **-енька** (**-онька**), **-ица**, **-ичка**, **-ушка**, **-це**, **-ышко**, **-ечко**.

Область очень широкого применения ласкательных суффиксов — народная поэзия и стилизации под неё, представленные в русской художественной литературе длинным рядом образцов лирики и эпоса. Из многого можно указать хотя бы лермонтовскую «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Вне подобных стилизаций, в слого, напр., бытовом, обилие ласкательных суффиксов, типичное для мещанской речи, могло вызывать просто-таки чувство раздражения.

После Октября сильно изменился характер применения в русском языке этих образований: последние несравненно чаще, чем в дореволюционное время (ср., напр., уже у Б е л и н с к о г о: «Время рифмованных побрякушек прошло безвозвратно, *ощущеньица* и *чувствованьица* ставятся ни во что: на месте того и другого требуются глубокие чувства и идеи, выраженные в художественной форме, с рифмами или без рифм — всё равно» или в полных сарказма речах Чацкого в «Горе от ума». «А *сверстничек*, а *старичок* Иной, глядя на тот скачок И разрушаясь в ветхой коже, Чай, приговаривал...»), используются, особенно в языке пролетарской публицистики, с прямо противоположной эмоцией, т. е. как средство иронии. Характерен в этом отношении стиль Л е н и н а, создавшего уже задолго до Великой Социалистической революции образцы пролетарского полемического слога с саркастическими «дюжина пластырей — *оговорочек*», «идеалистические *системки*» и под. Из новейшей публицистики ср., напр. («Правда», 19/III 1932): «В яичке [пасхальном] заботливо напиханы кризисные *декретики*, гитлеровские *пулемётки*, *сниженьице* заработной платы и другие детские игрушки».

Некоторые из ласкательных суффиксов употребляются в определённых словах (в контекстах) со значением прямой презрительности; ср. напр., фразы, где сочетаются иронически употреблённые ласкательные слова с презрительными: «Да, нынче нравятся «Записки», «Дневники»: *Жизнишки* глупые, их мелкие *грешки* Ползут на свет и требуют признанья» (С л у ч.). «*Талантики* случайных содержаний, *Людишки*, трепетно вертящие хвосты...» (С л у ч.).

Родственна группа ласкательных суффиксов: **-ышек** (род. пад. **-ышка**): *колышек*, *пупырышки*; **-ешек**, **-ешок** (род. пад. **-ешка**) у слов, отбрасывающих омертвевшее семантически **-ен(ь)**: *камышек* (камень), *корешок* (корень), *черешок* (ср. черенок); ласкательность не чувствуется уже в *гребешок* (гребень), *ремешок* (ремень); **-ышко**: *стёклышко*, *солнышко*; без **-н** — **-ошко**: *окошко*, *лукошко*; **-ушка**: *погодушка*, *колодушка* (ср. и названия живых существ); **-ышка**: *кубышка*, *катышка*. В последней группе ласкательность слабее, чем в предыдущих.

Значение большей или меньшей **п р е н е б р е ж и т е л ь н о с т и**, иногда резкой, чаще — снисходительной, или же **ф а м и л ь я р н о с т и** вносит при названиях почти исключительно имён мужского рода одушевлённых продуктивный суффикс **-ишка**: *воришка*, *мальчишка*, *плутишка*, *братишка*. При названиях неживых предметов мужского рода он обыкновенно выступает в виде **-ишко**: *сюртучишко*, *дворишко*, *домишко*.

Значение презрительности или снисходительной ласковости в слова женского рода суффикс **-ёнка** (**-онка**): *коровёнка*, *девчонка*, *старушонка*, *клячонка*, *душонка*, *бумажонка*, *лавчонка*.

Художественную заострённость уменьшительные суффиксы приобретают, напр., у М а я к о в с к о г о: «Любовь цыплячья! *Любвишка* наседок!».

О других эмоциональных суффиксах — более или менее определённо связанных со значениями одушевлённости или неодушевлённости — см. выше.

4. Суффиксы со значением собирательности.

Суффикс **-ня**: *дворня, родня, сотня*.

Суффикс **-ва** сравнительно с украинским значительно менее продуктивен. В слове *братва* он ощущается как фамильярный. Собирательное значение без эмоциональной окраски имеем в *плотва* (много плотиц), *листва*, арх. *паства*.

Эмоционально окрашены адаптирующиеся *детвора, мошкара (-ора, -ара)*.

Суффиксом **-няк** обыкновенно образуются названия групп деревьев, молодых лесов и под.: *дубняк, ивняк*; отсюда переносно — *молодняк*. Редко — индивидуальные названия растений: *просвирняк, проскурняк*. Ср. и названия минералов — *известняк, плитняк*.

С известной отрицательной эмоциональностью воспринимается в собирательном значении суффикс **-ьё**: *вороньё, гнильё, тряпья*. Ср. у Маяковского стилистически заострённые: «Когда Такая махина ахала — Не глядя, Пылью, Грязью, Сугробом, Дамья От меня Ракетой шарахалось...» «Гостьё идёт по лестнице...» У Леонова («Барсуки»): «В землянках оставались лишь *старичья* да болящая команда».

Явление нового времени представляет выделяемый в иностранных словах суффикс **-ат** со значением коллектива: *деканат, секретариат*; ср. и русское *старостат*¹.

5. Суффиксы со значением абстрактности (качеств и действий).

подавляющее большинство русских суффиксов со значением абстрактности — заимствования из церковнославянского. Таковы **-ость, -ство, -ствие, -ние (-нье), -тие (-тье), -изна, -знь**.

Суффикс **-ость**, после шипящих **-есть**, в ряде образований вносит определённую окраску книжности: *естественность, прогрессивность, напряжённость, кипучесть* и под.

Для характера образований важно заметить: *близость* (ср. близкий), *низость* (ср. низкий), *гадость* (ср. гадкий) и под., но *меткость* (ср. меткий), *лёгкость* (ср. лёгкий), *резкость* (ср. резкий), *дальность* (ср. дальний).

О значении суффикса **-ство**² (**-ствие**) следует по существу сказать то же самое, что и об **-ость**: *тождество, количество, родство, ударничество, отечество, художество, бедствие, шествие* и под.

¹ Обзор суффиксов собирательности см. в статье В. В. Данилова «Собирательные имена существительные», — Русск. яз. в школе, 1946 г., № 3—4, стр. 19—23.

² После ж, ч, ш, щ **-ество**. — Этот суффикс легко получает значение собирательности.

Как бы ни смотреть на происхождение **-нье** сравнительно с **-ние** — признать ли первое исконно русским или только сильно русифицированным, — между ними теперь чёткая эмоциональная разница: **-ние** характерно для слов книжных, сухих и торжественных, **-нье** — для разговорных или вульгарных: *желание, искание, лечение* (ср. более простые *желанье, исканье, леченье*), но *враньё, жсраньё*. Те же отношения повторяются при **-тие, -тьё**: *бытие, житие* и *бытьё, житьё*.

Характерную особенность этого вида образований, среди других, представляет игнорирование в производных от глаголов возвратных (оканчивающихся на **-ся**) их аффикса: *сражение* (сражаться), *колебание* (колебаться), *стремление* (стремиться). Впрочем так и в большинстве славянских языков (иначе — в польском, где элемент *się* сохраняется).

Формы на **-ье** очень легко получают конкретные значения (собираемые): *шитьё* (то, что шьётся), *варенье, печенье*.

Нормальны для русского языка образования при помощи **-к(а)**: *варка, чистка, стирка, колка, стройка, увязка* и под.

Суффикс **-изна** имеет в русском языке известную производительность, причём далеко не все образованные при его помощи слова создают особенно книжное впечатление. К таким резко-книжным, принадлежащим к высокому слогу, следует отнести *укоризна* и получившее конкретное значение *отчизна*. Другие, вроде *дороговизна, дешевизна*, употребляются в языке даже неграмотных людей, третьи, вроде *левизна, правизна, желтизна, белизна*, книжны, но без всякого налёта приподнятости.

Двум последним группам соответствуют непродуктивные образования с суффиксом **-знь**: *болезнь, жизнь, боязнь*.

Для образования абстрактных понятий довольно свободно употребляются наряду с данными суффиксами, перенятыми из церковнославянского, унаследованные суффиксы **-ота** и **-ина**: *высота, пустота, глухота, вышина, глубина*, производные от корней со значением качества. Более конкретны *рвота, икота* и др., обозначающие действия, главным образом болезненные. Собираемое значение получило слово *пехота*.

Другие русские суффиксы для названия действий — **-ба** (*борьба, ходьба*), **-ёж** (*делёж, грабёж, кутёж*). Последний обыкновенно окрашен несколько аффективно.

Значение по преимуществу суетливых действий имеют **-ня, -отня**: *возня, резня, беготня, суетня, трескотня*.

Для обозначения главным образом движений, оценивавшихся представителями господствовавших классов как отрицательные, издавна в ходу были образования на **-щина, -овщина**: *пугачовщина, разинщина, хлыстовщина*. Классовая борьба нашей эпохи дала широкое применение этим суффиксальным образованиям, направив их против враждебных классов, и уже к эпохе Великой Социалистической революции относятся, напр.: *керенщина, деникинщина, махновщина*.

Есть, однако, относительно немного слов с этими суффиксами, не обозначающих социально-политического направления и под.: *тарабарщина* (собственно суффикс *-ина* от слова «тарабарск-ий»), *сдельщина* и др.

Отметим ещё суффикс *-ица*, сообщающий словам, имеющим отвлечённое значение, бытовую окраску, обыкновенно отрицательную, которой нет у многих других суффиксов этой группы: *неурядица*, *несуразица*, *сумятица*, *разноголосица*, *бессонница*, *безработица*. Соответствующие слова обыкновенно представляют образования префиксальные или сложные; но ср. *путаница*.

Характерен специальный оттенок смысла, который вносится ласкательным *-ушка* в эмоциональных словах с абстрактным значением: *кручинушка*, *заботушка*, *уморушка*. Такие слова в стилях, связанных с народной словесностью, значат обыкновенно «большая кручина», «большая забота» и под.

Восходящий к греческому языку суффикс *-изм* из многочисленных иностранных слов греческого, латинского и иного корня, в которых он усвоен, успел абстрагироваться и сделаться продуктивным в значении идеологического направления и под.; ср.: *ленинизм*, *большевизм* и под.

В ряде иностранных слов выделяется суффикс *-ура* со значением профессии, должности и под.: *ассистентура*, *аспирантура*. У многих слов с этим суффиксом идёт параллельно такому значению и значение собирательное; ср.: *получить докторуру* и *докторура нашего института*, *думать об аспирантуре* и *аспирантура исследовательской кафедры*. От слова *профессор* — подобное образование с опущенным *-ор-*. В совсем недавнее время так образовалась и *автура*. Ср. и *режиссура*.

Из дореволюционного школьного арго проник в шутливое просторечие «латинский» суффикс *-енция*: *поведенция*, *корпуленция* «телосложение»; под его влиянием презрительное («старуха») — *старушенция*.

Об уменьшительных собственных именах.

Особую группу среди форм словообразования занимают уменьшительные имена собственные. Наиболее употребительные и установившиеся из них подчиняются в своём образовании следующим принципам или, вернее, тенденциям:

К первому слогу, оканчивающемуся на гласный, присоединяется суффиксальное *-ш(а)*: Мария — *Маша*, Дарья — *Даша*, Глафира — *Глаша*, Яков — *Яша*, Тихон — *Тиша*, Прохор — *Проша*, Трофим — *Троша*, Лукерья (Гликерия) — *Луша*, Михаил — *Миша*, Степанида — *Стёша*, Григорий — *Гриша*.

В подобных же условиях может выступать суффиксальное *-н(я)*: Софья — *Соня*, Татьяна — *Таня*, Марья — *Маня*, Даниил — *Даня*, Леонид — *Лёня*, Павел — *Паня* (при *Паша*).

В именах, имеющих после начального слога *-н*, вариант с *-ша*

обычно не употребляется (ср. *Таня, Даня, Лёня* и под.). Отступает *Саша*, при *Саня* (от «Александр»); см. ниже.

От имён, выступающих только с закрытым слогом (напр., *Пётр, Лев*), или таких, где на границе возможного слогораздела в начале слова приходится согласный (*Варвара, Ольга, Анна*), имеем уменьшительные образования типа: *Петя, Лёва, Оля, Аня* (при *Анюта*).

В ряде имён с начальными гласными эти гласные опускаются: *Иван — Ваня, Анастасия — Настя*.

Группа *-ст-* обычно сохраняется: *Константин — Костя, Анастасия — Настя* (от *Анастасия, Настасья*), *Устинья* (Юстиния) — *Устя*.

Имена четырёхсложные, вроде *Антонина, Екатерина, Елизавета, Анатолий*, выделяют для уменьшительного один из срединных слогов с согласным последующего: *Тоня, Катя, Лиза, Толя*.

При образовании соответственных уменьшительных заметна тенденция избегать омонимов как по отношению к обычным словам, так и по отношению к именам: *Екатерина* не сокращается в «Каша», *Анатолий* — в «Наша», *Василий* — в «Ваша» и под. (но возможны «поэтические» *Груша*¹, *Липа*).

До известной меры различаются даже в некоторых случаях имена мужские и женские: для мужчин не употребляется *Стёша* (от «Степан»), так как последнее служит уменьшительным к «Степанида»; от «Федосья (Феодосия)» уменьшительное — *Феня*, от «Фёдор» — *Федя*. Уменьшительные, которые могли бы оказаться омонимами, и другие почему-либо не получившие окончаний *-ша* и *-ня* попадают большею частью в тип: *Вася, Надя, Рома, Боря* и под.

Имена, производящие впечатление уже сокращённых, не образуют особых уменьшительных форм бессуффиксных: *Вера, Зоя*.

Имена *Александр (Александра)* и *Алексей*, нормальное сокращение которых дало бы скорее всего «Лёша» или «Лёка», пошли особым путём: первое в духе четырёхсложных дало *Саша, Саня* и далее из *Сашура — Шура*, второе — *Алёша*.

От имени *Николай* можно было бы ожидать сокращения «Ниша». Его нет, повидимому, по следующим причинам: в диалектах известно только *Миколай* (характерное для нескольких других славянских языков); а сокращение «Миша» существовало уже по отношению к имени *Михаил*; естественно было поэтому выбор остановить на следующем слого. В духе подобных сокращений получилось *Коля*.

Володя восходит не к современному *Владимир*, а к старинному *Володимир*.

Параша — не к нынешнему *Прасковья*, а к старому *Парасковья (Параскева)*.

¹ Об уменьшительных именах *Груша* и *Дуня* — интересные догадки в «Матер. и исследованиях в области слав. филологии и археологии» А. И. Соболевского, СПб, 1910, стр. 252—255.

Прихотливая ласковость создаёт, однако, иногда много своеобразного; ср., напр., в «Детстве, отрочестве и юности» Л. Н. Толстого (слова Натальи Саввишны): «Да, мой батюшка, давно ли, кажется, я её ещё нянчила, пеленала и она меня *Нашей* называла». В одной семье девочка с именем Елизавета называлась *Веточкой*, в другой Елена — *Ёлочкой* и под.

От *Евгений*, *Евгения* уменьшительное — *Женя*, отражающее французское произношение имени (Eugène, Eugénie).

Предконечный согласный не умягчается в ряде образований, где выделенная часть имела прямое соответствие в полном имени: *Зина* (Зинаида), *Ната* (при более частом *Наташа*) от «Наталья», *Лиза* от «Елизавета».

В народной речи распространены образования типа *Иванушка*, *Алёнушка*, *Митрофанушка*, *Кириуша* (Кирилл), *Гаврюша* (Гавриил), *Антоша* (Антон). Широкое употребление и вне его имеет особенно *Андрюша* (Андрей).

Отметим ещё одну фонетическую особенность сокращённых имён — *лѐ-* даже перед мягким слогом: *Лѐля*, *Лѐня* (вероятно, из «Леоня» — Леонид)¹.

5. УДАРЕНИЕ СУФФИКСАЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

Мужское склонение.

Большая часть суффиксов мужского склонения имеет ударение на конце или допускает его в известной части образований.

-ар, -яр, род. п. -ара, -яра: *столяр*, *столярá*; *бочар*, *бочарá*.

-арь, -аря: *дикарь*, *дикаря́*; *словарь*, *словаря́*.

-ырь, -ыря: *пустырь*, *пустыря́*; *поводырь*, *поводыря́*; *богатырь*, *богатыря́*.

-ин, -ина: *Ильи́н*, *Ильи́на*; *Луки́н*, *Луки́на*.

-ун, -уна: *болту́н*, *болту́на*; *скакун*, *скакунá*.

-ак, -як, -ака, -яка: *чуда́к*, *чудака́*; *сво́як*, *сво́яка́*.

-ик, -ика: *стари́к*, *стари́ка*; *тупи́к*, *тупи́ка*; *четвери́к*, *четверика́*: ср. и -ник, -ника, -щик, -щика, -чик, -чика, -овик (-евик), -овика (-евика): *постави́к*, *постави́ка*; *времени́к*, *времени́ка*; *бытови́к*, *бытови́ка*; *клеветни́к*, *клеветни́ка*; *пухови́к*, *пухови́ка*; *родни́к*, *родни́ка*; трёхсложные на -овщик: *кладови́к*, *кладови́ка*; *фруктови́к*, *фруктови́ка*².

-ок, -ока: *седо́к*, *седо́ка*; *едо́к*, *едо́ка*.

-ук, -юк, -ука, -юка (почти сплошь в словах заимствованных с небособляющимся корнем): *индю́к*, *индю́ка*; *барчу́к*, *барчу́ка*; *бирю́к*, *бирю́ка*; *каблук*, *каблу́ка* и под.

¹ Ср. новейшую статью об этой категории словообразования — В. И. Чернышёв, Русские уменьшительно-ласкательные личные имена. — Русск. яз. в школе, 1947, № 4.

² В ряде случаев, однако, в литературном языке известно колебание: *танцови́к* и *танцу́щик* и даже: *вербови́к*, *лампови́к*.

-ач, -ача: *горбáч, горбáчá; силáч, силáчá; борода́ч, борода́чá.*
-ич, -ича: *Ильи́ч, Ильичá; Лукы́ч, Лукичá; москвй́ч, москвичá.*
-аш, -яш, -аша, -яша: *торга́ш, торгошá; кругля́ш, кругляшá; племя́ш, племяшá.*

Сюда же входит ряд заимствований с необособляющимся корнем, но с адаптирующей под суффикс конечной частью слова: *каранда́ш, карандашá; шала́ш, шалашá* и под.

-ыш, -ыша: *малы́ш, малышá; глупы́ш, глупышá.*

-ёж, -ежа: *делёж, дележá; чертёж, чертежá.*

С беглыми гласными:

-ок, -ка: *белóк, белкá; сынóк, сынкá.*

-ёк, -ок, -ка (-ку):¹ *чаёк, чайкú; розок, розкá.*

-ец, -(е)ца, (-йца): *боёц, бойцá; жилёц, жильцá.*

Рядом с последним суффиксом существует вызванная фонетическими причинами разновидность **-ец, -еца:** *беглёц, беглецá; храбрёц, храбрецá.*

Наряду с конечным ударением допускают иное место из упомянутых суффиксов такие:

-арь: *ле́карь, пе́карь, апте́карь, па́харь, зна́харь, пи́сарь* и др. (немногочисленные).

Колеблется ударение у архаических *ры́барь, мы́тарь*, а также у слова *бóндарь — бонда́рь.*

-ырь: ц.-сл. *пáстырь*, заимствованное — *пла́стырь.*

-ин. В фамилиях и притяжательных прилагательных, не произведённых от имён с конечным ударением, — *Лéнин, Пу́шкин, Ма́рфин.*

-ик. Сплошь ударение на корне имеют уменьшительные: *прё́щик, нёжик, ко́нчик.* Ср. с другими значениями: *му́жик, тупи́к, стары́к, четырёхри́к.*

Ударение на основе принадлежит типу: *истóрик, маля́рик, фанáтик* и под. Особенно много слов с ударением корня (основы) при суффиксе **-ник.** Сюда входят, главным образом, слова, связываемые с прилагательными на **-ный:** *протй́вник, — протй́вный, шкúрник — шкúрный, покóйник — покóйный* (хотя, напр., к «должный» — *должны́к, «учёный» — учены́к*): ср.: к «двойной» — *двойны́к, «печной» — печны́к, «сенной» — сены́к.*

Ударение на основе имеем, далее, обыкновенно при **-чик:** *прика́зчик, изво́зчик, во́зчик, разно́счик* и при многих на **-щик:** *носй́льщик, пй́льщик, заббй́щик, чй́стильщик* (но *временищй́к, поставщй́к*, и др.); для четырёхсложных это является правилом: *бараба́нщик, лакиро́вщик, брошюро́вщик, кровельщик, ка́менщик.*

-ич. Ударение на основе — у производных от имён не с конечным ударением — *Сáввич, Никй́тич.* Ср. и **-ович:** *Ива́нович, Па́влович, -ыч:* *Ива́ныч, Па́влыч* (нелит.). Нарисательные очень немногочисленны: *кня́жич, ба́рич, родич* (всё сплошь устарелые слова).

¹ После ш, ж, ч — о.

-ыш. У слов на -ёныш — ударение на ё: *зверёныш, детёныш*; у префиксальных — на корне: *окóлыш, послéдыш, зарóдыш*; на корне же — у отдельных типа: *мя́киш, гла́дыш* (при *глады́ш*), *ду́тыш*.

-ок, -ек, -ка. Ударение корня принадлежит, прежде всего, префиксальным: *изли́шек, переу́лок, сви́ток, перелéсок*.

Далее, суффикс -ек с ударением основы имеем в составе сложного -очек и у некоторых двусложных основ: *садо́чек, клубо́чек, подáрочек, ога́рочек; бара́шек, челове́чек, пу́тничек, оре́шек*. Ср. также -ёнок: *поро́сёнок, ребёнок*. Из основ двусложных ударение корня имеем в *преди́к* (ц.-сл.), *ли́шек* (ср. *изли́шек*), *хло́пок*. В *во́йлок, ку́бок, ры́нок*, как в заимствованиях, конечная часть только адаптирована под суффикс. Ударение многосложных от слов с неподвижным ударением сохраняется: *оре́шек, бара́шек*.

-ец, -ца. Ударение на основе принадлежит обыкновенно уменьшительным и названиям лиц и предметов, обозначающих их происхождение: *бра́тец, хле́бец, гбрец*. Его же имеют по преимуществу производные от дву- и многосложных не с конечным ударением¹: *звери́нец, испáнец, урожи́нец, черво́нец*, а также вторые члены сложных слов; ср.: *деле́ц и земледéлец, писéц и живопи́сец, зубéц и тре-зубéц*.

В образованиях на -е-ец от имён существительных на -ия и таких же на -и-ец ударение приходится на е, и: *красноарме́ец*, (ср. Красная Армия), *индее́ц* (ср. Индия), *австри́ец* (Австрия), *австрали́ец* (Австралия).

Следующие суффиксы, имея конечное ударение в именительном единственного числа, сохраняют ударение на том же слоге, не перенося его на флексию:

-ан, -ана; -ян, -яна: *буя́н, буя́на; велика́н, велика́на*; ср. и *бурья́н, бурья́на* с адаптированным под суффикс конечным элементом.

-анин, -анина; -янин, -янина: *гражда́нин, гражда́нина; селя́нин, селя́нина*.

-ай, -ая; -яй, -яя: *лиша́й, лиша́я; лентя́й, лентя́я; урожа́й, урожа́я*.

-ист, -иста: *марксы́ст, марксы́ста*.

-изм, -изма: *марксы́зм, марксы́зма; ленини́зм, ленини́зма*.

Сложный суффикс -анин (-янин), теряющий -ин во множественном числе, у многих образований носит ударение на а, я: *киевля́нин, парижáнин*; у других ударение приходится на основу: *египтя́нин, ассирия́нин*. Последний тип малочислен, и ударение в нём часто неустойчиво: *египтя́нин* и *египтя́нин* и под. Ударение множественного числа перенесено в единственное в слове *крестья́нин*.

К *гражда́нин* множественное число звучит *гражда́не*. У писателей XIX века нередко можно встретить и «гражда́не»; ср.: «Все

¹ Но *молоде́ц* (при старинном нар.-поэт. *мблodeц*), *образéц, сорванéц* и др., т. е., как видим, производные от слов с ударением на начальном слоге двусложного слова. Ср. ещё *прише́лец и пришле́ц*.

гражданине согласно показали» и «Московские *гражданине!* Вам кланяться царевич приказал!» (Пушкин, «Борис Годунов»). «До какого нас бесславия Довели вражды *гражданин...*» «И настанет час решительный, Час для *гражданин* роковой» (Рылеев, «Вадим»). «Шумел лишь Рим. В пяти шагах *Гражданине* в праздничной одежде...» (Фет). «Довольно даже нам поэтов, Но нужно, нужно нам *гражданин*» (Некрасов).

Заметим ещё *селянин*, но *поселянин*. У старых авторов встречалось и *поселянин*.

У поэтов первой половины XIX века влияние ударения множ. числа отражало ещё иногда слово *христианин*; ср.: «... Не *христианин* и не раб, Прощать обидя не умею...» (Рылеев). «Любила ль чужеземца, Любила ль *христианина*, была ли Им презрена, как я?» (Лермонтов).

Устойчиво ударение в образованиях на **-арин**: *болгарин* — *болга́ры*, *татарин* — *тата́ры*.

В двух префиксальных образованиях на **-ай** — ударение на корне: *обычай*, *случай*.

Суффиксы мужского рода, не допускающие на себе ударения: **-тель** и **-тай**. В образованиях на **-атель** (**-ятель**) ударение падает на тот слог, на котором оно лежит в соответственном глаголе: *сея́тель*, *двигате́ль*, *мореплава́тель*, *завоева́тель*, *пода́тель*. В образованиях на **-итель** правилом является выдержанное ударение на **и**: *строи́тель* (ср. *строи́ть*). При **-(а)тай** — ударение на предпоследнем слоге: *глаша́тай*, *хода́тай*, *завсегда́тай*, *согладáтай*.

Как продуктивный суффикс, не носит на себе обыкновенно ударения и **-ень** (род. пад. **-ня**): *ли́вень*, *ба́ловень*, *ува́лень*, *у́ровень*. Отстают: *плете́нь*, *слепе́нь* (ср.: *плетён*, *слепой*).

В нескольких словах, где корень не отделяется от адаптируемого под суффикс элемента, в отличие от украинского ударение падает на суффиксальную часть: *креме́нь*, *реме́нь*. Следует заметить, однако, *щебе́нь*.

Ударение образований среднего рода.

Часть образований среднего рода отражает в л и я н и е ударения глаголов или имён, с которыми они ассоциированы. Таковы:

Трёх- и многосложные имена на **-ание**, **-яние** (**-анье**, **-янье**): *желáть* — *желáние*, *ожидáть* — *ожидáние*, *бегáть* — *бегáнье*, *прыга́ть* — *прыга́нье*, *ука́зывать* — *ука́зывание*, *ухаживáть* — *ухаживáние*. Отстают церковнославянизмы *покая́ние*, *дея́ние*.

Двусложные имеют, однако, конечное ударение: *враньё*, *спаньё*. У колеблющихся (*знáние* — *знáнье*) — на корне.

Значительная часть слов на **-ило**: *бели́ть* — *бели́ла* (обыкновенно мн. ч.), *кади́ть* — *кади́ло*, *пра́вить* — *пра́вило*. Однако, предконечное ударение начинает уже в этом типе выступать всё чаще, и потому возможны — *прави́ло* в ряде специальных значений и *мери́ло* (при «мерить»).

Слова на **-лице**: *обита́ть* (обита́л) — *обита́лице*, *удíл* — *удíлице*, *судíл* — *судíлице*, *зрел* — *зрэлице*. Резкое преобладание в этом типе слов с ударением на слоге перед **-лице** привело к отклонению: *чистíлице*. С ударением *чувствíлице* — прочтём это слово у Горького.

Значительная часть образований на **-це**, **-цо** сохраняет ударение основного слова: *зёркальце* (зёркало), *са́льце* (са́ло), *коры́тце*, *мы́льце*, *плёнце* (ср. *винцо́* и *письмецо́* со вставным **е**). Но от «сло́во», «мя́со», «се́но», «де́рево», «бзе́ро» выступают *слово́*, *мясо́*, *сено́*, *де́рево́* (при *де́ревце*), *озе́ро́*. Ударение с конечного слога обычно перетягивается на новые, беглые **о**, **е**: *полоте́нце*, *окно́*, *дно́* (ср.: *полотно́*, *окно́*, *дно́*).

Слово *жилице*, раньше имевшее ударение также на первом **и**, теперь употребляется только с ударением на втором **и**: *жили́це*.

Слова на **-ье**, осложнённые добавочным суффиксом **-це**, имеют ударение основного слова, если последнее ударяемо на корне, и на **-цо**, если основное слово носит ударение на флексии: *пла́тье* — *пла́тьице*¹, *варе́нье* — *варе́ннице*, но *ружьё* — *ружьецо́*, *жизнь* — *жизнецо́*.

Имена на **-ение**, происходящие от глаголов на **-еть**, по существу отражают ударение соответствующих инфинитивов: *кипе́ть* — *кипе́ние*, *сожалéть* — *сожалéние*, *усмотре́ть* — *усмотре́ние*, но *све́дение* к старому «свьѣдѣти». Вероятно, болгаризмом является *видéние* (к «видеть»); ср. *предвѣдение* — к «предвидеть»).

Пестрее ударение образований на **-ение** к инфинитивам на **-и(ть)**. Непрефиксальные со значением действий имеют обыкновенно ударение соответственных инфинитивов: *па́ренье* (к «па́рить»), но *па́ренье* (к «па́рять»), *ня́нченье* (ня́нчить), *хва́ление* (хва́лить), *мы́шление* (мы́слить). Последнее чаще употребляется со значением способности, а не процесса, и потому нередко выступает с ударением *мышле́ние* (ср. ещё более частое *плавле́ние* при *плавленье*), *правле́ние*, *муче́ние*, *ране́ние*.

В префиксальных отстоявшихся образованиях преобладает ударение суффиксального **е**: *увере́ние*, *исчисле́ние*, *умноже́ние*, *увеличе́ние*, *представле́ние*, *прославле́ние*, *усво́ение*, *измере́ние*, *одобре́ние*, *оформле́ние*, *самоотверже́ние*. Но *упро́ченье*, *наме́ренье*, *сосре́доточе́ние*, *обеспе́чение* (простор. *обеспече́ние*); из новообразований ср. *ораббче́ние*. Неустойчиво в литературной практике ударение в слове *изобретение*: *изобрéтение* и *изобретéние*. Наблюдение Я. Грота² — «Мы замечаем, что окончание **-ение** с ударением встречается почти всегда в таких именах, которые происходят от глаголов, могущих принимать окончание **-ать** или **-ять**, напр., *прославле́ние* — *просла́вить* — *просла́влять*», — позволяет догадываться, что малоупотребительные в русском сравнительно с украинским образования от форм длительного вида (кроме типа **-ыванье**, **-иванье**) частично передали этим существительным своё ударение.

¹ В таких случаях пишут **-ице** вместо **-еце**, что нельзя считать обоснованным.

² «Филол. разыск.», I, изд. 3, стр. 316.

С инфинитивом на согласный основы имеем *падéние, печéние*.

Из изолированных образований ср. *движéние*.

В большой мере связано с основными (первообразными) словами и ударение слов на **-ство**: *едíнство* (едín), *юношество* (юноша), *ходáтайство* (ходáтай), *устрóйство* (устрóбить), *богáтство* (богáтый), *лука́вство* (лука́вый). Конечное ударение принимает этот суффикс: в группе слов на **-овство** — *баловствó, колдовствó, хвастовствó*; в словах, ассоциированных с прилагательными на **-ской**: *щегольствó* (щегольскóй), *ханжествó* (ханжескóй), *удальствó* (удальскóй) и в ряде отдельных слов: *веществó, торжествó* и др. Колеблется ударение в *волшéбствó, пиршествó, прáзднествó* (пиршествó, празднествó архаичны). В случае *свóйствó* с различием в ударении связывается разный смысл: *свóйство* — качество, особенность, *свойствó* — родство по женитьбе или замужеству.

Об уменьшительных на **-ко** — ниже.

К о н е ч н о е ударение (кроме случаев, уже отмеченных выше) обнаруживают:

Д в у с л о ж н ы е образования на **-тьё** со значением действий: *битьё, житьё, бритьё*. Из трёхсложных имеем *колотьё*; ср. многочисленные префиксальные и сложные типа: *разлётие, градобётие, общежítие*. Особняком стоит *забытьё*.

С о б и р а т е л ь н ы е-п р е з р и т е л ь н ы е на **-ё**: *бабьё, вороньё, зверьё, гнильё, дурачьё*.

Зелье теперь не ощущается как собирательное. С книжным архаичным *былие* ср. *быльё* — травы («Было и былём поросло»).

Несколько уменьшительных двусложных на **-ко** имеют конечное ударение: *очкó, брюшкó, древкó* (при более употребительном теперь *дрéвко*); *лычкó*. Колеблется *ушко* и *ушкó* (об ухе обыкновенно в фразеологизмах: «За ушкó да на солнышко» и др.). В многосложных обыкновенно сохраняется ударение основного слова: *облачко, яблочко*, но *молочкó*. Впрочем, и тут не без колебания: в малоупотребительном *озеркó* обыкновенно ударяется конечное **о**. При *облачко* встречается, напр., у Баратынского и у Лермонтова, южнорусское «облачкó»: «И весёлыми крылами ластюсь к ним, как облачкó» (Б.), «Когда в час утренней зари Курились, как алтари, Их выси в небе голубом, И облачкó за облачкóм, Покинув тайный свой ночлег, К востоку направляло бег...» («Мцыри») или: «Так облачкó По небу мчится светло, легко» («Забудь опять...»).

Особняком стоит ударение в *дítятко*.

Трёхсложные на **-ечко**, производные от двусложных, обыкновенно имеют ударение на **е**: *местéчко, словéчко, сердéчко, колéчко*; отступают: *блédечко, сítечко* и все производные от слов склонения с вставным **-ен-**: *врéмечко, сémечко, стрémечко*.

Ударение на предпоследнем слоге суффикса, представляющего с флексией в большинстве падежей двусложный элемент, имеют последовательно только односложные основы при суффиксе **-ишко**: *делíшко, местíшко* (но у многосложных сохраняется ударение основного слога — *помéстьишко* (помéстье) и под.).

Если это **-ишко** выступает в слове мужского рода, то ударение на предпоследнем слоге имеют тоже только слова с односложной основой или двусложные с полногласием при ударении на первом слоге в основном слове: *доми́шко, фрачи́шко, пруди́шко, голоси́шко, городи́шко*. Многосложные основы или сохраняют ударение основного (несуффиксального) слова: *сюртучи́шко* (род. п. сюртука́), но *халати́шко* (халат), *морбзи́шко* (морбз), или, при начальном ударении основного слова, переносят его на **и**: *хутори́шко* (хутор), *острови́шко* (остров).

Ударение на предпоследнем слоге имеют увеличительные, производные от односложных основ мужского и среднего рода, а также от имеющих в косвенных падежах конечное ударение: *носи́ще, дружи́ще, корабли́ще, сундучи́ще, сапожи́ще, дели́ще*. Отступают *сту́лище, шка́пище* (при возможном: *шкапи́ще*). Ср. и многосложные: *пароходи́ще, урбди́ще, зёрка́лище* (и *зеркали́ще*).

Имена без значения увеличительности, т. е. обозначающие место действия или состояния, старославянизмы, утратившие уже значение увеличительности, и некоторые другие большею частью избегают ударения на **и**: *и́грище, гли́нище, тóржище, пристáнище, со́нмище, убе́жище, по́лчище, чу́дище, де́тище*. Я. К. Г р о т («Филол. разыск.», I, изд. 3, стр. 318) полагал, что «имена на **-ище**, если образованы от других существительных и не должны означать увеличения, принимают по большей части такое ударение, которое бы отличало их от увеличительных». Известная тенденция этого рода действительно существует, но она уже значительно затёрта; так: *пожа́рище* должно обозначать большой пожар, *пожари́ще* — «место пожара, погорелая площадь», но, как свидетельствует Ч е р н ы ш ё в («Русск. удар.», стр. 34), «многие говорят его так же, как и первое слово; поэтому неправильное ударение и встречается у поэтов: Тютчева («Поминки», из Шиллера), Вл. Соловьёва, — вероятно, усвоивших данное слово из неразборчивого употребления: «Вижу её на пожа́рище тлеющем. В сумраке зимнем одну» (Вл. Соловьёв, «Память»). Правильным Г р о т считает, далее, ударение *пепели́ще* — «погорелое место, пожарище», ударение, которое должно отличать это слово от *пéпелище* — «большой пепел», но никак не отличаются ударением *городи́ще* «большой город» и «место, где когда-то было селение».

Среди слов на **-овище** известны различные типы ударения: *кнутóвище, серпови́ще* «ручка серпа», *станови́ще; чудови́ще, горбо́вище; лóговище, ту́ловище...*

Н е п р и н и м а ю т н а с е б я у д а р е н и я :

Производные от существительных на **-ба**: *гу́льбище, сёльбище, стрёльбище, па́стбище*; но *кладби́ще* произносится одинаково с ударениями на **а** и на **и** (хотя *кладби́ще* ощущается как устарелое).

-ево, -иво: *ва́рево, ку́рево, кру́жево, за́рево; топли́во*. Отступает *огни́во* (ср. огня́, огню́ и т. д.).

-ико: *ли́чко, плéчко, колёсико*.

Ударение суффиксов имён женского склонения.

Большая часть суффиксов женского склонения на **-а** имеет ударение на предпоследнем слоге. Неподвижно ударение на таких (упоминаем лишь более или менее продуктивные): **-яга (-ага)** — *бедня́га, сотня́га, молодча́га*; **-уга (-юга)** — *белу́га, выю́га*¹; **-ака, (-яка)**: *гуля́ка, писа́ка*; **-аха (-яха)**: *черепа́ха, руба́ха*; **-унья**: *певу́нья, шалу́нья*; **-уля**: *козу́ля, ходу́ли*; **-уха**: *стару́ха, стряпу́ха*; **-уша (-юша)**: *клику́ша, Мавру́ша*; **-ика**: *черни́ка, клубни́ка, ежеви́ка*; **-онка** в уменьшительных-уничижительных: *девчо́нка, душо́нка*, изредка со значением ласкательным: *ручо́нка, ножо́нка*.

Ударение предпоследнего слога в одних образованиях и корневого в других имеют: **-ица, -иха, -ыня (-иня), -ушка (-юшка)**. Ударение на **и** принадлежит образованиям от имён мужского рода с суффиксами **-ец** и **-ик**, если соответствующие слова в мужском роде имеют ударение флексии: *жильца́ — жили́ца, вдовца́ — вдови́ца, ученика́ — учени́ца, ростовщика́ — ростовщи́ца*. На **и** же падает ударение в словах, представляющих образования женского рода к словам мужского рода с конечным ударением флексии в косвенных падежах: *орла́ — орли́ца, ося́ — осли́ца*; к словам мужского рода несуффиксальным с ударением не на последнем слоге: *голубь — голуби́ца, ма́стер — масте́рица, пёрепел — перепели́ца*²; к словам женского и среднего рода с конечным ударением — *петля́ (теперь, впрочем, под влиянием множественного числа — пётля) — петли́ца, пше́но — пшени́ца, вода́ — води́ца*; к прилагательным с ударением окончания в нечленной форме женского рода: *светла́ — светли́ца, темна́ — темни́ца*.

Из отдельных случаев отметим: *багряни́ца, бойни́ца, девы́ца* (к «де́ва»), стар. *де́вица, кобыли́ца* (к «кобы́ла»), *свеклови́ца, шелкови́ца*; областному «роже́ница» в литературном языке соответствует *роже́ница*.

Слова с ударением *ме́дик, матемáтик, истóрик* в женском роде (буршикозно окрашенный суффикс **-ичка**) получают ударение на **и**: *медичка́, математичка́, историчка́*.

Ударение корня (основы перед суффиксом) имеют: образования к словам мужского рода на **-ец** и **-ик** с соответствующим ударением: *упря́мец — упря́мица, красáвец — красáвица, у́мник — у́мница*; к словам двусложным мужского рода с ударением конечного слога в именительном единственного, причём это ударение далее не переносится на флексию: *медвёдь — медвёди́ца, проро́к — проро́чица*; образования от прилагательных на **-ный** и под. с ударением на корне: *пья́ница, хле́бница, ра́зница, пу́таница, черни́льница*; образования от имён женского склонения на **-а** с соответственным ударением: *ка́шица (ка́ша), лу́жица (лу́жа), кнѝжи́ца*

¹ Встречается и нелитературное *выюга́*; ср. у Б л о к а («Двенадцать»): «Ой *выюга́*, ой *выюга́*! Ничего кругом не видно На четыре на шага».

² Отступает *буйволица* (при «буйвол»).

(кни́га); префиксальные: *бессмыслица, распу́тица, неуря́дица, безде́лица, переноси́ца*.

Из отдельных слов отметим: *вѣселица* (ср. укр. «вѣсити»), *гору́лица, жу́желица, каракáтица, ку́зница, ле́стница, лу́ковица, но́жницы, па́лица, пе́речница, пи́галица, сту́пица* (у колеса), *ягоди́ца, ялови́ца, ящери́ца*.

-иха. Трёхсложные имеют ударение на и: *портни́ха, зайчи́ха, купчи́ха*. Четырёхсложные обычно принимают ударение соответственного слова мужского рода: *мельничиха, двёрничиха*, но: *щеголи́ха*.

-ыня (-иня). Трёхсложные названия лиц с этим суффиксом архаического характера обычно имеют ударение на **ы(и)**: *рабы́ня, богы́ня, гусы́ня*, но *ба́рыня*, из древнейшего «боя́рыня», и параллельное выходящее из употребления *гусыня*; четырёхсложные имеют ударение соответственных слов мужского рода: *мона́хиня, ино́кия, судáрыня* (ср. «судáрь при «судáрь»»), но *герой́ня* (герб́й).

Ударение отвлечённых — *ми́лостыня, но пусты́ня, тверды́ня* (перешли в конкретные), *горды́ня, благосты́ня* (последнее фактически совсем вышло из употребления).

Особняком стоит слово *просты́ня* со множ. числом — *пробы́тныи*, род. п. *пробы́тнь*, дат. *пробы́тнѣм* и т. д.

-ушка (-юшка). Ударение у тех слов, которые не имеют рядом с собою образований просто на **-ка**, лежит на у(ю): *стару́шка* (ср. и *стару́ха*), *игру́шка, маку́шка*, но *корбу́шка, голбу́шка, ма́тушка* (рядом: *корбу́ка, голу́бка, ма́тка*; ср. у Некрасова: «Рядком шестилетнего сына Нарядная ма́тка ведёт» («Мороз-Красный нос»)¹.

Ударение на предпоследнем слоге или на флексии могут иметь суффиксы **-ота** и **-изна**.

-ота. На **о** ударение лежит в ряде слов, обозначающих болезненные или подобные им состояния: *рвóта, икóта, дремóта, зевóта*, и под. Ср.: «...Зевóту длинную забот Собьёт рабочий топот» (Садофьев).

В некоторых словах ударение колеблется: *хрипо́та* и *хрипотá*, *ломóта* и *ломотá*, *сипóта* и *сипотá*.

Из отдельных слов с другим значением ударение на **о** имеют ещё: *рабо́та, мокрóта* (в материальном смысле), собирательное *пехóта, льгóта, добрóта* (о качестве материи; почти вышло из употребления и заменяется словом «добротность»), *щедрóта* («милостивый дар»; употребляется только как архаизм и притом обычно во мн. числе).

¹ В собственных именах это различие тоже проявляется, но менее чётко, — колебаний здесь больше: Ванька, Танька, Никитка — *Ваню́шка, Таню́шка* — *Ваню́шка, Таню́шка* (в первых и ласковость и некоторая пренебрежительность, *Никиту́шка*, но *Петру́шка, Марфу́шка, Павлу́шка, Полику́шка* (к «Петруха» и под.). Имена с ударением на **-ушка** обычно получают значение пренебрежительное, без ударения на **-ушка** — ласкательное; ср. *Фёклу́шка* и *Феклу́шка*.

Слова с абстрактным значением, как правило, имеют ударение **-отá**: *духотá, простотá, правотá, красотá, пахотá* (действие). Из группы слов, обозначающих болезненное состояние, сюда входит *тошнотá* и все со значением обычно постоянных телесных недостатков: *немотá, слепотá, хромотá, глухотá*. Из конкретных ударение **-отá** имеет *сиротá*.

Слова на **-ета** имеют ударение только на флексии: *суетá* (от старого «суй», ср. архаичное «всуе» — понапрасну), *нищетá*.

-изна. Отвлечённые трёхсложные имеют ударение на флексии: *желтизнá, белизнá*; такое же ударение сохраняет и *крутизнá*, употребляющееся часто в конкретном значении. У многосложных имеем: *дешевíзна, дороговíзна*. В конкретном *отчíзна* ударение лежит на предпоследнем слоге.

Ударение на предпоследнем слоге, на основе и на флексии может иметь суффикс **-ина**.

-ина. Ударение на предпоследнем слоге характеризует: некоторые трёхсложные названия деревьев и плодов — *рябíна, масли́на*¹; употребляющиеся во множественном числе непрефиксальные названия типа: *именíны, октябрíны, родíны*; увеличительные названия мужчин: *купчíна, дурачíна, молодчíна*; названия мяса и кожи животных, имена которых имеют ударение на флексии: *осетрíна, конíна, овчíна, лососíна* (кроме того — *дичíна, солонíна*); трёхсложные имена, обозначающие единичность² (обыкновенно с добавочным **-ка**): *песчíнка, крупíнка*; собирательные — *дружíна, скотíна* (рядом со значением переносным по отношению к одному человеку); имена веществ материй и под.: *древесíна, щетíна, парусíна, паутíна, холстíна*; названия мер: *половíна, десятíна*; некоторые названия конкретных предметов: *плотíна, доли́на, картíна*; очень редко отвлечённые: *кручíна*, производное от «судьба» — *судьбíна*; некоторые слова на **-овщина**: *годовщíна, даровщíна*³.

Ударение падает на основу: префиксальных — *урб́дина, разв́лина, впад́ина, пром́бина; пб́шлина, вь́боина*; вообще, отглагольных — *царáпина, трéщина*; имён, означающих мясо и кожу животных, на **-ятина**: *порос́ятина, куря́тина* (ср. укр. «курятина»), и образований от слов, не имеющих ударения на флексии: *барáнина* (род. пад. от «барáн» — «барáна»), *говя́дина* (от старого — «говя́да», мн. ч.); четырёхсложных имён, обозначающих единичность, — *горб́щина, миндáлина*; слов на **-щина**, производных от прилагательных на **-ский**: *жéнщина* (ср. жéнский; но *мужчíна* вм. «мужщина» — к «мужской»), *бáрщина* (ср. бáрский). Из отдель-

¹ Ударение *маслина*, со значением дерева, выходит из употребления. Плод — только *масли́на*.

² Из четырёхсложных — *порош́ина (порош́инка), волосíнка* к полногласным формам мужского рода с ударением на первом слоге: *пóрох, вóлос*.

³ Большею частью слова на **-овщина** совпадают по ударению с соответствующими прилагательными на **-овский**: *толстóвщина (толстóвский), хлыстóвщина (хлыстóвский)* и под.

ных отметим: *гадина, раковина, вбтчина, жемчужина, лыбина, дикбвина, сморбдина, йстина, ббщина* (при *община*).

Ударение на флексии имеют отвлечённые: *величина, глубина, старина, ширина*. Немногие конкретные, вроде *старшина*, представляют собою слова, утратившие значение собирательности (ср. укр. «старшина» со значениями «начальство, старшинство»).

-ея. В названиях существ имеет только конечное ударение: *жнея, швея, ворожея*.

Ударение при суффиксе **-оба** в разных словах различно: *худоба, злоба, учёба, труппа, жалоба*.

Суффикс **-енка** имеет в значении народности — *французенка, черкешенка*, или «профессии» — *монашенка, нищенка* — ударение соответственного слова мужского рода.

Односложные суффиксы (точнее, согласные суффиксов вместе с флексией) принадлежат или к типу, допускающему рядом образования с ударением корня и флексии, или (**-тва**) к типу, передающему ударение основе.

-ня. В словах, имеющих значение суеливой деятельности, ударение на **-ня**: *возня, грызня*; так и при **-отня**: *стукотня, беготня*.

В словах со значением места деятельности или вообще пребывания, часто выступающих с добавочными суффиксами в основе, ударение лежит на основе: *ббйна, печатня, пашня, швальня, голубяня*.

В других известны оба типа: *родня, размазня, западня, квашня, клешня* и др.; *двбйна, рбвня* (значительно реже — *ровня*), *двбрня, сбтня* и др.

-ба. С ударением на флексии выступают: *молотьба, пальба, ходьба* и др.; с ударением корня — *свадьба, прбсьба, служба, дружба, тяжба* и *женитьба*.

-ша. *Левша*; но *секретарша, докторша* и под. с ударением слов муж. рода.

-тва. *Битва, молитва, бритва*.

-ьца. *Пыльца, сольца, рыца, крепостца*, но *дверца*.

Из суффиксов склонения на согласный упоминаем только два, имеющих в своём составе гласный звук:

-ость (-есть): *радость, молодость, гáреть*.

и **-ядь (-адь):** *площадь, пестрядь, рухлядь*. При обоих суффиксах ударение всегда на корне.

6. СУФФИКСЫ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

Заслуживают быть отмеченными:

1. Из производных от имён существительных:

Притяжательные на **-ов, -ова, -ово**. Их продуктивность в литературном языке очень мала. Категорию эту следует считать вымирающей. В новой художественной литературе с нею можно встре-

титься лишь в стилизованной речи: «Прислушался. За дверью похрапывал князев постельничий» (А. Н. Толстой, «Пётр I»).

Ср. у Маяковского с неологистической установкой: «Больше, чем можно, Больше, чем надо, — Будто Поэтовым бредом во сне навис — Комок сердечный разросся громадой...». «Я вытомлен лирикой — Мира кормилица, Гипербола Мопассанова». «Скажи, чтоб явились они. Постановленья неси исполкомово». «В ущелья Кремлёвы волна ударяла».

Синтаксически функции этих форм уступают своё место родительному падежу имени существительного (владельца).

Процесс вымирания притяжательных прилагательных не задерживают даже специфически-прилагательные формы спрашивания — «чей? чья? чья?», а не «кого?», «чья вина?», «чей вопрос?» и под., но «вина противника», «вопрос товарища».

Повидимому, в языке устанавливается полный параллелизм между посессивной (владельческой, притяжательной) функцией единственного и множественного чисел (от множественного числа притяжательные прилагательные не образуются; ср. укр. — «запитання товаришів», «зошити учнів» и под.).

Сказанное о суффиксе -ов, -ов(а) отчасти относится к суффиксу -ин, -ин(а), -ин(о). Последний, однако, значительно употребительнее: он стойко держится при названиях родства женского склонения: тётя — *тётин*, папа — *папин*, бабушка — *бабушкин* и под., хотя *женин* и *сестрин* сравнительно мало в ходу и охотно заменяются родительными падежами имён существительных. От женских имён, особенно уменьшительных, формы на -ин вполне живы, и по отношению к ним суффикс обнаруживает даже все признаки продуктивности: *Татьянин*, *Надеждин*, *Танин*, *Манин*, *Юлин* и под.; параллельны им образования от мужских уменьшительных: *Колин*, *Ванин* и т. д.

От других имён женского рода, вроде «лисица», «горлица», «курица», подобные прилагательные (*лисицын*, *горлицын*) возможны, но ощущаются как приближающиеся к архаическому стилю. Многие имена существительные подобных образований при себе вовсе не имеют; ср.: *птица*, *жаба*, *ворона*, *собака* и т. д. Не более как поэтическая игра — образования на -ин не от названий животных, а растений и под., вроде: «Сквозь черноту, *черёмухины* скаты... Я вызываю старого собрата» (Н. Тихонов).

В звуковой стороне форм на -ин следует отметить аналогическое вытеснение ч, ж, ш, из к, г, х: *тёткин*, *Ольгин*, *мачехин* (ср. укр. «тітчин», «Ольжин», «мачушин»).

Ту или иную связь со свойством, принадлежащим имени существительному, точнее — его основе, обозначающей вещество, выражают суффиксы: -ян(ый), после шипящих — -ан(ый). Суффикс этот в русском встречается значительно реже, чем в украинском, и продуктивность его меньше. Так, в соответствии с украинскими «пшоняний, капустяний, морквяний» и под., русский употребляет образования с другими суффиксами: *пшённый*, *капустный*, *морков-*

ный. Звуковую особенность русского языка представляет в данном суффиксе удвоение **н**, когда **я(а)** стоит под ударением, в трёх словах: *деревянный, оловянный, стеклянный*.

Второе **н** является здесь остатком второго суффикса **-ьн**. Ряд других слов, имеющих **я** под ударением, звука **н** не удваивают: *овсяный, полотняный*. Однако, такое произношение появляется («Русск. яз. в школе», 1926, № 10, стр. 64).

Суффикс **-ин(ый)**, обозначающий свойство, типичное для определённой породы животных, разделяет это значение с суффиксом **-ий, -ья, -ье**¹. Суффикс **-ин(ый)** употребляется чаще от имён мужского склонения и женского на согласный (*лошадь, мышь* и под.): *соловьиный, козлий, орлиный, львиный, ослиный, воробьиный, шмелиный, лошадиный*.

Реже случаи вроде *пчелиный* (от «пчела»), *мушиный* (от «муха»), *совиный* (от «сова») и *змеиный* (от «змея»).

Суффикс **-ий, -ья, -ье** менее ограничен в своём употреблении; суффикс этот имеют некоторые образования от слов мужского рода: *бычий, волчий, заячий, медвежий, олений, фазаний, бараний, кабаный*; почти все образования от слов женского рода на **-а**: *козий, кобылий, лисий, птичий, рыбий, щучий, обезьяний, коровий*; некоторые женского склонения на согласный: *рысий, ланий*. Нередки случаи колебания: *мышиный* и *мыший* («Жизни мышья беготня», П у ш к и н), *крысиный* и *крысий*, *петушиный* и *петуший*, *лебединый* и *лебяжий*, *собольный* и *соболий*. Реже случаи употребления суффикса **-ий** в прилагательных, образованных от других имён: *охотничий, охотничья, девичий, девичья, вдовый, вдовья* и под. со значением группового свойства.

Соперничающий с суффиксом **-и(й)** в украинском языке суффикс **-яч(ий)** в русском употребляется только в производных от названий малых животных на **-ёнок**: *телячий* (телёнок), *жеребьячий* (жеребёнок) и под. Ср. и *ребячий* (от «ребёнок»). Особые образования представляют: *коша́чий, индюша́чий* (от «индюшка»), *бычачий* (при *бычий*). Ср. с ними *кошечий, индюшечий, индейчий* (от «индейка»).

От некоторых существительных с таким же значением образуются прилагательные на **-овый**: ср. *рачий* («рачьи глаза») и *раковый* («раковый суп», «раковые шейки»), *барсучий* и *барсуковый*, *бобровый, моржёвый, слоновый* (и *слоновий*: *слоновая кость, но слоновья кожа, слоновьи клыки*); **-овий**: *воловий, сомовий*.

Особняком стоит образование *свиной* (от «свинья»). От «конь» в начале XIX века употреблялись образования *коневчй* и *конский*, теперь — только *конский*. К слову «кураца» (мн. число «куры») имеем два параллельных образования: *куриный* и *курий* (последнее вышло из употребления, кроме фразеологизма: «избушка на курьих ножках»). К слову «утка» — *утиный*. К «белка» — *беличий*.

По поводу образований от слова «человек» Н. Г р е ч («Рус-

¹ Этот же суффикс характерен для существительных, оканчивающихся на **к**: *волчий, барсучий, рачий, паучий*.

ская грамматика», 1827, стр. 88) замечает: «От слова *человек* как имени животного происходит притяжательное: *человечий*, напр.: «человечий глаз», «человечья голова», а от имени разумного существа — *человеческий*, напр.: «человеческий ум», «человеческие слабости». — «Достоинство жизни *человеческой* — в борьбе... награду надобно выстрадать» (Герцен). В соответствии с мыслью фразы — «Меняет погонщиков *человечий* табун» (Маяковский). Теперь вообще «человечий» необычно вне специальной стилистической установки, и нарочитым снижением является, напр.: «Ловкая штучка умишко *человечий*, ой, ловкая!» (Горький, «Мои университет»), «Гудели сети в этот вечер, Тёмные, как мудрость *человечья*» (Тихон.).

Для суффикса **-ский (-ьск-)** характерно в русском, что он после основ на **-к, -ц(ч) и -г(ж)** выступает в одних случаях в старой фонетической форме, в других — в новой, книжной. Ср. *грецкий* (орех) с тем же фонетическим переходом, что и в украинском, и *греческий* («греческий язык», «греческая история» и под.), *молодецкий* и *молодеческий*, *мужской* и уст. *мужеский*. Только с **-еский** употребляется, напр., *дружеский*, *человеческий*, *княжеский*, *вражеский*, *купеческий*, *старческий*, *старообрядческий*, *отеческий*, *младенческий*.

Стоит внимания, что от существительных на **-ец** образуются в последней группе два типа: отец, отца — *отеческий* (но ср. церк. «святоотческий»); у Пушкина: «Не в наследственной берлоге, Не средь *отческих* могил...»), купец, купца — *купеческий*, но земледелец, земледельца — *земледельческий*, выдвигенец, выдвигенеца — *выдвигенческий*, старец, старца — *старческий*, старообрядец — *старообрядческий*. Первый тип имеем от слов с ударением на **-ец**. Отступления, вроде творец — *творческий*, немногочисленны. Образования на **-еский** — правило во вновь создавшейся разновидности суффикса **-ический**: *исторический* (от «история», но фонетический путь, несомненно, шёл через суффиксы **-ик** и **-ика** в других словах), *трагический* (ср. трагик), *мистический* (ср. мистика, мистик), *политический* (ср. политика) и под.

Отметим ещё образования от имён собственных типа: *гоголевский* (к Гоголь), *шекспировский* (к Шекспир) и под., но *ленинский* (к Ленин), *пушкинский* (к Пушкин), *некрасовский* (к Некрасов) и под.

От суффиксов **-ак, -як** образование с **-ьск-** дало **-ацк(ий), -яцк(ий)**: казак — *казацкий*, кабак — *кабацкий*, босяк — *босяцкий*. Ср. и **-ик**: мужик — *мужицкий*. От **-ач** такие прилагательные редки: ткач — *ткацкий*. Образования на **-еск(ий)** книжны: палач — *палаческий* и под.

Нарочитое снижение фамильярного характера имеем, напр., в *моряцкий*: «А южный ветер треплет пряди Волос, похожих на волну, И преждевременную гладит Кудрей *моряцких* седину» (Уткин); *лихацкий*: «Мишка его одобрял и показал *лихацкую* штуку — прыгать на лошадь с разбега, сзади, как в чехарду» (А. Н. Толстой).

Ср. и такие книжные образования от родственных суффиксов, как *чудаческий* (чудак), — у Л. Толстого встречается *чудацкий* («Война и мир»), — *ученический* (ученик).

Сходное образование — *ребяческий* имеем от «ребёнок — ребята».

Сложный суффикс *-ическ(ий)* распространён при многих словах на *-ист*, с которыми рядом существуют зачастую отвлечённые на *-изм*: идеалист — *идеалистический*, материалист — *материалистический*, артист — *артистический*.

В ряде слов конкурируют суффиксы *-ичн(ый)* и *-ическ(ий)*: *комичный* и *комический* (первое значит «забавный, смешной», второе — «относящийся к комедии, к смешному»), *поэтичный* (ср. «поэтичная обстановка», «поэтичный образ») и *поэтический* (ср. «поэтическое творчество», «поэтические искания»); *экономический* — относящийся к экономике, к хозяйству, *экономичный* — выгодный в хозяйственном отношении.

В XIX и XX веке вошли в обиход при ряде слов образования на *-ист(ский)*: *марксистский*.

Укоренились в языке формы *большевистский*, *меньшевистский*, вместо «большевицкий», «меньшевицкий».

Вместо ожидаемого в соответствии морфологической системе «студентский» говорим только *студенческий*. Эта форма возникла, видимо, по аналогии отношений — просторечн. *купецкий* при литературном *купеческий* и под.; ср. произношение «студенцкий». В начале XIX века, а иногда и позже, употреблялось и *студентский*. Ср.: «Души *студентски-забубённой...*» (Языков); «Он Пилад *студентской* дружбы» (Щербина); «*студентская* опрометчивость» (Герцен).

2. Суффиксы, употребляющиеся в словах, производных от разных частей речи:

Прилагательные на *-ний*, *-няя*, *-нее* принадлежат в русском языке к определённым семантическим категориям. Это слова со значением времени: *ранний*, *поздний*, *весенний*, *зимний*, *давний*, *прежний*; пространства: *внутренний*, *внешний*, *здешний*, *посторонний*; отношений родства и свойства: *мужний*, *братний*, *сын-ов-ний*. (Последняя категория архаична)¹. Слова, вроде *искренний* (старинное значение — «близкий»), *лишний*, исторически входили сюда же².

Близкие значения постоянного свойства принадлежат суффиксам *-чив*, *-ив*, *-лив*: *заносчивый*, *разборчивый*, *забывчивый*, *находчивый*, *навязчивый*, *запальчивый*, *опрометчивый*; *лживый*, *спесивый*, *игривый*; *терпеливый*, *неповоротливый*, *болтливый*, *трусливый*, *приветливый*, *надоедливый*, *блудливый*, *драчливый*, *совестливый*, *докучливый*, *податливый*, *догадливый*, *горделивый* (к ст.-сл. грѣдѣ-

¹ С ней соперничают и отчасти вытесняют её образования на *-нин*, *-нина*, *-нино*: *братнин*, *дочернин*, *мужнин*.

² Стоит заметить как отступления — *восточный*, *западный*, *северный*, *южный* и слово неясного происхождения *наружный*.

ти)¹. Реже в эту группу входят образования на **-ист-:** *покладистый, развесистый*.

Из черт образования характерно, что суффикс **-чив** возможен обычно только у префиксальных² и что приставляется он не только к корню соответственных глаголов, но и отглагольных существительных (ср. разбор — *разборчивый*).

Суффикс **-лив**, тоже сочетающийся главным образом с основами отглагольных существительных и глагольными корнями, значительно продуктивнее: в духе народной речи Пушкин называет волну *гулливой* («Сказка о царе Салтане»); Достоевский, имея отправной пункт в *сварлива*, образует прекрасное словечко *сверлива* («зла и сверлива, как буравчик»). Реже образования от имён существительных: *счастливый, талантливый, дождливый*. Менее других продуктивен суффикс **-ив** в образованиях сплошь отымённых: *червивый, вшивый, лживый* (ложь), *самолюбивый* (самолюбие), *правдивый, милостивый* (но ср. *жалостливый*). Сравнительно с первыми двумя ему принадлежит оттенок свойства постоянного в точном смысле, тогда как **-лив** и **-чив** обозначают обыкновенно постоянный признак, часто проявляемый. С отступающим *уродливый* ср. *юродивый*.

Из других суффиксов, служащих для образования прилагательных, упомянем такие сложные: **-льн(ый)**, суффикс, употребляющийся при глагольных основах: *носильный, погребальный, прощальный, бурильный*. Производительность его очень ограничена. **-тельн(ый)**: *старательный, мучительный, страдательный, гадательный, просительный, убедительный, показательный*. Суффикс этот возник на основе имён существительных на **-тель**, но далеко перешёл границы их реального употребления и является в настоящее время более производительным, чем они. Особняком стоит образование на **-обн(ый)** — *сдобный*, предполагающее основу «едоба», **-ебн(ый)**. Исходный пункт этих образований — существительные на старое **-ьба**: *тяжба* — *тяжебный*, *служба* — *служебный*, *волшба* — *волшебный*. Но суффикс, выделившись, охватил ряд слов, в которых **-ьба** не встречается: *лечебный, хвалебный, судебный* (не к «судьба», а к «суд»), *врачебный*, и, наоборот, неупотребителен при многих на **-ьба**: *борьба, ходьба, мольба, пальба* и др. Из новообразований ср. *чебный* материал — «материал для чтения».

Своеобразное перерождение причастий (их суффиксы — см. в § 11) отражает суффикс **-уем(ый)** со значением возможности и, при отрицании, невозможности осуществления признака. Употребляется он в ограниченном количестве примеров от глагольных основ, которые в глаголах имеют суффикс **-ыва**: *неописуемый* (ср. «описываю»), *ненаказуемый* (ср. «наказываю»), *связуемый*

¹ Особое образование при редком *шалливый* представляет более употребительное *шаловливый*.

² Слово *бранчивый* (при *бранчливый*) — относительная редкость.

(ср. «связываю»). К этому типу относится и превратившееся в существительное слово *сказуемое*. Сродни ему и **-йм(ый)**, обычно, с отрицанием при слове: *неуловимый, неодолимый, незаменимый, недостижимый*; ср.: «Стонет он, А сей стон Так душе постижим...» (Вяземск.). Из индивидуальных образований см. у Добролюбова: «Представьте же теперь что-нибудь подобное в русском обществе: *неудобопредставимо*».

Из суффиксов со значением оценочного характера заслуживают упоминания:

-ейш(ий), -айш(-ий), суффикс превосходной степени в значениях «очень» и «самый» (в отдельных словах — сравнительной, см. § 17): *сильнейший, умнейший*. **-айший** выступает после *к*, переходящего в *ч*: *глубочайший* (глубокий), *редчайший* (редкий), *г*, переходящего в *ж*, и *х*, переходящего в *ш*. Ср. *дражайший* к «дорогой» (собственно к архаич. «драгой»), употребляемое теперь обыкновенно только иронически («дражайшая половина» — о жене), *ближайший* (к «близкий»), *тишайший*. Особое образование представляет *высший*¹.

По отношению ко многим словам такие формы вовсе не употребляются (напр., по отношению к «бойкий», «далёкий» и др.).

Из особенно эмоционально окрашенных суффиксов имён прилагательных характерны: **-еньк-**, после велярных **-оньк(ий)**: *красненький, хорошенький, голубенький; лёгонький, тихонький, мягонький* — реже — *мяконький* (ср. «намякнуть»), *плохонький*.

Распространяются всё более формы на **-еньк-**: *лёгенький, тихенький* и под. (но наречия к ним звучат, обыкновенно, попрежнему: *лёгбнько, тихбнько*).

В образованиях от слов на **-ок** с *о* беглым это **-ок** в ряде случаев опускается: *короток* — *коротенький*, *лёгок* — *лёгонький*; **ёхоньк(ий)**: *целёхонький, смирёхонький, живёхонький*; **-ёшеньк(ий)**: *одиноднёшенький, смирёшенький*. Суффикс **-еньк-** обозначает некоторую меру качества и ласковое к нему отношение; **-ёхоньк(ий)** и **-ёшеньк(ий)** — полную или очень большую меру качества и скорее фамильярное разных эмоциональных окрасок отношение; ср.: «Ой! *легохоньки* коробушки, Всё повыпродали, знать?» (Некр.).

Разговорно-бытовой суффикс со значением максимально малого — **-юсеньк(ий)**; ср.: «В Мясницкой Деталью искуснейшей выточки Кабель *Тонюсенький* — Ну, просто нитка!» (Маяковск.); *малюсенький*.

-уч(ий), -юч(ий): *живучий, кипучий, могучий, горючий* (эпитет слёз в народной словесности). Даже в таких словах, где на первый

¹ Упомянутые формы, представляя собою превосходную степень, не допускают при себе добавочного «самый». Поэтому выражения вроде: «Молодой восторг над своим успехом бывал свойственен даже самым древнейшим народам в мире», «...Его «Женитьба», его «Мёртвые души» — самые глубочайшие произведения» (Достоевский, «Дневник писателя») — следует считать устарелыми.

план выступает объективное содержание, — *зыбучий, летучий*, оно воспринимается, кроме немногих случаев вроде *летучая мышь, текущий состав*, часто как аффективно приподнятое. Слова с этим суффиксом поэтому легко находят себе доступ в поэтическую речь. *Горючий* в значении «легко воспламеняющийся» (ср. и имя сущ. *горючее*) относится, однако, к языку прозы.

-уш(ий), -юш(ий) — суффикс грубой увеличительности, употребительный главным образом в разговорной речи: *большущий, злющий, загребущий* («руки загребущие» — попало в литературный язык как реминисценция былины). «...И, как угли, дымятся жарко *Завидущие* батькины очи» (Тихон., «Махно»). Ср. и «тьма тьмущая». Он гораздо менее продуктивен, чем в украинском.

7. УДАРЕНИЕ ЧЛЕННЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

Членные (полные) формы имён прилагательных во многих случаях отличаются по ударению от нечленных (неполных).

К типу с конечным ударением в нечленных формах (*белó, белы́, тяжелó, тяжелы́*) образуются членные формы с ударением перед флексией: *белый́, белая́, тяжёлый́, тяжёлая́*.

В соответствии односложным (в мужском роде) нечленным прилагательным в членных формах выступают два типа:

а) *простой́, проста́я, простóе; живой́, живя́я, живóе* и б) *гордый́, гордая́, гордо́е; правый́, правая́, правóе*.

К *вёсел, дешёв, зелён* имеем членные формы: *весёлый́, дешёвый́, зелёный́*.

Двусложное слово с полногласием типа *орó* имеет членную форму с таким же ударением: *здоров́ — здоровый́*; слова типа *бро, бло* на окончании: *дороѓ — дорогой́, молод́ — молодой́*.

Заметим ещё: *голубный́, холдный́* к *голубен, холден*.

Только в членных формах выступают типы:

- а) *продувной́, наживной́, площадной́;*
- б) *городской́, людской́, воровской́;*
- в) *боевой́, кормовой́;*
- г) *травяной́, шерстяной́;*
- д) *лисий́, волчий́, охотничий́, помещичий́;*
- е) *летний́, здешний́, крайний́*.

С а ср.: *отра́ден — отраднóй, беспоща́ден — беспощаднóй; веро́ятен — вероятнóй, хала́тен — халатнóй*. Но ко многим членным формам этого рода (на -нóй) нет, однако, соответственных нечленных: *мятнóй, устнóй*.

Случаи ударения -óй, -áя и т. д. при наличии нечленных форм представлены единичными примерами: *болéн — болéной, смешóн — смешóной, устар. чудéн — чудéной, недурéн — недурéной*.

Типы б, в, г имеют рядом с собою параллельные с ударением не на окончании:

б) *январский́, зверский́; в) садóвый, массóвый; г) нитяной́, овсяной́*.

Заслуживают ещё упоминания такие особенности суффиксальных прилагательных:

а) образования с суффиксом **-к(ий)**, **-к(ая)** и т. д. не имеют ударения на флексии: *го́брький*, *лёгкий*, *гла́дкий*;

б) ударение лежит на гласном перед суффиксом **-еньк(ий)**, **-оньк(ий)**: *ми́ленький*, *бе́ленький*, *плóхонький*; но ср. малоупотребительные нечленные формы вроде *молодéнек*, *крепóнек* *сладéнек* и обычные наречия типа: *тихо́нько*, *хороше́нько*, *полегóньку*, *пома́леньку* и под.: «Слог хорош, а *жидéнько* издание. Так обёрточкой больше берут» (Некр.). «Сад у меня *простéнек*, но велик; Дорожки есть и клумбочки с цветами» (Тург.). «Благоговея пред хлыстом, Трезор подчас весьма *подлэнек*» (Шумахер).

Заметим в заключение, что русский язык, подобно украинскому, знает при некоторых суффиксах оттяжку ударения на корень, если в состав образования входит префикс. Ср.: *серебри́стый*, *голоси́стый*, но *развэ́систый*, *прижми́стый*; *болтли́вый*, *шаловли́вый*, *молчали́вый*, но *послу́шливый*, *насме́шливый*; *бранчи́вый*, но *замáнчивый*, *запáльчивый*, *оби́дчивый*; *грудно́й*, но *подгрудно́й*; *земно́й*, но *подзёмно́й*; *родно́й* — *природно́й*, *ручно́й* — *подручно́й*; *морско́й* — *приморско́й*.

Примечание 1. В ряде отымённых сохраняется ударение основного слова: *ми́лостивый*, *совестли́вый*, *талантли́вый* и под. Заслуживают упоминания: *вэ́жливый*, *справедли́вый*, *зави́стливый*, *похотли́вый*, *прихотли́вый*, *прозорли́вый*, *счастли́вый*; ударение *сча́сливый* устарело (но *сча́стлив* в широком употреблении).

Примечание 2. Ударение сравнительной степени при окончаниях **-е** или **-ше** падает на слог перед ними: *ши́ре*, *мельче*, *да́льше*, *ста́рше*; окончание **-ее** обыкновенно имеет ударение на первом **е**: *веселéе*, *теплéе*, *сильнéе*, *бодрéе*, но *краси́вее*, *счастли́вее*, *свободнее*, *простóрнее*, *терпели́вее*, *оригинальнее*, *решите́льнее*.

Формы на **-ейш(ий)** (превосх. степ.) имеют то же ударение, что и сравнительная степень: *веселéйший*, *сильнéйший*, *счастли́вейший*, *оригинальнейший*. В **-айш(ий)** ударение всегда на **а**: *ближса́йший* (ср. *бли́же*), *глубоча́йший* (ср. *глу́бже*).

8. ГЛАГОЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ.

Следует указать: **-овать** — **-ую**; **-евать** — **-юю**: *балова́ть* — *балу́ю*, *миловать* — *ми́лую*, *горевать* — *горюю*, но **-ывать** — **-ываю**, **-ивать** — **-иваю**: *раскальва́ть* — *раскальваю*, *спрашива́ть* — *спрашиваю* и под¹.

Московское произношение образований на **-гивать**, **-кивать**, **-живать** — **ы** или **ъ** (редуцированным гласным) после велярного: «запугыва́тъ, запугъва́тъ; вспыхыва́тъ, вспыхъва́тъ» (*запугивать*, *вспыхивать*).

-ировать — **-ирую**: *стажирова́ть* — *стажирую*, *апеллирова́ть* —

¹ Лишь отдельные глаголы остаются вне этих отношений: *обязу́юсь* при *обязыва́ться*; архаич. *связа́ет*: «Издrevле сладостный союз Поэтов меж собой связа́ет. Они жрецы единых муз, Единый пламень их волнует» (Пушк.); устар. *противопоказу́ется* (запрещается при определённых болезнях) и под.

апеллирую¹. Ср. **-фицировать**: *газифицировать, электрифицировать, мистифицировать*; но *радиофицировать, теплофицировать*².

Эмоционально окрашенными выступают глагольные образования с приметой мгновенности **-ну-**, **-н(е)-**: *стукнуть — стукнет, пырнуть — пырнёт, крикнуть — крикнет* и под. Ещё резче эмоциональность выступает при **-ану-**, **-ан(е)-**: *долбануть, резануть* (иногда с добавочным оттенком «пробы»).

К эмоционально же окрашенным следует отнести образования на **-кать, -каю** со значением назойливого повторения: *нукать, эгекать, мамкать* (говорить надоевшее «мама»), *тявкать*. Чаще всего в таких случаях в корне являются междометия.

Из новообразований ср., напр.: «Потом, гармонь потуже подтянув к плечу, *ай акнет* Егор Иваныч к Митьке в гости» (Леон., «Барсуки»): междом. *айда!*

От прилагательных и существительных возможны образования на **-ича-ть, -нича-ть** со значением обыкновенно отрицательно окрашенного поведения: *кустарничать, подличать, нагличать, озорничать, повесничать*. В словах, обозначающих профессии, этот оттенок отсутствует: *токарничать, плотничать*.

9. ПРЕФИКСАЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

Префиксы имён существительных теснейшим образом связаны с префиксами глаголов. Как именные заслуживают упоминания только **па-**, **пра-** и менее продуктивный, чем, напр., в украинском, **су-**. Значения их те же: **па-** обозначает видоизменение, чаще снижение какого-либо свойства: *пасынок, падчерица, патока, памороз* — «поздний вешний мороз», реже ответвлённость, побочность: *патрубок* и под.; **пра-** — давность: *прадед, прародина* (в слове *правнук* под влиянием *прадед* внесено **пра-** не в обычном значении); **су-** сопровождающее свойство, примесь и под.: *сукровица; суглинок* — «почва с немалою примесью глины», *супесок* — «почва с большою примесью песку», *сумерки*; ср. и прилагательные: *супоросая* свинья, *суюгная* овца. Префиксы **па-** и **су-** встречаются в языке литературном сравнительно редко.

В основном характеризует имена прилагательные префикс **без-**: *безличный, безродный, бессильный*. Реже встречается он при именах существительных (при последних в таких случаях имеется обыкновенно и соответствующее прилагательное): *безразличие, бес-*

¹ О случаях колебания в литературном языке между **-ировать** и **-овать** см. Чернышёв. Правильность и чистота русской речи, изд. 3, § 45.

² По вопросу о распределении, параллелизме и возможном направлении отбора нормативных форм из образований на **-ировать** и **-овать** см. в статье акад. С. П. Обнорского — «Правильности и неправильности совр. русск. лит. языка». Изв. Акад. наук СССР. Отд. литер. и языка, III, вып. 6, 1944, стр. 237—238. Вряд ли верно, однако, мнение автора, предполагающего, хотя и с известными ограничениями, победу в дальнейшем форм на **-овать**: письменный язык в этом отношении явно идёт в противоположном направлении.

силые, безобразие; ещё реже случаи вроде: *бездорожье, бестолочь, бескормица*. Глагольные образования с этим префиксом сплошь производные от имён: *бездельничать* (ср. *бездельник*), *безобразничать* (ср. *безобразный*) и под.

Для прилагательных характерен заимствованный префикс превосходной степени *наи-*, который можно считать в настоящее время отмирающим. Держится он главным образом в формах *наилучший, наименьший*, где помогает отличить форму превосходной степени от сравнительной.

Всё более сокращается в употреблении и префикс *пре-*, несущий с собой налёт архаизации или шутки: *пренеприятный, препотешный*.

Из иностранных языков заимствованы префиксы *анти-, архи-, контр-, ультра-, экс-*, получающие всё большее распространение: *антиобщественный, архиплут, контрпредложение, ультраортодоксальный* и под. Ср.: «Тов. Луначарский говорит, что его исказили. Но тем более¹ резолюция архинеобходима» (Ленин, т. 31, изд. 4, стр. 292).

Заслуживает ещё внимания разговорно-бытовой префикс *раз-*, сильно окрашенный аффективностью. Он обладает продуктивностью и возможен ещё в сочетании с *про- (распро-)*. Ср.: «Мне ли, молодцу *Разудалому*, Зиму-зимскую жить за печкою?» (Кольц.). «Слыхали вы про остолопа, который не ест, не пьёт, никого не видит, ни с кем хлеба-соли не водит, а всё только *распостылую* свою жизнь бережёт?» (Салт.-Щедр.). «Привези ты сюда, *растакрой-такой*, Ты невесту свою *раскрасавицу*» (И. Рукавишников). «*Развесёлое* житьё». «Да будь он хоть *распрохитрец...*». «...Но только что получал жалованье, на другой же день являлся в класс *развесёлый*» (Писемск.). «На это Анфиса Петровна объявила, что они могут убираться на все стороны и что ей никаких постояльцев не требуется, будь то хоть *раззаграничные*» (Федин). «Мамочка, честное, понимаешь, *расчестное* слово, со мной ничего не случится», — и Никита целовал матушку в глаза, в щёки, в подбородок, в пахнувшие ягодами руки» (А. Н. Толст.).

Как и в остальных славянских языках, для префиксальных имён существительных сравнительно с глаголами во многих случаях характерна особая флексия основы: ср. *разбор, сбор* (разбирать, собирать), *раздор* (раздирать), *вызов* (вызывать), *надзор* (надзирать), *запор* (запирать), *приток* (притекать) и под. С течением времени влияние глагольных основ возросло: всё чаще префиксальные имена существительные образуются непосредственно от них: *призыв, зажим, почин, разрыв, припёк* (ср. *вызов* и под.).

Относительно немногочисленны примеры непрефиксальных образований подобного рода: *ток, бой, гной, вой, зов* и под.

Относительно же немногочисленны и производные с суффиксами от префиксальных основ данного типа (с флексией основы): *разборка, распорка* (к «распирать») и под.

¹ Курсив В. И. Ленина.

10. ОБ УДАРЕНИИ ПРЕФИКСОВ.

Прежде всего, русский литературный язык, за редкими исключениями¹, не имеет ударяемых префиксов прилагательных (о причастиях см. § 12). Во-вторых, в образованиях, принадлежащих к мужскому склонению, в русском ударяемость префикса — явление значительно более редкое, чем в украинском. Если выделить особо образования с архаическими префиксами *па-* и *су-*, чаще других носящими на себе ударение во всех типах: *па́сынок*, *па́волока*, *су́песок*, *су́глинок* и под., и префикс *вы-*: *вы́стрел*, *вы́пад*, *вы́крик*, то в бессуффиксных образованиях господствующим окажется тип с ударением корня (*проко́л*, *помо́л*, *пото́к*, *посе́в*, *приме́р*, *разли́в*, *разры́в* и т. п.).

Значительно реже встречаемся с ударением типа: *за́пах*, *по́вар*, *за́ворот*, *до́мысел* и под. Особняком стоят *заём*, но *за́йма* и *замо́к*, *замка́* (при другом ударении в заимствованном из польского *за́мок*).

Пристрастие к напрефиксному ударению обнаруживают образования с суффиксом *-ень*, род. п. *-ня*: *у́ровень*, *у́валень*, *при́хвостень*; *о́ползни*, *ро́звальни*.

Начальное ударение у имеющих суффикс *-ок*, род. пад. *-ка*, бывает не часто: *проле́сок* (но ср. *переле́сок*), *за́работок*, но: *доста́ток*, *убы́ток*, *пожы́тки*, *прила́вок*; *поплаво́к*, *помазо́к*.

Префиксальные образования женского склонения на *-а(-я)*, за редкими исключениями, восходящими обыкновенно к северным говорам, имеют ударение на корне.

К исключениям относятся: *прóсека*, *за́суха* (при *засу́ха*), *су́кровица*. Только в типе, утерявшем коренной редуцированный гласный звук, как и в украинском: *прóшева*, *подо́шва* (старин. *подъ-шьв-а*), *прóрва*, и в образованиях с *вы-* ударение лежит на префиксе: *вы́слуга*, *вы́плата*, *вы́веска*, *вы́бойка*.

Господствует напрефиксное ударение в образованиях женского склонения на согласный: *при́вязь*, *о́трасль*, *прóпасть*, *за́висть*, *не́нависть* (при устаревшем *ненáвисть*). С этим типом параллельны сложные слова: *ру́копись*, *жи́вопись*, *ко́новязь*, даже *иконопись*.

11. БЕССУФФИКСНЫЕ ОБРАЗОВАНИЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

Наряду с образованиями при помощи дополнительных примет положительных (суффиксов, префиксов и под.) в языке выступают такие, где формальная роль на фоне образований, сопровождающихся положительными приметами, принадлежит в большей мере отсутствию последних.

Из таких образований отметим:

¹ *Дошлый*, *пошлый*, *пришлый*; *затхлый* (из «задхлый»; корень — «лх»); *загородный*, *набожный*, *пристальный*, *приторный*, субстантивизированное — *набережная*.

Отглагольные существительные типа: *бег, ход, свист, шум*, чаще выступающие с префиксами: *поход, побег, полёт, помол*.

Многие из них конкретизируются: *поезд, взгляд, просвет, пролом* и под.

Этот тип составляет живой фонд русского языка и не вносит в речь той книжности, которая характерна для большинства образований на *-ание, -ение* и под. Ср., напр.: «В одном месте аисты, в другом — ворона, где чему *вод*» (Салт.-Щедр.). Родствен ему стилистически тип отглагольных или ощущающихся отглагольными существительных женского рода на *-а, -я*: *разлука, засуха, погоня*; непрефиксальные образования в последнем ещё реже: *страда, морока*.

Существительные женского склонения на мягкий или шипящий согласный, представляющие зачастую параллельные образования к суффиксальным словам: *глубь*, ср. «глубина»; *ширь*, ср. «ширина»; *высь*, ср. «вышина»; *удаль*, ср. «удальство»; *тишь*, ср. «тишина». Ср. ещё: *рань, просинь, муть, темь, даль*.

Этот род отглагольных и отприлагательных имён существительных несёт за собой ощущение особой свежести, часто — сгущённой эмоциональности. Последняя особенно характерна для собирательных, часто стоящих на границе употребления в роли синекдохи: «перекатная *голь*».

Язык поэзии, вообще говоря, несколько чуждающийся отвлечённых понятий книжного происхождения, охотно пользуется отглагольными существительными бессуффиксными; ср. хотя бы: «И эти прекрасные линии лба, И меткая *прищурь* прицельного взгляда» (Асеев, о Ленине), и в особенности образованиями типа *тишь* и под.; ср.: «И это небо голубое, И эта выпренная *тишь*» (Сологуб). «Этот народ был огромен. Пустынная *синь* и весь» (Асеев). «Безветренно ложится *тишь* На сердце и на поле» (Жаров). Ср. и «Сладко жениху предчувствовать собственной свадьбы угарную *пьянь*» (Леонов, «Барсуки»).

Отметим ещё любопытные собирательные этого рода: «Мир осинам, что, раскинув ветви, Загляделись в розовую *водь*» (Есенин). «Одна жёлтая *горбь*, и во всей красе тёплая тишина» (Тих.).

12. ПРИЧАСТИЯ (ГЛАГОЛЬНЫЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ).

Русский язык имеет большое разнообразие причастных форм. В большинстве они, однако, употребляются только в литературном языке, куда вошли из церковнославянского. Такими книжными формами являются причастия на *-щий, -мый* и *-ший(-вший)*¹.

¹ В тридцатых годах XIX века причастия прошедшего времени на *-ший (-вший)* ещё ощущались как церковнославянизмы. См. В. В. Виноградов. К истории лексики русского литературного языка, — Русск. речь, 1928, I, стр. 104—105.

Причастия действительного и среднего залога — на **-щий**, очень распространённые и употребительные в литературном языке, имеют более или менее чёткое значение настоящего времени. Образуются они только от основ настоящего времени (несовершенного вида) и практически получаются (если не считаться с ударением) отбрасыванием окончания **-т** третьего лица множественного числа правописных форм глаголов¹ и прибавлением характерного аффикса (**щ**) и флексии: знаю **-т** — *знаю-щий*, ходя-т — *ходя-щий*, прося-т — *прося-щий*, умираю-т — *умираю-щий* и под.

Как в основном причастия настоящего времени, формы на **-щий** не образуются от основ будущего времени (совершенного вида). С точки зрения литературной нормы ошибочными являются образования вроде «поймущий, пойдущий», проскальзывающие изредка у тех или других писателей. Ср.: «При этих словах Калиновичу невольно вспомнилась Настенька, обречённая жить в глуши и во всю жизнь, может быть, не *увидящая* ни балов, ни театров» (Писемск.).

Формы страдательных причастий на **-мый** употребляются значительно реже, чем формы на **-щий**. Они могут образоваться только от таких глаголов, которые управляют винительным падежом: *вводимый* — вводим (что), *уважаемый* — уважаем (кого), *отправляемый* — отправляем (кого). Отступления, вроде «обитаемый» (ср. «обитает», не управляющее винительным падежом), «угрожаемый», «управляемый», «руководимый», довольно редки. Ср.: «Кутузов через своего лазутчика получил 1 ноября известие, ставившее *командуемую* им армию почти в безвыходное положение» (Л. Толст.). Формы на **-мый** возможны только от основ несовершенного вида. Исходным и для них является значение настоящего времени.

Образуются формы на **-мый** практически от I лица мн. ч. глаголов на **-йэ-** (е после гласного) и **-и-** путём прибавления флексии: уважать — *уважаемый*, представлять — *представляемый*, хранить — *хранимый*, хвалить — *хвалимый*. В глаголах с основой на согласный к последней прибавляется аффикс **-ом-** и соответственные окончания: *несомый* (нес-у), *влекомый* (влек-у). Тип на **-омый** вообще архаичен и создаёт впечатление сугубой книжности. Ср. у Пушкина: «*Несомый* верными слугами, В качалке, бледен, недвижим, Страдая раной, Карл явился».

В типе на **-мый** причастная функция довольно легко переводится в функцию обыкновенного имени прилагательного (признак понимается как постоянный, управление творительным падежом утрачивается); ср. обычные выражения: *уважаемый человек*, *любимая женщина*, *незабываемое впечатление*.

Формы причастий прошедшего времени действительного (и среднего) залога на **-ший**, **-вший** одинаково образуются от инфинитив-

¹ Литературное произношение г. Москвы знает обыкновенно формы «ходют», «просют» и под. Причастия остаются в родстве со старыми формами, закреплёнными на письме, но, наряду с этим, произносят: «слышущий», «стоящий», «дышущий» и под.

ных основ несовершенного и совершенного вида¹. От основ на гласный форма звучит **-вший**, от основ на согласный — **-ший**: *призна-вший* (призна-ть, призна-л), *понес-вший* (понес-ти, понёс), *росший* (рос), *умерший* (умер), *взглянувший* (взгляну-л), *коловший* (коло-л). От глаголов, меняющих в инфинитиве **д**, **т** на **с** в словах большею частью целиком книжных, **д** и **т** в формах причастий на **-ший** сохраняются: *отцветший*, *приведший* и под. Сюда же относится и *шедший* (ср. *шёл* из старого *шь(ѡ)л*), инфинитива к которому нет. Но в словах более употребительных **д**, **т** опускается: форма образуется как бы непосредственно от прошедшего времени глагола: *кла-л* > *кла-вший*, *се-л* > *се-вший*, *укра-л* > *укра-вший*, *е-л* > *е-вший*, *упа-л* > *упа-вший* (ср. более книжное — *падший* с переносным, моральным значением). Литературная норма не вполне установилась: живые тенденции создают формы вроде «приобрёвший» и под. В письме держатся формы с **т**, **д**: *приобретший*, *забредший* и под².

К инфинитивам с приметой **-ну-** причастия на **-вший** образуются с **-ну-** или без него в соответствии с образованием форм прошедшего времени: *замёрзший* (ср. *замёрз*), *увядший* (ср. *увял*), *погрязший* (ср. *погряз*). Случай расхождения, вроде «исчез», но *исчезнувший*, редки.

Причастия прошедшего времени совершенного вида представляют распространённую и продуктивную категорию. В несовершенном виде их в некоторых функциях вытесняют причастия на **-щий**; ср.: «К восьми часам туман, *сливавшийся* с душистым дымом *шипящих* и *трещащих* на кострах сырых сучьев, начал подниматься

¹ Иначе — основ прошедшего времени глаголов. По отношению к инфинитивам на **-ере-ть** за основу по историческим основаниям следует принимать только **-ер-**(из **-ър-**): *отпёрший*, *умерший*.

² А. М. Горький причастия на **-вший** считает вообще незстетичными («Лит. учёба», 1930, № 1, стр. 46). Подобная приведённой им мотивировка встречалась уже у А. И. Тургенева, исправившего Вяземскому «посвятившись» на «посвятив себя». В стихах не одобряет Горький и причастий на **-щий**: «щей» в стихах — не люблю, так же как и «вшей» и «ужей» (там же, стр. 56).

В причастиях прошедшего времени на **-ший**, имеющих в корне подударное **е**, оно произносится в одних словах как **ѐ**, в других — как **ё** и **е**, в третьих — только как **е**. То или другое произношение зависит от степени влиятельности по отношению к форме причастия соответствующих форм прошедшего времени глагола и от того, в какой мере данное причастие стало разговорным. Формы причастий типа *затёрший*, *замёрзший* произносятся только с **ѐ**, так как все формы прошедшего времени соответствующих глаголов звучат с **ѐ**: *затёр*, *затёрла*, *затёрло*, *затёрли*; *замёрз*, *замёрзла*, *замёрзло*, *замёрзли* и соответствующие понятия принадлежат к употребительным. Причастия *несший*, *везший*, *изрекий* звучат с **е** и **ѐ**; ср. глаголы: муж. род. *нёс*, *вёз*, *изрёк*, при остальных формах — *несла*, *неслаб...*, *везла*, *везлаб...*, *изрекла*, *изреклоб*. Причастия с конечным согласным корня **д** — *пришедший*, *приведший* — употребляются обычно только с **е** (*привёдший*, впрочем, изредка встречается); ср. выпадение **д** в формах прошедшего времени глагола *пришёл*, *привёл* и вследствие этого — ослабление звуковой ассоциированности с причастиями прош. вр. В *умерший* (прош. вр. глагола *умер*, *умерла...*) литературного произношения с **ѐ** нет вовсе.

кверху» (Л. Толст.). «Полторацкий уже возвращался к Воронцову, когда увидал сзади себя *догоняющих* его верховых» (Л. Толст.).

Форм сослагательного наклонения, параллельных глаголам, причастия не имеют. Образованные при помощи частицы **бы** такие формы, главным образом у **Г о г о л я**, следует рассматривать как погрешность против литературного русского языка: «Старый Тарас думал о давнем: перед ним проходила его молодость, его лета, его протекшие лета, о которых всегда плачет казак, *желавший бы*, чтобы вся жизнь его была молодость» (Гог.).

Из поздних примеров ср.: «Устранение Бирилёва с должности начальника дивизиона, в другое время *вызвавшее б* громоподобное впечатление, прошло теперь почти незамеченным» (Мальшк.).

Причастия **страдательного залога прошедшего времени** — живая категория. Образуются они от инфинитивных основ глаголов, управляющих винительным падежом, главным образом совершенного вида. Типы их образований следующие:

1. Примету **-нн(ый)** имеют односложные, двусложные и многосложные основы на гласный **а(я)**: *данный, посланный, осмеянный, написанный, разобранный, разорванный*¹; на **е** — слова: *просмотренный, виденный, увиденный*.

2. Примету **-енн(ый)** находим у глаголов с основой на согласные звуки: *заплетённый, приведённый, заметённый, запечённый, привезённый*². При этом **г** и **к** подвергаются обычной своей мене в **ж** и **ч**: *сбережённный* (сберег-у), *запечённный* (запек-у). Так как у этого типа глаголов основа инфинитива и настоящего времени совпадает, если не считать вторичных фонетических изменений согласных в форме инфинитива: *пек-ти* → *печь*, *берег-ти* → *беречь* и под.³, то этим открыта возможность в редких случаях расхождения производить соответственную форму от основы настоящего (будущего) времени: *зажжённный* (ср. *зажечь*, но *зажгу*), *прочтённный* (*прочесть*, но *прочту*).

Далее эта же примета **-енн(ый)** характеризует глаголы с инфинитивами на **-и(ть)**, причём вместо **и** выступает **е**, изменяющее предшествующие **с** — на **ш**, **з** — на **ж**, **т** — на **ч**, **д** — на **ж**, **ст** — на **щ**, **зд** — на долгое мягкое **ж** (орфография здесь расходится с произношением — пишется **жж** или **жд**), при губных получается мягкое **л**, т. е. выступают те же изменения, что и в I лице ед. ч. настоящего времени или будущего совершенного вида: *покрасить* — *покрашеннный*, *схватить* — *схваченнный*, *разбудить* — *разбуженнный*, *исходить* — *исхоженнный*, *впустить* — *впущеннный*, *угостить* — *уго-*

¹ Надо заметить, что формы на **-анн(ый)** (**ан**) к префиксальным глаголам несоверш. вида теперь не образуются; ср.: *придавать, поучать, посылать, посыпать* и под.

² Поэтому *разгрызенный* и под. (а не «разгрызанный»).

Неправильно образованным является установившееся в литературном языке *настоянный* (к *настоять*).

³ См. в главе II.

щённый, *изъездить* — *изъезженный*, *избороздить* — *изборозждённый*, *прославить* — *прославленный*.

Изредка встречаются установившиеся отклонения: *пронзённый* (ср. у Пушкина — «Паду ли я, стрелой *пронзённый*...»), *клеймённый* («Вставай, проклятем *заклеймённый* Весь мир голодных и рабов!» — «Интернационал»); у Некрасова — «Колодник *клеймённый*» («Русские женщины»); «И знаком долга и печали Никто не *заклеймён*» (Блок). В первом случае образование восходит к вышедшему из употребления глаголу «пронзу»; во втором, — повидимому, проявилась тенденция к диссимиляции двух л.

В ряде образований этого рода очень обычны церковнославянизмы с переходом *т в щ, д — в жд*: *освещённый* (осветить), *возбуждённый* (возбудить), *убеждённый* (убедить) и под.

Кроме перечисленных больших групп, формы на *-енн(ый)* с упомянутой приметой согласных образуются ещё от «(на)сидеть», «(за)вертеть», «обидеть»: *насиженный*, *заверченный*, *обиженный*¹.

3. Примета *-т(ый)* характерна для образований от инфинитивов на гласный корня (кроме *а*): *битый*, *покрытый*, *надутый*, *надетый*, *заколотый*, *распоротый* (сюда же относятся *принятый*, *взятый* и под., у которых корень оканчивается на *а* с предшествующей мягкостью; а также *начатый*, *прижатый* и под. с *а* после шипящих). На *-т(ый)* же оканчиваются причастия, образованные от инфинитивов на *-ну-ть*: *протянутый*, *упомянутый*, *оттолкнутый*².

К инфинитивам на *-ереть* причастия образуются без второго *е*: *запертый*, *затёртый*.

От *(про)клясть* причастие страдат. залога — *(про)клятый*.

При всех страдательных формах существуют соответственные краткие — типа *освещён*, *обижен*, *побит*, *упомянут* (*освещена*, *обижена* и т. д.); ср. и причастия настоящего времени: *ведом*, *несом*; последние устарели и малоупотребительны: «Направленная Наполеоном атака на наш левый фланг *была* несколько раз *отбиваема*» (Л. Толст.). «...И всё это *было* приносимо и, как водится, *съедаемо*» (Гоголь).

13. УДАРЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ.

Ударение причастий на *-щий, -щая, -щее* совпадает в классах с приметой *-е-* с ударением 2 лица настоящего времени соответственных глаголов, а в классе с приметой *-и-* — с ударением 1 лица: *знаёшь* — *знающий*, *несёшь* — *несущий*, *тнёшь* — *тнущий*, *пйшешь* — *пйшущий*, *ббрешься* — *ббрющийся*; *прошú* — *просящий*, *ста́влю* — *ста́вляющий*, *сижú* — *сидящий*, *вишú* — *висящий*, *зави́шу* — *зави́сящий*, *терплú* — *терпящий*.

¹ В произношении долгое (удвоенное) *н* в настоящее время отмечается особенно в случаях, если предшествующий гласный носит на себе ударение: *оскорблённый*, *изумлённый*, *убеждённый*, *обетованный*, т. е. главным образом в формах определённо книжного или церковнославянского происхождения.

² К *спеленать* образование от другой основы — *спелёнутый*.

Отступления немногочисленны: при «можешь» причастие звучит *могущий*; к некоторым глаголам класса *-и-* образуются причастия с ударением 2 лица и т. д.: *давящий* (*давящий* обыкновенно имеет значение прилагательного), *любящий*, *рубящий*, *травящий*; из образований с корнем, не оканчивающимся на губной согласный, — *дразнящий* (*дразнящий* получило значение прилагательного), *дышащий*, *служащий*, *хвалящий*.

Причастия настоящего времени страдательного залога подчиняются тем же правилам, что и формы на *-щий*: читаешь — *читаемый*, несёшь — *несомый*, прошу — *просимый*, ставлю — *ставимый*, но проводят их с ещё большей последовательностью: *любимый*, *хвалимый* и под.

В причастиях прошедшего времени действительного залога (на *-ший*, *-шая*, *-шее*, *-вший*, *-вшая*, *-вшее*) проводится ударение соответственных инфинитивов: тонуть — *тонувший*, болтать — *болтавший*, делать — *делавший*, хвалить — *хваливший*, плавить — *плавивший*, прибыть — *прибывший*, прожить — *проживший*, подать — *подавший*, пропить — *пропивший*. Особо отметим *умерший*, ср.: «...Разбойника морского, Горячкой в ту же ночь *умершего* в тюрьме...» (Пушк.); «...То звук могилы над землёй, *Умершим* — весть, живым — укор...» (Лерм.); но *заперший* и (редко) *запёрший*.

Причастия прошедшего времени страдательного залога. В нечленных (кратких) формах на *-т*, *-та*, *-то* ударение подвижно у тех самых образований, которые имеют ударение окончания женского рода в прошедшем времени глагола: прожила — *прожита*, заперла — *заперта*, облила — *облита*, начала — *начата*. Соответственные формы мужского и среднего рода и множественного числа звучат: *прожит*, *прожито*, *прожиты*; *заперт*, *заперто*, *заперты*¹; *облит*, *облито*, *облиты*; *начат*, *начато*, *начаты*.

Под влиянием инфинитивов нередко наблюдается уклонение в сторону ударения корня: «Много песен было спето, Много слёз *пролито* мной» (Дрожжин). «И, серебром *облиты* лунным, Деревья мимо нас летят» (Фет). Особенно распространено последнее ударение при префиксе *пере-*: «Или то, что *перезито*, Как мертвец, к стенам глухо...?» (А. Григорьев). «Как мало *прожито*, как много *перезито*» (Надсон).

Членные формы на *-тый*, *-тая*, *-тое* (*-той...*) представляют относительно ударения довольно неустойчивую группу: мы встречаем все три возможных типа ударения, напр.: *пролитый*, *пролитый* и *пролитой*; последнее — наиболее редко.

Ср. у писателей: «И кудри, плющем *увитые...*» (Пушк.). «И ладаном мы, и струнами Почтим охранявших Нумиду богов, И кровью, *пролитой* тельцами...» (Фет). «...*Облитой* острым, сладким ядом...» (Блок). «Ярким солнцем *залитая*, Шла ты яркою стезёй» (Блок). «И дерзко бросить им в глаза железный стих, *Облитый* горечью и злостью» (Лерм.). «Стоял обрубок, *залитой*

¹ Но *припёрт* (*припёр*).

смолою» (Фет). «Он сползся в московскую котловину... Тугою бедой *налитой*» (Асеев). «Как молоком *облитые*, Стоят сады вишнёвые (Некр.). «...Стихи мои! Свидетели живые За мир *пролитых* слёз!» (Некр.). «И тесного, тихого круга Не раз *долитой* самовар» (Фет). «Душа как чаша *налитая*, Полна тобою до краёв» (М. Шагинян). «Ты начал жизнь весенним ясным утром В счастливой, солнцем *залитой* стране» (Железнов). «И сойдёшь ты в могилу... герой, Втихомолку *проклятый* отчизною...» (Некр.). «Я пою обиды и страданья Поколенья, *проклятого* богом (П. Я.). «Всё *проклятое* в цвете лет Я предал полному забвенью» (Полонск.).

К формам типа *колот*, *кобота*, *колото*, *заколот*, *заколота* образуются членные формы с тем же местом ударения: *поротый*, *молотый*, *заколотый*.

Формы типа *согнут* (ср. инфинитив «согн^уть»), *замкнут*, *заткнут*, *затолкнут*, *воткнут* сохраняют это же место ударения в членных: *согнутый*, *замкнутый* и т. д.—«Открой *сомкнуты* негой взоры» (Пушк.); «По котомке на спинах *согнутых*» (Некр.); «Я тяжёл и немой и *согнутый*» (Анненский); «Белые бродят овечки, Круто *загнут* посошок» (Блок) — стареющие ударения.

Причастия на *-н*, *-на*, *-но* к инфинитивам типа *изб^рать*, *загн^ать* — односложным теперь осн^евам на *а* (в прошлом — двусложным с выпавшим в корне редуцированным гласным: *б^рати*, *г^нати*)—имеют сплошь ударение на префиксах: *избран*, *отслан*, *сожран*, *взрван*, *наврано*, *согнано*.

В единственном числе женского рода ударение переносится на окончание: *избранá*, *сорванá*, *узнанá*, *посланá* и под. Но при двусложных префиксах оно сохраняется на префиксе: *перёрвана*, *отбрвана*, *перёслана* и под. В разговорном языке, отчасти под влиянием последних, отчасти под влиянием остальных форм тех же слов всё чаще правило переноса на окончание в единственном числе женского рода не соблюдается; особенно это относится к словам, у которых в формах прошедшего времени ударение неподвижно: *узнáла*, *послáла*: *узнана*, *послана* (вм. *узнанá*, *посланá*).

Кроме немногих слов корня *да-* («дать») вроде: «В удел *отданý* ему скалы» (Верес.), теперь не встречаются конечные ударения окончания множественного числа, нередкие, под влиянием форм ед. числа женского рода, в первой половине и отчасти в третьей четверти XIX века: «Исполнен и приказ: все звери *созванý*. На сходке глоса чин-чином *собранý*...» (Крыл.). «По повелению другому, Как будто к празднику большому, Её чертоги *убранý*» (Барат.)

У архаизирующих поэтов встречаются примеры с ударением инфинитива: «*Убраны* стены янтарями»; «К делам правления *призван* Лишь он один из христиан Порабощённого Дамаска» (А. К. Толст., «Иоанн Дамаскин»).

Соответственные членные формы совпадают по месту ударения с нечленными: *избранный*, *призванный*, *сбранный*.

У Пушк и на при *избран* последовательно «избрáнный» (ср. Будде, III, 169), форма, повидимому, чисто книжная (церковно-

славянизм). Ср. у Л е р м о н т о в а: «И труп, от праведных *изгнанный...*»; у А. К. Т о л с т о г о: «И разметала сад, тщеславием *убранный*»; у М а й к о в а: «Помоной щедрою *убранные* поля»; у Ф е т а: «Из них одной, *избранной* мною, Навстречу пристально гляжу».

Таким же устарелым, но принятым книжным является: «На рубеже земли *обетованной*» (Фет).

К инфинитивам на *-овать, -евать* образуются причастия с ударением *-ован, -ована, -ованный, -ованная, -ёван, -ёвана, ёванный: оснóван, оснóвана, оснóванный, оснóванная; бичёван, бичёвана, бичёванный, бичёванная; задрапирован, задрапирована.*

Это же наблюдается и у тех форм, где *-ов, -ев-* входит в состав корня: ковать — *кóван, кóвана, закóванный, закóванная; жевать — жёван, жёвана, жёванный, жёванная.*

Подобный перенос свойствен также причастиям от глаголов на *-аю, -аешь* в настоящем-будущем: испытáю — *испытáн, испытáнный*; истерзáю — *истерзán, истерзанный*, и типу *-ать: -е-* (с изменением *с в ш, з — в ж* и под.): причесáть, причешú — *причёсан, причёсанный, привязáть, привязú — привязán, привязанный.*

Причастия на *-ен, -ена, -ено* обыкновенно в классе *-е-* имеют ударения, параллельные прошедшему времени глагола (женск. и средн. рода), причём если в мужском роде имеем *-ён*, то в остальных формах ударение падает на конец слова: приобрелá — *приобретён, приобретена, приобретено*; запряглá — *запряжён, запряжена*; укрáла — *украден, украдена*; иссékла — *иссечен, иссечена*. Ср.: «...Кнутом *иссеченную* музу» (Некр.). «...Где в волны кинут мол И волноломами *иссечен*» (Тихон.). Членные формы соответственно выступают в виде: *приобретённый, приобретённая, приобретённое; запряжённый, запряжённая, запряжённое* и под.

Довольно широко распространены ударения типа «приобрéтен, приобрéтена, приобрéтенный, запря́жен, запря́женный». Это формы нелитературные. Ср. правильные: «Давно в страну изгнания он, Молва народная вещает, В кибитке крытой *привезён*» (Рылеев). «...Как их писали в мощны годы, Как было встарь *заведенó*» (Пушк.). «...Ещё с утра *принесенó* В больших трёх ящиках вино» (Лерм.). «...Мосты, *снесённые* грозой, Обломки хижин, брёвны, кровли... Плывут по городу!» (Пушк.). «Последний сноп *свезён* с нагих полей» (Фет). «С тех пор, как дева молодая К нему на суд *приведена́*» (Надсон). «Пара гнедых, *запряжённых* с зарёю...» (Апухт.). «Мы были гребень волны *взнесённой*» (Брюс.). «И снится ей жаркое лето — Не вся ещё рожь *свезена́...*» (Некр.). «Без этого ни одного романа Не обойдётся: так *заведенó*» (Пушк.). «В строфы виденье навек *вплетенó*» (Брюс.). «Вот он, Кем наши враги *сметены́*, Вот он, Чьим сердцем и волей Полны Фабрики, Шахты, Колхозы и домны» (Асеев). «Сквозь жгучие жатвы по льдинам седым Каким колдовством *занесён?* (Тих.). «Олемя, ветви рвущего, Что нёс во мраке выгнутом *Сведённых* глаз разбег...» (Тих.). Как отступление

можно указать: «Савраска, *запряжённый* в сани, Понуро стоял у ворот» (Некр.), — тип, являющийся в результате сильного влияния инфинитивов.

Особо следует отметить: *найден*, *найденный*, *пройден*, *пройденный*. Теперь почти вышли из употребления ударения: «Так я *найде́н* и поднят был...» (Лерм.). «*Найде́н* твой перстень драгоценный, Огромной рыбой поглощенный» (Жуковск.). «Зачем же вы назад глядите На путь *пройде́нный*?» (А. Одоевск.). Но только: непревзойде́нный.

Формы на *-ен* к инфинитивам с приметой *-и-* обыкновенно имеют ударение 2 лица настоящего-будущего времени: *поставишь* — *поставле́н*; *отправишь* — *отправле́н*; *уловишь* — *улове́н*; *оградишь* — *огражде́н*; *покорíšь* — *покорё́н*. Так как, однако, ударение в этом классе довольно неустойчиво, а в ряде глаголов оно изменилось, в причастиях имеем многочисленные отклонения.

При наличии ударений *клеишь*, *наклеишь* и *клеишь*, *наклеишь* страдательное причастие имеет ударение только в соответствии последнему; обычное теперь ударение — *де́лишь*, *разде́лишь*, но ударение причастия соответствует архаическим *делишь*, *заменя́шь*. Нарушения соответствий формам настоящего-будущего времени изъявительного наклонения встречаются уже в первой половине XIX века.

В страдательных причастиях прош. вр. с инфинитивами на *-е-* ударение оттягивается: *велеть* — *веле́но*, *наседеть* — *насе́жено*, *вертеть* — *верче́но*. То же имеем и в глаголах этого класса с переходом *е* (из бывшего «ятя») после *й* и шипящих в *а*: *настоять* — *насто́ян*, *задержать* — *заде́ржан* и под.

Если мужской род имеет ударение на конце, то в остальных формах ударение падает на конечные гласные: *покоренá*, *покоренó*, *покорены́*; *огражде́на*, *огражде́но*, *огражде́ны*.

Членные причастия звучат соответственно инфинитивам: *поставленный*, *отправленный*; *огражде́нный*, *покорённый* и т. п.

В причастии к глаголу класса *-и-* (при инфинитиве приметы *-е-*) *сиди́шь* с префиксами — ударение отличается от будущего времени: *насе́женный*, *просе́женный*.

Специально заметим ударение *уни́женный*; ср. название романа Достоевского — «Уни́женные и оскорблённые»; у поэтов: «Родов *уни́женных* обломков» (Пушк.). «Иди к *уни́женным*, иди к оби́женным По их стопам» (Некр.). «Найде́м мы *уни́женных* скорбных мужей...» (Некр.). «В душе *уни́женной*, покорной и немой» (Голен.-Кутуз.). *Уни́женный* имеет значение «кроткий, смиренный, покорный».

Примечание. Произведённые от причастий прилагательные нередко имеют ударение, отступающее от них; ср.: *хвалёный* («Так вот *хвалёный* ум его И к смерти гордое презренье!» — П. Я.), *пилёный сахар*, *уни́женная просьба*.

14. ЗАЛОГОВЫЕ ФОРМЫ НА -СЯ (-СЬ).

Приметой залога в русском языке является прибавление окончания **-ся** (после гласных **-сь**) к формам глагола, инфинитива и только **-ся** к причастиям на **-щий, -ший, вший**; ср.: бить — *биться*, бью — *бьюсь, бьющийся, бившийся*; утомить — *утомиться, утомившийся*, утомляю — *утомляюсь, утомляющийся*.

В причастиях залоговое значение обозначается также суффиксальной приметой; так, только страдательные значения принадлежат причастиям на **-мый, -нный, -тый** (см. § 12).

Формы на **-ся** исключают в русском языке возможность для глагола или соответственных форм инфинитива и причастий управлять винительным падежом¹; ср. *бьёт* — *кого-нибудь*, но *бьётся* — *с кем-нибудь*; *продаёт* — *что-нибудь* в значении винительного падежа (муку и под.), но *продаётся* — *что-нибудь* в значении именительного (мука и под.). Значение, вносимое в глаголы или в глагольные формы аффиксом **-ся**, не отделяющимся от соответственных форм, в существенном — залоговое, т. е. модифицирующее фактические или грамматические отношения между субъектом действия, действием и его объектом: *бить* и *биться* указывают, напр., на разное участие субъекта действия. При *бить* предполагается, что кто-то бьёт кого-то, сам не подвергаясь его ударам, при *биться* с кем-нибудь — кто-то бьёт кого-то, но и сам может получать удары. *Отапливает* кто-то известный предмет (комнату); *отапливается* комната (фактический объект действия даётся в форме субъекта — именительного падежа, а фактический субъект — в творительном падеже — «квартирантами»).

Но, будучи по преимуществу залоговыми, значения, вносимые аффиксом **-ся (-сь)**, во-первых, не имеют полной определённости, во-вторых, могут сопровождаться рядом добавочных — вплоть до радикального изменения самого материального значения глагола. Аффикс **-ся** означает по сути только, что глагол не управляет, если он переходный, винительным падежом и что слово приобрело новый залоговый оттенок, которых может быть, однако, очень большое количество, а иногда и просто изменило своё значение. Между *плести* и *плестись* («Путник устало *плетётся* по каменистой дороге»), между *торговать* и *торговаться* (тот, кто торгуется, может вовсе не быть торговцем), между *рвать* и *рваться* в значении «стремиться, домогаться», *возить* и *возиться* — разница не только формальная, но и материальная.

Важнейшие видоизменения значений, вызываемые аффиксом **-ся**, следующие:

¹ Единственные возможные исключения — *бояться* и под., *слушаться* с вин. падежом: «Она просто начинала *побаиваться* Любашу» (Бобор., Китай-город). «Мать *боялась* Серёгу и, когда он заходил в избу, пряталась в чулан» (Гладков, Повесть о детстве). «...в то самое время, как *Митеньку* она [мать] *боялась*» (Салт.-Щедр.). «*Побаиваясь* дяденьку... Никс тихо говорит...» (Станюкович).

Значение **страдательное**: «Работа *писалась* им спешно, но любовно». «Вещи эти *приобретались* скупщиками по дешёвой цене». «Дом этот *строился* архитектором N в 1888 году». Образование форм страдательного залога с **-ся, -сь** ограничено такими правилами: они образуются обычно в 3 лице; от глаголов совершенного вида употребляется только будущее время¹. Формы страдательного залога книжны, но и в книге не всегда являются признаком хорошего слога. Живой колорит принадлежит им только в фразах без творительного падежа лица или со значением постоянного времени: *Работа пишется любовно. Покупается всё это дёшево. Дом строится уже второй год* и под. Ср. ещё: «Здесь помещик Фёдор Григорьевич один ничего не делает, а пользы получает больше всех, да и то он её не делает, она как-то *сама делается* ему» (Герцен).

Значение **возвратное**: объект действия тот же, что и субъект, — *моется, одевается, бреется*.

Только в этой группе формы на **-ся** совпадают по значению с исходными, где **-ся** равнялось «себя».

Значение **активно-безобъектное**: действие может или должно распространяться на известные объекты, но последние только предполагаются и названными не бывают: *ругается, бодается, кусается, дерётся*.

Значение **взаимное**: *бьётся* с кем-нибудь, *встречается, целуется*. Но ср.: «*бьётся*, как рыба об лёд» — значение активно-безобъектное.

Значение **внутреннего переживания**: *сердится, обижается*.

Значение **безличности** с оттенком «наплынности» действия или состояния: *хочется, не пишется* — «С вечера всё *спится*» (Фет) и под. Этот тип образований в русском языке неограниченно продуктивен, особенно в сочетании с отрицанием «не»: «Песни, где *приселось*, — там и пел» (Случ., «Бандурист»). «Не могу больше... *не бежится* уже, — задыхаясь сказала Настя и бессильно осела на траву» (Леон.). «Подсолнух — с шапкой набекрень — Стоит и улыбаётся: «Егор Савельич, добрый день, Ну каково *шагается?*!» (Недогонов).

Данные значения отнюдь не резко отделены одно от другого и часто друг с другом только соприкасаются: напр., фразы: «Дом *красится* в зелёную краску» и «Он сед, но *красится*» имеют: в первом случае «красится» со значением **страдательным**, во втором — **возвратным**. Во фразе: «Этот пьяница всё время *ругается*» «ругается» употреблено в **активно-безобъектном** зна-

¹ Фразы, напр.: «И вот, только что *написалось* (т. е. переписалось из славянофилов), на следующей же странице г. Авсеенко сообщает...» (Дост.); «Когда *напечатался* твой роман, ты ни умнее стал, ни лучше» (Писемск.). — «Этот разговор *поддержался*, так как говорилось намёками именно о том, чего нельзя было говорить в этой гостиной, то-есть об отношениях Тушкевича к хозяйке» (Л. Толст.), — следует отнести к устарелому слогу.

чении; во фразе же «Соседи ругаются друг с другом» перед нами пример значения **в з а и м н о г о**.

Иногда от значения зависит объём употребительности формы; так, «кинулся» может иметь только **в о з в р а т н о е** значение, а «кидается» — и **в о з в р а т н о е** и **с т р а д а т е л ь н о е**: «Красноармеец *кинулся* в атаку», «...*кидается*...»; но, хотя допустимо: «Мяч в этих случаях *кидается* в сторону», нельзя сказать «...*кинулся*...».

Мало самостоятельны, но близки к значениям внутреннего переживания залоговые оттенки в значении **з а и н т е р е с о в а н н о - д л и т е л ь н о - у с и л и т е л ь н о м**: *стучится, просится*.

Залоговое значение не принадлежит аффиксу **-ся**, когда он служит приметой не вполне чёткого проявления состояния: *белеется* (ср. *белеет*), *синеется* (ср. *синеет*), и при глаголах, не имеющих рядом с собою форм без **-ся**: *ленится, боится* и под.

В префиксальных образованиях, не имеющих рядом с собою глаголов без **-ся**, **-ся** придаёт оттенок усиленной заинтересованности, удовлетворённости, напряжённости и под.: *наигрался*¹, *расшумелся, засиживается* и под.

15. ПРИМЕТЫ ВИДОВ.

Формально в русском языке различаются чётко два вида: **с о в е р ш е н н ы й** и **н е с о в е р ш е н н ы й**.

Этому различию соответствуют две основные приметы: 1) совершенный вид образует только прошедшее и будущее время; несовершенный — также и настоящее; 2) будущее время совершенного вида — цельная форма; будущее время несовершенного вида — аналитическая. Ср.: *вижу, видел, буду видеть; варю, варил, буду варить* (несоверш. вид.) и *увидел, увижу, сварил, сварю* (совершенный вид).

Примечание. Употребление форм будущего времени совершенного вида в значении настоящего ограничено некоторыми специальными случаями. Это бывает при воспоминании о прошлом в значении «бывало иногда...»; ср.: «Проворно каждый *подбежит* И мне трескучих звёзд в лицо пригоршню *бросит*» (Фет, «Талисман»); при картинах внезапности, удивительности и под.: «Когда..., спрянув с верного коня, В горах пустынных запоздалый, К нему *войдёт* пришлец усталый И робко *сядет* у огня...» (Пушкин, «Кавказский пленник»); в случаях отрицания возможного действия: «А он словечка не *проронит*» и под. — подробнее — в «Синтаксисе» стр. 276—277.

Важнейшие приёмы, которые употребляются в русском языке для различения видов, следующие:

1. **П р е ф и к с а ц и я**. Простой глагол (и формы, входящие в систему глагола), получая префикс и приобретая вместе с тем

¹ Глагол «играться», распространённый в русском языке на Украине, в литературном русском языке может употребляться только в значениях **с т р а д а т е л ь н о м** и **б е з л и ч н о м**: «эта роль *играется* Надеждиной»; «Хотел поиграть в мяч, да как-то *не игралось*».

обыкновенно новый материальный оттенок значения, тем самым обычно меняет и несовершенный вид на совершенный: кручу — *закручу, прикручу*; хочу — *захочу*; вижу — *увиджу, увижу*. Нейтральнее других в смысле добавочного материального значения префикс *по-*, вносящий большею частью одну видовую перемену: прошу — *попрошу*; кручу — *покручу*; несу — *понесу*. Иногда он переводит в совершенный вид даже формы несовершенного вида префиксальных образований: *попрокучивать, повыскивать, попроигрывать* и под.

Продуктивными префиксами являются в русском: *в-, вз-, вы-, до-, за-, из-, на-, над-, о- (об-, обо-), от-, пере-, по-, под-, про-, раз-, с-, у-*, но на вид влияют и непродуктивные, сплошь являющиеся церковнославянскими *воз-, низ-, пре-, пред-*.

2. Суффиксы: *-ну-*, вносящий обыкновенно в глагольные формы активного характера значение совершенного вида¹, и притом однократного (мгновенного); ср.: *чёркать* и *черкнуть*, *рывать* и *рвать*, *мазать* и *мазнуть*; *-ва-, -ыва- (-ива-)*, переводящие совершенный вид префиксальных образований в несовершенный: *выплыть* — *выплывать*; *запить* — *запивать*; *засушить* — *засушивать*; *распилить* — *распиливать*; *замазать* — *замазывать*; *выписать* — *выписывать*; *-я (-а)*, при помощи которого часто глаголы, особенно с ударением на *и* в будущем времени или инфинитиве, переводятся в несовершенный вид: *устремить* — *устремлять*; *объявить* — *объявлять*; *заставить* — *заставлять*; *украшить* — *украшать*.

3. Мена коренного гласного *о* на *а*. Выступает она как добавочный признак при образованиях с *-ыва-, -ива-*. В глагольные формы непрефиксальные она вместе с последними суффиксами вносит значение так называемого «многократного» вида (см. точнее ниже): *ходил* — *хаживал*, *носил* — *нашивал*, *говорил* — *говаривал*; в глагольных формах префиксальных служит добавочным признаком несовершенного вида вообще: *распорол* — *распарывал, распарывает*; *спросить* — *спрашивать*; *износил* — *изнашивал, изнашивает*. В русском литературном языке этот способ всё более ширится; ср., напр., у Ф. М. Достоевского: «Я говорю это старым теоретикам, никогда не удостоивавшим... вникнуть в русскую жизнь...», «То, что она видит и встречает, ... удваивает её энергию» и под. Теперь чаще *удостаивать, удваивать* и под. Я. К. Грот, Русское правопис., изд. 13, 1898, стр. XXXV, даёт только *усвоивать*, но при *успокаивать* замечает: «Многие говорят *успокаивать*». Признавая здесь колебание литературного языка,

¹ Ср. глаголы с пассивным значением, сохраняющие значение несовершенного вида: *глохнуть, мокнуть*. Из активных сюда относится ещё *тянуть*.

С приметой — активность или пассивность значения — рядом идёт другая: совершенный вид на *-ну-* имеет обыкновенно параллельно с собою формы на *-а(ть)*: *охать* и *охнуть, кидать* и *кинуть*; несовершенный вид непроемких параллельных не имеет.

он, однако, находит вовсе недопустимыми изменения **о в а** в словах *озабочивать, рассрочивать, уполномочивать*.

4. Появление гласных **ы** или **и** в корнях, где гласный звук выпал, вносит в префиксальные образования на **-а(ть)** значение удлинённой степени длительности: спал — *засыпал*, брал — *забирал*, рвал — *вырывал*. Подобный же характер имеют чередования: мять — *разминать*, жать — *сжимать*. По отношению к префиксальным ср.: начать — *начинать*, умереть — *умирать*, занять — *занимать*; ср. ещё: *отдыхать* — отдохнуть (с выпавшим гласным — укр. *тхнути* «пахнуть»), *затыкать* — заткнуть, *закрывать* — замкнуть.

5. Заслуживает ещё внимания как добавочный признак фонетическая мена согласных перед **-ива-** и в образованиях **-я(ть), -а(ть)** от глаголов с приметой **-и-**. Д меняется на ж, т — на ч, з — на ж, с — на ш: погладить — *поглаживать*, ходить — *похаживать*, крутить — *покручивать*, шутить — *пошучивать*, зарядить — *заряжать*, обидеть — *обижать*, унижить — *унижать*, оросить — *орошать*, вкусить — *вкушать*; губные получают при себе мягкое л: лепить — *налеплять*, осуществить — *осуществлять*, очерствить — *очерствлять*. В образованиях, так или иначе восходящих к церковнославянскому, т меняется на щ, д — на жд: осветить — *освещать*, возвратить — *возвращать*, предупредить — *предупреждать*, угодить — *угождать*¹.

6. Видовое различие принадлежит основам нескольких употребительных глаголов: *нести* (в определённый момент времени) — *носить* (вообще), *везти* — *возить*, *вести* — *водить*, *брести* — *бродить*, *лезть* — *лазить*, *лететь* — *летать*. Префиксация безусловно переводит такие основы со значением определённости в совершенный вид: *принести*, *занести*, *привести*, *довезти* и под. Что касается имеющих неопределённо-видовое значение, то с одними префиксами они приобретают значение совершенного вида, с другими — сохраняют значение несовершенного, а чаще — образуют оба вида с разным смыслом в соответствующем образовании: *приносить* — несовершенного вида, *поносить* — в значении «носить» и «закончить несение» — совершенного вида, в значении «бранить» — несовершенного, *доносить* — в значении «доставить несение до какого-то предела» — совершенного вида, в значении «доводить до сведения» — несовершенного вида и под.

Особое место занимают *ползти* — *ползать*, *тащить* — *таскать*, *бежать* — *бегать*, *ехать* — *ездить* (последние — образования разных основ), при префиксации одинаково переходящие в совершенный вид.

7. В относительно немногих случаях (более редких, чем в украинском) дифференцирующая роль принадлежит ударению: *насыпать*

¹ Любопытно оригинальное образование у Достоевского — «А потому вдруг *очутываются* в фальшивейшем положении»; повидимому, вызвано оно было к жизни показавшимся Достоевскому неэстетичным сочетанием звуков в «очучиваются».

(соверш. вид) — *насыпáть* (несоверш. вид.); ср. также большую разницу в материальном значении: *напáдать* («снег напáдал...» соверш. вид) — *нападáть* (несоверш. вид), *избéгать* (соверш. вид) — *избегáть* (несоверш. вид.). Ударение на префиксе **вы-** всегда является признаком совершенного вида: *вы́просить*, *вые́хать* и т. д. Ср. особенно: *вывози́ть* — *вывозить*, *выноси́ть* — *выносить* и под.

Ч а с т н о с т и:

Не приобретают значения совершенного вида некоторые префиксальные образования с производной основой на **-а**, **-ва**. Отчасти это не ассоциируемые или слабо ассоциируемые теперь по смыслу с соответствующими простыми глаголами: *бываю* — *забываю*, *прибываю*; *деваю* — *надеваю*, *задеваю*; *решаю* — *отрешаю* и под. Но известны и случаи вроде: *ступаю* — *отступаю*, *приступаю* (несоверш.); *пускаю* — *допускаю*, *отпускаю* (несоверш.) и под.

Не имеют значения совершенного вида также многочисленные церковнославянизмы, представляющие искусственные переводы с греческого уже в древнейшую пору церковнославянской письменности: *сожалеть*, *разуметь*, *провидеть* (ср. русск. *завидеть* со значением совершенного вида) и калька с немецкого — *выглядеть*.

Видовые различия в относительно немногочисленных случаях обозначаются приметами, отличными от указанных: *бросать* (несов.) — *бросить* (сов.), *ошибаться* (несов.) — *ошибиться* (сов.), *ступать* — *ступить*, *отлагать* (несов.) — *отложить* (сов.), *предлагать* (несов.) — *предложить* (сов.), *пускать* — *пустить*, *глотать* — *проглотить*, *кусать* — *укусить* (ср. *искусать*), *подозревать* — *заподозрить*, *затмевать* — *затмить*, *изобретать* — *изобрести*, *сгребать* — *сгрести*, *сплетать* — *сплести*, *развлекать* — *развлечь*, *помогать* — *помочь*, *облекать* — *облечь*, *предпочитать* — *предпочесть* и др.

Ряд глаголов несовершенного вида не имеет при себе образований вида совершенного (кроме немногочисленных случаев с **по-**, **на-**, см. ниже): *благоговеть*, *восторгаться*, *долженствовать*, *домогаться*, *недоумевать*, *нуждаться*, *обитать*, *обладать* (ср. *возобладать*), *обождать*, *обонять*, *ожидать*, *обуревать*, *опасаться*, *отстоять* в значении «находиться на расстоянии» (ср. *отстоять* — сов. вида в значении «защитить»), *отсутствовать*, *перекоряться*, *повиноваться*, *повествовать*, *подлежать*, *подражать*, *подразумевать*, *покровительствовать*, *полагать*, *поносить* («бранить»), *порицать*, *потворствовать*, *походить* («быть похожим»), *почитать* («уважать»), *предвидеть*, *предчувствовать*, *преследовать*, *пресмыкаться*, *провидеть*, *зависеть*, *значить*, *изобиловать*, *красоваться*, *мудрствовать*, *недомогать*, *приветствовать*, *приличествовать*, *принадлежать*, *присутствовать*, *притязать*, *раболепствовать*, *ратовать*, *силиться*, *содержать*, *сожалеть*, *созерцать*, *соответствовать*, *состоять*, *сострадать*, *состязаться*, *стоять*, *уважать* (*уважить* сов. в. имеет значение «уступить»), *уповать*, *участвовать*, *чередоваться*, *чествовать* и др. Среди этих глаголов подавляющее большинство —

церковнославянизмы. Список можно ещё дополнить некоторыми образованиями на **-ивать**: *заискивать*, *ухаживать* и т. д., и глаголами, обозначающими действие, сопровождающее другое действие: *приплясывать*, *приговаривать* (ср. *приговаривать* и *приговорить* в значении «изречь приговор»), *припевать*.

К глагольным образованиям с **раз-** в значении действия, «сообщающегося разным предметам» и «простирающегося по пространству» (Восток о в), формы совершенного вида образуются только с **-ся**, с другим оттенком значения: *разговариваю* — *разговорился*, *разгуливаю* — *разгулялся*, *расхаживаю* — *расходился* («разговорился» уже значит «вошёл в оживлённый разговор», «разгулялся» — «стал очень весёлым», «расходился» — «разбушевался» и под.).

Не имеют несовершенного вида:

Воспрянуть, *встрепенуться*, *грянуть*, *опомниться*, *очнуться*, *очутиться*, *погодить*, *поймать*, *ринуться*, *рехнуться*, *сглазить*, *хватить* (напр., в смысле «ударить»), *хлынуть*.

Значение обоих видов могут иметь:

Велеть, *даровать*, *женить*, *жениться*, *казнить*, *крестить*, *ранить*, *родить*, *телеграфировать* и некоторые другие на **-ировать**¹. *Арестую*, *атакую* могут обозначать и настоящее время, и будущее совершенного вида.

Видовое значение **длительности** действия, кроме аффиксации, может образовываться сочетанием одинаковых глаголов несовершенного вида: *говорит-говорит*, *ходит-ходит*; с окраской народной речи — подобные сочетания, где второй глагол имеет ещё префикс **по-** и значение совершенного вида: «*Ждёт-пождёт* с утра до ночи... Не видать милого друга» (Пушк.). «*Тянут-потянут* — вытянуть не могут» (сказка). После таких сочетаний следуют обыкновенно *и вдруг*, *а, но* и под.

Вглядываясь в видовые оттенки, входящие в состав двух основных видов, можно среди них различить следующие важнейшие группы:

Совершенный вид.

1. Охват длительности: *посидел*, *просидел*; *полежал*, *пролежал*.

2. Наступление начала в длительности явления: *забарабанил*, *застучал*.

3. Достижение результата в процессе: *побил*, *разбил*, *спел*. — Особую характерную видовую группу представляют образования совершенного вида при помощи префиксов

¹ Списки видовых образований и значений см. у А. Востокова — Русская грамматика, 1879, изд. 12, стр. 78—108; Р. Кошутича — Грамматика русского языка, П., 1914, стр. 244—274; М. Вольпера — Справочник по этимологии русского языка в таблицах, 1922, изд. 13 и др. Важнейшие итоги исследований морфологии вида см. у А. А. Шахматова — Очерк современного литературного русского языка, 1934, стр. 149—158, и у В. В. Виноградова — «Русский язык», 1947, стр. 477—539.

по-, на- к формам с приметами вида несовершенного: *натаскивать* (несов. вид) — *понатаскивать* (сов.), *заколачивать* (несов.) — *позаколачивать* (сов.), *рассказывать* (несов.) — *нарассказывать* (сов.). Объект при них обыкновенно во множественном числе.

4. Мгновенность действия: *боднул, кольнул, швырнул*.

Особый вариант значения связывается с суффиксом *-ану-* (укр. *-ону-*): он обозначает или особенную короткость, неожиданность и слабость действия, или же — чаще — особенную короткость, неожиданность и резкость. Ср. с первым оттенком: «Я его *даванул* в затылок» (Лесков, «Смех и горе»). «У меня в волости» — *резануло* его, но он вновь успокоил себя тем, что Кусмаркин ещё не совсем опытный предрик, да ещё больной» (Панф.).

Для второго ряд примеров из языка писателей приводит Сидоров (Родн. яз. в школе, 1924, № 6, стр. 76): «Ка-ак он меня зубилом *саданул* по балде!» (Куприн, «Молох»). «*Рубанул* его один» (Сейфуллина, «Перегнутой»).

Иногда *-ану-*, может вообще сравнительно с *-ну-* обозначать просто усиление экспрессии: «Отпустили под давлением великодушия. Он и *мотанул* в лес...» (А. Н. Толстой).

Обычно образования с *-ану-* воспринимаются, вместе с характерными для них видовыми оттенками, ещё как окрашенные налётом большей или меньшей грубости.

Несовершенный вид.

1. Повторяемость (кратность): *прихожу, приходил; приношу, приносил; гоняю, гонял; езжу, ездил*.

2. Незаконченность действия: *слушаю, слушал; рисую, рисовал; нес, нёс; еду, ехал*.

Обыкновенно то и другое значение одинаково могут принадлежать той же самой глагольной основе.

3. Нерегулярная повторяемость (значение «время от времени»): *захаживаю, хаживаю — захаживал, хаживал* (занятия, напр., аккуратно посещает тот, кто «ходит», чем тот, кто «хаживает»), *посматриваю — посматривал, пописываю — пописывал*. Ср.: «Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти и с удивлением *посматривали* на Дефоржа...» (Пушкин, «Дубровский»). «*Покусываю* яблоки, *посасываю* мёд...» (Моравская, «Апельсинные корки»). «Когда мокрая, холодная Нерль возвращается с болотной охоты, мать её Кента вперёд *порыкивает*, зная, что она, мокрая, непременно приблизится к ней погреться на тёплом матрасике» (Пришвин). «Около них [телег] спокойно *поставили* в ожидании переправы, *похаживали* почтенные станционеры, иные *закусывали*, сидя у костров» (А. Н. Толстой).

Значение нерегулярной повторяемости чаще всего связано у префиксальных с суффиксами *-ыва-*, *-ива-* с характерной при них меной коренного гласного, однако последние в ряде случаев

особого значения не вносят: *выигрываю, выдалбливаю, распахиваю, закусываю* и мн. др.¹.

Образования со значением нерегулярной повторяемости имеют прошедшее, настоящее и будущее время.

4. Н е р е г у л я р н а я п о в т о р я е м о с т ь в д а в н е м п р о ш л о м: *певал* (бывало пел), *говаривал*². Образования обычно беспрефиксны. Ср.: «Бывало *писывала* кровью Она в альбомы нежных дев» (Пушк., «Евгений Онегин»). «Вырастешь, Саша, узнаешь... Где научился я пенью, С кем и когда я *певал*...» (Некр.). «Тогда и я *певала*» (слова старухи-графини в либретто «Пиковой дамы»). «Песни такие весёлые Мы не *певали* давно» (Блок). «Он хорошо говорит по-русски, видимо, и раньше *живал* в этой стране» (Эренбург). «Мы, хотя изредка, в вакантное время *езжали* с матерью на нашу пасеку» (М. Щепкин). «Скуку рассеять к сестрице *езжали*» (Некр.). «Я за уши его *дирала*...» (Гриб., «Горе от ума»). «В Шепелевском *сыпал* у Жуковского...» (Некр., «О погоде»). «Тётка припомнила племяннице, что они с Сеней *игрывали*» и даже «*дирались*...» (Бобор.). «Я вас *знавал*... тому давно. Мне, право, стыдно и грешно, Что я тогда вас не заметил...» (Тург.). «Когда-то любили мещане Романсы *певать* на крыльце, Где с молодостью прощанье И грусть о грядущем конце» (Железнов).

При отрицании эти формы выражают категоричность его: «Захотелось мне послушать либерального монсиньора: я этаких никогда не *слыхивал* и не *видывал*» (Доброл.).

Настоящее и будущее время от основ с такими значениями не употребляются.

Формы нерегулярной повторяемости явно в истории русского литературного языка идут на убыль, и даже в сравнении с языком писателей конца XIX века их употребляют теперь значительно реже.

Специальный оттенок несовершенного вида принадлежит имеющим налёт просторечия формам *видать* и *слыхать*, образующим только прошедшее время. Сфера их употребления: к а т е г о р и ч е с к о е о т р и ц а н и е: «Никогда не *видал* и не *слыхал* ничего подобного»; а ф ф е к т и в н ы й в о п р о с: «П е р в ы й п р и с т а в: А вот что: из Москвы бежал некоторый злой еретик Гришка

¹ Иногда *-ыва-*, *-ива-*, не вносящие значения нерегулярной повторяемости, имеют рядом с собой параллельные образования *-а(ть)*, *-я(ть)*: удобрять — *удабривать*, затоплять — *затапливать*, засорять — *засаривать*, подбодрять — *подбадривать*. Чаще всего это наблюдается при совершенном виде на *-и(ть)* с предшествующим губным или р. Некоторые параллельные формы теперь уже вышли из употребления. Ср.: «Солдаты разбрелись по казармам и *угащивались* не только ужином... но и водкой» (Л. Толстой, «Хаджи-Мурат»). Теперь только «угощаться».

² Редки случаи, когда подобные формы приходится понимать в контексте в значении «обыкновенно»: «Если он проходил мимо работающих, так, как и *делывал* старик, он тотчас же брался помогать» (Л. Толстой, «Хаджи-Мурат»; речь идёт о старике ещё живом и работающем). «Он *сизживал* молчаливо у окна и уже равнодушно глядел на отцовские липы, с досадой слушал плеск озера» (Гонч.).

Отрепьев. *Слышал* ли ты это? М и с а и л: *Не слышал*» (Пушк., «Борис Годунов»). «Я от эрцгерцогини. Там я ничего *не слышал*. — И *не видали*, что везде укладываются? — *Не видал...* Да в чём дело? — нетерпеливо спросил князь Андрей» (Л. Толст.). «*Слышал* ли ты когда, Чтоб мёртвые из гроба выходили..?» (Пушк.); со значением «с л у ч а л о с ь»: «Нет, говорит, что я *видал*, Того уж не увижу боле» (Крыл., «Лжец»). «*Видал* я на своём веку, Что так же с правдой поступают» (Крыл., «Гребень»); безлично в инфинитиве (значение — «в и д н о»): «Ты, *видать*, брат, шутник» (Пушк.); в безличном употреблении с отрицанием: «*Не видать и не слышать*», «*Не видать было и не слышать было*»¹.

16. К УДАРЕНИЮ ВИДОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ.

1. Префиксальные образования на -ять (-ать) от глаголов класса -и- имеют ударение на -я- (-а-), т. е. не только отравить: отравлять, отразить: отражать, но и оставить: оставлять, возглавить: возглавлять, плавать, расплавить: расплавлять, •унизить: унижать.

Такие же отношения существуют у глаголов на -ать: двíгать: придвигать, пáдать: западáть и под.

2. Довольно прихотливы отношения места ударения в образованиях на -ну-. В основном могут быть отмечены такие тенденции: глаголы на -еть с настоящим (будущим) временем изъяв. наклонения с приметой -и- в образованиях на -ну- получают накоренное ударение: хрустеть: хрúстнуть; скрипеть: скрípнуть; глядеть: глÿнуть (сов. вид); хрипеть: хрípнуть; висеть: вíснуть; мерцать: мёркнуть, кричать: крípнуть (несов. вид).

Редок тип вертеть: повернúть, храпеть: всхрапнúть.

То же — в типе со значением медленного процесса: мókнуть, глóхнуть, слáбнуть, вÿнуть, гáснуть.

Ударению двíгать, дёргать, двíгаю, дёргаю (накоренному) в образованиях с -ну- соответствует такое же: двíнуть, дёрнуть. Ср., в частности, междометные глаголы: áхать, бúхать: áхнуть, бúхнуть. Ударению болтáть, болтáю, стегáть, стегáю — болтнúть, стегнúть.

Но к рéзать, рéжу, мáзать, мáжу и под. — рéзнуть, мáзнуть.

17. НАРЕЧИЯ.

Самый распространённый в русском языке способ образования наречий — форма, равняющаяся по звукам среднему роду нечленных имён прилагательных, но иногда отличающаяся от них ударением. Ввиду того, что формы среднего рода нечленных прилагательных сравнительно малоупотребительны, их ударение в литературном

¹ Из новейшей литературы см. И. П. М у ч н и к. О значениях видов русских глаголов. — Русск. яз. в школе, 1946, № 5—6.

языке неустойчиво, и они сами нередко попадают под влияние ударения наречий. Но до известной степени тенденции сохранять различие, а иногда даже вырабатывать его наново, всё-таки в языке имеются. Пешковск и й, повидимому, прав, говоря, что «хочется сказать: «это животное малó» при «он ест ма́ло», «всё это ста́ро» при «он выглядит ста́ро»; ср. также «дитя больно́» при «ему больно́»¹.

От некоторых причастий на **-щий** с относительно недавнего времени вошли в литературный язык и всё больше распространяются наречные образования на **-е**. Обозначают они чувство или проявление чувства и имеют чаще всего значение: «с таким-то видом»: *вызывающе, испытующе, угрожающе, негодующе; волнующе*. Ср.: «Он всегда холоден, корректен, презрителен, *ослепляюще* чист». «Юнкер Левитин посмотрел на него *уничтожающе*» (Л. Соболев). «А говорил он *убеждающе*, проникновенно, сам переживал свои истории» (Гладков). Особенно много таких образований, напр., у Малышкина («Севастополь»). Все они носят на себе определённую печать книжности. Поэтически-книжный характер принадлежит образованиям от бывших причастий на **-чий**: *певуче* («Чу, уж *певуче* ручьи зажурчали!» — Брюсов), *колюче* («Приехав на следующий день после разрыва к обеду домой, Кудрин ощутил особенно *колюче* и томительно пустоту комнат» (Лавренёв), *жгуче* и под.

От прилагательных на **-ский** часто образуются наречия на **-ски**: *дружески, рабски* и под. Чаще мы их встречаем с приставкою **по-**: *по-дружески, по-приятельски, по-украински*. Такие же образования с **по-** употребительны и от слов, в состав которых в прошлом вошёл суффикс **-ськ-**: *по-турецки, по-немецки* и под.

От прилагательных на **-ий, -ья** и т. п. образуются наречия на **-ьи**, но почти всегда с приставкою **по-**: *по-человечьи, по-собачьи* и под.

С приставкою же **по-** образуются от прилагательных на **-ий, -ний, -ый** и **-ин** наречия типа: *по-звериному, по-весеннему, по-учённому, по-маминому*. Известны они и от некоторых других: *по-хорошему, по-доброму, по-справедливому, по-моему*.

Некоторые отдельные наречия представляют остатки известных падежей существительных и прилагательных (чаще всего — творительного) без предлогов и с предлогами или вторичные образования, подражающие установившимся подобным образцам: *бегом, верхом, босиком, голяком, порожняком, мельком, сегодня, пешком, сначала, издали, сперва, смолоду, сзади, снаружи, вкривь, вкось, вполне, вдвойне, вместе, вслух, наугад, исподтишка, невзначай*.

Почти вышли из употребления отглагольные наречия на **-мя, -ма**: *ливмя, плашмя, кишмя, сидьма*. О них А. Востоков в «Русской грамматике» (1874, изд. 12) упоминает как об употребительных «в просторечий», главным образом, в роли усилительных повто-

¹ Сборник статей, 1925, стр. 81.

рений глагола (§ 92). В существенном они, за немногими исключениями (*плашмя, торчмя* и под.), в этой именно роли дожили и до наших дней: *ревмя ревьт, дождь ливмя льёт* и под.

К наречиям же по способу образования относятся в русском языке в некоторых функциях формы сравнительной степени. Форм сравнительной степени склоняемых русский язык, в отличие от украинского, где они образуются вполне свободно (*тепліший, сильніший, кращій*), не знает вовсе, кроме нескольких слов, являющихся вместе с тем и превосходной степенью: *лучший, худший, больший, меньший* (не имеющих при себе однокоренных в положительной степени)¹, *высший, младший, старший, сильнейший, слабейший*. В языке писателей начала и середины XIX века ещё были в употреблении сравнительные степени вроде *драгоценнейший, тяжчайший* и под.; ср.: «И ты всего чуднейший человек» (Марлинский). «Наш прах лишь землю умягчит Другим, чистейшим существам» (Лерм.). «...И я вдруг почувствовала, что не боюсь его, что страх этот — любовь, новая и ещё нежнейшая и сильнейшая любовь, чем прежде» (Л. Толстой, «Сем. счастье»). Относительно часты такие формы у Достоевского: «...Это создание..., несравненно чистейшее и безупречнейшее, чем мы с вами...». У современных писателей-беллетристов такие формы можно встретить только редко, и они вносят с собою налёт архаизации или некоторой старомодности слога: «Последнее и злейшее, чем крик, наступило молчание, но всё ещё металось в перекрёстных дыханьях нестойкое пламя светца» (Леонов); «Но другое, гораздо сильнейшее, чем самолюбие, гораздо более глубокое органическое препятствие встречает автор, почему-либо несколько запоздавший явиться на литературный стенд» (Пришвин). Теперь обычно употребляются сочетания (аналитические формы) с *более (менее) + соответственное прилагательное*: *более тёплый, более употребительный*².

Формы сравнительной степени образуются в русском прибавлением к основе окончаний *-ее (-ей)*: *сильнее (сильней), теплее (теплей), вернее (верней), прямее (прямей), белее (белей), горячее (горячей), свежее (свежей)* и под. Стоит внимания продуктивность такого рода образований, не ограничиваемых в случаях, когда этого требует мысль автора, даже самим значением, казалось бы, исключаящим сравнение: на вопрос Нехлюдова («Воскресение»), мёртв ли упавший арестант, врач отвечает: «Мертвее не бывают». «Всё каменной ступени, Всё круче, круче всход» (Брюс.). «Тем кажется железней, непробудней мой мёртвый сон» (Блок). «А звук на губах всё один, один — Как будто полки пауков прядут Струну, ледянее льдин...» (Тихон.). «Вечерница льнёт к деннице, Несказанней вечера» (Блок). Ср. и: «Флоты — и то стекаются в гавани. Поезд —

¹ К *больший* есть, правда, *большой*, по происхождению сравнительная же степень, но в роли сказуемого в соответствии ему обычно употребляется *велик*.

² Но не «больше» («меньше»), употребление которых только изредка можно встретить в первой половине XIX века.

и то к вокзалу гонит. Ну, а меня к тебе и *подавней* — Я же люблю — Тянет и клонит» (Маяковский).

Изредка, главным образом в поэтическом языке, вместо форм на *-ее* употребляются формы на *-е*: *дале, боле, доле, тяжеле* (ср. «Ты же в лодке не *тяжеле* Легкокрылой стрекозы» — А. К. Толстой) и под. Образуются подобные формы (все на *-ле*) чаще в параллель к формам на *-ее*, при которых нет рядом форм на *-ей*, и обычно не имеют при себе точно соответствующих им форм так называемой положительной степени прилагательных.

Окончание *-е* имеют в сравнительной степени соответственные прилагательные (или наречия в положительной степени), которые в своей основе оканчиваются на *д, т, г, к, х*; причём звуки эти в форме сравнительной степени меняются: *д и г* — на *ж, т и к* — на *ч, х* — на *ш, а ст* — на *щ*: *твёрдый* — *твёрже*, *молодой* — *молodge*, *дорогой* — *дороже*, *убогий* — *убоже*, *богатый* — *богаче*, *крутой* — *круче*, *мягкий* — *мягче*, *лёгкий* — *легче* (но от «дикий» — *дичее*), *сухой* — *суше*, *тихий* — *тише*, *частый* — *чаще*, *простой* — *проще*. Если *т* принадлежит к продуктивному суффиксу (*-ат -ый, -ит -ый, -ист -ый*), то окончанием сравнительной степени остается *-ее*: *знаменитый*, *душистый* — *знаменитее*, *душистее*. Основу на *д* с формой сравнительной степени на *-ее* представляет как исключение *седее*.

Из основ, оканчивающихся на губной, слово «дешёвый» образует сравнительную степень на *-е*, перед которым при *в* появляется мягкое *л*: *дешевле*.

От прилагательных на суффиксальное *-к(ий)* с предшествующими зубными *д, т, з* сравнительная степень образуется непосредственно от корня. Мена согласных та же, что и в предшествующей группе: *гладкий* — *глаже*, *гадкий* — *гаже*, *короткий* — *короче*, *близкий* — *ближе*, *узкий* — *уже* (ср. *бойкий* — *бойчее* и *бойче*, *звонкий* — *звонче* и простореч. *звончее*, *ловкий* — *ловче* и простореч. *ловчее*).

Есть здесь, однако, несколько отступающих форм: от «резкий» — *резче*, так как иначе совпали бы формы сравнительной степени от этого слова и от «редкий» — *реже*. Не опускают суффикса *-к(-ч)*-новообразования (малоупотребительные): *дерзкий* — *дерзче*, *мерзкий* — *мерзче* (ср. *мерзее*). От «прыткий», «меткий» сравнительная степень звучит: *прытче*, *метче*. От «сладкий» в литературном языке предпочитается *слаще* (ср. *слаже*). От слов, имеющих *л* перед *-кий*, формы сравнительной степени, кроме *мельче* (мелкий), малоупотребительны, но возможны в виде *жалче* (жалкий), *пыльче* (пылкий). Мягкость *л* явилась под влиянием следующего слога и поддержана была, повидимому, образованиями вроде *больше, больше* и под.

От «тонкий» сравнительная степень звучит *тоньше* (ср. *меньше* и под.). Кроме этой формы, *-ше* имеют ещё *меньше, дальше, больше* (от *долгий*), *старше*. При всех последних существуют рядом формы на *-ее*, относящиеся обычно к приподнятому стилю (*менее, более, далее, доле, старше*). От «горький» образуется сравнительная степень *горше* (о беде и под.), *горче* и *горчее*.

Два слова на **-ок(ий)** образуют сравнительную степень непосредственно от основы: **высокий** — *выше* (с меняется при этом на ш), **широкий** — *шире*; но от «глубокий» сравнительная степень звучит *глубже* (ср. *ниже*).

В некоторых случаях образование сравнительной степени двояко, причём с вариантами обычно связываются различные значения: *худее* от «худой» и *хуже* по смыслу — к «плохой», *старее* — от «старый» в точном смысле слова, *старше* — по возрасту, по положению и под.

Слова *малый* и *хороший* не образуют сравнительной степени. Последняя возмещается супплетивными образованиями *меньше* и *лучше*, при которых нет соответствующих форм положительной степени.

К слову «красивый», наряду с *красивее*, возможна с особой стилистической окраской сравнительная степень — *краше*. К слову «поздний» сравнительная степень звучит *позднее* и *позже*.

Формы сравнительной степени с префиксом **по-** имеют значение «несколько, немного»: *попроще*, *похуже*. Ср.: «Он [русский народ] не был воинствен, как пишут в истории, Как временных лет отзывается повесть: Он просто хотел жить *попросторнее*, *Посвободнее* то-есть» (Асеев). Без предмета сравнения оттенок может меняться в направлении вообще увеличения качества: дайте *побольше*, приготовьте *получше*, любит поест *послаще* (смысл «как можно»).... Ср.: «Позвали сослуживцев (конечно, *постарше* чинами и *повыше* должностями) Павла Константиновича, двух приятельниц Марьи Алексевны...» (Чернышевский). «Наш автор просто сболтнул *пошумнее*¹ против мелкой буржуазии, следуя тому «житейскому правилу», которое... излагал, со слов «старого пройдохи», Тургенев: кричать *погромче* против тех пороков, которые за собой чувствуешь» (Ленин, т. 6, стр. 177). «Мы мчались, Мечтая постичь *поскорей* Грамматику боя, Язык батарей» (Светлов)².

Из того, что стоит отметить в области ударения наречий, укажем:

1. Наречия на **о** в некоторых (немногих) случаях отличаются местом ударения от краткой формы среднего рода соответственных прилагательных: *бóльно* : больно́; *здóрово* (простореч.) «очень сильно» : при здорово́ в большинстве значений, прямо соотносительных со «здорóвый»; *красно́* (говорить): красно́ и под.

2. Количественные наречия на **-ью**: *пятью* пять, *шестью* шесть и под. отличаются местом ударения от соответствующих форм творительного падежа числительных.

¹ Курсив мой. Л. Б.

² К степеням сравнения разного образования материал даёт брошюра А. Никulina — «Степени сравнения в современном русском языке». М.—Л., 1937; вообще по наречиям — Е. М. Федорук-Галкиной — «Наречие в современном русском языке». М., 1939, Ср. ещё А. Б. Шапиро — «Об образовании наречий в современном русском языке». — Русск. яз. в школе, 1947, № 1.

3. Наречия на **-да** имеют конечное ударение: *всегда́, когда́, туда́, но отку́да, поку́да, оттуда́, отсу́да*. Ср. и сказуемые слова: *некуда́, некогда́*.

4. Наречия на **-жды** сплошь сохраняют ударение соответствующих числительных: *еди́ножды, четы́режды* и под.; ср. *одна́жды*.

5. Наречия на **-мя** обыкновенно имеют ударение на окончании: *кишмя́, плашмя́, торчмя́* (обл.). Но производные от *сто́я, си́дя, ле́жа* — колеблются: *стоймя́* и *сто́йма* и под. На корень ударение падает у слова *ли́вмя*.

6. Наречия на **-енько, -онько** (ср. имена прилагательные на **-енек, -онек**) отличаются ударением от соответствующих членных прилагательных: *близе́нько, часте́нько, лего́нько, тихо́нько* (ср. *близе́нький* и под.). Тип, впрочем, стареет (многие слова выходят из употребления), и некоторые относящиеся к нему в редком употреблении обнаруживают тенденцию отражать ударение соответствующих прилагательных в членной форме: *скромне́нько*; старое правильное ударение: «Пожалуйста, при нём веди себя *скромне́нко...*» (Гриб.); *смирне́нько* и под.

7. Наречия на **-ую** имеют ударение на предпоследнем слоге: *вкруту́ю, зачасту́ю, врассыпну́ю*.

8. Наречия на **-ски** соответствуют своим ударением именам прилагательным: *по-ру́ски, по-хозяйски́, по-дру́жески; воровски́, мастерски́, по-люди́ски* и под.

9. В наречиях на **-а** (кроме образований на **-ка**) ударение падает обычно на приставку: *до́сыта, до́чиста, и́скося, сы́знава* и под. Вышло из употребления отклонявшееся книжное *измла́да*. *Издавна́*, обычно звучащее теперь по общему правилу с ударением на *и*, у старых писателей встречается также с ударением на срединном и конечном слоге; ср. и вышедшее из употребления ударение *до-сы́та*: «Лиса, курятинки накушавшись *досы́та...*» (Крыл.).

10. В наречиях, образовавшихся с префиксом **по-** из формы дательного падежа кратких бессуффиксных имён прилагательных, ударение падает обыкновенно на префикс: *по́просто, по́пусту, и́сполу*. Отступает *подбо́лу*. Ср. и *по добру́* — *по здоро́ву*, где наречия ещё не образовались.

11. Наречия типа *по-мóему, по-твóему* своим ударением отличаются от соответствующих форм местоимений.

12. В префиксальных наречиях на **ь** (мягкий согласный) ударение обыкновенно падает на префикс: *на́земь, на́взничь, по́рознь, и́сподволь* и под. Отступают: *наизу́сть, наскво́зь, отнио́дь, побдо́аль*; ср. и *неве́сть*, но *ни́весть*: «Попробуй о властях — и *ни́весть* что наскажет» (Гриб.); *ничу́ть*.

18. ДЕЕПРИЧАСТИЯ.

Глагольные наречия (деепричастия) известны в русском языке в двух основных формах:

1. Обозначающей одновременность со сказуемым или глагольными формами, к которым они примыкают: «Один за другим,

держась за плетень, оглядываясь робко по сторонам, заковыляли они к своим халупам» (Дм. Фурманов). «*Слушая беседы хозяев о людях, я всегда вспоминал магазин обуви»* (М. Горький). «*Подходя к волам, покупатель считает нужным вытянуть смиренную скотину по боку кнутом»* (М. Горький). «*И мы, дрожа от радости, проснёмся»* (В. Брюсов).

2. Обозначающей действие, предшествующее сказуемому или глагольным формам, к которым они примыкают: «*Проснувшись, я смотрел из-под одеяла и со страхом слушал жаркую молитву»* (М. Горький). «*Давно ли я дома, начитавшись новейших статей учёных охотников о том, что будто бы медведя никогда не подымали на рогатину и что рогатиной убить его невозможно..., сам начинал уже склоняться к этому и увлекался происхождением легенды»* (Пришв.)¹.

Первая форма образуется от основы настоящего времени (2 лица) прибавлением *-я* (а с предшествующей мягкостью там, где она возможна) или *-ясь (-ась)*: ведёшь (веду) — *ведя*, просишь — *прося*, готовишься — *готовясь*, слышишь — *слыша*. В типах *-аю* — *-аешь*,

¹ Уточнению значений деепричастий совершенного вида посвящена статья Л. Я. Бравае в «Русск. яз. в школе», 1940, № 6, стр. 24—26. В ней обращается внимание специально на случаи вроде: «Директор слушал атлета, *повернувшись* к нему вполборота и глядя мимо его головы в окно» (К у п р и н), где форма совершенного вида выражает результативность действия, обстоятельного к названному в сказуемом, и на такие, как: «Он зажёл серную спичку, *осветив* синим огнём своё лицо хорька, измазанное сажей...» (Г о р ь к.) и «Упал, *ударившись* головой о ступеньки лестницы», где имеем дело в деепричастии соответственно с значениями действия, вытекающего из действия глагола-сказуемого (т. е. последующего по отношению к нему), и действия, входящего «как составная часть, как сопутствующий момент в действие основного глагола». Верно отмечается при этом, что последние два вида значений сопровождаются постановкой деепричастных форм после глагола-сказуемого. См. также содержательную статью Г. В. Валимовой — «Деепричастные конструкции в современном русском языке» («Учёные записки» Рост. на Дону гос. педаг. инст., факульт. яз. и лит., II, 1940, стр. 77—103), в которой различаются деепричастные конструкции со значениями: 1) включённого действия (напр., «Поля, всё поля *тянулись* вплоть до самого небосклона, *то* слегка *вздываясь*, *то* *опускаясь* снова», — Тург.) и 2) параллельного действия («*Послав* своего кучера за доктором, он тотчас *ушёл* пешком по дороге на фабрику», — Горьк.). В статье доказывается, среди другого, что деепричастия прошедшего времени совершенного вида могут не обозначать предшествования: «...и бросилась в свою комнату, упала в кресла, *сидела* неподвижно, *закрыв* лицо руками» (Черныш.). «Левин *вышел* из комнаты, *хлопнув* дверью» (Л. Толст.), — наблюдение в основном верное, но не убедительное для ряда случаев, где автор не принимает в достаточной степени во внимание порядка слов, часто определяющего наличие предшествования там, где при ином порядке (когда деепричастие следует за сказуемым), дело бы шло об одновременности («и при этом...»); напр., во фразах: «*Скрестив* руки, *вцепившись* пальцами в плечи себе, он *стоял* спокойно, прижимая ногой к палубе какой-то узел» (Горьк.) или «Пантелей Прокофьевич израсходовал всю приваду и, недовольно *подобрав* губы, тупо *глядел* на неподвижный конец удилица» (Шолох.), вопреки восприятию автора, мы имеем конструкции никак не со значением одновременности деепричастия с действием глагола, а именно предшествования последнему (ср.: «скрестил руки, вцепился пальцами в плечи себе и стоял спокойно...»; «недовольно подобрал губы и тупо глядел...»).

-ею — -еешь, -ую — -уешь деепричастия звучат -ая, -ея, -уя: *зная, седея, тоскуя*.

От глаголов с основой на **-не-**, на велярные и на шипящие, с которыми чередуются в неопределённой глагольной форме **з, с, х**, по правилу деепричастия не образуются, т. е. к глаголам типа *тону — тонешь, мокну — мокнешь, пеку — печёшь, берегу — бережёшь, пишу* (ср. писать), *чесу* (ср. чесать), *режу* (ср. резать) и под. Но ср. *спеша* от *спешу, спешишь* и под. В новом языке у писателей это правило начинает изредка нарушаться; ср., напр., «Лёгкой тенью *режа* фосфор моря...» (Брюсов).

Употребительными являются только *ища, плача, топча*.

Не образуются также соответственные деепричастия от слов, основа которых лишена гласного: *тру, мну, жму, вру, лью, быю* и т. д. Отступает только архаическое *чтя* и архаические же параллели, в которых восстанавливается гласный: *бия, лия*, встречающиеся у писателей главным образом первой половины XIX века.

К редкому употреблению относятся, напр.: «Стрелецкие пятидесятники... из сил выбивались, мutilи стрелецкие слободы. Входили в избы, зло *рвя* дверь...» (А. Н. Толстой).

В числе исключений должны быть также упомянуты не имеющие деепричастий этого рода глаголы *ехать* (у старых авторов отсутствие соответственной формы возмещается народн. *едучи*) и *есть*. К *даю* деепричастие образуется из основы *дава-*: *давая*.

Кроме слова *будучи*, деепричастное окончание **-учи, -ючи** известно ещё в устарелых формах *едучи, идучи* и в нескольких словах, по существу превратившихся в простые наречия, т. е. употребляющихся вне обычных глагольных конструкций: *припеваючи, играючи, умеючи* и т. д. (ср. *напевая, играя, умея*). Настоящим деепричастием остаётся ещё сложное с **-сь**: *крадучись*. Там, где у писателей встречаются деепричастия на **-учи, -ючи**, мы имеем дело со стилизацией под старинную или народную речь.

Деепричастия со значением **прошедшего** времени теперь в литературном языке образуются обычно только от слов совершенного вида. У писателей XIX века были в употреблении такие деепричастия от основ вида несовершенного: *росши, говорив, плакав* и под. (Ср., напр., у Достоевского: «Способствовал временному благосостоянию, мера эта на страшно долгое время парализовала стремления демократические»).

У слов, которые в основе инфинитива оканчиваются на гласный, обычно деепричастия оканчиваются на **-в**: *сказав, попросив, взяв, посевев*; гораздо реже — на **-вши**, которое составляет правило только у глаголов на **-ся, -сь**: *обидевшись, помирившись, оставшись*. Ср. образования соответствующих причастий.

От слов, у которых основы инфинитива оканчиваются на согласный, деепричастия — на **-ши** или на **-вши**, **-в**, прибавляемые так же, как и в соответственных причастиях: *сберёгший — сберёгши, заросший — заросши* (в инфинитиве по традиции пишется *расти*), *испёкший — испёкши, отцветший — отцветши, упавший — упав-* (*ши*) и под.

От слов, образующих деепричастия несовершенного вида на **-я(-а)**, нередко, особенно у писателей XIX века, употребляются такие же префиксальные формы со значением совершенного: *приве-дя, заметя, попрося, услыша, увидя*.

Подобные формы на **-я** в настоящее время значительно употребительнее от основ на согласный, чем от основ на гласные.

Заметим ещё, что деепричастия в качестве конечного аффикса имеют **-сь**, а не **-ся**: *несясь, показавшись, одевшись* и под.

Наряду с формами деепричастий прошедшего времени типа *умерши, вытерши, заперши* (к *умереть, вытереть, запереть*) возможны образования, менее употребительные: *затерев, вытерев, заперев*, скорее принадлежащие просторечию. Из писателей пристрастие к ним обнаруживает, напр., К. Ф е д и н.

Формы деепричастий прошедшего времени имеют то же ударение, что и соответственные причастия: *пробыв, прожив, допив, позвав*. Как отступающие следует заметить формы слов *опершись, устар. обнявшись* и под. Ср.: «...На переднем Стенька Разин, *Обнявшись* с своей княжной, Свадьбу новую справляет...» (Садовников). «В молчаньи, рукой *опершись* на седло...» (Пушк.). «Над кипящую пучиною *Подпершись* сидит Вадим...» (Рылеев). Рядом возможны, однако: «...Дружно *обнявшись* с тобой, после игры отдыхать» (Пушк.). «Там, где сливаясь шумят, *Обнявшись*, будто две сестры, Струи Арагвы и Куры» (Лерм.). «Старик отчаливал, *опёршись* на весло» (Фет).

Правильные ударения в формах без **-сь** имеем, напр., в стихах: «Бодрится врач, *подняв* очки; Гробовый мастер взоры клонит...» (Пушк.). «Чтоб цепь их сбросить, я, *подняв* главу, Последнее усилие свершил...» (Лерм.). «Над ним, как друг, стоит, *Обняв* его седины, И ветвями шумит Олива Палестины» (Жуковск.).

Отступающими от нормы являются ударения: «Именье всё распрóдав, Он умер бы без сожаленья...» (Минаев). «Я шагаю, знаменем *пóдняв* Шапку военных годин» (Безым.). «И покою два дня лишь *óтдав*, На третий — в окопы лёг» (Безым.).

В так называемых деепричастиях настоящего времени ударение обыкновенно совпадает с ударением I лица ед. ч. настоящего (будущего) времени или инфинитива: *ста́влю — ста́вя, давлю́ — давя́, де́лаю — де́лая, топчу́ — топча́, гоню́ — гоня́*.

Но в нескольких деепричастных формах к инфинитивам на **-еть** и **-ать** с приметой **-и-** в настоящем времени известны двойкие ударения: *глядя́* и *глядя́*, *сидя́* и *сидя́*, *ле́жа* и *лежа́*. У Крылова, Пушкина и др. вместо современного *смотря́* — старинное ударение: «смо́тря» («...На наши *смо́тря* соть», Крыл.; «И сердцем далеко носилась Татьяна, *смо́тря* на луну», Пушк.).

В настоящее время уже довольно чётко определилась тенденция формам с ударением на корне придавать значение простых наречий (ср.: *мóлча, ле́жа, сидя́*), а в деепричастных оборотах — отдавать обычно предпочтение ударяемому на конце: *молча́ об этом, глядя́ на улицу* и под. В зависимости от смысла различается ударение деепричастия *судя́*.

У писателей находим ударения: «В небе играют всё вольные птицы, *Глядя* на них, мне и больно и стыдно» (Лерм.). «Но никогда, ей в очи *глядя*, Не содрогнулся я душой» (Рылеев). «*Глядя*, как человек убивается, Раз я молвил: «Сойдёт-де и так» (Некр.). «Яков, не *глядя* на барина бедного, Начал коней отпрягать» (Некр.). «И на меня с улыбкой *глядя*, Спросила тотчас...» (К. Павлова). «И *глядя* сквозь мглу и мерцанье окрест В пустынную тишь этих мест, И *глядя* всё выше и выше от них В пустыню небес голубых...» (Огарёв); но: «Так в клетке молодой орел, *Глядя* на горы и на дол, Напрасно не подьмет крылья...» (Лерм.). «Я дрожу, *глядя*, счастливый, Как в воде дрожишь и ты» (Фет). «*Глядя* на луч пурпурного заката...» (старин. романс).

Деепричастия настоящего времени от глаголов класса -е- с подвижным ударением (конечное ударение в 1 лице ед. числа и оттянутое, начиная со 2 лица ед. ч.) выступают в языке писателей первой половины XIX века зачастую не с конечным ударением, как теперь («С лент мёртвых рек Мессопотамий, Где солнце жжёт людей *дремля* — Бессчётность глаз горит мечтами К нам, к стенам Красного Кремля», — Брюсов), а с ударением на предпоследнем слоге, — факт, отражающий влияние большинства форм настоящего времени глагола. Особенно выдержано такое ударение у П у ш к и н а: «*Блѣща* средь полей широких, Вот он льётся!.. Здравствуй, Дон!» (Пушк.). «И солнце вновь... на землю жар свой благодатный Льёт с высоты лазури необъятной И, *блѣща*, продолжает подвиг свой» (Кюхельбекер, «Бессмертие»). «...И *дрѣмля* едем до ночлега, А время гонит лошадей» (Пушк.). «Нева вздувалась и ревела, Котлом *клокóча* и клубясь» (Пушк.). «Когда Милона молодого, *Лепѣча* что-то не для нас, В любви без чувства уверяешь...» (Пушк.). «Мрачный вал Плескал на пристань, *рѣпща* пени...» (Пушк.). «Нет, дерзкий хищник, нет, губитель!» *Скрежѣща* мыслит Кочубей...» (Пушк.). «И зрители в робком вокруг ожиданье, *Трепѣща*, на юношу смотрят в молчанье» (Лерм.). «*Трепѣща* жёны близ мужей Держали плачущих детей» (Лерм.). «Взглянул, *трепѣща* поневоле, В объём безлюдной он страны...» (К. Павлова).

Ср. нынешнее ударение уже, например, у Жуковского: «И он, *трепещá* от любви и от близкой Смерти, склонился к ней в руки» («Ундина», 1836).

19. СЛОЖНЫЕ СЛОВА.

Из тесных с р а щ е н и й, т. е. образований с флективной (или наречной) приметой в первой части, в русском языке употребительны сочетания родительного падежа чисел и соответственных именных частей: *двухдневный*, *трѣхаршинный*, *пятилетка*, *шеститомный*, *восьмидесятилетний* (ср. и *полукровка*, *полдень* и род. падеж: *полудня*, *полночь* и *полуночи*).

Остаток старины (род. пад. двойств. числа) имеем в *двоюродный*. Ср. и *умалишённый*, *сумасшедший*, *себестоимость*.

Гораздо беднее, чем, напр., в украинском, тип «повелительное наклонение + имя существительное».

К нему относятся: *скопидом, сорвиголова, горчицвет, вертихвостка* и пишущиеся с дефисом *перекати-поле, не тронь-меня, шуми-голова, ломи-камень, держи-дерево* (растения).

Так как в большинстве образований первая часть уже перестала сознаваться как связанная с повелительным наклонением, этот тип можно считать переходным к сложениям, соединениям, в которых первая часть несамостоятельна.

Сращениями разной степени являются имена существительные, состоящие из двух слов — имён существительных же, но образующих при этом одно понятие. Одни из них ещё сохраняют параллельное склонение первой части: *путь-дорога, марксизм-ленинизм, изба-читальня, вагон-ресторан, рубаха-парень; пути-дороги, марксизма-ленинизма, избы-читальни* и под.; другие — его утратили: *бой-баба, жар-птица, меч-рыба, горе-специалист; бой-бабы, жар-птицы, горе-специалиста*.

Сращения менее тесные — с приметой примыкания — представляют сочетания типа «качественное наречие + имя прилагательное»: *яркокрасный, бледнорозовый, иссиня-зелёный*. Подробнее о них см. стр. 262.

Чем менее известна первая часть подобных образований в самостоятельном употреблении, тем яснее переход (независимо от внешних способов обозначения) в сложения: *партийно-комсомольский* (актив); *почтово-телеграфный* и под.

К сращениям свободного типа относятся и сочетания однокоренных имён прилагательных, имён прилагательных и наречий, наречий и наречий и под.: *рад-радёхонек, один-одинёшенек, полным-полно, давным-давно, мало-мальски, как-никак, еле-еле* и под.

Сложения русского языка имеют обычно соединительный гласный о: *паровоз, водовоз, яркокрасный*; реже — е, в словах, где конечный согласный основы смягчённый: *мореплаватель, оруженосец, кровеносный, любвеобильный, дружеслюбный, жизнерадостный*. Ср. и *междоусобный* (хотя *между*). Редкость среди других представляет образование *предисловие*.

Неверно образованными являются вполне установившиеся: *кровожадный, кровообращение* (писали, впрочем, и *кровообращение*), *плотоядный, зверолов, властолюбие, конокрад, вертопрах, честолюбие* и др.

Заслуживает внимания возможность разного характера образований в зависимости от их хронологии: *нижегородский* (Нижний Новгород), но *нижнеломовский* (Нижний Ломов) и под.

К очень редкому типу принадлежат не имеющие теперь соединительного гласного: *ночлег, мирволить, дурман*, имя *Людмила*.

Редки в русском языке случаи так называемой *гаплологии* — упрощения совпадающих частей первого (конца) и второго (начала) членов сложения; ср.: *знаменосец* (из «знаменоносец»), *сиворонка* (из «сивоворонка»), *дикобраз* (из «дикообраз»), *залихват-*

ский (из «залихо-хватский») и уже в гаплоглогическом виде заимствованные: *минералогия* (ср. минерал), *трагикомический* (из «трагико-комический»).

Особый тип сложных слов представляют сочетания слов полных с частицами. Таковы, напр., местоименные образования с частицами *-либо, -нибудь, -то*: *кто-либо, кто-нибудь, кто-то, куда-либо, куда-нибудь, куда-то*; *кое-*: *кое-кто, кое-где*.

Со стороны смысловой в сложениях русского языка со славянскими корнями можно различить:

1. Слова с составом параллельных (равноправных) значений: *лесотундра, корнеплод, светотень, зубробизон; северо-восток, юго-запад*.

Имена существительные этого типа представлены только небольшим количеством поздних, по происхождению книжных, образований. Имена прилагательные этого рода — *торгово-промышленный, тюрко-татарский* — тоже сплошь поздние книжные образования, но существующие в значительно большем числе.

2. Слова, в которых первый элемент является со стороны логической определением или обстоятельством по отношению ко второму: *трудодень, человекочас, пудоверста, красноармеец, половодье, красноречие, единоначалие, трезубец, борзописец; голубоглазый, глубоководный, мягкотелый, теплокровный, длиннорукий, единокдушный, одновременный*.

3. Слова, в составе которых одна из частей (обыкновенно первая) является логическим дополнением ко второй: *волкодав, цветоложе, злодей, горемыка, каменотёс, законодатель, садовод, буревестник; рукоделце, золотошвей, пароход, молотобоец, снегопад; себялюбие, самолюбие; злопамятный* (ср. употреблявшееся в XVIII и в первой половине XIX века — *памятозлобный*); *млекопитающее*; с обратным порядком частей: *трясогузка, лизоблюд* (ср. более обычное *блюдолиз*), *вертопрах* и под.

К редкому со стороны смысловой типу сложений принадлежат: имеющие вторую часть глагольного происхождения, логически зависимую от имени: *любостяжание, любопытный, любознательный*; слова с *само-* и второй частью, которую можно представить как сказуемое к первой: *самовар, самострел, самосуд, самодельный, самодеятельный* (ср. *само-* одновременно в значении дополнения: *самокритика* и под.); *носорог* (ср. стар. *единорог, инорог*), *шилохвостка, шилоклюв, корненожка*.

В некоторых случаях (ср. *снегопад, злопамятный* и под.) отнесение к той или другой категории вполне условно.

Кроме слов женского рода типа *живопись* (род. п. ед. ч. *живописи*), *вддоросль* (род. п. ед. ч. *вддоросли*), все вообще типы сложений имеют в русском языке ударение на втором члене своего состава¹.

¹ Из литературы см. М. Я. Немировский. Сложные слова в русском языке. — Русск. яз. в школе, 1946, № 3—4.

20. СОКРАЩЁННЫЕ СЛОВА (АББРЕВИАТУРЫ).

Фактически только с Великой Социалистической революцией во всеобщее употребление вошли сокращения групп слов, явившись новыми типами словообразования. Область этого словообразования — главным образом названия учреждений, должностей, административных понятий; широко за эти границы оно не выходит.

Типы сокращённых слов в существенном таковы:

1. По начальным звукам: *ЭПРОН* — Экспедиция подводных работ особого назначения; *КРЭС* — Киевская районная электрическая станция; *НОТ* — научная организация труда; *РОЭ* — реакция осаждения эритроцитов.

2. По названиям начальных букв: *Эсэсэсэр* — Союз Советских Социалистических Республик; *Капбеу* — Коммунистическая партия (больш.) Украины; *Цека* — Центральный комитет; *Хагеу* — Харьковский государственный университет.

В письменной передаче даются, однако, как в первом типе, только начальные буквы: СССР, КП(б)У, ЦК, ХГУ.

3. Комбинация начальных частей слов: *колхоз* — коллективное хозяйство, *райком* — районный комитет.

4. Комбинация начальной части первого слова со вторым, в котором пропущена срединная часть: *наркомат* — народный комисариат (ист.), *эсминец* — эскадренный миноносец.

5. Комбинация начальных частей слов с полными словами: *нарсуд* — народный суд, *зарплата* — заработная плата, *бумотходы* — бумажные отходы.

Отдельные из таких искусственных образований приобрели значение корней и усваивают производительные суффиксы: *колхозник*, *рабфаковец*, *коминтерновский*.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

Для критического использования.

Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. Часть 1. Фонетика и морфология. М., 1945.

В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, изд. 5.

Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Том II. Киев. 1948.

Ф. И. Буслеев. Историческая грамматика русского языка. Часть 1, 1881, изд. 5 (последнее).

В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.—Л., 1947.

Я. К. Грот. Филологические разыскания. I, 1899, изд. 4.

С. П. Обнорский. Правильности и неправильности современного русского литературного языка.—Изв. Акад. наук СССР, Отдел. лит. и яз., том III, вып. 6, 1944.

В. И. Чернышёв. Правильность и чистота русской речи. Вып. 2, П., 1915, изд. 2.

А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Изд. 4, М., 1941.

Л. В. Щерба. Спорные вопросы русской грамматики.—Русск. яз. в школе, 1939, № 1.

ГЛАВА IV.

МОРФОЛОГИЯ. II. ФОРМЫ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ.

(СКЛОНЕНИЕ И СПРЯЖЕНИЕ).

Содержание: 1. Склонение имён существительных. 2. Движение ударения в склонении имён существительных. 3. Склонение имён прилагательных. 4. Ударение имён прилагательных. 5. Особенности склонения некоторых местоимений. 6. Особенности склонения некоторых числительных. 7. Ударение числительных и местоимений. 8. Перенос ударения на предлоги. 9. Глагольная флексия. 10. Инфинитив (неопределённая глагольная форма). 11. Аналитические (сложные) формы спряжения. 12. Ударение глагола.— Из литературы.

1. СКЛОНЕНИЕ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

В состав имён существительных русского языка вошла многочисленная группа слов, исторически относящихся к склонению прилагательных. Это всё слова, при которых очень часто, а при некоторых и постоянно, существительные опускались, так как были ясны из контекста или ситуации. Выступая вне специфической роли прилагательных как форм согласования, такие прилагательные стали постепенно приобретать в сознании говорящих предметные значения, т. е. превращаться в имена существительные, и частично, в связи с перерождением своей функции, усваивать некоторые внешние морфологические признаки существительных. Эту переходную категорию (ср. такие слова, как *часовой, лесничий, запятая, булочная, мороженое, насекомое, Иванов, Иванова, Петровский, Петровская*), как и другие специфические ответвления существительных, мы упомянем особо при именах прилагательных. Другая группа склоняемых слов, входящих в состав имён существительных, но имеющих индивидуальные признаки,— существительные местоименные, т. е. такие, которые не имеют самостоятельной знаменательности, а получают свой смысл в речи, только так или иначе отсылая к знаменательным словам или к не допускающей неясности ситуации. Это личные местоимения—*я, ты...*, возвратное — *себя*, вопросительные — *кто, что*, отрицательные — *никто, ничто*, неопределённые — *кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, некто, нечто*, анафорические¹— *он, она, оно* и под. Следует, впрочем, сразу же заметить, что с морфологической точки

¹ Указывающие на упомянутое слово.

зрения *некто*, *нечто* — только остаток существительности, так как в косвенных падежах не употребляются, а те формы, которые выступают в такой роли при слове *некто*, уже явно являются прилагательными: *некоего*, *некоей* и т. д.

Он, *она*, *оно* — переродившиеся по значению прилагательные: теперь они по смыслу только предметны (к т о?) и утратили, хотя и сохранили внешний признак трёх родов, типичную особенность прилагательных — согласованное склонение с именами существительными.

Местоименное склонение мы тоже рассмотрим уже после склонения имён прилагательных, с которым оно близко по чисто внешним приметам.

Из круга имён существительных следует также выделить особую группу **ч и с л о в ы х** названий, по признакам узко-морфологическим и синтаксическим нуждающихся в особой характеристике. Если слова, вроде *миллион*, *десяток*, *сотня*, ничем не отличаются от склонения обычных имён существительных и в связной речи вообще не обнаруживают индивидуальных признаков, то *пять*, *шесть*... *десять* и под., склоняющиеся, как «кость», не могут быть, главным образом по синтаксическим своим особенностям, безоговорочно отождествлены с именами существительными. Не согласуются с ними по родам прилагательные (ср. *эта тысяча*, но не «эта пять», а «эти пять») и — самое главное — в связной речи они то управляют, как существительные, в именительном и винительном падеже, то согласуются, как прилагательные (в дательном, творительном, предложном): *пять верных друзей*, но не «пяти верных друзей» (в дательном) или «пятью верных друзей» (в творительном), а *пяти верным друзьям*, *пятью верными друзьями*¹. Так как, однако, выразительные морфологические приметы принадлежат лишь немногим названиям чисел, то ниже мы остановимся только на них.

Имена существительные, не принадлежащие ни к одной из этих переходных или смешанных категорий, распределяются по следующим типам:

I. Имена существительные **м у ж с к о г о** рода с окончанием на согласный (кроме слова *путь*).

В качестве варьирующих признаков можно различить:

1. **В и н и т е л ь н ы й** = **и м е н и т е л ь н о м у** (группа неодушевлённых и собирательных); **в и н и т е л ь н ы й** = **р о д и т е л ь н о м у** (в единственном числе — на -а, -я) — группа одушевлённых².

¹ Стоит внимания, что в украинском языке синтаксическая смешанность функций таких названий чисел нашла себе выражение в колебании морфологических примет: *п'яти* и *п'ятьох*, *п'яти* и *п'ятьом* и под.

² Термины «одушевлённые» и «неодушевлённые» удерживаем, так как различие «живых» и «неживых» имеет крупные неудобства со стороны грамматической: в «живые» попадут как раз: *мертвец*, *покойник*; в «неживые» — предметы живой природы, не являющиеся животными: *цветок*, *дуб*, *клён* и под., и собирательные вроде *народ*. Можно было бы, впрочем, говорить о названиях «существ».

Гляжу на дом, на дуб, на народ, но — на человека, на брата и под. и также во множественном числе — гляжу на братьев, на коней и под.

2. Родительный падеж единственного числа может иметь и не иметь варианта на -у, -ю, — форм только на -у, -ю, без параллельных на -а, -я, в русском не встречается: *народа* и *народу*, *света* и *свету*, *чая* и *чаю*.

3. Творительный падеж единственного числа может обнаруживать те или другие звуковые изменения гласной приметы падежа (этимологически о:е) в зависимости от того, принадлежит ли предшествующий согласный к твёрдым или мягким звукам, а также в зависимости от места ударения: орфографически — *конём*, *краем*, *ножом*, *ершом*, *ткачом*, *детёнышем*, *плачем*, в произношении: кан^бом, край^ьм, нажом, йиршом, тка^чом¹, д^бит^боньш^ьм, плач^ьм.

4. Предложный падеж единственного числа может иметь и не иметь в значении местном (при предлогах на и в) параллельной формы с ударяемым -у (-ю). Форм только на -у (-ю) без параллельных на -е в предложном падеже (с возможным переходом неударяемого е в и) или с неударяемым -у (-ю) русский язык не знает: о *бэреге*, но на *берегу*, о *лесе*, но в *лесу*, об *угле*, но в *углу*, в *хлёве*, но в *хлеву*.

Только — на *хуторе*, в *гброде*, в *сарэе*, на *рынке* и т. д.

5. Именительный падеж множественного числа оканчивается или а) на -ы², -и, или б) на ударяемое -а, -я (только так или же имея вариант -ы, -и), или в) на -ья, или г) на неударяемое орфографическое -е (утрачивая обычный суффикс единственного числа -ин), или д) на -ята (в произношении, при -ёнок в именительном единственного, -ать, устар. -аты).

Примеры: а) *волы*, *молоты*, *кони*, *гости*, *полки*; б) *города*, *глаза*, *берега*, *рога*, *учителя* — *учители* (*учители человечества* и под.), *дома* — *домы* (в торжественном слоге), *волоса* — *волосы*, *хлеба* — *хлебы*; в) *зятья*, *прутья*; г) *крестьяне* (ср. *крестьянин*), *горожане* (*горожанин*), *цыгане* (*цыган*); д) *телята* (*телёнок*), *цыплята* (*цыплёнок*), *козлята* (*козлёнок*).

6. Родительный падеж множественного числа представляет большое разнообразие окончаний:

а) Окончание -ов имеют существительные с твёрдым (нешипящим) согласным основы: *моста*, *мосту* и т. д. — *мостов*; *старика*, *старику* и т. д. — *стариков*.

б) Орфографическое -ев принадлежит:

1) словам, имеющим в именительном падеже ед. числа окончания -ай, -ей, -ий, -ой, -уй: *соловей* — *соловьёв*, *лакей* — *лакеев*, *сарай* — *сараяев*, *негодяй* — *негодяев*, *кий* — *киёв*, *изгой* — *изгоев*,

¹ Русское ч всегда мягко (ср. гл. I, стр. 7).

² При этом надо иметь в виду чисто фонетическое изменение -кы, -гы, -хы в -ки, -ги, -хи.

поцелуй — *поцелуев*, герой — *героев*; 2) словам с именительным множественного на -ья: зятья — *зятьёв*, прутья — *прутьев*.

в) На -ей оканчиваются слова с мягким согласным основы, кроме упомянутых групп -ей, -ай и т. д. Это же окончание имеют основы на отвердевшие в русском языке шипящие: пахарь — *пахарей*, конь — *коней*, учитель — *учителей*, нож — *ножей*, шалаш — *шалашей*.

г) Без окончания родительный падеж множественного числа:

1) у существительных, именительный множественного которых оканчивается на орфографическое -е: поселяне — *поселян*, крестьяне — *крестьян*, цыгане — *цыган*; 2) у слов с окончанием именительного множественного на -ята: *телят*, *ребят*; 3) у нескольких слов, употребляющихся с названиями чисел (*раз*, *аршин*), и у некоторых других, о которых упомянем ниже.

Несколько подробностей и пояснений.

В и н и т. п. мн. ч., совпадающий с именительным, у имён одушевлённых употребляется в особых предложных выражениях, обозначающих новое положение: *вступить в члены партии*, *привести в командиры* и т. п.

Литературный язык обнаруживает колеблющуюся чуткость к различению одушевлённости и неодушевлённости: как отметил В. И. Чернышёв («Правильность и чистота русской речи», 1914, изд. 3, стр. 79—80), нет полной устойчивости в употреблении форм, когда название одушевлённого предмета относится к неодушевлённому: «пускаю бумажного змея» и «бумажный змей», читаю «Евгения Онегина» — и... «Евгений Онегин» и под. Надо констатировать, однако, что современный литературный язык решительно склоняется в сторону сохранения за словом с основным значением одушевлённости, независимо от его переносного употребления, первоначальных морфологических особенностей.

Отступают иногда названия светил: «гляжу на Марс...», хотя говорят и на «Марса»; но для такого отступления есть свои основания — «Марс», «Юпитер» и под. для большинства говорящих лишены своей морфологической одушевлённости. Наоборот, при метафорическом употреблении имён неодушевлённых, ставших обычными в подобной роли, нормальны формы, совпадающие с родительным: «Видел ты этого *идола*?», «Нелегко научить такого *болвана*» и под. «Может быть, Гитлер призовет тогда на помощь свою гвардию, СС, убийц, воров, растлителей. Но «рыцари чести» предадут *вчерашнего кумира*» (Эренб., «Правда», 3/VIII 1941 г.).

Колеблются по употреблению «микробов — микробы»: возможны — «Он изучал *этих микробов*» и «...*эти микробы*» (ср. то же и в женском роде во мн. ч.: *бактерии* и *бактерий*).

Обычно винительный падеж мн. ч. от *пиявка* звучит *пиявок*, но в выражении *поставить пиявки* употребляется только последняя форма.

Вряд ли полностью прав В. И. Чернышёв (стр. 94), утверждающий, что «имена *рябчик, рак, омар, устрицы* и прочие, употреблённые в смысле кушанья, принимаются нами, как предметы одушевлённые: изжарили *рябчика*, съели *рака, омара, устрицу*, люблю *рябчиков, раков, омаров*»... Подобные слова, одинаково мужского и женского рода, если обозначают предметы, употребляемые обыкновенно в пищу не по одному, обнаруживают тенденцию (при слове *есть*) винительный множественного образовывать одинаково с именительным: *есть омары... устрицы, шпроты, кильки, сардинки* и под., хотя рядом употребительны и *омаров, устриц*; но только *гусей, рябчиков* и под.¹ Ср. и грибоедовское: «К Прасковье Федоровне в дом Во вторник зван я на *форели*».

В речи людей, недостаточно владеющих литературным языком, слова вроде «тип, характер, элемент» употребляются по отношению к людям как одушевлённые. Такое употребление, безусловно, недопустимо: говорить следует только — «автор вывел *интересный характер*», «мы узнаём в нём хорошо *знакомый тип*», «исключили *нетрудовой элемент*». Слово *лицо* в смысле «человек» во множ. числе в винительном падеже звучит обыкновенно — *лиц*. Устарелое употребление: «...Жандармы то *привозили*, то *отвозили различные лица*, прикосновенные к делу» (Писемск.). «И вот почему мы никак не решаемся считать ненужными и лишними *те лица* пьес Островского, которые не участвуют прямо в интриге» (Доброл.).

Употребление формы родительного падежа с окончанием -у (-ю) зависит от следующих моментов: как и в украинском языке, это окончание возможно только у неодушевлённых и собирательных. На -у в родительном падеже обычно не бывает ударения. Отступают только: группа ласкательных на -ок, -ек, образованных от слов же с родительным на -у (-ю): *медок — медку́ — мёду*, *чаёк — чайку́ — чаю*; слова с беглыми о, е: *мху, льду*, и отдельные слова — *табаку́, миндалю́* и др. (в выражении «нашего полку прибыло» ударение обычно на о).

Формы на -у (-ю) принадлежат по преимуществу словам, обозначающим различные предметы, употребляющиеся по мере и весу, тогда, когда указывается, сколько или какая часть данного вещества или материала взята: *голова сахару, кило гороху, кило чаю*, а также и при указании, неопределённом относительно количества: *мёду! дайте воску* и под. Если, однако, родительным падежом управляет слово, не возбуждающее мысли о количестве, выступает обыкновенно форма на -а: *запах чая, сбор гороха*. Как замечает В. И. Чернышёв («Правильность и чистота русской речи», изд. 3, стр. 73), «к этому же разряду приближаются такие отвлечённые имена существительные, которые применяются количественно, обозначая меру или степень предмета или качества», напр.: *шум, визг, доход, убыток* и др. (наделать *шуму*, не слышно *визгу*...).

Формы на -у обычны, далее, у многих слов при отрицании: *не выдумает пороху, долго не было снегу*.

¹ У Пушкина, впрочем, в письме к жене 19 сент., 1833 г.: «...ест мои холодные дорожные *рябчики*».

Допускают их некоторые собирательные существительные: *народ, люд*, но только при указании количества: *много народу*, но *основные особенности народа, история народа*.

Употребительны они в обычных сочетаниях с предлогами *из, от, с*: *с бою, со смеху, из лесу, от роду, с краю, из дому, с холоду, с размаху*. Отдельные слова выступают в форме на *-у* в фразеологизмах: *здать перцу, дать маху*.

Заслуживает внимания, что формы на *-у* употребляются главным образом от слов, для которых множественное число необычно.

Как замечено уже Чернышёвым, формы на *-у* реже в случаях, когда при существительных имеются прилагательные.

Имена средн. рода форм на *-у* не образуют, но слова муж. рода на *-ище* могут образовать их в параллель неизменяемым. Ср.: «Медлить нельзя было: *снежищу* наваливало каждое утро в сени по колено!» (Писемск.).

Во многих случаях употребление форм на *-у (-ю)* или *-а (-я)* в русском литературном языке зависит ещё от доброй воли говорящего или пишущего: из писателей, напр., форм на *-у* гораздо больше у Гоголя и Лермонтова сравнительно с Пушкиным, у Достоевского — сравнительно с Тургеневым и Л. Толстым¹. Преобладание форм на *-у*, вообще говоря, свидетельствует о преобладании в языке писателя разговорной речи над влияниями собственно книжными. Чем ближе к нашему времени, тем форм родительного падежа на *-у* становится меньше. Младшее поколение в тех случаях, где ещё недавно было колебание, оказывает заметное предпочтение формам на *-а*.

Местный падеж ед. ч. на *-у* наиболее часто характеризует слова односложные в именительном единственном и притом, в отличие от украинского языка, такие, которые не имеют конечного ударения в остальных формах: *на полу́, на торгу́, в роду́, на шкафу́* и под. Отступления вроде *в полку́* (род. полка́), *в углу́* (род. угла́), *на посту́* (род. поста́), *на суку́* (род. сукá) — немногочисленны.

В выражениях, близящихся к наречным, в том числе и не имеющих значения места («где?»), правило при предлогах *в, на* составляет окончание *-у*: *на своём веку, на бегу, на роду, быть в ходу, в пылу* и др.

Именительный падеж мн. ч. на *-ы (-и)* имеют прежде всего слова с конечным ударением в косвенных падежах: *сто́лы* (род. ед. столá), *сно́пы* (род. ед. снопа́), *кусты́* (род. ед. куста́). Далее, характерен он для многих неодушевлённых со срединным ударением в косвенных падежах: род. ед. морб́за — им. мн. морб́зы, род. ед. паровб́за — им. мн. паровб́зы,

¹ С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке, I, 1927, стр. 103.

род. ед. отголоска — им. мн. *отголоски*, и для употребляющихся только во мн. числе: *весы, духи*¹ и под.

Встречается он также в ряде других случаев.

Окончание **-а (-я)**, всегда ударяемое, могут иметь только слова без конечного ударения в косвенных падежах ед. числа. От тех слов, которые имеют ударение в род. ед. на конце, такие формы в литературном языке не образуются: литературный язык не допускает форм вроде: «пропали мои *труда*» и под. (ср. род. ед.: моего *труда*). Отступают только *рукава, обшлага*.

Распространены формы на **-а** у многих односложных (в им. ед.): *бега, бока, борта, века, глаза, года, гроба, дома, края, луга, леса, рога, снега, сорта, счета, тона, хлева, цеха, шелка* и др.; у многих двусложных (в им. ед.) неодушевлённых с ударением на первом слоге: *адреса, берега, буфера, ветра, векселя, вечера, волоса*², *вороха, вымпела, голоса, города, желоба, жемчуга, жернова, закрома, кивера, короба, корпуса, кренделя, кузова, купола, невода, округа, ордена, ордера, оштрова, отпуска, паруса, паспорта, погреба, потроха, поезда, пояса, прииска, провода, промысла, терема, тополя, тормоза, флигеля, холода, хутора, черепа, штемпеля, якоря* и др. (среди последних, как видим, очень много иностранных); у ряда слов, обозначающих лиц (по преимуществу иностранного происхождения): *аптекаря, директора, доктора, инспектора, конюха, корректора, лектора, лекаря, мастера, пекаря, писаря, повара, пристава, профессора, шкипера* и др.

Последние почти сплошь названия должностных лиц и профессионалов с окончаниями **-ор, -ер, -арь**. Группа эта обнаруживает тенденцию расширяться: можно встретить уже, напр., *инженера, архитектора, редактора* и под. Но «оратора», «революционера» ощущаются как вульгаризмы (ср. значение слов, расходящихся с основным признаком группы, — профессия).

Из других отметим: *колокола, перепела, сокола*.

В ряде слов одинаково возможны формы на **-ы** и на **-а**, причём первые воспринимаются обыкновенно как более книжные и приподнятые, вторые — как обыденные, реже — даже вульгарные. При многих словах за последние полвека восприятие явно изменилось, и то, что раньше воспринималось как вульгарно окрашенное, стало ощущаться как нормально-литературное: *Достоевский*,

¹ Слова, употребляющиеся только во множественном числе, не могут причисляться к тому или другому роду, так как род определяется прилагательным, с ними сочетающимся, а прилагательные не различают во множ. числе родов, но родительный множ. в данном, напр., случае сближает эти слова с мужским склонением.

Распределение соответствующих форм как нормативных или принадлежащих просторечию см. в статье С. П. Обнорского «Правильности и неправильности совр. русского лит. яз.» — Изв. Отд. лит. и яз. Акад. наук СССР, III, вып. 6, 1944, стр. 238—241.

² *Волосы* — эмоционально приподнятей и обычно в разговорной речи. В стихах («Целую *волоса* душистые и плечи» — Фет) форму *волоса* можно встретить только изредка. С особой стилистической установкой встречается *волосья*: «Вижу — *волосья* как комья» (Безым.).

напр., обычно употреблял форму «поезды», невозможную в настоящее время. В о с т о к о в (Русская грамматика, § 29) допускал как литературные формы: *парусы, роги* и под.

Относительно немногочисленны случаи, когда с параллельными формами связывается различие не только в эмоциональной окраске, но и по существу: *мехи* — кузнечные, *меха* — звериные; *образы* — литературные, *образа* — иконы; *цветы* — на полях, в саду, *цвета* — краски; *хлебы* — печёные, *хлеба* — злаки; *поводы* — побуждения, *повода* (при *поводья*) — ремни узды и под.

Окончание *-ья* принадлежит в именит. мн. ч. нескольким именам одушевлённым, обозначающим родство и свойство: *братья, шурья* (к ед. ч. «шурин»), при возможном *шурины* (и та и другая форма малоупотребительны; первая имеет окраску просторечия); *мужья* (*мужси* звучит торжественно и обозначает взрослых мужчин), *сыновья* (с *-ов-*, представляющим остаток старого склонения так называемых основ на *у*), — параллельная форма *сыны* относится к приподнятому стилю и часто имеет переносное значение — «сыны отечества» и под.; *деверья* (при *девери*), *кумовья* (с добавочным *-ов-*); простореч. *дядья* (при более употребительном *дяди*); слова *князья* и *друзья* (с *з*, являющимся остатком старого склонения) и ряд неодушевлённых, по отношению к большинству которых раньше в употреблении были собирательные среднего рода ед. ч. типа «гроздь», «пруть»: *брусья, грозья* (реже *грозди*, род. п. *гроздей*: ед. ч. *грозд*, реже *гроздь*), *зубья, каменья, клинья, клочья, колосья, колья, комья, коренья* (в кушанье), *коробья, крючья, листья* (на деревьях, кустах), *лоскутья, лубья, ободья, поводья* (при *повода*), *полозья* (при *полоза*), *прутья, струпья, стручья, стулья, сучья, уголья*. За немногими исключениями (*лубья, поводья, полозья, стручья, стулья*), при всех этих словах возможны параллельные формы на *-ы (-и)*.

Заслуживает внимания, что, кроме слова *братья*, все одушевлённые этого рода имеют конечное ударение: *зятья́, сыновья́*, а неодушевлённые — накоренное: *сучья́, уголья́* и т. д.

В некоторых случаях имела место дифференциация значений: *коренья* (в кушаньях), но *корни* (растений; грамматическое понятие); *листья* (на деревьях, кустах), но *листы*; наряду с этим значением в поэтическом языке, имеет ещё и значения, относящиеся к бумаге; *колья* (изгороди и под.) — *колы* (единицы); *зубья* (напр., бороны) — *зубы* (у животных); *лоскутья* (о мелких отрезках и обрывках), но *лоскуты* бумаги, крупные отрезки и под.

Косвенные падежи к именительным на *-ья*: *-ьев, -ьям* и т. д. (о родительном см.: ещё ниже).

Именительный мн. ч. имеет окончание *-е* в словах с именительным ед. на *-анин (-янин)*, обозначающих принадлежность к социальной группе или к национальности (*-ин* при этом во всём склонении мн. числа выпускается): *крестьяне* (крестьянин), *мещане* (мещанин) и т. д. Это же окончание с таким же опущением употребляется при названиях народов и под.: *римляне* (римлянин), *киевляне* (киевлянин), *мусульмане* (мусульманин); но при «болгарин», «татарин»

установилось мн. число *болгары, татары*. От «грузин», «русин» и под. мн. число — *грузины, русины*.

Особняком стоят: установившееся *цыгане*, вместо старого и правильного *цыганы* (к «цыган», а не «цыганин»; ср. название поэмы Пушкина), *басурмане* и *басурманы* (к «басурманин», «басурман»; Лермонтов, напр., рифмует: «барабаны» и «басурманы»); архаические: *баре* и *бары* (к «барин»), *бояре* и *бояры*.

Нет установившегося употребления во мн. числе для «семьянин». Предпочтительная форма *семьянины*.

Слова «сосед», «чёрт» во множ. числе идут по мягкому склонению — *соседи, черти* и т. д. (Ср. и архаическое *холопи*). Восток в (§ 29) ещё допускал как параллельные формы *соседы* (ср.: «Тогда нестройные *соседы* Отчаялись своей победы» — Лом.) и т. д. и *холопы*; последняя у нас теперь звучит исключительно так.

К словам на -ёнок им. мн. ч. — *-ята*. К «щенок» — *щенки* и реже: *щенята*. Сохраняется *-ен-* в «чертёнок», «бесёнок» — *чертенята, бесенята*. Не имеет особого ед. числа *внучата*.

Отмеченные особенности основы сохраняются и во всех остальных падежах мн. числа. У таких писателей, как И. Крылов, Л. Толстой, мало считающихся со школьной грамматикой, можно встретить и отклоняющиеся формы типа «мышёнки», «волчентята» и под. «Ребята» может уже не стоять в связи с «ребёнок»; оно имеет также значения «подростки; парни»: «Ребята! не Москва ль за нами?» (Лерм., «Бородино»).

К слову «хозяин» — мн. ч. *хозяева* (род. *хозяев*, дат. *хозяевам* и т. д.), к «господин» — *господа*, теперь фактически выходящее из употребления; сохраняется лишь в презрительном значении и в выражениях вроде «господа положения», а также в дипломатическом языке.

Родительный пад. мн. ч.

Слова *глаз, сапог, чулок, погон* (от названий парных предметов); из уменьшительных — *глазок, сапожок, рожок* (со значением пары) — *глазок, сапожек, рожек*; *раз, аршин, грамм, человек*¹ (употребляющиеся после названий чисел); названия частей войск, обыкновенно следовавшие за «полк» и под.: *гренадёр, драгун, гусар* и под., как и *солдат, партизан*; *волос*, в котором род. множественного отличается ударением от именительного ед. ч.; названия некоторых народов — *турок, цыган, грузин, киргиз* (под влиянием типа *болгар, татар* и под.); *господ* (при котором им. ед. — *господин*) имеют род. п. мн. ч. без окончания. Ср. ещё к «хозяева» — *хозяев*.

Под влиянием «губ» — изредка у писателей можно встретить — «зуб» (у Крылова, Пушкина и др., из более поздних — у Лескова: «Приходите на полоскание *зуб*». «Полоскание

¹ Ср. *пять человек*, но: *страдания людей*. — Из архаизмов: «А в те поры все важны, в сорок *пуд*...» (Гриб.). «Он почувствовал, как будто бы с него разом свалилось десять *пуд*» (Гоголь, «Нос»). Ещё Восток в (§ 29) «десять *пуд*» считал нормативной формой.

зуб совсем не задалось» — «Островитяне»). Форма эта, безусловно, нелитературна; мы говорим только *зубов*.

К «сыновья» род. мн. — *сыновей*, к «друзья», «князья» — *друзей*, *князей*, к «тетерева» — *тетеревей* (и *тетеревов*). Полвека назад были ещё правильны «кумовей», «зятевей».

Ряд слов в падежах, кроме именительного (вин.) ед. ч., утрачивает *о* и *е*, обычно восходящие к древнейшим глухим звукам — *ъ* и *ь*: *рот* — *рта*, *лоб* — *лба*, *день* — *дня*, *соловей* — *соловья*; *камень* — *камня*, *ремень* — *ремня* и др.

II. В именах существительных среднего рода различаются относительно немногочисленные варьирующие приметы склонения.

В отличие от мужского склонения, имена существительные среднего рода не различают у одушевлённых именительного и винительного в ед. числе: форма винительного совпадает с именительным — *вижу дитя*, *пускает стрелу в чудовище*. Но во множественном у одушевлённых винительный совпадает с родительным: *вижу детей*, *поражает чудовищ*. Так и у субстантивизированных прилагательных: *вижу животное*, ... *насекомое*, но... *животных*, *насекомых*.

Склонение на *-о*, *-е* во всех падежах, кроме именительного-винительного ед. ч. и им.-вин. мн., совпадает с мужским; но среднему роду неизвестны параллельные формы родительного и местного ед. ч. на *-у(-ю)*.

Имен.-вин. мн. ч. у слов на *-ко* (одинаково — суффиксальное и несуффиксальное) с неподвижным ударением оканчивается не на *-а*, а на *-и*: *веки*, *яблоки*, *стёклышки*, *ушки*.

По существу перед нами факт узаконения на письме произношения, параллельного формам с конечным неударяемым *-а*: раньше обычны были: «сёлы», «вёслы», «озёры» и под.¹, — в группе *-кы* произошло фонетическое изменение в *-ки*. По образцу подобных форм в позднейшее время создано *очки*, где конечный слог находится под ударением и где поэтому ожидалось бы сохранение звука *а*: ср. *войска́*, *облака́*.

Остаток двойственного числа представляют: *очи*, *плечи*, *уши*, *колени* (*колена* — форма приподнятого стиля).

-ья имеем в *деревья*, *донья*, *звенья*, *крылья*, *перья*, *поленья* (ср. и косвенные падежи — *деревьев* и т. д.). *Коленья* — «когда говорится о дудчатых составах какого-либо растения или орудия» (В о с т о к о в), «отдельные части чего-нибудь согнутого или идущего ломаной линией...» (Толк. слов. Уш.). Род. п. мн. ч. от *кольцо* — *колец*, от *крыльцо* — *крылец*. К *яйца* род. п. мн. ч. — *яиц*.

К «судно» мн. ч. — *суда* (ср. и косвенные падежи *судов*, *судам* и т. д.).

¹ Ср. у старых писателей: «Не их ли кровию омыты Твои булатные *копыты?*» (Пушк.). «Знать, давно в плотине течь, Доски гнилы, — А нельзя здесь не прилечь На *перилы*» (Фет).

Родительный падеж мн. ч. обычно не имеет никакого окончания у имён с основой на твёрдый согласный. Если основа оканчивается на два согласных, между ними обыкновенно появляются вставные (иногда исторически необоснованные) звуки *о, е*, разумеется, с их позднейшими фонетическими изменениями: *дел* (не «делов», — нелитературная форма), *мест* (не «местов», — нелитературная форма); *стёкол, окон, брёвен, ремёсел* (при более книжном *ремёсл*). При -ст вставки нет: *мест*. Отстают *судов, облаков* («облак» — только в архаизирующем стиле, — ср.: «Сквозь *облак* тяжёлые свитки...» — М. Волошин; «Языки медные меж *облак* разбросав...» — Антокольский, — у старых писателей эта форма чаще); *ушков* при *ушек* с дифференциацией значения (первое — от *ушкó* «отверстие в игле» и под., второе — от *ушко* — уменьш. от «ухо»), *яблоков* (при *яблок*), *озерков*. Ср. и имена на -ико (*плечиков, колёсиков*).

У имён, оканчивающихся на мягкий согласный или шипящий и *й*, тоже преобладает родительный мн. ч. без особого окончания: *ружей, солений, сокровищ, плеч*. Слова на -ье при этом обычно имеют окончание -ий (но ср. *ружей*).

Отстают: *платьев, устьев* (при *устий*)¹ и все имеющие именительный множественного на -ья к единственному числу твёрдого склонения; *морей, полей, плечей* (устар.; более употребительно *плеч*), *очей, ушей*.

В творительном падеже мн. ч. изредка употребляются «плечьями» (обычно *плечами*) и у старых писателей «ушьми» (обычно *ушами*): «Питомец резвый Карабаха Прядёт *ушьми*...» (Лерм.).

Другие типы склонения среднего рода:

Небо, чудо характерны только вставным -ес- во всех падежах множественного числа (у старых писателей, напр., у Жуковского, можно встретить «чуда» в смысле «чудовищные животные»).

Дитя (род., дат. и пр. *дитяти*, тв. *дитятею*, мн. ч. *дети* и т. д.) встречается почти только у писателей с хорошей книжной выучкой, напр., у Чернышевского — «Что делать?»; ср. и у Некрасова: «Однако же зависть в дворянском *дитяти* Посеять нам было бы жаль» («Крест. дети»). Теперь предпочитают косвенные падежи от «ребёнок».

Тип на -мя имеет -ен- во всей парадигме и окончание и в родительном, дательном и предложном ед. ч.: *имени*². К слову «семя» установился род. мн. *семян*, к «стремя» — *стремян*.

¹ *Подмастерьев*. Слово мужского рода, сохранившее окончание среднего рода (по происхождению — собирательное).

² У старых писателей этот тип явно ассимилировался обычному склонению ср.: «Но как ужасно знать до *время* Свою ужасную судьбу!» (Рылеев). «Выше *темя* гор» (Кольц.). «Из *пламя* и света Рождённое слово» (Лерм.). «То к *темя* их прижмёт...» (Крыл.). Ср. диалектное: «сколько *время?*» Современный литературный язык подобных форм безусловно не допускает.

III. Имена существительные женского рода принадлежат к двум типам склонения: на **-а (-я)** в им. ед. ч. или на согласный (мягкий или шипящий).

Что касается первого типа, охватывающего и сравнительно многочисленные слова рода **мужского**, то тут требуют замечаний только такие вариации:

Винит. пад. мн. ч. у названий существ равен родительному: *вдов, тёток*. По их аналогии — и *кукол* (но *играть в куклы*).

Тв. ед. допускает параллельные окончания **-ою (-ею)** и **-ой (-ей)**.

Любопытно, что **Восток**ов, считая сокращение **-ой (-ей)** принадлежащим «просторечию» и допустимым в стихах, рекомендовал избегать его там, где родит. мн. оканчивается на **-ей** (§ 26). Мы теперь с этим не считаемся.

Родит. пад. мн. ч. — обычно без окончаний: *жён, плит, линий, туч, роц*.

При конечной группе согласных имеет место такая же вставка **о, е**, как и в именах среднего рода: *сестёр, земель, кочерёг, серёг, сосен, сумерек*. Реже случаи вроде *игл, изб, игр, выдр*.

При **-ст, -зд, -лн, -нт** вставки нет: *волн, лент* и под.

Полезно ещё заметить случаи дифференциации — *ласк* (от глагола «ласкать») и *ласок* (зверьков) и колебание *свадьб* — *свадеб, усадьб* — *усадеб; судеб*, но *просьб*.

Слова на **-ня** с согласным перед ним, если перед конечным согласным нет ударения (ср. *деревень*), имеют род. множ. с **н** твёрдым: *башен, пашен, песен*. Мягкое **н** сохраняется ещё в словах *барышень* и *кухонь* (**Шахматов** допускал и *кухон*).

Заметим ещё, что форма род. падежа мн. ч. от «бойня» — *боев*, но к «тайна», «война» — *тайн, войн*.

Окончание **-ей** принадлежит некоторым основам на мягкие или шипящие согласные: *вожжей, клешней, ноздрей, пашей, саклей, ровней, ханжей, юношей, головней, западней, долей* и др., большею частью редким в единственном или малоупотребительным во множественном числе. Колеблются *воль* и *волей* (ср. Брюсов: «*Мечту пронзили миллионы волей*»), *граблей* и *грабель, корчей* и *корч*.

Заметим ещё *свиней, семей*, но *молний, линий*.

Из частных, относящихся к этому склонению, заслуживает также внимания, что к слову «курица» в литературном языке мн. числом служит основа *кур-* (собственно от неупотребительного «кура»): *куры, кур* (не «куррей»!), *курам* и т. д. **Пушкин** ещё склонял «курицы», «куриц» и т. д.

К «слюна» мн. число образуется от мягкой основы — *слюни, слюней* и т. д.

К слову *мечта* во мн. числе употребительны все падежи, кроме родительного; последний обычно заменяется формой *мечтаний*.

К *мольба* и *борьба* родительный мн. ч. тоже образуется от другой основы — *молений, борений*.

Слово *дыра* образует имен.-вин. мн. по правилу *дыры* и, как отклонение, — *дырья*. Последняя форма уже по значению, ср.: «*Дырья* старого сюртука». От этой основы могут образовываться и остальные падежи: «Платье всё в *дырках*».

В склонении на *с о г л а с н ы й* варьирующими формами являются:

В и н. м н.: *мышей, рысей, но ветви, ночи*.

Т в. е д. Наряду с *-ью* у старых писателей встречается архаическое *-ию*: «Мне *смертию* кость угрожала» (Пушк.). «И тайной *скорбию* мечта его полна» (Фет). «Позволь мне *жизнию* упиться день один» (Фет).

Т в. п. м н. ч. При некоторых словах употребительны параллельно формы на *-ьми* и *-ями*. Окончание *-ьми* господствует в *дочерьми, лошадьми, плетьюми*, а также в словах *детьми* и *людьми*, идущих (во мн. ч.) тоже по этому склонению. *Костьми* употребляется только в речении «лечь *костьми*»¹. При всех данных словах, кроме *людьми*, возможно и окончание *-ями*. При более употребительном *дверями* возможно и *дверьми*. Остальные относящиеся к данному склонению слова имеют тв. мн. на *-ями*: *страстями, печами*.

Из других частных отметим:

«Сажень» имеет род. мн. *сажен* и *саженей*; *церковь* — дат., тв. и предл. мн. ч. с «твёрдыми» окончаниями — *церквам, церквами, при церквах*.

В словах «дочь» и «мать», начиная с род. п. ед. ч., появляется вставное *-ер-*, проникшее в им. (вин.) ед. только в архаическом варианте слова «мать»: «Клянусь, о *матерь* наслаждений, Тебе неслыханно служу...» (Пушк.). «И вспомнится тогда не *матерь* санкюлотов, Несущая сама винтовку и плакат, А та ...» (Безым.). Ср. и *праматерь*.

Слово «путь» (м. р.) отличается от соответственного женского склонения только творительным пад. ед. ч.: *путём*.

Склоняя слово «любовь», поэты, по преимуществу старые, наряду с формой *любви*, нередко употребляют вариант *любви*: «Голос нежный, взор *любви*...» (Пушк.) «*Любви* крылья вознесли В отчизну пламени и слова»² (А. К. Толст.). Сохранение *о* — теперь правило только для собственного имени *Любовь*.

Сравнительно с упомянутыми основными типами склонения особых замечаний требуют немногие колеблющиеся категории.

Украинские фамилии на *(-ен)ко* одни изменяют по мужскому склонению (из писателей, напр., *Чехов* и *Короленко*), другие — по женскому, третьи — вообще избегают склонять, т. е. мы наблюдаем склонение: *Шевченка, Шевченку* и т. д.; *Шевченки, Шевченке* и т. д.; в произведениях поэта *Шевченко, поэту Шевченко* и под.

¹ В первой половине XIX века употреблялось ещё *цепьюми* и подобные формы. Ср., напр., у Языкова: «Гремя *цепьюми*, склонивши *вью*...»

² И тут же *любви*.

Избегать склонения подобных слов нет, однако, серьёзных оснований: кроме вреда для конструкции фразы это ни к чему не ведёт¹. Другое дело, когда фамилия на *-ко* относится к женщине и когда способ изменения на *-ова* угрожал бы в русском языке недо-разумением — тем, что фамилия представлялась бы связанной с мужским родом на *-ов*.

Какому из двух существующих типов склонения отдать преимущество для мужского рода? Думаем, что Г р о т («Русское правопис.», § 29) был вполне прав, рекомендуя предпочесть мужское как правильное, не отклоняющееся от нормы других склоняемых слов. Там, где неударяемость *о в -ко* не «соблазняла» к переводу подобных фамилий в женское склонение, кажется, практика знала только мужское: *Копку, Копком, Головку, Головком*.

Только в официальном языке (языке документов и под.), где необходимо учитывать опасность такой неточности, как возможное смешение фамилий типа *Бровка* и *Бровка*, если в тексте употреблены только косвенные падежи, — предпочтительны неизменяемые формы.

Следует склонять применительно к обычным типам и иноязычные фамилии типа *Беценбергер, Ген, Микоян, Тычина, Сосюра* и под., если ими называются мужчины.

В ряде случаев и литературный письменный язык и, ещё более, разговорный знает колебания склонения, зависящие от неопределённости или сбивчивости примет грамматического рода. В словах, употребляемых только во множественном числе, так как сочетаемые с ними прилагательные не имеют во множ. числе родовых признаков, колебаниям между разными типами склонений сильно подвержен родительный падеж, которым в известных типах различаются роды: к «очки» (слово по происхождению и по орфографическому употреблению дореволюционного времени — среднего рода) — родительный мн. *очков* (мужского типа), «очёк» встречается только как просторечное отклонение; к «обои» обычный род. падеж *обоев* (вышло из употребления — «обой»); к «панталоны», «кальсоны» — *панталонов* и *панталон*, *кальсонов* и *кальсон*; ср. далее: *помоев* и (иногда у старых писателей) *помой*, *сумерек* и (у старых писателей) *сумерков* и под.

Колебание у слов, употребительных, главным образом, во мн. числе, может распространиться на всю парадигму: *бацилла* и устар. *бацилл*, *нападок* и *нападков* (род. мн.) — ср. *нападка* при более редком *нападок*; *рельс* и реже *рельсов* (род. мн.) — им. ед. *рельс* и, реже, *рельса*; *ботинка* (устар.) и *ботинок*, *валенок* и *валенка*, *манжет* и *манжета*, *бакенбарда* и *бакенбард* (устар.), *ставень* и (простор.) *ставня*, *ботфорт* и устар. *ботфорта* и под. Особенно рас-

¹ Точно так же не следует оставлять без изменения географические наименования вроде устар. *Вильно* (теперь *Вильнюс*), *Гродно*, как это находим, напр., у Н е к р а с о в а: «Никакие известья из *Вильно*, Никакие статьи из *Москвы* Нас теперь не волнуют так сильно...» («О погоде»).

пространено такое колебание у парных (ср. ещё нелитературное «калош» при литературном *калоша*).

В некоторых случаях у слов на мягкий согласный возникло колебание между склонением мужского и женского рода: *вуаль* — обычно женского рода, изредка переходит в мужской — «вуаля» и под. (напр., у Лермонтова, Чернышевского), ср.: «...Отверните *ваши* вуаль, пока мы здесь одни» (Лерм., «Маскарад»), *мозоль* — женского и (устар.) мужского р., *рояль*, обычно мужск. р., у писателей XIX века часто в женском и под. Ср.: «С пожелтевших клавиш *плачущей* рояли... Поднимались звуки, страстно трепетали» (Надсон). «И *гремела* рояль — струны пели» (Полонск.). Писемский употребляет *портфель* в женском роде, а *герань* — в мужском. «Ставень», род. ед. *ставня* и т. д., род ед. *ставни* и т. д. Ср.: «Ветхая *ставень*, резьба и кровли узорный конёк» (Фет). «Ковыль» в женском роде у Некрасова («Мороз-Красный нос»), повидимому, диалектизм: «Не ветер гудит по *ковыли*».

Реже случаи, когда влиятельным оказывается какой-либо отдельный падеж, в котором не различен род; ср. в *кобуре* — отсюда при *кобура* неправильное «кобур».

Ряд заимствованных слов среднего рода в русском языке не склоняется: *бюро, какао, желе, депо* и под. Склонение *пальто*, нередкое в разговорной речи, грамматикой до сих пор не узаконено. В языке классических писателей было в употреблении склонение *кофей*, теперь вытесненное несклоняемым *кофе*. Меньше несклоняемых слов, которые относят к другим родам. Так, к мужскому роду обыкновенно относятся названия людей и других существ: *рантье; какаду, кенгуру, шимпанзе*.

Не склоняются русские фамилии вроде *Дурново, Веселаго*, представляющие остатки родительного падежа ед. ч. Что касается подобных же фамилий на *-ых (-их)* (род. мн.) — *Косых, Чутких* и под., то их тоже, как правило, не склоняют; ср.: «Лирические воспоминания Ивана *Сизых*» (А. Левитов).

Входящая теперь всё больше в обиход практика оставлять несклоняемыми иностранные фамилии мужчин типа *Риман, Дельбос*, как замечено, не может быть оправдана серьёзными аргументами. Будучи последовательными, надо было бы тогда перестать склонять и *Шиллер, Шекспир, Байрон* и под.

Замечания о произношении окончаний в склонении.

Неударяемые *е* и *я* звучат в русском обычно как *и*; как *ъ* произносятся они: в имен. пад. ед. — «воля, злая» звучат — *вóл'ъ, злáй'ъ*; в имен. вин. ед. ч. средн. рода — «поле чистое» — *пóл'ъ чíст'ый'ъ*; в род. ед. ч. «поля, моря, пахаря» — *пóл'ъ, мóр'ъ* (т. е. так же, как в им. ед.), *пáх'ър'ъ*; в твор. ед. ч.: «полем, морем, пахарем» — *пóл'ъм, мóр'ъм, пáх'ар'ъм*; в окончаниях мн. ч. род. п. (*-ев*) — «стульев, прутьев» — *стúл'ь'ѣф, прúт'ь'ѣф*; дат., твор., предл. (*-ям, -ями, -ях*) — *стúл'ь'ѣм, стúл'ь'ѣм'и, стúл'ь'ѣх*.

В предложном падеже ед. ч. конечное *е* переходит в *и* или близкий к нему звук: в поле (г д *е*?), в море (г д *е*?) звучат: ф по́льи, в мо́рѣи (см. Д. Н. Ушаков. Русская речь. III, стр. 24).

В именительном-винительном среднего рода во мн. числе в устарелом московском произношении — **-ы (-и)** — «вороты, гнёзды, крючьи» и под. Однако, такое произношение под влиянием письма всё больше уступает место произношению **ъ**, которое следует считать в данном случае общелитературным.

2. ДВИЖЕНИЕ УДАРЕНИЯ В СКЛОНЕНИИ ИМЁН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ.

Русский язык обладает двумя основными типами м у ж с к о г о склонения, сохраняющими ударение родительного падежа ед. числа: 1) типом с ударением корня, префикса или суффикса и 2) типом с ударением флексии. П р и м е р ы 1: *перевáл, огорóд, мак, взор, звук, зáпах, рáзум, вѣстрел, селянѣн, граждани́н, буя́н.* П р и м е р ы 2: *огня́ (род. п.), жука́, куска́, косаря́, соловья́.*

Это — типы с н е п о д в и ж н ы м ударением¹.

Очень много слов входит в группы, характеризующиеся п о д в и ж н о с т ь ю ударения:

Группа **а**. Сохраняет ударение основы во всём ед. числе и именительном (у неодушевлённых он, разумеется, и винительный) мн. ч.: *гóсть, гóстя* и т. д., *гóсти*; *ла́поть, ла́птя* и т. д., *ла́пти*, но переносит ударение на флексию, начиная с род. мн. ч.: *гостѣ́й, гостя́м* и т. д.; *лапте́й лаптя́м* и т. д.; *вóры*, но *ворóв, ворáм* и т. д.

Группа **б**. Ударение неподвижно в ед. числе и лежит не на флексии, но переносится на флексию во мн. ч.: *пѣзд... на пѣзде*, но: *поездá, поездóв* и т. д.; *гóрод... в гóроде*, но: *городá, городóв; сы́на (род. п.), о сы́не*, но *сыновья́, сынове́й, сыновья́м* и т. д.

Группа **в**. Ударение неподвижно в ед. числе, кроме предложного (местного), в котором оно переносится на флексию: *на берегú, на ходú, в рядú, на возú* (ср. *бѣрега, бѣрегу, хóда, хóду* и под.); флексия мн. числа ударяема: *берега́, ряды́, возы́, береговóв, рядóв, возóв* и под.

При некоторых словах русский язык вместе с вариантами окончаний именительного-винительного мн. числа имеет два типа ударения: *домá — дóмы, годá — гóды, образа́ — óбразы* (с различием в значении).

В подвижной тип группы **а** входят, напр.: *зуб, клуб, вор, чѣрт, бас, бог, слог, волк, червь, голубь, корень, окунь, перстень, соболь, зверь, лебедь, коготь, ноготь, гусь.*

В эту группу вступают только имена существительные, имеющие в имен. пад. ед. ч. не более двух слогов.

Группа **б** охватывает, напр., слова: *хлеб, рог, дар, сыр, муж* (им. мн. *мужья*), *пай, остров, погреб.*

¹ Сюда же следует отнести и «путь» — род. *путѣй*, дат. *путѣи* и т. д.

Эта группа всё увеличивается в числе за счёт неподвижного типа I-го. По существу и она состоит из слов односложных и двусложных в именительном единственного, но в неё вошло небольшое количество имён существительных, главным образом иностранных, трёхсложных: *учитель* — *учителѣя*, *профессор* — *профессора* и под.

К группе *в* относятся слова почти сплошь несUFFIXальные и неPREFIXальные. Как отметил Я. К. Грот (Фил. разыск., изд. III, I, стр. 438), сюда «из предложных имён... могут подлежать только такие, которые без предлога [т. е. префикса] не употребительны, напр., *откуп*, *погреб* — *на откупѣ*, *в погребѣ*», но в них теперь предпочитается вместе с другим окончанием ударение *на откупе*, *в погребе*. Чаще других употребляется только в *отпускѣ*¹.

Из слов с неподвижным ударением на флексии *угол*, *узел*, *угорь* в именительном падеже ед. ч. имеют ударение на корне.

У *коня*, *гвоздя* и т. д. имен. мн. звучит: *кони*, *гвозди*, но род., дат. и т. д.: *коней*, *конями* и т. п.

Зубки, *зубок* и т. д. при ед. ч. *зубок*, *зубка* и т. д. — продукт влияния слова «губки». Ср. ещё расхождение в ударении между единственным и множественным числом у слов с суффиксом *-ок*, *-ка*, обозначающих парные предметы: *глазки* (*глазѣк*); при *белок* (глаза) мн. ч. в просторечии *белки*: «Что таращишь *белки*?»; *сапожки* (*сапожѣк*); *рожки* (*рожѣк*): *рога*; но растения, музыкальные инструменты и под. — *рожки*.

При *два*, *три*, *четыре*, реже при *оба* слова *ряд*, *шаг*, *час* образуют формы *рядá* (и *рядá*), *шагá*, *часá*; возможно такое ударение ещё и при *шар*, *раз*. Ср. и *полчасá*. У писателей первой половины XIX века не редки *два́ раза* и под.

Средислов *с р е д н е г о* рода преобладают такие, в которых ед. число отличается от множественного своим ударением: *слово*, *слова* (ед. ч.) — *слова́* (мн. ч.); *право*, *права* — *права́*; *сердце*, *сердца* — *сердца́*; *вино*, *вина* — *вина́* (мн. ч.); *весло*, *весла* (ед. ч.) — *весла́* (мн. ч.); *крыло* — *крылья* и под. Ср. отражение подобной тенденции в словах, обычно не употребляющихся во мн. числе: «В тумане волн и брызги серебра, И стёртые эмалевые краски... Я так люблю осенние *утра́*» (И. Анненский). «Первым дроздом закликают леса, Первою шукой стреляют *плеса́*» (Багрицк.)². Это же правило проводится

¹ Следующие слова употребляются в литературном языке с колеблющимся ударением (относятся одновременно к разным типам): *плода́* и *плѣда* (во втором случае со значением «животного плода»), *поста́* и *пѣста* (о должности и под.), *прута́* и *прута*, *следа́* и (уст.) *слѣду*, *червя́* и (уст.) *чѣрвя*, *этажа́* и (уст.) *этажа*. В языке писателей XIX века встречались: *пѣрста* (теперь — *перста́*), *холма́* (теперь — *холма*) наряду с нынешними ударениями. О других отклонениях первой половины XIX века см. «Русск. яз. в школе», 1940, № 2.

Распространённые ударения: *лоскута́*, *моста́*, *пажа́*, *пруда́*, *сома́*, *уса́*, *шута́* должны быть отнесены, скорее, к диалектным (ср. «Толк.: словарь русского языка» под. ред. Д. Н. Ушакова).

² Слова *дѣрево* и *ѳзеро* имеют теперь обычно мн. число с ударением *дѣрѣвья* (при архаическом *дѣревá*) и *ѳзѣра*; в грамматике В о с т о к о в а отмечалось ещё только *ѳзера́*.

и в тех типах, где во множественном числе, начиная с род. ед., появляется добавочный слог: *небо* — *небеса́*, *чудо* — *чудеса́*, *время* — *времена́*, *семя* — *семена́*¹.

Отступления от тенденции различать ударением числа относятся к таким категориям случаев:

1) к словам, ударяемым на среднем слоге: *коры́то*, *колёно*, *зубы́ло* и под.;

2) к суффиксальным — с продуктивными суффиксами (в большинстве старославянского происхождения): *средство* : *средства*, *пиршество* : *пиршества*, *общество* : *общества*, *торжество* : *торжества́*, *платье* : *платья́*, *кушанье* : *кушанья́*, *питиё*, *питьё* : *пити́я*, *питья́*, *правило* : *правила*.

Ср. в словах с непродуктивными или слабо изолирующимися суффиксами: *зёркало* : *зеркала́*, *кру́жево* : *кружева́*, *сёрдце* : *сердца́*, *кольцо* : *кольца́*, *яйцо* : *яйца́*.

У слова *кру́жево* при этом род. п. мн. ч. сохраняет ударение на гласном корня — *кру́жев*. Приблизительно до середины XIX века такое ударение было характерно и для слова *зёркало* — *зёркал*; ср. у Пушкина: «...Там, в виде *зёркал* и картин, Короткий плащ, картуз, рапира висели на стене рядком» («Череп») и у Д. Давыдова: «В нём [домишке] нет нищих у порогу, В нём нет *зёркал*, ваз, картин...» («Бурцову»); теперь — *зерка́л*;

3) К остаткам двойственного числа с окончанием *и*: *уши*, *бчи*, но *плечо́* : *плéчи*. У всех трёх слов косвенные падежи имеют ударение на флексии.

В немногих случаях род. п. мн. ч. при вставном гласном может получать ударение на нём: *гумён*, *колёц*, *крылёц*, *окон* (при обычном *окон*); ср. и *яйц*.

Слова *уши*, *бчи* имеют в остальных падежах ударение *ушей*, *ушам* и т. д., *очей*, *очам* и т. д. *Плечи* наряду с *плечам* и т. д. в поэтическом языке допускает просторечное ударение в дат. и предл. на корне («Жизнь Крепким ветром по *плечам* моим Узловатой хлестала верёвкой» — Н. Тихонов).

В женском склонении на *-а*, *-я* различаются по ударению типы:

1. С устойчивым ударением на основе: *сила*, *силы* и т. д., *рана*, *раны* и т. д., *корзина*, *корзины* и т. д.

2. С устойчивым ударением на флексии: *мечта́* — *мечты́* (им.-вин. мн.); *статья́* — *статьи́* (им.-вин. мн.).

3. С ударением на флексии в единственном числе и с переносом его на предшествующий слог в именительном (винительном) множественного: *сестры́*, *сестру́* — *сёстры*; *волна́*, *волну́* — *волны*.

4. С ударением на флексии в единственном числе, кроме винительного падежа, и с переносом на предшествующий слог (в формах с полногласием — на первый) в винительном ед. и именительном

¹ Слово «знамя» при старом *знамена́* (мн. ч.), сохраняющемся ещё главным образом в поэзии («Бедой шумели *знамена́*» — Пушкин.), имеет новое — *знамёна*.

(винит.) мн. ч.: *зима* : *зиму*, *зимы*; *земля* : *зёмлю*, *зёмли*; *доска* : *дбску*, *дбски*; *борода* : *бброду*, *бброды*; *борона* : *бброну*, *бброны*; *сковорода* : *скбвороду*, *скбвороды*¹.

В обоих типах с подвижным ударением д а т е л ь н ы й, т в о р и т е л ь н ы й и п р е д л о ж н ы й мн. ч. в одних словах имеют оттянутое ударение, в других — на флексии: *сёстрам*, *жённам*, *играм*, *зимам*, но *рука́м*, *нога́м*, *свеча́м*; *доска́м* (род. п. мн. ч. *до-со́к*). Немало и таких слов, у которых ударение этих падежей колеблется: *во́лнам*, *во́лнами* и (более стар.) *волна́м*, *волна́ми*; *ска́лам*, *ска́лами* и *скала́м*, *скала́ми* и под.

Ср. у поэтов: «Кто при звезда́х и при луне Так поздно едет на коне?» (Пушк.). «Они крылатыми стрела́ми Пронзают в облаках орлов» (Пушк.). «Однако, предо мной под мирными звезда́ми...» (Фет). «...На небо синее, горевшее звезда́ми» (Фет). «Шлейф, забрызганный звезда́ми...» (А. Блок). «...Стонет он по тюрма́м, по острогам» (Некр.), но: «И над мигом свивая покровы, Вся окутана звёздами выюг...» (А. Блок) и под.

Тот же перенос во множественном числе наблюдаем у двусложных основ с ударением на флексии в единственном: *высота́* : *высо́ты*, *красота́* : *красо́ты*, *седина́* : *седы́ны*, *простыня́* : *просто́ни* (и *просто́ни*); *тягота́* : *тяго́ты*. В двусложной по происхождению основе *судьба́* : *суды́бы*, но в остальных падежах колебание *суде́б*, *суде́б*, *суды́бам* и *суды́бам* и т. д.; во фразеологизме только «Какими судьба́ми?» Перенос ударения в этой группе слов — одно из наиболее молодых явлений в истории русской акцентуации: писатели XVIII и отчасти даже XIX века нередко ещё сохраняют и во множественном числе ударение единственного, да и само множественное число у ряда подобных слов с абстрактным значением появилось только относительно недавно².

Слова на -и́на в тех редких случаях, когда от них образуется множественное число, и теперь сохраняют конечное ударение: «И шершавым шагом мерая таёжные ти́шины, Видят...» (Тихон.).

Заметим ударение: *по́хороны* — *похоро́нам*, *похоро́нами* и т. д.

В р о д и т е л ь н о м мн. ч. в подвижных типах обычно ударение переносится на последний слог: *голо́в*, *похоро́н*, *сковоро́д*, *сестёр*, *земель*, *серёг*; ср. и при окончании -ей: *суды́и* — *суде́й*, *свечи* — *свече́й* и под. Реже случаи вроде *со́сен*, *вёсен*. Впрочем, у многих писателей начала XIX века *сосна* вообще имеет ударение на *о*.

Как уже отчасти ясно из сказанного выше, принадлежность слов к тому или другому из типов в русском литературном языке не является в ряде случаев твёрдо установленной и колебания, особенно если принять во внимание полностью и язык XIX века, довольно значительны.

¹ Из трёхсложных (кроме полногласных) характерна подобная подвижность для слова *слобода́*: вин. ед. *слободу* (при *слободу́*), им. мн. *слободы*.

² Слово *сирота́* образует множ. ч. *сироты́*. Диалектной формой следует считать *сироты́*; ср. у Некрасова «Горькие мы *сироты́*»; также и *сироты́*.

Не исчерпывая материала, отметим, напр., колебание в ударении *пору́* и *пору* (последнее чаще); ср.: «И, неизменные, ликующей весне *Пору́* зимы напоминают» (Фет). «В глуши что делать в эту *пору*?» (Пушк.). «В золотую *пору* малолетства Всё живое счастливо живёт» (Некр.); *губа́* и *губа*, *слуда́* и *слуда* (редко), *овцу́* и *овцу* (устар.); ср.: «Из лесу серый волчище выходит. Чью он *овцу́* унесёт?» (Некр.), или: «Крестьянин позвал в суд *овцу́*» (Крыл.), но у него же: «Из стада серый волк В лес *овцу* заташил»; *избу́* и *избу*: «Я вижу полное гумно, *Избу́*, покрытую соломой» (Лерм.), но «Прибежали в *избу* дети» (Пушк.); *грозу́* (обычно) и *грозу*: «Люблю *грозу́* в начале мая» (Тютч.); «...Что будет с нею, если заблудится в этом Диком месте ночью и в *грозу*, которая чёрной Тяжкой тучей шла на долину?» (Жуковск.); *реку́* и *реку*; ср. в той же сказке Жуковского «Кот в сапогах»: «...Вся хитрость в том, Чтоб ты сейчас пошёл купаться в *реку*» и: «Маркиза Карабаса Ограбили и бросили в *реку́*...»¹.

Восток о в считал литературным ударение *сэмыю*, *бвцу*, *свйню* (стр. 205).

Конечное ударение в первой половине XIX века сохраняют в именительном и винительном мн. ч. обыкновенно *беды́*, *скалы́*, *скамы́*, *страны́*, *струи́*, *судьбы́*, *толпы́*, *тюрьмы́*; возможно оно и у многих других с вин. п. ед. ч., ударяемым на флексии: *зме́й*, *орды́*, *свечи́*, *сестры́*, *суды́* и др.

Примеры старых ударений:

«Мне ли думать о куплетах? За свирель... а тут *беды́*» (Баратынск.). «Они влачат по мукам дни свои, И в их сердца впиваются *зми́й*» (Кюхельбекер). «*Орды́* пришельца — снедь мечей! И мир взывает: слава!» (Жуковск.). «...Где бедные простых татар *семьи́* Среди забот и с дружбою взаимной Под кровлею живут гостеприимной» (Пушк.). «В плену *сестры́* её увяли» (Лерм.). «Дробясь о мрачные *скалы́*, Шумят и пенятся валы» (Пушк.). «Уж проходят караваны через те *скалы́*, Где носились лишь туманы Да цари-орлы» (Лерм.). «И всё: горшки, *скамы́*, столы — Марш! марш! — всё в печку поскакало» (Пушк.). «Он пел те дальные *страны́*, Где долго в лоно тишины Лились его живые слёзы» (Пушк.). «Глядел на светлые *струи́*, Пред ним бегущие игриво» (Баратынск.). «Он говорил: «Ликуйте, о друзья! Что вам *судьбы́* дряхлеющего мира?» (Лерм.). «*Суды́* толкуют трои сутки, Какую б выдумать преступникам им казнь» (Крыл.). «...И провожал он к дверям рая *Толпы́* освобождённых душ» (Лерм.). «Такая притча — Что день, то казнь. *Тюрьмы́* битком набиты» (Пушкин, «Бор. Год.»).

Колебание находим иногда у тех же авторов: *скалы́* и *скалы* — у Лермонтова, *суды́* и *суды* — у Грибоедова.

¹ С. П. Обнорский («Правильности и неправильности...», стр. 241—242) рекомендует отдавать предпочтение ударению окончания, что далеко, однако, от фактического употребления.

Женское склонение на согласный.

В единственном числе ударение обыкновенно переносится у многих односложных основ на окончание местного падежа (т. е. после предлогов *в* и *на*): *в ночи́, в пыли́, в степи́, в тени́* и под. Таковы, напр., из употребительных, кроме упомянутых: *цепь, мель, дверь, грудь, жердь, клеть, сеть, горсть, десть, кость, честь, связь, ось, печь, речь*.

Дву- и трёхсложные с ударением на первом слоге (*лошадь, площадь* и под.), раньше в литературном языке имевшие местный падеж с ударением на конце (ср. *В о с т о к о в*, § 184)¹, теперь сохраняют ударение именительного падежа ед. ч.

Ударения на окончании в родительном и дательном падежах ед. ч. не считаются образцовыми литературными, хотя у поэтов встречаются относительно нередко: «В пространстве пасмурной *дали́...*» (Пушк.). «Какая честь для нас, для всей *Руси́...*» (Пушк.). «Стеня под бременем, румянее *крови́* — Ты видишь — розы покраснели» (Батюшк.). «...О первом волнении *Кипящей крови́*» (Мятлев). «Если выйдут из *печи́* Пирожки твои душисты...» (Щепк.-Куперн., пер. из Ростана).

Литературной норме соответствуют: «С *печи́* не прыгнёт» (Никитин). «Но вот ни *крови́*, ни очам Своей души в соблазн я не дал» (А. Майк.). «...Грива горой, Из ноздрей, как из *печи́*, огонь» (Жуковск.). «В полудремоте часовой Шагал у *двери́* одинокой» (Огарёв). «...Вершины *цепи́* снеговой Вдали сверкали предо мной» (Лерм.). «Пожар Чесмы, чугуна Кагула И *Руси́* грозные права!» (Языков).

Но слово *грудь* почти одинаково часто встречается в родит. и дат. падежах ед. ч. с обоими возможными ударениями.

Во мн. числе слова женского склонения на согласный, односложные в им. ед. или с ударением на первом слоге двусложные, обыкновенно имеют ударение в родительном, дательном, творительном и предложном множественного числа на флексии: *кости́, но косте́й, костя́м, костя́ми, о костя́х; степи́, но степе́й, степя́м, степя́ми, о степя́х; волости́, но волосте́й, волостя́м, волостя́ми, о волостя́х*. Отступления относительно редки: «Не люблю богатых *сене́й*, Мраморных тех плит...» (А. К. Толст.). «Увлёк незримый в царство *тене́й*» (Тютч.).

В творительном множ. на *-ми* в словах женского рода и в тех других родов, которые подвергались влиянию этого склонения, ударение падает на *-ми*: *дверьми́, детьми́, дочерьми́, костьми́, лошадьми́, людьми́, плетьюми́* («речьми», «страстьми», «сетьюми», «ушьми») следует считать вышедшими в настоящее время из употребления).

Принципиально особенности ударения склонения типа «кость»

¹ Ср. у Тютчева: «На роковой стою *очереды́*»; «Толпа народа Уже кипит на *площадя́х*» (Полежаев) и под.

во множественном числе принадлежат словам «мать» — *мáтери, матерéй* и т. д., «дочь» — *дóчери, дочерéй* и т. д.

Не имеют подвижности ударения во мн. числе, характерной для односложных в именит. ед. ч., — *грань, дебрь, ель, жизнь, копь* (чаще *копи*), *лань, мысль, нить, песнь, рать, рысь, связь, хлябь, цель* и некоторые другие, редко употребляемые, а также употребляющиеся только во множественном числе — *гусли, козни, перси, ясли*. Из двусложных с ударением начального слога следует отметить весь тип на *-ость* и почти все префиксальные: *завесей* и *под.* (но *повестей, пристаней*: «Под вечным ветром *пристаней* Бесилась цепь и лодка ныла» — Н. Тихонов).

3. СКЛОНЕНИЕ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

Склоняться в русском языке могут, прежде всего, прилагательные члены, исторически образовавшиеся из нечленных, по склонению совпадающих с соответственными группами имён существительных, и местоимения *и, я, е...* — «он», «она», «оно». Они представляют очень небольшое количество типов.

Именительный падеж ед. числа мужского рода оканчивается орфографически на *-ой* или на *-ый* в твёрдом склонении, на *-ий* после *г, к, х* и на *-ий* же в склонении мягком теперь или мягком исторически (после *ж, ш; ч, щ; ц*). Окончание *-ой* выступает только под ударением — *глухой, седой, роковой, чужбый, большой*. Окончания *-ый* и *-ий* характерны для случаев неударяемости — *готовый, милый, надёжный, кучый, рыжий, больший*. В произношении вместо орфографического *ы* у москвичей является звук *ъ*, впрочем, под влиянием графики у многих заменяемый несколько редуцированным звуком *ы*: *милъй* (и *милый*), *готовъй* и *под.*

После *г, к, х* принято писать *и*, так как литературному русскому языку, как и подавляющему большинству говоров, кроме специфических положений, произношение «гы», «кы», «хы» неизвестно. Фактически, однако, в московском произношении, не отражающем влияния письма, здесь *г, к, х* твёрды, и за ними звучит редуцированный звук *ъ*, прямой наследник старого *о*, т. е. пишем *отлогий, горький, тихий*, а произносятся эти слова согласно московской норме как *атлогъй, горъкъй, тихъй*¹; возможно также произношение: *атлогый, горъкий, тихый*.

Заметим ещё особенности произношения *г. Москвы* — окончания в именительном падеже ед. ч. женского и среднего рода *я* и *е* здесь звучат одинаково: *какайъ, раднайъ, та-кайъ* — орфогр. *какая, родная, такая*; *раднойъ, такойъ* — орфогр. *родное, такое*.

¹ Ещё в 70-х годах обычной была орфография «большенькой, меньшенькой» (им. п. муж. рода), в этом случае дававшая отражение живому произношению, пренебрежённому после *Ломоносова*.

Родительный падеж ед. ч. мужского и среднего рода имеет своей приметой орфографически окончание **-ого** в твёрдом склонении и после **ж, ш, ч**, когда флексия ударяема; **-его** — в мягком склонении и после **ж, ш, ч, щ, ц** — когда флексия неударяема¹: *родного, глухого, великого, сильного, чужого, большого; давнего, древнего, свежего, лучшего, горячего, пропащего, куцега*.

Произносятся эти окончания соответственно **-овъ, -ъвъ** и под.: *радновъ, вилъикъвъ, давнъивъ, сьвъэжывъ* и под. Чтение с **г** или **н** нормой литературного произношения не допускается.

Творительный падеж ед. ч. женского рода допускает параллельные окончания **-ою** и **-ой**, **-ею** и **-ей**: *тихою и тихой* (радостью), *давнею* и *давней* (историей).

Множественное число, как и в украинском, различия родов не имеет: в дореволюционной орфографии существовало искусственное различие — именительный (вин.) мн. мужского рода **-ые, -ие** (сильные ветры, яркие огни), женского и среднего **-ья, -ия** (сильные бури, сильные волнения, яркие краски, яркие пятна). Новой орфографией это различие, как не имеющее оснований в живом языке, отменено.

В типе «лисий, лисья» именительный (вин.) мн. оканчивается на **и**: *лисьи, волчыи, охотничьи, третьи* (ср. и *чьи*).

В прилагательных нечленных неместоименных склоняемыми являются только образования с суффиксом **-ин**: *мамин, мамина, мамино; дядин, -а, -о*. И в говорах, и в живом литературном употреблении они фактически, кроме именительного (вин.) ед. и множ. числа (*машины, дядины*), перешли в обычное склонение прилагательных. Большая часть грамматик, однако, до сих пор законными считает только формы старинного склонения — род. п. ед. ч. мужского и среднего рода — *мамина, дядина*, дат. п. ед. ч. м. и ср. р. — *мамину, дядину*, хотя признаёт фактом предложный падеж — *о маминном, о дядинном* вместо старинного «о мамине, о дядине». Примеры из языка писателей² убеждают, что живая тенденция отказаться от архаического склонения очень сильна, и вряд ли есть нужда этот процесс задерживать.

Остатки архаического склонения слов на **-ов**: *отцов, -а, -о* и под., более естественны: сами эти слова употребляются обычно только³ в речи, стилизованной под народную или архаическую: *отцова*

¹ Орфогр. **е** выступает соответственно и в дат., предл. ед. ч. муж. и ср. р., дат., тв. и предл. женского.

² «Месяца три спустя после Маниного праздника...» (Лесков, «Островитяне»). «В первые два дня Петькиного пребывания на даче богатство и сила новых впечатлений... смяли его маленькую и робкую душонку» (Л. Андреев). «Левинсон распорядился, чтобы к вечеру собрался для обсуждения Морозкиного поступка сельский сход вместе с отрядом» (Фадеев). «Сейчас в избе Адриана Гречкина, Танюшиного отца, идёт свадебное пиршество» (А. Колосов).

³ За редкими исключениями, вроде: «Этот макиавеллический образ действия был совершенно в духе Августовой политики» (Тург.), которые характерны для первой половины XIX века, а позже, вне стилизованной речи, встречаются всё реже.

наказа, *отцову вельню* и под. Предложный падеж, однако, и у них возможен только с окончаниями *-ом, -ой*.

В архаическом слоге у писателей начала XIX века и под. можно встретить формы краткого склонения также от всяких прилагательных: «Вы помните *нежданну* встречу?» (Пушк.). «Под ними *борзы* кони бьются» (Пушк.).

Норма современного литературного языка допускает подобные формы только в окостеневших выражениях: «От *мала* до *велика*», «на *босу* ногу» и под.

Из архаизмов склонения, встречающихся у старых поэтов, надо упомянуть род. пад. ед. ч. жен. р. на *-ыя*: «Досталось мне пасти иное стадо На пажитях *крававыя* войны» (Жуковск.). «Иль тянет тебя из *земныя* неволи Далёкое светлое небо к себе?» (Жуковск.). «...В мраке прохладном под сенью *дуплистыя* липы» (Л. Мей, «Пустыннику», 1841).

Несклоняемое прилагательное *рад, -а, -о* (ср. и архаическое *горазд, -а, -о*) имеет множественное число *рады*. Гоголь и др. употребляют старинную и диалектную форму «ради»: «Это кресло у меня уже ассигновано для гостя; *ради* или *не ради*, но должны сесть» («Мёртв. души», гл. 2); у арт. Щепкина («Записки крепостн. актёра»): «Степанов, синенькую и штоф водки — выдержишь тысячу палок? — *Ради* стараться, ваше благородие!» Ср. и у Сухова-Кобылина: «*Ради* стараться, ваше превосходительство» (Расплюев в «Смерти Тарелкина»).

Со склонением прилагательных связаны ставшие теперь именами существительными фамилии и названия мест. Фамилии на *-ский* целиком изменяются по нормальному типу прилагательных. В фамилиях на *-ов* и *-ин* специфические окончания прилагательных выступают только в творительном ед. ч.: *Ивановым, Карамзиным* и во всех косвенных падежах множественного числа. Ср. и названия местностей на *-ово, -ино*. Единственное число женского рода совпадает с обычным склонением прилагательных во всех падежах, кроме винительного: *Иванову, Карамзину*.

Ряд бывших прилагательных, при которых имя существительное опускалось как само собою подразумевающееся, перенял на себя роль существительных. Некоторые из подобных прилагательных и вовсе перестали согласоваться с существительными и по смыслу превратились в типичные имена предметов, но сохранили внешние особенности склонения прилагательных определённого рода: *мастеровой, портной, мостовая, насекомое, животное*. Заметим, что *животное, насекомое*, как названия существ, имеют винительный мн. ч., совпадающий с родительным.

4. УДАРЕНИЕ ИМЁН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

В нечленной форме прилагательные, мужской род которых односложен, переносят ударение в женском роде на окончание: *слаба́, тиха́, чиста́, права́, горда́* и т. д.; ср. *сла́бы, т́ихи, ч́исты* и т. д.

Отступает *ра́да* (не имеющее при себе членной формы) и некоторые малоупотребительные в этой форме слова: *ча́хла*, *я́ра* и под.

Примечание. *Вэ́чна* (при возможном *вечна́*), *дв́вна* и под. — книжные формы, отражающие церковнославянское влияние. Из других немногочисленных исключений можно указать, напр.: *ми́рна*, *спéшна*, *це́нна*, *я́вна*.

Перенос ударения с первого слога на второй в женском роде мы наблюдаем и у двусложных с беглыми *о*, *е*: *пблон* — *полна́*, *виден* — *видна́*, *крéпок* — *крепка́*, *свётел* — *светла́*; в словах трёхсложных, у которых в корне полногласные группы (*оро*, *оло*) с ударением на первом слоге: *мблод* — *молода́*, *дброг* — *дорога́*, *сблон* — *солонá*, и в трёх словах, имеющих в ед. ч. муж. р. в корне два слога с *е*: *вэсел* — *весела́*, *дэшев* — *дешева́*, *зэлен* — *зелена́*.

К прилагательным, имеющим во всех формах, кроме мужского рода, ударение окончания, относятся (ограничиваемся примерами множественного числа): *белы́*, *черны́*, *добры́*, *круглы́*, *пестры́*, *свежы́*, *остры́*, *светлы́*, *темны́*. Ср. ещё и такие двусложные в мужском роде, как *горяч*, *тяжёл*, *хорбш*, имеющие ударение окончания в остальных формах: *горячй*, *тяжелы́*, *хорошй*. К *бблен*, *дблжен*, *ясен* и под. — мн. ч. *больны́*, *должны́*, *ясны́* (при *ясны*). Восходящая к форме среднего рода сказуемая безличная форма звучит *дблжно*, но в сочетании *дблжно́ быть* ударение падает на конечное *о*.

Заслуживает внимания, что ударение некоторых нечленных прилагательных мужского рода в литературном языке в настоящее время заметно отличается от ударения классических писателей и свидетельств старых грамматик (Г р е ч а, В о с т о к о в а). Так, напр., Г р е ч и В о с т о к о в произносили *легб́к*, *коротб́к*; В о с т о к о в — *волён*¹, *грозён*, *красён* (о цвете; но *красен* — о красоте), *ровён*, *резб́в*. Ср. у классических писателей: «А милый пол, как пух, *легб́к*» (Пушк.). «Всё так же ль *легб́к* его бег?» (Пушк.). «Строен, *легб́к* и могуч и тешится быстрой игрой» (Пушк.). «Покоен, крепок и *легб́к* На диво слаженный возок» (Некр.). «Как-то шумлив и *легб́к*, Дождь начинается летний» (Некр.). «Передрассветный сон природы Уже стал чуток и *легб́к*» (А. Майк.). «Ребёнок был *резб́в*, но мил» (Пушк.). «Ребёнком он упрям был и *резб́в*...» (Огарёв). «Рассказ мой будет *коротб́к*» (Крыл.).

Нечленные формы употребляются относительно редко, и это является причиной того, что исконное их ударение забывается. Отсюда — многочисленные колебания, особенно в среднем роде единственного числа и во множественном числе. Ср.: «А кто изобрёл поцелуи, скажи. Уста его были, наверно, *свежй*» (П. Вейнберг), но: «Обоняние тонко в мороз, Мысли *свежи*, выносливы ноги» (Некр.). «Как хороши, как *свежи* были розы В моём саду, как взор прельщали мой!» (Мятлев). «Её причёска так мила, перчатки Так *свежи*, видно, все мои догадки Не ложны...» (Тург.). «Как эти дни *далекй*!» (Апухт.). «Пашни родные куда *далекй*!» (Никит.), но:

¹ В настоящее время «волён», «ровён» (ср. *неровён час*) и под. ощущаются как диалектные.

«Теперь я стара, так *далёки* Те красные дни!» (Некр.). «Небеса при жизни мне *далёки...*» (Андреевский).

Не редки случаи колебаний у тех же самых авторов в тех же произведениях: «Дома *новы́*, но предрассудки стары» и «Примеры мне не *новы́*» (Гриб.). «Днепра ж *светлы́* стремнины» и «И *свѣтлы*, как заря, Два славные предстали Пред ним богатыря» (А. К. Толст.). Как показывает последний пример, особенно благоприятны условия для влияния ударения членной формы, когда нечленная выступает в роли определения при сказуемом.

Дело усложняется тем, что форма среднего рода, могущая иметь особое ударение, во многих случаях совпадает с формой наречия, которое, в свою очередь, выступает в двух функциях — собственно-наречной и сказуемой. Г р е ч даёт, напр., для среднего рода ударение *мáло*, но мы в настоящее время, произнося «мне этого *мáло*», в фразе «это помещение *малó*» употребляем другое ударение; В о с т о к о в в качестве ударения среднего рода приводил *бб́ль-но*, но у нас оно теперь характеризует только наречие. Случаи, однако, вроде л е р м о н т о в с к о г о «Но окно тюрьмы *высо́ко*», где функционально наречие может смешиваться с прилагательным среднего рода (*высо́ко* — г д е ? или — к а к о в о ?), в речевой практике довольно часты, и им в значительной мере язык обязан неустойчивостью ударения в данных формах.

Ср. подобное колебание и в наречиях: «А дружок мой милый *далеко́*, *далёко*» (А. К. Толст.). «Солнце тёплое ходит *высо́ко*» (Фет). «И *далеко́* по вершинам разносится горное эхо» (Верес.). «Она была уж *далеко́*» (Лерм.). «Нигде так *глубо́ко* и вольно Не дышит усталая грудь» (Некр.). «Шли мы розно. Прохлада ночная *Широко́* между нами плыла» (Фет). «Что звало жить, что силы горячило — *Далёко* за горой» (Фет).

Заметим отступающие от обычных ударения в сочетаниях: *давным-давно́*, *польным-полно́*, *пьяным-пьяно́*.

5. ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ МЕСТОИМЕНИЙ.

Уже упоминалось о том, что склонение личных местоимений представляет не только изменение флексии, но и самих основ. Даём их таблицу:

Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
И. я	мы	ты	вы
Р. меня	нас	тебя	вас
Д. мне	нам	тебе	вам
В. меня	нас	тебя	вас
Т. мною, мной	нами	тобою, тобой	вами
П. обо мне	о нас	о тебе	о вас

Сходно склоняется не имеющее им. п. — *себя*.

Р. п. — себя, д. п. — себе, в. п. — себя, т. п. — собою, собой, п. п. — о себе.

Склонение анафорического местоимения создаётся также образованиями из нескольких основ:

	Ед. ч.		Мн. ч.
И.	<i>он, оно</i>	<i>она</i>	<i>они</i>
Р.	<i>его, него</i>	<i>её, неё</i>	<i>их, них</i>
Д.	<i>ему, нему</i>	<i>ей, ней</i>	<i>им, ним</i>
В.	<i>его, него</i>	<i>её, неё</i>	<i>их, них</i>
Т.	<i>им, ним</i>	<i>ею, нею</i>	<i>ими, ними</i>
П.	<i>о нём</i>	<i>о ней</i>	<i>о них</i>

Примечание. При управляющих этими формами предлогах вместо «его, ему...» говорят *него, нему...*, т. е.: Я вижу *его*, но: У *него* нет денег¹. Ср.: *между ним и ею, между ним и ими*.

Как и у прилагательных, в формах на -го литературная норма допускает только произношение с в.

Наряду с формой женского рода *ней* (род. п.) после предлога у и, реже, для допускается форма *ней*; ср. у поэтов: «И ползала, как пасынок, Трава в ногах у *ней*» (Пастернак). «И не жалела, не щадила *Для ней* ни ласки, ни труда!» (Тютч.). «Он не ступит и шагу *для ней*: В кошельке-то вся жизнь у *них*» (Апухт.).

Для ней, от ней встречаются, главным образом, у старых писателей.

Под влиянием старой орфографии, требовавшей писать в род. ед. «ея» (церковнослав. чтение), являлось и соответственное произношение, засвидетельствованное, между прочим, и рифмами у поэтов: «На крик испуганный *ея* Ребят дворовая семья Сбежалась...» (Пушк.). Я з ы к о в рифмует: «Как звезды задумчивой, ночи, Как вешняя песнь соловья — *Ея* восхитительны очи, И сладостен голос *ея*»; но нередко у тех же самых писателей рифмуется и *её*: «...Я *для ней* Сгубила счастье моё» (Пушк.) и под.

Т в о р и т е л ь н ы й п а д е ж ж е н с к о г о р о д а после предлогов допускает параллельные формы: с *нею* и с *ней*, за *нею* и за *ней*. Без предлога форма «ей» литературной нормой не разрешается, встречается она только у старых писателей: «Ах, Софья, Неужли Молчалин избран *ей*?» в «Горе от ума» или: «Одной заветной отдалась любви И *ей* одной дышала и болела» (Тютч.) — остатки старого разговорного употребления, не возбранявшегося и в языке стихотворном.

И м е н и т е л ь н ы й п а д . м н . ч . для всех родов *они*.

В дореволюционном письме женский род писали «он'Ѣ», у многих выступало и подобное произношение, засвидетельствованное рифмами у поэтов: «И две беспредельности были во мне, И мной своевольно играли *оне*» (Тютч.). «Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной: Напоминают мне *оне* Другую жизнь и берег дальней» (Пушк.), но рядом же были возможны живые, некнижные: «Отец, отец, оставь угрозы! Свою Тамару не брани! Я плачу... Видишь эти слёзы? Уже не первые *они*» (Лерм.).

Из других местоименных форм отметим: **некий, некая, некое**, — род. п. ед. ч. *некоего, некоей (некой)*, дат. п. ед. ч. *некому, некоей*

¹ Это употребление — остаток глубокой старины, когда н было принадлежностью некоторых предлогов перед гласными и j: сънжими, но: съ вами; после н стали ощущать как звук, относящийся к форме местоимения, — с ними. Далее наставное (эпентетическое) н обнаруживает тенденцию распространяться также при вторичных предлогах и сочетаниях, функционально к ним близких: *кроме них, по поводу них* и даже при сравнительной степени: *ближе них, дальше них*.

(*некой*), твор. п. *некиим* (*некоим, неким*), *некоей* (*некой*), предл. п. *о некоем, о некоей* (*некой*), мн. ч. — им. п. *некие*, род. п. *неких* (*некоих, неких*), дат. п. *некиим* (*некоим, некиим*), твор. п. *некиими* (*некоими, некими*), предл. п. *о неких* (*некоих, неких*); **сам** — твор. п. ед. ч. *самім*, вин. п. ед. ч. жен. р. *саму́, самоѣ*, им. п. мн. ч. *са́ми*, род. п. мн. ч. *самі́х* и т. д.; **тот** — твор. п. ед. ч. *тем*, но **этот** — тв. п. ед. ч. *этим*; им. п. мн. ч. *те*, но *эти*; род. п. мн. ч. *тех*, но *этих* и т. д.; склонение **весь, вся, всё** сходно с косвенными падежами «он, она, оно», но твор. п. ед. ч. муж. и среднего рода *всем*, род. п. ед. ч. жен. р. *всей*, вин. п. ед. ч. жен. р. *всю*. **Сей, сия, сие** — вин. п. ед. ч. жен. р. *сию*, предл. п. ед. ч. муж. и средн. р. *о сем* (произносится обыкновенно с *е*, а не *ё*). Мн. ч. — им. п. *сии*, род. п. *сих*, дат. *сим* и т. д. **Мой, моя, моё; твой, твоя, твоё; наш, наша, наше; ваш, ваша, ваше** склоняются тоже, как косвенные падежи от «он, она, оно», кроме формы род. п. ед. ч. жен. р. — *моей, нашей* и вин. п. ед. ч. *мою, нашу*. **Сколько, столько, несколько, много** имеют склонение типа *скóльких, стóльких* и т. д.¹, но после предлога **по** употребляется дательный — *по столько, по несколько* и под. **Никто, никого...**, **ничто, ничего...**, но *ни о ком, ни к чему*. **Некого, нечему**, но *не́ для кого, не́ к чему*. **Никакой**, но *ни у какого*.

Некто (= кто-то) и **нечто** (= что-то) не склоняются.

Архаические формы *коего, коей* и т. д. изредка встречаются в канцелярском языке, иногда в научном (устарелом) и у писателей, ср., напр.: «Нужно прекратить печатание ряда журналов, среди *коих* есть такие безграмотные и пошлые, как «Сов. следопыт» (Горький, «Изв.», 13/VI 1931).

6. ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ НЕКОТОРЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ.

Один, одна, одно склоняются, как обыкновенные прилагательные, кроме следующих форм: твор. ед. муж. и ср. рода *одні́м*, вин. п. ед. ч. ж. рода *одну́*. Множ. число идёт по типу «они». До реформы правописания 1917 г. для женского рода во множественном числе употреблялись формы: «однѣ, однѣхъ, однѣми, объ однѣхъ». В произношении они и тогда не были живыми, как показывают рифмы: «Для вас, души моей царицы, Красавицы, для вас *одних* Вре́мён минувших небылицы В часы досугов *золотых...*» (Пушк.).

Два (м. и ср. р.), **две** (ж. р.) склоняются — р. п. *двух*, д. п. *двум*, в. п. *два, двух, две, двух*, тв. п. *двумя*, предл. п. *о двух*.

Три, четыре — тв. п. *тремя*, но *четырьмя*.

К восемь твор. пад. ед. ч. *восемью*, при устар. *восьмью*.

Двадцать два, тридцать пять и под. Склоняются обе части.

Сорок, девяносто, сто имеют во всех падежах, кроме винительного, окончание **-а**: *сорока работникам, девяноста работницам*.

¹ По типу *много, многие* изредка является не узаконенное литературной нормой «сколькие»: «Вспомни, *сколькие* пали в борьбе» (Некр., «Не рыдай»).

Архаические дательные падежи известны после предлогов *ко* и *по*: *ко сту*, *по сту* и под.

Пятьдесят и под. Склоняются обе части: *пятидесяти* (род., дат., предл.), *пятьюдесятью* (твор.). Чернышёв (стр. 133) в творительном считает «вполне возможными» ещё не узаконенные «пятидесятью», «шестидесятью»; только такие формы даёт «Толк. словарь» под. ред. Д. Н. Ушакова.

Двести, триста... , пятьсот... Склоняются обе части (склонение *сот* — в этом сочетании — обычное склонение мн. ч. среднего рода): *двухсот*, *двумстам*, *двумястами*, *о двухстах*.

Тысяча имеет творительный падеж ед. ч.: *тысячею* и *тысячью*. Род. мн. *тысяч*; устар. *тысячей*; ср.: «Сам он хохотал, прыгал, подёргивал плечами и делал вид, что ему очень весело в присутствии *тысячей* лиц» (Чех.).

В сочетаниях типа «в сорок втором году», «в тысяча девятьсот семнадцатом году» и под. склоняется только последний (порядковый) член числовых наименований.

Местоимение-числительное **оба** (м. и ср. р.), **обе** (ж. р.) — род. п. *обоих*, *обеих*; дат. п. *обоим*, *обеим*; тв. п. *обоими*, *обеими*; пр. п. *об обоих*, *об обеих*. По широко распространённому недоразумению считают, будто особое женское склонение этого слова отменено орфографией 1917 г. Формы *обеих* и под. — факт нашего книжного языка и никогда не отменялись.

Пол в соединении с существительными имеет во всех падежах, кроме винительного, окончание *-у*; существительное сохраняет своё склонение, напр.: тв. п. *полугодом* (ср. *полгода*), *полуведром* (ср. *полведра*).

Полтора, полторы произошли из «пол-вторя», «пол-вторь». Во всех падежах всех родов, кроме винительного, только *полтора*. Ср.: «...Пели уж *полторы* суток, — достаточный срок, чтоб убаюкать и не такое» (Леон.).

Двое, трое склоняются как «одни»; но при названиях предметов, не имеющих единственного числа: *двое* саней, *двум* саням, *двумя* санями и т. д. В винительном *двое* и *двоих*. **Четверо** и под. — по образцу прилагательных твёрдого склонения.

Вышли из употребления в литературном языке числительные типа **двои, трои, четверы...**, сочетавшиеся ещё в первые десятилетия XIX века с именами существительными, известными только во множественном числе: «Известно что: *двои* сутки пил» (Писемск.).

7. УДАРЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ И МЕСТОИМЕНИЙ.

Здесь можно отметить, имея в виду, главным образом, отличия от украинского и от ударения в разговорной речи, относительно немногие: *двои́х*, *двои́ми*, *обои́х*, *обеи́х*, *обои́м*, *обеи́м*, *оди́ннадцать*, *четы́рнадцать*, *полтора́* (но *полтора* суток), *полу́тора*.

В отличие от имён существительных числительные типа *пять* имеют в творительном падеже конечное ударение; но в сочетаниях *пятью* *пять*, *шестью* *шесть* и под. обычно ударение корня.

Ударение *меня, тебя, его, того, ему, тому* и под. в русском языке не подвергается влиянию предшествующих предлогов и не переносится на первый слог.

Ударением различаются некоторые косвенные падежи от «сам, сама, само» и «самый, самая, самое»: *самого́, самóй, самому́, самóй...* и *са́мого, са́мой, са́мому, са́мой...* Заметим ещё *са́ми, но са́мих, самíм* и т. д.

8. ПЕРЕНОС УДАРЕНИЯ НА ПРЕДЛОГИ.

Перенос ударения на предлоги в русском языке представляет черту ещё живую, но обнаруживающую признаки падения: во многих случаях замечается колебание¹, и перенос ударения на предлоги характеризует, главным образом, некоторые постоянные сочетания, приобретающие смысл, близкий к наречиям.

Переносить ударение на предлоги могут только слова с подвижным в парадигме ударением: *за́ город* (*го́род* — им. -вин. мн. *города́*), *на́ берег* (*бе́рег* — предл. ед. ч. *на берегу́*, им. -вин. мн. *берега́*), *на́ гору* (*гора́* — вин. ед. *го́ру*, им. -вин. мн. *го́ры*), *на́ зиму* (*зима́* — вин. ед. *зи́му*, им. -вин. мн. *зи́мы*), *по́ уши* (*у́ши* — род. мн. *уше́й*, дат. *уша́м*), *на́ ночь* (*ночь* — предл. пад. *в но́чи*, род. мн. *ноче́й*, дат. мн. *ноча́м*), имеющие при этом в соответственной форме существительного ударение начального слога. Отступления, вроде *по́ двору* (ср. *двору́*), *по́ столу* (*столу́*), редки.

Не при всех предлогах в одинаковой мере наблюдается данный перенос: литературный язык, вне сочетаний, производящих впечатление заимствованных из диалектов, не знает, напр., вообще говоря, ударения предлогов *над, от, при, про, у*²; *о, об* допускают перенос только при формах винительного падежа: *об́ руку, о́ землю, об́ пол.*

Имя существительное, осложнённое согласованным с ним прилагательным или зависящим от него существительным, обыкновенно ударения на предлог не переносит: *на́ берег*, но *на бе́рег пустынный*; *за́ день*, но *за де́нь тяжелого труда* и под. Ср. у П у ш к и н а: «*На мо́ре синее* вечерний пал туман». «Чтоб людям *на́ смех* и на зло...», но «Как бы *на сме́х ее супругу*». Случаи, вроде: «Хоть *на́ вечер один* назвав её своею» (Фет); «И вряд ли *о́б ночи глухой*» (Фет); «Как *по́ льду гладкому* скользя» (А. К. Толстой) — встречаются редко.

¹ Ср., напр., в одном и том же стихотворении А. Б л о к а: «Но час настал, и ты ушла *из до́му*» и «В сырую ночь ты *из до́му* ушла».

² «Жди да *у́ моря* сиди» в «Кто он?» А. М а й к о в а соответствует общему стилю речи старика-рыбака. Ср. у П у ш к и н а: «Город *у́ моря* стоит» («Сказ. о царе Салт.») и «Люди *из́ моря* выходят». Как случаи устарелого ударения стоит отметить: «Он *у́ моря* часто бродил по ночам» (Некр., «Русск. женщ.») «И *у́ друга* на лбу подкарауля муху, Что силы есть, хватъ друга камнем в лоб» (Крыл.). «*У́ лесу* стадо пасётся — Жаль, что скотинка мелка...» (Некр.). «С пеною *у́ рта* обрыщет Весь перепуганный полк...» (Некр.). «... И с пеной *у́ рта* старец злится, Покуда сам не отравится Своею бешеной слюной» (В. Курочкин).

Числовые слова два (две), три, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сорок, сто зачастую переносят ударение на предлоги за, на, по: *на́ пять, за́ сорок* («За́ сорок вёрст в Кострому напрямом Сбегать лесами ему нипочём» (Некр.); *по́ сто*; ср. ещё *сб ста, вб сто*; наречия — *по́-двое, на́двое, по́-трое, на́трое*. В отличие от других имён, зависящие от числительных слова не влияют на них в смысле оттягивания ударения на корень.

Если сравнить ударения писателей начала XIX века и даже позже с тем, что мы наблюдаем в языке теперь, то ослабление описываемой особенности выступает довольно заметно. Сейчас уже, напр., не говорят: «Что *за́ люди, топ шер!*» (Гриб.). «Со сна *са*дился в ванну *со́ льдом*» (Пушк.). «И *по́ льду* звучному бестрепетно идут» (Пушк.). «Всё ходит *по́ цепи* кругом» (Пушк.). «Друг *на́ друга* словесники идут» (Пушк.). «А *из са́ду* в окно вползающие розы...» (А. К. Толст.).

Впрочем, не следует упускать из виду, что тенденция переносить ударение на предлог не была господствующей уже и в течение XIX века, и многие писатели, особенно родившиеся и воспитавшиеся в области южнорусских говоров (Жуковский, Лермонтов, А. К. Толстой и др.), охотно употребляли формы с ударением имени.

Из наших современников более других отдаёт дань тенденции к переносу ударения на предлоги Б. Пастернак.

9. ГЛАГОЛЬНАЯ ФЛЕКСИЯ.

Глаголом мы называем часть речи, обозначающую действие или состояние и имеющую приметы известного времени: *говорю, говоришь, говорил, говорила; принесу, принёс, принесла* и под. или склонения: *говори, принеси, поезжай*.

В качестве характерной приметы глагола выступают ещё окончания, обозначающие лицо, напр., *говорю, говорит*, и вместе с тем число; ср.: *говорим, говорят*; но признак лица отсутствует в прошедшем времени (см. ниже).

В состав грамматического понятия, которое мы называем глаголом, входят довольно разнообразные формальные признаки: действие или состояние в известном отношении к лицу и времени обозначаем флексией: *говорю, говоришь, говорит; прошу, просишь, просит*; время обозначаем суффиксом (л), указывая флексией только на отношение к роду или к числу лица (*говори-л, говори-л-а, говори-л-о, говорил-и*); форму будущего времени образуем двояко: аналитически — при помощи вспомогательного глагола *буду, будешь* и т. д. и инфинитива (неопределённой глагольной формы), и синтетически — от основ совершенного вида с теми же самыми окончаниями, что и в настоящем времени: *буду, будешь* и т. д., *просить*, но *попрошу, попросишь* и под. Характерны для глагола и особые суффиксы, уточняющие понятие действия; напр., известные суффиксы указывают, иногда в комбинации с флексией основ, на значения

вида, т. е. на то, как действие протекает во времени. В состав глагольных примет могут входить также префиксы, зачастую вносящие значения вида (*принёс, занёс, набрал, прибрал, набираю, прибираю*), и другие морфологические и синтаксические, т. е. проявляющиеся только в связной речи, признаки (напр., многие глаголы управляют винительным падежом, которым не могут управлять ни имена существительные, ни имена прилагательные). Известными особенностями к глаголам относятся и *н ф и н и т и в ы*, формы, лишённые примет времени и лица, в предложении употребляющиеся, главным образом, как формы, примыкающие к глаголам, отглагольным существительным, прилагательным и под. (*хочу писать, желание писать* и под.); глагольные прилагательные — *п р и ч а с т и я*, обладающие признаками времени и синтаксических связей, параллельных глагольным: *приведённый вами факт, строящие наше будущее*; *д е е п р и ч а с т и я*, наречия глагольного корня с некоторыми приметами времени и глагольного управления: *видя эту картину, увидя эту картину*.

Мы не будем здесь рассматривать в системе глагола и родственных форм того, что относится к словообразованию, т. е. к формам, характеризующим изменения в значениях слов независимо от связи их с другими во фразе. Ограничимся здесь описанием изменяемых глагольных окончаний, которым принадлежит известная роль во фразе, и лишь коротко упомянем о тех грамматических образованиях, которым принадлежит то же грамматическое значение, но выраженное при помощи других примет. Ввиду теснейшей связанности с системой глаголов здесь же рассмотрим и инфинитивы.

Флексия далеко не всегда выступает в наших языках как элемент, чётко обособляющийся, и потому рассмотрение её обязывает уделить внимание и тем частям слова, с которыми она так или иначе связана.

Формы *н а с т о я щ е г о в р е м е н и* и параллельные им по флексии формы *б у д у щ е г о в р е м е н и* *с о в е р ш е н н о г о* вида имеют окончания *-у(-ю)* (1 л. ед. ч.), *-шь* (2 л. ед. ч.), *-т* (3 л. ед. ч.), *-м* (1 л. мн. ч.), *-те* (2 л. мн. ч.), *-ут(-ют), -ат(-ят)* (3 л. мн. ч.).

Окончание 2 л. ед. ч. произносится, естественно, как обыкновенное *ш* (твёрдо).

В 3 л. ед. ч. литературная норма не допускает даже в устной речи южнорусского диалектного окончания *-ть*.

Окончание 2 л. мн. ч., в отличие от украинского языка и севернорусских говоров, никогда не носящее на себе ударения, звучит соответственно законам русской фонетики — *т^ви(т^вэи)*.

В 3 лице мн. ч. в литературном произношении г. Москвы не под ударением обычно окончание *-ут(-ют)*, т. е. говорят не только *чешут, мажут, знают, кроют*, но и «просют», «ходят», «красют», которым на письме соответствуют — *просят, ходят, красят*; под ударением, однако, — *блестят, гостят* и т. п. Широко распространено, однако, под влиянием письма и произношение «просят», «ходят» и под.

От архаического спряжения сохранилось немного: *дам, дашь, даст, дадим, дадите, дадут*¹ и *ем, ешь, ест, едим, едите, едят*. Обломками старого спряжения являются и *есть* (3 л. ед. ч.), редкое и книжное в глагольной роли, и архаическое *суть* (3 л. мн. ч.).

В формах на *-ся* (1 л. ед. ч. обычно на *-сь*: *ленюсь, горжусь*) следует заметить произношение 2 лица ед. и 3 л. ед. и мн. ч.: *ленишься, гордишься* обычно звучат — *л^бэн^бишсь, гард^бишсь*; *л^бэн^бица, гард^бица* (или с долгим *ц*); *л^бэн^буца, гард^баца* (или с долгим *ц*). Произношение 3 л. ед. ч., таким образом, нередко совпадает с произношением инфинитива, хотя пишутся соответственные формы различно: *гордиться*, напр., и *гордится* звучат одинаково «*гард^бица*». О том, что в литературном произношении *-ся* и *-сь* в глагольных формах обычно звучат как *-са* и *-с*, уже упоминалось².

По главной примете, стоящей перед окончаниями 2—3 лица ед. и 1—2 мн. ч., различают 2 основных класса русского спряжения: класс *-е-* и класс *-и-*:

1) *станешь, режешь, можешь, несёшь, поёшь, стареешь, ласкаешь*;

2) *просишь, ходишь, молчишь, стоишь*.

В первом классе 3 лицо мн. ч. выступает орфографически с приметой *-ут(-ют)*; во втором — *-ат(-ят)*: *станут, режут, могут, несут, поют, стареют, ласкают*, но *просят, ходят, молчат, стоят*.

По изменению согласных перед окончанием 1 л. ед. ч. и далее или его отсутствию различаются две подгруппы 1 класса: а) согласный не меняется: *стану, могу, несу*; б) согласный меняется: *т* основы переходит в *ч*: *мет-ать — меч-у*; *с — в ш*: *пис-ать — пиш-у*; *з — в ж*: *вяз-ать — вяз-у*; *губные* получают добавочное мягкое *л*: *сып-ать — сыплю, сыплешь...*, *дрем-ать — дремлю, дремлешь*; группы *ск* и *ст* изменяются в *щ*: *плеск-ать — плещ-у, свистать — свищ-у*. Формы с переходом *т в щ* и *д в жд* — церковнославянизмы: *ропт-ать — ропщ-у, страд-ать — стражд-у* и под.

В третью подгруппу могут быть выделены глаголы с *й* перед приметой класса: *пьёшь*, т. е. «п^бйош»; *льёшь*, т. е. «л^бйош»; *знаешь*, т. е. «зна(й)э^бш»; *стареешь*, т. е. «стар^бэ(й)э^бш» (вм. *э^б* чаще звучит просто *и*).

Во втором классе в 1 л. ед. ч. согласный основы меняется — *т на ч, д на ж, с на ш, ст на щ, зд на ж^б*: *лет-ишь — леч-у, ход-ишь — хож-у, прос-ишь — прош-у, свист-ишь — свищ-у, езд-ишь — «йэж^бу»* (пишется *езжу*), но сохраняется в отдельных формах.

Губные получают при себе мягкое *л*: *лов-лю, граф-лю, лом-лю*, не переносящееся в 3 л. мн. ч. — *ловят, графят, ломают*.

¹ Ему уподобилось этимологически неродственное с ним образование «создать» (из «сзъдати»; ср. *здание, зодчий* — «строитель»): *создам, создашь* и т. д.

² *-сь* произносится в дееспричастии только после ударения: *гонясь* — произносится «ган^бас^б», *смеясь* — «с^бм^бийас^б», но *любуюсь* — «л^бубуй^бс» и под.

Примечание. Не допускаются на письме, но являются нередко разговорными просторечными — варианты при губных: «дремешь..., сыпешь..., щипешь...»

Ч а с т н о с т и:

В подгруппе «а» первого класса во 2 и 3 л. ед. ч. и 1, 2 л. мн. ч. к, г основы соответственно изменяются в ч, ж: *пеку* — *печ-ёшь*, *берегу* — *береж-ёшь*. Ч, ж такого происхождения не проникают в 1 л. ед. ч. и 3 мн. (ср. укр. «печу, печуть, бережу, бережут»). Единственное слово, где к перед е сохранено аналогией, — *ткёшь*, *ткёт* и т. д. Рекомендованная Я. К. Г р о т о м форма «тбчешь» в употребление не вошла.

Особенности обоих классов соединяет в себе спряжение *хочу* и *бегу*: 2 л. ед. ч. *хочешь*, 3 л. ед. *хочет*, 1 л. мн. *хотим*, 2 л. мн. *хотите*, 3 л. мн. *хотят*; 2 л. ед. *бежишь*, 3 л. ед. *бежит*, 1 л. мн. *бежим*, 2 л. мн. *бежите*, 3 л. мн. *бегут*. Заметим ещё, что 3 л. мн. у *что*, *чтоишь*, *чтоим* и т. д. звучит обычно *чтот*, а не «чтоят», которое, однако, считается допустимым, хотя и малоупотребительно.

К *расшибить* будущее время идёт по первому классу — *расшибу*, *расшибёшь* и т. д. *Выздороветь* имеет спряжение: *выздоровею*, *выздоровеешь*, *выздоровеет...* *выздоровеют* и просторечн. *выздоровлю*, *выздоровишь* и т. д.

Несколько глаголов известно в вариантах обоих классов, напр.: *лазить*: *лажу*, *лазишь* и т. д.: *лазать*: *лазаю*, *лазаешь* и т. д.; *мерить*: *мерю*, *меришь* и т. д. и *мерять*: *меряю*, *меряешь* и т. д.; *мучить*: *мучу*, *мучишь* и т. д. и *мучать*: *мучаю*, *мучаешь* и т. д. Варианты на *-ать*, *-аю* и т. д. выходят из письменного употребления.

Следует заметить, что в нескольких случаях не образуются ни закономерные формы 1 лица ед. ч., ни даже их церковнославянские варианты. Мы не говорим, например, ни «защищу», ни «очучусь», ни «убежу» (к «убедить»), ни «побежу» (к «победить»). Останавливает на себе как необычное у Белинского (письмо В. П. Боткину 5 ноября 1847 г.): «Знаю, что *не убежду* этим москвичей...»

О взаимоотношении основ настоящего времени и инфинитива говорилось уже в главе IV. Здесь упомянем только ещё несколько подробностей:

К инфинитивной основе *ста-ть* форма будущего времени сов. вида — *стану* и т. д.

От инфинитивной основы *еха-ть* настоящее время не употребляется: в качестве формы настоящего времени употребляется *еду*, не имеющее своего инфинитива («ед-ть» фонетически изменилось бы в «есть», которое представляло бы омоним к *есть* от *ем*).

К *сесть*, *лечь* будущее — *сяду*, *лягу*.

П р о ш е д ш е е время глагола в качестве флективной приметы обладает только признаками рода и числа в ед. числе: *просил*, *просил-а*, *просил-о*, *лез*, *лезл-а*, *лезл-о*, и только числа — во множественном: *просил-и*, *лезл-и*.

Формы прошедшего времени глаголов — в прошлом причастия, употреблявшиеся со вспомогательным глаголом *есмь, еси* и т. д. От прежней своей природы они сохранили три рода, но утратили склонение. Примета этих образований — аффикс *-л*, прибавляемый к основе инфинитива: *би-л, ходи-л, скака-л, гляде-л*.

В инфинитивах фонетически изменялись группы *г* и *к* + *ть(ти)* в *ч*: *мог + ти, пек + ти* изменились в *мочь, печь*. Формы прошедшего времени глагола образуются, однако, от старой основы: *могла, пекла*. В мужском роде единственного числа фонетически *-гл, -кл* изменились в *г, к*: *мог, пёк*. Те же черты в основном повторяются у основ на губные, *з* и *с*: «скрести» — *скрёб*, «грести» — *грёб*, «везти» — *вёз*, «вырасти» — *вырос*. Уже в довосточнославянскую эпоху группы *дл, тл* упростились в *л*, а ещё раньше *д, т* перед *т* изменились в *с*. Вот почему в случаях вроде *плет-у, пряд-у* инфинитивы звучат: *плести, прядь*, а формы прошедшего времени: *плёл, плела* (без *т*), *прял, пряла* (без *д*) и под.

К инфинитивам на *-ереть* соответствующие формы прошедшего времени образуются особо: *умер, запер, оттёр, умерла, заперла* и т. д.

От инфинитивов с суффиксом *-ну-*, — если он сам по себе не вносит значение совершенного вида, — во многих случаях образуются формы глаголов прошедшего времени без него. *-ну-* может отсутствовать только у глаголов, не имеющих на нём ударения, и притом таких, где основа — на согласный: *увял* (ср. *увяд-ал*), *озяб, погиб, погас, мёрз, мок* и под. (но ср. *стукнул, лопнул* и под.). Такие глаголы не обозначают мгновенного действия. Иногда употребляются варианты с *-ну-*, — большею частью в стихотворном языке: «...И шум её колёс *умолкнул*» (Пушк.).

Впрочем, в формах непрефиксальных нередко отдаётся предпочтение формам с *-ну-* и в прозаическом языке: *гаснул, вянул* и под.

Несколько глаголов, имеющих *-ну* (1 л. ед. ч.), *-не(шь)* (2 л. ед. ч.) и т. д. в настоящем (будущем) времени, образуют без него и инфинитив и прошедшее время: *дену — деть — дел* (простореч.); *достигну — достичь — достиг, клянупу — клясть — клял, стану — стать — стал, стыну — стыть — стыл*.

Примечание. При некоторых глаголах со значением мгновенности действия существуют формы совершенного вида без окончания. Их можно рассматривать как междометия в сказуемой функции: «Мышь *шмыг* в щёлку» (ср. *шмыгнула*). «Собака *бух* в воду» (ср. *бухнулась*).

Ф о р м ы п о в е л и т е л ь н о г о н а к л о н е н и я. Окончанием 2 лица ед. ч. является *-и*, если в инфинитиве, оканчивающемся на *-ить*, и стоит под ударением: *проси́, ходи́, хвали́, положи́* (ср. *проси́ть, ходи́ть, хвали́ть, положи́ть*)¹, или если соответствующая форма 1 л. ед. ч. настоящего времени имеет ударение на

¹ Из диалектов заимствовано речение «вынь да *положь*» (ср. сев.-русс. ударение — *положьить*). — Изредка форма 2 лица ед. ч. выполняет функцию 3 л. ед. ч. с резкой эмоциональной окраской (долженствования): «Ах, тот *скажи* любви конец, Кто на три года вдаль уедет» (Гриб.).

флексии: *неси́, мели́, чеши́, скажи́* (ср. *несу́, мелю́, чешу́, скажу́*). Отступают *пой* (ср. *пой* к «поить»), *стой*, тип *жуй, клюй*.

Далее, окончание *-и* принадлежит основам на два и три согласных: *умолкни, молви, стукни, помысли, оформи*.

Если два согласных не представляют группу, оканчивающуюся на *в, л, н*, то *и* может опускаться: *почисть* чаще, чем *почисти*; (*не*) *порт* чаще, чем (*не*) *порти*; (*не*) *морщ* чаще, чем (*не*) *морщи*.

Повидимому, при *окончи, нянчи* в живой речи появляются и «окончь», «нянчь»¹. Не отбрасывается и в *езди*. Слова книжного происхождения могут сохранять и против правила; ср.: (*не*) *напакости, уведоми* и под.

Сохраняется и против правила — не под ударением в формах *заку́пори, отку́пори, заку́порите* и т. д.

Флексия *и* обычно лежит под ударением, но образования с носящим на себе ударение префиксом *вы-* от глаголов, где *и* ударяемо, его сохраняют: *вы́неси, вы́чеши, вы́скажи*.

В остальных случаях окончанием формы является на письме *ь* (на произношение *ж, ш* в смысле их умягчения он, конечно, не влияет) или *й*: *стань, глянь, отрежь, выкинь, (не) смей, налей, (не) тоскуй, строй*.

Особую форму представляет *ляг*.

Заметим ещё, что в основах на *к, г* последние сохраняются в форме повелительного наклонения: *пеки, беги*.

В глаголах типа «*лью, бью*» и под. имеем фонетическое изменение *лей, бей* и под.

К *еду, поеду* не образуется повелительное наклонение той же основы: вместо этого употребляется форма *поезжай*.

От *ем* повелительное наклонение звучит *ешь*, от *дам* — *дай*.

Не образуются обычно повелительные формы от «видеть» и «слышать».

Окончание 2 л. мн. ч. повелительного наклонения — *-те*: *косите, стань-те, режь-те, ешь-те, старай-те-сь*.

1 л. мн. ч., обозначающее, собственно, «я, мы + ты, вы», оканчивается или на *-мте*, или на *-м*, обычное окончание 1 л. настоящего (будущего) времени: *купимте, сделаемте, выпишемте; купим, сделаем, выпишем* (см. и ниже). Формы на *-мте* воспринимаются как более вежливые.

К *бежать* 1 л. мн. ч. — *бежим, бежимте*.

Формы 3 л. повелительного наклонения — аналитические (см. ниже).

За флексией 2 лица ед. и мн. ч. и 1 лица мн. может выступать частица *-ка*, тесно с ними спаивающаяся (не допускает между собою и глагольной формой никакого другого слова). Обозначает она известную смягчённость приказания и вместе с тем большую фамильярность в отношении приказывающего к лицу, к которому он обращается. Пишут её с чёрточкой: *пойди-ка, пойдите-ка*.

¹ Ср. Чернышёв (стр. 168), который утверждает, впрочем, что последние формы вообще в литературном языке встречаются изредка.

Своеобразное явление представляют в русской грамматике слова: побудительные *на, ну* и запретительное *полно*; во множественном числе они звучат *нате, нуте, полноте*, формально совпадая, таким образом, с повелительным наклонением глаголов:— «*Полноте шутить, — грустно и серьёзно сказал князь Андрей*» (Л. Толст.).

10. ИНФИНИТИВ (НЕОПРЕДЕЛЁННАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ФОРМА).

Структурно (строением основы) инфинитивы связаны с формами прошедшего времени глагола. Расхождение между ними в существенном исчерпывается образованиями прошедшего времени без *-ну-* и теми чертами, которые вызваны уже упомянутыми фонетическими изменениями: *д, т* перед *т* — в *с, -гти, -кти* — в *-чи* (откуда далее *-чь*) и некоторыми другими¹: «вед *-ти*» — *вести*, «плет *-ти*» — *плести*, «мог *-ти*» — «мочи» — *мочь*. Особняком стоит инфинитив *идти*, прошедшее время к которому образуется от другой основы — ср. *шёл, шла* (из древнейшего слав. *шьдль, шьдла*). Примета инфинитива — аффикс *-ть*, под ударением *-ти*: *нести, вести*. Ещё в языке начала XIX века формы с конечным ударением употреблялись иногда в случаях, где теперь они невозможны: ср. «печи» вм. современного *печь* («Беда, коль пироги начнёт *печи* сапожник»; «...А дома *стеречи* съестное от мышей Кота оставил» (Крыл.). В формах с префиксом *вы-* окончание *ти* обыкновенно сохраняется: *вынести, вывести*.

В инфинитивах с префиксами, где в XIX веке ещё часто употреблялись формы на *-ть*: *принести, заплести, привести* (но *привезти*) и под., в письменном языке теперь предпочитают формы на *-ти*. Реже *-ть* из бывшего подударного *-ти* встречается в формах непрефиксальных. В письменном языке такие формы встречаются почти исключительно в стихах: ср. в «Полтаве» П у ш к и н а: «Утратить жизнь и с нею честь, Друзей с собой на плаху *весть*». «Я дома, у первоисточника Всего, чем будут *цвесть* столетья» (Пастернак).

11. АНАЛИТИЧЕСКИЕ (СЛОЖНЫЕ) ФОРМЫ СПРЯЖЕНИЯ.

На границе словоизменения и синтаксиса в точном значении слова стоят аналитические формы, различные сочетания, состоящие

¹ Основы настоящего (будущего) времени не совпадают с основами инфинитива с точки зрения современных отношений в следующих группах форм:

1) бер - ё - шь : бра - ть; дер - ё - шь : дра - ть; вр - ё - шь : вра - ть; тр - ё - шь : тере - ть; пь - ё - шь : пи - ть; мо - е - шь : мы - ть; бре - е - шь : бри - ть;

2) ку - ё - шь : кова - ть; клю - ё - шь : клева - ть; толку - е - шь : толкова - ть; горю - е - шь : गरेва - ть;

3) пльв - ё - шь : пльв - ть; слыв - ё - шь : слы - ть; жм - ё - шь : жа - ть;

4) пиш - е - шь : писа - ть; чеш - е - шь : чеса - ть; скаж - е - шь : сказа - ть;

5) гор - и - шь : горе - ть; смотр - и - шь : смотре - ть; молч - и - шь : молча - ть, и в нескольких отдельных случаях : кол - е - шь : коло - ть и под., спи - шь : спа - ть и др.

В настоящее время различие *запер* — *запереть*, *умер* — *умереть* мало останавливает на себе внимание, но исторически это разные образования (*пър-, мър-* : *пер-, мер-*).

из двух или даже трёх слов, функционально совпадающие с соответственными или близкими им формами словоизменения. Таковы напр.:

Формы будущего несовершенного вида: *буду, будешь... изучать; буду, будешь... смотреть*. Реже — *стану глядеть* и под., вносящие, наряду со значением начала в действительности действия, некоторый колорит народной речи или оттенок особой эмоциональности: «*Стану думать, что скупаешь Ты в чужом краю*» (Лерм.).

Формы условного наклонения. Состоят они внешне из форм прошедшего времени и подвижной частицы *бы, б*, которая может отходить и к другим словам предложения: «*Когда б ты знала, Когда бы ты вообразила Неволюдушных городов!*» (Пушк.).

Формы 3 лица повелительного наклонения. Образуются сочетанием служебного слова *пусть* (в архаическом стиле — *да*) и форм 3 лица настоящего (будущего) времени: «*Пусть он скажет об этом Николаю*». — «*Да снидет ангел сна, прекрасен и крылат*» (А. К. Толст.). «*Прости! Да будет мир с тобою!*» (Пушк.).

Возможна в поэтическом и архаическом стиле подобная форма 1 и 2 лица: «*...И да почи безмятежно*» (Пушк.).

Форма 1 л. мн. ч. повелительного наклонения состоит из *давай* или более вежливого *давайте* и формы 1 л. мн. ч. настоящего (будущего) времени: *давай скажем, давайте скажем*, или инфинитива: *давай делать*.

Формы страдательного залога, состоящие из соответствующих страдательных причастий в краткой форме и вспомогательных глаголов (в прошедшем и будущем времени): *был разыскан, было разыскано, будет разыскано* (ср. «*разыскивается, разыскивался*» и под.).

Сочетания с причастиями настоящего времени, точнее, несовершенного вида: *был разыскиваем, будет разыскиваем* и под. — архаичны и малоупотребительны. «*Враг был многочисленнее, лучше вооружён и богаче снабжаем*» (А. Н. Толстой).

12. УДАРЕНИЕ ГЛАГОЛА.

Отметим следующие особенности русского ударения в глаголах и инфинитивах: ударение во 2 лице множественного числа не переносится на конечный слог: *пьёте, несёте, молчíte, смешíte, спешíte*, т. е. в типе с приметой *-и-* формы изъявительного и повелительного наклонения могут не различаться. В севернорусском наречии до сих пор сохраняются формы «*говоритё*» и под. Ряд глаголов с инфинитивами на *-и(-ть)* в настоящем (будущем) времени допускает ударение двойное — на примете *-и-* (а также на окончании 1 л. ед. и 3 л. мн. ч.) и на корне (при ударяемости окончания 1 л. ед. ч.).

В литературном языке на протяжении XIX и XX века колеблющимися в этом отношении являются, напр.; *валíшь* и *ва́лишь*,

варѣшь и вѣришь, гасѣшь и гасишь, катѣшь и кѣтишь, клейшь и клѣишь, манѣшь и мѣнишь, мутѣшь и мѣтишь, палѣшь и пѣлишь, стружѣшь и стружишь, терѣшь и терѣишь, травѣшь и трѣвишь, трубѣшь и трѣбишь, трудѣшься и трѣдишься, тужѣшь и тѣжишь, цѣдѣшь и цѣдишь, шевелѣшь и шевѣлишь и др. В отдельных случаях колебание разрешилось в родственных формах закреплением того или другого ударения; ср. *сѣдишь*, но *сѣдѣшься*, *полѣжишь*, но *полѣжѣшься*, *подѣришь*, но *подѣрѣшь*. В языке писателей, особенно таких, напр., как Некрасов, не свободных от влияния диалектизмов, можно встретить ещё *красѣшь*, *тащѣшь* и под., при установившихся литературных *красишь*, *тащишь* и под.¹

Сличение славянских языков показывает, что колебание в этом типе — черта очень давняя². Русские диалекты оказывают предпочтение тому или другому месту ударения: в севернорусском наречии более распространено к о н е ч н о е ударение, в южнорусском — н а к о р е н н о е. Повидимому, южнорусское влияние оказывается более сильным, и его победе следует приписать установление, напр., литературного произношения «плѣтиш» вместо старого «плѣтишь» (весь этот тип «дѣриш — дарѣю, кѣтиш — качѣю» возник как раз на почве утраты конечного ударения и осмысления отношений «дарѣш : дарѣю» по аналогии с «вѣдиш : вѣжѣю»). В общем сейчас некоторые формы с конечным ударением ощущаются как книжные и более или менее архаичные. В относительно немногочисленных случаях произошла дифференциация значений: *кѣтит*, напр., *шар*; *катѣит* — *на тройке* и под.; ср. ещё у Крылова: «...как зима *катѣит* в глаза»; *пѣлит*, напр., *дрова*; *палѣит* — *из пушки* и под. В русском литературном языке имеем только «дѣржишь, тѣрпишь», при колеблющемся «вѣртишь»; ср. у Крылова: «*Вѣртѣит* очками так и сяк»; «...*Вѣртѣит* хвостом, с Вороны глаз не сводит». «Целый день на фабриках колѣса Мы *вѣртѣим*, *вѣртѣим*, *вѣртѣим*» (Некр.), но — «Веретено моѣ прыгает, *вѣртѣится*...» (Некр., «Мороз-Красн. нос»)³.

В настоящем времени слова *плѣёт*, *кляёт*, *суёт* у поэтов первой половины XIX века нередко встречались с ударением на к о р е н н о м слоге; теперь оно уже не употребляется. Ср.: «И *плѣет* на алтарь, где твой огонь горит» (Пушк.). «*Дует*, *плѣет* на меня» (Пушк.). «Ветер точит зерно. Птица *кляёт* его» (Кольц.)⁴. «...И в суму его пустую *Суёт* грамоту другую» (Пушк.). Во второй половине XIX века — [Ветер] Под дровишки мужика Всѣ ухабы *суёт*»

¹ А. Востоков, впрочем, в «Русской грамматике», 1874, изд. 12, стр. 211, различает как литературную норму «потѣщишь», но «тащишь». Думаю, что Чернышёв (Русск. удар. § 38) справедливо последнее ударение относит к диалектным вместе с такими, как «исключат, копѣшь, умѣрит» и под.

² N. van Wijk. Zur Betonung der Verba mit stambildendem *i*. — Arch. f. slav. Philol., 1918, XXXVII, стр. 1 и далее. Список слов, колеблющихся в русском, у Я. К. Грота. Филол. разыск., I, изд. 3, стр. 280—281.

³ См. и С. П. Обнорский. «Правильности и неправильности...», стр. 243.

⁴ Из него же Чернышёв, § 25, цитирует: «И очи тѣмные к моим очам *прикуёт*».

(Случ.). Как редкое исключение нужно упомянуть поздний пример: «Иль на возлюбленной поляне Под шелест осени седой Мне тело в дождевом тумане *Раскльблет* коршун молодой» (Блок).

В типе с инфинитивом на **-ну(-ть)** лишь несколько глаголов, начиная со 2 л. ед. ч., имеют **н а к о р е н н о е** ударение (*тя́нешь, тóнешь, обмáнешь, взгля́нешь*). Возможно с таким ударением и, *мíнет* при *минёт*.

Во всех остальных ударение настоящего-будущего времени совпадает с ударением инфинитива. Формы этого класса, однако, допускают известные колебания в месте ударения; ср. такие, напр., ударения у старых поэтов¹:
Примеры колебания у Пушкина: «дрóгну́ть, пры́гну́ть, чéрпну́ть» — см. у Будде, Сборн. Акад. наук, LXXVII, III, стр. 168.

«Дымится конь его усталый, И он *спрыгну́ть* уже готов...» (Лерм.). «Изумлён, что день не *ми́нул*» (Фет). «*Прыгну́л* через поток живой» (Фет). «На ратуше в одиннадцатый раз *Дрогну́ла* медь уклончиво и туго» (Фет). «И вот под лодкою *вдрогну́вшей* быстрина Сверкает сталью воронёной» (Фет). «Кто — говорю я — *спрыгнёт*?» (Майк.). «Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой, В ту бездну *прыгнёт* с вышины?» (Жуковск.). «Лес, проснувшись сенью, не *дрогнёт* ветвями» (Надсон). «С печи не *спрыгнёт*» (Никит.). «Ком снегу она уронила На Дарью, *прыгну́в* по сосне» (Некр.). Но: «И *дрóгнули* зрители все, возопив» (Жуковск.). «Ты, не *дрóгнув*, удар приняла» (Некр.). «Идёт, не *дрóгнет* под водой» (Фет). «Ах, как быстро ночь *ми́нула!*» (Гриб.). — На юге вместо правильного *ка́шлянуть* ударение обычно ставят на у.

В отличие от украинского языка префиксы в образованиях настоящего-будущего времени в русском на себя ударения не перетягивают². Поэтому в литературном русском имеем только *порвёт, заснёт* и под. Отступления очень немногочисленны: это — не имеющее при себе в русском языке простого глагола *примú* — *прímешь* и заимствованное из старославянского *узрú* — *úзришь*³. Сюда можно было бы отнести и встречающиеся у писателей *при́дешь... при́дут* и под. Ср., напр.: «Ведь рифмы запросто со мной живут — Две *при́дут* сами, третью приведут» (Пушк.). «А всё же к презренным твоим алтарям Не *при́дут* венчанные жёны» (Апухт.). Для колебания характерно: «*При́дут* с песнью на устах наши дети, А не дети, так *приду́т* С песнью внуки» (Фет); но рядом с префиксальными столь же часты у них и простые: «*и́дёт*», «*и́дут*»; ср.: «...*Идут* тесно под скалами» (Пушк.), и у него же: «...Друг на́ друга словесники *и́дут*». «Да мимо *и́дет* зов мятежный» (Фет). «Мимо *и́дут* бригантинь» (Майк.), — не говоря уже о явных церковнославянизмах вроде: «Да *снíдет* ангел сна, прекрасен и крылат» (А. К. Толст.).

Ударение **и н ф и н и т и в о в** является обыкновенно вместе с тем и ударением форм **п р о ш е д ш е г о** времени.

Расхождение между ними наблюдается в следующих случаях:

Ряд слов в единственном числе женского рода имеет **к о н е ч н о е** ударение: *бралá, былá, взялá, вилá, вралá, гналá, дралá,*

¹ Приводим и формы, органически связанные с инфинитивом, как свидетельство о его ударении.

² Кроме **вы-**, в совершенном виде ударяемого во всей системе глагольных форм.

³ Следует, впрочем, заметить, что в языке первой половины XIX века этот корень мог выступать вообще с ударяемым префиксом.

ждала́, жила́, жрала́, звала́, лгала́, лила́, пила́, плыла́, пряла́, рвала́, слыла́, спала́, стлала́. Колеблется *ткала́* и *тка́ла*.

От слова *дать* ударение окончания имеет в единственном числе не только женский род — *дала́*, но и средний — *дало́*, при множ. ч. *дали́*; ср.: также при *взяло* и *взяло́*.

Соответственные префиксальные образования в формах мужского и среднего рода единственного числа и во множественном перенесли ударение на префикс¹. Это же имело место и по отношению к *не*, когда за ним следовала форма этой же группы непрефиксальная или с префиксом, не образующим слога: «Уснуло всё — и я один лишь *не спал*. Один я *не спал...*» (Лерм.). «Когда бы *не снял* я с тебя узды, Управил бы наверно я тобою» (Крыл.).

Теперь в употреблении *перенос ударения* главным образом у тех, корень которых начинается с одного согласного: *пробы́л, пробы́л, на́жил, на́лил, про́пил, не́ было, не́ дали, не́ жили, не́ пил*; но *прогна́л, сорва́л* и др. Ср. ещё: *приня́л* (при-н-я-л), *подня́л*. Перенос на *не* част также при *взял* (вз-я -л) — *не́ взял*. Перенос только на префикс распространён при *сб-здал* и при *звал*: *сбзвал, побзвал...* (но обычно *не зва́л*, при нередких *назва́л, созва́л, призва́л*). Ср.: «Всех порадовал мальчик, — *назвали* мальчика Паном» (Верес.). «Утром *позвали* судей» (Некр.); но у него же: «Хоть бы раз Иван Мосеич Кто меня *назва́л*». Ср. и у Пушкина: «*Позва́л* меня, пожал мне руку». У Рылеева: «Он в свой дворец меня *призва́л*». Из языка Пушкина отметим ещё: «Завидную вы *избрали* дорогу».

Ударение падает на *префикс* также у *за́пер, от́пер, у́мер, от́мер, за́мер*; но ср.: *припёр*.

Чернышёв (§ 33) считает литературным *не спал*, видя в «не *спал*» у многих поэтов южнорусский диалектизм. Последний, однако, выступает, повидимому, гораздо чаще и представляет собою скорее правило, чем исключение; ср. указанное Чернышёвым *грибодовское* «Пил мёртвую, *не спал* ночей по девяти».

Под влиянием ударения инфинитива в южнорусском наречии распространены формы с ударением *пропи́л, прожи́л, проли́л, нажи́л* и под. Хотя они встречаются нередко и у поэтов (и не только южноруссов по рождению, как Лермонтов, Никитин и др., примеры из которых приводит Чернышёв, § 32, но и у северян; ср. у Пушкина: «*Подня́ли* трупы, понесли»), — они ощущаются в тех случаях, когда рядом в употреблении формы с ударением на префиксе, — как погрешность против образцового литературного языка.

С ударением только на *корне* употребляются *испи́л, изжи́л, изли́л* и некоторые другие со старославянским по происхождению префиксом *из-*.

Ещё бóльшую погрешность представляют формы женского рода с ударением вроде «бы́ла, бра́ла, зва́ла, пробы́ла, забра́ла».

¹ Префикс *пере-* имеет при этом ударение на первом *е*: *пе́режил* и т. п.

Это южноруссизмы, и в литературной речи они не употребляются. Нелитературны также формы женского рода с ударением «пробыла, прбыдала, нáжила» (влияние мужского и среднего рода ед. числа и форм множ. числа), почти сплошь господствующие в речи носителей русского языка на Украине, как и: «былй, далй, прожилй, пролилй», *вм. были, дали, прбыжили, прбылили*. Несколько обычнее для литературной речи отступления при корне *-мер-*; ср.: «Вы видели море такое, Когда замерлй паруса?» (Асеев). «Розы, те умерлй, да хоть жили» (Апухт.).

Из частных отметим, что в *забыл, забыла*, где корень уже отдельно от префикса не осознаётся, ударение неподвижно, а при корне *би-* ударение переносится на префикс только в выражениях: *прбыло пять... часов; часы прбылили*; ср.: «Час прбылил... Чудом очерёдным Сквозь смерть о мае вспомнил год» (Брюс.).

Новой диалектной чертой, чуждой литературному языку, является ударение инфинитивов вроде «прйнять», «нáчать», «сбздать» под влиянием форм прошедшего времени.

Если соответственные формы прошедшего времени оканчиваются на *-сь*, ударение в среднем роде единственного числа и во множественном числе обыкновенно такое же, как в женском роде: *пролилась — пролилсь, пролилсь, взвилась — взвилось, взвилсь*¹.

• В мужском роде, при окончаний *-ся*, ударение в словах с подвижным ударением часто лежит на окончании: *пролилсь, взвилсь* и под., но правилом для литературного языка такой перенос не является: «За ним бразда Дымилась, прах *вилсь* столбом» (Лерм.). «Готова тройка, — порский снег *взвилсь*, И колокольчик жалко *залилсь*» (Фет). «Иным я звукам *отдалсь*, Я детонировал немало И с диссонансами *сжилсь*» (Апухт.). «И над миром, Холодом скван, *Пролилсь* звонко-синий час» (Блок); но и — «Но уж давно весь голосистый лес На злобный лай стократно *отозвался*» (Фет). «Рабочий народ Тесной гурьбой у конторы *собрался*» (Некр.). «Чу! Неистовый топот *раздался*» (Некр.). Ср. у Лермонтова в «Мцыри»: «Вдруг дальний колокола звон *Раздался* снова в тишине», и там же: «Не *раздался* в торжественный хваленья час Лишь человека гордый глас».

Возможны также: *обзавелсь, расплелсь* и немногие другие от глаголов типа *вёл, вела* и т. д.: «...В отставку вышел и супругой плотной *Обзавелсь*» (Тург., «Параша»). «...Попался свёкор-батюшка. Не пьяный из питейного, Побитый *приплелсь*» (Некр., «Кому на Руси жить хорошо»). Необычно в «Демоне» Лермонтова: «...Я *отрекся* от старой мести, Я *отрекся* от гордых дум...»

Единственное слово с двусложной непрефиксальной основой, которому известна подвижность ударения, — *родила, родилась... родилось, родилсь, родилсь* (но *породила, породили* и под.). Замечание о формах на *-ся* относится и к нему: ср. у Пушкина:

¹ Ударение «осталась» не соответствует литературному употреблению; правильное — *оста́лась*.

«Онегин, дорбый мой приятель, Родился на берегах Невы...»; «Родился я с любовью к искусству» («Моц. и Сальери»); «...И в груди моей Родился тот ужасный крик» (Лерм.). Но у Пушкина же («Домик в Коломне»): «Кто ж родился мужчиною, тому Рядиться в юбку странно и напрасно».

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

Для критического использования.

Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945.

В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. М.—Л., 1935, изд. 5.

Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Том II. Киев. 1948.

В. В. Виноградов. Русский язык. М.—Л., 1947.

Е. С. Истрина. Нормы русского литературного языка и культура речи. М.—Л. 1948.

С. П. Обнорский. Культура русского языка. М.—Л. 1948.

С. П. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I, Л., 1927, вып. II, Л., 1931.

А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941.

В. И. Чернышёв. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Изд. 2, вып. 2, П., 1915, сокращённое — 3, П., 1914.

Как справочник полезна, хотя небезупречна книга М. Вольпера — Справочник по этимологии русского языка в таблицах. 1922, изд. 13.

А. Ельсин. Правила ударения в русском языке. Варш., 1890. Книга сильно устарела. В теоретической части лишена значения.

В. И. Чернышёв. Русское ударение. Пособие к его изучению и употреблению, П., 1912.

Ср. и Ю. Р. Куриллович. Система русского ударения. «Наукові записки» Львовського гос. унів., III, «Серія філол.», II, 1946, стр. 75—84. В статье освещена чисто синхроническая проблема функций, отражающих нормальное ударение в русском языке XX столетия. Подчёркивается неподвижность ударения в производных категориях.

ГЛАВА V.

ПРАВОПИСАНИЕ.

Содержание: 1. Из истории русского правописания. 2. Общие правила русского правописания. 3. Правописание словообразовательных элементов. 4. Правописание флексии. 5. Иноязычные слова. 6. Употребление больших (прописных) букв. 7. Правописание слов слитное и раздельное. — Из литературы.

1. ИЗ ИСТОРИИ РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ.

Русская орфография, как орфография большинства народов с давно возникшей письменностью, включает в себе очень много традиционного, во многом разошедшегося с живым языком. Не приходится и говорить о том, что сама система обозначений, возникшая в IX веке и приноровленная первоначально к другому языку (древнеболгарскому), не может быть совершенной и полностью удовлетворять требованиям письменной фиксации языка, естественным при современном нам уровне филологической культуры.

Традицией объясняется, напр., несовершенство нашей графики в передаче звука *о* после мягких согласных. Медленно входит в практику даже употребление буквы *ё*, которая в существенном помогает более точной передаче того, что действительно произносится¹. Многие до сих пор пишут *еж*, *вел*, *зеленый* и не стремятся избегать даже омограмм (одинаковых написаний) вроде *все* (*все* и *всё*), *мел* (*мел* и *мёл*), *осел* (глагол и *осёл*), *слез* (глагол и *слёз* — род. п. мн. ч.) и под., и такую же в ряде случаев остаётся практика печати.

Меньшее значение имеет, что с точки зрения теоретической в графике не должны употребляться в разных функциях одинаковые знаки. Мы пишем и печатаем по традиции наши *я*, *ю*, *е* после согласных, читая, напр. «л^ьа, л^ьу, л^ьэ», и не удивляемся, что буквы *я*, *ю*, *е* одновременно употребляются у нас и для передачи сочетаний *йа*, *йу*, *йэ*. К такой системе обозначений мы привыкли и, находя её удобною, не хотим жертвовать ею в угоду отвлечённому принципу. Но хуже, что применяется она нами далеко не в строгом соответствии с нынешними фактами языка: если *и* и *ы* после согласных противо-

¹ Обязательное употребление буквы *ё* в школе предписано приказом Народного комиссара просвещения РСФСР от 24 декабря 1942 г.

стоят друг другу фактически как знаки того же звука, то, конечно, произношению должны были бы соответствовать написания не *жила*, а «жыла», не *шило*, а «шыло» и под.; так же в соответствии с наличием в нашей азбуке буквы э принцип, а не традиция, требовал бы написаний «жэна», «жэрдь», «шэсть» и под.

Как установлено в самое последнее время¹, новый шрифт был создан в России русскими же мастерами (словолитчиком Михаилом Ефремовым и его помощниками) по образцу рукописного письма этого времени — гражданской скорописи. Пётр ввёл новый шрифт в законодательном порядке после некоторых технических усовершенствований, приближенных к изданию типографа Ильи Копьевича «Поверстаніе круговъ небесныхъ» 1699 г. Первая книга гражданской печати — «Геометрія ілі приемы цїркуля и лінеїки» вышла 17 марта 1708 года. В ней ещё, по образцу церковнославянских книг, сохраняются ударения, которых уже не было в изданиях Копьевича, но вскоре (в книге «Генеральные сігналы» и др.) и они устраняются². Ничего особенно существенного в новое «гражданское» письмо не внесли изменения ближайшего времени (ї вм. і, продержавшееся почти весь XVIII век, з вм. буквы «зела», исключение «кси» и под.); важнейшее усовершенствование коснулось только буквы и, получившей разновидность й с особым звуковым значением, да заведено было э. «Ижица» и «фита» то исключались, то снова вводились. По свидетельству Т р е д ь я к о в с к о г о, с 1738 г. было урегулировано правописание и и і (ї), подчинившееся правилу, действовавшему до самого 1917 г. (і перед гласными, и — в остальных положениях). Любопытно, что не везло в истории русского письма как раз букве, особенно нужной, — знаку для о после мягких согласных, отсутствовавшему в церковнославянском письме.

Уже по крайней мере в 1737 г. фигурировавшее [^]іо широкого распространения не получило, и сам во многом опередивший своё время Л о м о н о с о в в знаменитой «Российской грамматике» (1755 г.) пользуется этим знаком только для случаев точной передачи произношения и не отводит ему особого места в алфавите. Правда, из отдельных его замечаний ясно, что литературное произношение его времени знало соответственный звук реже, чем мы («тріо[^]хъ», везіо[^]шь, огніомъ[^]), по его свидетельству (§ 94), «выговариваютъ въ просторѣчїи»), но «житье, копье, мое, пьем, елка, еж» и в его время, как и он сам, произносили так же, как и мы. Потребность в подобной букве после заставила К а р а м з и н а завести ё, более удобное, как цельный знак; но по существу и это нововведение не привилось.

До самого 1917 г., хотя вопрос о реформе орфографии в печати

¹ А. Г. Ш и ц г а л. Графическая основа русского гражданского шрифта. Гизлегпром, 1947.

² Р о м. Б р а н д т. Петровская реформа азбуки. Русск. библиограф. общ. при Моск. универс. Двухсотлетие гражданского шрифта (1708—1908). Доклады, М., 1910, стр. 41—49.

поднимался не раз и Академия имела в своём составе особую орфографическую комиссию, орфография во всём существенном не порывала ни в области знаков, ни в том, что касалось отдельных правил, с установившимися в начале XIX века написаниями: в целом выдерживался этимологический (исторический) принцип с известными, не очень, впрочем, значительными, уступками произношению.

Слабые пункты исторически сложившегося русского правописания в значительной мере хорошо сознавал уже Ломоносов. Он не включал в алфавит *і* и, повидимому, не очень много значения придавал ему, его право на существование обосновывая тем, что буква эта «только ради того въ употребленіи осталась, что бы частое стеченіе подобныхъ буквъ не пріятнымъ видомъ взору не казалось противно, и въ чтеніи запинаться не принуждало» (§ 85). Читая щ как «шч», он указывал на ненужность и его в алфавите, думая, что эту букву можно «въ употребленіи развѣ для того оставить, что въ нѣкоторыхъ Россійскихъ провинціяхъ какъ шш, въ Сербіи и у другихъ Славенскихъ народовъ, которые Славенороссійскія буквы употребляютъ, какъ шт произносятся». Ненужным в существенном ему представлялось *э*, полезное лишь в русских словах «этотъ» и «эхъ»; по поводу же его употребления в словах иностранных Ломоносов справедливо замечал, что «для чужестранныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы весьма негодное дѣло, когда и для своихъ разныхъ произношеній не рѣдко одною понимаемся» и что «ежели для иностранныхъ выговоровъ вымышлять новыя буквы, то будетъ наша азбука съ Китайскую». Буквы «фита» Ломоносов не употреблял; но ни от «ятя», ни от «твёрдого знака» отказаться под давлением традиции он не мог¹. Впрочем, что касается «ятя», кроме силы исторической инерции, роль играли ещё и фактические особенности чтения: «...примѣчать должно,— писал Ломоносов (§ 100),— что буквы *е* и *ѣ* въ просторѣчїи едва имѣютъ чувствительную разность, которую въ чтеніи весьма явственно слухъ раздѣляетъ, и требуетъ въ *е* дебелости, въ *ѣ* тонкости». В виду он имел произношение *небо*, *Петр* как «нэбо, Пэтр», но *вера*, *лето* — «вэра, лэто», являвшееся в его время литературным.

Если Ломоносов рассуждает о возможности тех или других изменений в письме, то для грамматического авторитета второй четверти XIX века — Н. И. Греча, сложившееся письмо — факт, не подвергающийся критике; его критицизм не идёт дальше возможности писать «миро» и через «ижицу» и через *и*.

Пересмотр всей орфографии Отделением русского языка и словесности Академии наук имел своим результатом в 1885 г. так на-

¹ Твёрдый знак имел чуть ли не с самого петровского времени энергичных противников (А до ду ров); но даже таким влиятельным, как директор Академии наук Домашнев, провести отмену его в жизнь не удалось. Памятью об его рвении осталось только упоминание о нём в первом опыте истории русской литературы: «Въ словесности русской извѣстенъ онъ особенно гоненіемъ на букву ѣ».

зывается «гротовское» правописание, т. е. правописание, изложенное академиком Я. К. Гротом в пособии «Русское правописание» и, кроме пунктов, отменённых реформой 1917 г., до сих пор являющееся руководящим, хотя и не во всех деталях практически соблюдаемым. Задача Грота в существенном сводилась только к тому, чтобы «привести русское правописание къ желательному единообразію». Покушения на реформу были минимальны. Вот собственные слова Грота по этому поводу: «Во многихъ случаяхъ наше правописание установилось давно уже, хотя и не всегда правильно; измѣнять его въ подобныхъ случаяхъ не представилоя удобнымъ, потому что такого рода измѣненія могли бы только поколебать существующее соглашеніе и вызвать новые разнорѣчія въ нашемъ письмѣ. Поэтому принято было за правило по возможности держаться утвердившагося обычая, отступая отъ него только тогда, когда общеупотребительныя начертанія оказывались положительно невѣрными или слишкомъ непослѣдовательными». Действительный шаг вперёд Грот разрешил себе по существу лишь в двух-трёх пунктах: он признал «позволительным» писать после шипящих под ударением в творительном падеже *о*: *ножомъ, душою, свечою*, и узаконил *-ого* для прилагательных, у которых окончание *-ой* находилось под ударением.

«Гротовское» правописание в целом ни в научных филологических кругах, ни в широких учительских и общественных не пользовалось большой симпатией, и мысль о необходимости реформы орфографии по поводу него высказывалась не раз. К практическому осуществлению её приступили, однако, только в 1904 г., когда при Академии наук была образована специальная комиссия уже с определённой задачей — упростить правописание. Комиссия в единственном своём заседании исключила из русской азбуки «твёрдый знак», «ять», и «фиту» и до самого конца 1910 г. не возобновляла своих работ. Дальнейшее выработанное ею легло в основу реформы 1917 г., в виде общеобязательного постановления с некоторыми изменениями опубликованной Советом Народных Комиссаров в декабре того же года¹.

Реформа коснулась следующих пунктов:

Исключены были параллельные буквы *ѣ, ѓ и і*².

¹ Оценке реформы и обсуждению дальнейших возможных упрощений русской орфографии посвящены статьи: Р. Т е в е р о в с к о й «Упрощение орфографии» и замечания по поводу неё Д. Н. У ш а к о в а. Родн. яз. в школе, 1926, № 10; Н. Ф а т о в а «О правописании и произношении» (там же, 1927, № 10) и ряд статей в журнале «Русск. яз. в сов. школе».

² Правда, *ѣ* в большом числе случаев выполнял функцию, отличную от *е*: он равнялся в ударяемых слогах *йѣ* или *ѣ* с мягкостью предшествующего согласного, а *е* в этом положении читалось чаще как *йо* или *о* со смягчением предшествующего согласного.

«Фита» писалась только в иностранных словах в соответствии греч. *ϑ*(th) и под.: арифметика, Феодоръ. Букву *і* в дореформенном письме употребляли перед гласными, *й* и в слове «міръ» в значении «вселенная»: *лекція, піонеръ, тихій*.

Исключена была буква **ъ** в конце слов и частей сложных слов после согласных (*брат, меч, контрадмирал*), но сохранена всередине в значении отделительного знака: *съёмка, разъяснить, адъютант, конъюнктура*.

Примечание. Вопреки этому постановлению широко распространилось в практике, особенно газетной, употребление в этих случаях апострофа: «с'ёмка», «раз'яснить» и под.

Признано было «желательным», но не обязательным употребление **ё**.

Примечание. Фактически оно не привилось до 1942 года.

Установлено правописание префиксов, оканчивающихся на **з**, в соответствии с произношением (*разбить, раздать, но распилить, растянуть* и под.).

В род. пад. ед. ч. прилагательных установлены окончания **-ого** для твёрдого склонения и **-его** для мягкого и после шипящих не под ударением (*сильного, крайнего, лучшего, бьющего* и под. вм. прежних: «сильнаго», «крайняго», «лучшаго», «бьющаго»).

В имен. пад. мн. ч. прилагательных для всех родов введено окончание **-ы(и)е**: *сильные, тихие*.

Примечание. В дореволюционном письме различались окончания **-ы(и)е** для мужского рода и **-ы(и)я** — для женского и среднего. Восходит это правило к Л о м о с о в у, который сам не придавал ему никакого серьёзного значения: «Сіе различіе буквъ **е** и **я**, — писал он (§ 112), — въ родахъ именъ прилагательныхъ никакова раздѣленія чувствительно не производитъ: слѣдовательно, обоихъ буквъ **е** и **я**, во всѣхъ родахъ употребленіе дозволяется: хотя мнѣ кажется, что **е** приличнѣе въ мужскихъ, а **я** въ женскихъ и среднихъ».

Устранено было произвольное окончание им. мн. женского рода — «онѣ, однѣ».

Была установлена вм. «ея» в род. ед. форма **еѣ** в соответствии с живым употреблением русского языка.

Менее строгими были сделаны правила переноса слов: требовалось только не отделять согласный от последующего гласного, и не исключать из слога, в состав которого он входит, и не разбивать приставок не по слогам.

Примечание. В старой орфографии не допускалось переноса или оставления на предыдущей строке одной буквы, не разрешалось разделять некоторые суффиксы и под. Однако, в пореволюционном письме строгость и количество ограничительных правил переноса постепенно в практике уменьшались.

Разрешён был, наконец, свободный выбор между слитным и раздельным написанием сочетаний, превращавшихся в наречия: *в течение* и *втечение*, *сверху* и *сверху* и под.

Примечание. Практика это разрешение отменила.

2. ОБЩИЕ ПРАВИЛА РУССКОГО ПРАВОПИСАНИЯ¹.

Основной принцип русского правописания — оберегание э т и м о л о г и ч е с к о г о состава слова, поскольку те или другие в истории языка изменившиеся части находят себе опору в произношении родственных. Это значит, что мы пишем *кажется, делается, казаться, делаться*, потому что рядом существуют (*по*) *кажет, делает, (по) казает, делает*; мн. ч. *моря* пишется через *о*, потому что, ед. ч. звучит *с о в мбре* и именно *с о* звучало и «моря», как свидетельствует хотя бы произношение севернорусского наречия; или *шалить* пишется с *а*, а не *ы*, которое произносится многими, — так как исторически здесь было *а* и родственные слова, вроде *шалость*, сохраняют его и до сих пор. Мы пишем, далее, *братом*, а не «братам» или «братъм», потому что морфологический элемент *-ом*, исторически засвидетельствованный как первичный, поддерживается примерами с ударением флексии: *кускѡм, углѡм* и под. Произнося «извозчик», «закащик», пишем *извозчик, заказчик*, связывая эти слова с *воз-* (возить), *заказ-*, а *чик* — с *ответ-чик, донос-чик* и под.; и там даже, где такая связь в живом сознании ослабела, считаемся с нею как с историческим фактом: пишем, напр., *приказчик*, ориентируясь на *приказ-ывать*, с которым оно было связано в прошлом. В том или другом случае, когда разрыв былой связи — уже вполне совершившийся факт, правописание порывает с этимологией и становится на путь закрепления ф о н е т и ч е с к и х форм; ср., напр., *свадьба* (а не «сватьба», хотя это слово первоначально связывалось со «сватать»), *клешня* (а не «клевня»; ср. «клещи»), *плюшка* (а не «плющка»; ср. «плющить») и под.

Само собою разумеется, что нередко может возникнуть колебание, и вопрос решается здесь или простой ссылкой на традицию, или авторитетом законодательствующего в области правописания учреждения (Академии), хотя и то и другое по существу может быть преодолено живым фактическим употреблением: Г р о т узаконял, напр., написания *хлестнуть* и тем самым *хрустнуть*, бывшие в обиходе до него (писали даже, напр., «свиснуть оплеуху» и под.), но связь с *хлестать, хрустеть* оказалась очень влиятельной, и сейчас обыкновенно пишут и печатают *хлестнуть, хрустнуть*.

Признавая этимологический принцип господствующим², письмо наше, однако, делает многочисленные уступки фонетике: приставки, напр., оканчивающиеся на *з*, мы пишем со времени реформы 1917 г. согласно с их произношением; разница на письме между *раз-* и *роз-* — тоже фонетическая; употребление *ц-ы* — относительно новая особенность русского правописания, проложившая себе

¹ Об отношении букв к звукам литературного произношения см. в главе I.

² Наряду с ним имеет место в значительно меньшем количестве случаев традиционное сохранение написаний, утративших своё основание: мы пишем, напр., только по традиции: *знаешь, видишь* (2 л. ед. ч.), *-ого, -его* (род. п. ед. ч. муж. р. имён прилагательных), *его* (род. п. ед. ч. местоимения *он*) и под.

путь под влиянием произношения, и т. д. Эта невыдержанность какого-либо единого принципа сознавалась узаконителями русской орфографии и отражала их общее убеждение, что «...сближать письмо съ произношеніемъ... также вполне законно, когда въ такомъ сближеніи нѣтъ прямого противорѣчія словопроизводству или когда того требуетъ аналогія съ утвердившимися уступками выговору. Примиреніе обоихъ началъ и устраненіе разногласій въ письмѣ составляетъ конечную цѣль разумной теоріи правописанія» (Я. К. Грот, «Русское правописание», изд. 13, § 23).

Хотя фонетический принцип рассматривается в русском правописании только как второстепенный, ошибкой было бы думать, что мы чаще пишем не в согласии с произношением, чем в соответствии с ним. Если не обращать внимания на такие черты расхождения языка и письма, как то, что редуцированный звук **ъ** литературного произношения передают через **а**, то в целом окажется, что фонетические написания в русском письме преобладают: по исчислениям М. Н. Петерсона, они составляют 63% общего числа. Но и из остающегося числа, опять-таки по подсчётам Петерсона, 17% падает на написания исторические (обозначение мягкости согласных посредством **ь** или **и**, **е**, **ю**, **я**; последние три буквы в роли **йэ**, **йо** и под.), большею частью представляющие условность, преодолеваемую уже при обучении чтению, а потому только те 20%, которые остаются на долю «этимологии», следует считать в русской орфографии настоящей данью традиционности письма и истории языка, оправдываемой частично потребностью иметь более или менее единый образ родственных слов и их частей.

Как общие правила, действующие в русском правописании в не учёта этимологического состава слова, можно отметить следующие:

1. После **ж**, **ш** пишется не **ы**, а **и**: *жить*, *шить*.
2. После **ч**, **щ** не пишутся **я**, **ю**, а только **а**, **у**: *чашка*, *чугун*, *щавель*, *щуриться*.
3. **о**, **е**, **я** (**а**) не под ударением пишутся там, где родственные слова обнаруживают под ударением звуки, соответствующие таким именно буквам (при **е** — **е** или **ё**): *роса*, *хожу*, *веду*, *звезда*, *десять*, *тяну*, *часы*; ср. *ро́сы*, *хóдишь*, *вёл*, *звёзды*, *деся́тый*, *тя́нешь*, *час*.
4. На конце слов или перед глухими согласными пишутся звонкие, если они засвидетельствованы в родственных формах перед гласными или сонорными (**р**, **л**, **м**, **н**, **й**, а также **в**): *боб*, *год*, *дорог*, *зов* и под., *рубка*, *погодка*, *дорожка*, *зевка* (род. п. ед.); ср. *боба* (род. ед.), *года* (род. ед.), *дорога* (ж. р.), *зову*: *рубить*, *погода*, *дорога*, *зевок*. *Обтесать*, *обстругать*, *обкусать* и под.; ср. *обломить*, *обрубить*, *обновить*, *объехать*, *обворовать*.
5. Перед звонкими согласными пишутся глухие, если они засвидетельствованы в родственных формах перед гласными или сонорными согласными: *молотьба*, *косьба*, *просьба*, *отбор*, *отдача*; ср.: *молотить*, *косить*, *просить*, *отобратъ*, *отрубить*, *отломить*, *отъехать*.

6. После ж, ш, ч в корневых слогах под ударением в том случае, если слышится о, пишут о обыкновенно тогда, когда нет родственных (того же корня) безударных форм: *жох, шомпол, шорох, чокаться*; если же ударение в склонении перемещается, то е пишется также в формах безударных: *жёлудь* — род. мн. желудей; *жёрнов* — им.-вин. мн. жерновá; *шёлк* — им.-вин. мн. шелкá; *чёрт* — черти, род. мн. чертей, *жёлтый* — желтеть, *шёпот* — шептать¹.

7. Знак мягкости (ь) не пишется в середине слова после ч: *печка, ручка, ручной, почта*.

8. Мягкость согласных вообще перед последующими же мягкими не обозначается; для л, однако, её обозначение обязательно: *кончик* (произносится — кончик), *если* (йэсл^ьи), *есть* (йэст^ь), *родня* (рад^ьн^ьа), *беготня* (б^ьигат^ьн^ьа), *армия* (ар^ьм^ьий^ь), но *спальня, дальний*.

Учитывая состав слова, заметим только орфографические факты, относящиеся к группе чн, которая, как и в украинском, изменилась фонетически в шн; под влиянием аналогии в книжных словах (а таких в этой группе — большинство) произношение чн восстанавливается (*точный, научный, безличный* и под.); но и в тех случаях, где произносится шн, этимологическое чн сохраняется на письме: *скучно, конечно*².

Исключения из этих общих правил немногочисленны:

К 3-му. Возможные в произношении «уплочен» и под. пишутся *уплачен* и под. «Патр^ьос» и «запр^ьок, запр^ьэч» передаются в согласии с этимологией (ср. *встряска, упряжка*) через *потряс, запряг, запрячь*. В нескольких глаголах (и входящих в их систему формах) сохраняются остатки старых чередований: *дерёт — сдирает, тереть — затирать, сжечь — сжигать, предложит — предлагать, скакать — наскочить* и под.

К 4-му см. ниже правило о приставках, оканчивающихся на з.

К 6-му. Правописание многих слов, относящихся сюда, неустойчиво. Если при слове со слышащимися жо, шо есть родственное, имеющее этот слог не под ударением, то нередко пишется жё, шё и в первом случае, напр.: *жёны* (ср. *жена*), *тяжёлый* (ср. *тяжесть, тяжелее*). Обычно пишут существительное *поджог, ожог* через о в отличие от глаголов *поджѐг, ожѐг*. Ср. и *шёл* (прошедш. вр. глагола), но *шов* (имя сущ.). Только с. о пишутся и заимствованные слова *шомпол, шорник*.

Заметим ещё частные случаи, относящиеся к ч, щ: с о под ударением пишутся только: *горячо, плечо, чопорный, чохом; трещотка, трущоба*. (Специально о флексии и суффиксах ниже).

К 8-му. Сохраняется ь, если в других формах он стоит перед твёрдыми согласными: *Ваське* (ср. «Васька»), *борьбе* (ср. «борьба»).

¹ Исключением является простор. (уст.) *вечор* — «вчера». Неударяемое о после шипящих пишется также в нескольких словах иноязычного происхождения: *жокей, шоколад, шоссе, шофёр* и др.

² Исключения составляют относительно недавно вошедшие в литературный обиход слова «двурушный, двурушничество».

Пишем **ь** также в форме *четырьмя*, формах *восьми*, *восьмью* и в тв. мн. ч. *людьми* и под.; во мн. ч. повел. накл.: *станьте*, *поставьте*, в ед. ч. повел. накл. перед **-ся**: *останься*, *спрячься*.

В согласии с историей русского языка пишутся: *богатый*, *богатырь*, *гончар*, *гораздо*, *горячий*, *кочан*, *монастырь*, *монах*, *пономарь*, *хозяин*, *шаровары* и *можно*; в ряде слов длительного вида русский язык сохраняет **о**: *гонять*, *ломать*, *помогать*, *изнемогать* (но *полагать*, *предлагать*, *касаться* и под.).

Русское **а** соответствует украинскому **о** в словах: *атаман*, *барсук*, *заря* (ср. и русск. *збри*), *казак*, *камыш*, *крапива*, *катить*, *работа*, *расти*, *храпеть*.

3. ПРАВОПИСАНИЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ.

1. Префикс **с-**, независимо от своего произношения в слове, пишется только так: *сбить*, *сделать*, *сгибать*.

Примечание. Ввиду необычного стечения согласных вместо «рассориться» (ср. «ссора») следует писать *рассориться*.

2. Префиксы **без-**, **вз-**, **воз-**, **из-**, **низ-**, **раз-**, **чрез-** пишутся по слуху, т. е. перед глухими согласными меняют конечное **з** на **с**: *беспокоить*, *вспотеть*, *воспитание*, *источник* и под.

3. После приставок, оканчивающихся на согласный, перед **е**, **я** пишется **ъ** (или апостроф — см. стр. 214): *отъехать*, *подъехать*, *изъять*.

4. После этих же приставок этимологическое **и** переходит в **ы**: *обыграть*, *отыскать* и под.

Примечание. Относительно недавно в практику вошли написания *безидейный*, *предистория* и др. с иноязычными корнями (при *безымённый*, *небезызвестный* и под.).

5. Префикс **роз-** пишется не под ударением с **а**: *рбзнял*, *рбсказни*, *рбспуск*, *рбзвальни*, но *расписáние*, *разрýд*, *разбúхнуть*.

6. Суффикс ласкательных уменьшительных имён пишется **-енька**: *маменька*, *рученька*, *Васенька*, *Сашенька*, *Машенька*.

В *Лизанька* словообразовательным элементом является только **-нька**.

7. Не под ударением имеем по правилу только **-ечка**: *Танечка*, *Санечка*, *Ванечка*. В среднем роде — **-ечко**: *времечко*, *племечко*.

8. В ласкательных среднего рода пишется **-ышко**, в подобных же мужского и женского — **-ушка**, **-юшка**: *гнёздышко*, *солнышко*, *стёклышко*; *голубушка*, *кумушка*, *лапушка*, *дедушка*. Ср. *воробышек* и *воробушек*, но *камешек* и *камушек*.

9. Окончание **-ице** выступает в словах среднего рода не под ударением, а **-ецо** — с ударением на конце: *мáслице*, *плáтьице*, *крéслице*, но *ружьёцб*, *копёцб*. Эта установившаяся теперь орфография, без нужды порвавшая связь между формами того же самого

типа, продиктована мнимо-этимологическими основаниями (изложены у Г р о т а в § 37). История русского языка вполне позволяла бы держаться правописания «платъеце», «именьеце» и под., которого из лингвистов раньше держался и сам Г р о т, а после узаконения данного правила не переставал держаться, напр., проф. Б о д у э н д е-К у р т е н э (ср. выпущенный под его редакцией «Толковый словарь» Даля).

10. Суффикс **-бнк(а)** после шипящих пишется с **о**: *ручб́нка, рубашб́нка, старушб́нка, ножб́нка*¹. После них же имеем по правилу только **-ок** (с беглым **о**) под ударением: *рожб́к, старичб́к, борцб́к*, но *горб́шек, изл́шек, порб́жек*. В обоих последних правилах сделана полная или частичная уступка произношению.

11. В образованиях на **-енка** к существительным женского рода на **-ня**, имеющим родительный множественного на **н**, мягкий знак не пишется: *вишенка, башенка*.

12. Соответственный суффикс прилагательного, как показывают формы наречия *хорошенько* и украинские параллельные образования «добренький», «гарненький», следует писать — **-енький**.

Через **е** пишется и **-еватый**: *рыжсеватый, угреватый*.

13. Суффиксы **-ин(ый)**, **-ян(ый, ой)**, после шипящих **-ан(ый)**, имеют одно **н**: *ослиный, орлиный, мышиный, полотняный, жестяной, костяной, кожаный, песчаный*.

Отступают слова: *деревянный, оловянный, стеклянный*, имеющие удвоенное (долгое) **н** в произношении. По аналогии с ними стало появляться в произношении и «песчаный» и под. (См. Д. Н. Ушаков, в журн. «Родн. яз. в школе», 1926, № 10, стр. 64).

14. Нередко допускают ошибки, смешивая не под ударением суффикс **-ян** с суффиксом **-ен(ен)**. Тут следует заметить, что при окончании на **-ой** обычно именно **-ян(ан)**: *репяной, водяной, платяной, воцаной, лубяной, шерстяной* и под.

Параллельные формы с **-ян** и **-ен** известны в образованиях: *ветренный* «подверженный действию ветра, имеющий к нему отношение» (день, человек): *ветрянáя* (мельница) «то, что состоит из ветра, действует посредством ветра»; первое слово имеет краткую форму, второе — нет; *масленный* «жирный, сальный, промасленный»: *масляный* «из масла сделанный, содержащий в себе масло».

15. Окончания имён прилагательных, обозначающих принадлежность или происхождение, имеют в существенном соответствующие произношению написания **-ий**, **-ья**, **-ье**: *собачий, собачья, собачье; охотничий, охотничья, охотничье*; **ь** перед флексией остаётся приметой всех остальных форм: *собачьего, собачьей* и т. п. Так и *третий, третья, третье* (ср. и *чьего, чьей*).

16. Суффикс **-ск(ий)** сохраняет свою этимологическую обособленность: *рус-ский, париж-ский, историче-ский*.

Узаконено, однако, написание **-цк(ий)** в образованиях от существительных с окончаниями **к, ч**: *казацкый* — казак, *ткацкый* — ткач.

¹ Но к «печень» — *печённка*.

17. В соответствии с произношением пишется **ь** в *апрельский, июньский, июльский* и в названиях месяцев, оканчивающихся на **-брь**: *октябрьский, декабрьский*, но *январский* (как *сибирский* от *Сибирь*, и под.), *конский* и др.

18. Одна из наибольших трудностей русской орфографии — удвоение или неудвоение **н** в суффиксах. Последовательно выдержано правописание **н** в склоняемых (членных) причастиях страдательного залога: *посланный, разысканный, прирученный, угнетённый, виденный*. В прилагательных в узком смысле можно заметить только, что два **н** пишутся обязательно там, где соответственная краткая форма прилагательного получает в мужском роде суффикс **-ен-** (из древнейшего славянского **-ьн-**), напр.: *искренний* — *искренен*, *своевременный* — *своевременен*, *проникновенный* — *проникновенен*, *бездыханный* — *бездыханен*¹; и что одно **н** обычно для некоторых слов, переродившихся из причастий несовершенного вида на **-енный, -анный** в простые прилагательные (иногда и дальше — в существительные): *учёный, раненый, пилёный, варёный, копчёный* (русский *учёный*, в госпиталь привезли *раненых, пилёный сахар, варёный горох, копчёный язык, званый гость, рваный сапог* и под.); но *образованный, балованный* и под.²

В именах прилагательных, возникших из причастий на **-ир-ованный** и т. д., два **н** сохраняются: *утрированный, дрессированный* и под.

Сохраняются два **н** также у многосложных на **-анный** с ударением на **а**: *желанный, пеклеванный* (от *пеклевать* «молоть чисто, мелко и просевать»); но *приданое* (имя сущ.).

Как своеобразные заслуживают внимания также имена прилагательные типа: *священ, но священна* и т. д., *священный*; *искусствен, но искусственна* и т. д., *искусственный*; *согбен, но согбенна* и т. д., *согбенный*; *многочислен, но многочисленна* и т. д., *многочисленный*, — исключительно книжные (церковнославянизмы).

Прилагательные на **-ионный**, образованные от существительных иностранного происхождения со склонением типа лат. *revolutio*, род. *revolution-is*, пишутся через два **н**: *революционный, эволюционный* и под.

19. В образованиях *пятьдесят, шестьдесят* и далее сохраняется **ь**, принадлежащий словам *пять, шесть* и далее. Что касается *пятнадцать, шестнадцать* и под., то слова эти, как мотивирует Грот (§ 60), «пишутся безъ буквы **ь** передъ второю частью этихъ числительныхъ на томъ основаніи, что въ нихъ названія единицъ суть первоначально порядковыя: *пять, шесть* и т. д. (*пятый, шестой*)», — мотивировка, старославянскими фактами не подтверждаемая.

¹ О колебании в нечленных формах между **-енен** и **-ен** см. Чернышёв. «Правильность и чистота русской речи», изд. 3, стр. 125.

² Производные от подобных прилагательных (причастий) существительные, вообще говоря, сохраняют особенности правописания слова, от которого произведены: *посланник, промышленник, хозяйственник* (*посланный, промышленный, хозяйственный*); *ученик, вареник, ветреник* (*учёный, варёный, ветреный*).

20. В глаголах и формах, входящих в их систему, характерны отношения: *радуюсь* — *радоваться*, *пробую* — *пробовать*, но *отказываюсь* — *отказываться*, *покатываюсь* — *покатываться*, *расхаживаю* — *расхаживать* и т. п.; ср. ещё: *воюю* — *воевать*, *ночую* — *ночевать* и под.

4. ПРАВОПИСАНИЕ ФЛЕКСИИ.

1. В именительном падеже ед. ч. женского склонения на согласный мягкий знак обязателен на конце и после согласных, всегда в русском языке твёрдых (ж, ш), и после всегда мягких (ч, щ): *рожь*, *блажь*, *тишь*, *глушь*; *ночь*, *печь*, *дочь*, *вещь*. Ср. и после г у б н ы х: *кровь*, *явь*, *семь*, *восемь*.

Правило это отражает, с одной стороны, традицию старославянского письма, с другой — м о р ф о л о г и ч е с к и й принцип — сохранение приметы всей данной группы и по отношению к звукам, отвердевшим в исторической жизни языка.

2. В именительном падеже ед. ч. муж. рода существительных и кратких (нечленных) прилагательных мягкий знак не пишется после букв, обозначающих звуки мягкие (ч, щ): *мяч*, *обруч*, *борщ*, *плащ*, *горяч* и под. Правило представляет узаконение фонетических написаний.

3. В падежных окончаниях после шипящих (ш, ж, ч, щ) и ц не под ударением пишется *е*: *ложе*, *вече*, *солнце*, *выигрышем*, *ложём*, *мужем*, *сторожем*, *Ивановичем*, *плачем*, *вечем*, *товарищем*, *зайцем*, *солнцем*, *крышею*, *Сашей*, *сажею*, *пряжею*, *тучею*, *дачей*, *пищею*, *рощей*, *больницей*, *птицей*; *пальцев*; под ударением пишется *о* и после ч и щ, всегда мягких: *лицо*, *крыльцо*; *шалашом*, *мальшом*, *ножом*, *падежом*, *палачом*, *калачом*, *плащом*, *плющом*, *лицом*, *душою*, *свечою*, *працою*; *отцов*. Правило представляет сочетание этимологического принципа с фонетическим: в таких написаниях узаконено русское произношение под ударением. Впрочем, «узаконенность» здесь — результат живой тенденции, проложившей себе путь благодаря отсутствию в принятой академической орфографии категорического требования держаться старых (этимологических) форм. По Г р о т у (изд. 13, § 41): «*позволительно*¹ также писать *о* в твор. пад. ед. ч. имён сущ.: *ножом*, *палашом*, *плечом*, *душою*, *свечою*».

4. В творительном падеже ед. ч. женского склонения на согласный — окончание *-ью*: *костью*, *печью* (ср. укр. переход *о* и *е* здесь в *і* — *кістю*, *ніччю*, как указание на деление слогов — *кость-ю*, *печь-ю*). Окончание *-ию* — архаизм: «*Мне смертию* кость угрожала» (Пушк.).

5. Дательный и предложный падежи ед. ч. женского склонения на *-а*, *-я* имеют окончание *е* во всех типах и и в типе *-ия*: *сестре*, *засухе*, *бойне*, *родне*; *линии*, *партии*. В правописании в существенном сохраняется исторический принцип (*е* естественно фигурирует вместо «*ятя*») в сочетании с морфологическим (однообразие формальной приметы).

¹ Курсив мой. Л. Б.

6. Предложный падеж ед. ч. мужского и среднего рода оканчивается в письме на *е*: *о поваре, о перечне, при рассказе, на поле, при море*. Но в типе мужск. рода на *-ий* имеем последовательно: *о гении, о Василии, о Дмитриии*.

По отношению к среднему роду действует безусловное правило о том, что в случае неударяемости конечного гласного следует писать в форме предложного падежа при окончании имен. ед. *-ние* — *-нии* и при *-нье* — *-нье*: *о желаниии, но о желанье, о спасении, но о спасенье*; в тех случаях, когда вообще выступает в именительном ед. *-ие*, — *-ии*: *о веселии, о благополучии* (Грот, § 59).

С реформой орфографии (отменой «ятя») основания писать так возросли, потому что, употребляя здесь *е*, мы имели бы омограмму с именительным-винительным ед. ч., неудобную при предлогах *на* и *в*.

Для случаев: *в забытии* (так обычно) — *в забытье* (единственный пример колебания подударного гласного), *на новосельи* — *на новоселье, о здоровьи* — *о здоровье*, где Грот считал возможным правописание и с *и*, и с «ятем», лучше по указанному основанию держаться форм на *и*; практика, однако, отдаёт предпочтение написаниям с *е*.

7. Предложный падеж женского склонения на согласный допускает только окончание *и*: *в кровати, о свирели* (ср.: «в степи», «на печи»).

8. Родительный, дательный и предложный падежи склонения слов на *-я* имеют окончание *и*: *пламени, знамени* (ср. и устарелое *дитяти*).

9. В родительном падеже мн. ч. женского рода с окончанием на шипящий — знак *ь* не пишется: *туч, кляч, роц*; хотя производятся зачастую «башень», «вишень» и под., пишется в случаях, где суффиксу *-ня* предшествует согласный: *башен, вишен*. Отстают формы: *деревень, кухонь, барышень* (при более редком *барышен*). Ср. и род. мн. *сажен* при «саженей» (к им. ед. — «сажень», ж. р.).

10. В именительном падеже мужского рода прилагательных не под ударением сохраняются традиционные (старославянские) написания *-ый, -ий*: *старый, новый, древний, волчий*. Пишется *-ий* и после *к, г, х, ж, ш*: *лёгкий, убогий, тихий, свежий, хороший*.

11. В родительном падеже ед. ч. мужского и среднего рода прилагательных с 1917 г. узаконены окончания *-ого* после твёрдых и *-его* после мягких согласных: *тёплого, яркого; дальнего, могучего*. После *ж, ш, ц* в угоду этимологическому принципу там, где окончание неударяемо, пишем *-его*: *свежего, лучшего, большего, куцего*. В остальных формах склонения прилагательных относительно *ж, ш* действует то же правило: род., дат., предл. ед. ч. ж. р.: *свежей, лучшей, большей* (ср. чужой, большой), дат. п. ед. ч. м. и ср. р.: *свежему, лучшему, большому*.

12. Творительный падеж ед. ч. мужского и среднего рода: *тесным, свежим, синим*. Изредка эти окончания недостаточно грамот-

ные люди смешивают на письме с окончаниями предложного: *о тесном, о свежем, о синем*.

13. В именительном падеже мн. ч. с 1917 г. отменено различие родов. Раньше мужской род писался через **-ые, -ие**, женский и средний — через **-ья, -ия**. Теперь установлено единое окончание **-ые, -ие** (см. выше, стр. 243).

14. Хотя в произношении окончание творительного падежа женского рода ед. ч. достаточно выразительно отличается от винительного ед., на письме возможны случаи смешения. Следует поэтому иметь в виду различие: *светлую полосу, тихую ночь, дальнюю дорогу* (вин. п.), но *светлою (светлой) полосой (-ой), тихою (тихой) ночью, дальнею (дальней) дорогой (-ой)*.

15. Прилагательные местоименные принципиально подчиняются правилам о прилагательных вообще: ср. *нашего, нашему* и под. Заметим ещё, что пара *те — эти, тех — этих* и т. д. правописанием не объединена.

16. Правописание *восемьдесят, пятьдесят* и под. отражает и произношение и этимологию этих слов: «десять» — древний родительный падеж множественного числа от слова «десять», засвидетельствованный в памятниках.

Вопреки правилу о неупотреблении мягкого знака перед мягким слогом — *четырьмя*.

17. В окончании 2 лица формы настоящего (будущего) изъявительного наклонения сохранено чисто историческое правописание **-шь**: *пойшь, говоришь, молчишь, встречаешься, ленишься*.

18. Окончания 3 лица мн. числа в классе **-е-** пишутся через **-ут, -ют**; в классе **-и-** — через **-ат, -ят**, хотя в произношении большинства не под ударением и во втором случае звучит *у* или *ю*, т. е. у с предшествующим *й* или мягким согласным: *колют, борются, мелют*; *валят, строят, стбят* произносятся: *ва́л^ьут, стрóй^ьут, сто́й^ьут*.

Примечание. В печати очень распространены ошибки: «борются» (особенно «борящийся») и «стоят». Первая ошибка явилась потому, что забыты отношения в малочисленной группе, к которой принадлежит данное слово, и его стали сблизжать по произношению с классом **-и-**; вторая — вызвана тенденцией различить «стбят» и «стоят».

19. В повелительном наклонении остаётся обязательным знак мягкости после всех согласных: *режь, режьте, ешь, ешьте, оставь, оставьте, умерь, умерьте*.

5. ИНОЯЗЫЧНЫЕ СЛОВА.

Русское письмо, в отличие, напр., от немецкого, не стремится точно сохранять иностранные написания. В общем оно ориентируется на установившееся в языке произношение соответственных заимствованных слов, до некоторой только степени делая уступку графико-этимологическому принципу. Те или другие случаи колебания нередко бывают вызваны уже упоминавшимся фактом, что

заимствованные слова приходят в язык не всегда из одного какого-либо основного источника, а часто через языки-посредники, накладывающие на них свой более или менее заметный отпечаток, и само заимствование тех же слов может иметь место в истории языка дважды и более раз. Стремление передать произношение звуков, чуждых русской фонетической системе, отложилось в орфографии в виде следующих написаний:

Различные типы иноязычных э в собственных именах часто передаются через э, причём при скоплении слогов с э предпочитают другие писать через е: *Тэн, Богарнэ, Бэр, Бодуэн-де-Куртенэ*. Впрочем, едва ли не чаще после согласных вместо э встречаем е: *Гейне, Гете, Бер, Богарне* и под. Заметим, что никогда не пишут э после л: *Ленорман, Лесгафт*.

В именах нарицательных выступает и в произношении и на письме после согласных русская замена е, по поводу которой Я. К. Г р о т («Русское правописание», стр. 78) справедливо в качестве общего правила выдвигает положение, что «въ нарицательныхъ... ,которыя въ каждомъ языкѣ видоизмѣняются по требованіямъ его фонетики, мы не обязаны примѣняться къ тонкостямъ иностраннаго произношенія»¹: *тема, элемент, регулировать*. В начале слога обычно имеем э: *электричество, эживок, статуэтка, поэт* и под.², хотя надо заметить, что в ряде очень древних грецизмов, давно вошедших в русский язык, в соответствии с произношением установилось е: *епископ, еврей, ересь* (ср. и собственные имена *Европа, Евдокия, Елена* и под.).

Заслуживает внимания ещё передача иностранного *ie (je)*. Здесь исторически установились написания типа *иезуит, иероглифы* (ср. ещё: *Иена, Иемен, Иерусалим, Иероним*), хотя произносят обыкновенно это *ие* — как *йэ*, которое могло бы быть передано через е. Г р о т (§ 94) считал правильным, «когда въ иностранныхъ словахъ *i* или *y* [ипсилен] принадлежитъ къ другому слогу, чѣмъ слѣдующее за нимъ *e*», — писать *иэ (iэ)*, т. е. *диэта, пиэтист, гигиэна, гиэна*, и держаться е при передаче дифтонгических европейских *ie, je, ye*: *пьедестал, пьеса* и под. Фактически, однако, е возоблагодало и в первой группе, и сейчас обычно пишут и печатают: *гигиэна, гиэна, квиетизм* и под.

Французское *ei* мы передаем буквою ё: *режиссёр, актёр, ликёр*.

Морфологическая аналогия распространяет такое написание и чтение и на случаи вроде *репортёр, боксёр, доктринёр, партнёр* (англ. *reporter, boxer*, фр. *doctrinaire, partenaire*), где Г р о т, несколько погрешая против цитированного принципа, находил желательным писать э, чтобы сохранить соответствующее иностранному источнику произношение.

¹ Ср. и цитированное выше замечание Ломоносова.

² Характерно, что и в произношении и на письме долго держалось *проэкт* (вопреки правильному *проект*, рекомендованному Г р о т о м), лат. *projectum*, как результат ошибочного истолкования этого правила.

Передача нем. *ö* и английского редуцированного *u* в собственных именах особой буквой *э* с двумя точками над ним, которая должна была охранять индивидуальность иностранного произношения, хотя и была поддержана авторитетом Г р о т а (§ 86), фактически не привилась, и этому удивляться не приходится, ибо, как вполне основательно думал уже Л о м о н о с о в, нет никакого смысла отягощать азбуку знаками, приспособленными к чужим фонетическим системам. Поэтому мы пишем обыкновенно *Гете, Шлецер, Тепфер, Сен-Бев*, изредка допуская *Тэпфер, Сен-Бэв* и под.

Франц. *u*, нем. *ü* последовательно передаются русским *ю*: *Мюрат, брошюра, жюри, Цюрих*; греческое *ο* (лат. *u*) — русским *и*: *иероглифы, мистика* и под.

Европейские *i* передаются через *и*. Такое правописание сохраняется и после *ц*, после которого в русских словах пишется только *ы*: *цистерна, цирк, цитадель, революция, резолюция*. Только в нескольких старых заимствованиях — *ы*: *цыбик, цыган, цымбалы, панцырь*¹.

Русское письмо не может передать разницу европейских *h* и *g*. Неразличение их в графике сказывается и в произношении тем, что русские люди, не считаясь с иностранным произношением, обыкновенно нем. или чеш. *h* заменяют русским взрывным *г* (т. е. говорят *Geine, Gegel, Gumboldt, Galek* вм. *Heine, Hegel, Humboldt, Hálek*). В качестве частичного средства ближе передать иностранное произношение Г р о т рекомендовал (§ 87): «Въ именахъ, не приобрѣтшихъ себѣ права гражданства историческою древностью, позволительно употреблять *х*, которое къ германскому *h* всё-таки ближе, чѣмъ наше *г*, напр., въ фамильныхъ именахъ: *Ховенъ (Howen), Хуссъ (Huss)* и т. п.». В произношении и на письме такая передача в нарицательных именах у нас, однако, редка: *хулиган, хоккей*.

Английское билабиальное *w* иногда передают буквою *у*, а не *в*: самый распространённый случай — *Уэльс, уэльский* (реже — *Вельс, вельский*). Г р о т предпочитал во всех подобных случаях писать *в*, ссылаясь, между прочим, на многочисленные имена вроде *Вашингтон, Вальтер Скотт*, в таком написании уже давно установившиеся, и на невозможность писать *у* вместо *и* перед *у*: *Woolwich* — *Вулич*, а не «Уулич» (§ 90). В недавно усвоенных именах собственных теперь пишут *у*: *Уайльд, Уэльс (писатель)*, оставляя *в* только для *woo*: *Вудхауз (Woodhouse)*.

Передача европейских *l* исторически в произношении и соответственно на письме была разной — *л* и *л'*; ср.: *Финляндия, Лифляндия*, но *Голландия, Гренландия; мальтоза, пальма, тальма, тальк, пароль, рельсы*, но *бал, балл, радикал, сигнал, футбол*. В новых заимствованиях, особенно в именах собственных, предпочитается *-ла-* (*Ламарк, Лафарг, Лабриола*), *-ло-* — *локаут*, но *-лю-* (*люм-*

¹ Вероятно, старое заимствование представляет также пишущееся через *ы* *цынга*.

пен-пролетариат, люкс) и **-ль-** — перед следующим согласным (Тельман, Пальмерстон).

Наименее урегулированным в русском письме является правописание удвоенных согласных иностранных языков. В качестве общих тенденций (не правил) тут можно отметить лишь следующее:

а) Удвоенные согласные сохраняются в собственных именах: *Руссо* (фр. *Rousseau*), *Балли*, *Бальи* (фр. *Bally*), *Де-Соссюр* (фр. *de Saussure*), *Гритти* (ит. *Gritti*), *Лависс* (фр. *Lavisse*), *Гримм* (нем. *Grimm*). Немецкие фамилии на *-mann* принято, однако, писать через одно **н**: *Тельман* (*Tählmann*), *Бругман* (*Brugmann*).

б) Сохраняются удвоенные согласные в именах нарицательных после подударного гласного в середине слова: *дискуссия* (лат. *discussio*), *профессия* (лат. *professio*), *масса* (лат. *massa*), *колонна* (фр. *colonne*), *программа* (гр. *programma*), *группа* (нем. *Gruppe*), *дилемма* (гр. *dilēmma*), *труппа* (нем. *Truppe*).

в) Сохраняются (такова была тенденция старых регуляторов письма) удвоенные согласные и там, где иначе в языке могли бы получиться омограммы (одинаковые написания): *балл* («отметка») — ср. «бал», *колбсс* («громада») — ср. «колос», *металл* — ср. «метал» (прош. вр. глагола). Поддерживает эта тенденция и написания, где удвоенные согласные сохранились бы и согласно «б»: *вилла* (ср. «вила» — прош. вр. глагола), *сумма* (ср. «сума» — сумка), *труппа* (ср. род. пад. ед. ч. от слова «труп») и под.

г) Удерживаются двойные согласные, образовавшиеся из разных морфологических элементов, чётко различимых в языке-источнике: *аннотация* (лат. *an-notatio* из **ad-notatio*), *диссонанс* (фр. *dis-sonance*), *аккредитив* (фр.-нем. *Ak-kreditiv* из **ad-cred-*), *комментарий* (лат. *com-mentarius*), но: *комиссия*, *комиссар*.

д) Довольно стойка группа в два **л**: *параллель* (гр. *parállēlos*), *паллиатив* (фр. *palliatif*), *миллион* (фр. *million*), *балласт* (англ. *ballast*), и два **с**: *бассейн* (фр. *bassin*), *дрессировать* (фр. *dresser*), *пассажир* (нем. *Passagier*).

Но если **-лли** перед гласным переходит в «ль», **л** не удваивается: *брильянт* (фр. *brillant*), *бильярд* (фр. *billard*), *папильотка* (фр. *papillote*).

е) В старом слое заимствований, за относительно немногими исключениями, давно произошло упрощение двух согласных в один: *помада* (фр. *pomade*), *десерт* (фр. *dessert*), *команда* (фр. *commande*), *атака* (фр. *attaque*). Отступают: *коллегия*, *аттестат*, *грамматика*, *артиллерия*.

В заимствованиях более поздних упрощение согласных находим обыкновенно: а) перед слогом, где уже имеется удвоение согласного: *апелляция* (лат. *appellatio*), *комиссия* (лат. *commissio*). Не мотивировано принятое *терраса* (фр. *terrasse*): ожидалось бы — «терасса»; б) часто на конце слова: *адрес* (фр. *adresse*), *паяц* (нем. — из ит. *Rajazzo*), *компас* (ново-лат. *compassus*), *люнет* (фр. *lunette*), *катар* (гр. *katárroos*) (ср. Грот, Указ. VIII; теперь нередко пишут

«катарр»); хотя в этом случае немало исключений: *класс* (нем. Klasse, фр. classe), *компресс* (фр. compresse), *конгресс* (лат. congressus), *грамм* (фр. gramme), *кристалл* (гр. krústallos). Исключения эти почти сплошь относятся к *сс*, *лл*, *мм*. Случаи вроде *Филипп*, *уатт*, *бритт* редки; *вм. групп* (фр. grippe) Г р о т рекомендовал писать «грипп».

ж) Упрощаются двойные согласные в заимствованиях из итальянского, не ощущаемых теперь как итальянизмы: *мезанин* (ит. mezzanino), *дилетант* (ит. dilettante).

з) Намечается тенденция избегать двух одинаковых согласных перед согласным: *аббревиатура* (лат. abbreviatura), *агрегат* (лат. aggregatus), *агрессия* (лат. aggressio); но нередко пишут и печатают также в соответствии с этимологией: «аббревиатура», «агрегат», «агрессия».

Практика письма и печатания у нас, что касается удвоения согласных, далека от единства: нередко пишут и печатают «грипп», «дилеттант», «корридор», «галлерей» и под., не говоря уже о простых *н е в е р н ы х* — «проблемма» (гр. problēma), «карикатура» (ит. caricatura), «привиллегия» (лат. privilegium) и под.¹.

6. УПОТРЕБЛЕНИЕ БОЛЬШИХ (ПРОПИСНЫХ) БУКВ.

Употребление прописных (заглавных) букв, кроме тех не столь уже многочисленных случаев, где оно вполне урегулировано, не представляет стойкой стороны орфографии и связано в большой мере с историей и сменявшимися вкусами. Справедливо акад. Я. К. Г р о т относил прописные буквы к «роскоши письма» и советовал правилам об их употреблении не придавать слишком много значения, «тѣмъ болѣе, что невозможно дать точныхъ указаний на всѣ встрѣчающіеся случаи» (§ 97).

Как вполне стойкие можно указать такие правила:

1) Прописная буква начинает текст. 2) За точкою, вопросительным и восклицательным знаком следует прописная буква. Ею же начинается первое слово после двоеточия, когда приводится чужая речь. 3) С прописной буквы пишутся личные имена, фамилии, прозвания, названия кораблей и под., географические имена (государства, страны, области, селения, горы, моря, реки, озёра), названия улиц, зданий, мостов. 4) Прописной буквой в строчном тексте начинаются заглавия. 5) С прописной буквы пишутся индивидуальные названия учреждений, напр.: *Харьковский педагогический институт*, *Совет труда и обороны*, *Московский государственный университет* и под., но *педагогические училища*, *городские советы*, *государственные университеты* и под. 6) *Вы*, *Ваш* и под. в письмах принято писать с прописной буквы.

¹ В справочнике, вышедшем в 1945 г., — проф. Д. Н. У ш а к о в и доц. С. Е. К р ю ч к о в — «Орфографический словарь для начальной, семилетней и средней школы, изд. 6, Рига» — *аббревиатура*, но *агрегат*, *агрессия*; *грипп*, *катарр*; *галерея*, *дилетант*, *корридор*.

Примечание. 1. Если в состав наименования входит несколько слов, то прописная буква обязательна только для первого. По отношению к остальным употребление колеблется. Урегулированным следует считать только случаи «если существительное не означает вида, под который подходит именуемый предмет», — прописная буква тогда признаётся обязательной и для второго: *Детское Село, Великие Луки* и под.

Примечание. 2. Собственные имена, сделавшиеся групповыми (нарицательными), естественно, пишутся с маленькой буквы: *донжуан, ловелас, квислинг; наган* (револьвер, названный по фамилии изобретателя), *браунинг* (то же), *рентген* и под.

Менее урегулировано правописание прилагательных; Грот считал обязательной прописную букву для прилагательных, производных от имён собственных, с окончаниями *-ов, -ин*: *Петрово время, Гомерова эпопея, Екатеринина политика*, а для оканчивающихся на *-ский, -кий* только тогда, «когда входят в составъ названий и могут почитаться собственными именами, напр.,: *Тульская губерния, Россійская академія*». Из этих правил теперь в большинстве изданий перестало соблюдаться первое — печатают обыкновенно *гомерова эпопея* и под.

Особый вопрос представляет употребление прописных букв в почётных наименованиях. Официальная практика нашего времени сильно расширила их употребление, но ограничила применение особой почётностью: *Генералиссимус Советского Союза, Маршал*, но *генерал*; *Герой Советского Союза, Герой Социалистического Труда*, но *герой* вообще; *Посол* определённого государства, но *посол* вообще и под. Вне официальных документов многие почётные наименования пишутся со строчных букв¹.

7. ПРАВОПИСАНИЕ СЛОВ СЛИТНОЕ И РАЗДЕЛЬНОЕ.

Граница между словами далеко не всегда может быть определена по слуху. Во многих случаях нам приходится колебаться, образует ли то или другое слово с каким-нибудь, обыкновенно маленьким служебным словом, единое целое или нет, напр., с *не* или с предлогами. В разные эпохи существования языка чутьё могло в этом отношении быть разным. Когда нам приходится на письме выразить, как мы понимаем отношение такого словечка к рядом находящемуся слову, т. е. видим ли мы в нём нечто слитное, образующее с последующим одно понятие, или нет, — мы должны бываем наше понимание показать слитным или раздельным написанием. В этом отношении в нашем письме есть много условного, но существуют и некоторые установившиеся обыкновения.

1. Отрицание *не* при глаголе в любом наклонении, в неопределённой глагольной форме, деепричастии и причастии, не превратившемся по смыслу в прилагательное, т. е. не утратившем значения

¹ Ряд интересных соображений о правописании прописных букв заключает новонайденная статья Н. А. Добролюбова — Заметки о современном русском правописании (1856 или 1857 г.), — Лит. газета, 1936, № 7.

определённого времени и управляющем существительными аналогично параллельному глаголу, пишется раздельно: «Село *не может* существовать без города и наоборот». «Раньше беднота, *не имея* рабочего скота и семян, попадала в лапы к кулаку». «Товарищам, *не выполнившим* взятого на себя поручения, вынесено порицание», но — «*Неисполненные* обязательства» и под. С краткой формой причастий **не** не сливается в написаниях: «Урок *не выучен*»; «Зверь *не убит* и *не ранен*»: «Товар *не продан*».

Примечание. Глаголы, не употребляющиеся без отрицания, пишутся с последним слитно: *нездоровится, негодовать, ненавидеть, неволить*; под это же правило подходит ряд глаголов, начинающихся с *недо-* со значением действий, выполнение которых не отвечает требуемой норме: *недолюбиваю, недостаёт*. Данью традиции являются исключения: *не взлюбить, не сдобрывать*. По фонетической причине (отсутствие в начале слов *й*) слитно пишутся просторечные *нейдёт, неймёт, неймётся*. Слитно же пишутся и деепричастия, переродившиеся в обыкновенные наречия: *несмотря, невзирая* во фразах вроде: «Он посещает лекции, *несмотря* на болезнь», т. е. хотя и болен. Не то во фразе: «*Не смотря* под ноги, оступишься», где «смотреть» употребляется в буквальном смысле. Слитно пишется и наречие *нёхотя*.

2. **Не** пишется отдельно при неизменяемых сказуемых словах: *не надо, не жаль*; но *нельзя, недосуг*.

3. **Не** пишется слитно в сказуемых словах типа: *нечего, некому, некуда, незачем* и под. (ср.: не за чем другим).

Предлог, появляясь в середине между **не** и *чего, не* и *кому* и т. п., разрывает связь, и написание приобретает вид: «*Не о чем* тут и говорить», «Об этом *не у кого* было спросить» и под. Но слитно пишется сказуемое слово *незачем*.

4. С именами существительными, прилагательными и наречиями **не** пишется слитно в тех случаях, когда эти слова составляют с отрицанием одно понятие и во многих случаях могут быть заменены синонимическими (близкими по смыслу) словами без отрицания: *недостаток* — порок, дефект, *неправда* — ложь, *небезызвестный* — известный, знакомый, *недорогой* — дешёвый, *нехорошо* — плохо, *немедленно* — тотчас. Многие подобные слова без отрицания вовсе не употребляются: *небылица, неряшливый, неуклюжий, невинно* и т. п.

5. **Не** пишется слитно в именах прилагательных и наречиях, имеющих при себе характеризующие слова *очень, весьма, чрезвычайно* и под.: «Переход через эту гору *очень нетруден*». «Этот поступок всем показался *очень нежелательным*»¹.

Примечание. Раздельно пишутся *не очень, не весьма, не вполне, не совсем*, а также — *не раз*.

6. В случаях противопоставления (непосредственно данного во фразе или подразумеваемого) слова, которому предшествует отрицание, другому слову, **не** пишется отдельно: «Чёрствый хлеб. —

¹ Ср. Я. Богданович. Правописание отрицательной частицы «не». — Русский язык в школе, 1936, № 3.

И вовсе не чёрствый» (из разговора)¹. Вообще после наречий — **вовсе, совсем, отнюдь** и под. **не** отделяется от последующего слова: *отнюдь не блестяще, совсем не дорогой* и под.

Так же пишется **не** и после всех слов, в состав которых входит или при которых стоит **ни**: «Этот топор *никуда не годен*». «*Ни один из них не способен* на такой поступок». «*Ничуть (нисколько) не трусливый*».

Примечание. В случаях, когда имеется в виду, что отрицаемое входит в характеристику предмета одинаково с положительным — не пишется с прилагательным и наречием слитно: «Лес *небольшой, но густой и тёмный*» (ср.: «небольшой густой лес»); «Уже *немолодой, но попрежнему деятельный и смелый* командир» (ср. «немолодой... деятельный и смелый командир»).

7. **Не** в прилагательных и наречиях пишется слитно при определённо выраженном значении постоянства отрицательного признака: «*Некрасивый* ландшафт чем-то, однако, приковывал к себе внимание». «Она *некрасива*». «*Непосильный* труд истощил их силы».

8. **Не** пишется отдельно в большинстве случаев при нечленных формах прилагательных, а слитно только при чётком упоре на устойчивое отрицательное значение самого прилагательного: «Был он *сегодня не весел*»; «Поезд *не готов* к отходу», но «Он *неспособен* к языкам»; «Их обещания *ненадёжны*».

9. **Ни** пишется слитно в местоимениях: **никто, ничто, ничей, никакой**. Если эти слова употребляются с предлогами, **ни** отделяется от основной части: *ни у кого, ни за кем* и т. п. Слитно пишутся и наречия типа: **никуда, ниоткуда, нигде, никогда, нимало, ничуть, нипочём**.

10. Союзы **итак, итого**, подводящие итог, резюмирующие, пишутся слитно: «*Итак, мы начинаем*». Ср.: «И так и *этак*», где слову «так» соответствует вопрос «как?» «*Итого* двести три рубля».

11. Частицы **же (ж), ли (ль), бы (б)** пишутся отдельно от слова, за которыми следуют: «В этой роли выступал *он же*». «Уж я *ли* не старался убедить его?» «Кто другой *мог бы* совершить что-либо подобное?»

12. В зависимости от смысла пишут **также, тоже** или **так же, то же**. Первые написания обозначают цельные понятия — в них **же** не может быть отброшено без искажения смысла; вторые — соответствуют наречию **так** и местоимению **то** плюс частица **же**.

Если **тоже** без искажения смысла можно заменить через **также** и наоборот, мы пишем его слитно: «Наш совхоз *тоже (также)* премирован». О том же говорит и невозможность отбросить **же** без полного искажения смысла.

¹ Но, наряду с этим, «следует отличать противопоставление, которое обозначает, что вместо одного признака устанавливается другой, от противопоставления, в котором чему-нибудь приписываются оба признака» (К. Б у л и н с к и й. М. У а р о в. Справочник корректора. 1944, стр. 82); в последнем случае не пишется слитно: «*Большие и небольшие* картины на выставке одинаково привлекали к себе внимание». «В корзину клялись без разбора *спелые и неспелые* плоды».

Напротив, если *же* выбрасывается, не искажая смысла фразы, это служит признаком, что писать следует отдельно: «Повторилось *то (же)*, что было в прошлом году». «Он смотрел *так (же)* равнодушно, как и прежде».

13. Союз **чтобы** пишется слитно — **бы** в этом случае нельзя ни отбросить, ни переместить во фразе: *Я хочу, чтобы ты уехал*. Но ср.: «*Что бы они ни говорили*, я буду настаивать на своём» = *Что они ни говорили бы...* «*Что бы ты подумал*, если бы не был предупреждён?» = *Что подумал бы...* **Что** — здесь местоимение.

14. Почему, потому, поэтому, отчего, оттого, зачем, притом, зато пишутся слитно, если выступают в качестве союзов-наречий.

Если вторая часть их «этому», «чему» и т. д. играет роль существительного или прилагательного, то, само собою разумеется, её надо писать отдельно: «*По тому мосту ездить опасно*». «*По этому распоряжению отряд должен был выступить вечером*». «*За чем пойдёшь, то и найдёшь*».

15. При этом пишется отдельно; при чём — причём колеблется (предпочтительно второе написание); ср. притом.

16. Не урегулированным и в ряде случаев лишённым единых оснований остаётся до сих пор правописание слитное или раздельное некоторых адвербиализировавшихся (близких к наречиям) сочетаний предлогов с именами существительными: *без умолку* (безумолку), *без устали* (безустали), *на выпуск* (навыпуск: брюки навывпуск), *на голову* (наголову: разбить наголову) и под. Впредь до официального узаконения соответствующих случаев можно исходить из таких общих положений:

1) Слитное написание обязательно в случаях неупотребительности именной части слова в именительном падеже ед. числа: *наобум, набекрень, натошак*.

2) Предпочтительны слитные написания при невозможности между предлогом и именной частью вставить определение или управляемые слова: *разбить наголову, брюки навывпуск, навывлет, наоборот, идти навстречу, насилу*.

Примечание. Этот признак не решает вопроса лишь в немногих случаях — при обстоятельственных словах пространственных: *наверх* (возможно — «на самый верх»), *вдали* (ср. «в синей дали»).

3) Слитное написание целесообразно в случаях, когда соответствующее сочетание, иногда даже ещё допускающее оживление старой связи с именами существительными вставкой определения, обнаруживает свою наречность специфическими особенностями: *вроде них* (появляется эпентетическое наставное **н**, как при простых предлогах), хотя ещё возможно «в таком роде».

Слитно пишутся, т. е. с превращением предлогов в префиксы, сочетания типов (с основами — именами прилагательными): а) *вправо, влево, направо, набело, наново, засветло*; б) *докрасна, издавна, досыта*; в) *попусту, попросту, понапрасну*; г) *наготове, вдалеке, вчуже*; д) *попрежнему, попустому* (ср.: *попусту*), но с дефисом в боль-

шинстве других: *по-настоящему, по-нынешнему* и под.; е) *наудалую, вкрутую*¹.

Лишь данью традиции остаются написания: *на дыбы, на юру*², *на часах* и под.

Полные списки наречных написаний см., напр., в пособии К. И. Былинского и Н. Н. Никольского — «Трудные случаи орфографии и пунктуации», 1944, стр. 20—22. См. ещё: К. И. Былинский и Л. И. Служивов — Справочник корректора, М., 1950, стр. 304—381.

Употребление дефиса.

1. Дефис в сложных именах существительных употребляется в таких важнейших случаях:

а) Когда присоединение имён существительных как приложений не лишает первый член прочного соединения его флективной гибкости: *изба-читальня, мастер-механик, инженер-строитель, Аника-воин*.

Но если второй член подобного состава состоит из двух или нескольких слов, то дефис заменяется уже знаком препинания — т и р е: *врач — специалист по ортопедии* (врач специалист-ортопед), *поэт — переводчик с восточных языков*.

б) В соединениях-сращениях с несклоняемым первым членом, который может выступать как самостоятельное слово: *горе-специалист, премьер-министр, альфа-лучи, икс-лучи*.

в) В ряде бессуффиксных сращений, с первой частью — повелительным наклонением: *сорви-голова, держи-дерево, перекаати-поле* и под. Но *скопидом*. Не распространяется это правило и на слово *держиморда*, так как это сделавшаяся нарицательной фамилия из комедии Г о г о л я «Ревизор».

г) В составных названиях политических партий и направлений: *радикал-социалист, анархо-синдикалист, национал-царанист, анархо-синдикализм* и под.³

д) В составных названиях стран света и иностранных производных от них названиях ветров: *северо-восток, юго-запад, норд-ост*.

е) В именах существительных, представляющих сложение из нескольких самостоятельных понятий: *авто-мото-транспорт, авто-мото-строение, электро-свето-грязе-лечебница*⁴.

ж) В составленных из имён существительных географических названиях, первая часть которых не имеет соединительного гласного: *Каменец-Подольск, Новгород-Северск, Эльзас-Лотарингия, Саксен-Веймар-Эйзенах* (ср. «б»), но: *Югославия, Индокитай*.

з) В составных географических названиях с соединительным

¹ Исключение — *в открытую*.

² См. «Орфогр. словарь» Ушакова и Крючкова.

³ Если же в состав сочетания входит первым прочное сочетание, пишущееся через дефис, то второй раз дефис уже не ставится, напр. *социал-демократы меньшевики*.

⁴ Проектируется. Практика не установилась.

гласным, в которых оба члена по смыслу равноправны: *Австро-Венгрия, Волго-Дон*.

Чехословакия пишется, однако, без дефиса в соответствии принятому у чехов и словаков названию государства.

и) В составных фамилиях: *Сухово-Кобылин, Нелединский-Мелецкий, Римский-Корсаков, Бестужев-Рюмин, Лебедев-Кумач, Новиков-Прибой*.

к) В иностранных словах-терминах и собственных именах, заимствованных в виде состоящих из двух частей: *де-факто, де-юре, статус-кво; Аму-Дарья, Сыр-Дарья, Нью-Йорк* и под.

Правописание иностранных префиксов с дефисом или слитно нельзя считать урегулированным. Согласно проекту «Правил единой орфографии и пунктуации», 1939, предлагалось писать с дефисом *обер-, унтер-, вице-, экс-*, но слитно *а, анти, контр* (в значении «против»), *пан, архи, ультра, инфра* и др.

л) *Пол* пишется с чёрточкой перед гласными и л: *пол-яблока, пол-ложки*; в остальных случаях — слитно: *полсотни, полбутылки*. С чёрточкой же пишется *пол* перед именами собственными: *пол-Европы, пол-Харькова*.

2. Дефис в сложных именах прилагательных употребляется в случаях:

а) Когда прилагательное является производным от имени существительного типов, пишущихся с дефисом, и не меняет при образовании характера соединения: *бурят-монгольский, алма-атинский, северо-восточный*.

б) Когда прилагательное представляет в сложениях сочетание равноправных по смыслу (параллельных) частей: *инженерно-технический* (т. е. «инженерный» и «технический»), *торгово-промышленный* (т. е. «торговый» и «промышленный»), *литературно-лингвистический* (т. е. «литературный» и «лингвистический»).

Примечание. Не подчиняются этому правилу названия цветов вроде — *синезелёный, жёлтосерый* и под., в большинстве допускающие толкования первой части только как оттенка второй (ср. несомненные в этом отношении *бледнорозовый, тёмносиний, яркокрасный* и под.). Но: *изжёлта-зелёный, иссиня-голубой* и под.

в) Когда прилагательное представляет соединение из двух однокоренных или синонимических слов: *рад-радёшенек, один-одинёшенек*.

3. Наречия пишутся с дефисом:

а) в случаях, параллельных именам прилагательным («б» и «в»): *социально-экономически; мало-помалу, нежданно-негаданно, просто-напросто*.

Примечание. В ряде соединений книжного характера, в том числе и таких, где части не представляют собою элементов равноправных, в практике печати нет единства; предпочитаются обыкновенно соединения дефисные: *историко-литературный, классово-чуждый, зверски-жестоко* и под.

б) в соединениях типа: *по-братски, по-человечески, по-птичьи, по-моему, по-вашему, во-первых, во-вторых*. Отступают: *повидимому, попрежнему*.

4. С дефисом пишутся составные предложения: *из-за, из-под, нар.-поэт. по-над, обл. по-за.*

5. С дефисом же пишутся частицы: препозитивные — *кое-: кое-кто, кое-как,* и постпозитивные — *-нибудь, -либо, -то: кто-нибудь, как-нибудь, кто-либо, кто-то, что-то, как-то; -таки, -ка, -тка, -с: успел-таки, сказал-таки, поди-ка, посмотри-ка, ну-тка, да-с.* Но: *кое с кем* и *под.*

6. Дефисом соединяются сложные междометия: *ой-ой, динь-динь-динь.*

Как замечено, несмотря на наличие многих совершенно определённых и строгих правил, русское правописание, не прошедшее через строгую кодификацию в течение нескольких десятилетий, потеряло в некоторых частностях свою устойчивость. Особенно много расхождений между отдельными изданиями относится к правописанию иностранных слов и к написаниям цельным или с дефисами. Эти расхождения должны быть устранены в недалёком будущем специальной комиссией Академии наук СССР и Министерства просвещения. На существеннейшие расхождения в практике указывается в заметке Л. А г у ф а — «О разное в правописании», напечатанной в «Литературной газете» за 26 декабря 1950 г.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

Для критического использования.

Я. К. Г р о т. Филологические разыскания. П., 1899, изд. 4.— Наиболее ценная история русского правописания.

Я. К. Г р о т. Русское правописание. П., 1885. С 10-го изд. печаталось без перемен.

Д. Н. У ш а к о в. Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе, М., 1911 и 2-е изд. 1917.

М. В. У ш а к о в. К реформе орфографии.— Русск. яз. в сов. школе, 1930, № 4; ср. и Русск. яз. и лит. в средн. школе, 1935, № 4.

И. А. Б о д у э н - д е - К у р т е н э. Об отношении русского письма к русскому языку. П., 1912.

М. В. У ш а к о в. Основы методики обучения правописанию.— Русский язык в советской школе, 1939, № 2.

Я. В. Л о я. Основные вопросы письменности.— Русск. яз. в школе, 1940, № 1.

А. И. З а р е ц к и й. Строение русской орфографии.— Русск. яз. в школе — 1946, № 5—6.

А. Н. Г в о з д е в. Основы русской орфографии. М.—Л., 1947.

Из многочисленных справочников в настоящее время наибольшее значение имеют:

Проф. Д. Н. У ш а к о в и доц. С. Е. К р ю ч к о в. Орфографический словарь. М., 1951.

К. И. Б ы л и н с к и й и Н. Н. Н и к о л ь с к и й. Трудные случаи орфографии и пунктуации. Краткий справочник, изд. «Правда», 1944.

Ср. также: Н. Н. Ф и л и п п о в. Техничко-орфографический справочник для корректоров, М.—Л., 1939.

К. Б ы л и н с к и й, М. У а р о в. Справочник корректора, М.—Л., 1944.

По поводу проектов урегулирования орфографии — А. А. Р е ф о р м а т с к и й. Упорядочение русского правописания.— Русский язык в школе, 1937, №№ 1 и 6.

ГЛАВА VI. СИНТАКСИС.

Содержание: 1. Вступительные замечания. 2. Подлежащее и сказуемое. 3. Второстепенные члены предложения (пояснительные слова). 4. Синтаксические особенности местоимений в простом предложении. 4. О типах бесподлежащих и бесказуемых (односоставных). 6. Сложное предложение. Союзные слова. Союзы. 7. Причастные обороты. 8. Деепричастные сочетания. 9. Обособление. 10. Косвенная речь. 11. Частицы. 12. Сверхфразные единства. 13. Порядок слов. 14. Замечания о стилистическом отборе синтаксических средств.— Из литературы.

1. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Учение о формах, в каких строится слово вне связной речи и какие оно принимает в речи связной, составляет, как мы видели, предмет морфологии. Учение о способах соединения слов в большие целые (словосочетания, предложения и т. д.) составляет предмет синтаксиса.

Способы, которыми пользуется синтаксис русского языка, как и других славянских: 1) формальные элементы слова, главным образом — флексия; 2) служебные (неполнозначные) слова; 3) некоторые полнозначные местоименные слова; 4) порядок слов; 5) ритмомелодические приметы.

Полное изучение синтаксиса требует двустороннего анализа — от внешних (формальных) примет к содержанию высказывания, т. е. с позиций слушателя или читателя, и от мысли — содержания к словесному выражению, т. е. с позиций говорящего или пишущего. Практически можно в интересах экономности изложения в основном ограничиться первым аспектом, наиболее важным для установления присущих именно данному языку категорий выражения. При этом надо, конечно, твёрдо помнить, что «какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз»¹ (И. В. Сталин).

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Изд. «Правда», 1950 г., стр. 33.

Синтаксические сочетания выражают характер связи понятий, образуемый в сознании говорящего (пишущего) и передаваемый с тем же значением слушающему (читающему). Эти сочетания в основном бывают двух родов: а) сочетания однотипных единиц б) сочетания определяющего с определяемым.

Сочетания однотипных единиц иначе называются рядами или незамкнутыми сочетаниями. В этих сочетаниях представления или понятия семантически одинакового порядка (не всегда, однако, выраженные теми самыми формальными средствами) идут одно за другим, не вступая в отношения подчинённости. Количество таких параллельно идущих понятий может быть, теоретически рассуждая, безгранично. Ср.: «...Соседи поминутно ездили к нему *поесть, попить, поиграть* по пяти копеек в бостон с его женою, а некоторые для того, чтобы поглядеть на дочку их, Марию Гавриловну, *стройную, бледную и семнадцатилетнюю* девицу» (Пушк.). «Налицо была *острая, бесспорная, глубоко проникавшая* сила действия» (Фурм.). «За время их отсутствия Давыдов *описал* имущество в двух кулацких хозяйствах, *выселил* самих хозяев, потом *вернулся* к Титку во двор и совместно с Любишкиным *перемерил* и *взвесил* хлеб, найденный в кизешнике» (Шолох.). «Но вот рука большевика в борьбе невиданном накале *Взяла* лопату и кирку — И выросли *Магнитострои, Дворцы* рабочим и станку, *Турбины, школы и забои, Комбайны, клубы, города, Дома, музеи, парки, ясли...*» (Безым.).

Сочетания определяющего с определяемым (в логическом смысле), в отличие от первых, представляют собою группы (словосочетания) замкнутые или количественно ограниченные. Характерный для них тип связи понятий есть результат активного познавательного процесса, при котором одно понятие ставится в зависимость от другого. Установление этой зависимости чаще всего совершается бинарно (парами однозначных слов) как результат одного движения мысли, осуществляющей каждый раз при этом акт такой, а не иной направленности.

Возьмём, напр., предложение: «Глеб до боли в суставах *сжимал* железные полосы перил» (Гладк.). Ориентируясь в связях при помощи нормального языкового средства логической ориентации — вопросов, мы получаем пары: *Что делал Глеб? — сжимал; как сжимал? — до боли; до боли в чём? — в суставах; что сжимал — полосы; полосы чего? — перил; какие полосы? — железные.*

Примечание. Нужно, однако, иметь в виду, что, хотя подобная разбивка на грамматические пары обычно совершается легко и соответствует природе синтаксической структуры речи, дело не обходится в ряде случаев без тех или других усложнений. Иногда бывает необходимо, напр., учитывая смысл определённых членений, разбивку при помощи вопросов производить не парами, а большими группами слов, предполагающими один общий ориентирующий вопрос. Ср.: «Не даром сны её ласкали, Не даром он являлся ей *С глазами, полными печали, И чудной нежностью речей* (Лерм., «Демон»).

Смысл фразы предполагает по отношению к слову «являлся» не вопрос с ч е м?, на который ответом было бы с глазами и нежностью, а к а к и м? или к а к? — с ответом в виде целой словесной связи — С глазами, полными печали, И чудной нежностью речей. Подобное имеем и в предложениях: «Узкие, мрачные дома с открытыми крышами, с железными дверями — как вымершие...». (А. Н. Толст.). «По маленьким крепким коням с крутыми толстыми шеями можно было сразу узнать монголов» (Ян). «Приземистая широкоплечая фигура Осипа Иваныча, с красным затылком и высокой грудью, служила как бы олицетворением преисполнявшей его энергии» (Мамин-Сибиряк).

Со стороны синтаксических отношений грамматические пары бывают трёх основных типов:

1) определяющий член пары или с о г л а с у е т с я с определяемым,

2) или у п р а в л я е т с я им,

3) или п р и м ы к а е т к нему.

Согласование — это вид связи, при котором формы находятся одна с другой в таком отношении, что с изменением одной (определяемой) соответственно меняется и другая (определяющая). Пример такой связи представляет прилагательное с именем существительным: *Красная Армия, Красной Армии* и т. д.; *новая фабрика, новые фабрики* и под.

Согласование может быть п о л н ы м и н е п о л н ы м. П о л н ы м мы называем такое согласование, которое совершается при максимальном использовании имеющихся у соединяемых членов морфологических средств. Ср.: *Мы строим новую фабрику. Строим с мы* согласовано в числе и лице; других средств согласования формы глагола наст. врем. не имеют, — таким образом согласование здесь полное. Точно так же *новую* согласовано с *фабрику* в роде, числе и падеже, т. е. во всех сторонах, в каких возможно согласование склоняемого прилагательного с существительным, — тут, следовательно, тоже согласование полное. Но, напр., во фразах: *Делегация посетила фабрику, на которой только недавно начали выработать бекон; Советский Союз выдвинул первым радикальный проект по вопросу о разоружении, — на которой по отношению к фабрику, первым по отношению к Союз* представляют примеры н е п о л н о г о согласования: и в первом и во втором случае имеем тот же самый род и число, но нет согласования в падеже.

Управлением называется такая связь между членами пары, когда определённый косвенный падеж употребляется потому именно, что его для выражения определённого смысла требует то или другое слово в определённой форме (или формах); ср.: *подписать договор, подписал договор* (вин. пад.), *подписание договора* (род. пад.); *благодарить бригаду* (вин. пад.), но *благодарность бригаде*; *руководить предприятием, руководят предприятием* (твор. пад.), но *встречать представителей, встречают представителей* и под.

Управление может быть н е п о с р е д с т в е н н ы м — когда в зависимость от управляющего слова вступает косвенный падеж

имени существительного (см. приведённые примеры), и пред-
ложным — когда косвенный падеж находится ещё в зависи-
мости от предлога: *встретиться с товарищем, рассказать о съезде*
и под.

Важно также различить более и менее тесное управ-
ление. Степеней зависимости может быть очень много: начиная
от сочетаний, в которых управляемая форма слова выступает
обязательно как дополняющая определённое слово или немногие
слова, образуя с ними цельные речения: *побить (поставить) ре-
корды, чреватый последствиями*, и кончая такими свободными
сочетаниями, как *мы с вами, чайник без носка, смотреть при туск-
лом свете лампы, сидеть всю ночь* и под. В одних случаях управляю-
щее слово может редко употребляться без зависимой от него фор-
мы существительного, напр.: *встретиться, хвалиться, предприни-
мать, утратить*, в других — оно в них может нуждаться мало:
бедный, высокий, стол, сообразать, выть.

Примыкание. Так называется тот тип связи, в который всту-
пают полнозначные слова, лишённые флективной гибкости (на-
речия, деепричастия, инфинитивы): *сильно ударить, выступить*
вперёд, протекает журча, говорить спеша, желание встретиться,
надежда победить.

Меньшее, чем все другие, значение и распространение имеет
тип связи, который можно назвать тяготением. Он представляет
собой грамматическую пару из глагола и прилагательного, со-
гласуемого с первым в числе и роде; со стороны смысловой эта
связь обозначает, каков предмет-подлежащее в момент осуществле-
ния приписываемого ему сказуемым действия: *пришёл весёлый,*
ходил задумчив, слушает довольный.

Что пары обыкновенно замкнуты, мы видим в тех относи-
тельно редких случаях, когда говорящий или пишущий из-за не-
которого ослабления своего внимания нарушает контаминацией
нормальную для языка направленность известного типа связи.
В одном, напр., очень известном учебнике по истории русского
языка автор допустил по недосмотру такую ошибку против син-
таксиса: «Мы не предлагаем ни на чём не основанных гипотез и не
предаемся лингвистическим мечтаниям (вошедшим, увы, в моду
в молодую науку о русском языке)». Ясно, что правильно сказать
можно было бы только «вошедшим в моду в молодой науке о рус-
ском языке», так как, хотя отдельно вполне законны пары «вошед-
шим в моду» и «вошедшим в науку», такая комбинация, при которой
направленность связи нарушает принцип замкнутости пары, тут
недопустима, и мы вынуждены, чтоб сообщить предложению пра-
вильную форму, заменить направленность одной из пар, переводя
её вопросом где? на другой синтаксический путь. Ср. и разг.
«Чем вы недовольны мной?», неприемлемое для организованной
письменной речи.

Замкнутость группы не исключает возможности, что тот же
тип зависимости будет во фразе дан параллельно; ср., напр., при

зависимости дательного падежа: *Она радовалась солнцу, воздуху и снегу яркого зимнего дня.*

Характер связи тут тот же самый — *радовалась солнцу, радовалась воздуху, радовалась снегу*; но будет ли дано одно понятие в таком направлении зависимости, или же будет выступать параллельный ряд одинаково зависящих слов, — это замкнутости сочетания принципиально не нарушает.

Наиболее замкнутый тип связей — управление. Нарушение замкнутости пар с отношением управляющего и управляемого встречается довольно редко — в случаях, главным образом, предложного управления, таких, напр., как: *Д. родился в... году в степном краю в семье крестьянина-бедняка.*

Не замкнуты, а только ограничены связи согласования прилагательных. В примерах вроде: «*Большое засохшее фруктовое дерево*»; «*Широкий шёлковый голубой кушак*» (А. Погорельский); «*Алёша подал ему маленькое складное кругленькое зеркальце, стоявшее на комодe*» (Дост.); «*Огромные удивительные тёмносиние махаоны*» (Пришв.) — все определения к именам существительным имеют одинаковый характер направленности, но не образуют рядов (они не сопровождаются перечислительной интонацией и не могут быть соединены такими союзами параллельности, как и). С точки зрения собственно-логической справедливо рассматривать в приведённых примерах *большое, маленькое, огромные* как определения к «*засохшее фруктовое дерево*», «*складное кругленькое зеркальце*», «*удивительные тёмносиние махаоны*» и под.¹ Повидимому, подобные группы определяющих слов практически вне случаев обособления (см. стр. 382—383) редко выходят числом за три.

Связи примыкания обнаруживают разную степень замкнутости или ограниченности в зависимости от морфологической природы сочетающихся членов и от их значений: однотипные морфологически наречия на *о*, образованные от прилагательных, обычно в своём отношении к глаголам замкнуты: сочетания «*быстро сильно бьёт*» или «*медленно твёрдо шагает*» звучали бы необычно; деепричастия того же вида обыкновенно вместе не примыкают к глаголу: необычно звучали бы сочетания «*Раздумывая работая, он морщил лоб*» или «*Увидев поняв уловку врага, она сейчас же приняла решение*». Несколько необычно поэтому звучит у Л. Н. Толстого («*Анна Кар.*»): «*Точно так же он поступил и со Свяжским, уехав не простившись*», где возможность сочетания двух однотипных деепричастий облегчается однако, приближением деепричастия *не простившись* к обыкновенным наречиям².

¹ С последним замечанием ср.: Р. А в а н е с о в и В. С и д о р о в. Русский язык. Учебник для педагогических техникумов, 1935, изд. 2, стр. 116.

² Как явление новейшего литературного синтаксиса заслуживает быть отмеченным наблюдающееся всё чаще в беллетристике преодоление этого ограничения: «*Улыбаясь, прижмуриив глаза, он [Ленин] с наслаждением вытянулся в кресле...*» (Горьк.). «*Она вздохнула и, ловко орудуя иглой, штопая носки Саше, добавила...*» (Добровольский). «*Птолемей медленно идёт*

Но, напр., свободно примыкают к тому же члену предложения инфинитивы и наречия, наречия и деепричастия, наречия времени и обстоятельства и под.

Понятие предложения употребляется в синтаксисе в двух смыслах: более широком — законченной мысли, выраженной словами (в таком смысле употребляется ещё и термин **фраза**), и в более узком — синтаксической единицы, характеризующейся наличием сказуемого.

Внутренняя сторона того синтаксического построения, которое называется предложением (в узком смысле), сводится прежде всего к особенностям главной грамматической пары, вокруг которой группируются все остальные. Ниже на этих особенностях мы остановимся подробнее, а пока заметим только, что наиболее распространённый тип главных грамматических пар — это объединение «носитель постоянного признака» (предмет) и «приписанная ему во времени деятельность» (реже — свойство и под.).

Грамматически этой связи соответствует сочетание «именительный падеж существительного и согласованный с ним глагол в личной или родовой форме». Этот тип является наиболее распространённым. Но имеется и ряд других типов предложения.

Вокруг основных стержней предложения — именительного падежа существительного (или его замены) и глагола в личной форме (или его замены) — группируются остальные словосочетания (пары):

«Длинная колонна разнообразно замаскированных ребят уже вступала в залу» (П. Павленко). Главная пара — *колонна вступала*. К подлежащему *колонна* относится согласуемое с ним прилагательное — определение и управляемое слово *ребят* со своим определением — *замаскированных*, к которому примыкает наречие — обстоятельство *разнообразно*. К сказуемому относятся — примыкающее наречие — *уже* (со значением обстоятельства времени) и зависимый управляемый предлогом *в* винительный падеж имени существительного — *залу* (со значением обстоятельства места).

Предложениям в их морфологических признаках соответствуют выступающие с большей или меньшей выразительностью признаки ритмомелодические. Отчётлива тенденция¹ одно предложение от другого отделять паузами той или другой длительности

к трону, далеко обходя Клеопатру, явно опасаясь её» (из перевода пьесы Б. Шоу).

Можно указать даже писателя — Г. Коновалова («Университет»), для которого употребление деепричастий, примыкающих к деепричастиям, — характерная манера его синтаксиса вообще: «...И, засмеявшись, блеснув зубами, сказал...». «Смеясь, качая головой, Прокопий ушёл спать». «Дорогая, подай нам водочки, той, что настоена на лимонной корке, — сказал Богучаров Уте, садясь за стол, потирая сухие руки с длинными холеными пальцами», и под.

¹ Тенденция эта выступает, однако, среди многочисленных усложнений основного ритмомелодического рисунка.

и характерными изменениями тональности (повышением в направлении к границе, за которую начинается новое движение тона, или снижением, за которым далее идёт повышение): 1. «Оперов особенно понравился мне теми свободными мнениями, | которые он высказывал о профессорах» (Л. Толст.). 2. «Все заглядывали вперёд, | где качалось и реяло красное знамя» (Горьк.). 3. «На чайнике на плите запрыгала крышка, | и вода весело забулькала, зашипела» (Фад.).

(Об интонации параллельных предложений — ниже).

Характерно также для предложений выступающее на одном из их членов (но необязательно на главном) доминирующее над остальными логическое ударение; ср. в приведённых примерах: *мнениями, о профессорах* (1); *вперёд, красное знамя* (2); *крышка, забулькала, зашипела* (3).

Типы предложений.

Предложение, взятое со стороны синтаксической, называется **простым**, если имеет одно или несколько сказуемых, согласованных с тем же самым подлежащим или подлежащими: *Нагульнов проскакал по направлению к Тубянскому саженой сто* (Шолох.). — *Звёзды движутся перед нашими глазами постоянно с востока на запад вокруг оси мира.* — *Волны, падая, разбиваются в брызги и спокойно лепечут, плещутся в камни* (Жига).

Объединение предложений при помощи тех или иных синтаксических признаков в развёрнутое целое, являющееся выражением одной законченной мысли и с внешней стороны характеризующееся интонацией законченности, представляет **сложное предложение**: *На синеве белели косым парусом рыбацкие лодки, а у горизонта чуть заметно дымил уходивший пароход* (Сераф.). *Под утро мороз свирепеет, и снова удар за ударом катится над рекой, и будто от этих ударов расступается тьма и на окна ложится предрассветная прозелень* (Ильенков). *Там, где ветры слизали снег, земля по ночам гулко лопаётся* (Шолох.). *Перед рассветом в степи холодно и строго: сквозь шинели и сквозь рубаху впиваются тонкие ледяные шилья* (Фурм.).

Одинаково и простое и сложное предложение по выражаемому ими смыслу и соответствующей этому смыслу интонации могут выступать в трёх видах: **повествовательного, вопросительного и восклицательного**.

Повествовательные предложения служат в основном выражению мысли без отчётливой эмоциональной её окраски. Типический их внешний признак — специфическая падающая интонация, особенно заметная главным образом на логическом центре высказывания (отдельном слове или грамматической паре): *Слушали информацию Витьки Долгунова, что плоты будут готовы через четыре дня* (Иорданский). *Волчиха, испугавшись, схватила что первое попало в зубы* (Чех.).

Повествовательные предложения — самый распространённый в языке синтаксический тип.

Вопросительные предложения характеризуются с внутренней стороны тем, что они заключают в себе (по крайней мере, по идее) вопрос и побуждение собеседника к ответу. С внешней — они могут характеризоваться особыми вопросительными частицами *разве, неужели, ли* или специальными полнозначными вопросительными словами-местоимениями (типа существительных, прилагательных и наречий): *кто? что? какой? сколько? где? куда? зачем?* и под.

Типична также для них особая восходящая интонация¹, выступающая тем отчётливей, чем более устранены раньше названные признаки вопросительности: *Разве ты об этом не слышал? — Что делать? — Вы этого хотели? — Вы слышали когда-нибудь шум водопада?* (Жига).

Восклицательные предложения с разными степенями восклицательности — от еле заметной, напр., в: *Приходи ко мне завтра*, до ярко выраженной, напр., во: *Вставай, проклятьем заклеймённый Весь мир голодных и рабов!* — имеют специальную восходящую интонацию: музыкальное и силовое (динамическое) ударения сосредоточиваются на ударяемом слоге эмоционального члена или членов предложения; причём за этим слогом происходит сразу ослабление и тона и силы. Со стороны внутренней для восклицательных предложений характерны, хотя и не обязательны, повелительные формы, обращения и междометия.

2. ПОДЛЕЖАЩЕЕ И СКАЗУЕМОЕ.

Господствующий тип предложений характеризуется наличием в них подлежащих и сказуемых. Обычное морфологическое выражение подлежащего — именительный падеж имени существительного или личного местоимения, сказуемого — глагол в личной форме или в форме, сочетающейся с лицом (прошедшее вр.): *«Мы завершили социалистическую переделку всего народного хозяйства на основе индустриализации страны и реконструкции хозяйства»* (газ). *«Так мы всё исправим. Я сейчас же пошлю мастера»* (Макаренко). *«Я смотрел с удивлением на этого старенького, щупленького, умного селянина...»* (Макаренко). *«Бестужев проснулся на рассвете от суматохи и шума в коридоре...»* (Голубов). *«Семь веков назад Шота Руставели написал по-грузински книгу «Вепхис Ткаосани»* (Тихонов). Это наиболее распространённый тип предложения.

Но наряду с ним возможны иные — с теми или другими вариациями основных частей (подлежащего и сказуемого). Подлежащим может, напр., являться именительный падеж прилагательного; сказуемым — имя прилагательное в несклоняемой

¹ В простейшем случае с интервалом в квинту на слоге-носителе доминирующего силового ударения.

(нечленной) форме или в именительном падеже формы склоняемой и под.: «*Сытый голодного не разумеет*». «Только *трудящиеся могут быть членами профсоюзов*».

В такого рода предложениях отсутствие имени существительного ведёт к тому, что роль его исполняет прежде согласовавшееся с ним прилагательное (ср. *сытый человек, трудящийся человек*).

Роль подлежащего может принять на себя и всякая другая часть речи или даже целое предложение, если они мыслятся как известная замена имени существительного в именительном падеже и определяются, как и оно, при помощи сказуемого.

Подлежащее может быть вовсе опущено и подразумеваться из предыдущей фразы (неполное предложение): «Из пушек по крепости *Пётр* более не баловался. Дни проводил на земляных работах в апрошах, коими войска шаг за шагом приближались к крепости. Скинув кафтан и парик, копал землю, плёл фашины, здесь же ел с солдатами» (А. Н. Толст.).

Согласование глаголов с именительным падежом существительных (и параллельных им форм имён прилагательных и местоимений) требует лишь нескольких замечаний о частных случаях.

Именительный падеж + предлог *с* с творительным согласуют с собой множественное число глагола: «*Отец с Сыгнеем и Титом тоже молчали...*» (Гладков). «В это время *Дыма с чехом усаживались где-нибудь в уголке*» (Корол.). «В кухню *вошли дед с матерью*» (Горьк.). «*Шелехов с Бирилёвым... узнали его голос — уверенный с весельцей*» (Мальшк.); но ср. при иной расстановке слов: «*А Истомин как-то случайно выдвинулся вперёд с Манею*» (Леск.). Здесь *с Манею* уже связано со сказуемым *выдвинулся*.

Глагол иногда согласуется только с одним из подлежащих, ближайшим: «*И с берега, сквозь шум машины, несло рокотание и гул*» (Корол.). «*И теперь, как память о странном сне, ... рисовалась эта старина, и какой-то простор, и какая-то дикая воля...*» (Корол.). «*Но недолго разливался в траве густой переливчатый храп мужиков и подхрапывание баб*» (Сейф.). «*На улице всего громче слышалась музыка, бубны, голоса*» (А. Н. Толст.).

Литературный язык при «Вы» вежливости не допускает встречающегося в неправильной речи согласования с единственным числом прошедшего времени: *Вы просили, Вы сказали*, но не «*Вы просил, Вы сказала*».

Для форм повелительного наклонения 2 лица ед. и мн. и 1 мн. ч. правилом является отсутствие слов, с которыми они согласуются (*ты, вы, мы*), и формы эти обыкновенно заключают в себе, таким образом, скрытую двучленность. Лицо называется обыкновенно лишь тогда, когда на него падает логическое ударение: «Он стал одеваться, говоря:— «Я на минуту выйду... *Ставь самовар ты*» (Горьк.). «Я посижу, а *ты ступай*» (Л. Толст.). «Ермолай вернулся.— Справлена лодка, — произнёс он сурово. *Ступай за шестом ты!*» (Тург.).

В просторечии и подражаниях ему допускается аффективно окрашенное сочетание формы повелительного наклонения в единственном числе с подлежащим (или обращением) во множественном: «Смотрите же», кричит один осёл: «*не унывай!* Я затаю, а вы не отставай» (Крыл., «Парнас»). «...И с возом — бух в канаву! *Прощай, хозяйские горшки!*» (Крыл., «Обоз»). «Ну, что у вас есть, показывай, — сказал он, садясь на диван (Вельтман). «Дальше томить людей было неблагоприятно. — Пора. — Он осунул кушак. — *Разделяйся! Отворяй ворота!*» (А. Н. Толстой). Ср. и: «Логика влюблённых... быстро возводит здание догадок, подозрений, но сила любви ещё быстрее разрушает его до основания: часто довольно для этого одной улыбки, слезы, много, много двух-трёх слов — и *прощай подозрения!*» (Гонч.).

Выступая в роли аффективно окрашенных форм условия (в значении «если только», чаще с отрицанием в значении утраченной возможности), повелительная форма 2 лица ед. ч. допускает сочетаемость со всеми тремя лицами обоих чисел: «Да *накупи* я всех этих, которые вымерли..., *приблети* их, положим, тысячу... вот уже двести тысяч капиталу» (Гог.). «...*Знай* мы, что такое слава, нам, быть может, были бы известны и способы её достижения, — сказал пассажир первого класса, подумав» (Чех.). «*Попадись* ему навстречу какой-нибудь *надзиратель*, он избил бы его так, что тот на всю бы жизнь калекой сделался» (Решетн.). «В этот вечер впервые стреляли в Пронькино окно и, *не потянись* Кузёмкин за маслом, хоронили бы его в среду красным обрядом, под гармонь» (Леон.). «*Не улыбнись* он и *не ответь* ничего, она начнёт стеречь каждое движение, каждый взгляд и толковать по-своему, и тогда не оберёшься упреков» (Гонч.): «Только *покажись* где-нибудь сильный и решительный отпор, — сила самодура падает, он начинает трусить и теряться» (Доброл.). «У него был счастливый характер: *свались* на него *гора* неприятностей, он и тогда бы встал и отряхнулся, как ни в чём не бывало» (Голубов).

Реже — случаи уступительности: «Ну, *высади* (= «пусть бы высадили») в Старом городе, — вскипел о. Пётр, — а не среди степи ж!» (Тренёв).

Данная функция осуществляется обычно в сложном предложении.

Другая функция 2 лица ед. ч. — обозначать внезапное прошедшее — осуществляется только образованиями совершенного вида: *А он вдруг и скажи...* «Только и *попадись* он [волк] нечаянно в лапы к медведю» (Салт.-Щедр.). «Сверху тогда *упади* Перчатка с прекрасной руки Судьбы случайной игрою Между враждебной четюю» (Лерм., перев. из Шиллера).

Распространено повелительное наклонение 2 лица ед. ч. (реже — множественного) и со значением безличности; оттенки — «нужно», «можно» и под.; при отрицании — «нельзя» и под.: «Наступают выборы, надо ехать, а денег нет, — *закладывай* деревню! Наступают именины жены, зван весь уезд, обещан бал, а денег нет, —

продавай рошу!..» (Григор.). «Наше дело подневольное, День и ночь броди в лесу...» (Некр.). «Да садитесь же четвёртым! — Сядешь тут! Вот через полчаса *садись* в тарантас и *скажи* восемьдесят вёрст...» (Тренёв). «Ты не поверишь, как я измучился с ним: спорит, грубиянит, а дела *не спрашивай*» (Гонч.).

Со значением тяготящей обязательности с повелительным наклоном ед. числа могут сочетаться формы лица (в том числе и имена существительные): «*Я — терпи*, а мироед да барин как сыр в масле катаются да на мне ездят» (Гладков). «А меж тем На Балтии моей сидите вы, А я *соси* в берлоге лапу?» (Сельв., «Ливон. война», слова Иоанна); *соси* = «должен сосать».

Употребляется нередко форма 2 лица ед. ч. при подлежащих со значением 3 лица: «Измывается надо мной барин... *пёс его возьми!*» (Горьк.). «Что ты говоришь? *Отсохни твой язык!* — сердилась бабушка» (Горьк.). «*Минуй нас пуще всех печалей И барский гнев, и барская любовь!*» (Гриб.). Такое употребление известно исключительно в аффективной речи.

Форма повелительного склонения *давай* с инфинитивом несовершенного вида, относящаяся к 3 лицу обоих чисел, получает видовое значение начатого и долго длящегося аффективно окрашенного действия: «Вижу, Фейзулла сшиб с ног одного здоровилу, вырвал у него саблю и рассек его. Налетел на другого — *и давай, и давай крошить*» (Гладков). «У нее полкошолки салом было напихано. Вот она и *давай выменивать* на что попало» (Федин).

Сказуемое при сочетаниях с *два, три... пять...* может выступать и в единственном и во множественном числе: «*Требуется два важных условия*» и «*Требуются два важных условия*»; «*Пришло пять человек*» и «*Пришли пять человек*».

При *сколько, много* обязательно единственное число: «*Сколько человек пришло?*» «*Сколько разных чувств проходит во мне, сколько мыслей туманом проносится...*» (Пришв.). «*Пришло много людей*»¹.

Это влияет и на предшествующие сочетания в том отношении, что единственному числу отдаётся решительное предпочтение, когда в центр внимания говорящего попадает именно определение количества, особенно — неопределённого: «*Пришло человек пять*». «*Горело уже четыре избы*» (Горьк.). «Здесь и без того уже *навалило тысяч двадцать*, а колонны всё идут без конца» (Гладк.). «Я рассказал Николаю Васильичу, что сейчас тут *было три змеи...*» (Пришв.). «Алексей Бровкин и Бухвостов верхами привезли одежду. Встроём, торопливо, кое-как одели царя. *Подскакало ещё человек два-*

¹ При *несколько* преобладает единственное число, но возможно, обыкновенно при названии лиц, и множественное; ср.: «Замок бани сломали, *несколько человек втиснулось* в двери и почти тотчас же *вылезли* оттуда» (Горьк.). «*Заговорили* сначала *несколько человек* туманно и нетвёрдо, путаясь в мелочах, потом ввязались другие, — сход постепенно расходился» (Фадеев). «Неча нам на рожон переть, — *поддержали* Березкина *несколько пожилых крестьян*» (Викт. Чехов).

дцать стольников и офицеров» (А. Н. Толст.). Но: «*Четырнадцать человек тянули бечевой тяжёлую барку с хлебом*» (А. Н. Толст.).

Если сказуемое отодвинуто от подлежащей группы, оно обычно стоит во множественном числе: «*Три огонька — два под водою и один высоко над ними — провожают его*» (Горьк.). «*Двое рабочих в белых фартуках копались около дома*» (Чех.).

Впрочем, при названиях людей вообще множественное число решительно предпочитается: «*...Сидели за водкою два дворника*» (Верес.).

Сочетание числительных-существительных с лет допускает сказуемое только в единственном числе: «*Когда Ванюшке исполнилось двенадцать лет и он окончил школу, мать сшила ему синюю блузу, а отец отвёл его на завод*» (Плетнёв).

Тысяча, миллион и под. являются теперь обыкновенными существительными, управляющими, подобно другим, родительным падежом множественного числа¹: *тысячью человек* и под., и согласующими с собой сказуемое в единственном числе: *Явилась тысяча человек*. Впрочем, по аналогии с другими числовыми названиями, возможно также: *Явились тысяча человек, Явилось тысяча человек* и под.

Если имя существительное — по основному своему значению не числовое — приобретает значение, близкое к количественному, то оно может у некоторых слов тоже сочетаться со средним родом сказуемых: «*Работы у нас в это время было пропасть*», «*Народу собралось уйма*».

При подлежащих типа *ряд, часть, большинство, меньшинство* преобладают в литературном употреблении сказуемые, согласуемые по форме, т. е. в единственном числе и в соответственном роде. Значительно реже случаи согласования по с м ы с л у — со сказуемыми во множественном числе; ср.: «*Большая часть моих прежних привычек и вкусов не нравились ему...*» (Л. Толст.).

Если числовые слова *трое, четверо* и т. д. согласованы с *все*, то сказуемое, естественно, выступает во множественном числе: «*Все четверо стояли, страшно приготовившись*» (Горьк.).

В подобном случае при *тысяча (вся тысяча, целая тысяча), сотня* и под. выступает согласование в единственном числе.

Как относительно редкий, но характерный случай употребления числа, отклоняющегося от фактически мыслимого, заслуживает внимания возможное употребление множественного числа в роли единственного в значении нарочитой затуманенности подлежащего, окружения его ореолом важности и под., ср.: «*Чернокожий клопик... Доложил Сильфиде, что какой-то длинный Господин изволит ждать её в гостиной... Приглашён герой мой; ему отвечали На поклон улыбкой и пробормотали: «Очень, очень рада...»* (Полонск., «Кузнечик-музыкант»). «*К л е о п а т р а: А о Клеопатре не вспомнят при расставании?»* (из перевода пьесы Б. Шоу). Имеется в виду

¹ О другом возможном виде связей см. стр. 316.

только присутствующий Цезарь. Множественное число 3-го лица делает возможным упрёк Цезарю сделать более тонко, более «запрятанно».

Принадлежащие морфологически очерченным глагольным формам (включая аналитические) грамматические значения в р е м ё н и н а к л о н е н и й в связной речи получают относительно немногочисленные изменения.

Формы н а с т о я щ е г о времени некратных глаголов (не обозначающих повторяющегося действия) получают значение б у д у щ е г о при наличии контекста или ситуации, указывающих на такой смысл предложения: «Баринов тихо спрашивал: *Едем, а? Завтра?*» (Горьк.). «Пароход *отходит* завтра в 10 часов».

Формы настоящего времени получают значение оживлённого п р о ш е д ш е г о в контексте, дающем на это указание; ср.: в «Моих университетах» Горьк о г о рассказ ведётся в прошедшем времени, что соответствует общему характеру воспоминаний автора, но повествование изредка переводится в настоящее с целью оживить картину событий: «Кратко, толково Ромась *внушает*, что и как я должен делать без него, и мне *кажется*, что он уже забыл о попытке поугагать взрывом, как забывают об укусе мухи».

С и н т е т и ч е с к а я ф о р м а б у д у щ е г о (будущее совершенного вида) может, особенно при слове *бывало*, в контексте, указывающем на то, что рассказ относится к прошлому, обозначать п р о ш л о е время (со значением быстрой смены или, наоборот, большой длительности): «*Бывало*, прежде-то... из-за уголка *посмотрит* на тебя, на сестёр, — и счастлива...» (Шелл.-Мих.). «А матушка-то, *бывало*, *прикроет* синие глаза да как *заведёт* песню на великую высоту... и всё кругом будто *задремлет*, не *шелохнётся*, слушает её» (Горьк.). «Казачки *вламывались* в квартиры, брали всё, что *приглянется*» (Верес.). «Ребята, — крикнул он, — *двацелковых жалует* нам господин проезжий». Те все *вдруг как загогочут...*» (Тург.). «Бабушка, качая головою, молчит минуту и *вдруг снова точно вспыхнет* вся» (Горьк.).

Форма будущего совершенного вида может иметь также значение быстро осуществляющегося или быстро сменяющегося настоящего, особенно в смысле возможной повторности: «[Луна] *Заглянет* в облако любое, Его так пышно *озарит*. — И вот уж перешла в другое...» (Пушк.). «А ветер как *гикнет*, *Как* мимо *просвищет*, *Как* *двинет* барашком под звонкое днище, *Чтоб* гвозди звенели, *чтоб* мачта гудела!» (Багрицк.).

Далее, будущее совершенного вида может приобретать значение в о з м о ж н о г о о с у щ е с т в л е н и я д е й с т в и я, так или иначе в этой возможности ограниченного: «Далеко видны отсюда придонские степи, раскинувшиеся из-под нагорного виноградного берега до туманно-голубого горизонта, где лишь *изредка засинеет* пятном или узкой полоской степной перелесок» (Тренёв). «Кое-где зеленели над ней небольшие унизанные грачиными гнёздами вербовые чащи... *местами* от окружённого водой хутора

протянется узкая яркозелёная полоса, по которой бродит стадо» (Тренёв).

Будущее время преимущественно совершенного вида (в этом случае возможны и формы несовершенного вида) может иногда получать значение яркой наглядности, конкретизировавшейся примерной возможностью. Любопытные примеры такого применения этой формы находим у Л. Н. Толстого в «Севастопольских рассказах» («Севастополь в декабре месяце»):

«Не может быть, чтобы при мысли, что и вы в Севастополе, не проникло в душу вашу чувство какого-то мужества, гордости и чтоб кровь не стала быстрее обращаться в ваших жилах...

— Ваше благородие! прямо под Кистентина [корабль «Константин»] держите,— *скажет* вам старик матрос, оборотившись назад, чтоб поверить направление, которое вы даёте лодке,— вправо руля.

— А на нём пушки-то ещё все, — *заметит* беловолосый парень, проходя мимо корабля и разглядывая его.

— А то как же: он новый и в нём Корнилов жил,— *заметит* старик, тоже взглядывая на корабль.

— Вишь ты, где разорвало! — *скажет* мальчик, после долгого молчания взглядывая на белое облачко расходящегося дыма, вдруг появившегося высоко-высоко над Южной бухтой и сопровождаемого резким звуком разрыва бомбы.

— Это он с новой батареи нынче палит,— *прибавит* старик, равнодушно поплёвывая на руку.— Ну, навались, Мишка, баркас перегоним.— И ваш ялик быстрее подвигается вперёд по широкой зыби бухты, действительно перегоняет тяжёлый баркас, на котором навалены какие-то кули и неровно гребут неловкие солдаты, и пристаёт между множеством причаленных всякого рода лодок к Графской пристани».

Синтетическая форма будущего с отрицанием имеет значение настоящего (общего, постоянного): ...*Ни зашелохнёт, ни прогредмит* (Гог.).

В соответствующем контексте время конкретизируется: «Ни одно насекомое *не прожужжит* в траве, ни одна птичка *не защебечет* на дереве; только галки и вороны криком наводили уныние на душу, и рыба перестала клевать» (Гонч.).

Ср. с первым значение результата действия вне отношения ко времени: «Как *аукнется*, так и *откликнется*».

Может, наконец, эта форма с *не* обозначать оттенки наклонений: *Не придумаю... не скажу. Тут ничего не добьёшься* (ср. *не добиться* и под.).

Форма прошедшего времени совершенного вида может получать, впрочем, при относительно немногочисленных словах, значение побудительное с окраской просторечия: *Пошёл! Пошли! Поехал! Поехали!* «Хведин, выслушав рапорт, сказал: — Советская власть восстановлена. Делать нам больше здесь нечего. *Поплыли* дальше» (А. Н. Толстой).

Из менее обычного просторечно-фамильярного употребления:

«Сам ты видел: только край солнышка показался. Завтра уже пойдёт низом. — Кончал, брат! — крикнул возвращавшийся с реки ямщик» (Корол.).

Кроме изменений в и д а, уже отмеченных в случаях, относящихся к замене настоящего и прошедшего времени формами будущего, как на характерную черту русского синтаксиса нужно указать на обычное употребление несовершенного вида при отрицании в повелительном наклонении: «*Не подходи сюда*», «*Не говорите ему об этом*». Совершенный вид сохраняется, однако, если с повелительным наклонением связывается значение предостережения: *не простудись, смотри не оступись, не скажите*.

В придаточных предложениях содержания (изъяснительных) настоящим временем обозначается одновременность с главным: «*Передавали, что по занятии города им три дня разрешается грабить*» (Верес.). «*Несколько секунд мы оторопело смотрели, как деловито жёлтые языки огня... лизут стену, загигают на крышу*» (Горьк.). «*Если бы кто смотрел на него в это время с площади, то мог бы видеть, как белая одежда то теряется в тени деревьев, то мелькает опять на месячном свете*» (Корол.).

При «что» и «будто» в таких случаях обыкновенно употребляется настоящее, при других наречиях-союзах возможно сохранение времени главного. Значительно реже в изъяснительном предложении с «что» употребляется не настоящее время, а прошедшее время изъявительного наклонения, соответствующее такому же в главном: «*Мы дошли до Льгова. И Владимир, и Ермолай оба решили, что без лодки охотиться было невозможно*» (Тург.). Во фразе вроде: «*Внимание друг к другу, с каким передвигались, входили, искали нужную газету, показалось Филиппу трогательным. Он тоже вышел на цыпочках, словно торжественно признавая, что в этом доме всюду жила мысль*» (Федин) — прошедшее время *жила* звучит необычно.

Роль глагола — указывать признак, приписываемый лицу в определённом времени, — могут взять на себя прилагательные, одни или вместе со вспомогательным глаголом: «*Отчего она так весела?*» Ср.: «*Отчего она была так весела?*» «*Отчего она будет так весела?*» «*Была*», «*будет*» не имеют тут своего особого значения, кроме значения времени; ср.: «*Я был у тебя*», «*Я буду у тебя*», где «*был*», «*буду*» равняются «*приходил, приду*» и под. и являются полнозначными глаголами. Сличая «*Она была весела*», «*Она будет весела*» и «*Она весела*», мы сознаём последнюю форму как выражающую приписываемый признак («*весела*») в настоящем времени. Но, подобно тому, как формы глаголов настоящего времени могут означать не только данный момент: «*Он хорошо учится*» — *учится* не только теперь, но и вообще, всегда (т. е. признак, заключённый в слове «*учится*», приобрёл значение постоянного), — точно так же «*Он красив*», напр., может обозначать не только «*красив теперь*», но и вообще,* всегда.

Формы вроде *принят, отправлен* сравнительно с *был принят,*

будет принят, был отправлен, будет отправлен осознаются как формы со своеобразным отношением к настоящему времени. Хотя *принят, отправлен* образованы от основы совершенного вида и обозначают, таким образом, действия законченные, но фразы вроде «*Это письмо отправлено*» сравнительно с «*Это письмо было отправлено*» мы понимаем в том смысле, что в первом случае указывается и на прошедшее время и на завершённость действия в настоящем, а во втором — только на факт, имевший место в прошедшем.

Выступающее в качестве сказуемого имя прилагательное имеет обычно к р а т к у ю форму, — там, разумеется, где такая существует: «*Мило и молодо* дитяtko ваше... *Щёки румяны, и полны, и смуглы, Брови так тонки, а плечи так круглы*» (Некр.). «*Э, всякая работа трудна до времени, пока её не полюбишь...*» (Горьк.). «*Великая наша держава Бессмертна, сильна и крепка, И слава её величава, И доблесть её — на века!*» (Н. Сидоренко). «*Мы идём — революционной лавой. Над рядами флаг пожаров ал*» (Маяковск.). «*Звона звонче сундуки Алтая, Реки полны рыбы и воды, Хороша пушнина горностая, Рыси рыжи, лоси молоды*» (Тихон.).

Живое творчество языка иногда, однако, создаёт и новые формы подобных прилагательных; ср., напр.: «*Путь знакомый и прежде недлинный В это утро кремнист и тяжёл*» (Блок). «*Но зорек глаз диктатуры рабочего класса, и рука его железна*» (газ.). В таких случаях обычно материальные прилагательные употребляются в переносных значениях.

Нередки, однако, в литературном языке и случаи употребления формы полной: «*А правда, несмелый я совсем, — думал Мечик потом*» (Фад.). «*Он [Петька] боялся леса, который покойно шумел над его головой и был тёмный, задумчивый и такой страшный в своей бесконечности*» (Л. Андр.). «*Александр Иванович столовался у Синицыных сначала потому, что обеды там были дешёвые и вкусные*» (Ильф и Петров).

В старых школьных грамматиках узаконялся только первый тип; однако, второй всё более заявляет свои права на существование в литературном языке, правда, в общем с некоторыми функциональными отличиями. В целом факты распределяются так.

Там, где по смыслу требуется в сказуемое внести элементы управления, господствуют несклоняемые прилагательные: «*Возродившийся народ был горд своими достижениями*» («гордый» здесь невозможно). «*Эти амбары полны хлеба*» («полные» было бы неуместно) и под.

В меньшей мере это относится и к сказуемым с примыкающими членами: «*Говоря правду, он был даже довольно комичен*» (Тург.).

Краткая форма определённо предпочитается при прямом или косвенном указании на отрезок времени; ср.: «*Она изредка перекликается с Александром вопросом и получит: да или нет — и довольна; а не получит этого, так посмотрит на него пристально; он улыбнётся ей, и она опять счастлива*» (Гонч.). «*Посмотрит на тебя... и счастлива*» (Шелл.-Мих.). «*Голос Пальмерстона немного*

глух, как у старика, но *всё ещё силен и внятен*» (Тург.). «Лицо Дымы было *красно*, потому что его сильно *подпирал* тугой воротник не снятой на ночь крахмальной сорочки» (Корол.). «Обоняние *тонко в мороз*. Мысли *свежи*, выносливы ноги» (Некр.). «Видно было, что он *когда-то танцевал* прекрасно, но *теперь был грузен* и ноги *уже не были* достаточно упруги для всех тех красивых и быстрых па, которые он старался выделывать» (Л. Толст.). «Митря, занятый своими мыслями, *чвыкал* через зубы и *был глух* к обидным словам Прахова» (Гладк.).

Наоборот, во фразе: «Худощавое смуглое лицо его было спокойное и серьёзное, усы прикрывали рот» (А. Н. Толст.) *серьёзное* и *спокойное* обозначает постоянное свойство в отличие от временного, которое было бы выражено формами — *серьёзно* и *спокойно*.

Краткая форма может иметь значение и постоянного признака, и относящегося к данному отрезку времени; ср.: «Я вижу — ты *счастлив*», — имеется в виду или данный отрезок времени или счастье, удачливость как черта, постоянная у данного лица, но «Ты *счастливый*» может иметь значение только «ты счастливец».

Любопытно также, что из разговорного языка в случаях употребления полных форм прилагательных перенесено при множественном числе вежливости согласование только в фактическом роде, но не в числе: *Вы счастливый*, *Вы счастливец* (ср. и притяжательные местоимения — *Вы мой*, *Вы моя*); «Вы счастливые» по отношению к одному лицу произвело бы впечатление нелитературной речи, тогда как *Вы счастливы* — обязательное по требованиям нормы согласование.

Не употребляются обыкновенно полные формы прилагательных также в качестве сказуемых к местоимениям *кто* и *который*, *-ая*, *-ое*.

Выбор полной формы вместо краткой диктуется зачастую редкостью для данного слова сказуемой функции вообще: «Когда Петька оделся, то *был синий* от холода, как мертвец» (Л. Андр.). «Варя говорит ему хорошие слова, а он гладит её волосы, и косы у неё *будут* совсем *золотые*, как полдень» (Фадеев); переводя, напр., фразу немецкого учебника «Der Mantel ist warm», мы скорее, поколебавшись, скажем: «Это пальто — *тёплое*», чем «тепло»; — или же редкостью сказуемой функции по отношению к определённым подлежащим; мы скажем: «Это время *было* для нас *весёлое*», но не «...весело»; свободно говоря: «Платье на нём *было мокро*», в мужском и женском роде предпочтём полные формы, ср.: «Он весь *мокрый*...» (Корол.). Причина такого именно выбора заключается в том, что формы краткие относительно редки в разговорной речи, и, когда мы стоим перед новыми, живыми потребностями языка, не обеспеченными уже закреплёнными книжными образцами, наружу пробивается разговорная речь. Это последнее обстоятельство проливает свет и на то, почему полные формы мы найдём по преимуществу в языке беллетристики — в речи непринуждённой, незакруглённой, заставляющей как будто ожидать ещё чего-то дополняющего: «Помещение это *тесное*, старого типа и нуждается в

перестройке». Характерно здесь «помещение это»; при перестановке «это помещение», меняющей разговорный, свободный характер фразы, мы скорее бы предпочли «тесно»; вторая сказуемая часть «старого типа», более обычная в роли приименного сочетания, поддерживает выбор членного прилагательного и в первой части фразы и притом представляет продолжение, следовательно, первая часть должна была быть дана незакруглённой. Заслуживает внимания и то, что наиболее часты членные формы там, где фраза допускает лёгкую перестановку частей и сказуемое попадает при этом в определение. Ср.: «Матвей, у которого глаза были *острые*, увидел первый...» (Корол.) и «у которого были острые глаза»; «Губы у него были *толстые* и *мясистые*» (Писемск.) и «У него были толстые и мясистые губы». В цитированной из Тургенева фразе «Голос Пальмерстона немного *глух...*» легко допустима замена «Голос у Пальмерстона немного *глухой*» (ср. «у П. немного *глухой* голос»). Подобный же случай имеем, напр., в предложении: «Сизов легонько тронул её за локоть, она обернулась к нему — лицо у него было *довольное* и *немного озабоченное*» (Горьк.). Отсюда — частое в описаниях внешности предпочтение полных форм, вроде, напр.: «И говорил, и ходил он, как студент, и взгляд его серых глаз был *такой же живой, простой и открытый*, как у хорошего студента» (Чех.).

Особенно часто полная форма употребляется, когда речь идёт о лицах, и главным образом мужского рода (не договаривается слово «человек»): «Если я сказал про Владимира, что он *скучный*, то я беру это слово назад. Он *прекрасный, честный, нравственный человек*, почти что противоположность мне» (Л. Толст.).

Употребление той или другой формы может зависеть ещё от моментов чисто смысловых (лексических), напр.: *беден, бедна* значит «имеет мало» (противоположность *богат, -а*) — *бедный, бедная* в роли определения может ещё обозначать «несчастный (-ая), возбуждающий (-ая) сожаление или сочувствие» (ср. полупредикативное употребление этой формы, напр., в «Рыцаре нашего времени» Карамзина: «...он любил грустить, не зная о чём. *Бедной!*.. Ранняя склонность к меланхолии не есть ли предчувствие житейских горестей?») *Способен, способна* значит «пригоден (-дна) для определённой роли, деятельности, может проявить те или другие свойства»; *способный, способная* — «одарённый (-ая), имеющий природные способности».

Особенно часты случаи отсутствия краткой формы у имён прилагательных с эмоциональным значением.

Необычны в кратких формах также названия характеристических свойств, закреплённые в устойчивых сочетаниях: *глухая пора, глухая степь, мирный труд* (не возможны или не обычны выражения «пора глуха» и под.)¹.

¹ Ср. В. В. Виноградов. Русский язык (грамматическое учение о слове), М.—Л., 1947, стр. 262 и дал.

Для «прихотей» употребления или неупотребления кратких форм имён прилагательных хорошей иллюстрацией являются факты, относящиеся к названиям цветов: *бел, сер, жёлт, зелен, красен* обычны; малоупотребительны *чёрен, синь, бур*; неупотребительно *голуб*.

Относительно малая употребительность *чёрен* (у Некрасова, напр., *черен*) связана, по видимому, с фонетической особенностью формы: *чёрен* или *чёрн*, представляется каким-то затруднением (ср. полную обычность женского и среднего рода ед. числа и числа множественного: *черна́, черно́, черны́*). *Синь* (краткая форма) стоит особняком среди прилагательных с мягким окончанием, таких форм обыкновенно не образующих; но любопытно, что *сине* и *сини* не являются редкими формами.

Характерно, что, независимо от редкости своего употребления в качестве сказуемых, вполне возможны: *коричнев, сиренев, оранжев, лилов*, в состав которых входят суффиксальные элементы.

В относительно немногих случаях возможно употребление нечленных форм женского и среднего рода единственного числа и числа множественного, тогда как форма единственного числа мужского рода отсутствует; ср.: «...Критики, до сих пор написанные на «Грозу», показывают нам, что наши замечания не будут *лишними*» (Доброл.).

Заметим, что природа страдательных причастий, если они почему-либо не лишились своих специфических функций, исключает возможность употребления их в сказуемом не в краткой форме: причастия предполагают способность управления и, что ещё важнее, образуют с *был, будет* аналитические формы: «Надо сделать всё для того, чтобы в ряды партии *были втянуты* наилучшие элементы из рабочих, колхозников, интеллигенции» (газ.). «*Были втянуты*» предполагает возможность управления — «кем» и образует аналитическую форму, параллельную, напр., форме «втягивались».

Причастия нестрадательные вообще в роли сказуемых не употребляются, и естественно, что нечленных форм они не имеют. Примеры нестрадательных причастий в роли сказуемых сплошь относятся к случаям перерождения их в обычные прилагательные: «Противоречия в произведениях, взглядах, учениях в школе Толстого — действительно *кричащие*» (Ленин). «Лицо у него *было опухшее*, как после болезни» (А. Н. Толст.). «Лицо её *было окаменевшее*, но глаза светились освобождающей душу радостью» (Верес.).

Известные трудности представляет анализ предложения в случаях более глубокого морфологического и вместе с этим синтаксического усложнения основных частей. Констатировано, что предложение обычно распадается на две части, из которых одна представляет связи, прямые или косвенные, с подлежащим, другая — со сказуемым: «Массовая *работа должна* в системе профсоюзной работы занять видное место» (газ.). Основная грамматическая пара

(синтагма) — «работа должна». Остальные однозначные слова группируются в пары вокруг каждого из членов этой основной: а) «массовая работа», б) «должна занять», «занять в системе», «в системе работы», «профсоюзной работы», «занять место», «видное место». «Этого со всей настойчивостью *требует* переживаемый нами *период* хозяйственного развития»: а) «переживаемый период», «переживаемый нами», «период развития», «хозяйственного развития», б) «требует этого», «требует с настойчивостью», «со всей настойчивостью».

Производя, однако, разбивку на пары, мы нередко стоим перед фактом, что сказуемое, т. е. часть, заключающая в себе смысловой признак, приписанный в известном времени подлежащему, особенно часто представляет собою сумму по существу нерасторжимых или с трудом поддающихся расцеплению слов (с о с т а в н о е, или с л о ж н о е, с к а з у е м о е).

Простейший случай — *был, -а, -о, будет* с прилагательным нечленным или членным в именительном падеже, образующим грамматическое единство, в котором вспомогательный глагол является грамматической приметой сказуемости, а прилагательное — выразителем смысла высказывания.

Сложнее связь вспомогательного глагола с так называемым творительным предикативным (сказуемым) при *был, будет, становится, стал, станет* и т. п. Для обозначения главным образом не постоянного состояния, а заметно меняющегося употребляется творительный падеж имени прилагательного: «Ему казалось, что Дыма *становится чужим*» (Корол.). «Он тоже кричит. Его лицо *делается кирпичным*» (Федин). «Дынников закашлялся смехом, и лицо его *стало мокрым и студёнистым*... Он взмахнул полами и вышел в коридор, и камера после него *вдруг стала пустой*» (Гладк.).

Такое употребление творительного падежа мы имеем и при инфинитивах, деепричастиях и существительных, образованных от соответственных глагольных корней. Со всеми основаниями видя в этом творительном управляемый падеж, естественно, затрудняются воспринимать его просто как сказуемое, так как в природе последнего — способность согласоваться с подлежащим, т. е. с падежом именительным. Удобнее поэтому в подобных случаях говорить о сказуемой части, в состав которой входят вспомогательный глагол и управляемый падеж.

Нередко русский язык допускает, параллельно с оборотами с творительным предикативным, особенно при *оказался, сделался, остался, стал, становился, бывал* и под., несклоняемые формы прилагательных и, в меньшем количестве случаев, именительный падеж членных (склоняемых) прилагательных: параллельно «Она во второй раз *оказалась виноватою*» (Салт.-Щедр.) возможно: *виновата*. Ср.: «Мне решительно не понравилась эта манера, да и прочие слушатели *остались холодны*» (Тург.). «И тут он *оказался плох*» (Тург.). «Сене становилось тесно и неприятно среди этого ошеломляющего засилья вещей. Он *делался застенчив, груб и неук-*

люж, сидел в углу, говорил с видимым трудом» (Леон.). «Санька отвечала, как умела. Не понимала, почему ей становился неприятен насторожённо вкрадчивый голос подруги» (А. Н. Толст.). «По сравнению с ними он [Кутузов] казался короток ростом, грузен и неуклюж, и даже мелок со своим кривым, непрерывно слезившимся глазом» (Голубов). — «Молодой человек оказался негордый» (Корол.)¹.

Характерно, однако, что при *был, была... будет...* творительный прилагательных относительно редок и считается некоторыми даже признаком дурного слога (ср. Чернышёв, «Прав. и чист.», 427): «Там, на пороге, в кипени пляшущей воды, взгромоздившись на камни, торчали два огромных новых плашкоута. Их неподвижность была беспомощной» (Федин). «Та ночь была исключительной для Мезенцева и Вари...» (Эренб.). «Я, впрочем, не обращал внимания на бабочек и жуков: книга была увлекательной, и шёлковый ветерок, долетая из леса, приятно шумел» (Пришв.).

Чем ближе «был...» к «являлся, оказывался», тем более прав имеет творительный падеж и здесь: «...И в это мгновение было *Вовсе неожиданным* для них предложение рыцаря» (Жуковск.). «А она ведь была всё-таки *единственной* в жизни» (Мальшк.). «*Мягкой* была эта зима, *мокрой, холодной*» (Горбатов).

Необычно поэтому употреблен творительный падеж вместо именительного в случае: «В избе едко и кисло пахло овчиной. Овчина *была золотой*, и от нее поднималась дрожжевая пыль» (Гладков). Ср. у него же произвольный выбор падежа в двух рядом стоящих предложениях: «Его лицо старого ветерана, с колючим подбородком и бачками, *было суровым и грозным*, но голосок *был певучим и добрым*, а глаза *умные и ласковые*».

Как эквиваленты прилагательных вполне возможны в роли сказуемых формы сравнительной степени наречного типа: «*И дальше* путь, и месяц *выше*, И звёзды меркнут в серебре» (Блок). «*Любовь*: Где тебе! — Я уже не прежняя. Я теперь *сильнее* тебя!» (Тренёв).

Имена существительные в роли сказуемых в настоящем времени употребляются обыкновенно только в именительном падеже: «Вы здешний *судья*? — спросил незнакомец поклонившись» (Корол.). «Маленький человек, когда он хочет работать, — *непобедимая сила*» (Горьк.). «Природа — вечный *образец* искусства, а величайший и благороднейший *предмет* в природе — человек» (Белинск.). «Наше оружие — наши *песни*. Наше золото — звенящие *голоса*» (Маяковск.). «Но надо понять, что наша лесопилка вместе с гаванью — одна такая *щепка* в общем

¹ Заметим, однако, что при инфинитивах, причастиях и деепричастиях ни именительный падеж полных прилагательных, ни несклоняемая форма обычно не употребляются. В сочетаниях вроде: *он мог оставаться глух и нем, оставаясь глух и нем, бывая пьян* и под., несклоняемые формы изредка встречаются. У причастий они — при «могло быть», «должно быть» и под.: «Редкое его добродушие *не могло быть* надлежащим образом *оценено мною*» (Тург.).

советском плане...» (Федин). «В годы войны газета — *личное письмо*, от которого зависит судьба каждого» (Эренб.).

Гораздо реже случаи особой подчёркнутости того, что данное состояние лица временное, не характерное для него в качестве постоянного: «Он *учителем* в нашем селе». «Она на этом съезде *делегаткой*». Ср. ещё: «Она у них *нянькою*» и «...*в няньках*» и под.

Наоборот, для прошедшего и будущего времени, включая и повелительное наклонение, творительный падеж — форма значительно более употребительная (особенно в значении временного состояния): «*Был* я в то время *студентом* в провинциальном университете» (Л. Толст.). «Старик умер, когда Матвей ещё *был ребёнком*» (Корол.). «Полвека Толстобреха *был единственным грамотным человеком* на хуторе» (Тренёв). «*Сундук* в коридоре *был местом печалей* женского поколения дома Ростовых» (Л. Толст.).

Но относительно нередко встречается и именительный падеж, главным образом — если дело идёт о признаке постоянном: «И Василий Иванович и Павел Матвеевич *были люди* вполне утробистые» (Салт.-Щедр.). «Мне так хотелось самой заслужить его любовь, которая уже была приобретена мною только за то, что я *была дочь* моего отца» (Л. Толст.). «Отец Вареньки *был* очень красивый, статный, высокий и свежий *старик*» (Л. Толст.). — «Как-то скоро *стали* они с чехом *приятелями*» (Корол.)¹.

Некоторое различие в пристрастии к форме творительного или именительного при *был*, повидимому, наблюдается между речью книжною и разговорною. Это тонко отражено А. Н. Толстым в фразах, которыми обмениваются его персонажи («Хождение по мукам. Восемнадцатый год»): «Расставив ноги, Алексей глядел в землю. Покачал головой: — Зря пропал Вадим Петрович, *хороший был человек*... — Да, да, — сказала Катя, и слезы наполнили её глаза. — Он *был* очень *хорошим человеком*».

Если сказуемое или сказуемая часть — имя существительное или эквивалент его не того рода или числа, которые принадлежат подлежащему, то известное затруднение возникает при выборе формы рода или числа вспомогательного глагола. Правилom здесь следует считать согласование с родом и числом подлежащего: «Она *была* в глазах его только прелестный, подающий большие надежды *ребёнок*» (Гонч.). «А *пристань* оказалась — огромный *сарай*, каких много было на берегу» (Корол.). «Человек, для которого всё, что не было Кавказ, было достойно презрения, всё же, что было, Кавказ, разделялось на две половины...» (Л. Толст.). «*Воскресенье* было базарный день в большом селе, верстах в семнадцати от Гарденина» (Эртель). «Для этой доброй тысячи людей *главное* было — *гости*» (Федин).

¹ Подробности и исторические справки см.: О. В. П а т о к о в а. К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке. — Slavica, VII; автореферат — Наук. зап. Харк. каф. мовозн., I, 1927.

Чернышёв не прав, мне кажется, утверждая: «Некогда Писарев жестоко осмеивал одного автора, употребившего предложение, в основе которого стояла фраза: «Белинский была замечательная личность». Критик указывал на нелепость сочетания «Белинский была». Но если бы автор употребил для слова *быть* форму мужского рода, его можно было бы упрекать за соединение *был личность*. Вообще у нас допускается согласование связки *был, была, было* как с подлежащим, так и со сказуемым-существительным». Два, однако, примера согласований с последним не убедительны: первый (из В. Майкова) относится к XVIII веку, второй (из письма Пушкина: «... и первый предмет, поразивший меня, была северная берёза») допускает понимание слова «предмет» как сказуемого (на необычном месте), а «берёза» — как подлежащего («берёза была первый предмет, поразивший меня»). Вообще, повидимому, свобода в употреблении формы вспомогательного глагола зависит главным образом от возможности или невозможности переместить места подлежащего и сказуемого; ср. ещё у Л. Толстого: «Одна радость и даже страсть Жданова были песни». «Слова, так подействовавшие на Бенигсена, было спокойным и тихим голосом выраженное Кутузовым мнение о выгоде и невыгоде предложения Бенигсена о переводе в ночь войск с правого на левый фланг для атаки правого крыла французов» (Л. Толст.). «Кабинет Свияжского была огромная комната, обставленная шкафами с книгами и с двумя столами — одним массивным письменным, стоявшим на середине комнаты, и другим, круглым...» (Л. Толст.).

Реже случаи вроде: «Данило Купор» была собственно одна фигура англеза» (Л. Толст.), где естественно говорить о неправильности согласования.

Обычно, однако, ощущаемая неполная увязанность частей фразы при подобной конструкции приводит к тому, что в сказуемой части предпочитают формы творительного падежа: «Я знал, что такие забавы у них были делом весьма обыкновенным» (Леск.).

Заметим ещё, что это (то) в роли своеобразного подлежащего не согласует с собою *был, будет* и *под.*, и правилом здесь является только согласование с существительным-сказуемым: «Влюблялся я много раз, но это была самая моя сильная любовь» (Л. Толст.). «В темноте опять замигала знакомая сигара: это был Истомин» (Леск.).

Чем конкретнее глагол, к которому тяготеет прилагательное, входящее в состав сказуемой части, тем более заметно последнее из сложного сказуемого выделяется в более или менее самостоятельный член (приказуемый). Переходные явления представляют, напр.: «И несколько дней всё ходил он смирнёхонек» (Леск.). «А она сидит такая смирненькая, такая тихонькая» (Леск.). «В этот день Прахов ходил замкнутый и сутулый, о чём-то сосредоточенно и сурово думал» (Гладк.). «Погода уже пятый день стояла отвратительная: об охоте невозможно было и помышлять» (Тург.).

Ещё заметнее переходность, напр., в предложении: «Ночи такие душны настали, что даже старым людям не спится» (Пришвин).

«Душные» благодаря своему месту тянет к «настали», хотя последнее сохраняет известную свободу от него на фоне возможного другого построения: «Настали такие душные ночи».

Разговорному языку в большинстве чужды, а в письменном — употребляются главным образом в поэзии, сочетания с глаголами прилагательных (включая страдательные причастия), которые могут тяготеть к полнозначным глаголам всех времён. Такие прилагательные характеризуют предметы во время осуществления действия. Причастия выступают и со значением действия, осуществлённого перед временем сказуемого: «...И смотрит — она [слеза] Жемчужиной крупной *застынет*, *Бела и кругла и плотна*» (Некр.). «*За мглой ветвей синеют* неба своды, *Как дымкою подёрнуты*, *слегка*, *И*, как мечты почиющей природы, *Волнистые* проходят облака» (Фет). «*Окаймлена* шумящей рожью, *Через всю степь тебе* к подножью Ковёр душистый *стелет* гречь» (Фет). «*Окаймлён* летучей пеной, *Днём и ночью дышит* мол» (Блок).

Преимущественно в этой роли встречаем краткие формы, но относительно нередки случаи, особенно учащающиеся к нашему времени, и форм полных: «*Клячонка стояла*, *Полосатая* вся от кнута...» (Некр.). «*Он стоял прямой*, с оттопыренными от корпуса локтями, точно собирался что-то поднять, *готовый* к жесту, но *не расточительный* на него» (Федин). «*И снова они стали жить молча*, *далёкие и близкие друг другу*» (Горьк.). «*Я сидел погружённый* в глубокую задумчивость, как вдруг Савельич прервал мои размышления» (Пушк.). «*С почты он ушёл один*, а остальные *вернулись* часом позже, *злые и мокрые* насквозь» (Леон.).

Ближе к разговорной речи сочетания вроде: «*Шлёпка* нехотя слез с полатей и, *почесав бок*, *босой вышел* на улицу» (Панф.).

Возможность двустороннего тяготения подобных форм к глаголу видна хотя бы из примера: «*Тоской томимый*, Им вслед смотрел я *недвижимый*» (Лерм.), при этом, естественно, заявляет о себе различие смысловое — причинный оттенок в *томимый* и обстоятельственный в *недвижимый*.

В состав сказуемой части могут входить самые различные зависимые от глаголов формы — примыкающие слова и под., обходящиеся теперь в речи без глаголов (в прошедшем и будущем времени при них появляются *был*, *будет* и под.): «*Путь степной без конца*, *без исхода*, *Степь да ветер* — и *вдруг* Многоярусный корпус завода» (Блок). «*И вдруг*» предполагает опущенное или, точнее, возможное «*стоит*, *находится*» и под. (ср. и паузу после него). «*Повсюду* шум и грохот вечный Могучей жизни трудовой» (А. Гуцевич); ср. паузу после «повсюду». «*Но если так* — ум с сердцем *не в ладу*» (Гриб.). «*[Истомин]* безумствовал, свирепея, что она *не его* сейчас, *сию минуту*» (Леск.). «*Нынче все с полным спокойствием*» (Дост.). «*Этот макиавеллический образ действий был совершенно в духе* Августовой политики» (Тург.). «...а Елене *не до того было*, чтобы, *посреди её исканий*, любоваться игрушками» (Доброл.). «*Не бойтесь*, небесные старожилы, *вам не придётся*»

чахнуть от тоски в обезлюдившей вселенной, — кремлёвские звёзды *сродни* вам...» (Леонов). «Работали молча, — *было не до шуток*» (А. Н. Толстой). «Во второй колонии к этому времени было больше двадцати человек, и *работы им было по горло*» (Макаренко).

Распространённые в европейских языках в качестве приметы глагольности сказуемого в настоящем времени глаголы-связки (нем. *ist, sind*, фр. *est, sont*) в русском языке почти вовсе не употребляются в разговорной речи. *Суть* книжно и архаично, *есть* книжно: «И показать, что сердце у меня *Есть жертвенник*, сгоревший от огня» (Лерм.). «Мысль для меня *есть* вечный и единственно неложный маяк во мраке жизни, *огонь* во тьме её позорных заблуждений...» (Горьк.). Но в последнее время *есть* возрождается в функции связки для сказуемых-существительных, особенно когда они представляют то же слово, что и подлежащее. Из языка В. И. Л е н и н а, у которого оно особенно часто, *есть* определённо переходит в язык советской прессы и под. Ср.: «Лозунг национальной культуры *есть* буржуазный (а часто и черносотенно-клерикальный) обман. Наш лозунг *есть* интернациональная культура¹ демократизма и всемирного рабочего движения» (Л е н и н, т. 20, изд. 4, стр. 7). «Язык *есть* важнейшее средство¹ человеческого общения...» (Л е н и н, т. 20, стр. 368). «Для нас, для большевиков, пятилетний план *не есть* нечто законченное и раз навсегда данное². Для нас пятилетний план, как и всякий план, *есть* лишь план², принятый в порядке первого приближения, который надо уточнять, изменять и совершенствовать на основании опыта мест, на основании опыта исполнения плана» (С т а л и н. Доклад на XVI партсъезде. Вопросы ленинизма, изд. 10, стр. 413).

Архаическое *суть* при множественном числе подлежащего теперь можно встретить только в очень редких случаях: «А *руководители* нашей страны *суть* слуги народа» («Изв.» 10/VI 1936).

Обычное в языке *есть* в смысле «имеется» утратило признак согласования в числе (не имеет особой формы множественного): «В стране *есть* неограниченные возможности развития».

О связке *это (то)* см. стр. 324.

Единство природы сказуемых, независимо от их м о р ф о л о г и ч е с к о г о состава, сказывается в возможности употребить одновременно по отношению к тому же подлежащему самые различные их виды; ср.: «Река — *как зеркало* и *вся блестит* звездами» (Фет). «Он [Лёвка] *вжился* в природу, он *понимает* её красоты по-своему, а для других *жизнь* — пошлый *обряд*, тупое *одно и то же*, ни к чему не ведущее» (Герцен). «Он *был бос*, *без шапки*, *в одной рубахе* и *портах*» (Горьк.). «Он *был плечист*, *высокого роста* и *сложён на славу*» (Тург.). «Князь Андрей *был не первой молодости* и *слаб здоровьем*» (Л. Толст.). «Потом *печатает* и в Лету — *Бух!*» (Пушк.). Ср. и при однотипных подлежащих: «И *зимою* и *летом* он

¹ Везде курсив мой. Л. Б.

² Везде курсив мой. Л. Б.

видел всё те же зеркала, из которых одно было с трещиной, а другое было кривое и потешное» (Л. Андр.)¹.

Но сказуемые типа несклоняемой и склоняемой формы друг с другом, вообще говоря, не сочетаются: во фразе, напр., «А в океане мысли были все особенные и необычные» (Корол.) второе прилагательное не может быть дано в краткой форме. Точно так же во фразе: «Дом был небольшой, но каменный, старый, двухэтажный, окрашенный грязножёлтой краской» (Дост.) вм. «небольшой» нехорошо сказать «невелик» (краткая форма другого корня) ввиду того, что дальше идут членные формы.

Не сочетаются также сказуемые-инфинитивы и существительные (отглагольные): во фразе, напр., «Наша цель — организовать литературу как единую культурно-революционную силу» (Горьк.) при «организовать» рядом не может стоять существительное вроде «создание»..., «выработка» и под.

Главным образом в фольклорном поэтическом употреблении известны сочетания глаголов синонимов, произносящихся с параллельной (однотипной) интонацией. Все подобные случаи представляют собою по происхождению сочетания с перечислительной интонацией и некоторой паузой между обоими перечисляемыми членами, позже в автоматизированном употреблении сократившейся до минимума. Чистой условностью, показательной, однако, для соответствующего процесса, является, напр., различие написаний, которое находим в издании стихотворений А. В. Кольцова: «...Поутру, на заре, Обнимать-проводить, Вечерком, у ворот Его вновь поджидать!» («Песня»), но: «Обойми ж, поцелуй, Приголубь, приласкай...» («Последний поцелуй»). Если бы в последнем примере вместо запятой стоял дефис, *приголубь, приласкай* воспринималось бы как слившаяся синонимическая пара.

Специальный вид синтаксических отношений глагола представляют тесные сочетания двух глаголов, сочетания, исключаящие теперь истолкование их как сопровождающихся повторительной интонацией: «Пойди принеси поесть». «Мы сели отдохнули». «Ну, сказал я Ермолаю: — *поди достань* пакли и справь нам лодку, да поскорей» (Тург.). «...Или возьмёт, начнёт немецкие песни петь — оба и *плачут сидят*» (Салт.-Щедр.). Один из глаголов является в этих сочетаниях семантически неполновесным (обыкновенно это «пойду», «сел», «лёг» и под.) и превращается в служебный. Тип этот следует рассматривать как своеобразное перерождение раньше равноправных глаголов, соединённых только интонационно и отделявшихся друг от друга паузой, ослабившейся в дальнейшем².

¹ Наиболее редкий случай — искусственное употребление в роли сказуемого целого предложения: «Глаза у судьи — *Пара жестянок Мерцает в помойной яме*» (Маяковск.).

² Об этом типе писали Н. М и л о в в «Русск. филол. вестнике» LXX и LXXI, Ш а х м а т о в — «Синт. русск. языка», § 219, и в недавнее время А. Г в о з д е в в статье «Согласование глагола с глаголом», — Русск. яз. в сов. школе, 1930, № 2.

3. ВТОРОСТЕПЕННЫЕ ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ (ПОЯСНИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА).

Связи имён существительных.

Имя существительное в целом обладает такими синтаксическими признаками: а) косвенные падежи его зависят от имён же существительных, от прилагательных, от глаголов и форм, синтаксически входящих в систему глагола (инфинитивов, причастий, деепричастий)¹, от наречий, от предлогов; б) вся система падежей, включая и именительный, обладает способностью согласовываться с собой прилагательные в склоняемых формах; в) вся система падежей может согласоваться с теми же самыми падежами других имён существительных (функция приложения); г) ряд имён существительных, по преимуществу отглагольных, допускает примыкание к себе инфинитивов; д) редкие — примыкания наречий; е) все — синтаксическое функционирование при себе предлогов с определёнными падежами. ✓

Зависимость косвенных падежей (кроме винительного г) от имён существительных представлена большим количеством фактов, из которых мы коснёмся лишь относительно немногих, останавливаясь главным образом на представляющих известный теоретический интерес.

Родительный владельца (обладателя и под.) в русском языке употребляется весьма широко: *рассказы А. Неверова; семья брата; приказ начальника*. Прилагательные на *-ов, -а, -о*, и *-ин, -а, -о* всё больше выходят из употребления и в настоящее время не могут считаться серьёзными соперниками этой функции родительного. (Ограничительные замечания об *-ин* см. в главе III).

Родительный определительный. Для него характерна частая тесная связанность с другими словами, без которых он иногда не вступает в связь (грамматическую пару) с управляющим словом: «*Значенья пустого слова В устах её полны привета (Лерм.). Нам в Ленине каждая мелочь любя: И скулы, и рот неуступного склада...*» (Асеев). «*Трубка, выжуженная махоркой, И глаза стальной синевы*» (Тихон.). «*Он рассеяно поглядывал на двухэтажные кирпичи дома купеческой стройки...*» (А. Н. Толстой).

Родительный определительный служит более совершенным и полным средством характеристики, чем прилагательные, дающие, когда они с ним конкурируют в этой роли, только общие групповые черты; ср.: *незначащие слова, синие глаза* и под.

Родительный объекта. Выступает он как падеж, параллельный приглагольному винительному, при ряде отглагольных существительных, очень тесно связанных с соответствующими

¹ О морфологической их близости см. выше стр. 125, 165 и дал., 188 и дал. — Косвенные падежи, отвечающие на вопросы *кого? чего? кому? чему?* и т. д., как члены предложения называют *дополнениями*.

глаголами: *искание новых путей* (ср. *искать новые пути*), *опрос учеников* (ср. *опросить учеников*), *изгнание врагов* (ср. *изгнать врагов*), *воспитание юношества* (ср. *воспитать юношество*); но: *любовь к матери*, *ненависть к врагу*, *стремление к победе*. Иногда он включает в себе опасность недоразумения; ср.: *обман жрецов* (жрецы ли обманывают или обманывают их?). «Удачен корректив *Потебни*»... (Родн. яз. в школе, № 5, стр. 130) — оказывается, что в виду имеется корректив к Потебне, а не корректив, сделанный Потебнёю. «Надо расшифровать эту нарочито анонимную *характеристику Чернышевского*» (из статьи) — смысл в контексте, что характеристика дана Чернышевским, а не Чернышевскому.

Родительный целого при различных точных или неточных названиях меры: *кусочек сахара*, *пониюшка табаку*. О его морфологических особенностях см. в главе IV.

С ним сродни родительный существительных и прилагательных среднего рода при *что* (ср. *много, сколько, столько*). «*Вся любовь, все чувства, всё, что есть нежного и страстного в женщине, всё обратилось в ней в одно материнское чувство*» (Гог.). *Что пользы? Что нужды?* и под. *Что хорошего? Что нового?*.. «...Теперь многое из того, что было фантастического, даже романтического, даже пошлого в мечтаниях старых кооператоров, становится самой неподкрашенной действительностью» (Ленин, т. 33, стр. 427)¹. Параллельны, но теперь звучат архаично: «*Уж то-то крови будет течь, Уж то-то жертв любви ревнивой*» (слова Фарлафа в «Русл. и Людм.» Пушкина). «*Что лакомству пророчит он утех!*» (Барат.) = «сколько утех». «*Что яркости в зелени! что свежести в воздухе! что птичьего крику в садах! Рай, радость и ликование всего*» (Гог.). «*Сковородников..., бросив окурочек папироски в блюдечко, забрал что мог бороды и усов в рот и начал жевать их*» (Л. Толст.).

Дательный и творительный лишь изредка выступают как падежи, зависимые от существительных. Их функции этого рода в большей или меньшей мере перенесены из соответственных конструкций прилагательных и глаголов: *пенсия инвалиду*, *верность принципам*, *угроза врагу* (выдать пенсию кому, верен чему, угрожать кому и под.).

Ср. ещё: *Он мне друг. Горе побеждённым!*

Отсюда, отнюдь не в соответствии с современным русским языком, но в духе времени, у Грибоедова: «*Вот-с, Чацкого, мне друга, Андрея Ильича покойного сынок*».

Торговля хлебом, питание овощами, увлечение наукой и под. (ср.: торговать хлебом, питаться овощами, увлекать(ся) наукой и под.).

Вне связи с глагольной конструкцией находятся лишь немногие виды зависимости творительного падежа от существительных: творительный сравнения - характеристики: «*Слоёное тесто кружочками...*» (Тренёв), «*губы бантиком*», «*бо-*

¹ Везде курсив мой. Л. Б.

родка кантиком» (Федин), «хвост трубою» («несогласованные определения»).

Падежная зависимость от глаголов исключительно многообразна:

Винительным падежом объекта управляют многие глаголы, не имеющие залогового признака *-ся*, одинаково в функции личной и безличной (ср. стр. 174—176).

Префиксальные образования гораздо более способны управлять винительным падежом, чем непрефиксальные; так, «верить», но *уверить кого-нибудь*, «сидеть», но *просидеть стул* и под.¹ Ср. отрывок из «Затишья» Тургенева: «Полноте — промолвила она — Вы всё смеётесь да шутите, и *прошутите* так всю вашу жизнь! — Новое выражение! Ведь... вы употребили глагол «шутить» — в смысле действительном»². Или: «Пани Августа, жена его, так любила веселья и танцы, — *заплясывала кавалеров* до одури» (А. Н. Толст.).

Винительный падеж обстоятельственный возможен при всяком глаголе: «Разве не *спят* они всю жизнь сидя?» (Гонч.). «*Третью уж ночь* вот на этом холме за оврагом Конь мой по звонкой дороге *пускается* шагом» (Фет). «Ждала она Степана четвёртый день: давно *уехал* — *третью неделю* — и не сегодня-завтра должен быть дома» (Панф.). «Вот он раз и *дождался* у дороги, *версты три* за их аулом» (Лерм.). «Я буду любить вас всю жизнь», — торопливо сказал Еремей, боясь, что она прервёт его (Коновалов).

Винительный падеж плеонастический, особенно часто со значением внутреннего объекта, несёт с собой обыкновенно впечатление разговорной речи: «Там будешь *горе горевать...*» (Гриб.). «Он не слушал и всё *думал* свою *думу*» (Гонч.). «Чем *шутить* такие *шуточки*, Лучше песни петь и впрямь...» (Некр.). «*Горе горевать* — не *пир пировать*» (посл.). Особое положение занимает «делать дело»: «Он говорил прекрасно, горячо, убедительно — о позоре малодушия и лени, о необходимости *делать дело*» (Тург.). Чисто-литературным является у Достоевского: «Решиться на это, *шагнуть этот шаг*, — нет, нет, это не мог бы сделать человек без особенной силы».

Родительный падеж при переходных глаголах с отрицанием для большинства случаев составляет правило (см. стр. 302).

Родительный частичный (неопределённого количества) особенно употребителен при глаголах со значением: *хотеть*, *искать*, *ждать*, *просить*, *требовать*, *нехватать*, *домогаться* и под.

¹ Как префиксы, утратившие влияние на переходность глаголов и родственных им форм, выступают за- (со значением начала действия), по- и раз-: *зашуметь*, *посидеть*, *расшуметься* и под.

² Не будь ответной фразы, «всю вашу жизнь» можно было бы, однако, понять как винительный обстоятельственный.

В разговорной речи он вообще встречается чаще, чем в книжной: «Мне было очень грустно его оставить; я подарил ему *всяких безделушек*, — он на всё смотрел печально» (Герцен). «Одни женщины были на стороне Лёвки, подавали ему лепёшки, квасу и браги и говорили иногда приветливое слово» (Герцен). «*Неси огня, звони, свисти, Чтоб мы не спали*» (Полонск.). *Денег* я ему дал, но учиться на скрипке бросил» (Горьк.). «Отметив красным карандашом разрушения фасада, он *дал* мне ещё *бумаги*» (Горьк.) «*Мать напекла пшённых блинов с топлёным молоком*» (А. Н. Толст.).

Реже встречается родительный неопределённого количества в безличных предложениях типа: «Только минут морозы упорные *И весенних гостей налетит* — «Чу!» кричат наши детки проворные: «*Прошлогодний охотник палит!*» (Некр.). «Через шесть таких поворотов железной руки на наших глазах *прибавилось* *нового чёрного берега* на одной стороне» (Пришв.).

Разница между ним и винительным объекта отчётливо выступает в таких, напр., параллельных выражениях: *Ищу деньги* — смысл: «потерянные»; *ищу денег* — смысл: «занять у кого-нибудь» и под. *Жду жену* (которая должна приехать и под.), но *жду неприятностей* (каких-то) и под.

Близко родствен родительному неопределённого количества родительный временного пользования, но он в русском очень редок, и, вообще говоря, литературной нормой не узаконен: «*Дай-ка мне пёрышка*». «...*Чтоб попросить ножа иль вилки, Чтоб просто сбегать за водой, Необходим посол другой...*» (Жуковск.). «*Толкачов* (тяжело дыша): Голубчик, милый мой... У меня к тебе просьба... Умоляю... *одожди* до завтрашнего дня *револьвера*... Будь другом» (Чех., «Трагик поневоле»).

Родительный времени (когда?) ограничен датами месяцев с числами дней (*двадцать второго августа*) и выражением: *третьего дня* (ср. сегодня из «сего дня»). Но только — *в четверг, в тысяча девятьсот первом году* и под.

Дательный — в широком смысле падеж непрямого объекта, чаще всего — лица: «*Неряха никогда не простит вам опрятности, низкопоклонник — благородной гордости, негодяй — честности*» (Белинск.). «*Она пожала ему руку и стала быстро спускаться вниз...*» (Чех.).

С ним конкурируют сочетания с предлогом *у*, для в значении лица, в пользу или во вред которому что-либо делается, и под.: «*У кого что болит, тот о том и говорит*». «*У злодея отобрали оружие*». Особенно часто для заменяет дательный при прилагательных: «...*Как цепь, ей несносна привычка*» (Лерм.); в прозаической речи естественнее было бы — *...для неё...*

Творительный. Русский литературный язык широко употребляет творительный действующего лица, не ограниченный в своём употреблении при страдательных оборотах: *Это сделано инициативной группой*. *Это было сделано инициативной группой* и под.

Творительный объект (содержания). Это — относительно небольшая группа случаев, заключающая, напр., глаголы со значением болезни: *болею сердцем, страдает неврастением*.

Творительный времени (когда?): *позднюю осенью, ранним летом*. Функция такого творительного — обозначать известный отрезок времени, лишь часть которого заполнена называемым действием. Употребление в другом — временном значении: «*Вечерами они возвращались злые и молчаливые...*» (Леон.) (ср. *по вечерам*) — теперь менее обычно. «*Тихими вечерами издали доносился неясный грохот. Где-то недалеко шли бои*» (Н. Островск.).

Творительный пути. Он соприкасается по употреблению с предлогом по с дательным падежом. Разница между ними, впрочем, далеко не резкая, заключается в том, что при творительном место обычно рассматривается как преодолеваемое препятствие или, наоборот, средство достижения цели, а при обороте с по такого оттенка, в большинстве случаев, нет, ср.: «*Гости воротились той же гадкою дорогою к дому*» (Гог.). «*Бережно чащей Леса они пробирались*» (Жуковск.). «*В полночь «Успеньева дня» я шагал Арским полем, следя сквозь тьму за фигурой Лаврова... Молча перелезаем через забор, идём густо заросшим садом, задевая ветви деревьев...*» (Горьк.). Поэтому при «гулять» скажем только «*по саду*», при «бродить» — только «*по полям*» и под., хотя и: «*итти по улице*», «*ехать по дороге*». «*Улицей, на которой я жил, водили арестантов из тюрьмы на пароход, который по Волге и Каме отвозил их в Сибирь*» (Горьк.). «*Сам он, Иван Абрамыч Увадьев, идёт заводским полем сквозь знойную северную непогодищу...*» (Леон.). «*Отряд Бату-хана рекой Корожечной поднялся вверх по течению до лесного посёлка Кой*» (Ян). «*...Переехали один мост, опять дорога пошла наизволок, городом, Кремлём — добрых полчаса на хороших рысях*» (Бобор.).

Творительный функциональный (в качестве кого, чего и под.): «*Его выбрали председателем*». «*Он назначен учителем*».

Творительный сравнения: *лететь стрелой, выступать павою* и под. «*На углах пузатыми постовыми стояли кадушки с водою*» (Федин). «*Работай, работай, работай Пчелой, заполняющей соты, Покуда из пальцев сналёта Не выпрыгнет рыбкой игла*» (из перевода «Песни о рубашке» Т. Гуда — Багрицк.). «*В этой теме, И личной, И мелкой, Перепетой не раз И не пять, Я кружил поэтической белкой И хочу кружиться опять*» (Маяковск.).

Творительный пространственной ориентации: *шириною, длиною, глубиною, вышиною: длиною пять вёрст* и под.

Творительный плеонастический (тавтологический).

Управляемое слово совпадает по значению и звучанию с корневой частью глагола: «*Сидит, молчит, ни ест, ни пьёт И током слёзы*»

точит» (Пушк., «Наташа»). «Мы победим врагов! Я верю в мой народ Несокрушимою тысячелетней верой» (Д. Бедный).

В некоторых случаях синтаксическое целое, ввиду многообразия возможных значений творительных падежей, оказывается без моментов семантических или контекстуальных не сразу понятным; ср.: «*Покойником* в церковной книге Уж был давно записан он...» (Пушк., «Череп», послание Дельвигу); настоящий смысл, — что предка барона Дельвига записали в церковную книгу, а не то, что он был записан в неё каким-то покойником, — устанавливается не непосредственно из фразы, а из предшествующего текста.

«Я горячим рождён патриотом...» (Некр., «О погоде») имеет смысл, что произносящий эти слова — патриот, тогда как формально их можно (вне контекста) понимать так, что говорящий — сын патриота. «... Неужели же вы, квиристы, рождённые повелителями, будете терпеть равнодушно рабство?» (перев. из Саллюстия). «... И затем другой отряд, наряженный испанцами, в александрийском атласе...» (из перевода).

Лишь общий смысл (контекст) даёт возможность понять настоящее значение творительного падежа во фразе:

«Ужель тебе не горько, а смешно, Что «Человек» невольником закован, Что сумраком ночным он очарован, Что светлых дней не видит он давно?» (Трефолев).

«Ещё в полях белеет снег, А воды уж весной шумят» (Тютч.) — «весной» мы связываем с «шумят» как творительный содержания, но при первом впечатлении форму эту можно принять за творительный времени; или: «На зло жестоким испытаньям И злобе гаснущего дня Ты очертаньем и дыханьем Весною веешь на меня» (Фет) — «весною» творительный содержания, но чисто-синтаксически его можно понять как творительный времени. Ср. ещё: «... И всё, что движется и дышит, Задышит новою весной» (Фет). «Я назначен боцманом «вахтить» на руле в помощь этому зверю» (Горьк.); грамматически неясно — боцман ли назначил или лицо говорящее получило назначение боцманом. «В подъезжавшей лодке стоял юноша, одетый голландским рабочим...» (А. Н. Толст.), ср.: *одетый кем* (няней, матерью и т. д.).

Основная синтаксическая функция предлогов — служить добавочным средством управления при всяких полнозначных словах. Есть, как известно, в русском языке даже такой падеж, который вообще возможен только в сочетании с предлогами, — предложный (*в городе, о городе*). Управляют им предлоги *о (об), при, на, в*.

Функции этого падежа в русском языке довольно широки и не покрываются функцией местной.

Как местный падеж он отчасти (в склонении мужского рода) приобрёл даже особые морфологические приметы (см. стр. 198, 201). Выбор при предложном падеже предлогов *в* или *на* в существенном зависит от самого значения сочетания — идёт ли речь о чём-либо находящемся внутри или же на поверхности: *в ящике, в шкафу* — *на горе, на площади* (ср. различные смыслы *в столе*

и на столе), но есть отдельные отложившиеся сочетания более или менее условные: **на** употребляется при названиях определённых горных областей (гор) СССР — *на Кавказе, на Урале, но в Поволжье, в Сибири* (ср. и в Крыму, ибо горы «Крым» нет); когда речь идёт об иностранных горных областях или государствах, обычно остаётся **в**: *в Альпах, в Тироле*. Если называются реки в смысле областей при них, употребляется **на**: *на Дону, на Волге*. Этот же предлог имеем при названиях островов и полуостровов: *на Филиппинах, на Корсике, на Камчатке. На Украине, на Харьковщине* — украинизмы, проникшие в русский язык при этих именах; параллели такому употреблению многочисленны в древнерусском: *на Москве* и под.

Употребление **в** и **на** различается, далее, в зависимости от того, имеется ли в виду помещение или происходящий в нём акт: *сидеть в библиотеке, но сидеть на лекции; быть в театре, но на концерте, на представлении; работать на заводе, фабрике, но собрание происходит в фабрике, в заводе* (а не на площади)¹. К фразеологическим условиям относятся: *работать в мастерской* (а не «на»...); *учиться на курсах, но: в институте, в университете; на улице, но: в переулке* и под. Отметим, что целиком параллельны указанным различия между **в** и **на** с винительным падежом — *в Сибирь, на Кавказ, пойти в библиотеку, пойти на лекцию, на концерт* и под., и **из** — с родительным: *из Сибири, но с Кавказа, из библиотеки, но с лекции, с концерта* и под. Ср., впрочем, возможное теперь по аналогии «итти в театр»: «Завтра вы пойдёте со мною в концерт, — сказала она внезапно» (Лидин).

Некоторое нарушение данного параллелизма представляют отношения: где? — *на поле* и более редкое — *в поле*: «Колхозники работают в поле». «Ещё в полях белеет снег, А воды уж весной шумят» (Тютч.). Наоборот, в значении куда? чаще *в поле*, чем *на поле*; при откуда? имеем только *с поля*. Ср. ещё: архаизм *на Руси, но в России*.

В р е м е н н ы е значение предлогов **в** и **на** с предложным падежом фразеологично. Ср., напр.: *в пять часов, но в пятом часу; в апреле, но в эту минуту; в четверг, но в этом году; в двадцатом веке* и — реже — *в этот год*; ср. ещё: *в эпоху, в праздник*.

Употребляется предложный падеж также в выражениях: *в ночи*

¹ Ср. у Г о р ь к о г о («Мо и университеты») приглашение старика-городового: «Заходи ко мне *на будку* чайку попить». **На**, а не **в**, потому что «будка» в этом контексте не помещение, а «учреждение». Как необычные теперь, останавливают на себе внимание: «*В нашей улице* люди так мрут» (Некр.); «*В одной знакомой улице...*» (Полонск.). Часто *в улице* употребляет и Г л. У с п е н с к и й («Нравы Растеряевой улицы»). У Д о с т о е в с к о г о: «Поручение Катерины Ивановны было дано *в Озёрную улицу*» («Братья Карамазовы»). У Чехова в «Даме с собачкой» — *на сквере*.

Заслуживает внимания старое наблюдение Н. И. Г р е ч а, Чтения II, 207: «...когда действие обращается на предмет, состоящий из большой, открытой плоскости, представляющейся как бы одною своею поверхностью, преимущественно предлог **на**...».

(устарелом) и в детстве, в юности, в молодости, в старости (ср. простореч.: на старости лет).

На употребляется сплошь фразеологически: на днях, на этих днях, на этой декаде, на каникулах, на праздниках, на заре (ср. укр.: «навесні»).

О сохраняет временное значение лишь в разговорно-архаизированной речи: приехали о полуночи. Ср. у П у ш к и н а в прологе к «Руслану и Людмиле»: «Там о заре прихлынут волны...»

По с предложным падежом употребляется во временной функции лишь в отдельных выражениях: по окончании, по прибытии, по приезде, по рассмотрении, по ознакомлении и в общем несёт с собой книжный оттенок.

Как падеж содержания речи и мысли предложный употребляется при о (об) после глаголов типа «говорю, спрашиваю, вспоминаю, думаю, помню, рассуждаю» и под.

Возможно здесь и про с винительным, но представляет конструкцию разговорного языка, в литературном отмирающую. Сравнительно с о оно вносит оттенок чего-то относящегося к предмету, но не направленного на него непосредственно; ср. «говорить об изобретении» и «... про изобретение», «спрашивать об условиях приёма» и «... про условия». «Васька стал болтать лишнее про то, что берут у него сильненькие люди зелье для прилюбления и пользуют тем зельем наверху того, про кого и сказать страшно...» (А. Н. Толстой, «Пётр I»). «Про невест и про жён у нас говорят много, особенно если на фронте затишье, стужа, в землянке коптит огонёк, трещит печурка и люди поужинали» (А. Н. Толст.).

К возможности параллельного употребления см., напр.: «Пишу про те скрипучие полати, Где по ночам ворочалась нужда, Пишу о том, что к нашей низкой хате Плывут огни по медным проводам... (Исак.).

Выходят из употребления квартира о трёх комнатах (обычно — квартира в три комнаты) и под. «Плыли мимо глухие овраги... и рощичка крохотная о семнадцати берёзках, стоящих на отлёте под пылью и ветром, плыла» (Леон.). Но фразеологизм «палка о двух концах» обычен и теперь.

Винительный падеж выступает при предлогах в (во), за, на, по, под (подо), про, с (со), сквозь, через; изредка, в языке старых авторов и в архаизирующем слого, со значением н а п р а в л е н и я — перед.

О значении н а п р а в л е н и я (к у д а?), вносимом предлогами в, на, уже упоминалось.

В с в р е м е н н ы м значением употребляется широко.

Функция, соответствующая вопросу — з а с к о л ь к о в р е м е н и?, разделяется предлогом в с за: сделать работу в декаду (за декаду), прочесть отдел курса в час (за час). Повидимому, за получает преобладание; ср.: поправиться за лето, утомиться за зиму, наработаться за год, написать отчёт за день (преобла-

данию за здесь могут способствовать случаи совпадения функций, которые язык стремится различить; ср. — в среду — к о г д а?).

На во в р е м е н њ ѝ функции имеет значение всего срока по отношению к понятию существительного: *На лето мы едем в Крым, Запаста дров на зиму*, — что, впрочем, не исключает потребности время от времени слабеющий оттенок полного срока, существующий как тенденция, усиливать определением «весь...»: *на всё лето, на всю зиму*. Фразеологичны: *на другой день, на следующий год* и под.

В значении «перед», «раньше» выступает за в сопровождении предлога до с родительным падежом слова, обозначающего г р а н и ц у в р е м е н и, или с другой приметой — п р е д ш е с т в о в а н и я: «перед», «раньше» и под.: *за день до отпуска, за месяц перед конференцией*. Ср. противоположное значение без «до»: «Беседа затянулась за полночь». «Ему за сорок».

Старее значение по с винительным — «до чего-нибудь включительно»: «получить отпуск *по пятнадцатое число*» (предпочитается «до пятнадцатого включительно»).

В и н и т е л ь н ы й ц е л и (н а з н а ч е н и я) выступает при предлоге в: *сказать в шутку, вменить в вину, поставить в заслугу, сказать в назидание*; ср.: «Я назначен боцманом «вахтить» на руле *в помощь* этому зверю» (Горьк.). Широкое употребление тут имеет и **на**, но в выражениях, которые большею частью не соприкасаются, как при предлоге в, с оттенком «в качестве чего»: *пригласить в гости, но: на обед; в память чего-либо* (в качестве памяти), *но: оставить на память*; ср. ещё: *поступить на службу* (в первой половине XIX века — «в службу»).

Частности фразеологичны: *ехать в отпуск, выйти в отставку*.

Нелитературен и архаичен с винительным цели предлог про: *Есть, да не про вашу честь* (= для); *Не про нас писано* (не для нас...)¹.

В и н и т е л ь н ы й с п о е о б а д е й с т в и я с предлогом в встречается довольно часто: *кричать во всё горло, разорвать в клочки, колотить во всю мочь, построиться в ряды*.

О (об) с винительным падежом имеет значение соприкосновения и под.: *удариться об стену, тереть руку об руку*; из устарелого употребления — *сидеть о правую руку* (ср.: *по правую руку*), *бок о бок*. К устарелому употреблению относится также временное значение: *об эту пору*.

По с винительным ещё довольно широко употребляется в значении границы — «вплоть до», но всё больше в этом значении уступает своё место предлогу до с родительным. В настоящее время уже необычно звучит, напр., сочетание: «Зарецкий... друзей развёл *по крайний след*» (Пушк.).

¹ Винительный цели при предлоге по в русском литературном языке не употребляется. Встречаем его только в устаревших выражениях, вроде: «Поввадился кувшин *по воду* ходить». Ср. в «Снегурочке» О с т р о в с к о г о: «С подружками *по алую малину, По чёрную смородину* ходить...»; «Раз, когда уже рожь была на цвету, Макариха собралась к Тютюкину логу *по грибы*» (Пришв.).

По с винительным места сохраняется только во фразеологизмах: *по правую руку, по обе стороны*.

Винительный с предлогом *через* в значении причины только иногда прорывается в литературный язык и считается там приметой нечистого или неряшливого слога: «Какими чудесами, *через какое колдовство* Нелепость обо мне все в голос повторяют?» (Гриб.). «Одна из баб (ей было совестно пить при чужом человеке) вздохнула и сказала: «— А я *через грибы* выпью... Такие грибы, что не захочешь, так выпьешь» (Чех.).

Винительный сходства и приблизительной меры при предлоге означает большую точность соответствия, чем при *с*: *весь в мать, характером в отца; толщиной с палец*. «Поглядели: под онучами Денег *с тысячу* рублей...» (Некр.).

Но нередко разница почти теряется; ср.: «Около колена была *в кулак* большая шишка» (Л. Толст.).

Предлог *сквозь* теперь употребляется только с винительным. Приблизительно до середины XIX века его часто можно встретить с родительным: «*Сквозь яблони, цветами убелённой, Как сладко светит месяц золотой!*» (Тютч.). «*Пойду любезничать сквозь слёз...*» (Гриб.). «И на подушки *сквозь окна* Сиянье тусклое наводишь» (А. Майк., «Месяц») ¹.

Родительным управляют предлоги: *без (безо), для, до, из, из-за, из-под, между (меж), от, с (со), у* и большинство предлогов-наречий: *ввиду, вроде, всилу, вне, вокруг, мимо, против, среди* и др., особенно — образовавшихся из сочетания предлога и имени существительного ².

Отметим в значении причинном *из, из-за, от, с*.

Из употребляется главным образом в сочетаниях типа: *из желания помочь, из соображений политических* и под. Оно по происхождению определённо книжно.

Книжно также *из-за*, получающее всё более широкое употребление в той же функции и сообщающее выражениям наибольшую точность. Параллельны — *по причине, вследствие* с родительным и *благодаря* с дательным падежом.

Менее других употребительно *с*, обычно ограниченное определёнными разговорными выражениями; *с горя, с тоски, со скуки, с печали, с радости, с пьяных глаз, с голоду*. Ср.: «Тем не менее, мне всё нравилось *с долгой отвычки*» (Дост.).

¹ Нельзя согласиться с Чернышёвым («Правильность и чистота...», стр. 222): «Мы говорим: *сквозь слёзы* и *сквозь слёз, сквозь сон* и *сквозь сна* и т. п. Первое словосочетание, кажется, наблюдается несколько чаще второго, но и последнее считается общепринятым и правильным».

У Пушкина в одном и том же стихотворении («Воевода») встречаются оба случая управления *сквозь*: «Входят в сад — и *сквозь ветвей...* В белом платье видят, панна И мужчина перед ней» и «А *сквозь ветви* те глядят...»

² Наречие-предлог *вместо* тоже управляет род. падежом: *вместо тебя, вместо его* (вместо него) и под. В качестве союза выступает сочетание *вместо того чтобы...* В отличие от украинского языка в русском невозможна непосредственная зависимость инфинитива от *вместо*.

У употребляется широко: «У кого что болит, тот о том и говорит». «Отобразь у него книгу».

Для характерно, среди прочего, как предлог, конкурирующий с дательным падежом, главным образом при именах прилагательных: «Для меня это ново»; ср. менее употребительное: «Мне это ново». «Для неё всё это было неинтересно» — «Ей всё это было неинтересно».

Предлог до вносит обычно только значение предела (пространственного, временного и под.): «...До большой дороги оставалось всего вёрст пять» (Тург.); *дойти до конца, быть верным до смерти*. Фразеологичны: *ему не до нас*. — «Пьяному не до сострадания к животным» (Дост.); *что касается до...* (теперь обыкновенно здесь до опускается).

Между (меж) с родительным падежом множ. числа (старшая конструкция) обыкновенно имеет значение «среди»: «Между красавиц молодых Одна была..., и долго ею, Как солнцем, любовался я...» (Пушк.). «Меж горцев пленник наблюдал Их веру, нравы, воспитанье» (Пушк.). «Как раз Остановилась, Не дрогнув, Между Моих Мольбой обволокнутых глаз» (Маяковск.). «Григорий хлестнул жеребца плетью между ушей и поскакал, не отвечая» (Шолох.).

Управление между, меж родительным падежом имён и местоимений в единственном числе вышло из употребления: «Люблю я дружеские враки И дружеский бокал вина Порою той, что названа *Пора меж волка и собаки...*» (Пушк.).

Промеж сопровождается налётом народной речи.

К предлогам, управляющим родительным падежом, принадлежит и ради. В отличие от других оно может, однако, употребляться и постпозитивно; ср.: «Андрей героем не был... и напрасно Страдать — *свободы ради* — Наш чудак не стал бы» (Тург.). «Нельзя же сказать, что я знаю искусство страны только потому, что три раза в год я заезжаю *любопытства ради* на очередную выставку и рассматриваю экспонаты с точки зрения ремесленника» (Лаврен.).

Дательным управляют предлоги к и по.

К выполняет ряд функций. Большинство этих функций охватывается основной — выражать достигательное направление (в пространстве, во времени и под.): «Ну, люди в здешней стороне! Она *к нему*, а он *ко мне*» (Гриб.).

Предлог по исключительно богат разнообразными функциями. Сюда входят: значение пространственно-распределительное: «Я ударил вожжой *по лошади...*» (Тург.); пространственное со значением «вдоль чего-либо»: «Моя добрая рысистая кобыла бодро бежала *по пыльной дороге*» (Тург.); *плыть по реке* и под.;

значение причины действия, заложенной в его субъекте: *по халатности, по своей гуманности*; реже — причины вообще: *по поводу, по случаю, по несчастью, по принуждению*. «Долго спустя я понял, что, *по нищете и скудости* жизни своей, [они] вообще любят забавляться горем» (Горьк.);

значение «в согласии с чем»: *по совету, по своему обыкновению*; значение ограничительно-характеризующее («в каком отношении?»): *врач по нервным болезням, видно по глазам, узнать по когтям, по нашему мнению, субботник по посадке деревьев*.

Временнóе (с дательным мн. числа) в смысле правильной повторности известных отрезков времени: *по выходным дням, по утрам, по зимам*.

Временные значения предлога *по* с дательным ед. числа существуют только в народном языке, откуда лишь изредка попадают в язык писателей: *по весне* — весной; «*По лету едем, по зиме опять воротимся*» — ...летом...зимою... (Даль). «Они [сыновья Бульбы] были отданы *по двенадцатому году* в киевскую академию, потому что все почётные сановники тогдашнего времени считали необходимостью дать воспитание своим детям, хотя это делалось с тем, чтобы после совершенно позабыть его» (Гог.). «Будут песни к нему хороводные Из села *по заре* долетать...» (Некр.). «Пускай он тебе скажет, что я ему сказал, когда он *по весне* в Заречьи под трактором спал, подшипника ждал. А?» (А. Колосов).

Из частных стоит отметить: *стрелять по воробьям; плакать, тосковать, тужить, скучать по близким*; параллельны обороты с *о* и предложным: *плакать о близких, тосковать о сыне* и под.

Ввиду особенностей управления местоимениями при *по* (по ком?) в единственном числе является при последней группе глагольных форм *по* с предложным падежом: *плакать по отцу* и *по отце*; *тосковать по брату* и *по брате*. Обычно — с дательным: «Сергей писал о том, как он живёт, что делает в Москве, что соскучился *по родным, по Широкому Буераку, по Волге...*» (Панф.).

Для нынешнего языка является, однако, невозможным сочетание *по* с местным, какое находим, напр., у Тютчева: «...Как тот, кто жгучею тоскою Томился *по краю родном...*» (1865 г.) или *по* с абстрактным словом — у Пушкина: «Я пришёл к себе на квартиру и нашёл Савельича, горюющего *по моём отсуствии*».

Вопреки, в старинном языке ещё употреблявшееся как наречие, теперь полностью превратилось в предлог, управляющий дательным падежом: *вопреки условию, вопреки намерению*.

В канцелярском языке известно употребление его с родительным.

В качестве остатка прежнего наречного употребления характерны встречающиеся у старых авторов случаи постпозиции: «...*Рассудку вопреки, наперекор стихиям*» (Гриб.).

Благодаря — относительно новый предлог, восходящий по происхождению к соответствующему деепричастию: *благодаря усилиям, благодаря оказанному содействию* и под. Его управление связано со старинной конструкцией — с дательным; «благодарить кому», а не «кого», как теперь. В очень редких случаях этот предлог можно встретить в старом стихотворном языке в постпозитив-

ном употреблении: «...И наша сцена вам *благодаря* Уже не «Бедная невеста» (Апухт., об А. Н. Островском).

Наречие-предлог **согласно** управляет **дательным** — *согласно решению, согласно инструкциям*. В канцелярском языке оно может употребляться также с **родительным**: *согласно решения, согласно инструкций*. Возможна также конструкция **согласно с...** **творительным**, зависящим от предлога **с**: *согласно с решением и под*.

Предлоги, управляющие **творительным** падежом: **за, между (меж), над, перед, под, по-над, с**. Отметим из них книжно-канцелярское **за** со значением **причины** — *за неимением, за старостью* (ср. у Достоевского — *за двухсотлетней отвычкой...*) и **с** в функции **времени**: *с каждым мгновением, со временем* и под.: «С *рассветом дня* мы снова в путь Помчались по степи унылой» (Рылеев). «Желал бы умереть, как утром лунный луч Или как солнечный *с закатом*» (Фет).

Между управляет словом в творительном падеже или двумя словами в творительном падеже, соединёнными союзом **и**. При управлении одним словом последнее — *собой* или имя во множественном числе: «Ещё я хотел вас попросить, чтобы эта сделка осталась *между нами*», говорил Чичиков прощаясь. — «Да уж само собой разумеется. Третьего сюда нечего мешать; что по искренности происходит *между короткими друзьями*, то должно остаться во взаимной их дружбе» (Гог.). «...Вся стая летит: Кажется, будто *меж небом и глазом* Чёрная сетка висит» (Некр.)¹.

Отрицательная частица не часто влияет на изменение управления глаголов: вместо винительного объекта обычно выступает при глаголах (и формах, входящих в систему глагола) с отрицанием — падеж **родительный**: «В пылу перестрелки мы *не обращали внимания* на состояние нашего дощаника...» (Тург.). «Как полон был смертельным ядом Вражды, *не знающей конца...*» (Лерм.). «Он *не чувствовал жалости* ни к ней, ни к себе» (Гонч.).

Сохранение **винительного** падежа при отрицании (возможное, но не обязательное) зависит от специальных моментов. Повидимому, особенно часто винительный падеж выступает при понятиях конкретных по сути или употреблению; ср. в соответствии с этим: *Я не люблю Машу; но: Не люблю таких кушаний; Не люблю упрёков; Он не нашёл свой нож на месте, но: Он не купил себе ножа; Книг он себе не покупал, но: Он не купил эту книгу. «Она не любила старую нищую и не возражала ей только потому, что не хотела ссориться с ней в последний вечер» (Шелл.-Мих.). «Я боюсь, чтоб она [буря] не сломила Старый дуб, что посажен отцом, И ту иву, что мать посадила» (Некр.). «Пусть он не бьёт бабушку, а то я ему ещё бороду остригу» (Горьк.). Ср. особенно*

¹ Материал по синонимике русских предложных конструкций см. ещё в статье Т. Н. Чивиковой «Синонимические предложные конструкции в современном русском литературном языке», — Учён. зап. Моск. обл. педagog. инст., XII, Труды каф. русск. яз., вып. 1, 1948, стр. 55—60.

винительный при не вопроса: «За кем он теперь следит?— На Рыбнорядской, в номерах за каким-то.— *Не знаешь фамилию?*» (Горьк.).

Тенденция сопровождать отрицание при глагольных формах родительным падежом настолько сильна, что передаётся иногда конструкциям, где сама управляющая часть (инфинитив) отрицания не имеет и примыкает только к слову с **не**: «...*Не христианин и не раб, Прощать обид я не умею*» (Рылеев). «*Не успеют С полей убрать снопов, а я вернусь*» (Островск.). «*Ну, некогда ни пить, ни есть, Ни даже духу перевести*» (Крыл.). «*Его мнения вам сообщить не могу*». «*Не желаю дерзновенно знать тайны, Им мудро от нас сокровенной*» (Жуковск.). «*Можно было бы найти подходящий перевод, да не стоит времени тратить*» (Бобор.). «*Всё так ярко рисуется взору, Что не верится мне в эту пору, Чтоб не мог я увидеть и той, Чья душа здесь незримо витает*» (Некр.)¹.

Относительно *ничто* такая передача составляет правило: «*Суждены вам благие порывы, Но свершить ничего не дано*» (Некр.).

Родительный, вообще говоря, обязателен при отрицательных предложениях **безличных**: «*Не сказано лишнего слова, Наружу не выдано слёз*» (Некр.). «*От человека не осталось и следа*» (Корол.). Исключение представляют только сочетания со словами *столько, сколько, несколько*, чаще совпадающие с соответствующими утвердительными оборотами: «*И никогда ещё в голове не было столько мыслей*» (Корол.).

Из типов **наречного управления** отметим родительный падеж при сравнительной степени во всех её функциях: *сильнее нас, быстрей коня*.

Об употреблении наречий, переродившихся в предлоги, см. стр. 309—310.

Сказуемые **безличные** (неглагольные) иногда имеют специфические особенности управления; ср.: «*Скучно мне да жалко сторону родную*» (Огарёв). «*Мне было чрезвычайно жаль Лёвку, но помочь ему было трудно...*» (Герцен). «*Когда с разбитой головой Я упаду в бою, Мне жаль не жизни молодой, Мне жаль трубу мою*» (Светлов, «Горнист»). «*А ведь жалко бабу, Что и говорить!*» (Никит.). «*Ему [Антону] становилось всё жальче и жальче лошадёнку*» (Григорович).

Д. Н. Ушаков узаконяет в своём учебнике «Русский язык», 1927, изд. 2, стр. 130, в качестве литературного оборот: *Мне больно палец*, где «палец», очевидно,— винительный падеж. Ср.: «*Так костылём отвозил, что и сейчас загорбок больно*» (Лесков, «Мелочи архиер. жизни»); у Вересаева («Два конца») из мещанской речи: «*Как ноги больно!*— тоскливо сказала она»; или у

¹ Стоит упомянуть, что стих Пушкина «*Два века ссорить не хочу*» одному из его критиков казался погрешностью против русского синтаксиса, так как будто бы здесь **обязателен** родительный падеж. Пушкин по этому поводу заметил, справедливо для ряда случаев, хотя, как видим, и не для всех: «*Неужто электрическая сила отрицательной частицы должна пройти сквозь всю... цепь глаголов и отозваться в существительном? Не думаю.*»

М. Горького («Детство»): «В комнату вползла бабушка и... тихо, по-детски жалобно сказала: *«Рученьки мои, рученьки больно...»*; *«Видно сокола по полёту, а молодца по кудрям»*. «Сквозь кружево занавески мне видно квадратную яму» (Горьк.). «Ночь темна, но видно всю деревню с её белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб...» (Чех.). «Для этого нужно было искусную руку, тонкий ум и запас большой опытности» (Гонч.)¹.

Как формы согласования, имена существительные, согласующиеся в падеже, лишены гибкости прилагательных, и употребление их в этой синтаксической роли представляет зачастую серьёзные неудобства. Если сочетания, вроде: «...Я принёс рано утром булки знакомому доценту — холостяку, пьянице...» (Горьк.), «Проводил труп ветеринара его квартирохозяин, портной Медников, тощенький благочестивый человек...» (Горьк.), — не связаны ни с какими затруднениями, то другие, где приложение расходится в роде или по одушевлённости — неодушевлённости, не всегда дают ясный смысл и могут смущать своей синтаксической неурегулированностью. Стих Пушкина («Цыганы»): [Старик просил] «...чтобы на юг перенесли Его тоскующие кости, И смертью чуждой сей земли Не успокоенные гости» невразумителен из-за того, что «гости», понятие о предмете одушевлённом, дано в форме согласования, пригнанной к понятию предмета неодушевлённого, — «кости».

Своеобразны отношения при склонении сочетающихся имён существительных неодушевлённых. При названиях гор, озёр, а также городов и сёл, выступающих во множественном числе, собственное имя, следующее за нарицательным, может склоняться и не склоняться: *на горе Эльбрусе и на горе Эльбус, на озере Байкале и на озере Байкал, в городе Ромнах и в городе Ромны, в городе Валках и в городе Валки*, но только: *на станции Харьков, в романе «Поднятая целина»* и под.

Носителем грамматических функций при сочетании существительных с существительными является обычно общее понятие, выдвигаемое вперёд, приложение же воспринимается грамматически ослабленным: *Река Днепр... протекала* (а не «протекал»); *«Город Валки... лежит* (а не «лежат») на пути к Полтаве».

Специальные случаи представляют старинные сочетания вроде *князь Григорию* (вм. «князю Григорию») — ср. у Г р и б о е д о в а: «Я князь Григорию и вам Фельдфебеля в Вольтеры дам»; разговорные обороты с несклоняемым именем мужского рода и склоняемым

¹ Как указано недавно акад. В. В. Виноградовым, «Значение работ товарища Сталина для развития советского языкознания», М. 1950, стр. 42, этот оборот в 70-х годах прошлого века представлялся определённо нелитературным даже москвичам: в романе Б. Н. Алмазова «Катенька» тётюшка Софья Васильевна упрекает племянницу Катеньку, сказавшую: «...голову очень больно», в том, что та «невыносимо дурно» говорит по-русски. Племянница в своё оправдание ссылается на то, что говорить по-русски учится у нянек и горничных.

отчеством: «Я посетил вчера *Даниил Михайловича*», «Мы едем с *Никанор Ивановичем* в деревню» (Герцен). «... Вот рецепт: Возьми небольшой чистенький дом, в самом дальнем расстоянии от *Никанор Ивановича*, прибавь мебель, цветы и книги. Жить, как сказано, тихо, спокойно» (Герцен); сочетания, закрепившиеся с порядком слов, отличным от нормального литературного; ср. и современное разговорное на *Москва-реке* с отстаиваемым некоторыми в качестве орфоэпического «на *Москве-реке*».

Количество приложений теоретически не ограничено, но практически число их не превышает обыкновенно трёх: *профессор Александр Афанасьевич Потеня* и под. В народной словесности или стилизованной под неё возможно изредка большое стечение приложений с преобладанием нарицательных: «Затуманилася *Волга, Мать кормилица-река*» (Садовников). «Ты увидел бой, *Днепр — отец-река!* мы в атаку шли под горой» (Долгат.).

Имена существительные, допускающие примыкание инфинитивов, как уже отмечено, почти сплошь отглагольны: *желание преподавать, стремление учиться, умение стрелять, приказ наступать*; реже случаи вроде: *охота путешествовать, возможность усвоить, способности петь, искусство плавать*, сохраняющие большую или меньшую смысловую близость к глаголам и прилагательным со значением устремления, потребности и под.

Примыкание наречий к именам существительным в основном ограничено случаями, когда соответственные существительные происходят от глаголов, к которым обычно примыкают известные наречия: *бег кругом, езда туда и обратно, удар плашмя*; реже — «*дважды Герой Советского Союза*» *отчасти теоретик*; и под. «*Со штыками наперевес, под барабанный бой, дружно, стеною двинулись вниз казанцы*» (Серг.-Ценск.). Относительную редкость представляет, напр.: «...*Большой чудак — дикарь и несколько мечтатель*» (Тург.) с адвербиализировавшимся местоимением **несколько**.

Связи имён прилагательных.

Имена прилагательные склоняемые в типичных для них функциях **з а в и с и м ы х** слов согласуются с именами существительными в роли признаков приписанных (**определения**) и в роли признаков приписываемых (**сказуемые**). Как промежуточная функция принадлежит им — согласовываться с именами существительными, тяготея по смыслу к глаголу.

В роли определений прилагательные согласуются с существительными в падеже, роде и числе: *весенний день, весеннего дня, весеннему дню, весенние дни; зимняя пора, зимнюю пору; хорошему веслу, хорошие вёсла* и под.

Склоняемыми прилагательными являются только членные и нечленные с суффиксами **-ин** и **-ов**: *мамин,-а, -о; дядин, -а, -о* и под.

В старинном языке, откуда они попадают в стилизованную речь, склоняемыми могут быть и нечленные: *на добра коня, из синя моря*.

Ср. отдельные установившиеся сочетания вроде: *на босу ногу, среди бела дня, мал мала меньше* и под.

Как формы управляющие прилагательные могут управлять непосредственно всеми косвенными падежами, кроме винительного; управление при помощи предлогов у них возможно, но в разговорной речи применяется сравнительно редко: *полный чего-нибудь, страшный кому-нибудь, желанный кому-нибудь, довольный чем-нибудь, обильный чем-нибудь* и под.; *пьяный от вина, падкий на лакомства, готовый к борьбе, склонный к музыке, благодарный за услугу* и др.

Причастия действительного залога, в отличие от обыкновенных прилагательных, управляют, как и соответственные глаголы, винительным падежом: «Всякая поэзия должна быть выражением жизни, в обширном значении этого слова, *обнимающего* собою весь мир физический и нравственный» (Белинск.). «И, улыбаясь спокойной улыбкой титана, *сознавшего* свою мощь, море оевало своим живительным дыханием титана, ещё духовно слепого, порабощённого и жалко *ковыряющего* землю» (Горьк.).

Система управления при помощи предлогов вообще у причастий та же, что и у глаголов; сравнительно с обыкновенными прилагательными она развита поэтому значительно больше. Беднее относительно управления, причастие перерождается в простое прилагательное и далее — в имя существительное: «Учёный А. занимается исследовательской работой». Мы не спрашиваем: «учёный — кем или чему?», и поэтому слово «учёный» не воспринимается нами как причастие. Заметим, что и пишем мы в ряде подобных случаев уже не два *нн*, как в причастиях, а только одно (см. стр. 168, 249); ср.: *На поле битвы лежали раненые* и: *В лазарет поступили раненные* разрывными пулями.

Как формы, управляемые непосредственно, прилагательные выступают редко, и в большинстве подобных случаев речь может идти об опущении существительного, с которым прилагательное согласовано.

Наиболее легко «опредмечиваемыми» и тем самым функционально близкими к именам существительным могут являться формы среднего рода ед. числа; ср. в роли подлежащего: «Во хмелю нынешней радости было *новое*» (Сейф.), и их же мы встретим как формы управляемые: «Здесь у людей *тёмным* и *старым*, как земля, задавлена творящая сила человеческого ума» (Сейф.). «В этом было что-то громадное, величественное, как победа *будущего* над *прошлым* в таинственных судьбах *настоящего*» (Голубов).

Специальными формами зависимости прилагательных и причастий (где они могут выступать без соответственных существитель-

ных) являются только падежи в конструкциях с творительным при формах глагола и входящих в его систему: «Потом опять *прикинулся влюблённым, Взыскательным и огорчённым* (Гриб.) «Я чувствую себя *опьянённым* словами...» (Горьк.). «Я чувствовал себя *ничтожным, виноватым* перед кем-то» (Горьк.). «Кто меня на службе *пьяным видал?*» (Шелл.-Мих.). «*Первыми двинулись* машины» (Сейф.). «*Третьим у стола президиума остановился* Захар Брузжак» (Н. Островск.). «Но теперь тишина *ощущалась непреходящей, утверждённой навеки*» (Мальшк.). «Ты мне писал, что хотел бы меня *хоть больною увидеть*» (Ф. Зелинский, пер. из Овидия).

Согласование с подлежащим или дополнением ограничивается числом и родом.

В относительно немногих случаях творительный заменяется согласуемым падежом: *Выступить пришлось ему первому* (ср. *первым*). *Первые двинулись* машины.

Управляемое формой сравнительной степени имя прилагательное в родительном падеже ед. ч. средн. рода выступает нередко как самостоятельная форма (независимая от имени существительного): «Я затворил за собой дверь *моей* комнаты, засветил свечу и бросился на постель; только сон на этот раз заставил ждать *более обыкновенного*» (Лерм.) «Увидим, почтеннейший, увидим, — отвечал Иван Афанасьевич с усмешкой и на этот раз решил *почему-то великопнее обыкновенного* отпраздновать свои именины» (Герцен). «Она [Параша] — *бледней вчерашнего, взволнована*» (Тург.). Ср. и: *...больше моего, надёжней* вашего и под.

Примыкают к прилагательным наречия и инфинитивы (см. ниже).

Инфинитивы (неопределённые глагольные формы).

Инфинитив в качестве второстепенного члена наиболее часто употребляется как форма, *примыкающая* к глаголу и формам, входящим в его систему, к отглагольным и родственным именам существительным¹, реже — к прилагательным: *стремлюсь узнать, стремиться узнать, стремящийся узнать, стремясь узнать, стремление узнать, надежда узнать* и под.; *склонный узнавать, способный изучить* и под.; ср. и фразеологизм *признаться сказать*.

Как формы *управляющие*, они во всём совпадают синтаксически с глаголом. Индивидуальным для них является только управление в функции наклонения дательным падежом: «*Не нагнать тебе* бешеной тройки» (Некр.). «*Вам не видать* таких сражений» (Лерм.). «Нет, ваше величество, *вам уж не смыть* Той крови невинной вовеки» (Тург.). «*Александру* хоть сквозь

¹ Значительно реже — к другим: «*Они мастера поддерживать* раз начатое дело» (Тург.). *Право строить. — Час ехать спать ложиться* (Гриб.).

землю провалиться. А Пётр Иванович беспощадно смотрел прямо ему в глаза и ждал ответа» (Гонч.), — в значении лица, на которое распространяется обязательное или, при отрицании, неосуществимое действие, и архаическое употребление с дательным же падежом прилагательного (причастия) при «быть» в значении качества: «Зачем же *быть*... Так *невоздержну* на язык, В презренье к людям так *нескрыту*?» (Гриб.). «Надеюсь, что позволите *быть знакому*?» (Писемск.). Редко у наших современников: «Тон ярмарочного гама всё повышается: каждому, чтобы *быть услышану*, нужно перекричать этот гам» (Тренёв).

Синтаксические связи наречий.

Основная роль наречий — **примыкать** к словам, обозначающим признак, приписанный или приписываемый имени существительному (предметному представлению). Так называемые грамматические наречия (образования от прилагательных с обособляющейся формальной приметой) обычно примыкают к глаголам и входящим в их систему образованиям — инфинитивам, причастиям и деепричастиям: «Он ушёл, не оглядываясь, *твёрдо ставя* ноги, *легко неся* тяжёлое *богатырски литое* тело» (Горьк.). «Штольц *смотрел* на любовь и на женитьбу, может быть, *оригинально, преувеличенно*, но, во всяком случае, *самостоятельно*» (Гонч.). «Ага!» — сказал он, *внимательно выслушав* меня» (Горьк.).

В качестве форм, примыкающих к обычным склоняемым прилагательным или к наречиям же, они почти сплошь лишились подвижности и образовали с ними более или менее цельные понятия¹. Внешне ощущение этой их связанности на письме иногда передаётся чёрточкой (дефисом) между соответственной наречной частью и прилагательным; нередко, однако, обе части пишутся слитно²: «...Ослепительно сверкает солнце, отражаясь *яркими пучками от синевато-стеклянных боков льдин*» (Горьк.). «За кормой *шёлково струится*, тихо плещет вода, *смолисто-густая, безбрежная*» (Горьк.). «Это было так *ярко-хорошо*, что я закричал от радости» (Горьк.). «Всё кругом *смотрит странно-живо*, мягко, ласково» (Горьк.). «Всё дремлет, но дремлет *напряжённо-чутко*» (Горьк.).

Ясно, что «стеклянный синевато, густая смолисто» и под. мы сказать не можем. Лишь изредка сочетания вроде «зверски жестокий» могут быть разорваны перестановкой, напр.: *жестокий*

¹ Как стилистически свежие мы воспринимаем поэтому сочетания вроде: «Впервые мне было так *серьёзно хорошо* с человеком» (Горьк.). «Мне страшно и тебя, — говорил он шёпотом. — Но как-то *хорошо страшно*: сердце замирает» (Гонч.).

² Согласно «Орфогр. словарю» Д. Н. Ушакова, напр.: «прилагательные с соединительными *о* и *е*, обозначающие оттенки цветов, вроде *тёмнокрасный, синезелёный*, пишутся без чёрточки, а сложные с наречиями пишутся с чёрточкой: *изжелта-красный*» (изд. 3, стр. 7).

зверски, не по-людскому; классово близкий, классово враждебный, близкий нам классово, враждебный нам классово, и в таких случаях предпочтительно и в первых сочетаниях дефиса не употреблять.

Наиболее свободно примыкают только наречия *очень, весьма, чрезвычайно, ужасно, исключительно* и под. Наибольший охват примыкания при прилагательных и производных от них наречиях принадлежит наречию *очень*.

Сфера примыкания наречий других типов (производных от сочетаний существительных с предлогами, застывших отдельных падежей и под.) несколько иная: они относительно часты и при прилагательных, и при некоторых типах существительных: *заметный издали, вполне годный, издавна знакомый, взгляд вдаль, выстрел вверх, хождение вокруг да около*.

Черты своеобразия имеет синтаксис сравнительной степени. Наряду с типичным примыканием к глаголу и родственным с ним формам: *бежать быстрее, бегу быстрее, говорю громче, говоря громче* и под., лишь в некоторых случаях типично для неё примыкание к прилагательным и грамматическим наречиям: *более яркий, более ярко, менее жаркий, менее жарко*.

Разделяя с грамматическими наречиями на *о, е* возможность выступать в роли сказуемого: «Земля здесь хуже, чем у нас на Украине» (Горьк.). «Страшнее всего было лицо Перхурева, — я повсюду встречала его в эти дни» (А. Н. Толстой). «Всё шумнее ватага воронья, Всё теплей перелив ветерка...» (Исак.), — сравнительная степень обнаруживает черты употребления, сходного с прилагательными в функции определения, но обыкновенно в сопровождении особого порядка слов и известных ритмомелодических особенностей: «Джон Келли стал искать тени подлиннее и погуще, чтобы пристроить к ней свою долговязую фигуру» (Корол.). Ср.: «... Там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестёр...» (Горьк.). «Сила, сильнее его воли, сбросила его оттуда» (Тург.). «Штабс-капитан бессильно и густо покраснел перед мальчишкой, младше его чином» (Л. Соболев). «Рукою острее ножа, — Видели все егеря, — Он каждому руку пожал...» (Тихон.); ср.: «более густой тени», «более сильная, чем его воля» и под.¹

Как формы, управляющие падежами непосредственно или при помощи предлогов, выступают главным образом наречия, представляющие продукт перерождения сочетаний предлогов с именами существительными (при-

¹ Форма сравнительной степени употребляется при этом в положении за определяемым именем существительным. «Места эти возбуждали во мне *ещё благоговейнее думы*» (Марлинский, «Аммалат-бек»), — пример, относящийся к старинному порядку слов. Не обычен для русского языка порядок слов и в такой, напр., фразе у Гоголя («Сороч. ярмарка»): «Но *ещё страннее, ещё неразгаданнее чувство* пробудилось бы... при взгляде на старушек». Впечатление некоторой необычности производит также фраза у Писемского («Русские лгуны»): «Признаюсь, и по самой наружности я не видывал *величественнее, громаднее и могучее этой дамы* или, так сказать, девицы».

лагательными) или известных падежей существительных. Так как наиболее распространённый тип именного управления — родительный падеж, то особенно часто при наречиях мы встречаем именно его: *около дома, кроме помощи, вокруг нас, поверх платья, вблизи вокзала*.

Реже управление дательным вроде *навстречу солнцу* (ср. более архаичное управление родительным падежом — «Через минуту двери домов в Дэблтоуне раскрывались, и жители выходили *навстречу своих приезжих*» (Корол.); *согласно уговору* (при канцелярском «согласно уговора»).

Более редкий тип управления, когда управляющее слово — грамматическое наречие и притом не в сказуемой роли: «жить *близко к кому-нибудь*», «находиться *далеко от кого-нибудь*».

Только родительным падежом управляют наречные формы сравнительной степени: *сильнее желаний, острее стали, краснее крови* и под. В качестве параллельного к ним оборота существуют в языке только сочетания типа: *сильнее, чем желания; острее, чем сталь*, или более архаического типа: *сильнее, нежели желания; острее, нежели сталь*¹. Надо ещё заметить, что в современном литературном языке параллелизма управления между наречной сравнительной степенью и немногочисленными формами сравнительной степени у прилагательных нет («лучше брата», «хуже болезни», но только: «лучший, чем брат», «худшее, чем болезнь»).

Многие наречия представляют морфологически и синтаксически переходную категорию. Чем реже, напр., согласует с собою имя существительное в определённой роли прилагательные, чем меньше подходит для него в известных случаях один из вопросов падежей, тем скорее оно теряет свой характер и может одно или в сочетании с предлогами переродиться в наречие.

«Утром», напр., во фразе «Они выехали из города *ранним утром*» остаётся существительным, поскольку с ним согласуется прилагательное, но согласование это мало свободное, так как далеко не все возможные по отношению к «утро» определения допускают сочетание с творительным падежом (ср. необычные: «свежим утром» или «холодным утром»: «Кутузов подъезжал к Цареву-Займищу семнадцатого августа *холодным утром* серенького дня» (Голубов). Вопросом служит в данном случае наречная форма (*когда? а не чем?*); в сочетании с предлогами: «с утра́», «поутру́», появляются другие ударения (ср.: «свежесть *у́тра*», «радоваться *у́тру*»), и только в закрепившемся выражении «с раннего утра́ и до поздней ночи» имеем такое же ударение в случае сочетания существительного с прилагательным. Иначе говоря — мы стоим перед фактом перерождения в наречие известных падежей слова

¹ Как после сравнительной степени (кроме определённых случаев, вроде «не более как»), теперь уже не допускается. У старых писателей оно иногда встречалось: «Умнее, как родить детей, ничего до сих пор на свете ещё не придумано» (Дост.).

со значением времени; *поутру* в соответствии с этим пишется слитно. Ср. ещё *сегодня* из «сего дня» (как *третьего дня*), *бегом* (ср.: *быстрым бегом*) и под.

В других случаях полный переход сочетания «предлог + управляемое имя существительное» в наречие, возможный по семантико-морфологическим основаниям (неупотребительность существительного без данного предлога), может задерживаться влиянием возможного же синтаксического параллелизма; ср.: «Скорее, скорее и скорее, лише, лише и лише развёртывался граф, то *на цыпочках*, то *на каблуках*, носясь вокруг Марьи Дмитриевны» (Л. Толст.). «Сзади *верхами* ехали Карл, охотники и егеря» (А. Н. Толст.).

Зачастую очень мало выразительна грань, отделяющая наречия от предлогов. Существеннейший признак отличия тот, что наречие может употребляться самостоятельно, служа само по себе ответом на вопрос, а предлог — не может. С этим признаком параллельно идёт обыкновенно другой — что наречие может стоять на конце фразы, тогда как предлоги (за исключением «ради») представляют собою именно «пред-логи». Ср.: «Он стоял *около*» и «Он стоял *около окна*»; «Это я сделаю *после*» и «Это я сделаю *после обеда*» («около», «после» сохраняют свое значение наречий, подкрепляемое возможностью ответов: *Где он стоял — около или вдали? — Около; Когда вы это сделаете? — После*). Но в живом речевом процессе и признак возможности самостоятельного употребления слова нередко стирается; так, можно слышать, напр., на вопрос: «Вам с сахаром или без?» ответ — *Без*. «Вы против или за?» — *За*. Предлоги, не образующие слога, как в первом случае, напр., *с*, в самостоятельном употреблении пока что — большая редкость.

Среди других наречий-предлогов относительно своеобразное место занимает *кроме*, часто выступающее в соотношении с местоименными словами отрицательного значения (*никто, ничто*), а также местоимениями *всё, всякий* и под., в случаях же сочетания с инфинитивом непосредственно управляющее указательным местоимением (*кроме того...*), с которым уже сочетаются союзы *что, чтобы*: «Тут, *кроме* небольшого столика с зеркалом, табурета и тряпья, развешенного по углам, *не было никакой* другой мебели...» (Чех.).

В значении наречия-союза употребляется разговорное *кроме как*: «*Кроме как* в лесу, такого зверя и не встретить». Ср. у Маяковского: «Нигде *кроме Как* в Моссельпроме».

Синтаксическое сближение наречий с предлогами находит своё выражение в одной внешней, звуковой примете. В формах слова «он, она...», выступающих после предлогов, управляющих ими, появляется, как известно, приставное *н* (*н* эпентетическое). Эта особенность распространяется и при многих управляющих наречиях: *около него, кроме него* и под.

О функциях деепричастий см. ниже, стр. 378—381.

Пояснительные слова обычно даются во фразе в виде членов пар как продукты установившихся в мысли говорящего или пишущего смысловых и грамматических отношений, иначе говоря, как известная данность, которую слушающему или читающему предлагается принять сразу готовой. Но возможно также, — и бывает это в языке относительно нередко, — что один из членов словосочетания предлагают предикативно — только как открываемый мыслью; слушающий или читающий стоит перед выдержкой, паузой, подготавливающей ожидаемое; он приобщается к процессу установления определённой связи. Такой характер имеют, напр., словосочетания: «Оставили детям одно только занятие — *приглядывать за гусями*» (Пришв.). «Что будет, то будет», решила она и дала себе слово продолжать покуда начатое ею дело — *хлопотать* о месте наставницы и *учиться*» (Шелл.-Мих.). «Глаза его сверкали от гордости: ему доверяют такое опасное и лихое дело — *усмирять дикого коня*» (Ян). «Но прекрасен ясный жребий — *Просиять и умереть*» (Брюс.). «Мне хотелось спокойно, холодно изучить их — *войти в их нутро, впитать в себя*» (Гладк.). «...Иль сам погибнет или погубит — *Отмстит поруганную дочь*» (Пушк., «Полт.»). «Что-то новое появилось на его лице — *острое и едкое в складках рта, тёмное в глазах*» (Горьк.).

Пример усложнённого типа, принципиально отражающий такое же движение мысли, представляет хотя бы фраза в «Старухе Изергиль» Горького: «Он засмеялся и пошёл, *куда захотелось ему, — к одной красивой девушке, которая пристально смотрела на него*».

Редкий случай нескольких пластов предикации (сочетания и предложений и отдельных членов), чисто-книжного, очень искусственного усложнения находим у Гладкова: «Он, очевидно, и в камере не чувствовал каменных стен: кровь его не застывалась — стены не мешали ему *двигаться — шагать, размахивать руками и напрягать лёгкие: кричать, петь, смеяться*» («Старая секретная»).

Особенно часты случаи предикативного характера при сочетании с определяемым именем существительным приложением: «У крестьян и рабочих было отнято право *на образование — на развитие разума и воли* к познанию жизни, к изменению её условий, к облегчению трудовой обстановки» (Горьк.). «Ты напомнила мне много милых теней *Простотой — тёмным цветом одежды твоей*» (Полонск.). «Пчёлы делают его [*«пьяный мёд»*] из цветов лавра и азалии, а «проходящие» люди выбирают из дупла и едят, намазав на *лаваш — тонкую лепёшку* из пшеничной муки» (Горьк.). «Там *в океане — в тёмном водоёме* Бродит и плещет пугливая *весть...*» (Блок). «Иван Гора засопел, с усилием удерживаясь, чтобы не сгрести лапами этого человека [Ленина], не расцеловать его — *друга*» (Панф.). «Да, вот они, русские характеры! Кажется,

прост человек, а придёт суровая беда, в большом или в малом, и поднимается в нём великая сила — человеческая красота» (А. Н. Толст.). «[Бурмин] имел именно тот ум, который нравится женщинам, — ум приличия и наблюдения, безо всяких притязаний и беспечно насмешливый» (Пушк., «Метель»).

Примечание. В случаях, где подобное предсказание имеет место в отношении глаголов-сказуемых («Видали Черемисова? Суровый. А сегодня и он не вытерпел — прослезился», Эренб.), можно, очень условно, видеть сочетание двух предложений, где второе представлено одним только сказуемым.

О параллелизме функций второстепенных членов предложения.

В большинстве случаев второстепенные члены предложения (пояснительные слова) имеют для своих синтаксических функций морфологически-определённое выражение: *п р и п и с а н н ы е к а ч е с т в а п р е д м е т о в* (определения) выражаются прилагательными, согласованными с именами существительными; *о б ъ е к т ы д е й с т в и й* и другие виды зависимости предметов — существительными в определённых падежах (с предлогами и без них); *о б с т о я т е л ь с т в а д е й с т в и й* (характеристика переменных признаков) — наречиями, и т. д. В ряде случаев, однако, в языке возможна передача родственных функций разными морфологическими средствами. Русский синтаксис разрешает такие, напр., факты морфологической параллельности:

1. О п р е д е л е н и я :

«Скажи им, что мой прадед был не Анакреон, а бригадир при Петре Первом, человек *нрава крутого и твёрдый духом*» (Батюшк.). «Ещё и теперь по небу бродили обрывки туч, *пышные, странных очертаний и красок...*» (Горьк.). «Они шли, пели и смеялись; мужчины — *бронзовые, с пышными, чёрными усами и густыми кудрями до плеч, в коротких куртках и широких шароварах*; женщины и девушки — *весёлые, гибкие, с тёмносиними глазами, тоже бронзовые*» (Горьк.). «Нардом — бывший мануфактурный магазин купца, *пасмурный, в бревенчатых стенах* — переполнен делегатами, гостями, базарниками Алая, возчиками делегатов из других сёл (Панф.).

2. О б с т о я т е л ь с т в а :

«...И Наташа, распутив свой большой рот и сделавшись совершенно дурною, заревела, как ребёнок, *не зная причины и только оттого, что Соня плакала*» (Л. Толст.). «Гусь сидел *в презней позе, с разинутым клювом и растопылив крылья* (Чех.). «Злость удесятяряла волю, и *с тем большим размахом, щедрее сеятеля на ниве, управление Сотьстрога раскидывало людей*» (Леон.). «В круговороте перед его глазами мелькал Илья Максимович: *спокойный, сложа руки и сделав глаза щёлками*, он стоял в сторонке и поглядывал на кипящий котёл» (Панф.).

Цельные синтаксические группы.

Некоторые слова образуют в нашей речи такие тесные группы, что входят в связи с другими не по одному, а только вместе: «Они идут *друг с другом*». — «Вот бы описать *черту за чертой* одну правду истинную» (Дост.). «*Шаг за шагом* путники приближались к цели». «Они защищали *один другого*» (о женщинах — *одна другую*; если речь идёт о мужчине и женщине, — сохраняется: *один другого*). «Я на одном повороте *нос к носу* столкнулся с какой-то молоденькой фигуркой» (Леск.). «Биться *рога в рога, лоб в лоб* можно сколько угодно, лишь бы не ослабеть, лишь бы не упасть» (Пришв.). «*На первых порах* после его отъезда он прислал несколько писем Мане» (Леск.). «По волнам *то и дело* неслись лодки» (Корол.).

При расчленении фразы на части такие группы, разумеется, следует брать целиком, указывая только их зависимость от той или иной формы.

Известную связанность обнаруживают и такие сочетания, как напр.: «Я просидел за работой *три часа*», «*Третьего дня* шёл дождь». «*На седьмой день* пал на море страшный туман» (Корол.). «Я *ту же секунду* узнал... знакомый маленький голос» (Леск.). «Мой дядя — *самых честных правил...*» (Пушк.). «Человек *небольшого роста* подошёл и вежливо снял шляпу». «Люблю, *грешный человек*, пу-стословить *на сытый желудок*» (Чех., «Пассажир I кл.»).

Нельзя было бы указать на связь «просидел — часа», «шёл — дня» и т. п.; но возможность, подставить напр., вместо «три часа» — «четыре часа» или вместо «третьего дня» — «четвёртого дня» и т. п. делает эти связи несколько более свободными, чем первые.

Ср. ещё: «Хороший ситец *стоит три рубля метр*».

Особенности синтаксических связей имён числительных и родственных им категорий.

В результате утраты двойственного числа, сначала при *два, две, оба, обе*, а затем и при числах *три, четыре*, с которыми стали сочетаться подобные формы, в русском языке создались очень прихотливые синтаксические отношения. В школе сочетания вроде *два охотника, две женщины, три подруги* нередко разбирают без оговорок как именительный падеж числа с родительным ед. ч., зависящего от него имени существительного. Что при таком разборе допускается ошибка, ясно из сочетаний с прилагательными: *два опытные охотника* и *два опытных охотника* — простой родительный падеж единственного числа не мог бы согласовать с собой именительный или родительный падеж множ. ч. имени прилагательного¹. В падежах родительном (винительном — у оду-

¹ Грамматики первой половины XIX века употребление тех или других сочетаний регулировали по-разному. Некоторые грамматики учили, напр., что в подобных случаях именительный падеж мн. ч. прилагательного употреб-

шевлённых), дательном, творительном и предложном **два (две), три, четыре** согласуются, как и прилагательные, определяющие имя существительное, с этим последним: *двух опытных охотников, двумя опытными охотниками* и т. д. Числа **пять, шесть** и т. д., **одиннадцать... двадцать...**, а также **сорок, пятьдесят... девяносто, сто, двести, триста, пятьсот...** в именительном (винительном) управляют родительным падежом множественного числа: *пять опытных охотников*. В остальных падежах согласуются с именем существительным: *пяти опытным охотникам, пятью опытными охотниками* и т. д.

Один, одна, одно представляют синтаксически обыкновенные прилагательные.

Двое, трое и под. в именительном управляют родительным множественного; в остальных падежах согласуются с существительными: *двоим студентам* и под.

В сказуемом, сочетающемся с **оба** и под., сказуемая часть «прилагательное + существительное» не обнаруживает ничего отличающегося от обычных сочетаний: *Оба они — давние товарищи*.

Полтора (из «пол втора» — половина второго) в именительном (винительном) управляет так же, как и «два», а в других падежах (**полтора**) опять-таки, как и «два», согласуется с именами существительными; употребление прилагательных при нём вполне параллельно тому, что наблюдается при «два».

Заметим ещё родительный падеж при слове, не имеющем единственного числа: *полторы суток*.

Двое, трое... семеро употребляются только с одушевлёнными именами существительными мужского рода: *двое красноармейцев, семеро токарей* (так и *двое детей*), и с именами существительными, имеющими только множественное число: *трое саней, пятеро суток*. В остальных случаях правильным литературным употреблением является: *две женщины, три сестры, три дома, два ружья* и под.

ляется при именах неодушевлённых, а родительный — при одушевлённых, — ср., напр.: «Опыт общесравнительной грамматики русского языка» акад. И. И. Давыдова, изд. 3, 1854 г., § 454. Нынешнее литературное употребление не держится в этом отношении строгих ограничений, но очень заметна тенденция при словах женского рода употреблять формы именительного падежа мн. ч. прилагательного — *две молодые женщины* (реже — *две молодых женщины*), при словах мужского и среднего рода — формы родительного: *три храбрых бойца* (реже — *три храбрые бойца*), *четыре острых лезвия* (реже — *четыре острые лезвия*). Любопытно, что Андрей Белый как ошибки в языке Гоголя указывает *четыре пламенные года, два сахарные зуба* («Мастерство Гоголя», 1934, стр. 279).

Для той свободы выбора формы прилагательного, которая в подобных конструкциях ещё и теперь остаётся в практике литературного языка, характерна, напр., фраза: «Отчётливо и ярко увидели все сразу эти *два огромных осмоленных корыта, привалившиеся друг на друга* и в мёртвой неподвижности, как скала, *торчащие у самого выхода в открытую воду...*» (Федин). Заметим, что вообще определения, следующие за такого рода конструкциями, предпочитают в форме именительного падежа мн. ч.

Из других синтаксических особенностей числовых и подобных наименований отметим ещё:

В косвенных падежах при сочетании названия числа и слова **тысяча** с именами существительными возможны параллельно: *трьм тысячам рублей* и *трьм тысячам рублям*, *десяти тысячам рублей* и *десяти тысячам рублям* и под.

При предлоге **по** управление дательным падежом мы имеем у чисел **один, пять...**: *по одному, по одной, по пяти*. У чисел **два, три, четыре** и собирательных **двое, трое, четверо** и т. д. при предлоге **по** выступают формы **два, двое**: *по два, по три, по двое, по трое*. Под их влиянием всё чаще вместо *по пяти* и под. начинают употреблять *по пять* и под. Чернышёв («Прав. и чист. ...», стр. 225) такие конструкции считает, вряд ли справедливо, принадлежащими только разговорному языку.

При числах **два (оба), три, четыре** винительный падеж слов, обозначающих животных, может совпадать с именительным. Пешковский («Русск. синт.», стр. 504) цитирует Грибоедова: «На них он выменял *борзые три собаки*». У Батюшкова: «Дай *две* ему *овцы*, дай козу и с козлом» («Из антологии»). Ср. ещё: «А *три утки* подстрелил» (Лейкин).

В последние годы не только такое употребление, но и относящееся к названиям лиц («убили *двадцать три солдата*» и под.) очень распространилось в прессе.

Слова **много, сколько, несколько, столько** синтаксически колеблются между особенностями прилагательных и наречий. Склоняясь, как прилагательные, они в косвенных падежах ничем синтаксически от них не отличаются, но именительный падеж обслуживается формой, управляющей родительным падежом существительного, — *много фабрик, сколько заводов*.

Винительный с именами существительными может совпадать и с конструкцией именительного и с конструкцией родительного: «Я знал *много художников*» и «Я знал *многих художников*», но между этими двумя конструкциями ощущается такая же разница, как между: *много художников* и *многие художники*.

Близость **много** к наречиям ощущается в сочетаниях типа «Мы разговаривали *много и долго*»; при сравнительной степени — *много лучше*. Ср.: «Но не будет она [песня] веселей — Будет *много печальнее* прежней» (Некр.).

Заслуживают внимания ещё лексические изменения при числовых названиях: *пять, шесть* и т. д. человек или душ, но *много людей*; *пять лет* и под. (при *один год, два года* и под.), причём, в косвенных падежах (дат., тв., предл.) выступает опять-таки «год».

4. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕСТОИМЕНИЙ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ.

Местоимения — слова, так или иначе семантически отсылающие к знаменательным словам (именам существительным, при-

лагательным, числительным и наречиям) или намекающие на них, как восстанавливаемые в речи или ситуации¹.

В синтаксическом формировании нашей речи местоименности, синтаксичной, как видим, по самой её природе, принадлежат многообразные и важные функции. Укажем из особенностей синтаксического употребления местоимений важнейшие или характернейшие.

Личные формы местоимений (**я, ты, мы, вы**) представляют собой немногие формы, с которыми согласуются специальные формы глагола. Опущение их составляет правило для повелительного наклонения в его основной функции, но в изъявительном наклонении — в прошедшем времени они почти обязательны и ассимилируют себе род и число, а в настоящем (будущем), где на лицо указывает сама флексия, обычны.

Опущение личных местоимений при прошедшем времени сообщает речи некоторую сухость или нарочитую сжатость: *Пришёл, увидел, победил.* — «*Нарвался на засаду в Грузинах. Ел блокнот*» (Маяковск.)².

Местоименные формы 2 лица настоящего (будущего) времени, главным образом единственного числа, могут приобретать значение обобщённости. В их природе своеобразное привлечение будто бы непосредственно присутствующего собеседника: «Ну, что *ты будешь делать!*» — говорим мы в огорчении. «Неужто это Уста так разлилась, ребята?» — *спрашиваете вы* мужичков, которые, должно быть, уже много часов греются на солнышке, выжидая дощаника» (Салт.-Щедр.). «Наконец *вы решаетесь* лечь на бок и притулиться к одной стороне, — *трах!* — через минуту *вы на другом боку*» (Салт.-Щедр.). «В это время, когда всё смолкает в природе от больших забот по выращиванию малышей, *выйдите* за город после вечерней зари, и *вы непременно услышите*, как держак кричит, вроде как бы телушку зовёт изо всей мочи: — Тпрусь, тпрусь» (Пришв.).

На психологической природе этой конструкции в большой мере основывается, напр., Л. Н. Толстым впечатление его замечательного первого очерка «Севастополь в декабре месяце» («Севастопольские рассказы»). Конструкция стойко выдерживается почти от начала и до самого конца очерка: «*Вы подходите* к пристани — особенный запах каменного угля, навоза, сырости и говядины поражает вас...» ... «Только теперь... *вы ясно поймёте, вообразите себе* тех людей, которых вы сейчас видели, теми героями, которые в те

¹ Теоретически местоимения могут принадлежать к любой части речи (*я, кто* — имена существительные; *который, чей* — прилагательные; *куда, там* — наречия), но местоимений-глаголов наши языки имеют мало; ср. *успоить*, в прошлом — *уничтожить* и под. Отсутствие их для некоторых важных функций возмещают *да, нет* (ср. ещё: *некогда* и под.). Эти местоимения относятся обыкновенно к целым предложениям.

² Об опущении местоимения 2 лица при повелительном накл. см. стр. 272—273.

тяжёлые времена не упали, а возвышались духом и с наслаждением готовились к смерти не за город, а за родину...»

Дальнейший шаг — использование этого свойства языка уже как определённого стилистического эффекта — находим, напр., у Дельвига, у Тютчева и др.: «А вся так бела ты, Шея же, руки — взгляды, скажешь — из кости слоновой Мастер большой их отделал, а Зевс наполнил с избытком Сладко-пленяющей жизнью» (Дельвиг). Тютчев в описание грозы заключает словами: «Ты скажешь: Ветреная Геба, Кормя Зевсова орла, Громокипящий кубок с неба Смеясь на землю пролила» (Ты скажешь равняется здесь «можно было бы сказать»). Очень вероятно, что подобное употребление — стилистический галлицизм.

Возвратное местоимение **себя** употребляется (как и **свой, своя, своё**) по отношению ко всем трём лицам; строго обязательно оно, однако, только для 3-го.

Как отмечает Пешковскый («Русский синтаксис в научном освещении», изд. 3, стр. 189—190), возвратное местоимение «может относиться только к тому лицу, которое сознаётся субъектом действия или состояния, выраженных в слове, подчиняющем (прямо или косвенно) данное местоимение» (ср. Шахматов, II, стр. 87). Поэтому соответствуют русскому синтаксису фразы вроде: «Желание товарища видеть *свою* работу в печати наконец осуществилось».

Заметим, что при пассивных оборотах субъектом действия применительно к этой черте можно считать и именительный падеж, и творительный действующего лица; ср.: «Он был приглашён на эту работу *своими* знакомыми» и «Он был приглашён на эту работу знакомыми, заявившими собранию *своё* мнение о нём». Ср.: «Он был выдвинут на эту работу *своими* товарищами» и «Он был выдвинут на эту работу товарищами, настаивающими на справедливости *своего* выбора».

И в других случаях условность понятия субъекта действия позволяет употреблять **свой** применительно к разным лицам фразы, что иногда может приводить даже к недоразумениям: «Коллектив требует от товарищей уважения к *своим* мнениям». Ясно, что речь идёт об уважении к мнениям коллектива, но фраза может быть понята и так: коллектив требует уважения к мнениям товарищей. «Отец посылает сына на вокзал встретить *своего* знакомого», — только по смыслу фразы «своего» относим к «отцу», а не к «сыну».

Дательный падеж **себе** при глаголах и инфинитивах обозначает течение действия, не перебиваемого другими: «А он *себе* идёт Вперёд И лая твоего совсем не примечает» (Крыл., «Слон и Моська»). «Вот первая — *себе* без шуму и шажком *Плетётся*, Другая вскачь несётся» (Крыл., «Две бочки»). «К о ш к и н: А мы *себе* за решёткой *посиживали* да, сложивши руки, *поглядывали*» (Тренёв).

Местоимение **он, она, оно** имеет анафорический характер, т. е. отсылает к уже названному понятию. Поэтому возможны

в русском языке фразы вроде: «*Мы вот они*» (Л. Толст.). «*Вот она я!* как будто говорило выражение её лица при виде себя» (Л. Толст.).

Факт книжной речи представляют те относительно редкие случаи, когда *он*, *она*... отсылают к дальнейшему: «Если вы уже *его* прочли, пришлите *пятый том* собрания сочинений Белинского».

Анафорический характер *он*, *она* может утрачиваться и, как при *я*, *ты*, местоимение это получает своё значение из ситуации; ср.: *Кто он? Кто она?*

В функции анафорического местоимения возможны также *тот*, *та*, *то*, отсылающие к ранее названному лицу: «Однажды русский генерал Из гор к Тифлису проезжал: Ребёнка пленного *он* вёз. *Тот* занемог, не перенёс Трудов далёкого пути» (Лерм.).—«Я окликнул шедшую впереди меня женщину. *Та* оглянулась».

Они вежливости по отношению к одному лицу в литературном языке не принято.

Ввиду того, что третьи лица во фразе возможны в большом числе и в винительном падеже не различается средний род от мужского и одушевлённость от неодушевлённости, употребление этого местоимения зачастую может угрожать неясностью; ср. «И *он* с ненавистью слушал басистый глупый хохот Ермолаева на шутку Ляхова и вспоминал, что этому самому, когда *он* в прошлом году лежал в больнице с воспалением лёгких, *он*, Андрей Иванович, собрал по подписке двенадцать рублей» (Верес., «Два конца»).

Этим вызывается в случаях, где опасность недоразумения становится особенно очевидной, потребность соответствующих уточнений: «Он [Адуев-дядя] сказал жене, что *он* отступается от Александра, что как *он* хочет, так пусть и делает, а *он*, Пётр Петрович, сделал всё, что мог, и теперь умывает руки» (Гонч.).

Ср. с несколько шутливым налётом: «Подумайте только! Человек проповедует [речь идёт о Л. Н. Толстом], что не следует противиться кровожадному «Зулу», пожирающему беззащитного ребёнка: противление было бы грехом, потому что ещё более озлобило бы людоеда. *Ему*,— т. е. проповеднику, а не людоеду,— сперва возражают (Михайловский и др.), а потом перестают возражать и ограничиваются рукоплесканиями. *Он*,— т. е. опять-таки, проповедник, а не людоед,— учит, что если мать засекает своего ребёнка, то единственное, что мы имеем право позволить себе, это подставить разгневанной мегере свою собственную спину. Слушатели не смеются, а продолжают рукоплескать» (Плеханов).

Бывает, что мысль, которая должна принять форму предложения, даётся как бы двумя толчками: сначала называется подлежащее (реже — управляемое имя существительное), а затем говорящий (пишущий) возвращается к нему при помощи или личного местоимения 3 лица или его эквивалента — *тот*... *этот*... Особенно такой

способ выражения распространён в устной речи: «*Пётр Петрович, он всё это, конечно, хорошо знает*»; «*Молодёжь, она готова к такой борьбе*»; «*Товарищу, тому и в голову не приходило*». «*Буржуа, те и впрямь ничему не научились, ничего не забыли*» (Эренб.); в письменной речи это расценивается как отступление от литературной нормы.

Разговорный язык знает в роли формы, сопровождающей безличные предложения как части диалога, как продолжение какой-то другой мысли и под., словцо **оно**. «Тому по секрету, другому по секрету — ан *оно* и *выходит*, словно в газетах напечатано» (Салт.-Щедр.). «*Оно кажется, страшно жить в таких условиях, а им было ничего, — жить можно было*» (Л. Толст.).

Значение указательной частицы, по существу утратившей связь с формами склоняемого местоимения, представляет **его** при вопросительных словах во фразах: «*Что его делать?*» «*Куда его деваться?*» «*Кто его знает, зачем он это делает?*»

Для славянских языков характерны конструкции вроде — **мы с ним, мы с тобой, они с ним** в значении «я и он», «я и ты», «они и другой». «Левин старался понять и не понимал и всегда как на живую загадку смотрел на него и его жизнь. *Они* были дружны с *Левиним...*» (Л. Толст.).

Выражение лица или предмета владельца (чей?) в русском языке морфологически различно для 1 и 2 лица (**мой, твой, наш, ваш**) и вопросительного местоимения — **чей?**, с одной стороны, и 3 лица и существительных — с другой (*его, её, их, сына, товарища* и под.); *Чьё место? — Моё ..., ваше ..., но: ... его, ... товарища Н.*¹. Поэтому русский синтаксис вполне допускает сочетания: «*И его и моё* смущение в сарае, когда я спрыгнула к нему, вспомнилось мне» (Л. Толст.); «*труд её и ваш*»; «*работа моя и товарища М.*»; «*Перестрелка за холмами. Смотрит лагерь их и наш. На холме пред казаками Вьётся красный делибаш*» (Пушк.). «*Еремей Нагайцев шёл впереди, неся двойной груз: свой и Нади*» (Коновалов).

Употребление родительного падежа личных, анафорического и возвратного местоимений сравнительно с именами существительными ограничено случаями глагольного управления (непосредственно-глагольного или с отрицанием): *Я не знаю вас, боюсь его*; при именах же (отглагольных) мы его находим, и то не часто, исключительно как родительный объекта: *Вызов меня к больному. Воспитание вас в духе коллективизма. Подбадривание себя.*

Личные и анафорическое местоимения не допускают при себе согласования с прилагательными, помимо сказуемых и отдельных местоименных слов (*сам, весь, оба*), иначе, как с более или менее

¹ «Ихний» в литературном языке, вообще говоря, не допускается. «Ихний» можно встретить теперь только у писателей, «играющих» словом, напр.: «Это их суровые колонны. Это *ихней* кровью распалённой Пышет бантом красная кора» (А с е е в). Тонко принадлежность *ихний* к просторечию использует Л. С о б о л е в в первой главе «Капитального ремонта».

выразительными чертами ритмомелодического обособления: «...Чтоб всё, чего желал так жадно И так напрасно я, живой, Не улыбнулось мне отрадно Над гробовой моей доской» (Н. Добролюбов). «Он, весь обвеянный степным ветром, с ружьём наизготовке, говорил всем существом о том, что перед ним уже въявь встало новое» (Н. Степной).

Искусственное преодоление этой особенности языка имеем у А. Блока: «Ты подходил к стеклянной двери И там стоял в саду, маня Меня, задумчивую Мэри, Голубоокою меня».

Очень своеобразный синтаксический продукт представляют винительные падежи *его, её*, их при *пусть* как частице в составе повелительной формы 3 лица: *Пусть его делает, что хочет* = «пусть он делает...». «Он думал про себя: «Пусть их (=они) интригуют..., пусть их дарят золотые ножницы» (Дост.) Ср. происхождение *пусть* из «пусти» с управлением винительным падежом.

В о п р о с и т е л ь н ы е *кто?* и *что?* допускают необособленное несказуемое согласование с собой только слов *такой, другой, иной*. В косвенных падежах у *что* сочетаемость возможна и с другими прилагательными, но и она представляет собою явление малораспространённое: «Чему хорошему он научил тебя?».

Природа в о п р о с и т е л ь н ы х местоимений заключает ряд черт, особенно любопытных по своему синтаксическому влиянию. Отметим прежде всего морфологическую несоотнесенность многих форм спрашиванья с формами высказыванья: «Рабочие отправились *на завод*» (к у д а?) — предлог и косвенный падеж существительного имеют своим соответствием вопросительную форму только наречную. «*На заводе* шла усиленная работа» (не «на чём?», а г д е?). «Человек *строгих правил*» (не «чего?», а к а к о й?), Ср. и сказанное выше относительно «чей».

Далее, очень часты случаи, когда хотя и возможны морфологически одинаковые с формами высказыванья формы спрашиванья, но фактически наречные формы спрашиванья преобладают над именными: «*Как* вы выкачали отсюда воду? — *Насосом*». «*Откуда* вы это узнали? — *Из самых надёжных источников*». — «*Как* тебя зовут? — спросил я. — *Улитой*, — проговорила она, ещё более понуриив своё печальное личико» (Тург.).

Большое синтаксическое значение имеет факт дефектности форм спрашиванья по сравнению с формами высказыванья. Не говоря уже о том, что русский, как и большинство языков, не имеет соответствующих местоимений-глаголов, развитие именных форм высказыванья явно опережает в языке местоименные отложения — формы спрашиванья, ему принадлежащие: *Институт имени В. И. Ленина* (нет формы спрашиванья, на которую прямым ответом было бы «имени»; «какой?») оставляет синтаксический момент достаточно неопределённым); *человек строгих правил* («чего?») не соотносительно с формой родительного падежа этого значения).

Некоторое синтаксическое значение имеет, далее, ограниченность *кто?* названиями лиц (по отношению, напр., к животным

иногда употребляется *ч т о?*) и сочетаемость его с мужским родом ед. числа и относительно понятий женского рода и относительно множественного числа: *Кто это сделал?*

Из форм спрашиванья всё более выходит из употребления в русском языке специфическая форма прилагательных-сказуемых *каков, -а, -о?*, уступая место форме, обычной теперь и для определений и для сказуемых — *какой, -ая, -ое?*, — лишний момент, способствующий введению в сказуемые членных форм знаменательных прилагательных. Параллельна судьба указательного *таков, -а, -о*, вытесняемого всё больше формами *такой, -ая, -ое*. Ср. у старых писателей: «*Таков и ты, поэт!*» (Пушк.). «*Как все московские, ваш батюшка таков...*» (Гриб.). «*Зачем же они сходятся, если они таковы?*» (Гонч.).

Многие слова, которые употребляются в роли вопросительных, могут, при соответствующей интонации, выступать как *с п е ц и а л ь н о - в о с к л и ц а т е л ь н ы е*: «*Какой простор!*» «*Как жадно взор мой старался проникнуть в дымную даль!*» (Лерм.). «*Превосходная должность — быть на земле человеком! Сколько видишь чудесного, как мучительно-сладко волнуется сердце в тихом восхищении перед красотой!*» (Горьк.). «*Сколько горячих идей, сколько обширных планов, сколько восторженных порывов рушится при одном взгляде на равнодушную, прозаическую толпу, с презрительным индифферентизмом проходящую мимо нас! Сколько чистых и добрых чувств замирает в нас, из боязни, чтобы не быть осмеянным и поруганным этой толпой! А с другой стороны, и сколько преступлений, сколько порывов произвола и насилия останавливается перед решением этой толпы, всегда как будто равнодушной и податливой, но в сущности весьма неуступчивой в том, что раз ею признано*» (Доброл.).

С этой их функцией не следует смешивать вопросительные местоимения в риторических вопросах (т. е. таких, которые имеют стилистическую установку и не рассчитаны на ответ): «*Под небом сладостным Италии моей скитаяся, как бедный странник, Каких не испытал превратностей судеб? Где мой челнок волнами не носился? Где успокоился? Где мой насущный хлеб Слезами скорби не кропился?*» (Батюшк., «Умиравший Тасс»). «*Кому не любя на плечах голова? Чьё сердце в груди не сожмётся?*» (А. К. Толст.). «*Кто из людей нашего общества, сознающих в себе живое сердце, мучительно не задавал себе такого же вопроса? Кто не признавал жалкими и ничтожными все те формы деятельности, в которых проявилось, по мере сил, его желание добра. Кто не чувствовал, что есть что-то другое, высшее, что мы даже и могли бы сделать, да не знаем, как приняться надобно?*» (Доброл.).¹

Кто? не имеет множественного числа и потому согласуется со сказуемым в единственном, но если в зависимости от него на-

¹ Практика в таких случаях знает нередко замену вопросительного знака восклицательным.

ходится с предлогом из форма родительного падежа множественного числа имени существительного, в сказуемом возможно множественное число: «*Кое-кто из наших писателей очарованы музыкой этого языка и стараются ввести его в нашу литературу*» (Гладков). Сказуемое могло бы стоять и в единственном числе.

Из характерных функций местоимений *кто* и *что* заслуживают ещё быть отмечены их значения разделительное, усилительное и неопределённое.

Разделительное значение *кто* и *что* получают при сопоставлении двух предложений с повторением этих местоимений в начале каждого: «*кто* в лес, *кто* по дрова», «*что* вчера, *что* сегодня — одно и то же».

Усилительное (при удвоении) принадлежит им в выражениях типа: «*Кому-кому*, а тебе это должно было быть известно»; «*Чего-чего* только нет на этой ярмарке!»

В функции неопределённых местоимений *кто* и *что* выступают в предложениях вроде: «Если *кто* (=кто-нибудь) заявит об этом...»; «Если вам *что* (=что-нибудь) понадобится...»

Какой и **такой** в русском языке (наряду с **самый** и **весь**, см. ниже) — единственные прилагательные, выполняющие функции согласуемых с прилагательными знаменательными: *какой умный, такой хороший* и под. При несклоняемых прилагательных-сказуемых выступают обычные наречные формы: *как умён, как хорош, как рада*; но если в роли сказуемых оказываются членные формы, конструкции с **такой** не изменяются: «Вы *такой добрый, ласковый*» (ср.: «Вы так добры, ласковы...»).

Определительное **самый**, **-ая**, **-ое** употребительно как подчёркивающее слово (— «именно») при **этот**, **тот** (стоит после них) и согласуется с ними. Аналитическую форму в смысле превосходной степени оно образует с знаменательными прилагательными положительной степени: *самый счастливый, самый трудолюбивый* (ср. *счастливейший, трудолюбивейший*, однако, обычно со значением несколько отличным: *счастливейший* значит «очень счастливый»; *самый счастливый* — «наиболее счастливый»). С формами на **-ший**, **-ая**, **-ее самый**... сочетается тогда только, если этим формам принадлежит одновременно значение сравнительной степени: *самый лучший, самый меньший* (но неправильно сочетание «самый красивейший»).

Весь, **вся**, **всё**, наряду с типичными для прилагательных синтаксическими отношениями, выступают как тяготеющие к прилагательным, более или менее предикативно (сказуемо) подчёркнутым, или глаголам (и формам, входящим в систему глагола): «Комната эта была *вся освещена* и глядела олицетворением девственного праздника Мани» (Леск.). «Он опять смотрел, как *такой же кораблик, весь наклонившись* на бок, летел, как птица» (Корол.). «Уж верба, *вся пушистая*, Раскинулась кругом» (Фет).

Продукты синтаксического перерождения, получившие значение примыкающих членов, представляют **всё**, **что** («почему?»)

и что-то в таких, напр., фразах: «*Всё шире, всё шире, всё шире* Развёртывается прибой» (М. Волош.). «С этих пор [он] *всё думал* об этой девушке» (Корол.). «Опять появились далёкие огни над рекой, но теперь они взбирались *всё выше*, подбегали *всё ближе*, заглядывая в вагон вплотную» (Корол.). «*Что, дремучий лес, Призадумался, Грустью тёмною Затуманился?*» (Кольц.). «Матвей Дышло заметил прежде всего, что волна... *что-то слишком бела* в темноте, павшей давно на небо и на море» (Корол.). «Только улыбка его была *что-то уж слишком тонка*, зубы выставлялись *что-то уж слишком жемчужно-ровно*, взгляд был *что-то уж слишком пристален*» (Дост.). «Нет! По-моему, не то... *Что-то слишком похоже* на алгебраическую формулу» (Гладк.).

Своеобразную функцию выполняют указательные частицы **это** и **то** как своего рода подлежащее, вносящее значение нерасчлennного впечатления, по отношению к которому сказуемым является или имя существительное, или даже целое предложение: «*Что это (такое)? — Это человек*», или «*Это летит аэроплан*». «Сначала ему показалось, что *это маленький игрушечный кораблик запутался между снастями того парохода*, на котором они сами плыли» (Корол.). «А Лозинский думал про себя, что *это, должно быть, уже американцы*» (Корол.). «В темноте опять замигала знакомая сигара: *это был Истомин*» (Леск.). «Под домами грохот, тысячи огней: *это строят метро*» (Эренб.). Ср. подобное употребление **то**: «Слышишь ржанье по долинам? *То табун несётся рысью*» (Фет).

Оба способа одновременно — в «Песне о Буревестнике» Горького: «— Буря! Скоро грянет буря! *Это смелый Буревестник гордо реет между молний* Над ревушим гневно морем, *То кричит пророк победы: «Пусть сильнее грянет буря...»*

Распространена форма **это** также в роли частицы, связывающей подлежащее со сказуемым — именем существительным: «*Бетон — это замысел* нашей рабочей постройки, Работою, подвигом, смертью вскормлённый» (Гастев). «*Сталь — это воля* труда, вознесённого снизу к чуть видимым верхам» (Гаст.). «Надо помнить, что *учитель — это центральная фигура* в борьбе за всеобуч...» («Изв.»). Ср. и: «Артамонов всем существом своим чувствовал, что *это не настоящие люди*» (Горьк.).

Такое **это** может связывать и предикативно объединённое приложение: «На этом пути я, однако, замечаю в себе одно *постоянство* — *это всё большее и большее приближение к простоте языка...*» (Пришв.).

На границе семантики и синтаксиса находится употребление так называемого стилистического (интимизирующего) **этот...**, **тот...** (устар. **сей...**). Местоимение в этом случае сообщает не указательное значение, а значение какой-то эмоционально подчёркнутой известности предмета, с названием которого согласуется: «Люблю воинственную живость Потешных Марсовых полей... Лоскутья *сих* знамён победных, Сиянье шапок *этих* медных, Насквозь простреленных в бою!» (Пушк.). — «Лизавета Ивановна выслушала

его [Германа] с ужасом. И так *эти* страшные письма, *эти* пламенные требования, *это* дерзкое упорное преследование, — всё это было не любовь» (Пушк.). «*Эти* вечерние часы в неподвижной чаще листьев, *это* скольжение от одного пятна к другому, *это* прислушивание к вздрагивающим городским шумам, — всё это незаметно покорило нас навсегда» (Федин). Стилистическое *этом...*, в отличие от указательного, не предполагает предварительного упоминания лица или предмета, о котором идёт речь.

Относительно большую роль играет местоимение *это* как усиленная частица при вопросительных местоимениях во всех падежах и наречиях: «*О чём это* вы задумались?»; «*Кому это* об этом говорил он?»; «*Куда вы это* идёте?»

Как одна из особенностей синтаксиса местоимений заслуживает внимания слабая способность местоимения третьего лица (анафорического) быть отсылаемым к таким, как *это*, *всё* и под. Поэтому необычно звучат фразы: «*И это* непременно обойдёт весь город, и все смертные, сколько их ни есть, наговорятся непременно до сыта и потом признают, что *это* не стоит внимания и не достойно, чтобы о нём говорить» (Гог.). «Проходит *всё*, и нет к нему возврата» (из стар. романа).

Специальную функцию, чаще всего, неизменяемого сказуемого приобрела в вопросительных и восклицательных предложениях форма *что за?*.. (*что это за?*). «*За*» — здесь частица, а не предлог, так как не управляет косвенными падежами; за нею следует обыкновенный именительный падеж как часть сказуемого состава: «*Что он за человек?*» Подлежащее — «он»; *что за человек* — сказуемое. «*Что за радость* подняться на верх этой кованой башни!» (Гаст.). «*Что это за прелесть* эта крошка Вероника!» (Леск.)¹.

С точки зрения синтаксической заслуживает внимания формальная особенность местоимений-существительных личных и *кто* при предлоге *по*: в отличие от имён существительных знаменательных *по* управляет этими местоимениями в предложном падеже. Восток о в, как отмечено Чернышёвым («Правильность и чистота...», стр. 223—224), считал в этом случае дательный падеж вовсе неупотребительным. «Однако, — как заме-

¹ Оборот этот многие считают заимствованием из немецкого — was für ein (ср., напр., Шахматов, «Синтаксис русского языка», § 153). Обоснованные сомнения относительно справедливости такой догадки даже для чешского языка высказаны Эртелем (Ср. Indogerm. Jahrbuch, X, 375).

Что за — цельное сочетание, допускающее разрыв обыкновенно только местоимениями *это*, *я* и под. Не более как поэтическую вольность представляют у Брюсова сочетания: «В час, когда устанет тело И ночлегом будет хлев, Мне под кровлей закоптелой *Что приснится за напев? Что восстанут за вопросы*, Опьянят что за слова, В час, когда под наши косы Ляжет влажная трава?»

В разговорно-свободном употреблении возможны, однако, случаи вроде: «*Что её за* положение теперь! Вдова — не вдова, и не девушка, и свободы нет» (Бобор.); «А она, видно, так и дни свои кончит, не узнав, *что такое за счастье*» (Бобор.).

чает Чернышёв, — обороты с дательным при местоимениях тоже встречаются, особенно во множественном числе...»

Примеры управления по предложным падежом: «... Когда всякую секунду мог быть *по нас* залп подкрававшихся татар...» (Л. Толст.). «И путь *по нём* широкий шёл...» (Пушк., «Обвал»). «...Покорная во всём его [Волынского] воле, она [Мариорича] была даже раба его взора — *по нём* была весела или скучна...» (Лажечн.). «Над газетой было видно что-то вроде лоснящегося страусового яйца, и *по нём-то* я узнал защитника алжирских людоедов, ехавшего со мной в вагоне» (Герцен). «Сынки тоже пошли *по нём*» (Писемск.). «...Обрётся тосковать *по нём* всю жизнь» (Малышк.). «Бледный, бледный луг цветущий, Мрак ночной *по нём* ползущий Отдыхает, спит» (Блок). «В ней [Елене, — героине «Накануне» Тургенева] сказала та смутная *тоска по чём-то*, та почти бессознательная, но неотразимая потребность новой жизни, новых людей, которая охватывает теперь всё русское общество...» (Доброл.).

За последнее время, однако, всё более в случае с местоимением он распространяется дательный падеж: *по нему*; а *по чему* теперь вообще является правилом¹. Ср.: «Роман «Евг. Онег.» писался с 1823 по 1831 г., так что *по нему* можно было бы проследить движение пушкинского языкового творчества» (А. С. Орлов). «Панова: Ну, нет! У меня тоже большой счет. Я *по нему* желаю получить» (Тренёв). «Если бы Мешков пустил сейчас *по нему* дубинкой, её было бы трудно потом отыскать» (Федин).

При *мы, вы* такое употребление грамматикой не допускается: «Аул шумел погоней, Пальба *по ним, по нам*» у Н. Тихонова («Тишина») следует считать погрешностью, вызванною влиянием предшествующего «*по ним*».

Хуже: «Она [буря], как шило из мешка, Ударила *по нам*» (Тихонов) — рифма выще: «... К спокойным нашим снам»².

5. О ТИПАХ БЕСПОДЛЕЖАЩИХ И БЕССКАЗУЕМНЫХ (ОДНОСОСТАВНЫХ).

Минутя случаи опущения подлежащего, ясного из контекста или ситуации³ (синтаксически наиболее характерны из них формы повелительного наклонения 1 и 2 лица в их основной функции),

¹ По чём теперь, кроме фразеологизма — *По чём вы это знаете?* и под., звучит архаично: «*По чём* узнаётся присутствие грамматической формы в данном слове» (Потебня). Современному употреблению соответствует: «И правда — команды иных судов, пользуясь случаем, прихватывали в кавказских портах то, *по чему* голодал Севастополь» (Малышк.).

² О стилистическом употреблении местоимений см. статью А. Н. Гвоздева «Стилистическая роль местоимений», — Русск. яз. в школе, 1950 г., № 6.

³ Не останавливаемся и над теми типами, которые Д. Н. Овсянников Куликовский («Синт. русск. яз.», изд. 2, стр. 193) называет «относительно-бессубъектными», — такими, при которых вопрос *кто? что?* (как им. падеж) «возможен, но ненужен, неуместен». Пешковский («Русск.

мы вступаем в относительно богато представленную область так называемых **безличных (бессубъектных)** предложений.

Безличные глагольные предложения с формами 3 лица ед. числа и с признаком среднего рода в прошедшем времени представлены:

1) малочисленной группой слов, употребляющихся только по отношению к явлениям природы и чувствований: *вечереет, светает*¹, *разъяснило* (о погоде), *смеркается, тошнит*;

2) многочисленными личными глаголами, вносящими с большей или меньшей яркостью значение стихийности действия;

3) образованиями на **-ся** от любого глагола, у которого личные формы не оканчиваются на **-ся**. Логический субъект действия таких глаголов, если назван, стоит в дательном падеже: *хочется, дремлется*. К этой категории относятся, однако, и такие, которые не имеют рядом с собою глаголов без **-ся**: *неможется, нездоровится* и под. Оттенок, характеризую-

сint.», гл. XV) называет их «неопределённо-личными» и «обобщённо-личными». В их состав входят конструкции: 1. «В городе *говорят...*». «*Распустили слух...*». «Несколько голов подымается над толпой: это *привстают* на цыпочки, чтобы лучше расслышать и рассмотреть моряка» (Федин). 2. «На всех *не угодишь*». «Что тут *будешь делать?*» — тип, при котором появляется ты в значении неопределённого лица; возможно здесь и множественное число. 3. «Ребят наших бояться не нужно — это они на вид злые, палец в рот *положи* — откусят» (Фадеев). «Спорит, грубиянит, а дела *не спрашивай*» (Гонч.). Появление формы мн. ч. здесь тоже возможно.

С приведёнными примерами ср. фразы, где второе лицо присутствует: «В какую бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову, и *ты не думай* сопротивляться, — силён, дескать, и ловок, как бес...» (Тург.). «Шумят, снуют приводы, Куда *ты ни взгляни*, И тянется основа, как жизненные дни» (Шкулёв).

К относительно-бессубъектным, при желании, можно причислить и те случаи, упоминаемые далее, где на вопрос **что?** как подлежащие отвечают инфинитивы: «Речью неискусной *занять* ваш ум мне *не дано*» (Лерм.). «Александру *мучительно было слышать* эти слова» (Гонч.). «*Трудно*, мне кажется, *придумать* более унижительное положение, чем то, когда работник вынужден часами, а иногда и днями, выстаивать у ворот фабрики или завода в ожидании, когда угодно будет капиталу принять его труд» (Свирск.). «Мне *было и смешно и противно видеть* все эти дедовы фокусы, а бабушке — только *смешно*» (Горьк.). «Правду говорят, что *хвалить мудренее*, чем бранить» (Белинск.). «*Шить* на мёртвых — *не трудное дело*, Нам *желательно шить* на живых» (Некр.). «Как *весело гореть* таким огнём! Но *тяжело терять* напрасно годы, *Жить* завтрашним или вчерашним днём И счастья *ждать*, как узники — свободы» (Тург.). «Кто, не борясь и не состязаясь, Одну лишь робость усвоил, Тот не игрок, а досадный заяц: *Загнать* его — *дело пустое*» (Тихон.). Ср. особенно интересные сочетания с *значит, значило*, вводящими инфинитив: «*Отказаться значило прослыть* трусом» (Пришв.). «Такому *жениться* на Миловановой — *значило восстановить* утраченное к самому себе уважение» (Леон.). Синтаксически сродни им и тип с числовыми и под. «подлежащими», — см. выше.

¹ «Уж поздно. *Вечереет* день» (Тютч.). «Глядит — и *день светает*» (Крыл.) — сочетания, вышедшие теперь из употребления.

щий большинство подобных образований, как отмечает Пешков-Ский, — «лёгкость действия», или, может быть, лучше было бы сказать, «наплывность» его.

Стоит внимания, что некоторые из глаголов данной группы колеблются между ролью безличных и личных: таковы, напр.: *кажется, мерещится, видится* и др.

Пример первого типа: «Но *смерклось* — над стеною чёрной Горят извивы облаков» (Фет).

Примеры второго типа: «Из поля и из саду *тянет* восхитительной свежестью» (Писемск.). «Дохнул сентябрь — и георгины Дыханьем ночи *обожгло*» (Фет). «С грохотом упала вниз дверца сварочной печи. Из неё *брызнуло* нестерпимо-горячим, ослепительным светом» (В. Плетнёв). «Я и думать забыл про холодную ночь — До костей и до сердца *прогрело*» (Фет). «Михейку по сердцу *резнуло* словно серпом» (Чапыг.). «И тотчас — по этому сигналу — иголочко *просверлило* тьму огоньком следующего тральщика, за километр; и когда *погасло* там, *блеснуло* ещё дальше» (Мальшк.). «Мост сжимается. Невским течением Меня *несло, Несло и несло*» (Маяковск.). «У Зинки *засосало* под ложечкой — не понимала она, о какой это ненужной правде Маркел говорит» (Панф.).

Примеры третьего: «Коробейникам *не пелось*: Уж темнели небеса, Над болотом *засинелось*, Понависнула роса» (Некр.). «Странное спокойствие было в груди, сердце билось ровно, и *думалось* о простых вещах» (Горьк.). «В приёмной мне *пришлось* долго ждать, пока пришёл мастер механической мастерской» (Свирск.). «Ей страстно *захотелось* сада, темноты, чистого неба, звёзд» (Чех.).

Ясно, что группа личных глаголов, употребляемых безлично, по степени утраты подлежащности занимает собственно промежуточное место между типами с относительной субъектностью и типами с бессубъектностью полною: нельзя сказать, чтобы вопрос о лице, производящем действие, не имел бы по отношению к ним смысла, но даже такое подлежащее, как *что-то* (ср.: «Там *что-то* глухо *вдыхало, рокотало, хрустело* и *постукивало*» (Гладков) было бы при них неестественно. Изредка только встречаем случаи, которые уже не приходится причислять к примерам безличности, а только неопределённости, — где неизвестное подлежащее ищется. Прекрасный пример такой граничащей с безличностью конструкции приводит Овсянко-Куликовский (стр. 197): «И представьте вы себе... только что я задул свечу, — *завозилось* у меня под кроватью. Думаю: крыса. Нет, не крыса: *скребёт, возится, чешется*... Наконец ушами *захлопало*» (Тург., «Собака»). Сходный случай: «В папоротнике шумно *зафырчало*; путаясь крыльями, вылетел тетерев, тенью пронёсся перед звёздами» (А. Н. Толст.). Ср. ещё у Фета, едва ли не лучшего мастера оттенков безличности и родственных ей стилистических эффектов: «*Прозвучало* над ясной рекою, *Прозвенело* в померкшем лугу, *Прокатилось* над рощей немою, *Засветилось* на том берегу» («Вечер»).

Другие типы безличных предложений имеют сказуемые с морфологически не выраженной глагольностью, выступающие определённо в прошедшем и будущем времени и сослагательном наклонении (если вспомогательный глагол не от «быть» и «стать», то глагол имеем и в настоящем времени). Сюда относятся:

а. **Наречные сказуемые** (с возможным дательным падежом логического субъекта). Такими сказуемыми бывают из наречных только формы на -о и образования сравнительной степени: «Чёрной живой рекой двигались люди в жёлтобуром тумане наступающего утра. *Было холодно и мокро*» (Свирск.). «Ветер. В лесу одному *Шумно, и жутко, и грустно, и весело*» (Фет). «На воде всё больше серебряных пятен от лунных лучей...» (Горьк.). «И ещё *тревожнее, ещё покинутее стало*, когда во взводе показался Герасименко...» (Мальшк.).

б. **Неизменяемые сказуемые слова**: **можно, жаль и под**. Сюда же входят отрицательные местоимения-сказуемые: **некогда, неотчего, незачем, нечего и под.**: «*Жаль и Кати*», шепнул Аркадий в подушку, на которую уже капнула слеза» (Тург.). «Мне *стало жаль* Баркляя, и я подумал: «Вот жертва счастья, которое несправедливо даже к своим избранникам» (Голубов, «Багратион»). «...Думать — *лень*, А с губ согнать улыбку *невозможно*» (Тург., «Андрей»). «Много *надо* рук упорных, Чтоб из глыб слепых и чёрных В наших домнах, в наших горнах Полосой сверкнул металл» (Е. Тарасов). «*Надо* только тихо, затаив дыхание, *подкрасться* к дальнему углу избы, где сугроб срастается с венцами, и долго прислушиваться» (Гладков). «Этот крик длился страшно долго, и ничего *нельзя* было понять в нём...» (Горьк.). «Начались повторения. Желать и испытывать было *нечего*» (Гонч.). «Всё *должно* делать хорошо, и хвалить при этом *не за что*» (Плетн.). «Страшно легко и просто подчиняться Кутузову. *Не за что* *запнуться* на гладком пути сношений. *И спорить не о чем*» (Голуб.).

Среди подобных сказуемых слов интересна категория синтаксически переродившихся имён существительных, согласуемых не в соответствии со своим первоначальным грамматическим родом, а с формой среднего рода вспомогательного глагола в прошедшем времени. Сюда относятся такие слова, как **пора, охота, лень, недосуг, смех, грех** и др.: «...Каждый час его жизни был взвешен, Вечно *было* ему *недосуг*» (Некр.). «Не пугай нас, милый друг, Гроба близким новосельем: Право, нам таким бездельем *Заниматься недосуг*» (Пушк.). «Но я без страху жду довременный конец; Давно *пора* мне мир увидеть новый» (Лерм.). «*Пора было* Палтусову и откланяться» (Бобор.).

Тип с формами, совпадающими с краткими прилагательными среднего рода, естественно, менее чётко как безличный из-за возможности при нём подлежащего **что?** Безличность тем выразительнее, чем меньше такие совпадения: ср. *возможно* (при «возможен» и под.), но *можно*, не имеющее при себе прилагательного. **Примеры**: «...Они разговаривали так дружески, так симпа-

тично, — ему показалось, что им вовсе его *не нужно*» (Герцен). «Мне *нужно* было сделать предохранительный клапан с передаточной трубкой для локомотива» (Свирск.). «*Нужно* знать, что даром не даётся Над тёмной жизнью власть...» (Самобытник).

Далее характерны как типы безличности:

Личные непереходные глаголы с *не*, управляющие родительным падежом, обычно с *ни*: «...Изредка только замечали горцы, что по горам мелькает чья-то длинная тень, а небо ясно, и *тучи не пройдёт* по нём» (Гог.). «Ни Давыдова, ни Размётнова, ни одного из бригадиров не было около амбаров» (Шолох.). «Подходи! — *Охотников что-то не находилось*» (Шолох.). «В смущенье он побрёл по берегу, но нигде *не было ни души, не слышалось ни единого звука*» (Телеш.).

Сродни им конструкции с *нет*. Ср. — с отсутствующим *нет*: «...И во всю ширь этого поля, залитого лунным светом, тоже *ни движенія, ни звука*» (Чех.). «*Ни ветра, ни неба, ни путеводных звёзд* на нём, и лишь где-то по верховьям елей гудит и плещется апрель» (Леон.).

Страдательные формы на *-но, -то* с отрицанием и возможным при них родительным падежом объекта: «*Не сказано лишнего слова, наружу не выдано слёз*» (Некр.).

Эти же формы на *-но, -то* в конструкциях, где в качестве непосредственного объекта возможен только родительный падеж, зависимый от количественного понятия: «На взгляд он был человек видный, черты лица его не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, *чересчур было передано сахару...*» (Гог.). «*Хоть немало им прожито лет, Да немало испытано бед...*» (Полонск.). «Скоро уж на разъезде и доску приколотили с объявлением, что *народу набрано с избытком...*» (Леон.). «Успокойся, а ухо ловит, — будто вдалеке, в доме за бревенчатыми стенами кто-то плачет... *Много было передумано за эти ночи*» (А. Н. Толст.). «*Так много отдано поклонов, Так много жадных взоров кинута В пустынные глаза вагонов*» (Блок.). — Ближе к личным упомянутые сочетания с инфинитивом: «О чём же вдруг так мило, так лукаво Она смеётся? Я б ответил, но Мне женский смех *постигнуть не дано*» (Тург.). «Мне *видеть не дано*, быть может, Конец, чуть блещущий вдали...» (Брюсов). (Но ср. сказанное на стр. 327).

Винительный падеж объекта при формах на *-но, -то* в русском не возможен¹, и это заставляет понимать сочетания со средним

¹ Как исключительный случай, Пешковский приводит (стр. 420) пример из И. Крылова: «Советов *тысячу* надавано полезных», но вес даже этого примера ослабляет то, что в винительном падеже здесь поставлено название числа, а синтаксис именно числовых названий, что касается различения именительного — винительного, наименее устойчив (ср. и морфологическую невыразительность *сколько?*). Интересно сравнить — у Крылова же: «Найдётся *тысячу* несчастных от неё [надежды] На одного, кто не был ей обманут...» («Пастух и Море»); «...Под дворовым участком..., наверное, *отыщется сажень тысячу*» (Салт.-Щедр., «Губ. очерки»).

родом ед. числа только как личные обороты: «Да что? — давно уж сердце вынута» (Блок) вполне параллельно тому, как если бы стояло «сердца вынуты» и под. «Обаяние, которое придано было этой новой силе — золотому мешку, начинало зарождалось даже страх в иных сердцах...» (Дост.), — *которое* — здесь именительный падеж.

В словах *нет, некуда, некогда, незачем, некого (некому...), нельзя* мы имеем своеобразные сказуемые. *Нет* (устарелое просторечное *нету*) = «не имеется» связывается с прошедшим временем — *не было* и будущим — *не будет*; употребляется только безлично и управляет, как вообще различные глаголы с отрицанием, — родительным падежом: «У них *не было* определённых часов работы». — «Ладить с Романом Прокофьевичем *не было* никакого средства» (Леск.)¹.

Нельзя (обычно с инфинитивом) является способом выражения..., антитезирующим утвердительному *можно* (*льзя* вышло из употребления уже в начале XIX века): «Ну вот, к чему нам вдруг понадобилось женить этого Беликова, которого даже и *вообразить нельзя было* женатым?» (Чех.).

В функции не входящего в синтаксические связи отрицания *нет* образует смысловую антитезу к эквиваленту предложения «да»: «...Недаром тёмною стезёй Я проходил пустыню мира. *О, нет*, недаром жизнь и лира Мне были вверены судьбой» (Пушк.).

Некогда в смысле «нет времени» равняется «не (старинное нѣ) + когда». Ср. и *некуда, негде* и т. д. Сказуемая роль этого «не» особенно ясна в параллельных выражениях, вроде: «...*Но выпить было не на что*» (Корол.), иначе — «не было на что выпить»; *не у кого спросить* = «нет у кого спросить»; ср: *не у кого было спросить* (= не было у кого спросить) и под.

Специальная особенность безличных оборотов в разговорной речи — местоименное словечко *оно* (о нём см. выше, стр. 320)².

В функции, эквивалентной сказуемым, для выражения ярких оттенков наклонений, т. е. личного отношения к действию, о котором идёт речь, напр., для выражения долженствования, решительности, обязательности действия, выступают инфинитивы:

«В комнатах — не подметено, с окон содраны ситцевые занавески. Завтра *переезжать* в город! (Чех.), — «нужно переезжать, предстоит переезжать» и под. «*Встать и бежать... Бежать* в лучах луны По зелени, росистой, изумрудной На выси гор...» (Брюс.). «*Пить!* Прежде всего *пить* студёную оживляющую влагу» (Сейф.);

¹ Книжным в русском языке при отрицании является только оборот *нет*; «не имею» и под., хотя и вошло в литературный язык как продукт иностранного влияния (латинского, немецкого), носит на себе черты определённой книжности.

² Из новой литературы о безличных предложениях — Е. М. Галкина-Федорова «К вопросу о безличных предложениях», — Русский язык в школе, 1947, № 2.

со значением категорического приказа: «Прекратить разговоры!», «Не плевать на пол!» и под. «К о ш к и н: Веди! товарищ Яровая, караулить и держать связь!» (Тренёв).

Ср. и эмоционально окрашенные сочетания: *слыхать... не слышал, видать... не видал.*

Форма инфинитива господствует у нас в случаях вопроса, относящегося к первому лицу будущего времени: *Сказать?* (но «Ты скажешь?» «Он скажет?»), т. е. опять-таки для выражения наиболее субъективного оттенка в отношении к действию — оттенка нерешительности (= «могу я сказать?» «должен я сказать?» и под.), и в вопросительных предложениях вообще с чётко выраженными чертами сомнения, большего, чем вообще характерно для них: *Быть или не быть? Пробиваться или отступить?*, или, наоборот, сознания бесцельности действия: ... *К чему лукавить?* (Пушк.). «*Что же делать, если обманула Та мечта, как всякая мечта?*» (Блок). «*Всё это страшно тяжело, но как же иначе быть?*» (Верес.). «*Пошли и они, — не оставаться же на корабле вечно!*» (Корол.). «*Взбухаю стихов молоком — И не вылиться — Некуда, кажется — полнится заново*» (Маяковск.). «*Лет до ста расти Нам без старости*» (Маяковск.).

Мы употребляем, далее, инфинитивы (в связи с личными формами тех же самых глаголов) также в тех случаях, когда хотим сказать о каком-нибудь действии как уже знакомом и выдвинуть в противоположность ему другое действие, которое не осуществляется: *Говорить — он говорит, а делать — не делает. Учиться — он учится — ждёте: а... но... да...* Ср. ещё: «Как вам сказать? — улыбнулась Катерина Александровна: — Мы не богаты, но *нуждаться — я не нуждаюсь*» (Шелл.-Мих.). «Садитесь-ка, Антон Иванович. Да вы все перемокли: не хотите ли выпить и позавтракать? Обедать-то, может быть, поздно придётся: станем поджидать дорогого гостя. — Так разве закусить? А то я уж, признаться, *завтракать-то завтракал*» (Гонч.).

Оттенок наклонения, осуществляемый инфинитивом, может поддерживаться ещё частицей *бы*: «*Почему не поехать бы ей вперёд?*» (Чех.). «*Почему бы не послушать, не внести самому предложения?*» (газ.).

Синтаксически и морфологически своеобразный тип представляют сочетания инфинитивов с *чтобы*, выступающие в случаях, когда *лицо* в главном предложении то же самое, какое должно было бы мыслиться, если бы можно было инфинитив заменить глаголом в придаточном: «*Я никак не мог побороть себя, чтоб не попытаться преодолеть препятствия силою*» (Верес.). «...Он пользовался каждым удобным случаем, *чтобы втиснуть* в мой мозг что-нибудь необходимое» (Горьк.). Но ср.: *Чтобы он мог работать, ему нужно было успокоиться*» (грамматическая безличность главного предложения позволяет в придаточном восстановиться подлежащему и сказуемому). Возможен, однако, и даже господствует и при этом условии параллельный тип: «*Чтобы работать,*

ему нужно было успокоиться». Ср.: «...Внимательному читателю не стоит большого труда, чтобы убедиться в том, что Гамлет — человек чувственный» (Тург.).

Характерен и инфинитив после **чтобы** при смысловой безличности упоминаемого в главном предложении действия: «*Нужен большой навык, чтобы легко и без зацепки ввести трубочку в большую гортань кричащего и испуганного ребёнка*» (Верес.).

Параллельно употреблению при **чтобы** употребление инфинитивов в сочетании **перед тем как, прежде чем**: «...Я с вами тотчас бы сношения пресек, И перед тем, как навсегда расстаться, Не стал бы очень добиваться, Кто этот вам любезный человек» (Гриб.). «*Прежде чем лечь, он послал ещё телеграмму, вызывавшую на завтра мастера Евгения Нилова*» (Корол.).

В условных предложениях безличных инфинитивы выражают оттенки наклонений («можно», «должно» и под.): «*А если сказать правду, то Матвею приходило в голову, что на корабле было лучше*» (Корол.)¹.

К инфинитиву нередко прибегаем мы в речи там, где определённое лицо, совершающее действие, может не быть упомянуто. В зависимой роли инфинитив по смыслу близок к отглагольным именам существительным, — естественна поэтому его пригодность сжимать в себе целые предложения: «*Шутить и век шутить, — как вас на это станет?*» (Гриб.). «*А тосковать, мечтать с самим собой, Беседовать с прекрасными друзьями — С такой смешной, ребяческой мечтой Расстался я, как с детскими слезами...*» (Тург.). «Я никогда не был так самолюбив, как в эту минуту... *Сидеть незамеченным, молча, когда всё кругом лепетало без связи, без смысла, когда она и не воображала, что я один почувствовал её!*...» (Н. Павлов). Или вся вторая часть стихотворения Тютчева «Нет, моего к тебе пристрастья Я скрыть не в силах, мать-земля!» — «*Весь день в бездействии глубоком Весенний, тёплый воздух пить, На небе чистом и высоком Порою облака следить, Бродить без дела и без цели И ненароком на лету Набрести на свежий дух синели Или на светлую мечту*». «*Пётр отмахнулся от мыслей... Но гнев сам рвался в височные жилы... Лишить жизни! Ни зверь, ни один человек, наверно, с такой жадностью не хотел жить, как Пётр...*» (А. Н. Толст.). «*Ликвидировать кустарщину и партизанщину в строительстве, повысить производительность труда, снизить стоимость строительства — эти требования, предъявленные правительством и партией ко всем строителям, относятся в полной мере и к организациям, строящим и школы*» («Изв.»).

Упомянем ещё о роли инфинитива как усилителя глагола в случаях решительного отрицания: *знать не знаю, ведать не ведаю*.

С добавочным признаком времени, даваемым вспомогательным глаголом **было**, инфинитив выступает в предложениях

¹ Возможно здесь и опущение «если»: «На погосте *жить* — всех не оплачешь». «*Поглядет* — так картина, а *послушать* — животина» (посл.).

вроде: «С какой стати мне было лгать и заискивать в них, когда они сами мне протягивали руки и верили мне?» (Тург.). «Что же ещё было добиваться, что это за девица?» (Леск.). «Как было мне тебя не баловать?» (Пушк.).

Реже (устарелые) случаи с **будет**: «Проклятое житьё! Да долго ль *будет* Мне с ним *возиться*?» (Пушк., «Кам. гость»).

Как своеобразный эллипсис (опущение) можно понимать случаи употребления в экспрессивной речи инфинитивов несовершенного вида в значении *начавшегося* и очень долго *продолжающегося* действия: «Я знаю эти капризные натуры: вдохновения нет, сейчас и *беситься*» (Леск.).

Специальный вопрос в теории русского синтаксиса представляют сочетания вроде: «Зубастой щуке в *мысль* *пришло* За коша-чье *приняться* ремесло» (Крыл.). «И с чего вдруг *угораздило* тебя *сказать*?» (Гог.). «*Требовалось*, не медля ни часу, *пустить* по заклёк-лой дернистой верхушке в три-четыре следа бороны, *раздрать* железными зубьями слежалую почву, а потом уже *гнать* по рых-лым бороздам сеялки, чтобы падали поглубже золотистые зёрна пшеницы» (Шолох.). «Зато и дорожит она [перепёлка] своими цыплятами. Ничего не боится, защищая детей. *Убить* её ничего *не стоит*» (Пришв.).

Функционально здесь инфинитивы напоминают существительные в роли подлежащих. Ср., напр., «пришло в мысль» — что *именно?* что «*требовалось*»? Но не все подобные предложения допускают, всё-таки, полное отождествление инфинитивов с подлежащими, так как их сказуемые в ряде случаев являются определённо безличными. Инфинитивы в таких конструкциях следует вернее всего рассматривать как осуществляющие *своеобразную* функцию — выступать носителями особого смыслового содержания, открываемого мыслью (параллель с отношениями подлежащих и сказуемых), — именно при таких глаголах, которые обыкновенно употребляются безлично.

Случай, где в роли сказуемых к инфинитивам выступают глаголы, обычные в качестве личных, производят впечатление нерусских оборотов: «*Быть предметом клеветы унижает* нас в собственном мнении» (Пушк.). «...В самом деле, *наслаждаться* чем-нибудь, как вор краденым, с запертыми дверями, прислушиваясь к шороху, *унижает* и предмет наслаждения, и человека» (Герцен).

Безличные предложения представляют собою особенно широко распространённую форму перерождения двучленности предложения. Другая форма — *устранение* *сказуемых*, вплоть до таких типов фразы, где они становятся вовсе невозможными.

Типы эти мы имеем в *назывных словах* и *словосочетаниях*¹. На первый взгляд, приближаются к ним фразы,

¹ А. М. Пешковский («Русск. синт. в научн. осв.») называет их «номинативными предложениями». Я предпочитаю термина «предложение» в таких случаях не употреблять; ср. об этом «До понятия речения», Наук. зб. Харк. наук.-досл. каф. іст. укр. кулът., 1926, № 2—3, стр. 126—133.

в которых остатки сказуемой части, планирующиеся вокруг именительного падежа, не особенно чётко воспринимаются как зависимые от отсутствующего сказуемого слова: *У сельского совета море голов* (Панф.). «*За полем снежным — поле снежное... Везде молчанье неизбежное. Снега, снега, снега, снега!*» (Брюс.).

Не трудно, однако, вскрыть здесь, что именительный падеж существительного принадлежит к другой части предложения и что сказуемое, и отсутствуя, даёт о себе знать типичными зависимыми от него отношениями.

В первом примере, напр., после «у сельского совета» необходима пауза, — указание на отталкивание от имени существительного; а с другой стороны — именно глаголы и формы, входящие в систему глаголов, обычно сочетаются с предлогами и управляемыми ими падежами такого типа.

Во втором примере — «за полем снежным» — группа, отделённая ритмически (ср. иную ритмомелодику, напр., во фразе «Мы проезжаем за полем поле»); в подавляющем большинстве случаев предлог «за» тяготеет к глагольным формам, и поэтому и тут он укрепляет нас в ощущении, что управляемая им группа относится не к существительному, а к глаголу, который мог бы быть назван. Ещё резче эта направленность в сторону глагола выступает при «езде».

На границе с настоящими случаями бессказуемости стоят ещё такие типы, как указательный со словами **вот, вон**: «*Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек*» (Крыл.). «*Ведь вот же она, та самая дорога, по которой они пришли сюда из «Расеи!»*» (Телеш.)¹, и тип с именем существительным в именительном падеже, в контексте, приобретающем значение или оттенок сказуемого: «*Так они говорили — странноватый разговор для первого разговора между женихом и невестой! — и пожали друг другу руки*» (Чёрнышевск.). «*Нечего сказать, славная задача жизни, отличный пример для ищущего движения ума!*» (Гонч.). «*Ромась, должно быть, понимал это и, человечно-просто открыв предо мною дверь в свою жизнь, выпрямил меня. Незабвенный день!*» (Горьк.). «*Шамурин упрямо и неуклонно шёл по своей линии, без компромиссов и отступлений. Своя и чужая жизнь в жертву делу, в жертву идее искусства. Несчастный старик!*» (Лаврен.). «*Он сел за рояль, неприбранный и небритый, и взял первые такты — «Ни отзыва, ни слова, ни привет...» — Горестное и одинокое вступление!*» (Лидин.) «*...Добрая старушка! она вся принадлежала гостям*» (Гог. «Старосв. помещ.»). «*Ветер свистел в ушах. Вспомнилось выражение Володи: «...обгоняя ветер». Ерунда, конечно. Пустая красивость! Наоборот, ветер прёт навстречу, он не попутный*»

¹ Правда, **вот, вон** могут сочетаться с целыми предложениями: *Вот изумрудный луг, вот жёлтые пески Горят в сиянье золотистом. Вот утка крадется в тростник, вон кулики Беспечно бегают со свистом...* (Фет), — но здесь мы имеем только параллель к развитию сказуемых в целые предложения при *это, то* — см. выше, стр. 324—325.

(Добровольский). «Да, не ошибся я, я дома: *Цветы обоев, цепи книг...*» (Брюс.).

Полную бессказуемость мы находим в таких типах:

а) Называются соответствующие представления или понятия. Со стороны смысловой важно различить типы с именами существительными предметными и существительными отглагольными или обозначающими действия, хотя нередко фразы, где оба типа могут довольно сильно сближаться один с другим:

1. «Тысяча девятьсот шестнадцатый год. Октябрь. Ночь. Дождь и ветер. Полесье. Окопы по болотам, поросшим ольхой. Впереди проволочные заграждения. В окопах холодная слякоть. Меркло блестит мокрый щит наблюдателя. В землянках редкие огни» (Шолох., «Тихий Дон», кн. 2). «Знамена... знамена... знамена... Дети... Цветы... И победные песни» (Дорогойченко). «Наш Ходнырлёт был глыбой стекла, мысли и железа — летавшей, бегавшей, нырявшей. Колёса, плоскости, винты...» (В. Хлебн.). «Размашисто били копыта по сухой дороге. Холмы, увалы, осиновые, берёзовые перелески. Позеленело небо на востоке» (А. Н. Толст.).

2. «Швед, русский — колет, рубит, режет... Бой барабанный, клики, скрежет... Гром пушек, топот, ржанье, стон, И смерть и ад со всех сторон...» (Пушк.). «И голос женщины влюблённый, И хруст песка, и храп коня (Блок). «Взлёт И взмах, Поворот И разбег. Ходит кран, Как живой человек» (Безым.). «Дорога, тряска, толчки, и я открываю глаза» (Панф.). Пробный удар ручника... Низкая песня мотора... Говор железной машины... (Гаст.).

С начала XIX века тип этот, особенно в поэзии, получил чрезвычайно большое распространение. В беллетристике он особенно усилился с начала XX века (напр., в прозе символистов — Л. Андреева и др.).

Разновидность этого типа мы находим также в случаях, когда речь отражает синтаксическую неформленность впечатлений; ср. передачу примитивного сообщения: «Поручик?.. Неизвестно какой, из Рязани, гнедые лошади» (Гог.), и с другой стороны — нарочитое нарушение обычной синтаксической связанности — в поэтическом языке: «А над ней, прекрасен, светел, — Свежий хмель меж кудрей, — юный Дионис» (Брюс.). «Пламя факелов крутится, длится пляска саламандр, Распростёрт на ложе царском, — скиптр на сердце, — Александр» (Брюс., «Смерть Александра») ¹.

Очень искусственное построение представляет, напр.: «Андрей Андреевич читал московскую почту, — круглые очки на твёрдом носу, широко расставленные голубые глаза, холодные и умные» (А. Н. Толст.).

Если, не имея в виду собственно-синтаксических особенностей, считаться с особой мелодикой и тембрами, характерными для по-

¹ По всей вероятности, в литературной его разновидности тип этот представляет галлицизм.

добных сочетаний, то отдельно можно упомянуть именные сочетания в заглавиях, на вывесках и под.: «Начертательная геометрия», «Курс биологии», «Четвёртая поликлиника» и под.

Из других случаев бессказуемости заслуживают ещё быть отмеченными тип с окраской волеизъявления, пожелания и под.: *Счастливейший путь! — Галоп!* «Послушайте, Любовь Александровна: *откровенность, откровенность* раз в жизни, потом, пожалуй, я совсем не буду ничего говорить, даже уеду, если вы хотите» (Герцен). «Приблизьтесь, о друзья мои! *Благоговенье и вниманье!* Певец решил умереть» (Пушк.), и особенно употребительный в придаточных предложениях условия тип с именем существительным, обозначающим действие: «*Если борьба, то до конца*». «*Если работа, то со всей энергией и умением*».

б) О б р а щ е н и я: «*О любовь!* — где все твои усилья? *Разум!* — где плоды твоих трудов?» (Некр.). «И в этом солёном волненье, Которое рвёт якоря, Я вновь узнаю твои звенья, *Моя золотая заря!*» (И. Оксенов). «*Маленькие дети!* В этот летний час Вся судьба столетий Зиждется на вас!» (Брюс.). «*О братья, братья,* проклят будет, Кто этот страшный день забудет, Кто эту кровь врагу простит!» (Д. Бедный, «Лена»). «В дни сверхмощных танков и многотонных бомб я всё же верю в тебя, *кусочек дерева с металлическим острием — перо, в тебя, человеческое слово!*» (Эренб.)¹.

6. СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ. СОЮЗНЫЕ СЛОВА. СОЮЗЫ.

Синтаксическое целое, представляющее сочетание двух или нескольких предложений, объединённых ритмомелодически, носит название **сложного предложения**. Связывание отдельных предложений между собою совершается при помощи **относительных слов, союзов** или только средствами **ритмомелодики**.

I.

Служебные слова, роль которых заключается в том, чтобы соединять между собою в том или другом отношении параллельные слова-понятия или же указывать на связанность между собою смысловыми отношениями целых предложений (или их эквивалентов, заместителей), называются **союзами**.

Функцию, родственную союзам, выполняют также **относительные, или союзные, слова**. В отличие от первых, являющихся только служебными словами, относительные (союзные) слова — слова полнозначные. Это местоименные имена существительные, прилагательные и наречия, которые в других случаях служат вопросительными словами, а в тех, когда их надо зачис-

¹ См. и статью — Л. В. Перльмутер. Назывные предложения и их стилистическая роль. — Русский язык в школе, 1938, № 2, стр. 60—68, где сообщаются данные по истории употребления назывных сочетаний и родственных средств выражения в русском литературном языке XIX и XX вв.

лить в относительные (союзные), выступают в качестве средства связывать между собою определёнными смысловыми отношениями предложения или их эквиваленты. Вводимые ими предложения называются *придаточными* и (зависимыми) и функционируют в качестве определяющих (уточняющих) другие — *главные* (определяемые), причём, конечно, предложение, придаточное к главному, может оказаться главным по отношению к другому придаточному, напр.: «Неожиданная и слишком ранняя смерть Пушкина поразила горестью всех, *кто* сколько-нибудь любил русскую литературу, *которая* лишилась величайшего из всех писателей, *какие* только являлись в ней до того времени» (Черныш.).

II.

Относительное (союзное) слово выполняет в придаточном предложении ту или иную роль в зависимости от своего значения и от других слов, соединённых с ним. Оно может быть: 1) *Подлежащим*, как, напр., в случаях: «*Кто брошен* в дальние снега За дело чести и отчизны, Тому сноснее укоризны, Чем сожаление врага» (Рылеев). «Она [станция] существовала лишь на картах да в благодарной памяти тех, *кто*, проездом на тёплые черноморские берега, *любовался* из вагона на прославленные здешние сады» (Леон.). «Жил этот волк смолоду очень шибко и был одним из немногих хищников, *который* почти никогда не голодал» (Салт.-Щедр.). «Вдруг послышались чьи-то тяжёлые шаги по корабельной лестнице, *которая* вела к нему в комнату» (Герцен). 2) *Управляемой формой* (дополнением): «Я перечёл то, *что* вчера написал и чуть-чуть не изорвал всей тетради» (Тург.). «Он свой доклад то и дело пересышал примерами, сравнениями, воспоминаниями из подпольной жизни, из жизни фронта, анекдотами и тем, *что* он видел и слышал в Алайской волости» (Панф.). «Следующим руслом, *по которому* должна пойти организованная помощь со стороны деревни социалистической промышленности, является снабжение шахт, фабрик, заводов и лесозаготовок рабочей силой» («Правда»). 3) *Определением*: «И по его щекам поползли вниз блестящие капельки, *какие* бывают на окнах во время дождя» (Чех.). «Она надела круглую соломенную шляпу, детскую шляпу, точно такую же, *какую* надела её дочь, только побольше немного, и мы отправились в сад» (Тург.). «...Одним словом, такой *идеалист*, *каких* в настоящее время шатается по Петербургу великое множество» (Салт.-Щедр.). 4) Если связывающее слово является наречием, то оно, конечно, *примыкает*: «Уповающий молча бросил в огонь горсточку мелко изломанных сучьев и стал смотреть, *как* искры летели кверху и гасли в сыром воздухе» (Горьк.).

Часто относительным словам придаточного предложения в главном соответствуют слова *указательные*. Здесь нужно различать два основных случая: 1) *обязательное* соответ-

стве относительному слову указательного (в ограниченном числе выражений) и 2) соответствие только в о з м о ж н о е (так обычно):

1. «Чем более он всматривался в черты её, тем более находил в них что-то знакомое» (Гог.). «Но чем нетерпеливее спрашивал Шакловитый, чем грознее хмурилась Софья, тем упрямее сжимались у него [Волкова] губы» (А. Н. Толст.).

2. «Поднимали снова правды знамя, Сея в души те лучи-слова, От которых жизни ярче пламя, Даль светлей и выше голова» (П. Якубович). «Но правда выше жалости, и ведь не про себя я рассказываю, а про тот тесный, душный круг жутких впечатлений, в котором жил» (Горьк.).

Напомним также общеизвестные факты, что формально могут принадлежать к различным частям речи слова относительные и определяемые: «Бульба повёл сыновей своих в светлицу, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червоных монистах, прибиравшие комнаты» (Гог.). «Окрыляя ум и сердце, книги помогли мне подняться над гнилым болотом, где я утонул бы без них, захлебнувшись глупостью и пошлостью» (Горьк.). «Иностранец думал, что Россия — самая непонятная страна из всех, где ему приводилось устанавливать сушильные камеры» (Леон.) (менее гибкая часть — наречие — приходится на придаточные предложения), а также что форма вопроса, которая может подсказать нам, что мы имеем дело с развёрнутым членом главного в предложении придаточном, далеко не всегда совпадает и даже чаще не совпадает с формой вводящего его относительного слова.

Формально относительные слова, вводящие соподчинённые придаточные предложения, тоже могут нередко принадлежать к различным грамматическим категориям, — важна только их смысловая родственность, напр.: «А свою казачку он часто звал к себе в башню, из которой видно было море и где он для казачки имел всё, что нужно женщине, чтобы ей весело жилось» (Горьк.).

Относительные слова **который** и **какой** в своей связи с главным предложением могут быть ограничены одной относительностью; даже согласование в числе оказывается необязательным в случаях, вроде: «Тройка то взлетала на пригорок, то неслась с пригорка, которыми была усеяна вся столбовая дорога, стремившаяся чуть заметным накатом вниз» (Гог.); «Старик, о котором идёт речь, был существо простое, доброе и преданное за всякую ласку, которых, вероятно, ему немного доставалось в жизни» (Герцен), где смысл придаточного предложения требует множественного числа по отношению к единичному понятию, употреблённому в главном. — **Чей** вообще лишено способности согласоваться с членом главного предложения (последний влияет на его употребление только значением одушевлённости): «О ты, чьей памятью кровавой Мир долго, долго будет полн...» (Пушк., «Наполеон»).

Продуктами спайки указательной и относительной частей предложений являются сложные наречия-союзы вроде: **потому что, бла-**

годаря тому что, оттого что. Ср. подвижность границы между ответственными главными и придаточными предложениями, зависящую от распределения логического ударения и паузы (на письме этому соответствует возможная передвижка запятой): «Серёжа внимательно посмотрел на учителя... и задумался *так*, что уже ничего не слышал из того, что объяснял учитель» (Л. Толст.); ср.: «...и задумался, *так что*...». «Плачь, русская земля, но и гордись — *С тех пор*, как ты стоишь под небесами, Такого сына не рождала ты И в недра не брала свои обратно» (Некр., «Памяти Добролюбова»). «Он стал ей резать стрелку до крови *несмотря на то*, что лошадь билась и даже визжала» (Л. Толст.).

Там, где на указательной части невозможно логическое ударение, она решительно отходит к придаточному предложению: «Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объёмистый телом дьяк влез в него и сел на самое дно, *так что* сверх его можно было насыпать ещё с полмешка угля» (Гог.). «Должно быть, раньше он служил в механиках, *потому что* каждый раз, прежде чем остановиться, кричал себе: Стоп, машина!» (Чех.). При этом, конечно, *потому* в первой части (в главном предложении) приобретает функцию наречия (обстоятельства причины), а союзом остается только *что* в придаточном. Стоит сличить с этим возможным изменением синтаксических отношений в речении, образующем союз, то, что мы наблюдаем, напр., в речении *не почему другому, как...*, где естественнее было бы даже писать «не почему другому», так как в этом речении ещё живо даже согласование «другому» с местоимением в дательном падеже ед. числа и наречность *почему* не может ещё считаться вполне сформировавшейся.

Заслуживает ещё внимания возможность разрыва частей союза иным каким-либо словом: «Хозяйственная часть в доме Пшеницыной процветала *не потому только*, что Агафья Матвеевна была образцовой хозяйкой... но и *потому ещё*, что Иван Матвеевич Мухоморов был в гастрономическом отношении великий эпикуреец» (Гонч.).

Второй элемент сложных союзов — *что* — не может, как правило, стоять далеко от своей указательной части и, если этот союз должен быть повторён, указательная часть не может опускаться. Поэтому в аспекте нормативном неправильно построенной является такая, напр., фраза в «Хаджи-Мурате» Л. Н. Толстого с определительным союзом *что*: «Ветра не было, воздух был свежий, чистый и *такой* прозрачный, *что* снеговые горы, отстоявшие за сотню вёрст, казались совсем близкими и *что*, когда песенники замолкали, слышался равномерный топот ног и побрякивание орудий, как фон, на котором зачиналась и останавливалась песня».

Полный отход указательной части к придаточному предложению представляет теперь союз *так как*, совершенно утративший возможность выступать с ударением на своей первой части. Кстати сказать, и отдельное его написание теперь не больше, как дань традиции.

Местоименную природу и происхождение легко заметить в таких, напр., неразделимых теперь пояснительных союзах, как **то-есть, как-то** и т. п.

Согласование относительного слова с именем существительным или указательным словом главного предложения бывает далеко не всегда полным, как отчасти ясно из уже сказанного: прежде всего и главным образом, зависимость относительного слова от управляющего слова в придаточном предложении или его роль подлежащего в придаточном сравнительно с управляемым словом главного лишает его падежного согласования; далее относительное слово **что** в этой своей функции шире, чем в вопросительной, и не даёт признака неодушевлённости, который, теоретически говоря, оно могло бы иметь в противопоставлении **кто**. Правда, в русском языке **что** употребляется как относительное слово довольно редко и играет, кроме сочетаний типа **то, что; всё, что; о том, что**, вообще определённо стилистическую роль: место его — поэтический язык и стилизация под речь разговорную; но благодаря тому, что русский язык обыкновенно не допускает его сочетания с формами местоимения «он», оно мало «синтаксично», мало способно давать вполне недвусмысленные указания на согласованность¹.

1. «Важнее обещаний *то, что* уже выразилось в творчестве автора» (Брюс.). «*Ничего* не было видно, *что* делалось там» (Гаст.).

2. «Я сапожник, имя моё — Готлиб Шульц, живу от вас через улицу, *в этом домике, что* против ваших окшек» (Пушк.). «Другой будочник, *что* поближе к станции, был человек молодой, из себя худой и жилистый» (Гарш.). «Целые армии строят из знаков свинцовых, Целые *армии* звуков и песен, *Что* сбежались из всех городов и селений По звенящим в далёких просторах проводам телеграфным» (К. Хохлов). «От больших очертаний картины До тончайших *сетей* паутины, *Что*, как иней, к земле прилегли, Всё отчётливо видно» (Некр.). «Пусть *тот* осенний *ветр* мои погасит страсти, *Что* каждый день с чела роняет седину» (Фет). «Чтоб и я в этом мире исчез, Потонул *в той* душистой *тени*, *Что* раскинул твой пышный навес» (Фет). «Ямою *грудь, что* на заступ старательно Изо дня в день налегала весь век» (Некр.). «*Певцов-итальянцев* здесь слышала я, *Что* были тогда знамениты» (Некр.). «Смешны мне иные *поэты, Что*, волос седой теребя, Волнуются: «Молодость, где ты? Куда, мол, теперь без тебя?» (Железнов).

В относительных предложениях, где **который** употребляется одинаково по отношению к названиям и существ, и предметов, **кто** в своём употреблении ограничено лицами: «...А *та, кому* страшной, чем, сто переворотов, *Что* непослушный сын не выпил молока» (Безым.). «Всё так ярко рисуется взору, что не верится мне в эту

¹ Другое дело при такой... **что...**, где **что** превращается в союз, или в случаях вроде: «В своей работе по регулированию роста партии ЦК всё время исходил *из того, что* наряду с количественным ростом необходимо серьёзнейшим образом развернуть работу по повышению идейно-теоретического уровня членов партии» (Л. М. Каганович).

пору, *Чтоб не мог увидеть я и той... Кто под этим крестом почи- вает*» (Некр.). «Я пою *для тех*, чьи души юны, *Кто*, как за себя, болел за брата» (П. Якубович). «*Вы, кто любите природу... Вам принёс я... Эту песнь о Гайавате*» (пер. из Лонгфелло). В последнем примере вместо «любите» могло бы стоять и «любит». «Не первый он был и не последний *из тех, кто... взяли*, как говорится, нож за пояс и *пошли* искать долю, работать, биться с лихой нуждой и есть горький хлеб из чужих печей на чужбине» (Корол.). Вместо «взяли» и «пошли» могло бы быть здесь «взял» и «пошёл».

Придаточность определительных предложений заметно обнаруживается благодаря лёгкости, с которой их можно рассматривать, подставляя вопросные слова, как развёрнутый член главного. Есть, однако, среди них особый тип, представляющий относительно новый продукт развития — определительное предложение определяет не один какой-либо член главного, а главное предложение в целом: «Введение зимних работ не только усилило темпы строительства, но и дало возможность сохранить основной кадр рабочих, *что* в условиях недостатка рабочей силы имеет чрезвычайно важное значение» («Изв.»). «Эту игру я наблюдал и в самом себе, *что* было ещё хуже» (Горьк.). «Он много переменялся: постарел, почернел и оброс бакенбардами, *что* очень не шло к нему» (Л. Толст.). «Ветер выл в опустелых улицах, вздымая выше колен чёрную воду Фонтанки и задорно потрогивая тощие фонари набережной, которые в свою очередь вторили его завываниям тоненьким, пронзительным скрипом, *что* составляло бесконечный пискливый дребезжащий концерт, весьма знакомый каждому петербургскому жителю» (Дост.). «Солнечные лучи густо процеживались сквозь заиндеветавшие от мороза стёкла и обильно рассыпались по комнате, *что* не мало удивило господина Голядкина» (Дост.). «Селифан приободрился и, отшлёпавши несколько раз по спине чубарого, *после чего* тот пустился рысцой, да помахавши кнутом на всех, промолвил тонким певучим голоском: «Не бойся» (Гог.). «Я... говорила ей, что я совершенно счастлива, *чего*, как теперь я вспоминаю, совсем не нужно было говорить ей,—она сама могла видеть это» (Л. Толст.). «Ни пьянства, ни драк не заметно, *почему* даже самый откупщик, обыкновенно душа и украшение уездного общества, угрюмо и озлобленно выглядывает из окон каменных палат своих» (Салт.-Щедр.).

Известную стилистическую изощрённость сообщает фразе постановка определительных предложений впереди главных: «*Что также сначала не нравилось мне, а потом, напротив, сделалось приятно*, было его совершенное равнодушие и как бы презрение к моей наружности» (Л. Толст.). «Лицо у него сделалось масляное, глаза покрылись неистощимой слезой, и, *что* всего замечательнее, когда кто-нибудь у него спрашивал, как дела, то он благодарил, видимо, стараясь взглянуть вопрошающему как можно прямее в глаза» (Салт.-Щедр.).

Специальное перерождение предложений такого рода представ-

ляет что касается... то¹ и, может быть, продукт его упрощения что до... то...

Перед фактом зарождения нового союза мы стоим в случае с причём: «В его годы Левинсон также подражал людям, учившим его, причём они казались ему такими же правильными, каким он — Бакланову» (Фад.).

Дальнейший шаг в смысле утраты согласования представляют многочисленные сочетания указательной части с относительной — что, в котором уже нельзя более вскрыть его прежнюю склоняемость, потому что (из по тому, что), таким образом, что...

Довольно распространённый тип ослабленной относительной связи представляют союзные слова, главным образом — как, вводящие предложения (или их эквиваленты) со смыслом вводного характера: как видно, как замечено, как кажется.

Заканчивая обзор местоименных функций, ограничимся напоминанием, что вопросительные слова могут сохранять свой характер в придаточном предложении, если они входят в состав зависимых, косвенных вопросительных предложений.

Относительные слова неизменяемые, но употребляющиеся одновременно в качестве вопросительных, мы рассматриваем в разделе, посвящённом союзам.

Говоря о них, упомянем и некоторые (немногочисленные) особенности неизменяемых относительных слов, параллельных по синтаксическим особенностям их употребления союзам.

III.

Среди союзов русского языка (простых и сложных) можно различить: 1) такие, которые соединяют и предложения, и отдельные члены предложения; 2) парные (групповые), соединяющие предложения или отдельные члены предложений с однотипными (произносящимися с однотипной — перечислительной или противительной — интонацией) членами; 3) союзы, связывающие главным образом предложения и их эквиваленты; 4) союзы, начинающие главные предложения, следующие за определёнными типами придаточных, и 5) союзы, употребляющиеся главным образом или исключительно на границе фраз.

Первая группа союзов (соединяющих отдельные члены предложения) вместе с тем может, как замечено, выполнять и функцию связывания предложений. Таковы союзы и, а, да, но, или.

Среди значений, принадлежащих союзу и, соединяющему предложения, важно различить: и собственно соединительное и и со значением заключения, вывода.

Примеры первого: «Ты небо недавно кругом облежала, И молния грозно тебя обвивала; И ты издавала таинственный гром И алчную землю поила дождём» (Пушк., «Туча»). «Помню, большие

¹ У писателей старшего поколения — что касается до... то...

белые тучи плыли мимо тихо и высоко, и жаркий летний день лежал неподвижно на безмолвной земле» (Тург.).

Примеры в т о р о г о: «Взобрались ещё на одну гору, последнюю; и сразу перед ними засветился кучей огней большой весёлый город» (Н. Никандров). «Он [Терек] начинал сбывать, и кое-где мокрый песок бурел на берегах и на отмелях» (Л. Толст.).

«...Порою он чувствовал, что ей удаётся заговаривать его любовь, как знахарки заговаривают боль, и дня два-три она казалась ему любимой сестрой» (Горьк.).

При соединении предложений перед и первого типа в некоторых случаях запятая не ставится (если, например, оба предложения имеют общий смысловой член: «У него [Челкаша] сладострастно вздрагивали усы и в глазах разгорался огонёк» (Горьк.); перед и второго типа она обязательна (ср. различие ритмомелодики обоих типов), но может быть по специальным мотивам заменена точкой: «Представителю народной войны [Кутузову] ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер» (Л. Толст.).

При соединении членов предложения перед и со значением заключения, результата запятой обыкновенно не ставят, хотя ритмомелодика, собственно, требовала бы её и здесь; ср.: «Я поднял голову и при свете молнии увидел небольшую избушку посреди обширного двора, обнесённого плетнём» (Тург.). «Сейчас тут было три змеи. Большую убили, а две маленькие увернулись и уползли» (Пришв.). «Мы поспешили, налегли, продвинулись и встретили перед собою плотину» (Пришв.).

Иногда и выступает в роли противительного союза: «Никогда и сам Бирон не бывал в таком страшном положении, он хотел говорить, и язык его не двигался» (Лажечн.). «Выходит, что автор хотел объяснить стремления и потребности молодого поколения — и не объяснил; хотел защитить молодое поколение — и не защитил; хотел получить благодарность — и не получил» (Салт.-Щедр.). «Левин старался понять и не понимал и всегда как на живую загадку смотрел на него [Свияжского] и его жизнь» (Л. Толст.). «Нести не могу — И несу мою ношу, Хочу её бросить — И знаю: не бршшу» (Маяковск.).

Союзы **а** и **но** функционально близки, но имеют существенные черты несходства: **а** преимущественно — союз различия, другой особенности, **но** — резкого противопоставления; ср.:

1. «Мне встретились раз на болоте мужчина и женщина. Он шёл с косой, а она — с граблями» (Пришв.). «Сначала он дал ей [собаке] хлеба и зелёную корочку сыра, потом кусочек мяса, полпирожка, куриных костей, а она с голодухи всё это съела так быстро, что не успела разобрать вкуса» (Чех.); вместо **а** здесь возможно **и**. «Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружие в серебре. А лошадь его славилась в целой Кабарде» (Лерм.).

2. «...Влюблялся в светских красавиц и был любим; но их любовь только раздражала моё воображение и самолюбие, а сердце оставалось пустым» (Лерм.). «Его походка была небрежна и ле-

нива, *но* я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера» (Лерм.). «Рита оглянулась на поднятую руку, *но* в рядах сидящих не смогла рассмотреть знакомое лицо грузчика» (Н. Остр.). «Забравшись в пролом печи, он осторожно оглянулся, *но* дорога была пуста» (Н. Остр.).

К возможной замене *но* через *а* ср.:

«В любое время, в час и миг любой Он, подчиняясь воле командира, Рванется в бой, *но* только в правый бой, Не ради войн, *а* только ради мира» (С. Васильев, «Советский танк»).

К функции союза *но* может приближаться наречие **только**: «Но покорная улыбка не угасала, *только* стала жалобной и тревожной» (Глад.).

Союз **да**, принадлежащий к этой же группе, в русском языке имеет определённую стилистическую окраску и служит обыкновенно признаком разговорного уклона говорящего или эмоциональности его речи: «Нечего думать *да* затылок чесать» (Гонч.). «Здравствуй, солнце *да* утро весёлое» (Никит.)¹.

Ср. **да** в значении **но**: «Он [Волк] рад бы в первые тут шмыгнуть ворота, *Да* то лишь горе, Что все ворота на запоре» (Крыл.). «Их [волков] всегда здесь много, — отвечал Павел, — *да* они беспокойны только зимой» (Тург.). «Быть может, вам хочется дальше читать, *Да* просится слово из груди!» (Некр.). «Когда в городе разрешали драматический кружок, или читальню, или чайную, то он [Беликов] покачивал головой и говорил тихо: — Оно, конечно, так-то так, всё это прекрасно, *да* как бы чего не вышло» (Чех.).

Специальный тип эмоциональности имеем во фразах вроде: «Ты с ума сошёл! *Да* я сейчас велю тебя зарезать моим слугам, хоть ты испанский гранд!» (Пушк.) со значением неожиданности присоединяемого, нетерпения по поводу предыдущего и т. д. Ср.: «Ф а м у с о в. Не слушаю — под суд, под суд! Ч а ц к и й: *Да* обернитесь — вас зовут» (Гриб.).

Эмоциональное усиление имеем в сочетании **да и**: оттенки значения — «да вдруг», «кроме того» и др. «Удодов поглядит-поглядит *да и* заграбит всё сам» (Салт.-Щедр.). «Не щемит ни в ком сердце по ней [родине], *да и* всё тут» (Салт.-Щедр.). «Она оттолкнула его *да и* пошла прочь, а он ударил её...» (Горьк., «Старуха Изергиль»).

Значение «а вдруг», «но вдруг» имеет несколько архаическое эмоционально-разговорное **ан**: «Вы вот смеётесь, и я думал, что посмеются только, *ан* вышло не то-с! — слегка воскликнул Рухнев» (Писемск.)².

Примечание. **И** и **да** как соединительные союзы легко допускают повторительную интонацию при вводимых ими членах (и отдельных членах предложения, и целых предложениях). Часто сопровождается она и синтаксические

¹ См. и С. Е. Крючков. О присоединительных связях в современном русском языке, — «Русский яз. в школе», 1950, № 2.

² Подробности о союзах **а**, **ан**, **да**, **и** и др. см. в соответствующих выпусках «Словаря русского языка Академии наук» и в «Толковом словаре русского языка».

группы, вводимые подчинительными союзами. Наиболее редко встречается она при противительных союзах **а, но**: «... Ему хотелось, чтоб они к кровати больного подходили, как к высшему священнодействию, а им хотелось вечером играть в карты, а им хотелось практики, а им было недосуг» (Герцен). «Увадьев кричал, торопил с постройкой складов, а тут ещё немытого гравия привезли, а песок оказался с глиной, а цемент пережожен» (Леон.). «Не тучный фимиам Поэт приносит вам: Но слёзы умиленья, Но сердца тихий жар» (Батюшк.). «Гордый и славный не посетит моей хижины; взор их отвратится с презрением от скромной обители пустытника; но бедный и гонимый роком приблизится к ней с тихим восторгом благодарности; но сирота забвенный благословит её; но добрый, чувствительный мечтатель, друг мира и добродетели, найдёт в ней счастье, неизвестное гордым и славным» (Жуковск.). В поэзии и в художественной прозе первой половины XIX века повторяемое **но** употреблялось нередко.

В двадцатом веке, включая и наше время, повторение этого союза возможно, но обыкновенно производит впечатление известной нарочитости — «приёма»: «Французский народ ненавидит Франко, каждому порядочному французу ясно, что нельзя оставить врагов Франции под боком. Но господину Куантро нужны для ликёров апельсиновые корки, которые он получает из Испании. Но тысячи других хотят что-то продать генералу Франко или что-то купить у него, частные интересы застилают интересы Франции» (Эренб.).

Среди союзов, способных связывать и отдельные члены, и целые предложения, особое место принадлежит **п о я с н и т е л ь н ы м** союзам: **то-есть, или, именно, как-то**.

Для них характерно, что вводят они части с определённым смысловым параллелизмом и в соответствии с этим стремящиеся интонационно совпасть с теми, которые ими поясняются: «Так же вот *жило*сь в родных Лозицах и некоему Осипу Лозинскому, *т. е. жило*сь, правду сказать, неважно» (Корол.). «Раз я вышел в тайгу попытать своё счастье в пантовке: так называется охота на самцов пятнистых *олений, или изюбрей*, когда их рога — панты, налитые кровью, уже достаточно отросли, но ещё не окостенели» (Пришв.). «Но мне захотелось *действовать самому, т. е. самому манить* перепелов» (С. Аксак.). «Из этого ясно, что сущность повести вовсе не состоит в представлении нам образца *гражданской, т. е. общественной, доблести*, как некоторые хотят уверять» (Доброл.).

Любопытен случай «ступенчатого» использования **то-есть**, какой находим у Гоголя: «И хоть бы что-нибудь из этого было выражено. Никакого характера, *т. е. лица, т. е. видимой наружности, т. е. физиономии* — решительно не дано было [на сцене] бедному Хлестакову» (из письма к неизвестному).

Примечание. А. М. Пешковский, напр. («Русский синтаксис», изд. 3, стр. 555), относит эти союзы к подчинительным. Я тоже склонен рассматривать этот тип соединений как подчинение. Исхожу я из соображений о развёрнутости соответственного члена главного в целое предложение (разумеется, в тех случаях, где мы имеем именно предложение), но подчёркиваю, что данные союзы среди всех остальных занимают особое место, так как подчинительные служат обыкновенно для связывания предложений и не могут связывать отдельных членов (ограничительные замечания см. ниже). В отдельных случаях — когда пояснительными союзами связываются определённо тождественные понятия (ср., напр., выше пример из Пришвина), — они приобретают однако, характер сочинительный: соединяемые части выступают как равноправные.

Заметим, что именно нередко выступает не как союз, а как подчёркивающее слово: «Именно тебя хотелось мне видеть сегодня».

Вторую группу союзов представляют употребляющиеся только вместе: **то... то** (парно и больше) и **как... так и** (в значении *и... и...*): «Видя, что его [Белолобого] не боятся и даже не обращают на него внимания, он стал несмело, *то* приседая, *то* подскакивая, подходить к волчатам» (Чех.). «*То* стояли с фитилями поляки в своих пёстрых кунтушах, а казаки и «голота» подымали кругом пыль, облекая город, *то*, наоборот, из пушек палили казаки, а польские отряды кидались на окопы» (Корол.). «Голос старухи *то* замирал до шопота, *то* повышался до крика» (Викт. Чехов). «Ветер дует порывами, *то* утихая, *то* с новой силой взметая снежную пыль» (Викт. Чехов).

«Впрочем, несмотря на некоторые несходства, как Иван Иванович, *так* и Иван Никифорович — прекрасные люди» (Гог.). «Ожидания Кутузова сбылись как относительно того, что предложения капитуляции, ни к чему не обязывающие, могли дать время пройти некоторой части обозов, *так* и относительно того, что ошибка Мюрата должна была открыться очень скоро» (Л. Толст.). «Вьюн необыкновенно почтителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, *так* и на чужих, но кредитом не пользуется» (Чех.).

Довольно редко встречается сложный союз разделительности **будь то... или...**, заключающий в себе значение предположительности, допущения: «Интерес этот вызывался тем особенным подходом к делу, который он с приятным удивлением находил в речах говоривших, *будь то* профессор *или* студент: они умели смотреть на обычные факты повседневной жизни с общегосударственной точки зрения» (Коновалов).

Устарело в значении «или же», «или ещё» — **а то**: «... Большею частью он [Кавур] держит руки в кармане, *а то* перебирает ими конверты и бумажки, лежащие перед ним...» (Доброл.).

Среднее место между первой и второй группой занимают союзы, более других обычные в сопровождении повторительной и однотипно-противительной интонации: **и, ни¹, или (иль), со** стилистическим оттенком некоторой устарелости или просторечия — **либо**. Ср.: «*Иль* чума меня подцепит, *Иль* мороз окостенит, *Иль* мне в лоб шлагбаум влепит Непроворный инвалид» (Пушк.). «Танки следовали всей длиной состава, прежде чем коснуться земли, откуда им предстоял любой, на выбор, путь, — *либо* вперёд, на запад, *либо* назад, в мартен» (Леон.). «Все понимали, что сейчас *либо* уходить ему [Петру I] от дел со срамом, *либо* кровью добывать престол» (А. Н. Толст.).

¹ Ни не повторённое — скорее усиленное отрицание, чем союз в точном смысле слова. У старых поэтов встречается опущение одного **ни** в союзной функции: «И нет извне опоры *ни* предела» (Тютч.). «Ты знаешь ведь, как дерево высоко: Тебе *ни мне* туда не взлезть» (Крыл.). Теперь такое опущение возможно только как определённый архаизм.

К относительно нечасто употребляемым в литературном языке союзам этого рода относятся по-разговорному окрашенные, со значением сомнения, **то ли... то ли...**: «...Какой-то господин, читавший газету и всё время зевавший *то ли* от чрезмерной усталости, *то ли* от скуки, раза два неприятно покосился на мальчика» (Л. Андр.). «Механик сразу разделся, а Павел Павлыч, раскланявшись с гостями, стоял как бы в нерешительности: *то ли* ехать домой, *то ли* немножко посидеть тут, на свадьбе своего тракториста» (А. Колосов).

В ряде случаев предложение с **то ли... то ли...** предполагает продолжение — с **но, только** и т. п.; ср.: «*То ли* вода ещё была холодная, *то ли* Кадошка ещё молод и глуп, *только* остановился он у воды и не может дальше» (Пришв.).

Неопределённость впечатления обозначают и родственные с **то ли... то ли... не то... не то...**: «В телеге перед нами *не то* сидело, *не то* лежало человек шесть в рубахах, в армяках нараспашку» (Тург.). «Громоздятся постройки, и звонкая степь оглашается человеческим говором, гулом, треском машин, рожками автомобилей и лязгом *не то* пил, *не то* электрических свёрл» (Панф.). «Анцифер посмотрел на раздумянившуюся *не то* от мороза, *не то* от волнения сестру и невольно улыбнулся» (Викт. Чехов). «В это время у крыльца послышались звуки колокольчика и бубенчиков: *не то* кому подали лошадь, *не то* кто новый приехал» (Данилевский). «Никс *не то* конфузится, *не то* посмеивается, а дяденька, обращаясь ко мне, снова повторяет:— «Увидишь! увидишь!» (Станюкович).

Ли (ль)... ли (ль)...¹, ли (ль)... или. Такое соединение несёт с собой впечатление разговорной, поэтической или вообще оживлённой речи. Но в вопросительном предложении эти конструкции (со значением условным или условно-уступительным) всегда предполагают наличие другого, соединённого с данным, предложения или содержащих вывод слов.

П р и м е р ы: «Испепеляющие годы! Безумья *ль* в вас, надежды *ль* весть?» (Блок). «Блеснёт *ли* день за синею горою, Взойдёт *ли* ночь с осеннею луною, Я всё тебя, далёкий друг, ищу» (Пушк.). «Гуж *ли*, седёлка *ли*, замок *ли*, шкворень *ли* или подороже что — всё у Поликея Ильича место себе находило» (Л. Толст.). «И всё мало-мальски крупное, сильное и сердитое, был *ли* то баран с рогами, гусак или цепная собака, представлялось мне выражением всё той же грубой, дикой силы» (Чех.). «Преданье *ль* тёмное тайник взволнует груди *Иль* точно в звуках тех таится звук иной, Но, мнится, колокол я слышу вечевой, Разбитый, может быть, на тысячи орудий, Властям когда-то роковой» (Ап. Григорьев). Ср. с вопросительным характером: «Что тут случилось — щука *ли* его [Пескаря] заглотала, рак *ли* клешней перешиб, или сам он своею смертью умер и всплыл на поверхность — свидетелей этому делу не было» (Салт.-Щедр.).

¹ Употребляются только постпозитивно — за полнозначными словами.

Значение безразличия вносится союзами **что..., что...:** «*Что в лоб, что по лбу*» (поговорка). «Ведь они же дети, *что мой внучек, что вот его приятель*» (Федин). Это сочетание парных союзов вносит обыкновенно налёт разговорности или просторечия.

Из фактов старого литературного языка, вышедших в настоящее время из употребления, заслуживает упоминания союз (наречие) **ниже́**. Употребление в качестве подчеркнутого **ни** («ни даже») заимствованного из церковнославянского языка союза **ниже́** прекратилось приблизительно к середине XIX века, захватывая ещё кое у кого из писателей старшего поколения ближайшие десятилетия: «Нет, никогда я зависти не знал. О никогда — *ниже́* когда Пиччини Пленить умел слух диких парижан, *Ниже́* когда слышал в первый раз Я «Ифигении» начальны звуки» (Пушк.). «Ничего не дам, *ниже́* одной крошки» (Даль).

С о ю з а м и, с в я з ы в а ю щ и м и п р е д л о ж е н и я и и х э к в и в а л е н т ы, являются: **так как, потому что,** благодаря тому что, вследствие того что (причинные); **чтобы** (цели); **что, будто, будто бы** (изъяснительные; сюда относится и **чтобы**); **если, если бы, раз** (условные); **хотя (хоть), несмотря на то что** (уступительные); **как только, между (меж) тем как, после того как, пока, покамест, едва, едва только, чуть, чуть только, лишь только, только что, прежде чем** (временные) и др.

Если некоторые из них и могут связывать между собою относящиеся к тому же подлежащему члены, то члены эти обыкновенно представляют собою сказуемое, и вводимое соответствующим союзом синтаксическое членение выступает как параллель гораздо более частым в подобных случаях самостоятельным предложениям (со сказуемым, относящимся к разным подлежащим). Примеры таких сочетаний представляют фразы вроде: «*Не сказал я вам об этом, потому что забыл*», «*Если б я знал об этой книге, то сообщил бы и вам*»; ср.: «*Не сказал я вам об этом, потому что я забыл*» и т. п.

Среди союзов, связывающих предложения, как видим, очень много речений с вполне ясными следами относительности (*вследствие того что, несмотря на то что* и т. п.). Речения, составившие союз, ещё легко поддаются разбивке на соответственные части, и чтение «с запятой» перед **что** возвращает им их первоначальный вид, вполне обычный и теперь.

С о ю з ы, с п е ц и а л ь н о с в я з ы в а ю щ и е п р е д л о ж е н и я (третья группа), в отличие от тех, которые связывают и предложения, и их члены, вносят обыкновенно характер подчинения, т. е. иначе говоря, вводимые ими предложения могут рассматриваться как синтаксически развёрнутый член главного.

Особое место в этом отношении принадлежит постпозитивному союзу **же**, соединяющему обыкновенно предложения, но на правах сочинения: «Ученье и обед делали дни очень интересными, вечера *же* проходили скучновато» (Чех.). «От моих слов куница мызгнула на другое дерево и сгнула, я *же* полез наверх, поглядел на гнездо и прочитал всю подлость кунью» (Пришв.).

Реже случаи типа: «Читал он много, писал же только иногда и неохотно», представляющие переход от соединения членов предложения к соединению предложений (ср. очень естественное после *писал же* — «он»). Ещё реже: «Стлалась впереди широкая гладь реки, посредине белая в утренних лучах, у берегов же, где густо кудрявятся вербы, — зёркально-зелёная» (Тренёв).

Примеры союзов, соединяющих предложения (или их эквиваленты), ограничим относительно немногими, более других заслуживающими внимания со стороны стилистической.

Причинные союзы. Так как свойственно по преимуществу книжной прозаической речи: «Для того, чтобы быть точным, я должен сказать, что в сборнике есть стихотворения менее непонятные, но нет ни одного, которое... могло бы быть понятно без некоторого усилия, — усилия, редко вознагражденного, так как чувства, передаваемые поэтом, и нехорошие, и весьма низменные чувства» (Л. Толстой). «Не вскрыв обусловленность слова, данную образной структурой произведения, мы не можем понять самого этого слова, так как в художественном произведении мы имеем дело не со словом как таковым, а словом, так сказать, в снятом виде данным в образе» (Л. Тимофеев).

В произведениях стихотворной формы так как — относительная редкость: «А так как человек медведя послабее, То и Пустынник наш скорее, Чем Мишенька, устал» (Крыл.). «Но так как с заднего крыльца Обыкновенно подавали Ему донского жеребца, Лишь только вдоль большой дороги Заслышат их домашни дроги, — Поступком оскорбясь таким, Все дружбу прекратили с ним» (Пушк.).

Ибо характерно почти исключительно для книжной речи. Уже в тридцатых-сороковых годах XIX века этот союз — предмет осуждения ряда видных писателей. Белинский («О сочинениях Греча») рекомендует применить к нему свой «рецепт» — читая глазами **ибо**, мысленно подставлять *потому что* и т. п. Любопытно, однако, что **ибо** даже в собственном языке Белинского держится довольно упорно и рекомендуемым им заменам через *так как* и *потому что* подвергается у него менее часто, чем можно было бы ожидать после подобных высказываний. Фактически перед Великой Социалистической революцией оно старело и выходило из употребления, но позже обновлено советской научной книгой и публицистикой; ср.: «Мы должны относиться к литературе и прошлого и настоящего как естествоиспытатели, *ибо* и социолог есть естествоиспытатель» (Луначарский).

В отличие от *так как* и ближе в этом отношении к *потому что* **ибо** нередко выступает в роли союза дополнительно выдвинутой мотивировки, мотивировки, которая как будто могла и не быть предложена. В соответствии с этой особенностью — **ибо**, как и *потому что*, иногда употребляется после характерного фразного ритмомелодического понижения, особенно на границе сложного высказывания. Очень характерно в этом отношении, например, из-

вестное место в VII главе «Мёртвых душ» Гоголя, где за огромным периодом следует периодически же построенная и ритмомелодически «отламывающаяся» от предшествующего фраза: «...*ибо* не признаёт современный суд, что равно чудны стёкла, озирающие солнцы и передающие движенья незамеченных насекомых; *ибо* не признаёт современный суд, что много нужно глубины душевной, дабы озарить картину, взятую из презренной жизни, и возвести её в перл созданыя; *ибо* не признаёт современный суд, что высокий восторженный смех достоин стать рядом с высоким лирическим движением и что целая пропасть между ним и кривляньем балаганного скомороха». Ср. подобное явление и при *потому что*: «Их [сочинения Пушкина] только может совершенно понимать тот, чья душа носит в себе чисто русские элементы, кому Россия — родина, чья душа так нежно организована и развилась в чувствах, что способна понять неблестящие с виду русские песни и русский дух. *Потому что*, чем предмет обыкновеннее, тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было, между прочим, совершенная истина» (Гог.).

Затем что и как в этом значении теперь, за редкими отступлениями с чертами архаизации, не употребляются; у писателей главным образом первой половины XIX века их можно встретить нередко. В первой половине XIX века союз **как** употреблялся в особенности после предшествующих ему **а, но, что**:

«Мы этой басней поясним. *Затем что* истина сноснее вполоткрыта» (Крыл.). «Принуждён был полезть в карман за платком и прервать начатую речь, *затем что* недоставало ни слов, ни мысли, ни духа...» (Дост.).

Как в этом случае сообщает слогу некоторый оттенок просторечия: «Пристойнее стеречь им [собакам] было дом, *Но как* они уж понаелись... Так рассуждать они пустились вдвоём О всякой всячине» (Крыл.). «По этому случаю комендант думал опять собрать своих офицеров и для того хотел опять удалить Василису Егоровну под благовидным предлогом. *Но как* Иван Кузьмич был человек самый прямодушный и правдивый, то и не нашёл другого способа, кроме как единожды уже им употреблённого» (Пушк.). «О древней верности, конечно, Слыхали как-нибудь и вы. *Но как* сказания молвы Всё дело перепортят вечно, То я вам точный образец Хочу представить наконец» (Лерм.).

Уже для начала XIX века архаизмом было **зане**: «Почил безмятежно, *зане* совершил В пределе земном всё земное» (Барат., «На смерть Гете»). «И воспевал я вас, и вы благоволили Весёлым юноши стихам, *Зане* тогда сильны и сладкозвучны были Мои стихи» (Языков, «К. К. Павловой»).

Характерная особенность употребления изъяснительного **чтобы** после отрицательных главных известна и предложениям причинным; ср.: «Она любила Ричардсона *Не потому, чтобы* прочла, *Не потому, чтоб* Грандисона Она Ловласу предпочла» (Пушк.). «*Не потому* бурлит она [река], *чтобы* воде вдруг захотелось

пошуметь или рассердиться на препятствия, а просто потому, что это ей необходимо для выполнения её естественного требования» (Доброл.).

При отсутствии в главном предложении указательной части в причинный союз превращается относительное слово **поскольку**: «*Поскольку* живопись не могла выполнить быстро и гибко задачи текущей пропаганды, она предпочитала живописи кино» (Лаврен.).

О причинном оттенке в условных союзах **если** и **раз** см. ниже.

С о ю з ы ц е л и. Из них господствует **чтобы (чтоб)**.

Почти вовсе вышло из употребления **дабы**, производящее впечатление устарелости: «Он [Ковалёв] решился отнестись прямо в газетную экспедицию и заблаговременно сделать публикацию с обстоятельным описанием всех качеств, *дабы* всякий встретивший его [нос] мог в ту же минуту его представить к нему или, по крайней мере, дать знать о месте пребывания» (Гоголь, «Нос»). «И ещё—мне было рекомендовано не очень «высовываться в люди», *дабы* не привлекать к булочной излишнего внимания» (Горьк.).

Совсем архаично **да** с будущим или настоящим временем изъявительного наклонения, которое можно встретить только у старых писателей: «Ответа нет! Отвергнул струны я, *Да* кряж иной мне *будет* плодоносен» (Барат.). Переходной случай от **да** в значении частицы повелительного наклонения к союзу цели встречаем в следующем примере: «Отец семейства! приводи К могиле мученика сына: *Да* *закипит* в его груди святая ревность гражданина!» (Рылеев, «Волынский»).

Деградацию союзной роли **чтобы** имеем в случаях его употребления в аффективной речи с формами прошедшего времени в значении повелительного наклонения: «*Чтоб* в доме здесь заря вас не застала, *Чтоб* никогда об вас я больше не слыхала!» (Гриб.). «*Чтоб* ты лопнул!»—прошептал он, задрожав» (Пушк.).

Относительность союза **чтобы** даёт о себе знать возможностью в главном предложении указательной части **с тем, затем**. Ритмически она может отходить и в придаточное предложение.

Интересный случай переходности от подчинительного значения к повелительному видим у А. В. Кольцова: «Как ты можешь Кликнуть солнцу: «Слушай, солнце! Стань, ни с места! *Чтоб* ты в небе не ходило, *Чтоб* на землю не светило!» («Вопрос»).

Известную особенность союза **чтобы** представляет употребление при нём инфинитивов, когда лицо в главном предложении то же самое, какое должно было бы мыслиться, если бы инфинитив можно было в придаточном заменить глаголом в изъявительном наклонении: «Я никак не мог побороть себя, *чтоб* не попытаться преодолеть препятствия силою» (Верес.).

С о ю з ы и з љ я с н и т е л ь н ы е: **что, чтобы, будто, будто бы.**

Можно различить три характерных для них-вида связи предложений.

1. Содержание сказанного, подуманного, известного, случившегося и т. п. передаётся обыкновенно без указательных слов в главном предложении: «Сыплется величественный гром украинского соловья и *чудится, что* и месяц заслушался его посреди неба» (Гог.). «Я видел, что работа моя теряет смысл. Всё чаще случалось, что люди, не считаясь с ходом дела, выбирали из кассы деньги так неосторожно, что иногда нечем было платить за муку» (Горьк.)¹.

2. Содержание восприятия или эмоции передаётся придаточным предложением, зависимым от главного, допускающего выражение своего смысла одинаково — и без указательного слова, и с ним: «рад, что...», «грустно, что...», «радуется, что...», «грустит, что...»: «Позже создаётся впечатление, что он немножко пьян» (Леон.); ср.: «рад тому, что ...», «такое впечатление, что...» Этот тип связи часто характеризует главные предложения со сказуемыми неглагольными: *рад, грустно* и т. п.

3. Придаточное предложение, вводимое союзом *что*, представляет собою содержание, на которое в главном указано местоимением: «Обломов мешал Захару жить *тем, что* требовал поминутно его услуг» (Гонч.). «Валько в глубине души объяснял отступление на Южном фронте... *не только тем, что* немцы сосредоточили здесь превосходящие силы солдат, самолётов и танков, но и *тем, что* военные люди на фронте ещё не научились использовать те совершенные машины и обученных в производстве людей, которые были даны им в руки» (Фад.).

В последней группе характерны, в частности, союзы *что, будто* и проч., вводящие придаточные предложения со значением определения степени качества или действия, названного в главном: «Манилов никак не хотел выпустить руки нашего героя и продолжал жать её *так горячо, что* тот уже не знал, как её выручить» (Гог.). «Он вытаскивал её [Каштанку] за задние лапы из-под верстака и выделывал с нею *такие фокусы, что* у неё зеленело в глазах и болело во всех суставах» (Чех.). «Мы *так* ещё молоды духом, *что* думать о старости глупо!» (Железнов). «Когда я делал что-нибудь в саду или на дворе, Моисей стоял возле и, заложив руки назад, лениво и нагло глядел на меня своими маленькими глазками. И это *до такой степени* раздражало меня, *что* я бросал работу и уходил» (Чех.). «Мы комбайн вводим для освобождения человека от непосильного труда... и перестроим *так, что* и солому в поле не оставит» (Панф.). В последней фразе, как легко заметить,

¹ Союз *что*, вводящий придаточные предложения со значением содержания сказанного, подуманного и т. п., обыкновенно не относится к указательному слову в главном предложении, но, как переходной тип от изъясняющего указательные слова к возобладавшему типу с союзом *что*, непосредственно вводящим придаточное предложение, — возможны редкие случаи, вроде: «И узнав *то, что* назавтра мы атакуем неприятеля, из высших сфер услышав подтверждение того, чему они хотели верить, измученные, колеблющиеся люди утешались и ободрялись» (Л. Толст.).

с изменением ритмики (перемещением паузы перед *так*) определённо создаётся во второй части значение результативности предложения (вывода), принадлежащее межфразному союзу **так что**.

Будто (бы) вводит предложение, достоверность которого подвергается сомнению: «И *показалось* ей, что в комнате запахло пылью и *будто* в окно ударила ветка» (Чех.). «Ей [волчице] слышалось, *будто бы* в лесу блеяли ягнята» (Чех.). «Рассуждали о том, что мусульманское поверье, *будто* судьба человека написана на небесах, находит и между нами много поклонников, каждый рассказывал необыкновенные случаи *pro* и *contra*» (Лерм.).

Черту разговорной речи следует видеть в плеонастическом **что будто** и т. п.: «На это Кот отвечал: Почтенный Людоед, давно слух носится, *что будто* вы умеете во всякий превращаться, Какой задумаете, вид» (Жуковск.). «Горько мне было читать, милостивый государь мой, намёки на то, *что будто бы* вас оскорбил, изменил нашей первобытной дружбе и отзывался о вас с дурной стороны» (Дост., «Двойник»). «Здесь снова пугали меня Трубецкой, *Что будто* её воротили» (Некр.).

Чтобы (чтоб) может употребляться после отрицательного по форме или смыслу подчиняющего (главного) предложения: «*Нет, чтобы* делать старательно, — всё как попало». «Ванюшка никак даже *не мог удержаться, чтобы не* крикнуть в порыве восторга несколько раз сряду: «Дядя Антон, домой приехали!» (Григор.). «Она, видимо, чувствовала себя не в силах глядеть на него без смеха, но *не могла удержаться, чтобы не* смотреть на него» (Л. Толст.). «*Не верю, чтоб* дочери бедной своей Ты сам не одобрил решенья» (Некр.). «Он щедро дарил сыну свой огромный опыт, но Ванюшка *не находил в своих воспоминаниях, чтобы* отец когда-либо похвалил его» (Плетнёв).

После подчиняющего предложения с положительным смыслом изъяснительное **чтобы** возможно только с вполне ясными оттенками устремления, долженствования, допустимости, направленности на будущее, опасения и т. п., оттенками, в большинстве близкими к целевому: «Я даю вечеринку, и дамы *требуют, чтобы* я непременно пригласил и Беликова и Вареньку» (Чех.). «И как же ты *хочешь, чтобы* я теперь наказала его [Поликушку], когда он исправился?» (Л. Толст.). «Я боюсь, *чтоб* она [буря] не сломала Старый дуб, что посажен отцом» (Некр.). Но ср. при глаголах опасения: «*Я боюсь что не...*» со значением опасения, что не осуществится что-либо желаемое. «Левинсон *распорядился, чтобы* к вечеру собрался для обсуждения Морозкиного поступка сельский сход вместе с отрядом» (Фад.). «Телегин ходил у самой воды, посматривая, *чтобы* не курили, не зажигали *огня*» (А. Н. Толстой). «*Важно, прежде всего, чтобы* план подготовки кадров был выполнен не только количественно, но и качественно» («Изв.»).

Так как значение возможности выражается условным (сослагательным) наклонением, то при отходе **бы (б)** к союзу **что** иногда

возникает **чтобы** со значением возможности: «Кто скажет, *чтоб* Сальери гордый был Когда-нибудь завистником презренным?» (Пушк.). Отношения этого рода являются усложнившимися в обороте со значением **за м е с т и т е л ь н о с т и**, где при **вместо того** употребляется **чтобы** с инфинитивом: «*Вместо того чтобы подойти* к нему, я стала к столу, у которого он писал» (Л. Толст.).

Специальный случай употребления представляет имеющий определенное значение союз **чтобы** в заимствованном из французского языка обороте «**слишком... чтобы**» с инфинитивом: «Он был *слишком смирен и невиден, чтобы быть произведённым* в фейерверкеры, хотя уже был пятнадцать лет бомбардиром» (Л. Толст.). Одинаковое по своей функции (целевой) с **чтобы** устарелое **дабы** иногда может заменять этот союз.

Но **дабы** не во всех случаях по своему значению соответствует союзу **чтобы**, и нельзя, напр., им заменять **чтобы** после глаголов опасения и под., как это ошибочно сделано в одном переводе «Цезаря и Клеопатры» Б. Шоу: «И поэтому остерегайтесь, *дабы* какой-нибудь маленький народ, который вы обратили в рабство, не поднялся и не обратился в руках богов в бич, что обрушится на ваше хвостовство и вашу несправедливость, на ваши пороки и вашу глупость».

Чтобы, одинаково — целевое и изъяснительное, исторически получило своё **бы** от аналитических форм условного наклонения. Связь этого союза с формами условного наклонения сказывается и до сих пор в том, что в речи свободной, грамматически не отделанной, при нём в качестве вторых сказуемых могут появляться формы с **бы**. Ср.: «Ямщикам скажи, что я буду давать по целковому, *чтобы* так, как фельдъегеря, катили и песни *бы пели*» (слова Хлестакова в «Ревизоре» Гоголя). «Не хочу я, *чтоб* ты притворялася И к улыбке себя *принуждала бы*» (А. К. Толст.).

В относительно нередких случаях, утрачивая свой прямой смысл, значение изъяснительного союза приобретает **как**: «Он [Евгений] не слышал, *Как* подымался жадный вал, Ему подошвы подмывая, *Как* дождь ему в лицо хлестал, *Как* ветер, буйно завывая, С него и шляпу вдруг сорвал» (Пушк.). «...И вижу, *как* судьбе послушно Года уходят, будто сны» (Лерм.). «Она [Варька] приносит дрова, топит печь и чувствует, *как* расправляется одеревяневшее лицо и *как* проясняются мысли» (Чех.). «Глеб помнил, будто сквозь сон, *как* схватил красный флаг и взмахнул им над толпою три раза» (Глад.). «Увадьев почувствовал, *как* лицо его стала заливать яркая краснота» (Леон.). Здесь **как** по существу равняется или близко к «что».

После глаголов со значением опасения, боязни в роли изъяснительного союза может выступать **как бы**: «Он [Беликов] боялся, *как бы* чего не вышло, *как бы* его не зарезал Афанасий, *как бы* не забрались воры» (Чех.).

В значении изъяснительного союза может выступать также **когда**; о нём см. при союзах времени.

С о ю з ы в р е м е н и: относительное наречие-союз **когда**; союзы: **как, как только, лишь, как вдруг, с тех пор как, после того как, как скоро, прежде чем, раньше чем**; наречия-союзы: **пока, покуда, покамест, только, лишь, лишь только, только что, чуть, чуть только, едва** и др.

Как во временном значении (за исключением соединений *едва... как, ещё не... как* и т. п.) устарело и теперь, вообще говоря, не употребляется. У писателей XIX века ещё нередко можно встретить: «Под ним (*как* начинает капать Весенний дождь на злак полей) Пастух, плетя свой пёстрый лапоть, Поёт про волжских рыбаей» (Пушк.). «*Как* я вспоминаю теперь, то вижу, что многое — и этот связывающий неизменный порядок, и эта бездна праздных и любопытных людей в нашем доме — было неудобно и тяжело» (Л. Толст.). «В полночь, *как* соловей восточный Свистал, а я бродил незримый, за стеной, Я видел...» (Фет).

Теперь в тех относительно редких случаях, когда оно может употребляться, стилистически его воспринимаем как черту разговорной речи: «А Тарантьеву скажи, *как* придёт, — прибавил он, обращаясь к Захару, — что мы дома не обедали» (Гонч.). «Бывало, начнёт ругать его жена, даже бить, *как* он пьяный придёт, а он плачет» (Л. Толст.). «Народ на него как на вора смотрел, и, *как* пришло время набора, все стали на него указывать» (Л. Толст.). «По будням не любит безделья, Зато вам её не узнать, *Как* сгонит улыбка веселья С лица трудовую печать» (Некр.). «Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнёт, *Как* грянет нечаянно пушка» (Некр.). «Бабы смеялись у Шумкина родника, сторонились, а *как* уехал Степан в город, родные повалили со всех сторон, — злой говор шепотком да с упрёком передавали» (Панф.). Особенно часто **как** в фразах последнего типа — с оттенком значения «как только».

Вполне обычны в литературном языке **как вдруг** и **как** в смысле «как вдруг», особенно после предложений со словами **едва, только, ещё не** и родственных им по смыслу предложений со значениями начала или отсутствия возможного действия: «*Ещё* Герасим не договорил, *как* мрачно начал жёлтый и длинный Фёдор Мельничный, выступая вперёд» (Л. Толст.). «*Едва* лишь Макар стал подходить к коню, *как* тот норовисто махнул головой» (Шолох.). «*И только что* он хотел толкнуть закладку и вылезть, *как* снаружи кто-то стал по ней шарить рукой» (Данилевский). «*Не прошло* пяти минут, *как* со всех сторон затрещали и задымились костры, рассыпались солдаты, раздувая огни, и в лесу неумолкаемо зазвучали сотни топоров и падающих деревьев» (Л. Толст.). «Мы стали рассуждать о нашем положении, *как* *вдруг* Василиса Егоровна вошла в комнату задыхаясь и с видом чрезвычайно встревоженным» (Пушк.). «Я сидел погружённый в глубокую задумчивость, *как* *вдруг* Савельич прервал мои размышления» (Пушк.). «Мишка, помахивая хвостом, смотрел на хозяина хитрым, понимающим взглядом, *как* *вдруг*, заслышав шорох, поднял лохматые уши и быстро повернул к реке лохматую голову» (Фад.). «Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпе-

ливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура» (Тург.).

Заметим, однако, что в этом типе предложений, особенно вводимых союзом как вдруг, подчинённость чувствуется слабо: предложение не отвечает на какой-либо вопрос главного и союз близко соприкасается по своему значению или с сочинительным и, или с наречием вдруг на границе фразного членения.

В ряде случаев (ср., хотя бы, примеры первый, второй, третий) временной момент, выражаемый наречиями времени, вводящими предложения, за которыми следуют как, как вдруг, сообщает первым значительный оттенок подчинённости и, на фоне возможности опущения как, как вдруг во вторых, последние приобретают почти значение главных предложений.

Обязательно как после предложений с указанием времени (после того как, с тех пор как): «Вот пятый годочек пошёл, как взнёс, а как взнёс,— в кабалу меня и забрал, батюшка!..» (Тург.). «Ещё не прошло тридцати лет, как ему дали волю,—каждый сорокалетний крестьянин родился рабом и помнит это» (Горьк.).

Наиболее употребительно в качестве относительного наречия союза когда.

Специального внимания заслуживают случаи, частые особенно в разговорном языке, его функционального приближения к изъяснительному значению: «Тем неожиданнее было, когда вдруг, с непостижимой быстротой, изменилось разом всё лицо его, доселе гневное и свирепое, сжатые губы раздвинулись, и Дмитрий Фёдорович залился вдруг самым неудержимым, самым неподдельным смехом» (Дост.). «Молчаливая печаль этого места начинала захватывать меня, и я ждал почти с нетерпением, когда скрипнет дверь и старик с мальчиком вернутся» (Корол.).

Примеры временных союзов и наречий союзов, употребляющихся реже других:

«Покуда мы, артиллеристы, хлопотали около орудий..., пехота уже составила ружья, разложила костры, построила из сучьев и кукурузной соломы балаганчики и варила кашу» (Л. Толст.). «Каждое слово, каждый лесной шорох как-то чутко отдаётся в воздухе и долго ещё слышатся потом, повторяемые лесным эхом, покуда не замрут наконец бог весть в какой дали» (Салт.-Щедр.). В современном литературном употреблении покуда воспринимается как разговорное и в книжном языке встречается редко. «Сенюша, знаешь ли, покамест, как баранов, Опять нас не погнали в класс, Пойдём-ка да нарвём в саду себе каштанов» (Крыл.). «Едва огласилось решение суда, Всем было неловко и жутко» (Некр.). «Едва только Ворошилов, взобравшись, поднял руки с биноклем — по железной крыше будто ударило горохом» (А. Н. Толст.). «И только небо засветилось, Всё шумно вдруг зашевелилось» (Лерм.). «Чуть колыхнулось болото стоячее, Ты ни минуты не спал» (Некр.). «В августе его сманили дикие скворцы в стаю, обучили летать, и, когда в саду стали осыпаться листья, Желтухин — чуть зорька —

улетел с перелётными птицами за море, в Африку» (А. Н. Толст.). «И славен буду я, доколь в подлунном мире Жив будет хоть один пиит» (Пушк.). «Иди неуклонно за плугом, Рассчитывай взмахи косы, Клонись к лошадиным подпругам, Доколь не заблещут над лугом Алмазы вечерней росы» (Брюс.).

Относительное наречие-союз доколе (доколь) в настоящее время фактически вышло из употребления и возможно только в архаизирующих и, специально, в поэтическом стилях.

Примеры сложных временных союзов (союзных речений):

«Между тем как она [мать] со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания» (Гог.). «Селифан только помахивал да покрикивал: «эх! эх! эх!», плавно подскакивая на козлах, по мере того как тройка то взлетала на пригорок, то неслась духом с пригорка» (Гог.). «По мере того как она оживлялась, князь всё строже и строже смотрел на неё» (Л. Толст.). «До самой синевы вечера, сменяя друг друга, говорили ораторы, и по мере того как они рассказывали, у всех нарастало ощущение нехватимого счастья, неразрывности с той громадой, которую, они знают и не знают и которая зовётся Советской Россией» (Сераф.). «Я, прежде нежели подумал об этой предосторожности, вдруг почувствовал, что кушетка отделилась от стены, а я отделяюсь от кушетки» (Гонч., «Фрегат Паллада»).

Приблизительно до середины XIX века, изредка в ближайшие два десятилетия, в роли временного союза-речения встречалось как скоро = «как только»: «Как скоро взаимное уважение и сердечная теплота растопили оковы приличий или, лучше сказать, принуждённостей, нежная искренность и беззаветное доверие заступили в ней место недоступности и тонкого злословия» (Бестужев-Марлинский). «Как скоро отряд начал подъезжать к Шварцбаху, означенному полосой сгущённого дыма, Мурзенко махнул своей пятисотне и бросился с нею вплавь через реку» (Лажечн.).

В придаточных предложениях с пока (= до тех пор пока) в литературном языке преобладает конструкция с не (чаще — с совершенным видом глагола): «А пока у нас не явятся такие люди, мы не перестанем указывать на те великие имена» (Тург.). «Э, всякая работа трудна до времени, пока её не полюбишь» (Горьк.). «Пока на пороге не появлялся отец, в детской стоял ужасный шум».

В этой конструкции не, повидимому, связано с тем оттенком условности, который заключают в себе подобные придаточные предложения; ср.: «если не...» в такой, напр., фразе с ярко выраженным моментом условности, как: «Не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее» (Гог.), где опущение не и вовсе невозможно. Другой важный оттенок, способствовавший укреплению не при пока, — момент ожидания со связанной с ним вопросностью; ср.: «не... ли?»: «Жду, пока не придёт» = «... не придёт ли?» Из подобных предложений это не уже более или менее механически в практике языка оказалось перенесённым в чисто временные.

Реже случаи, когда при **пока** в значении «до тех пор, пока» не отсутствует. Это чаще наблюдается в предложениях с прошедшим временем или вообще тогда, когда смысл исключает оттенок условности: «Украинская осень удержала меня *до тех пор, пока* белые туманы совсем *перестали* с полночи спускаться облачною завесою и затем взмывать волнами к голубому небу» (Леск.). «Мы посидели, *пока* он уснул, И разошлись осторожно» (Некр.). «Склонись ко мне главою нежной, И да почию безмятежно, *Пока* дохнёт весёлый день И *двигнется* ночная тень» (Пушк.).

Сочетание сразу обоих способов имеем, напр., во фразе: «...И только Матвей просидел всю тёплую ночь, *пока* свет на лбу статуи *не померк* и *заиграли* отблески зари на волнах, оставляемых бороздами возвращающихся с долгой ночной работы пароходов» (Корол.).

Сложные союзы времени **в то время как, между тем как, тогда как** в ряде случаев через промежуточные оттенки переходят в значение подчинённого противопоставления: «*В то время как* в странах капитализма, находящиеся в состоянии жесточайшего хозяйственного кризиса, безработица приняла чудовищные размеры, наша страна уже изжила безработицу». («Изв.»). «Но слава заменила вам Мечтанья тайного отрады: Вы разошлись по рукам, *Меж тем как* пыльные громады Лежалой прозы и стихов Напрасно ждут себе чтецов И ветреной её награды» (Пушк.). «Стежков разлетается стая Под бледной, как месяц, рукой, *Меж тем как*, стекло потрясая, Норд-ост заливаётся злой» (Багрицк.). «Ну, полно, Ариша, *перестань*», — заговорил он [Кирсанов], поменявшись взглядом с Аркадием, который стоял неподвижно у тарантаса, *между тем как* мужик на козлах даже отвернулся» (Тург.).

Всякий оттенок времени исчезает, однако, в случаях вроде: «Он беспрестанно двигался, поводил плечами..., моргал, покашливал и шевелил пальцами, *между тем как* сын его отличался какою-то небрежною неподвижностью» (Тург.). «И старая школа, действительно, сердилась на вас до бешенства, но «Ревизор» и «Мёртвые души» от того не пали, *тогда как* ваша последняя книга [«Переписка с друзьями»] позорно провалилась сквозь землю» (Письмо Белинского к Гоголю 1847 г.). «Точно так не узнаете вы жизни общества, если вы будете рассматривать её только в непосредственных отношениях нескольких лиц... тут будет только деловая, — официальная сторона жизни, *между тем как* нам нужна будничная её обстановка» (Доброл.). «Промерили глубину фарватера — 27 футов, *тогда как* судно благодаря своей перегружённости, сидело в воде на полтора фута больше» (Новиков-Прибой), — в предложениях, где мы имеем уже только подчинённое противопоставление. Ср. ниже о значении подобного союза если.

Временные сложные союзы прежде чем (возможно и **прежде, чем**), **перед тем как, раньше чем, раньше нежели** при одинаковом подлежащем в главном и придаточном предложениях употребляются с инфинитивом: «*Прежде чем* лечь, он послал ещё телеграмму, вызывавшую на завтра мастера Евгения Нилова» (Ко-

рол.). *«Перед тем как есть кисель, из-за стола поднялись Пафнутий Сухотин, у которого недавно умерла дочь, и Спиридон Ванькин, похоронивший на-днях старшего сына»* (Викт. Чехов).

Я. К. Г р о т («Филологические разыскания», I, изд. 3, стр. 17) считал такие конструкции галлицизмами; В. И. Ч е р н ы ш ё в («Правильность и чистота русской речи», 1914 г., стр. 236) признаёт это только для случаев, когда придаточное предложение идёт за главным.

В рассмотренных типах союзных соединений подчинённость в общем резко выражена. Ощущение её в нашем грамматическом сознании особенно чётко поддерживается возможностью получить придаточное предложение как ответ на вопросительное слово — возможный член главного. Усложнения представляют, однако, те случаи, где синтаксическое объединение достигается употреблением соотносительных союзов, т. е. таких, отдельные части которых служат выражению определённого синтаксического значения, но заключены в разных предложениях: *лишь только..., как...; едва..., как, или где*, наряду с союзами такого типа, выступающими в одной части фразы, влиятельная роль принадлежит ритмомелодике; ср.: *«Стоило взглянуть на всю эту местность, чтобы сразу заметить, как неприступен закрытый Колочей правый фланг и как открыт, а потому и слаб, левый»* (Голуб.). *«Не успела высохнуть типографская краска на страницах «Таймса», устами своего собственного корреспондента успокоившего лондонский Сити насчёт царящего-де в Египте спокойствия, как в Каире в целом ряде провинциальных городов начались серьёзные революционные события, активным участником которых выступает египетский пролетариат»* («Изв.»).

Условные и уступительные союзы в общем близки по употреблению к последней группе, разделяя, кстати сказать, с нею в ряде случаев возможность опущения соотносительного союза, приходящегося на главное предложение.

У предложений условных эта соотносительная часть явно указательного происхождения, но настолько семантически побледневшая, что её трудно поставить в прямую параллель к указательным элементам, нередко выступающим в случаях, где придаточное предложение вводится относительным словом.

Сравнительно с описанными типами подчинённых предложений условные и уступительные в своей подчинённости опознаются применением вопросов относительно труднее; но никакого серьёзного значения этот факт не имеет: язык просто не выработал на ранних стадиях параллельных вопросительных местоимений, и функции их теперь для нас выполняют сочетания типа — *при каком условии? несмотря на что?*

Условные союзы: *если (бы), ежели (бы), кабы, когда (бы), коль скоро, коли, ли, раз* и др.

Ежели у некоторых классических писателей XIX века соперничало, иногда даже преобладало над *если*. Ср., напр., у Л. Тол-

стого: «*Ежели* я и замечала иногда его внимательно-серьёзный взгляд, вопросительно устремлённый на меня, я не понимала его значения»; у Некрасова: «*И ежели* жить нам довольно, Нам слаще нигде не уснуть» и т. п. Очень часто оно у Салтыкова-Щедрина.

У позднейших писателей *ежели* становится приметой просторечия и народной речи и выступает наряду с другими средствами подобной характеристики.

Стоит заметить, что в предложениях желания, где *если бы*, *если б* употребляется уже как союз, вводящий главным образом самостоятельные предложения (не нуждающиеся в главном), *ежели бы* (*ежели б*) фактически совсем вышло из употребления.

Кабы (диалектное *каб*) и *коли* (*коль*) вносят колорит народной речи, причём последний союз может легко сочетаться с поэтическим стилем. *Кабы* чаще употребляется со значением желания или (при «не») со значением сожаления: «Жил был он славно, не знал бы заботы, *Кабы* не стали глаза изменять: Начал частенько Мазай пуделять» (Некр.). «А в хвосте людского потока торжественно, точно плыли, выступали прославленные владимирские плотники, которые, по присловью, и часы починили бы, *каб* просунулся в часы топор» (Леон.). «*Кабы* дно морское достать да измерить! *Кабы* можно, братцы, красным девкам верить!» (А. К. Толст.). «*Кабы* мы любили, да не разлюбляли!» (А. К. Толст.). «*Кабы* коновалы были, ну так; а то только пользу свою опускаешь» (Гл. Усп.). «Да, дурен сон, как погляжу; Тут всё есть, *коли* нет обмана» (Гриб.). «Но сердце глупое, как ветхие часы, *Коли* забьёт порой, то всё свой час заветный» (Фет). «Молвит он: *коль* жив я буду, Чудной остров навещу, У Гвидона погощу» (Пушк., «Сказка о царе Салтане»). «Жить бы можно было, *коли бы* душевного горя не было» (Л. Толст.). «*Коли б* не ты, я, может, за купца бы вышла, или за благородного какого. *Коли б* не ты, я бы теперь мужа любила» (Чех.).

В первой половине XIX века *коли*, *коли б* противопоставляются стилистически другим союзам условия менее чётко, чем в последующее время: по крайней мере, их можно встретить в эти десятилетия у писателей и в обычной, нежанровой речи без заметных установок на специальную функцию. Ср., напр.: «Ступайте прямо на лестницу. *Коли* вы найдёте кого в передней, то вы спросите, дома ли графиня» (из письма Лизы в «Пиковой даме» Пушкина).

Заслуживает внимания тот характерный факт, что в начале XIX века *коль* является господствующим союзом условия в трагедии (у Озерова и других представителей русского классицизма).

Ближе к «средней» линии литературного слога несколько устаревшее *коль скоро* = «если уж...»; оно эмоциональнее обычного *если*, но прямого впечатления народной речи, как, напр., *коли*, не вносит: «Как известно, тряпка самая обыкновенная, *коль скоро* ею завяжут рану или вообще больное место, уже сама по себе представляет как бы лекарство, медикамент» (Гл. Усп.).

В роли условного союза со значением допущения возможно *пусть*: «Пусть я посватаюсь, вы что бы мне сказали?» (Гриб.).

Ли — энклитически (как прилегающая) употребляемая частица, обыкновенно сопровождающая повторяемые члены условной фразы: «Всё заносили десятники в книжку — Брал *ли* на баню, лежал *ли* больной...» (Некр.). «Взгляну *ли* вдаль, взгляну *ли* на тебя, — И в сердце свет какой-то загорится» (Фет).

Ср. ещё **ли...или (иль)**: «На море *ли* синем поют рыбаки, *Иль* нимфы серебряным смехом Тревожат пугливое ухо зари — Стена им ответствует эхом» (Фет).

Раз. По значению к нему ближе всего «если уж», «а если» в смысле прямого условия, из которого должен последовать вывод, т. е. условия, близкого к причинности. Союз этот характеризуется усилением логического ударения и известной эмоциональностью, но, несмотря на то, что он фактически проложил себе дорогу и в «академический» слог, эмоциональность его ощущается чаще как снижение.

В конце XVIII века и в первой половине XIX употребление **раз** в качестве союза скорее ещё только намечается, нежели является бесспорным фактом. Возможно, что **раз** в литературном языке, в согласии с мнением, высказанным уже очень давно академиком Я. К. Г р о т о м («Филологические разыскания», I, изд. 3, стр. 17), является калькой с французского: «Раз он взялся — непременно сделает» (*Une fois qu'il s'en est chargé...*). Особенно убедительно за такое толкование говорят редкие случаи появления **раз что**, точно воспроизводящего у авторов, хорошо владеющих французским языком, французский союз в его полном виде — «*une fois que...*»: «*Раз что* стихи написаны, я смотрю на них как на товар, не иначе» (Пушк.); «*Раз что* дверь отперта..., кто может поручиться, что в неё не войдут сторонние люди?» (Салт.-Щедр.).

И, тем не менее, вероятным представляется, что на самой русской почве уже были семантико-синтаксические условия для образования союза **раз**, и лишь некоторый толчок извне превратил подготовленные элементы в стойкий смысловой факт. За подобное предположение говорят, напр., такие старые случаи употребления **раз** в сочетании с условными союзами: «*Коли раз* начала, зачем после скромничать?» (Грибоедов и Катенин, «Студент», 1817 г.). «*Если уж раз* мне дали сознать, что «я есмь», то какое мне дело до того, что мир устроен с ошибками?» (Дост.). Ср. и примеры без сопровождающих союзов, в которых существительное **раз** начинает утрачивать своё прямое значение и приближаться к союзному условному: «Днесь скрывать мне тех бесчестно, *Раз* кого я похвалял» (Державин, «Храповицкому», 1797 г.). «Заборы были высоки, светлицы и терема девиц крепко-накрепко защищены; но *раз* случай помог влечению сердца или просто неопытности, *раз* эта преграда разрушена, и грех, если не страсть, торжествовал над всем: над связями семейными, над стыдом девическим, над святынею» (Лажечн., «Басурман», 1838 г.).

Около конца XIX века союз **раз** окончательно входит в разговорное и литературное употребление, и далее это употребление всё более ширится: «Я советовался с Тарахановым насчёт Хаджи-Мурата, и он совершенно согласился со мной в том, что или сле-

довало поступить, как я поступил, или заключить Хаджи-Мурата в тюрьму и сторожить его со всеми возможными строгими мерами, потому что, уж *раз* обращаться с ним худо, его не легко стеречь, — или же удалить его совсем из страны» (Л. Толст.). «Практика давно уже выработала такой образ действия: кондукторы зорко следят на станциях за приближающимся косарём и энергично отражают его попытки проникнуть в поезд, но *раз* он уже очутился в вагоне, на него машут рукой и, без всяких тасканий к начальству, просто высаживают на следующей станции: всё равно, взятки с него гладки» (Верес.). «...Сотни гор совсем снесём. Если надо — взрежем глубь их, *Раз* пошли мы — мы пройдем» (Безым.). «*Раз* мы не хотим чужой земли, то мы не можем хотеть войны» (М. Литвинов). «Последние слова Долинника всё сказали Павлу — было ясно. Долинник — свой человек. *Раз* провожал Жухрая — значит...» (Н. Остр.).

Канцелярскому языку долгое время был свойствен архаизм *буде*, теперь окончательно вышедший из употребления. Его воскрешают иногда в архаически-стилизованной речи: «...Но, *буде* Софья всё же поднимает войска по набату, — нужно уходить с потешными в Троице-Сергиево под защиту неприступных стен, — место испытанное, можно отсиживаться хоть год, хоть более...» (А. Н. Толст., «Пётр I»). «Он [Сергей Львович Пушкин] ехал в Петербург, чтобы навестить Александра и заодно узнать, нельзя ли перевестись в столицу, а *буде* нельзя, — куда угодно, на место, более его достойное» (Тынянов).

Когда в определённо-условном значении скорее относится к разговорному языку: «Так лучше ж ты их сам продай, *когда* уверен, что выиграешь втрое» (Гог.). «Что его жизнь, *когда* она пылинка в этом океане человеческих жизней?» (Гладк.).

Когда бы сохранилось лучше и до сих пор ощущается как естественное в поэтическом языке: «*Когда бы* ведала Татьяна, *Когда бы* знать она могла, что завтра Ленский и Евгений Заспорят о могильной сени, — Ах, может быть, её любовь Друзей соединила б вновь» (Пушк.). «И за руку крепко меня он держал: «Что б было, *когда б* вы упали?»» (Некр.). «Природа-мать, *когда б* таких людей Ты иногда не посылала миру, Заглохла б нива жизни» (Некр., «Памяти Добролюбова»).

Встречается оно и в стиле, близком к разговорному: «...Было бы гораздо лучше для обывателей, *когда бы* совсем не существовало у них мощёного проспекта» (Помяловский).

С формами глагола, главным образом, аффективными (инфинитивами, 2 лицом изъявит. накл. в значении обобщённо-личном и т. п.), употребляется в значении условного союза *как*: «*Как* по-сравнить да посмотреть Век нынешний и век минувший, — Свежо предание, а верится с трудом» (Гриб.).

Специальный оборот представляет в русском языке сочетание *стбит (стоило)... как...* Смысл его условный. Союзом является *как*, но условность заключена в *стбит*. Ср.: «...*Стоило* [ему] движением брови, взглядом показать, что ему не нравится то, что я

хочу сказать..., как мне уже казалось, что я не люблю того, что любила прежде» (Л. Толст.). Возможны в подобных случаях и сочетания **стоило..., и..., стоило..., чтобы...** «*Стбит* только... получить мне от тайного нашего поверенного условленный пароль, и хандра моя, как чад, пройдёт» (Лажечн.). «Не хочется им поднять руки на то дерево, на котором и они сами выросли; вот они и стараются уверить себя и других, что вся гниль его только снаружи, что только очистить ее *стоит*, и всё будет благополучно» (Доброл.). «Всё прошедшее показалось ему диким бредом, нелепостью, сумбурной чепухой, на которую *стбит* махнуть рукой, и она рассыплется, развеется, как мираж» (Лаврен.). «*Стбит* ему только прийти, чтобы всё то же заговорило и наперерыв запросилось в душу, наполняя её счастьем» (Л. Толст.). «*Стоило* только зазеваться раз, чтобы окончательно посадить и лошадь, и воз, или самому завязнуть» (Григор.). Ср. употребление при обратном порядке предложений с **лишь (только)**: «...А у людей она слыхала, Что это зло ещё не так большой руки: *Лишь стбит* завести очки» (Крыл., «Мартышка и очки»).

Этот же характер носит оборот **довольно..., чтобы**: «Бывало, мне *довольно* только ящиком шевельнуть, чтобы Ярик, спящий колечком, развернулся, как стальная пружина, и подбежал к столу, сверкая огненным взглядом» (Пришв.).

Со стороны синтаксической заслуживает быть подчёркнутым ещё, что условные союзы, в состав которых входит **бы**¹, в главном предложении сопровождаются формами условного наклонения.

Вряд ли приходится доказывать, что условные предложения в ряде случаев сохраняют ещё заметную связь с временными; ср., напр., такие фразы, где они тесно соприкасаются друг с другом: «*Когда* кто-нибудь заслонял лампочку и большая тень падала на окно, то виден был яркий лунный свет» (Чех.).

Реже переход временных в оттенок уступительности: «Что же делать? С кем это не случилось? — сказал сын развязным смелым тоном, *тогда как* в душе своей он считал себя негодяем, подлецом, который целой жизнью не мог искупить своего преступления» (Л. Толст.).

Отметим, наконец, возможность при союзе **когда** тесного соприкосновения значения изъяяснительного и условного: «Ещё более радовало его, *когда* он мог поднять выше колен рваные панталоны и ходить вместе с детьми соседей около берега в воде, шаловливо брызгая ею во все стороны или отыскивая в вязкой земле букашек» (Шелл.-Мих.). В роли союза со значением противопоставления в русской книжной, особенно газетной, речи теперь распространилось **если**: «*Если* неимущие классы страдали от недоедания, то богатые болели от переедания»².

¹ Собственно остаток условного наклонения глагола. Это **бы**, как известно, может отходить к другим словам соответственного предложения.

² Толковый словарь русского языка, I, стр. 837.

Деградацию условности в сторону ограничительности имеем в выражениях вроде **что, как не..., кто, как не...** и под.: «Что заставило предоставить некоторые права гласности, которой прежде так боялись, — что, *как не* сознание силы того общего протеста против бесправия и произвола, который в течение многих лет сложился в общественном мнении и, наконец, не мог себя сдерживать?» (Доброл.).

Уступительные союзы: хотя (хоть); несмотря на то, что; даром что; пусть; пускай и др.

Хотя (хоть) может иметь в главном предложении соотносительные с собой **но, однако, да**: «*Хоть* ты и в новой коже, *Да* сердце у тебя всё то же» (Крыл., «Крестьянин и Змея»). «*Хоть* всё попрежнему певец Далёких жизни песен странных Несёт лирический венец В стихах безвестных и туманных, — *Но* к цели близится поэт, Стремится, истиной влекомый» (Блок).

Пусть (пусть бы), пускай (пускай бы), правда также обычно сопровождаются в главном союзами **но** и **однако**. Но предложения, вводимые ими, ощущаются как менее зависимые сравнительно с *хотя*. В сознании ещё не утрачена связь их с самостоятельными предложениями, продуктом перерождения которых они являются и от которых их собственно отличает только ритмомелодика: «Рыбак и старушка весьма изумились: *Правда*, им часто входило на мысль, что такая развязка Рано иль поздно случится должна; *но* об этом молчали Даже друг с другом они» (Жуковск.). «*Правда*, день выдался прескверный, *но* неожиданного, собственно говоря, не случилось» (Сейфуллина). «Что ж! *пусть* весна у нас позднее и короче, — *Но* вот дождались наконец...» (Фет). «*Пусть* я не был бойцом. без упрёка, *Но* я силы в себе сознавал, Я во многое верил глубоко...» (Некр.). «*Пускай* ханжи глядят с презреньем На незаконный наш союз, *Пускай* людским предубежденьем Ты лишена семейных уз, — *Но* перед идолами света Не гну колена я мои...» (Лерм.). «Груз тяжёл, но и силы же много. *Пусть* всемирная темь глубока, *Но* зато будет эта дорога Отражать вашу поступь в века» (Александровский). Ср. и текст, имеющий смысл на границе превращения двух фраз в сложное предложение с условным **пусть** в первом: «*Пусть* вы или самое время докажет, что я заблуждался в моих о вас заключениях. Я первый порадуюсь этому, но не расскаюсь в том, что сказал вам» (Письмо Белинского к Гоголю 1847 г.).

Пример с опущенным **но**: «*Пусть* воля моя неизменно одна, *Пусть* всякая дума бесплодна, Я честно исполнить отцовский приказ Решилась, мои дорогие!» (Некр.).

Правда, по происхождению вводное слово, стоит собственно на границе между ролью последнего и функцией союза. Осознавая это, на письме его часто отделяют, как другие вводные слова, запятой.

Несмотря на то, что: «*Несмотря на то, что* Жарков к аплодисментам привык так же, как телеграфный столб к проводам, мужицкие хлопки взволновали его...» (Панф.). Ср. и стареющее **невзирая на то, что...**

Просторечно даром что: «Он [мужичок] весь был ясно виден до заплаты на плече, *даром что* ехал в тени» (Тург.). «Ведь я ещё молодая, *даром что* рослая» (Тург.).

В роли уступительного союза может выступать также и, усиливая общий уступительный характер придаточного предложения (выраженный условным наклоном, ритмомелодикой и т. п.): «*И* не спесив бы парень, *да* в гости не зовут» (посл.). «*И* хочет, *да* не может».

Уступительный характер предложениям сообщает также сочетание **на что (уж)... а, но, и...** (с указательным местоимением): «*На что* родитель — медведь, *и того* к рукам прибрала» (Мельн.-Печерск.). «*Уж на что* бывал я в нужде и скорби, *а* такой нужды и я не видывал» (Салт.-Щедр.).

К союзам уступительным относится и **как ни** (ср. также во многих случаях родственные ему по оттенку уступительности наречия и местоименные имена существительные и прилагательные — **куда ни, где ни, кто ни, какой ни** и т. п.): «*Как ни* озабочен он был теперь, но ему вдруг захотелось свернуть к ним и вступить в разговор» (Дост.). «*Как ни* владела собою Одинцова, *как ни* стояла выше всяких предрассудков, но и ей было неловко, когда она явилась в столовую к обеду» (Тург.). «...*Как я ни* искал в груди моей хоть искры любви к милой Мери, но старанья мои были напрасны» (Лерм.).

Уступительные предложения по выраженному ими смыслу близки к условным. Особенно заметно это в переходных случаях, вроде: «Говорить серьёзно о «реформах» первых лет царствования Александра I можно лишь при очень большой предвзятости в пользу всяких реформ, *хотя бы* они ограничивались переобмундированием русских чиновников на английский лад» (из учебника); ср.: *если бы даже...* или просторечное и устаревшее **добро бы**: «...Все ... болезненно чего-то ищут. И *добро бы* — истины, блага себе и другим, — нет, они бледнеют от успеха товарища» (Гонч.); ср. и *если б хоть*. «Старик, лет в семьдесят, рыл яму и кряхтел. *Добро бы* строить, нет, садить ещё хотел» (И. Дмитриев).

Заслуживает быть отмеченным специальное сочетание **если не... то...**: «А есть у г. Никитина вещи, обличающие в нем *если не* сильный талант, *то*, по крайней мере, присутствие силы воображения и тёплого чувства» (Доброл.).

С условными и уступительными оттенками одновременно соприкасаются ограничительные — **только бы, лишь бы только** и т. п. (часто с инфинитивом): «Тетерев под снегом не бегаёт, ему *бы только* спрятаться от непогоды» (Пришв.). «Она способна была начать кусать себе язык, *только бы* ей не выдать себя» (Бобор.). «Слушаешь [мотор] и слушать хочется — *только бы* пел он немного потише» (Жига). «Огромное спокойствие охватило её — *только бы* не двигаться, не думать, кажется, и не дышать» (Эренб.). «Пусть она будет счастлива, пусть она узнает мою самоотверженную любовь, *лишь бы* мне её видеть, *лишь бы* знать, что она существует; я буду её братом, её другом...» (Герцен).

Уступительно-ограничительный смысл или условно-противительный вносится относительно редким союзом — **разве, разве только, разве что**: «*Разве помру, а то кончу словарь свой*» (Даль). «Не разукрашенная ничем — *разве только* красные флаги вспыхнули однажды и погасли надолго, да ещё покойному дядьке руку оторвало в каландрах машиною — протекла его юность» (Леон.).

Никаких особых замечаний, кроме сделанных выше, не требуют развившиеся из изъяснительно-определятельных союзы **следствия** (результативные): **так что, настолько что** и т. п. Упомянем о том, что **так что** образует случай, переходной к последней (пятой) группе союзов. Перед ним снижение тона наблюдается едва ли не столь же часто, как повышение: «Спросивши, как давно случилось несчастье, он [доктор] поднял майора Ковалёва за подбородок и дал ему большим пальцем щелчка в то самое место, где прежде был нос, *так что* майор должен был откинуть свою голову назад с такою силою, что ударился затылком в стену». (Гог.). «Голландский матрос с бородкой кантиком всё порывался сказать речь, вскакивал, садился, ёрзал на стуле, но очередь, как на зло, обходила его, *так что* он даже взгрустнул и притих» (Федин). «Снег был глубокий, его много ещё подвалило в конце марта, но он растаял быстро, как по волшебству, *так что* в начале апреля уже шумели скворцы и летали в саду жёлтые бабочки» (Чех.). «То, что она отыскала его в темноте и погладила и прижала ладонь к его губам, *так* взволновало Ивана Ильича, *что* и на ветру лицо его пылало» (А. Н. Толстой).

Особенно часто **так что** на границе фраз у Л. Толстого в его критической и публицистической прозе. Толстой охотно употребляет этот союз даже после больших сверхфразных единств как вводящий резюмирующие предшествующую мысль замечания.

После отрицательного предложения возможно в роли отрицательно-результативного союза **чтобы**: «Я же при том и не танцую, *чтобы* мог вредить каким-нибудь неосторожным движением» (Гог.).

Рассмотренная группа союзов, как отмечено при начале их обзора, обыкновенно соединяет предложения.

В языке создались, однако, уже такие типы, в которых мы наблюдаем перенесение подчинительных союзов (не исключая некоторых парных) на сочетания членов предложения. Сочетания эти семантически тесно связаны ещё с недавней организацией предложений и обыкновенно носят на себе выразительные черты ритмомелодической выделенности; ср.: «Всё здесь напоминает мне былое И вольной красной юности моей Любимую, *хоть горестную*, повесть» (Пушк.). «Я высунул нос из-под одеяла... и *хоть* заспанными, но сердитыми глазами окинул Карла Ивановича» (Л. Толст.). «Кавказское солнце, *даром что* запоздалое, горячо» (Сераф.). «Местечко похоже более на село, чем на город, но когда-то оно знало, *если не лучшие*, то во всяком случае менее дремотные дни» (Корол.).

Заметим, наконец, что некоторые союзы (союзные слова) осо-

бенно условные и временные, могут получать уточняющие оттенки от предшествующих им и следующих за ними наречий; ср.: «...только если..., если только..., даже если..., ...если даже..., ...уже когда... и т. п.

С о ю з ы с р а в н и т е л ь н ы е: *будто, как будто, как бы, словно, точно, что, подобно тому как, чем, нежели* и др. Из них *будто, как будто, как бы, точно, словно, что* так же, как относительное наречие *как*, часто выступают ещё и в роли обстоятельств при отдельных членах предложения, — особенность, относительно редкая у большинства других подчинительных союзов: «Только что-то вспомнит вдруг, Вспомнит, усмехнётся. И *как будто* сон пропал, Смех прогнал зевоту» (Твардовский, «Василий Тёркин»). «Оба — старик и мальчик — стояли на крыльце, заложив руки в рукава и *как будто* чего-то *ожидая*» (Корол.). «...И на всём какой-то серый пласт, *точно от пыли*» (Чех.).

Как сравнительно редко вводит целые предложения: «...Раздался тот ужасный крик, *Как будто* с детства мой язык К иному звуку не привык» (Лерм.). «Всё небо усыпано весело мигающими звёздами, и млечный путь вырисовывается так ясно, *как будто* его перед праздником помыли и потёрли снегом» (Чех.). «Тяжко дыша, вошли — Никита Зотов, босой, с белыми глазами; за ним преображенцы, Алексей Бровкин и усатый угрюмый Бухвостов, втащили, *будто* это были мешки без костей, двоих стрельцов» (А. Н. Толст.). «А у этого у кукуйского кутилки желваки выпячены с углов рта, *будто* так сейчас и укусит, да кусачка слаба» (А. Н. Толст.). «Ему аплодировали яростно, *будто* стреляли из ружей» (Коновалов). «А вы на земле проживёте, *Как черви слепые живут...*» (Горьк.). «Песню наладим, *как ладят* шхуну» (Тихон.).

Обычно при *как* сказуемое, если оно по значению то же, что и в главном, опускается: «Земля тряслась, *как наши груди*» (Лерм.). «Взяла, Отобрала сердце И просто Пошла играть — *Как девочка мячиком*» (Маяковск.).

С известной условностью господство этого типа сочетаний (они нередки и при союзах *будто, словно, точно*, в особенности — *что*) можно толковать как распространение в языке эллиптического типа — с опускаемым в придаточном предложении сказуемым, названным в главном.

Реже других встречается соединение сравнительного *как* с условным *если бы*: «Он [генерал] говорил так, *как если бы* сын Денискин стоял перед ним, нуждаясь в отеческом наставлении, и всем понравилось, что он говорит с этим полумальчишкой, как с сыном» (Леон.).

Специальным видом перерождения союза *как* является его употребление в роли союза ф у н к ц и и (значение — «в качестве кого», «в какой роли»). Такое *как* вводит приложения, согласованные с именами существительными и их эквивалентами, или имена существительные (и их эквиваленты), тяготеющие к сказуемому: «Ликвидация кулачества *как* класса». «*Как* поэт нового вре-

мени, он [Батюшк.] не мог в свою очередь не заплатить дани романтизму» (Белинск.). «Червяков нисколько не сконфузился, утёрся платочком и, как вежливый человек, поглядел вокруг себя, не обеспокоил ли он кого-нибудь своим чиханьем» (Чех.).

Словно и в особенности что имеют специфическую окраску разговорно-народного стиля: «И с царевной на крыльцо Пёс бежит и ей в лицо Жалко смотрит, грозно воеет, *Словно* сердце пёсье ноет, *Словно* хочет ей сказать: «Брось!» (Пушк.). «Почивал наш герой нехорошо, т. е. никак не мог даже на пять минут заснуть совершенно: *словно* проказник какой-нибудь насыпал ему резаной щетины в постель» (Дост.). «Мне было приятно, что бедный зверёк так доверчиво утихал и прислонялся ко мне, *словно* к родному» (Тург.).

Ср. ещё плеонастическое **словно как**: «...Он [Семён Иванович] лежал смирно, не стонал и не жаловался; напротив, притих, молчал и крепился, приплюснув себя к постели, *словно как* заяц припадает от страха к земле, заслышав охоту» (Дост.). «Лёд неокрепший на речке студёной, *Словно как* тающий сахар, лежит» (Некр.). «Всё ворожит, что красная невеста» (Пушк., «Борис Годунов»). «Тьмы сабель молодца, *Что* зыбкие колосья, облепили» (Пушк., там же). «Пойдём соловушек послушать: Там их, *что* в кузове груздей...» (Некр.). «Не так ли и ты, Русь, *что* бойкая, необгонимая тройка, несёшься?» (Гог.). «Кручину, *что* тучу, — не уносит ветром» (Кольц.).

Точно необычно, напр., в научном слого; оно, как и *словно*, скорее сообщает слогу черты устарелой разговорной или народной речи: «Странное дело — все были чем-то довольны, *точно* сами они получили свободу» (Дост.). «А сойдутся между собой — перепьются и подерутся, *точно* дикие» (Гонч.). «Я заметался по селу, *точно* кутёнок, потерявший хозяина» (Горьк.). «Эти мысли казались ей чужими, *точно* их кто-то извне насильно втыкал в неё» (Горьк.).

Только диалектным остался союз сравнения **ровно**, встречающийся лишь в стилизациях: «...Словом, *ровно* добрый плотник: что захотел, то и срубил» (Даль). «Егор Степанович Чухляв задержался в углу Он тихим шажком, *ровно* кот к воробушку, подошёл и сел рядом со Степаном» (Панф.).

Чем и стареющее **нежели**, употребляемые при сравнительной степени, лишь относительно редко соединяют предложения: «Он лучше, *чем* о нём говорят». «Он умнее, *чем* ты о нём думаешь». «На лоб мой морщины положит Годов беспощадный резец, И всё же я буду моложе, *Чем* смолоду был мой отец...» (Железнов). «Право, я благоразумнее, *нежели* кажусь» (Пушк.). «...Подобная решительность требует несколько другого развития, *нежели* какое получает сын турецкого аги» (Доброл.).

Гораздо чаще тип с отсутствующей сказуемой частью предложения: «Соревнование является в деревне не менее мощным орудием производственного подъёма, *нежели* в городе — на фабриках и заводах» («Правда»). Ср. и такие распространённые выражения, как: «Скорей по привычке, *чем* из потребности, он вытер

усы и пощурился в небо — хватит ли до утра нелётной погоды» (Леон.).

В сравнительных конструкциях типа: «*Чем* кумушек считать трудиться, Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» (Крыл.). «*Чем* на мост нам *итти*, поищем лучше броду» (Крыл.) — обязательен инфинитив.

В специальных выражениях с отрицанием, наряду с *чем* или даже преимущественно перед ним, употребляется *как*; *не далее, как*; *не иначе, как...*, *не более, как...*, и т. п. Ср. и *не что иное, как...*, *кроме как...*, представляющие дальнейшее преобразование оттенков сравнения и родственных в сторону ограниченности: «Жизнь есть *не что иное, как* постоянно побеждаемое противоречие» (Тург.). «Что же делать, если уже таковы свойства сочинителя, и, заболев собственным несовершенством, уже и не может изображать он *ничего другого, как только* бедность — да бедность, да несовершенства нашей жизни?» (Гог.). «Вот, например, каретник Михеев! Ведь *больше никаких* экипажей и *не делал, как только* рессорные» (Гог.). «Или этот взгляд ровно *ничего не говорил, как только* то, что, покуда есть глаза, надо же глядеть куда-нибудь, или же говорил слишком много» (Л. Толст.). «А ежели *ничего не остаётся, кроме как умереть?* — думал он [Андрей Болконский]. — Что ж, коли нужно, я сделаю это не хуже других» (Л. Толст.). «Такие слухи и мнения давно уже ходили по России и особенно усилились с начала великого поста, когда с закрытием театров и прекращением балов образованному обществу решительно *ничего делать, кроме как только сплетничать*» (Доброл.). Ср. и ограниченное *что (только)*: «Есть матери, — блажен, кто их имеет! — Нам кажется порою, может быть, Они *всего* на свете и умеют, *Что только* нас жалеть, кормить, любить» (К. Симонов).

С о ю з ы, вводящие г л а в н ы е предложения, следующие за придаточными, — *то* и *так*.

То может выступать после придаточных предложений причины, времени и условия; *так* — обычно только после условных и вносит с собою окраску аффективности.

П р и м е р ы:

«*Так как* главное условие для деятельности есть порядок, *то* и порядок в его образе жизни был доведён до последней степени точности» (Л. Толст.). «*Так как* Каштанка взвизгнула и попала ему под ноги, *то* он не мог не обратить на неё внимания» (Чех.). «*Когда* я воротился, *то* увидал, что она идёт, шатаясь и вытянув вперёд руку, от моря» (Горьк.). «*А если* кто отчасти и верил или даже сам доподлинно знал, *так* не считал себя вправе разглашать» (Писемск.). «*Если*, например, мода требовала распашных фраков, *так* его фрак распахивался до того, что походил на распростёртые птичьи крылья; *если* носили откидные воротники, *так* он заказывал себе такой воротник, что в своём фраке он похож был на пойманного сзади мошенника, который рвётся вон из рук» (Гонч.). «Спал он хорошо, но, на мой взгляд, ничем не лучше других детей, а *если* и

была разница, *так* она падала на обстановку: он лежал в куче ярких осенних листьев, под кустом, какие не растут в Орловской губернии» (Горьк.).

Необычно (так как главное предложение причинное): «Она была вообще до сладкого большая охотница, и *так как* у князя был превосходный кондитер, *так* он очень часто присылал и привозил старухе фунта по четыре, по пяти самых отборных печений» (Писемск.).

Но как союз следствия *так* иногда употребляется в разговорном языке после главных предложений. Вместе с другими предложениями следствия, вводимые этим союзом предложения ритмомелодически обыкновенно несколько более независимы — склонны «отламываться» от предшествующей части фразы, заканчивающейся значительным понижением тона, впрочем обычно меньшим, чем при *так что*: «Ты всё пела, это дело: *Так* поди же попляши» (Крыл.). «Но солнцу в силе я никак не уступлю. Как здесь оно спесиво ни блистало, Но без вреда снегам спустилось на ночлег; А около меня, смотри, как тает снег, *Так*, если зеленеть желаешь ты зимою, Как летом и весною, Дай у себя мне уголок!» (Крыл., «Роща и Огонь»).

О союзах *но*, *однако* и т. п. в начале главных предложений, следующих за уступительными, см. стр. 365.

У старых авторов (приблизительно до середины XIX века) параллельно *как*, начинающему предложения, следующие за придаточными времени (*едва...*, *лишь только...*), иногда в употреблении был союз *и*: «*Лишь только* Анджело вступил во управление, *И* всё тотчас другим порядком потекло» (Пушк.). «*Лишь только* я тебя увидел — *И* тайно вдруг возненавидел Бессмертие и власть мою» (Лерм., «Демон»). «Напрасно хотел Киприяно пересилить борьбу между враждебными дарами Сегелиеля: *едва* незаметное впечатление касалось раздражённых органов страдальца, *и* снова микроскопизм одолевал его, и незрелая мысль прорывалась в выражение» (В. Одоевский). «*Едва* желанное вино К моим губам поднесено — *И* сам я, сам, махнув рукой, Роняю кубок дорогой» (Тург.).

Пятую (последнюю) группу союзов представляют, наконец, как упоминалось, такие, которые употребляются обыкновенно на грани более или менее выразительных интонационных понижений, т. е. после членений, близких к фразным. Такое употребление возможно и для всех других, но не составляет характерной их особенности и предполагает особые причины (напр., большой объём вводимой ими части; ср. и замечание относительно союза *ибо*). Среди союзов пятой группы мы находим, такие, как *тем не менее*, *между тем*, *к тому же*, *зато*. Переходную категорию представляют *а то*, *не то* и др.¹

Примеры:

«Не простое любопытство меня волновало... Я никак не мог объяснить себе причину странных отлучек Колосова. *Между тем*

¹ А. М. Пешковский, Русс. синт. в научн. осв., 6 изд., 1948 г., стр. 424—426, в этих случаях говорит о «сочинении после разделительной паузы». Ср. у него перечень соответствующих союзов.

в нём не было ни той таинственности, которую щеголяют юноши, одарённые самолюбием, бледностью, чёрными волосами и «выразительным» взглядом, ни того поддельного равнодушия, под которым будто бы скрываются громадные силы» (Тург.). «К тому же вы сами не раз говорили, что каждый должен добывать себе хлеб собственными руками, *между тем* вы добываете деньги, а не хлеб» (Чех.). «Приют наш мал, *зато* спокоен» (Лерм.). «Он почти всегда думал о себе, *потому* тихая усмешка так часто и всплывала на его лице» (Бобор.). «Спал я одетый, *потому* мне не нужно было много времени, чтобы натянуть сапоги и пальто и выйти» (Корол.)¹.

Некоторые союзы сохраняют отчётливые следы своего происхождения из сочетаний предлогов и указательных местоименных имён, иногда союзов и таких же имён и допускают сочетание с другими союзами: **но тем не менее, а между тем, но зато** и т. п. Нередки, особенно в разговорной речи, стилистически отвергаемые как смешные — нагромождения вроде: «Но тем не менее однако всё-таки...» Ср., повидимому, с юмористической установкой у Чехова («О вреде табака»): «Я, конечно, не профессор и чужд учёных степеней, *но, тем не менее, всё-таки* я вот уже тридцать лет не переставая, можно даже сказать, для вреда собственному здоровью и прочее, работаю над вопросами строго научного свойства...»

Близки функционально и семантически к союзам последней группы некоторые так называемые **вводные слова**, ритмомелодически более или менее обособленные выражения отношения говорящего к предмету его мысли: **значит, однако, иначе, следовательно, стало быть, итак** и т. п.

Там, где, как в случае с **ведь**, моменты ритмомелодического обособления отпадают, можно говорить об особой подгруппе союзов.

Из моментов стилистических отметим по поводу союзов изучаемой группы, что **не то и стало быть** (особенно, устаревшее **стало**), более, чем другие, несут с собой впечатление народной речи или просторечия: «Сиди смирно, *не то* отдам тебя серому волку», — говорила мать своей маленькой дочери». «Он был стар — они были молоды, он был худ — они были сыты, он был скучен — они были веселы. *Стало быть*, он был совсем чужой, посторонний, совсем другое существо, и нельзя было жалеть его» (Л. Толст., «Холстомер»).

Из обзора союзов легко было убедиться, что значительная часть их одновременно известна в функции наречной, иначе говоря, как примыкающие в пределах одного предложения слова; ср. такие, как **только, едва, лишь, пока, хоть**.

Хорошо известен отчётливый параллелизм между вопросительными наречиями и наречиями относительными, которые выполняют союзные функции: **когда, как**.

¹ Два последних примера представляют случаи, переходные от наречий к союзам.

Теснее, чем *потому*, смыкает предложения просторечное **так**: «Там морозно, *так* ей шубу бросил» (Гладков).

Характеризуя союзы, стоит ещё обратить внимание на те виды спайки их в сложных синтаксических целых, которые делают сочетания предложений иногда неразложимыми на отдельные составные элементы, ср.: «*Но если кто, хотя случайно, Пред ним Мазепу называл, То он бледнел, терзаясь тайно, И взоры в землю опускал*» (Пушк.). «*Был он уже женат, но детей у него ещё не было, и не раз он думал о том, что когда будут дети, то им придётся так же плохо, а то и похуже*» (Корол.). Ср. несочетаемость «но...то», «что...то».

Ритмомелодические средства объединения предложений.

Чем слабее выражены синтаксические связи признаками грамматическими, тем сильнее выступают в их значении моменты ритмомелодические (силовые ударения, смены тональности, ускорения или замедления, паузы). Отсутствие союзных слов и союзов, при наличии в замысле фразы объединения предложений, компенсируется чёткими ритмомелодическими приметам. Эти приметы, вообще говоря, не составляют специальных особенностей русского языка, а потому мы ограничиваемся только общими указаниями на них.

1. Наиболее легко различается интонация **перечисления**, параллельная такой же при отдельных членах предложения. Суть её заключается в однотипности движений тона на соединяемых друг с другом членах, т. е., иначе говоря, тон каждого последующего члена может повышаться или спадать, но тональный рисунок каждого отдельного члена остаётся похожим на тональный рисунок

другого, напр.: или . На письме такой

интонации соответствуют запятые или точки с запятой.

«Обломилась вражья гордыня, Отвалилась с души скала, Снова нашей славы твердыня Поднимает вверх вымпела» (Асеев, «Севастополь»). «В душном воздухе стоял сильный стонущий ропот и гул: раздавались удары кирок о камень; заунывно пели колёса тачек; падала чугунная баба на дерево сваи...» (Горьк.). «...Но с каждой минутой ближе и ближе красноармейцы, всё точнее падают, рвутся снаряды; дух мрёт от мысли, что смерть так близка, что близок враг, что надо снять его, у него на плечах ворваться в станицу...» (Фурм.).

Возможны и точки: «Скрылось солнце за оврагами. Умиращая трава тихо вздохнула полевым ароматом. Хутор внизу быстро тонул в тени, хлынувшей от горы. Далёкая степь уже таяла в знойных сумерках. Где-то заблестел огонь...» (Тренёв).—Подробнее на стр. 425 и дал.

2. Интонация **пояснения, мотивирования, причины**. Интонирование соответственных предложений, объединяемых в сложное целое, тонко описано Пешковским: «Существует в сложном предложении,— говорит он,— ещё одна характерная интонация,

которую можно кратко определить как беспокойное понижение голоса¹. В то время, как понижение вообще имеет в языке заключительное значение... это понижение, напротив, ясно говорит слушателю, что дальше что-то ожидается, без чего речь будет неполной. Достигается это тем, что понижение соединяется здесь с особой ритмической формой предложения, которая заключается в следующем: 1) темп речи несколько ускоряется, 2) все ударения приобретают какой-то беспокойный, предупреждающий характер (говоря научно, такты речи из трохеических и дактилических делаются ямбическими и анапестическими), 3) на понижаемом слове... делается резкое и сильное ударение, резкость которого стоит в прямом отношении со степенью понижения: чем ниже, тем резче, 4) после предложения обязательно выдерживается, каков бы ни был темп речи, значительная пауза (пауза ожидания)...» («Школьная и научная грамматика», изд. 3, стр. 99). «Мы немедленно двинулись по направлению этого лая: мы знали, что, когда Пегас не в состоянии был принести добычу, он лаял над нею» (Тург.). «И действительно, Аркадию отлично спалось в своём предбаннике: в нём пахло мятой и два сверчка вперевивку усыпительно трещали за печкой» (Тург.). «Привязанность его [Лёвки] ко мне была понятна, — один я обходился с ним ласково» (Герцен)².

3. Предупредительная интонация. Она выступает чаще всего в конце первого предложения на слове, обещающем дальнейшее развёртывание (перечисление, более точную характеристику и под.), и сопровождается особенно длительной паузой. На логический центр второго предложения при этом падает сильное ударение, и второе предложение произносится обыкновенно медленнее первого. Эту интонацию отмечают чаще всего двоеточием или тире³. «Передо мною развернулась широкая картина труда людей: весь каменистый берег перед бухтой был изрыт, всюду ямы и кучи камня, тачки, брёвна, полосы железа...» (Горьк.). «Иногда он [сторож] пел и при этом сильно шатался и часто падал... и кричал: «Сошёл с рельсов!» (Чех.). «Я взял со стола, как теперь помню, червонного туза и бросил кверху: дыхание у всех остановилось; все глаза, выражая страх и какое-то неопределённое любопытство, бегали от пистолета к роковому тузу, который, трепеща на воздухе, опускался медленно...» (Лерм.). «Реальная критика относится к произведению точно так же, как к явлениям действительной жизни: она изучает их, стараясь определить их собственную норму» (Добролюбов). «Ветер подул — будет дождь».

¹ На первом члене соединения. — Л. Б.

² На особое место нужно поставить тот вид тесного объединения предложений в сложное, когда второе, мотивирующее, предложение присоединяется к первому посредством определительного местоимения или определительного местоимения-наречия: «Фарфоровые» [барышни] слушают и хихикают, смешивают произведения Тургенева с романами Авсеенко и непрочь, повидимому, связать свою судьбу с судьбою Антиноя Никса, — так он широк в плечах, могуч и прекрасен» (Станюкович).

³ Подробности см. на стр. 429.

4. Ритмомелодика **противопоставления и условия**. Противопоставляемые члены на слогах, сосредоточивающих на себе интонационную игру, имеют точно соответствующий обратный рисунок движений тона; пауза выдерживается долго. Обозначают эту интонацию на письме чаще всего тире. «Ты богат — я очень беден, Ты прозаик — я поэт» (Пушк.). «Семь раз отмерь — один раз отрежь» (посл.). «Садись верхом — и рысью. *Выдержит — возьму, не поскачет — домой поведёшь*» (Глад.).

5. Специальный случай представляет ритмомелодика, характерная для **вставки предложений одного в другое**, когда вставляемое сохраняет свою синтаксическую независимость. Здесь самое характерное — специфический для «скобок» ускоренный темп произношения заключённого в них содержания: «Воробей упал из гнезда (*ветер сильно качал берёзы аллеи*) и сидел неподвижно, беспомощно растопырив едва прораставшие крылышки» (Тург.). «Нечего мне вам отвечать, — проговорил Волков (*сам даже ужаснулся*), ногу выставил, плечом повёл» (А. Н. Толст.). «Костры на Лубянской площади погасли (*один ещё тлел у избы*), — никто не хотел таскать дров, сколько ни шумел Овсей» (А. Н. Толст.). «С ним [Павлом Павлычем] все согласились и начали было разговор о гусях (*на столе ещё лежали два нетронутых гуся*): верно или не верно, что в думчинском колхозе «Рассвет» гусе-утиная ферма дала в этом году пятьдесят тысяч рублей чистой прибыли?» (А. Колосов).

7. ПРИЧАСТНЫЕ ОБОРОТЫ.

Выше (см. главу IV) уже указывалось, что причастия, кроме страдательных на **-нный** и **-тый**, представляют специальное явление литературного языка. Причастия активные на **-щий, -щая, -щее**; прошедшего времени на **-ший (-вший), -шая (-вшая), -шее (-вшее)**, пассивные (страдательные) на **-мый, -мая, -мое** вошли в русский литературный язык из старославянского и остались в нём, хотя не имели поддержки в разговорном языке, оказавшись полезным средством сгущённой передачи определённых видов зависимости глагольных понятий. В литературном языке они почти всегда служат более экономной передаче содержания развернутой мысли, и с характерными для них конструкциями связано всегда впечатление речи, охватывающей большое количество подчинённых одно другому высказываний.

Причастия, вне типичных для них связей управления (*знающий об этом, ведущий поезд, трудящийся над исследованием, погибший в борьбе, любимый нами, раненный в бою*), утрачивают свою специальную природу и переходят и в литературном языке, как это уже имело место в истории языка бесписьменного, в обыкновенные прилагательные (ср.: *горячий, зрячий, могучий, жгучий*, разговорно-народные пережитки русских причастий); т. е. в выразители приписанных предметам постоянных признаков: *сгущённое молоко*,

знающий врач — сведущий, *ведущий класс* — класс-руководитель, *погибший человек*, *раненый красноармеец*, *любимый возждь*¹.

Некоторые из причастий оказываются в дальнейшей истории развития, в результате относительно частого опущения подразумеваемого при них имени существительного, утрачивающими даже свои свойства согласуемого слова и могут превращаться таким образом в имена существительные; ср.: *обращение ко всем трудящимся*, *будущее человечества*, *госпиталь для раненых*, *молодой учёный*.

Но, представляя средство сжимать в себе содержание главных членов определительных придаточных предложений со сказуемым в изъявительном наклонении, причастные обороты в речевой практике применяются всего чаще именно как их сжатие: так, придаточное предложение, вводимое относительными словами *который*, *которая* и т. д. или *какой*, *какая* и т. д. в именительном или винительном падеже без предлога², можно превратить в обособленный член с причастиями действительного или страдательного залога. Ср.: «Итоги соревнования — наглядный показатель трудового героизма и творческого энтузиазма масс, *которые добились* выполнения плановых заданий» и: «Итоги соревнования — наглядный показатель трудового героизма и творческого энтузиазма масс, *добившихся* выполнения плановых заданий». «Обязательства, *которые были взяты* нашей бригадой, с честью выполнены» и: «Обязательства, *взятые* нашей бригадой, с честью выполнены». «Посылка, *которую вы отправили* по почте, получена» и: «Посылка, *отправленная вами* по почте, получена».

При этом нужно, конечно, иметь в виду, что формы страдательных причастий, особенно настоящего времени, образуются далеко

¹ Вопросу о «Переходе причастий в прилагательные» посвящена хорошая статья А. С. Беднякова в журн. «Русский язык в школе», 1947 г., № 2.

² В отдельных редких случаях возможна замена причастным оборотом сказуемого, управляющего творительным или другим падежом. Это бывает только тогда, когда к соответствующему глаголу, управляющему творительным (или другим падежом), в отступление от общего правила, образуется страдательное причастие: Ср.: «Школа, *которую руководит товарищ Т.*, добилась заметных успехов» и: «Школа, *руководимая товарищем Т.*, добилась заметных успехов»; «Отряд, *которым предводительствует товарищ Ш.*, занял намеченные позиции» и: «Отряд, *предводительствуемый товарищем Ш.*, занял намеченные позиции»; «Машина, *которую управляет опытный мастер*, работает с полной нагрузкой» и: «Машина, *управляемая опытным мастером*, работает с полной нагрузкой».

Во всех подобных случаях в прошлом глагол управлял не творительным, а винительным падежом, и образование соответствующих страдательных причастий относится ко времени до появления нового управления.

«...Проворно ушёл, *последуемый монахами*» (Писемск.) теперь звучит архаично (ср. *последовать за кем*); наоборот, повидимому, собственное образование автора представляет: «...Посылать неслышимо в *мечтаемый воздушный мир*» (Малышк., «Севастополь»); ср. *мечтать о чём*. Стоит отметить, что к *приступить*, управляющему дательным падежом при помощи предлога *к*, хотя и образуется безличная страдательная форма сказуемого: «... И только часов в двенадцать под бурным напором делегатов *было приступлено* к выборам президиума съезда» (Панф.), параллельный причастный оборот невозможен.

не от всех глаголов: так, нет причастия на **-мый** от глаголов *писать, бить, колоть* и многих других.

Указанное построение фразы, кроме цели большей краткости, может иногда вызываться желанием избежать нагромождения одинаковой зависимости при помощи местоимения *который*. Напр.: «Отряд, *который* был послан по направлению к лесу, *который* находился в двух километрах от лагеря...» заменяется или фразой: «Отряд, *посланный* по направлению к лесу, который находился в двух километрах от лагеря...» или же: «Отряд, который был послан по направлению к лесу, *находившемуся* в двух километрах от лагеря...»

Специальный вопрос синтаксиса причастий представляет употребление времён причастных форм. Из важнейшего здесь можно отметить следующее: причастия несовершенного вида (нестрадательные), согласованные как с подлежащими, так и с управляемыми формами, зависящими от глаголов прошедшего времени или форм, так или иначе с ними сочетающихся, могут выступать без заметной разницы в значении в формах настоящего и прошедшего времени: «Перепуганная стрельбой, хилая, больная хозяйюшка... заботливо помогала *толпившимся* тут же красноармейцам...» (Д. Фурм.). Возможна замена: *толпящимся...* «Прекрасный мальчик!»—сказал Нехлюдов, рассматривая *спящего* на животе пузана» (Л. Толст.). Могло бы быть и *спавшего*. Ср. ещё: «Все почти арестанты оглядывались, косясь на *обгонявшую* их пролётку и *вглядывавшегося* в них господина, *сидевшего* в ней» (Л. Толст.) и: «Прогредел последний ломовой с мешками и *сидящими* на них арестантками» (Л. Толст.). «Воронье рысаки, звеня подковами по мостовой, понесли легко *подрагивающую* на резиновых шинах коляску» (Л. Толст.).

Предпочтение настоящего времени имеет за себя тем больше преимуществ, чем больше по характеру фразы предполагается постоянство признака, выражаемого в данном случае причастием, иначе говоря, чем больше оснований видеть в нём приближение к обыкновенным прилагательным, характеризующимся большей или меньшей устойчивостью признака: «Лицо сияло рвущоюся из души *торжествующею* радостью...» (Верес). «Толстозадый кучер... с трудом удерживал *лоснящихся*, взмыленных под оголовками и шеей вороных жеребцов...» (Л. Толст.).

Подчёркнутость или хотя бы подразумевание, что действие причастия предшествовало времени сказуемого, делает обязательным сохранение в причастии прошедшего времени: «Иссякли все, до сих пор *не прерывавшиеся* его доводы» (Дост.).

Широкая возможность выбора между формой настоящего времени причастия и формой прошедшего времени объясняет, с точки зрения нормативной, недосмотр, который находим у Лермонтова в «Герое нашего времени»: «Как любопытно всматривался я в каждую росинку, *трепещущую* на широком листке виноградном и *отражавшую* миллионы радужных лучей».

В истории русского книжного языка культивированию причастий издавна принадлежит влиятельная роль. Наряду с формами кратких (нечленных) прилагательных, страдательные причастия представляют важную часть отборочного фонда русской художественной речи: они очень употребительны со стилистической установкой как тяготеющие к сказуемым, но ритмомелодически обособляющиеся выражения признаков, сопровождающих действия (особенно при постановке впереди характеризуемых ими сказуемых), реже, — при подобном же пояснении слов — как отягчённые, ритмомелодически же обособляющиеся определения; причём, особенно при личных местоимениях, уже возможно в подобной функции использование и причастий действительного залога; ср.: «Вся женская половина села ходила смотреть сквозь плетень, как, *рваный и утерявший облик человека*, ворочал он без отдышки огромные берёзовые кряжи» (Леон.). «*Умевший всё и ничего не знавший*, Без шпаги рыцарь, пахарь без сохи, Быть может, он, как я, вдыхал умильно Весёлый чад, плывущий из корчмы» (Багрицк.). «*Привыкшую к плавному течению прошлого века, её слишком утомлял шумный круговорот новых дней*» (Леон.). «...Кроме того, *видевший расстрел рабочей демонстрации*, он не выносил женского вопля» (Леон.).

8. ДЕЕПРИЧАСТНЫЕ СОЧЕТАНИЯ.

Деепричастия примыкают к глаголам, инфинитивам, причастиям и формам, выступающим в роли сказуемых: «За ними стояла его двоюродная сестра Грунюшка, *отирая слёзы*» (Шелл.-Мих.). «Что за человек?» — *спрашивал* я самого себя, *возвращаясь* домой» (Тург.). «*Размахивая* руками и широко шагая, шёл он посреди толпы» (Тург.). «Дом его [Троекурова] всегда был полон гостями, готовыми *тешить* его барскую праздность, *разделяя* шумные, а иногда и буйные его увеселения» (Пушк.). «Неизъяснимо хорошо *плыть* по Волге осенней ночью, *сидя* на корме баржи у руля» (Горьк.). «Сталин повернул голову *к молчавшему, опустив глаза*, Ерману» (А. Н. Толст.). «...И все заговорили, обращаясь к человеку с желтым нервным лицом, *стоявшему до этого закрыв глаза, слегка покачиваясь*» (А. Н. Толстой).

Правило о том, что лицо, мыслящееся как носитель действия при деепричастии, должно быть тем же, что и лицо сказуемого (т. е. подлежащим), объясняется происхождением деепричастий из так называемых аппозитивных причастий, т. е. глагольных прилагательных, согласовавшихся с подлежащими, но тяготевавших одновременно к сказуемым. Наши деепричастия соответствуют таким, напр., старославянским⁶ и древнерусским причастиям: «Якуна яша на Плисъ... *обнаживъше*, яко мати родила...» (Синод. спис. I Новгород. лет.) — «Якуна захватили на Плисе... *обнажившие...*», что по мысли равняется нашему «обнажив», т. е. в соответствии современному способу выражения, сообщающему, какое действие сопровождает или сопровождало основное, старинный язык

передавал, какой активный признак характеризует или характеризовал подлежащее при осуществлении им действия. Или: «Иде паки Изяславлю... вода с собою и Брячислава, зятя своего» (Лавр. спис. лет.) — собственно: «Снова пошел к Изяславлю... ведущий с собою и Брячислава, зятя своего».

Нарушение указанного правила допускается в современном литературном языке только в изолированных привычных словосочетаниях вроде «не говоря уже...», «начиная... и кончая», «исключая»... и под.; ср.: «Всё в её доме, начиная с собственного её туалета, мебели и кончая экипажем и прислугой, носило печать чего-то недоброкачественного, поддельного, временного...» (Тург.). «Далеко от Украинского края, проехавши Польшу, минуя и многолюдный город Лемберг, идут рядами высоковерхие горы» (Гог.). «В оружейной зале между знамёнами и выделанными мордами хищных зверей висели оружия всех времён и народов, начиная с праща амалекитян и дротика гарамантийцев — и кончая короткой, широкой шпагой сарацин и кольчугою норманов» (Тург.), и в случаях безличности: «Степанида, несмотря на пожилые годы, ещё рожала, и теперь, глядя на кучу детей, трудно было разобратъ, где Родионовы и где Володькины» (Чех.). «Размышляя по-своему над событиями, Владимиру стало ясно...» («Звезда», 1926, № 9, стр. 141). «Выдвигая на учёбу ударников и ударниц, участников соцсоревнования в производстве, нужно, чтобы и всё обучение было пронизано сверху донизу ударничеством и соцсоревнованием» («Изв.»).

Уже Ломоносову было известно, что примыкание деепричастий к глаголу требует, чтобы носителем действия сознавалось при обоих то же самое лицо, и что отступления от этого правила — результат иностранного влияния (впрочем, прямо на французское он не указывал). «Весьма погрешают те, — писал он в «Росс. грамм.», § 467, — которые по свойству чужих языков деепричастия от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным лицом, личным, на котором всей речи состоит сила: идучи в школу, встретился я с приятелем... Но многие в противоположность сему пишут: идучи я в школу, встретился со мною приятель..., что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Российское сочинение». Правда, знакомство с диалектами показало, что им тоже не чуждо самостоятельное употребление, напоминающее французский язык: *И только видели молодца сядяючи, и не видели его поедучи. — Сгарели, — сгаремши, карова пала* (ср. и укр.: *Не сіявши, не оравши, Не буде жито родити; Козака не чарувавши, Не буде ходити*). Но нет никакого сомнения, что, напр., у Пушкина, у Л. Толстого и у ряда других отступление от ломоносовского правила, в общем, действительно соответствующего преобладающему употреблению, — отнюдь не результат влияния разговорной народной речи, а именно французского языка — оборотов вроде: *En disant ces mots, les larmes lui vinrent aux yeux* (Фенелон) — буквально: «Говоря эти слова, слё-

зы у него навернулись на глаза» и под. Ср.: *Вы согласитесь, что, имея право выбрать оружие, жизнь его была в моих руках* (Пушк.). *Проходя через залу, ей встретился лакей* (Лерм.). *Накурившись, между солдатами завязался разговор* (Л. Толст.). *Читая письмо, ни одна тёмная мысль о тебе не посетит души моей* (Герцен). *Прощаясь со мной в саду, у него были слёзы на глазах* (Герцен). По отношению к таким писателям, как К р ы л о в, А. К о л ь ц о в и под., у которых тоже находим подобные обороты, разумеется, в первую очередь приходится считаться с влиянием разговорной речи.

Связь деепричастий с глаголами, изображающими активный признак, значительно теснее во временном и причинном значении, чем, напр., в уступительном, когда деепричастие обозначает действие, по смыслу не сопровождающее действия глагола; поэтому фразу, вроде п у ш к и н с к о й «Так тяжкий млат, *Дробя* стекло, *кует* булат» (значение «хотя дробит стекло...»), понять сразу не легко.

Так называемые деепричастия «настоящего времени» несовершенного вида на -а, -я примыкают к глагольным формам всех времён, обозначая действие, одновременное с действием глагольной формы. Формы от основ совершенного вида на -в, -вши и устарелые на -я обозначают, за редкими исключениями, действие, предшествующее названному в глаголе. Ср.: «*Скрестив* руки, *вцепившись* пальцами в плечи себе, он *стоял* спокойно, *прижимая* ногой к палубе какой-то узел» (Горьк.). «*Скользя* по утреннему снегу, Друг милый, *предадимся* бегу Нетерпеливого коня...» (Пушк.). «Все предрассудки *истребя*, Мы почитаем всех нулями, а единицами себя» (Пушк.). «*Услыша* суд такой, мой бедный Соловей *Вспорхнул* и улетел за тридевять полей» (Крыл.).

Если примыкание двух однотипных деепричастий (деепричастий одного вида и сходного смыслового характера) к тому же сказуемому — явление относительно редкое (ср., напр.: «*Играя* веткой акации, Любовь молча *слушала* речь отца, внимательно и пытливо *поглядывая* на его возмущённое и дрожащее лицо» (Горьк.)¹, то деепричастие совершенного вида и деепричастие вида несовершенного вполне естественно сочетаются как примыкающие члены без повторительной интонации: «*Отдохнув* от злой погони, *Чуя* родину свою, *Пьют* уже донские кони Арпачайскую струю» (Пушк.). «*Усаживаясь* за стол, он *скинул* шапку, *обнажив* лысину, блестящую на приподнятом бугорке затылка» (Федин). «*И двинувшись* навстречу Сергеичу, он *пристукнул* ногами, словно *собираясь* пойти в танец, и протянул руку» (Федин).

Формы на -в, -вши вида несовершенного раньше нередко употреб-

¹ Но деепричастия с разными значениями (напр., причины и времени, времени и образа действия) сочетаются свободно: «*Опасаясь* привлечь внимание рыжеусого, Павел, *пропуская* мимо себя Жухрая, *отвернулся* в сторону, как будто ему было безразлично всё происходящее» (Н. Островск.). «*Мать, сидя в углу, молчала, не отрывая* глаз от лица сына» (Горьк.).

лялись в значении действия, одновременного с прошедшим: «Но Ленский, *не имев*, конечно, Охоты узы брака несть, С Онегиным *желал* сердечно Знакомство покороче свести» (Пушк.). «Как будто Диоген с зажжённым фонарём, Я по свету *бродил*, искавши человека» (Д. Давыдов). «...Она была так любезна, что, в утреннем ещё туалете и *пивши* кофе, *приняла* его» (Писемск.).

Изредка встречались они у старых авторов в смысле одновременности вообще: «Волк, *евши*, никогда костей не разбирает (Крыл.). «Но, *бывши* твёрд, идя решительным путём, Опять я, наконец, к моей *стремлюся* цели» (Хмельницкий, «Возд. замки», 1818 г.); т. е. в функции, и теперь известной украинскому. В настоящее время и в той и в другой роли они фактически вышли из употребления и изредка только встречаются в сочетании с *не*: «*Не учившись*, этого не усвоишь» и под.

Деепричастия к деепричастиям обыкновенно не примыкают, — поэтому неудачно построенной является фраза у Гоголя («Мёртв. души», II): «Уж он [Чичиков] видел себя действующим и правящим именно так, как поучал Костанжогло, — расторопно, осмотрительно, *ничего не заводя нового, не узнавши насквозь всего старого*, всё высмотревши собственными глазами, всех мужиков узнавши, все излишества от себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству».

Характерно, что во фразе «Когда я, *сломя голову летя* через ступеньки, добежал до канала...» (Лаврен., «Гравюра на дереве»), ввиду необычности сочетания двух одинаковых деепричастий, даже при условии, что одно из них входит в состав фразеологического предложения, поставлена в издании запятая, затрудняющая понимание связи понятий; запятую эту естественнее всего прочесть с не подходящей к тексту интонацией повторения.

Утрачивая типические для деепричастий синтаксические связи, деепричастные (по происхождению) формы могут приближаться к обыкновенным наречиям. Таковы, напр., случаи (впрочем, немногочисленные), как: *читать лёжа, дремать сидя* и под.; ср.: *читать, лежа в постели; дремать, сидя в кресле; играючи*; ср.: «Стремясь... к весёлости, игривости такой формы, которая бы *играючи* переходила от пафоса в шутку, наши молодые мастера натыкаются на Пушкина и восхищаются им» (Лунач.).

Стилистическое значение деепричастных сочетаний, как способа сжато передавать смысл временных, причинных, условных и, реже, уступительных предложений и вносить во фразу разнообразие, заменяя параллельные по смыслу типы придаточных предложений, в русском языке велико; ср., напр., хотя бы такие «замены», как: «*Когда, узнав* об этом, он принял меры...» вм. невозможного: «*когда, когда* узнал об этом...»; «*Если, даже признавая* свою ошибку, вы фактически не делаете необходимых выводов...» вм. «*если, если* даже признаёте...»

9. ОБОСОБЛЕНИЕ.

Более сильным ударением, паузами и характерной интонацией, напоминающей интонацию целых предложений, нередко в речи выделяется тот или другой второстепенный член предложения с относящимися к нему словами, так что мы его чувствуем как будто несколько оторванным от того члена, с которым он грамматически связан. Наиболее часто обособляются деепричастия со связанными с ними словами, а также с относящимися к ним объяснительными словами причастия и прилагательные. Не редко, однако, и обособление имён существительных и наречий.

Важнейшими условиями, от которых зависит обособление, являются: 1) нарушение в некоторых категориях обычного порядка слов, 2) нагружённость обособляющегося члена зависящими от него словами, 3) синтаксическая несочетаемость тяготеющих по смыслу членов, 4) необязательность слова (группы слов), дополнительный, зачастую объясняющий его характер по отношению к другим словам высказывания. В последнем случае ритмомелодика фразы подчёркивает как бы нецельность отливки мысли, включение в неё «на ходу» нового дополнительного обстоятельства. При этом надо заметить, что в речевой практике чаще всего сочетается несколько из этих условий.

Примеры п е р в о г о: Обособленные прилагательные и причастия в русском языке обычно следуют за именами существительными, с которыми согласуются. Их употребление за ними, установившееся главным образом в книжном языке, привело к ритмомелодическому обособлению: «Деревья, *белые от инея*, стояли по обеим сторонам» (Корол.); ср.: «Белые от инея деревья стояли по обеим сторонам». «Жили они на окраине города, в слободке, *странно разметавшейся по оврагу*» (Горьк.); ср.: «Жили они в странно разметавшейся по оврагу слободке». «Деревья бульвара, *серые от пыли*, неподвижно млели под горячим безжалостным солнцем» (Л. Андр.). «За истекший год были введены в строй новые заводы и фабрики, *значительно поднимающие мощностъ производительных сил страны*» («Правда»).

Примеры в т о р о г о: «*Журча протекает ручей*» и: «*Тихо журча, протекает ручей*». «*Красновато колеблясь, дымились костры из щепок, тряпок и сухой травы*» (Сераф.). «В небе неподвижно стояли ястребы, *распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву*» (Гог.). «Однажды, в больничном халате, *все ещё слабый после болезни*, Сёмка стоял у окна и задумчиво глядел на пустынную улицу» (Телеш.). Ср. и примеры на обособление, связанное с нарушением обычного порядка слов.

Примеры т р е т ь е г о: Прилагательные и страдательные причастия, тяготеющие к полнозначному глаголу, особенно — предшествующие ему, — явление чисто литературное, книжное. Понятно, поэтому, обособление таких прилагательных и причастий, наблюдаемое нами в случаях вроде: «С берёз — *неслышен, невесом — Слетает жёлтый лист*» (Исаковский). «*И самодельной пулей сбит,*

Качнулся бомбомёт» (Тихон.). «И от пуль невредим и огнем не па-лим, Прохожу я по кромке огня» (Сурков). «Движимый этим же-ланием, я протиснулся вперёд» (Свирск.). «Никем не вспоминаемая, никем не сторожимая, Растеряева улица покорно несёт своё бремя— нужду» (Гл. Усп.). «У бортов парохода по чёрной воде жёлтыми мас-ляными пятнами плывут отсветы огней и тают, бессильные осветить что-либо» (Горьк.).

Образования сравнительной степени наречного типа в роли определений настоящих пар с существительными обыкновенно не образуют. Поэтому искусственные сочетания этого рода обычно сопровождаются ритмомелодическим обособлением: «И холстина, уже тоньше, прозрачней и ещё пушистей и мягче, свёртывается в толстую макарону, падающую в железную банку» (Жига). «Сила, сильнее его воли, сбросила его [воробья] оттуда» (Тург.). «Ведь здесь уставшая молчать, В обложке из тиснёной кожи, Лежит высокая тетрадь, Всех лордов Лондона дорожке» (Тихон.)¹.

К тому же типу относятся такие обособления как: «Приветливый, добродушный, деликатный, он, положительно, очаровывал людей» (Станюкович; о Тургеневе). «А он, мятежный, просит бури...» (Лерм.). «Хуже всего было мыть койку. Парусиновая, она, намокнув в воде, становилась тверда, как лубок» (Новиков-Прибой). «Человек партии, я признаю только суд моей партии...» (Горьк., «Мать»). «Плохой звонарь, я устарел давно,— Ведь разбудить всех спящих мудрено» (Трефолев).

Ср. и предложение с подразумеваемым личным местоимением: «Дитя сама, в толпе детей Играть и прыгать не хотела» (Пушк.).

Личные местоимения обычно не сочетаются с прилагательными в роли определений. В первом примере, к тому же, *ровная, чистая* тяготеет к сказуемому (ср.: «будучи ровной, чистой...»). Из других типов обособления при личном местоимении ср.: «Певец без лютни, воин без оружия, Я встречу дни, как чаши, до краёв Наполненные молоком и мёдом» (Багрицк.).

Примеры четвёртого: «Кажется, там, внутри, шумит водопад» (Жига). «Внизу, в подготовительном отделе, красиво, сочно поёт мотор» (Жига). «Мне нравится его спокойствие и ровная речь, простая, веская» (Горьк.). «Осторожно, с трудом продираясь сквозь тучи, подкрался рассвет без солнца, немощный и серый» (Горьк.). «А театр осаждало людское море, буйное, напористое» (Н. Островск.). «Пётр сел на край лодки, обгорелый, грязный, счастливый» (А. Н. Толст.).²

¹ Реже случаи вроде: «взять дубину потолще»; «Тут, нужно голос погромче»; «Тучки побольше тесной кучкой стали в стороне...» (Тренёв).

² Ср. Е. В. Кротевич. Обособленные синтагмы, — «Вопросы славянского языкознания», кн. первая, Львов, 1948, и там же — «Интонационный рисунок предложения с обособленными синтагмами».

10. КОСВЕННАЯ РЕЧЬ.

Приблизительная передача того, что кто-либо сказал или подумал, принимает вид так называемой косвенной речи. Типические её особенности — форма придаточного предложения (изъяснительного или целевого), изменение сравнительно с прямой в ряде случаев лиц и возможность употребления в стилизованно-разговорной речи вводных слов (частиц): мол, де, дескать; ср.:

Прямая речь: *«Товарищи! — сказал он, — вы собрались сюда для обсуждения важного вопроса советского строительства».* «Представитель правления говорил: *«Я давно уже уделяю серьёзное внимание этому вопросу».*

Косвенная речь: *«Он сказал товарищам, что они собрались для обсуждения важного вопроса советского строительства».* «Представитель правления говорил, что он давно уже уделяет серьёзное внимание этому вопросу».

Правила изменения лиц сводятся к следующему:

Второе лицо, к которому обращалась прямая речь, в косвенной превращается в третье: «А когда Чиж, осмелевший от страха, спросил однажды, почему он ничего не предпринимает, Левинсон вежливо щёлкнул его по лбу и ответил, что «это не птичьего ума дело» (Фад.) (ср.: «Почему ты ничего не предпринимашь?»).

Первое лицо прямой речи (независимо от падежа), если в главном предложении лицо говорящее названо в третьем, изменяется в третье: «И чаще под грохот машин Отец, улыбаясь, мечтает, Что вот он теперь не один, Что рядом сынок помогает» (Ф. Гаврилов). «Он отвечал, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому» (Пушк). «Она [волчица] подошла к нему, и он [Белолобый] лизнул её в морду и заскулил, думая, что она хочет играть с ним» (Чех.). «Андрей Иванович равнодушно объявил ей, что у него чахотка и он скоро умрёт» (Верес.).

Первое лицо прямой речи (независимо от падежа), если в главном предложении лицо говорящее названо во втором, изменяется во второе: «Вы сказали: «Я об этом уже слышал» (прямая) и: «Вы сказали, что вы об этом уже слышали» (косв.).

Второе лицо прямой речи изменяется в косвенной в первое, если автор по смыслу — объект обращения: «Мне сказали: «Вы завтра же должны отправиться в командировку» (прямая) и: «Мне сказали, что я завтра же должен отправиться в командировку» (косв.).

Не допускаются в косвенной речи повелительные наклонения и обращения: при переводе их содержания из прямой речи в косвенную обращение становится подлежащим, повелительное наклонение принимает форму прошедшего времени и предложение вводится союзом **чтобы**: «Он просил: «Приходите, товарищи, ко мне сегодня». Косвенная речь: «Он просил, чтобы товарищи сегодня пришли к нему».

Отпадают в косвенной речи, не включаются в неё также междометия и вводные слова оценочного характера.

Для разговорного языка, а отчасти и языка беллетристики, очень типичны нарушения правил косвенной речи; ср. у Чернышевского («Что делать?»): «Пришёл Лопухов и начал в том слогe, что мы с Верочкой просим вас, Марья Алексеевна и Павел Константинович, извинить нас, что без вашего согласия...»

Специальную форму косвенной речи представляет так называемая свободная косвенная речь (иначе — несобственная прямая). Союзы подчинения в ней устраняются, а косвенность передаётся соответственным употреблением лиц. Стоит она на границе прямой, и связь с последней в произношении обнаруживает многие особенности лексического характера, а также мелодики и тембра читаемого текста.

«Князь, твёрдо державшийся в жизни различия состояний и редко допускавший к столу даже важных губернских чиновников, вдруг на архитекторе Михайле Ивановиче, сморкавшемся в углу в клетчатый платок, доказывал, что все люди равны, и не раз внушал своей дочери, что Михайло Иванович ничем не хуже нас с тобой» (Л. Толст.).

Ряд писателей широко пользуется свободной косвенной речью как прекрасным стилистическим приёмом избежать точной передачи сказанного действующими лицами и вместе с тем обойтись без органической для косвенной речи сухости. Ср., напр., всю защитительную речь бессловесного Макара в «Сне Макара» Короленка или целые вставки размышлений героев в «Что делать?» Чернышевского. Под пером выдающихся мастеров эта изящная синтаксическая структура, соединяющая в себе отражённые, но вместе с тем выразительные эмоциональные краски воспроизводимой в наиболее важных элементах фразы героев повествования, с объективирующей сдержанностью авторского сообщения, — выступает и в поэзии и в прозе как прекрасный род передачи голосов, которым, по авторскому замыслу, нужно звучать сдержанно, приглушённо, неискренно, иногда — оставаться только «внутренними» голосами, выражением размышлений, загнанных в себя чувствований и под. Ср. замечательные образцы такой свободной косвенной речи в «Полтаве» Пушкина — две передачи изъяснений по-разному хитрящих: Кочубея и Мазепы.

...Он [Кочубей] голубит
Едину мысль и день и ночь:
Иль сам погибнет, иль погубит —
Отмстит поруганную дочь.
Но предприимчивую злобу
Он крепко в сердце затаил.
В бессильной горести ко гробу
Теперь он мысли устремил.
Он зла Мазепе не желает;
Всеми виновна дочь одна,
Но он и дочери прощает...

Мазепа в горести притворной,
К царю возносит глас покорный.
«И знает бог и видит свет:
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верной;
Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно вознесен...
О, как слепа, безумна злоба!..
Ему ль теперь, у двери гроба,
Начать учение измен
И потемнять благу славу?» и т. д.

Исключительно многообразные формы свободной косвенной речи, делающейся у него одним из необходимейших инструментов повествования — передачи загнанных глубоко в себя мыслей и чувствований героя-маньяка, находим далее у Достоевского, этого прославленного знатока болезненных движений внутреннего мира. Чуть ли не весь его «Двойник» построен стилистически на приёмах «внутренней» речи, синтаксически выражаемой в формах, переходных от прямой к косвенной.

Примеры из этой повести можно брать почти наудачу: «Разом понял герой наш всё положение дел. Дело в том, что работа его [Голядкина-младшего] (как он после узнал) почти превзошла ожидания его превосходительства и поспела действительно к сроку и во-время. Его превосходительство были крайне довольны. Говорили даже что его превосходительство сказали спасибо господину Голядкину-младшему, крепкое спасибо; сказали, что вспомнят при случае и никак не забудут». — Множественное число сказуемого при «его превосходительство», «крепкое спасибо», «вспомнят и никак не забудут» — сообщают фразе точность выражений и самого Голядкина и того, что слышано было им в прямой речи как передача сказанного «его превосходительством».

Или: «Дело в том, что незнакомец этот показался ему теперь как-то знакомым. Это бы всё ещё ничего. Но он узнал, почти совсем узнал теперь этого человека. Он его часто видывал, этого человека, когда-то видывал, даже недавно весьма, где же бы это? уж не вчера ли? Впрочем, и опять не в том было главное дело, что господин Голядкин его видывал часто; да и особенного-то в этом человеке почти не было ничего, — особенного внимания решительно ничьего не возбуждал с первого взгляда этот человек». — Навязчиво возвращающиеся слова «видывал», «особенного», точно воспроизводимые из прямой речи «где же бы это?», «уж не вчера ли?», общий тембр речи, — всё это делает звучание фразы почти дословным, но отражённым неполно в соответствии с её характером скорее мелькающих мыслей-чувствований, нежели настоящей словесно оформленной мысли.

«Вера говорила, и все жадно слушали. Вера говорила: *они* гибнут (= «мы гибнем») за то, чтоб была новая, никогда ещё в мире не бывав-

шая жизнь, где не будет рабов и голодных, повелителей и угнетённых. В борьбе за великую эту цель *они* гибнут, потому что не хотели думать об одних себе, не хотели терпеть и сидеть сложа руки. *Они* умрут, но кровь *их* прольётся за хорошее дело; *они* умрут, но дело это не умрёт, а пойдёт всё дальше и дальше» (Верес.). «...В Бумагу, к Жеглову, Потёмкин ехал уже в состоянии крайнего недоумения. В сущности для начала всё шло неплохо, но чему, расставаясь, так странно улыбался секретарь?.. Ах, да, *он* пошумел некстати, неугомонный Потёмкин» (Леон.).

Богатство тембров и тональности этого типа, при внешней передаче «голосов» как непрямой, находит себе всё новые и новые средства выражения. Вот, напр., образец синтаксически оригинально построенной передачи из статьи В. Полторацкого — «Путевые заметки» («Изв.», 12 апр. 1946 г.): «На бульваре мы разговорились с пожилым ремесленником. Это был типичный немец... Разговор коснулся житейских вопросов. Как живёт лично *он*? *Да неважно*. Заработок мал, к тому же деньги потеряли свою настоящую цену... *Нечего сказать*, дожила Германия. Виноваты нацисты. *Он* всегда говорил: *зачем было ввязываться в эту войну? Вот и у него сын до сих пор ещё в русском плену. Нет*, не офицер, простой ефрейтор Вильгельм Муке»¹.

Особый случай косвенной речи представляет *к о с в е н н ы й* *в о п р о с*. Он вводится при помощи вопросительных местоимений и местоименных наречий (*кто? что? который? куда?* и под.), не теряющих своего вопросительного значения: «Затем они стали спрашивать меня, *где* я теперь работаю, *сколько* получаю, *где* живу» (Чех.). «...Слог очень размашистый, чувства как будто возвышенные, но никак нельзя понять, *что, где* и *с кем* происходит» (Л. Толстой).

Кроме того в русском языке употребительна еще особая частица—*ли*, напр.: «Скажи, придёшь *ли* ты завтра». «Мы интересуемся, долго *ли* придётся ждать поезда». «Он подумал, не заблудился *ли* мальчик и не живёт *ли* он на той стороне реки» (Телеш.). «Должно быть, он терялся, кого ему ненавидеть более: Увадьева *ли*, смотревшего в небо недобрым совиным взором, бревно *ли*, лиш-

¹ Уже Чернышевский в «Что делать?» обнаружил исключительное мастерство сочетания различных типов прямой речи с косвенной. В этом отношении ещё большее разнообразие приёмов можно найти, как замечено, у наших современников. Вот ещё пример (из «Похищения Европы» Федина): «Говорил начальник пожарной охраны о том, *что* биржа не исполняет *его* требования — чтобы доступ к воде был везде свободен, а проезды между штабелей всегда чисты от досок или *чего ещё*, потому что — *случись грех (тьфу, тьфу,* — поплевал пожарный и обтёр ладонью старые усы), *так тут — ни пройти, ни проехать, разве можно!*»

Интересные примеры стилистических разновидностей косвенной речи см. в книге В. Волошинова, «Марксизм и философия языка», 1929, часть III, стр. 136 и след. См. также Л. Булаховский. Из стилистического синтаксиса первой половины XIX в., — Русск. яз. в школе, 1940, № 4, стр. 15—16, и А. В. Алексеев. Прямая и косвенная речь в современном русском литературном языке, — Русск. яз. в школе, 1937, № 4, стр. 30—47.

ний раз подчеркнувшее его убожество» (Леон.). «В одном месте какая-то тень шарахнулась прочь, *зверь ли*, — не разобрали, — или мужик, приехавший в ночное, кинулся в траву без памяти от страха...» (А. Н. Толст.).

Довольно распространённой в устной речи ошибкой, которая в письменный язык может теперь проскользнуть только по невниманию пишущего, является одновременное употребление союза **что** и частицы **ли**. Такую ошибку представляют, напр., фразы: «...То, думалось ему, *что* не найдёт *ли* он потерянного бумажника со ста тысячами, то нельзя *ли* продать чорту душу за деньги...» (Писемск., «Тысяча душ»).

11. ЧАСТИЦЫ.

Здесь рассмотрим только такие служебные слова, которые не могут быть отнесены к категориям уже описанным (предлогам, отрицаниям и союзам) и с которыми обыкновенно связывается тот или другой вид эмоциональности.

Частицы **ка**, **было**, **пусть**, **да**, **бы** входят в состав соответственных форм глагола.

Ка придаёт повелительному наклонению оттенок известной фамильярности, бесцеремонности и под., иногда — нерешительности: «*А расскази-ка*, Чикин, как ты в отпуску тон задавал себе, — сказал Михайлов...» (Л. Толст.). «И, Александр Андреич, — с ним О прежних днях, о тех проказах *Поразвернитесь-ка* в рассказах» (Гриб.).

При формах I л. будущего времени оно вносит значение попытки, желания что-нибудь сделать: «*Заеду-ка* я в самом деле к Ноздрёву» (Гог.). «*Подзовём-ка* её да расспросим: «Как дошла ты до жизни такой?» (Некр.).

Частица эта почти вовсе не допускает отрыва её от соответственного глагола другим словом. Кажется, единственное отклонение, и то относительное, — возможность употребить её после частицы **бы** в форме условного наклонения.

Пусть (пускай), да (архаическое) — части аналитической формы повелительного наклонения. Между **пусть** и соответствующей формой глагола возможна вставка какого-либо слова; между **да** и глаголом такой вставки не делается.

Было образует в сочетании с прошедшим временем видовую форму со значением начатого и не оконченного действия: «Веленчук полуоборотился к нему, *поднял было* руку к шапке, но потом опустил её» (Л. Толст.)¹.

Частица эта, употребляющаяся обыкновенно постпозитивно, может и предшествовать глаголу: «...Позавтракать *было* совсем уж *собралась*, Да *позадумалась*» (Крыл.). «Анцифер *было* кинулся за ним, но на пороге остановился, постоял немного и вернулся к столу...» (Викт. Чехов).

¹ В таких случаях её пишут иногда с чёрточкой (дефисом).

Для её синтаксической роли характерно, что почти всегда после предложений, где глагол выступает с нею, следует предложение с другим глаголом.

Бы — частица условной формы, возможная и при инфинитиве, легко передвигающаяся к другим членам предложения, особенно к первому (ср. **если бы**) или к слову, подчёркнутому логическим ударением: «*Если вы бы за это взялись, результаты могли бы быть лучшими*». «*Скорее бы приходила Олёна, вдвоём не так тоскливо*» (Викт. Чехов). «*Ему б вослед за журавлями, — Так, чтоб к оружию успеть, — Над оглушёнными полями Возвратной пулей пролететь*» (Недогонов).

Возможно употребление этой частицы с оттенком, родственным сослагательному наклонению, при сказуемых-прилагательных, чаще всего — при *рад*: «*Он рад бы в первые тут шмыгнуть ворота, Да то лишь горе, Что все ворота на запоре*» (Крыл.).

Соответствующие модальные оттенки вносятся частицею **бы** без глагола в вопросительные местоимения (эллиптические выражения в просторечии): «*Куда бы это?*», «*С чего бы это?*»

Ср. с окраской просторечия: «*И не спесив бы парень, да в гости не зовут*». Оттенок — «как будто». При других видах сказуемости — «*Это ещё ничего бы*».

К частицам приглагольным следует отнести и **ну**, функционирующее и в чисто-междометной роли. Употребляется эта частица при формах повелительного наклонения и ему эквивалентных: «*Ну скушай же ещё тарелочку, мой милый!*» (Крыл.).

В значении длительного действия она выступает при инфинитивах: «*Лягушка... ну топорщиться, пыхтеть и надуваться*» (Крыл.). «*Я ну кропить во все углы С плеча, во что уж ни попало...*» (Пушк., «Гусар»). «*Для дорогих гостей Разостлано внизу премножество сетей. Ну в них они кувыркаться, кататься, И кутаться, и завиваться*» (Крыл., «Обезьяны»).

Вопросительная частица **ли** (после гласных возможно **ль**) употребляется постпозитивно, обыкновенно после соответствующего глагола: «*Вспоминая эти свинцовые мерзости дикой жизни, я минутами спрашиваю себя: «Да стоит ли говорить об этом?»*» (Горьк.). «*Жила она в дрянной, полуразвалившейся избёнке, перебивалась кое-как и кое-чем, никогда не знала накануне, будет ли сыта завтра...*» (Тург.).

Другие вопросительные частицы — **разве**, **неужели** (устар. и поэт. **ужели**). **Разве** употребляется иногда со значением «пожалуй», особенно в сочетании **разве только**, **разве что**.

Постпозитивная частица **же**, выступающая и в качестве союза, примыкает обыкновенно к первому или первым словам подчёркиваемой синтаксической группы: «*Решение об этом было вынесено тогда же*». «*Да, — улетая, Дрозд сказал, — То ясно мне, Что ты бежишь, а всё на том же ты окне*» (Крыл.).

При вопросительных местоимениях или наречиях-местоимениях она выражает усиление — нетерпение: «*Где же вы теперь, друзья-*

однополчане, Боевые спутники мои?» (Фатьянов). «Куда ж идти мне?»

В реплике — после её первого слова имеет значение «ведь»: «Вы же раньше с этим считаться не хотели».

Характерна вопросительная частица *не* (обыкновенно в сопровождении *ли* после глагола, которому она предшествует), вовсе не вносящая в вопрос отрицательного значения, но подготавливающая, как и часто при вопросах вообще, наряду с возможностью положительного ответа, также и отрицание. «Не скажете ли вы мне, как пройти на улицу Карла Либкнехта?» «Не знаете ли адреса тов. Андреева?»

Любопытно, однако, что и вопросительное *не*, как и *не* отрицания, может вызывать изменение в управлении глагола — вместо винительного падежа возможным делается управление глагола родительным.

Для разговорно-бытовой речи характерна местоименная частица *то*, относительно редко употребляемая не в разговорном стиле. Она, при противопоставлении, подчёркивает понятие уже известное и часто соответствует слову «именно»: «Хотя ваше поведение несколько сомнительно, но у вас могут быть причины, которых я не знаю, и *их-то* вы должны теперь мне поверить» (Лерм.). «Да что же Овцы говорили? На сходке ведь они уж, верно, были?— Вот то-то нет! *Овец-то* и забыли! А *их-то* бы всего нужней спросить» (Крыл.). «Ты знаешь, ты знаешь. Но я не могла удержаться, слишком больно было за папу... Господи! и ты, *ты-то* уходишь» (Верес.). «А *там-то*, голову закинь-ка да взгляни: Какая глубина и чистота над нами!» (Фет). «Он имел странную способность к воображаемым разговорам; *она-то* и давала ему право на природную молчаливость» (Леон.).

Частица *таки* подчёркивает, что действие глагола осуществляется, несмотря на какие-то препятствовавшие условия. Реже *таки* с тем же оттенком значения подчёркивает слова, принадлежащие к другим частям речи. Частица эта обыкновенно стоит не за глаголом, к которому относится, а за первым или первыми словами синтаксического отрезка: «Он *успел-таки* добиться своего». Выдвинутое вперёд *таки* довольно редко: «Я увидел перед туалетом какое-то голубое существо, — *таки* всё, всё сплошь голубое» (Леск.). «Господин Голядкин-старший за ним, и, к неопisanному своему удовольствию, *таки* нагнал его на последней ступеньке и схватил за воротник его шинели» (Дост.).

Упомянем ещё подчёркивающую частицу *даже*. Довольно заметную роль она играет, напр., в слогe Гоголя, склонного к подчёркиванию и семантическим сгущениям.

Старинная частица почтительности *с* (по происхождению — «сударь»), в устах начальников выражавшая, наоборот, официальную сухость, с Великой Социалистической революцией вышла из употребления. Теперь она встречается только при изображении старого быта. П р и м е р ы: «Сосед наш неуч, сумасбродит, Он фармацевт; он пьёт одно стаканом красное вино; Он дамам к ручке

не подходит: Всё *да да нет*, не скажет *да-с* Иль *нет-с*. Таков был общий глас» (Пушк., «Евг. Онег.»). «Зачем вы повязаны платком? — спросил я его [Владимира]. — Зубы болят? — *Нет-с*, — возразил он: — это пагубное следствие неосторожности. Был у меня приятель, хороший *человек-с*, но вовсе не охотник, как это *бывает-с*. *Вот-с*, в один день говорит он мне: любезный друг мой, возьми меня на охоту: я любопытно узнаю — в чём состоит эта забава. — Я, разумеется, не захотел отказать товарищу: достал ему, с своей стороны, *ружьё-с* и взял его на *охоту-с*. *Вот-с*, мы как следует поохотились; наконец вздумалось нам *отдохнуть-с*. Я сел под деревом; он же напротив того, с своей стороны, начал выкидывать ружьём *артикул-с*, причём целился в меня. Я попросил его перестать, но, по неопытности своей, он не *послушался-с*. Выстрел грянул, и я лишился подбородка и указательного перста правой руки» (Тург., «Льгов»). «Короткое слово *«кабак-с»*, слетевшее с адмиральских поджатых губ в разговоре наедине с командиром корабля, — разливается по нижним ступеням широкой волной полутора годов карцера, распределённых поровну между тридцатью шестью матросами, плохо вымытыми кубрик № 20» (Л. Соболев.).

Чужую речь вводят частицы *де*, *дескать*, *мол*. Из них начинать фразу может только *дескать*. *Де* и *мол* употребляются только позитивно. Все частицы эти, и в особенности *дескать*, вносят с собой налёт разговорной народной речи и употребляются свободно как при точной передаче, так и при изменении передаваемых слов в косвенную речь: «И воображают, несчастные, что ещё они выше толпы: Мы-*де* служим, где кроме нас никто не служит; мы в первом ряду кресел, мы на бале... куда только нас пускают» (Гонч.). «...Вместо того, чтобы произнести заранее затверженные извинения и приветствия, пробормотал какую-то дрянь, что Евдоксия, *дескать*, Кукшина прислала его узнать о здоровье Анны Сергеевны и что Аркадий Николаевич тоже ему всегда отзывался с величайшею похвалою» (Тург.). «Однажды был даже такой случай, что по центру города мужичок с возом мёрзлой рыбы ездил, спрашивая, где живёт патриарх: оковский, *мол*, исправник в презент ему рыбки прислал» (Салт.-Щедр.). «Говорил представитель портовой погрузочной организации о том, что, *мол*, доски надо погрузить на бирже в плашкоут да потом выгрузить плашкоут на борт парохода, на рейде, и что пароходы прибывают, а рабочей силы не видать...» (Федин).

Частица *ни* («не и» или «и не»), как и в других славянских языках, усиливает отрицание, имеющееся в предложении в виде *не*: «*Не* сказал *ни* слова». Повторяемое *ни* выполняет уже функции союза: «Больше не нужно *ни* песен, *ни* слёз» (Никит.). «А о Норках *ни* я его ничего не спросил, *ни* он мне не сказал *ни* слова» (Леск.). «Право, *ни* Леля я, *ни* солнца не боюсь» (А. Островск.).

В ряде м е с т о и м е н н ы х образований частица *ни* образует часть слова: *никто*, *никогда*, *нигде*, *никуда* (впрочем, не следует выпускать из виду, что предлоги отделяют её от корневой части — *ни у кого*, *ни о ком*), и употребляется с *не* при сказуемом

и тут, как отдельное **ни**: «Он никогда не вникал ясно в то, как много весит слово добра» (Гонч.). «О, страшно знать, что детей не ждать *Никогда, Ниоткуда...*» (Безым.). Особый случай представляет «остаться *ни с чем, ... ни при чём*».

Примечание. В сочетаниях *кто ни...*, *что ни...*, *когда ни...* и под., равняющихся по смыслу «всякий, кто...», «всё, что...», «всегда, когда...» и под., **ни** утратило значение отрицания и, наоборот, усиливает положительное значение сказуемого данного предложения, придавая ему вместе с тем обобщительно-условное или уступительное значение: «*Куда ни оглянусь*, повсюду рожь густая» (А. Майк.) = «Всюду, куда оглянусь...». Опускание **ни** возможно в подобных сочетаниях в литературном языке, но встречается значительно реже: «Я видывал, как она косит: *Что взмах* — то готова копна» (Некр.).

12. СВЕРХФРАЗНЫЕ ЕДИНСТВА.

Синтаксическое построение произносимой или излагаемой на письме фразы охватывает, как мы видели, подчинённые смысловым отношениям сочетания слов при помощи известных служебных слов, морфологических примет связи и отношений, слов местоименных, порядка расположения и примет ритмомелодических. Слова сочетаются в грамматические пары (реже — тесно сочетающиеся группы большего объёма); грамматические пары и их эквиваленты — в предложения; предложения и их эквиваленты — в сложные предложения. Ритмомелодически оформленные целые как выразители определённого более или менее развёрнутого содержания — выступают в виде фраз.

Обратно, слышимые или читаемые фразы распадаются при их восприятии на свои составные элементы, последним из которых является обычно в смысловом аспекте отдельное слово, сознаваемое в некоторой самостоятельности и относительно целого, из которого оно выделяется, и относительно психологического и формального состава, обнаруживаемого в нём специальным анализом.

Несомненно, однако, что даже фраза не есть то наибольшее целое, в котором сознанию обнаруживаются словесные массивы. Если не говорить о таких наибольших словесных организациях, какими являются целые произведения слова — статьи, повести, романы и под., внешнее оформление которых тоже должно быть подчинено некоторому единству в содержании и в избираемой форме (разбивка на части, их заглавия и под.), — то нужно учитывать во всяком случае наличие тех больших, чем фразы, но ещё обыкновенно отчётливо схватываемых единств словесного выражения, в которых налицо бывают конкретные приметы синтаксического характера, — так называемые **сверхфразные единства**. Практика издавна считается с их существованием. Их внешним выражением на письме служит **красная строка**, отделяющая одно такое единство от последующего; однако достаточно часто встречаются и такие сверхфразные единства, когда и красная строка оказывается знаком лишь внутреннего членения большего единства. Менее внимания уделялось до сих пор изучению грамматических

особенностей таких синтаксических структур — массивов. Ограничиваемся и мы по поводу последних лишь несколькими общими замечаниями.

1. Для сверхфразных единств характерно, что внутри их между фразами, их составляющими, ещё остаются смысловые скрепы в виде местоимений: анафорических (*он...*), личных, указательных (обычно с новыми определяемыми словами, но не оторванными от смысла предшествующей фразы).

2. В состав сверхфразных единств входят союзы и вводные слова, употребляемые на границе фраз: **зато, однако** и под.; **заключительные: итак, таким образом, следовательно** и под. Возможны, однако, и едва ли не все другие.

3. Составные элементы сверхфразного единства в большей или меньшей степени остаются подчинёнными тенденции к ритмомелодической сгруппированности охватываемых ими фраз.

Примеры сверхфразных структур ввиду длины последних заняли бы много места, и потому мы по соображениям экономности изложения ограничиваемся лишь немногими такими, которые читателю труднее было бы подобрать самому (обычные типы можно найти в любой книге). Л. Н. Толстой, напр., «скрепляет» в статье «Что такое искусство?» большие сверхфразные единства в ряде случаев фразами, вводимыми подытоживающим союзом **так что** (см., напр., в изд. 1903 г., часть XIII, стр. 342, 365 и др.). В этой же статье «скрепой» у него являются для необычно цепкой вязи мыслей противительные союзы **но** и **а**: «Говорят, что самые лучшие произведения искусства таковы, что не могут быть поняты большинством и доступны только избранному, подготовленному к пониманию этих великих произведений. *Но* если большинство не понимает, то надо растолковать ему, сообщить ему те знания, которые нужны для понимания. *Но* оказывается, что таких знаний нет и растолковать произведения нельзя, и потому те, которые говорят, что большинство не понимает хороших произведений искусства, не дают разъяснений, а говорят, что для того, чтобы понять, надо читать, смотреть, слушать ещё и ещё раз те же произведения. *Но* это значит, не разъяснять, а приучать. А приучить можно ко всему и к самому дурному. Как можно приучить людей к гнилой пище, к водке, табаку, опиуму, так можно приучить людей к дурному искусству, что собственно и делается».

Большое сверхфразное единство создаёт Л. Н. Толстой, напр., в «Анне Карениной», способом единоначатия (*правда...*), соединяя так достаточно большие и без того сверхфразные единства, внешне отделённые друг от друга красными строками:

«Остальное ещё было по-старому, но эти три статьи были началом нового устройства и вполне занимали Левина.

Правда, что на скотном дворе дело шло до сих пор не лучше, чем прежде, и Иван сильно противодействовал тёплому помещению коров и сливочного масла, утверждая, что корове на холоду потребуется меньше корму и что сметанное масло спореет, и требовал

жалованья, как и в старину, и нисколько не интересовался тем, что деньги, получаемые им, были не жалование, а выдача вперёд доли барыша.

Правда, что компания Фёдора Резунова не передвоила под посев плугами, как было уговорено, оправдываясь тем, что время коротко. *Правда*, мужики этой компании, хотя и условились вести дело на новых основаниях, называли эту землю не общею, а испольною, и не раз мужики этой артели и сам Резунов говорили Левину: «получили бы денежки за землю, и вам бы покойнее и нам бы развяза». Кроме того, мужики эти всё откладывали под разными предлогами условленную с ними постройку на этой земле скотного двора и риги и оттянули до зимы.

Правда, Жураев снятые им огороды хотел было раздать по мелочам мужикам. Он, очевидно, совершенно превратно понял условия, на которых ему была сдана земля.

Правда, часто, разговаривая с мужиками и разъясняя им все выгоды предприятия, Левин чувствовал, что мужики слушают при этом только пение его голоса и знают твёрдо, что, что бы он ни говорил, они не дадутся ему в обман. В особенности чувствовал он это, когда говорил с самым умным из мужиков, Резуновым, и заметил ту игру в глазах Резунова, которая ясно показывала насмешку над Левиным и твёрдую уверенность, что если будет кто обманут, то уж никак не он, Резунов.

Но несмотря на всё это, Левин думал, что дело шло и что, строго ведя счёты и настаивая на своём, он докажет им в будущем выгоды такого устройства и что тогда дело пойдёт само собой».

Для той «цепкости», с которой Л. Н. Толстой образует сверхфразные единства, характерно, среди прочего, что собственно вся ХХІХ глава третьей части романа, из которой приведена цитата, составляет одно сверхфразное единство. За первой красной строкой следует вязь предложений, вводимая анафорическим *он* («когда он»), т. е. Левин, первого сверхфразного единства. Это же местоимение перекидывает мост к следующему («Заговаривая с мужиками... он...»). Далее, менее тесно, с предыдущим абзацем последующий соединяется именем лица (*Левин*). За ним идёт «Другая трудность...», содержание, естественно предполагающее первую.

После более слабой связи (*Левин*) идёт цитированное сверхфразное единство с единоначатиями и противительным «но, несмотря на всё это...» (ср. подытоживающее *всё это*) и затем абзац с «дела эти...» и два следующих со скрепляющими *он*.

Несомненно, что пристрастие к созданию больших сверхфразных единств, как и, наоборот, к коротким вязям, — один из существенных признаков стилистической манеры авторов и художественных направлений¹.

¹ Ср.: «Виникнення і розвиток літературних мов», — «Мовознавство», № 4—5, 1947, стр. 121 и дал.

По вопросу о сверхфразных единствах писали ещё Н. С. Поспелов в «Учёных записках» Моск. унив., выпуск 137, Труды каф. русск. языка, кн.

Внешне формирование предложений в сверхфразные единства имеет на письме своим обозначением красную строку (которую часто, не без оснований, относят к знакам препинания). Абзацы, от одного к другому, обыкновенно заключают в большей или меньшей мере тесные объединения содержания, выходящих за пределы простых фраз. По определению Л. В. Щербы («Пунктуация», — Литер. энцикл., IX, 1935, стр. 389), «Абзац, или красная строка... углубляет предшествующую точку и открывает совершенно иной ход мыслей». Если в этом определении «совершенно» является значительным преувеличением, то в основном его надо признать верным¹.

13. ПОРЯДОК СЛОВ.

В русском языке, при его богатой системе флексийных признаков, порядку слов принадлежит не столько собственно-синтаксическая, сколько стилистическая роль: в порядке слов русского языка меньше обязательного, чем, напр., во французском, и он может заметно меняться в зависимости от тех или других логических, ритмических (чередований более ударяемых и менее ударяемых частей фразы), эстетических и подобных устремлений. В качестве общих тенденций в нём по отношению к простому предложению можно отметить следующее:

Управляемые падежи, одни или с предлогами, обыкновенно следуют за словами управляющими: *выстрел охотника, угроза врагу, торговля фруктами, просим помощи, видит ниву, бег на месте, встреча с противником, стремиться к цели, способный к учению*. Но при безличных сказуемых чаще выдвигание вперёд управляемого слова со значением лица и под.: «Собранию нужно было принять по этому вопросу окончательное решение». «Тут писателя, что называется, осенило».

Инверсия (отклонение от нормального порядка слов) подчёркивает передвинутое слово: «Помощи он просит, а не сочувственных слов». «К цели стремиться надо, а не к случайным впечатлениям дня». *Не спится Тане*. «Только признание в нём [Кутузове] этого чувства [народного] заставило народ такими странными путями его, в немилости находящегося старика, выбрать, против воли царя, в представители народной войны» (Л. Толст.). «Щурками от дремоты глазами Увадьев вглядывается в темноту, и воображением дурашливая овладевает сумятица» (Леон.). «Ты всю землю ногами прошёл, штыком освободил, кровью и солдатским потом полил» (Горбатов).

К старинному синтаксису восходят немногочисленные определительные сочетания: *часовых дел мастер, такого рода сообщение*

вторая, 1948 г., — «Проблема сложного синтаксического целого в современном русском языке», стр. 31—41, И. А. Фигуровский — в «Русском языке в школе», 1948 г., № 3, и др.

¹ Развёрнутый анализ типов содержания, охватываемого красными строками, см. в статье М. Н. Иванова — «Строение абзаца и его пунктуация», — Русск. язык в школе, 1950, № 3, стр. 16—20.

и под. Ср. и более свободные: «Сотня плотников и всяких *иного* ремесла людей сколачивали временный мост на Балуни» (Леон.). «Часть комнаты за колоннами, где с одной стороны стояла высокая *красного дерева* кровать... и с другой — огромный киот с образами, была красиво и ярко освещена» (Л. Толст.). «...Сейчас только понял, — он, пан Владислав Тыклинский, рослый красавец в парижском *апельсинового бархата* кафтане» (А. Н. Толст.). «Теперь он был уже не благодушен, и старые *табачного цвета* глаза его в толстых веках блестели тускло, зло» (Серг.-Ценск.).

Инверсия может встретить препятствие в недостаточной чёткости флексийных признаков: средний род, напр., в своём склонении не даёт возможности различить именительный и винительный падежи; поэтому отклонение от обычного порядка слов, при наличии в предложении подлежащего в форме среднего рода, не даёт грамматической возможности решить, где подлежащее, а где — падеж управляемый. Скорее даже наоборот — мы обычно в таких случаях воспринимаем смысл собственно нормального порядка слов и за управляемый падеж принимаем форму, следующую за глаголом: «*Бытие* определяет *сознание*». Ср. ещё: «*Терпение* даёт *умение*». «*Ядро* потопило *судно*». Это же самое имеем, конечно, и при именах мужского рода неодушевлённых, в случае «мать... дочь» и под.: «Так прерывает резкий *звук цепей* Преступного страдальца *сновиденье*, Когда он зрит холмы своих полей...» (Лерм.). «И *взгляд* презренья довершает Паши насмешливый *укор*» (Козл.). «*Удар* головы его об огромный камень отразился в сердцах изумлённых зрителей. *Ужас* в них заменил *хохот*» (Лажечн.) и под. Поэтому инверсии вроде: «В одно мгновенье верный *бой* Решит *удар* его могучий» (Пушк.); «*Болящий дух* врачует *песнопенье*» (Барат.); «И *мрачность* на моём лице *Весёлость* шумных пиршеств множит» (Рылеев). «И шатают *мраки* в море Эти тонкие *лучи*» (Блок); «Но в это время толкнул *бронепоезд лес* — гулким ружейным залпом» (смысл — «выстрелили из лесу») (Вс. Иван., «Бронепоезд № 14—69»); «На небольшой елани резали высокие *пучки* и яркосиние *шпорники пули* перестреливавшихся» (Вс. Иван.); «Москву заслоняли немцы, с востока приближался Деникин, на рейде уже чертили *пенные полосы перископы* германских подводных лодок...» (А. Н. Толстой) — являются в отношении лёгкости понимания более или менее рискованными¹.

¹ Один из наиболее обычных способов обеспечить в подобных случаях нужный смысл, кроме восстановления нормального порядка слов, — чаще всего применяемые в языке науки и публицистики, где количество абстрактных слов, в которых не различаются именительный и винительный падежи, особенно велико, страдательные обороты (там, разумеется, где они возможны). Ср. ясность, которую при этом получила бы соответствующая мысль в выражении «*Болящий дух* *врачуется* *песнопеньем*». «...С севера *Киев* прикрывал *замок* княгини Ольги — *Вышгород*, с запада — *Белгород* и *Василев*» (Н. Н. Воронин, Древнерусские города, 1945, стр. 16). Предложение могло бы освободиться от двусмысленности при переводе дополнения (управляемого падежа) в подлежащее страдательной конструкции, а подлежащего — в творительный падеж при ней.

Отдельные падежи, зависимые от того же самого слова, выступают обыкновенно так, что д а т е л ь н ы й выдвигается впереди винительного или родительного объекта: «Докладчик изложил *собранию* своё мнение по этому вопросу». «Председатель не дал *оппоненту* слова во второй раз». Это же относится и к объекту в предложном падеже: «Товарищ сообщил *местному* о поступившем предложении».

Повидимому, тут суть дела заключается в том, что дательный падеж — обыкновенно падеж существа, а винительный и др. — предмета. Поэтому во фразах вроде: «Столяр обучил *отца* своему *мастерству*» порядок падежей меняется. Дательный может быть выдвинут, когда винительный должен быть подчёркнут.

Дательный предшествует обыкновенно и зависимым от того же существительного непосредственно или при посредстве предлога падежам со значением обстоятельственным (откуда? как? и под.): «Библиотекарь снял *товарищу* книгу с *четвёртой полки*». «Секретарь давал *собранию* объяснения *чётким и ровным голосом*».

Усложнение во все указанные отношения вносит ритмическая тенденция относить отягощённые относящимися к ним словами зависимые падежи к концу предложения.

При причастиях и деепричастиях местоименные существительные в винительном падеже следуют за ними: «И есть другая, более положительная причина, *понуждающая* меня рисовать эти мерзости» (Горьк.). Ср. «понуждая меня» и под. Нормальным следует считать такой порядок и для дательного и творительного (при причастиях страдательных).

В вопросительных предложениях личные и анафорические местоимения нередко идут за глаголом: «*Видишь ты* это облачко?», «*Может он* быть нам полезен?»

Единственный случай, где инверсия воспринимается как определённое логическое подчёркивание, — положение при повелительном наклонении. Нормальный порядок: *спроси его, скажи ей* и под.

Родительный падеж *его, её, их* обыкновенно предшествует управляющему слову: *его желания, их увлечения*; инверсия подчёркивает управляющее слово или просто стилизует сочетание в архаизирующем направлении: *желания его, увлечения их*.

В о п р о с и т е л ь н ы е м е с т о и м е н и я всех частей речи стремятся занять в предложении п е р в о е м е с т о: «*Что* она сказала?», «*Как* отнеслись вы к этому сообщению?», «*Каковы* результаты социалистического соревнования на вашем заводе?»

Стилистическая роль принадлежит в русском языке в ы д в и г а н и ю а н а ф о р и ч е с к о г о м е с т о и м е н и я в п е р е д и ритмомелодически обособляющегося существительного или существительных, с которыми оно согласовано: «Мы привыкли к выстрелам и крови, Страха нет, но жалость велика, — как *она* свисает с изголовья, *Эта* исхудалая рука!» (З. Шишкова, «Блокада»). «*Их* было много, *матерей и жён*, Во дни Коммуны, в месяцы Мадрида...» (Инбер). «И пускай *они* мимо прошли, *Надо* мною ходившие

грозы...» (Некр.). «Словно срезана, точно скошена, Запрокинулась навзничь она, Перекрытая тенью коршуна, Обещенная страна» (Асеев, «Чёрная фреска», — об Абиссинии). «Вот она, золотая минута, Что столетья берут на учёт: Отрубили щупальцы спрута На краю черноморских вод» (Асеев). «Он близок, светлый час, когда зарёю алой Победа озарит твой вешний небосклон, И в хату отчую боец войдёт усталый, И гордый будет стяг над миром вознесён!» (Рыльск., «Родной укр. земле»). Фраза получает своеобразную окраску, намекая на знакомство (конечно, мнимое) читателя или слушателя с тем, какое имя существительное последует далее.

Если анафорическое местоимение истолковывается из предшествующей фразы, то поясняющее его далее слово вносит оттенок разговорности: «Сколько крови в этой великой рабочей армии! Её, этой крови, хватит надолго» (Гладк.). «...Он что-то нюхал, этот умный и сильный человек, а глядел куда-то мимо окуляра, в розовую ладонь Сузанны, кинутую на столе» (Леон.). «Увадьеву представилось, как в дождливую ночь Варвара сидит на своём железном табурете. Она была уже немолода, Варвара» (Леон.). «Он ходил как в воду опущенный, мой Пётр Иванович...» (Станюкович).

У Л и д и н а такое употребление становится вообще чертой слога: «Постель была сбита и скомкана. Он истерзал его одышкой и бредом, это непокорное ложе для отдыха»; «Она разглядывала его сквозь пенсне, как явление из забытого мира, эта суровая и ширококостная старуха» и под.

П р и л а г а т е л ь н ы е в роли определений предшествуют именам существительным, с которыми согласуются: *яркие краски, пятилетний план, народное хозяйство*. Стилистическая роль принадлежит инверсиям вроде: «За кормой шёлково струится, тихо плещет вода, смолисто густая, безбрежная» (Горьк.). «И посетим поля пустые, Леса, недавно столь густые, И берег, милый для меня» (Пушк.). «Родник между ними [пальмами] из почвы бесплодной Журча пробивался волною холодной» (Лерм.). «Как известно, тряпка самая обыкновенная, коль скоро ею завяжут рану или вообще больное место, уже сама по себе представляет как бы лекарство, медикамент...» (Гл. Усп.).

При прилагательных и причастиях обычно не допускается отрыва управляемых ими слов и выдвигания впереди последних существительных, с которыми эти прилагательные и причастия согласованы. Поэтому отрезки вроде: *Или разыгранный «Фрейшиц» Перстами робких учениц* (Пушк.). *Давно закравшийся недуг В младую грудь подруги милой* (Рылеев) — воспринимаются теперь как необычные. Законный порядок слов требовал бы: «Фрейшиц, разыгранный перстами... «или «разыгранный перстами... «Фрейшиц»; «недуг, давно закравшийся в младую грудь...» и под. Ср. у архаизирующего Брюсова: «Мной расточённое наследство На ярком пире бытия». Вероятно, недосмотр или, наоборот, нарочитое отклонение от нормы у Г л а д к о в а («Старая секретная»): «В са-

харных сугробах полей хрустят и улетают в блеске и свисте нака-
танные дороги в запахах лошадиного помёта и *упавшего сена с му-
жичьих саней*». Такое сочетание, однако, приемлемее, чем в первых
двух случаях, так как «с мужичьих саней» может зависеть от сло-
ва «сена».

И н в е р с и я н а и м е н о в а н и й ч и с е л (*два... тыся-
ча... третий...*) создаёт значение приблизительности: «...Какой-то
господин... *раза два* неприятно покосился на мальчика» (Л. Андр.).
«...Идёт ему *годок четвёртый*» (Дост.). «Вообразите себе человека
лет *сорока пяти...*» (Тург.).

Н а р е ч и я н а о (е) обычно предшествуют глаголам, к ко-
торым примыкают: «Охотник, возвращавшийся домой с двумя бор-
зыми собаками, *случайно съехался со мной*» (С. Аксак.). «Две русые
головки, прислонясь друг к дружке, *бойко смотрят* на меня своими
светлыми глазками» (Тург.). При обратном порядке наречие под-
чёркивается; ср.: «*съехался со мной случайно*»; «*смотрят на меня
бойко*». «На охоте он [кобель]... *глядел* на меня *напряжённо и тупо*,
как бы спрашивая меня, что же надо делать» (Тург.).

Сравнительная степень, обыкновенно идёт за глаголом и зави-
сящими от него словами, если далее следует чем, нежели: «Однажды
Николай, всегда аккуратный, *пришёл со службы много позднее,
чем всегда...*» (Горьк.).

Г л а г о л ы, кроме отношений, уже отмеченных выше, обна-
руживают такие тенденции:

Относительно подлежащего глагол (сказуемое) может занимать
первое место тогда, когда предложением явно продолжается п о-
в е с т в о в а н и е¹. В большинстве случаев постановка подлежащего
и сказуемого с зависящими от них словами на первом или на втором
месте одного относительно другого определяется логическим ударе-
нием: то из них, которое воспринимается как предикат, как откры-
ваемое мыслью новое, ставится обыкновенно ближе к концу; ср.:
«...И вслед за гудками, убегая от них, из домов *посыпались* тёмно-
синие *фигуры* рабочих, мужчин, женщин, детей; они сразу наполни-
ли глубокий ров новым шумом и завертели кубарями по мостовой,
между возов, под унылыми мордами лошадей. *Человек* около фонаря
в́ырос, в́ытянулся вверх; красное *пятно* его фуфайки одиноко в ули-
це и очень резко *бросается* в глаза; он *встряхивает* рыжей головой;
всё его *лицо играет*, каждую минуту меняя выражение: он стал
маяком на одном из берегов тёмной реки, загроу́женной массой
живого, человеческого, и хорошо *слышен* над раздробленной толпой
его зовущий *гблос*: — Сюда, ребята, здесь говорят правду о жизни
рабочего народа, о его правах на труд и свободу!» (Горьк.). «...*При-
шёл Ашик-Кериб* к своей матери, *взял* на дорогу её благословение,
поцеловал маленькую сестру, *повёсил* через плечо сумку, *опёрся* на

¹ Для слов автора, вставленных в речь говорящего лица или сопровожда-
ющих её, такой порядок слов — правило: «Ты опять тут? — *спрашивает он...*»
(Горьк.) «Почему? — *спросил я*, и сердце защемило в груди» (Свирск.). «Не
печальтесь, — *обратился ко мне Павел Васильевич*» (Свирск.).

посох странничий и вышел из города Тифлиса» (Лерм.). «Лодку бросает назад, — думал Лаевский, — *делает она* два шага вперед и шаг назад» (Чех.). «К утру подали поезд ташкентский. *Поднялись мужики* с сундуками, *поднялись бабы* с ребятами. *Вскинулись мешки* на плечи, *загремели ведра, чайники, самовары*» (Невер.). «...Вот *налетел* круговой вихрь... Вот *звякнул* вдали и порывами *донбсится* до слуха *звон* колокольчика обратной тройки... Вот *залаяла* у деревенской околицы *ледащая собачонка*, *зачуяв* волка...» (Салт.-Щедр.). «*Докатились* в район *отзвуки* германской революции. *Донеслись раскаты* ружейной перестрелки на баррикадах Гамбурга. На границе становилось *неспокойно*. В напряжённом ожидании *прочитывались* газеты, с запада *дули* октябрьские *ветры*. В райком посылались *заявления* с просьбой направить добровольцами в Красную Армию» (Н. Островск.). «...*Точат* заклёккую насыпную землю кургана *суховеи*, *накаляет* полуденное *солнце*, *размывают* *ливни*, *рвут* крещенские *морозы*, но курган всё так же *нерушимо* властвует над степью, как и *полтысячи лет* назад...» (Шолох.).

Сказуемое слово *нет* обычно употребляется в середине предложения: «У её сестры *нет* детей», «У Петрова *нет* этой книги». Выдвижение *нет* на первое или последнее место в предложении сообщает ему особенную подчёркнутость; ср.: «О нём *нет* никаких слухов» и «*Нет* о нём никаких слухов»; «Хороши казачьи кони в тысячу монет: Ни в атаке, ни в погоне Их ретивей *нет*» (Сельв.).

При форме повелительного наклонения в функции условного или уступительного подлежащее стоит обыкновенно за ним: «*Пробудь* я здесь ещё хоть год, Он [дом] догнёт и упадёт» (Лерм.). «Ну *возьми он!* Ну, если уж так надобно... ну *возьми!*» (Салт.-Щедр.).

Зависимые инфинитивы следуют за словом, к которому примыкают: *спешим сообщить, способный организовать, стремление учиться*.

В языке стихотворном возможен порядок слов — *предлог — имя существительное, зависящее от управляемого предлогом — управляемое*: *Под неба чужеземной аркой* (Тихон.). *В молчанием сжатой толпе* (Тихон.)¹. В начале XIX века допускалось в подобных случаях выносить родительный падеж зависимого слова в положение перед предлогом: «Но всем ли, милый друг, *Быть счастья в упоенье?*» (Пушк.). «Но был уж *смерти под косою*» (Пушк.). «*Гарема в дальнем отделенье* Позволено ей жить одной» (Пушк.).

В ряде случаев вместе с фактом инверсии специальное значение приобретает употребление того и другого слова или словосочетания (грамматической пары) на первом, или, наоборот, последнем месте в целом предложении. Так, напр., подчёркнутыми, носящими логи-

¹ При анафорическом местоимении (местоимении 3 лица) это обычно и в прозе: *У его сестры, в их руках*.

ческое ударение, выступают благодаря подобному размещению слова:

1. В начале предложения:

«Огоньков на горе не было видно, но стрельба слышалась частая» (Гарш.). (Ср., однако, возможное логическое ударение на «не было видно»). Нормальный (прямой) порядок слов — «На горе не было видно огоньков...»

«Двенадцать дней садили бомбы в старинную крепость Мариенбург» (А. Н. Толст.). (Возможно логическое ударение и на «Мариенбург»). Прямой порядок слов — «Садилы бомбы двенадцать дней в старинную крепость Мариенбург».

2. В конце предложения:

См. выше пример из Гаршина: «...но стрельба слышалась частая».

«Толстый Фома Фомич долго молчал и, наконец, перебил анекдот Леонида на самом интересном месте» (Гарш.). Ср.: «...и, наконец, на самом интересном месте перебил анекдот Леонида».

«Потряс острой бородой и дружески укоризненным шёпотом стал выкладывать обиду» (Тренёв). Ср.: «...и стал выкладывать обиду дружески укоризненным шёпотом».

Из особенностей порядка слов, характеризующих связи в ани предложениях, отметим такие:

Определяющее слово придаточного предложения придвигается как можно ближе к определяемому, т. е. стремится занять первое место в предложении: «Человек — одно звено в бесконечной цепи жизней, которая тянется через него из глубины прошедшего к бесконечному будущему» (Корол.).

Но зависящие от имён, инфинитивов или деепричастий косвенные падежи слова «который» («каковой») по правилу стоят за соответственными существительными и под.: «...Среди работы вдруг кто-нибудь запевал тихонько одну из тех протяжных песен, жалобно-ласковый мотив которых всегда обличает тяжесть на душе поющего» (Горьк.). «...Причиной неуспеха, конечно, послужит чисто внешняя форма труда [Амабиле о Кампанелле], одолеть который есть своего рода подвиг» (Шелл.-Мих.). «Счастье опять заблестело в глазах измученной женщины, и мать все эти дни не могла наговориться, насмотреться на сына, увидеть которого она уже и не чаяла» (Н. Островск.). «...А в контексте этих документов, привести в исполнение которые мог только я, заключалось слишком много оснований для сутяжничества» (из перевода «Гобсека» Бальзака). «В день приезда он [А. А. Бестужев] и обедал у А. И. Анненковой, поднявшейся ради гостя с разглаженных и обогретых утюгами ватных халатов, лёжа на которых, имела она обыкновение проводить время» (Голубов).

Фразы вроде: «Он дрался и буянил не столько для собственного удовольствия, сколько для поддержания духа всего солдатства, которого он чувствовал себя представителем» (Л. Толст.); «Пишу о том времени, которое ещё цепью живых воспоминаний связано

с нашим, *которого запах и звук ещё слышны нам*» (Л. Толст.); «*Всё, что забыто, недопето, Не возвратится до звезды, До той звезды, которой близость* Познав, сторицей отплачу За всё величие и низость, *Которых тяжкий груз* влачу» (Блок); «*Всё небольшое пространство* пестрело цветами, *которых запах* смешивался с запахом дыма из кузницы» (Корол.), — следует считать относительно редкими отклонениями, встречающимися главным образом у старых писателей. Приблизительно до середины XIX века такой порядок был, однако, господствующим.

В отличие от разговорнонародной и старинной речи придаточные предложения с «который» в современном литературном языке не могут предшествовать главному.

Союзы, вводящие только предложения, следующие за главным, — *ибо, так что*. Ср. и союзы на границе фразных членений¹.

14. ЗАМЕЧАНИЯ О СТИЛИСТИЧЕСКОМ ОТБОРЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ СРЕДСТВ.

Неряшливое употребление синтаксических структур в ряде случаев угрожает ясности мысли, понятности её для слушающего и читающего. Синтаксическая правильность иногда оказывается недостаточной сама по себе, и потребности мысли заявляют свои права на повышенное к себе внимание.

В многочисленных особенностях синтаксической системы нетрудно заметить оберегание интересов мысли; ср., напр., такие особенности, как у с родительным падежом у названий существ без значения «около», но и с этим значением и со значением владельца — у имён неодушевлённых, выступающих с функцией обладания относительно редко и потому мало подверженных опасности смешения двух возможных значений; различие объекта и субъекта действия синтаксическими средствами в оборотах вроде «служение музам», но «служенье муз» в смысле, что служат они, а не им (ср. у П у ш к и н а погрешность против русского синтаксиса, приводящую к неясности: «Служенье муз не терпит суеты»), и др.

Но есть среди особенностей системы довольно и такого, что требует внимательного регулирования со стороны говорящего и пишущего. Фразы вроде: «*Не придумать им казни* мучительней Той, которую в сердце ношу!» (Некр.) (кто придумает казнь и кому?); «*Хотел бы я тебе представить Залог* *достойнее тебя*» (Пушк.). (ср. «залог, более достойный тебя» и «достойнее тебя» в смысле «...достойнее, чем ты»); *Вам нельзя этого говорить* (при инфинитиве законен дательный действующего лица) — двусмысленны, хотя, по сути,

¹ Из литературы о порядке слов см.: М. И. В о с к р е с е н с к и й. К вопросу о словорасположении в русском языке, — Русск. яз. в школе, 1936, № 4, В. Г. О р л о в а. Порядок слов в русском языке, — Русск. яз. в школе, 1939, № 1.; «Язык газеты», 1943, стр. 245—255. М. К. М и л ы х, Порядок слов в русском языке, — Учен. записки факульт. языка и литерат., кафедра русск. и общ. языкозн. Рост. на Дону гос. пед. и учит. инст., 1948, стр. 71—142.

удовлетворяют правилам синтаксиса. «Тоже собралось дворянство, в том числе *два брата Брыкины*» (Писемск.) (сказано *Брыкины*, а не *Брыкина*, так как последняя форма давала бы повод думать, что есть ещё третий Брыкин). — «Но перед эксцессами буквализма и механической точностью иных из современных переводов... испытываешь потребность обратиться к «вольным» переводам *Бальзака Достоевским и Флобера Тургеневым*» (Л. Гроссман.), — родительные падежи «Достоевского, Тургенева» были бы двусмысленны.

«Деловая помощь промышленности» не ясно: помощь может идти от промышленности и может подаваться ей, но «Деловая помощь промышленности транспорту» ясно: *промышленности* здесь можно понимать только как родительный падеж единственного числа.

Избегаем мы таких сочетаний, как:

«...белые казимировые панталоны с пятнами, *которые* когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которые можно теперь натянуть разве на его пальцы» (Гог.), — «которые» относится, конечно, к *панталоны*, но формально может быть отнесено к «с пятнами»¹.

Не только, однако, оберегание смысла требует отбора определённых синтаксических конструкций, — это диктуется и мотивами *собственно-стилистическими* — задачей сообщить речи ту, а не другую смысловую или эмоциональную установку и окраску. Со стороны стилистической не безразлично, напр., построить ли фразу с условным союзом *если бы* или прибегнуть к конструкции с формой повелительного наклонения в функции условной; ср. разговорный тон фразы «...*Не отвори ты* так не вовремя дверей, *не войди* в мой кабинет в то мгновение, как меня терзали и пытали, жил бы ты ещё долго» (Данилевск.) и спадание её эмоциональности при замене повелительных условных форм «нейтральной» конструкцией с «если бы». Не безразлично для производимого впечатления — пользуется ли автор косвенной речью с изъяснительными союзами или переходит на свободную косвенную речь, в которой главным образом особенности употребления лиц и ритмомелодика дают указание на «косвенный» характер передачи сказанного, но уже тембральная окраска читаемого текста обязательно приближает его к действительно сказанному.

Особый, стилистически изощрённый тип приложений представляют такие, которые относятся к предшествующему предложению в целом: «Император улыбнулся сперва одними глазами, потом одним ртом, — *доказательство* страха и напряжённой осторожности» (Голубов). «Вы, человек интеллигентный и пожилой, ни разу не слышали про меня, — *доказательство убедительное*» (Чех.).

¹ Об этой стороне русского синтаксиса полезные замечания можно найти, напр., в книгах «Язык газеты», М.—Л., 1941 (1943), стр. 255 и дал. и К. И. Былинский. Основы и техника литературной правки, М.—Л., 1944, стр. 63—87.

«Вы просите его объяснить, хоть приблизительно, какого рода желает он место; ему совершенно всё равно; он готов куда угодно, — лучшее доказательство, что он никуда не годен» (Григор.).

Недостаток места не позволяет нам остановиться даже на главнейших моментах такого стилистического отбора, выходящих за пределы того, что сказано в предшествующих параграфах¹. Ограничимся лишь короткими замечаниями по поводу тех исключительно важных в синтаксисе явлений, которые можно подвести под общее название эллиптических.

Каждый язык переполнен так называемыми скрытыми синтагмами, экономными средствами передачи известного содержания, и русский, конечно, в этом отношении не представляет исключения. Мы говорим: «Я читаю Короленка» (ср. «произведения Короленка»). «Еду на извозчике». «Билет туда и обратно». «Пойду посмотрю, что ваша лошадь» (Тург.). «Вот это — действительно, в пользу бедных! — расхохотался Николай» (Соболев). «Развелись? — всплеснула та руками, готовясь напустить именно за то, что променял её, своей рабочей стати, на какую-нибудь вертихвостку...» (Леон.). «А, так, — многозначительно *игранул бровями* Маркуша» (Мальшк.). «Василий Васильевич *приподнялся на локте*, бледный, землистый: — Ты не врешь, поп?.. Про что говоришь-то?» (А. Н. Толст.). «Ребят через другие ворота отсеивают, — *сказал с подусниками*» (Федин).

Таких примеров в языке очень много. Укажем несколько категорий более или менее широкого характера, более других свободных от моментов узко-лексических.

При союзах (наречиях) сравнительных *как, чем, нежели*, как уже отмечено выше, установились в качестве типических, теоретически говоря, эллиптические способы выражения. Избегая повторения тех же слов, мы обыкновенно говорим: «Конь *пронёсся, как стрела*» и под., и лишь изредка, подчёркивая, создаём фразы вроде: «...*Льётся, как льются струи дождевые* В осень глухую, порою ночной» (Тютч.). «Для него самый шумный день был безмолвен и беззвучен, как ни одна самая тихая ночь не беззвучна для нас» (Тург.). «...Но как спортсмен в беге, не обращая внимания на облачность в небе, *стремится всеми силами достичь намеченной цели*, — так и Жарков, стараясь не слушать одобрения со стороны восемнадцати, *стремился выбить, окончательно распылить Кусмаркина*» (Панф.). «Ты не мучь напрасно взора, *Не придёт он*, Так же вот, *Как на зимние озёра Летний лебедь не придёт*» (Уткин).

Нет однако надобности толковать как эллиптические типы, которые имеем теперь в характерной для научного и родственных ему стилей прозы конструкции с *как* в значении в «качестве кого, чего»: «Она *выступала как представительница женотдела*».

¹ О синтаксических вариантах, имеющих стилистическое значение, см. Пешковский. Принципы и приёмы стилистического анализа художественной прозы *Ars poetica*, 1927, I, стр. 56 и след.; «Вопросы методики родного языка, лингвистики и стилистики», 1930, стр. 154—156.

Очень распространены сокращённые способы выражения при ответах, когда основная часть ответа, заключённая в них, фактически дополняется тем, что другой участник диалога сказал раньше. Дополнять вопрос и ответ, конечно, может и ситуация: «Ты видел вчера Михаила Павловича? — Видел». «Чей доклад был вчера в клубе? — Товарища Н.»

Опущение (или замена анафорическим местоимением) стилистически не только разрешается, но и диктуется необходимостью опускать слово, которое должно было бы повторяться в соседних синтаксических группах, не служа целям нагнетания эмоции или подчёркивания смысла: «Без них всё прошлое, один жестокий бред, Без них — один укор, без них одно терзанье...» (Фет).

Гораздо более терпим язык к повторению предлогов. Они могут опускаться (не исключая и предложного падежа), но нередко и сохраняются. Пример эллиптической конструкции: «Третий солдат, с серьгой в ухе, щетинистыми усиками, птичьей рожицей и фарфоровую трубочкой в зубах, на корточках сидевший около костра, был ездовой Чикин» (Л. Толст.)¹.

Средства ритмомелодики открывают широкие возможности опускать союзы. На фоне развитой системы союзов мы ощущаем часто как эллиптические выражения вроде: «Я не пойду туда; там вечный плеск и шум» (Фет).

Сфера господства эллипсисов — эмоциональная речь: А кругом: Смеяться. Флаги. Стоцветное. Мимо. Взыбились. Тысячи. Насквозь. Бегом... (Маяковск.). Мне — другая жизнь и другая дорога, И душе — не до сна (Блок). Со мною — ты, и мне — безречь (Тихон.). «Подъём кончился, казаки запыхались, волю стали. Цыбаченко — не оборачиваясь: — Давай пулемёт» (А. Н. Толст.).

Стоит отметить исключительную эллиптичность современной беллетристической прозы, эллиптичность, сообщающую ей особую насыщенность эмоциями и делающую её вместе с тем зачастую трудной для понимания сразу. Типичны с этой стороны, напр. ранний Вс. Иванов, Л. Сейфуллина. «Дарья Хлынова — закипающим голосом: Я и в Воробьёвке в магазине на уютю смотрю и думаю — купить или обождать» (А. Колосов).

Широчайшее использование эллипсиса как стилистического средства в поэзии связывается после А. Блока и других символистов с именем В. Маяковского и его школой².

В противоположность эллипсису, чрезвычайно распространённому в языке и определяющему многое в синтаксисе, плеонастическим способам выражения принадлежит в их синтаксической роли очень скромное место.

¹ Условия возможного опущения предлогов подробно характеризуются А. М. Пешковым, Русский синтаксис в научном освещ., 3 изд., стр. 513—514.

² Из специальных исследований назовём: Б. Арватов. Синтаксис Маяковского. — Печать и револ., 1923, № 1 (перепечатано в его «Социологической поэтике»); Л. Курилова. Из наблюдений над синтаксисом А. Блока. — Наук. зап. Харк. наук.-досл. каф. мовознавства, II, X., 1929.

Самый характерный случай — увязывание частей разросшейся фразы путём повторения какого-либо члена, уже упомянутого в первой части и грамматически достаточного для оформления конструкции, но нуждающегося в том, чтобы о нём «напомнить»: «*Мужик*, брюхом навалившись на голову своей единственной кобылы, составляющей не только его богатство, но почти часть его семейства, и с верой и ужасом глядящий на значительно нахмуренное лицо Поликея и его тонкие засученные руки, которыми он нарочно жмёт именно то место, которое болит, и смело режет живое тело, с затаённой мыслью: «Куда кривая не вынесет» — и показывая вид, что он знает, где кровь, где материя, где сухая, где мокрая жила, а в зубах держит целительную тряпку или склянку с купоросом, — *мужик* этот не может представить себе, чтоб у Поликея поднялась рука резать не зная» (Л. Толст.). «Хотя людей было много лишних, но *все эти люди*, носившие мягкие, без каблуков, сапоги (Татьяна Семёновна считала скрип подошв и топот каблуков самую неприятную вещь на свете), — *все эти люди* казались горды своим званием, трепетали перед старою барынею, на нас с мужем смотрели с покровительственной ласкою и казалось, с особенным удовольствием делали своё дело» (Л. Толст.). «*Цырюльник Иван Яковлевич*, живущий на Вознесенском проспекте (фамилия его утрачена, и даже на вывеске его, — где изображён господин с намыленною щекою и надписью: «И кровь отворяют», — не выставлено ничего более), *цырюльник Иван Яковлевич* проснулся довольно рано и услышал запах горячего хлеба» (Гог.). «И кто б подумать мог, что та ж луна, Которая была немой свидетель Минуты первой, у ручья, в горах — ты помнишь? — *Что та ж луна* свидетель будет Разлуки, нежная Эмилия!...» (Лерм.). «Только теперь рассказы о первых временах осады Севастополя, когда в нём не было укреплений, не было войск, не было физической возможности удержать его, и всё-таки не было ни малейшего сомнения, что он не отдастся неприятелю, — о временах, когда этот герой, достойный Греции, — Корнилов, объезжая войска, говорил: «умрём, ребята, а не отдадим Севастополя», и наши русские, неспособные к фразёрству, отвечали: «умрём! ура!» — только теперь рассказы про эти времена перестали быть для вас прекрасным историческим преданием, но сделались достоверностью, фактом» (Л. Толст.). «Ряд культурно-исторических причин, среди которых видное значение принадлежит и государственному началу, заложенному ещё в Южной Руси, но проникшему отсюда и во все земли, занятые русским племенем, ряд причин служит объяснением, почему встретившиеся в Поволжье и Поочье севернорусы и восточнорусы были вынуждены к мирному сожителству» (Шахм.).

Относительно редки, но возможны а н а к о л у ф ы — как намеренные, художественно обоснованные нарушения обычных, правильных конструкций: «Так, покончив с врагом расправу, *Севастополю* в блеске дня, Так *стоять* ему, — древнюю славу С нашей, с нынешней соединя» (Асеев).

В отдельных эллиптических конструкциях опущение совершается по мотиву возможности опустить часть как уже названную (ср. сказанное о как и под.). Эта тенденция поддерживается здесь, как отмечалось, параллельной тенденцией иного порядка — в языковом сознании существует известное отталкивание от скоплений одинаковых элементов (если скопление это не вызывается специальными мотивами). Правда, не все синтаксические явления языка в этом отношении одинаково подвергаются контролю: с рядом прочно установившихся в истории языка черт мы миримся, их вовсе не замечая. Как несовершенство они привлекают внимание обыкновенно только того, кто сталкивается с ними впервые (напр., изучающего язык иностранца). Но в ряде других случаев, там, где ещё возможен стилистический отбор, регулируемый чувством «плохого» и «хорошего» в языке, говорящий и, особенно, пишущий уклоняется от набегающих скоплений и ищет приемлемых для них замен. Так, если мы спокойно допускаем конструкции типа *для оборудования завода имени тов. Калинина* с большим скоплением зависимых друг от друга родительных падежей, то уже два дательных или творительных нам не всегда кажутся приемлемыми; ср., напр.: «Мы хотим придать *обучению* языку производственный характер», «Перед *торговлею фруктами* остановилось несколько покупателей» или: «Смешно смотреть *институткой* на мир *двадцатипятилетними глазами*» (Герцен, «Кто виноват?»). «Тебя *хвалой* он обижает, *Чужою купленной бедой*» (Козл., «Прости», из Байр.). «У письменного стола была стойка с *обозначенными золотыми ярлыками ящичками* различного рода» (Л. Толст., «Анна Карен.»). «...Как только поверил в собственную значительность и *заинтересованность им читателем и критиком*» (Лит. газ., 1935, № 66). «В этой ноте указывается, что итальянское правительство оставляет за собой право поднять вопрос *о соглашении о взаимной помощи*» («Изв.», 27/III 1936).

Синтаксически не обработанной мы найдём также фразу: «Тем поучительнее его выводы о *заботливости Ленина о своём читателе*» (Рыт) или: «Волков подавился, попятился и видел, как от стола поднималась Софья, дрожа *налитым гневом толстым лицом*» (А. Н. Толст.). Мы с полной снисходительностью готовы отнестись к сочетаниям вроде «Час *ехать спать ложиться*» (Гриб.) или «Какое счастье *уметь всё делать!*» (Горьк.), но, напр., деепричастие того же вида, примыкающее к деепричастию, отвергается нашей языковой эстетикой: «*Идя разговаривая*, мы незаметно оказались у своего дома» — фраза, которая представляется нам если не совсем недопустимой, то, по крайней мере, спорной относительно её качества. (См., однако, замечание, сделанное на стр. 380 и далее).

Особенно влияют в смысле выбора вместо них других возможных конструкций «подвёртывающиеся», но без перечислительной интонации, повторные относительные слова и союзы: *который, что* и под. Так, скорее всего авторским недосмотром объясняются фразы: «Тихая, уединённая жизнь в нашей деревенской глуши с воз-

возможностью делать добро людям, *которым так легко делать добро, к которому они не привыкли...*» (Л. Толст.). «Все в батарее считали его капиталистом, потому что он имел рублей двадцать пять, *которыми охотно ссужал солдата, который действительно нуждался*» (Л. Толст.). «Князь Андрей ясно видел, *что старик надеялся, что чувство его или будущей невесты не выдержит испытаний года*» (Л. Толст.). «Смотря на искусство с уважением, приказал Кокошкину, директору театра, *чтоб он передал Писареву, чтоб он умел обращаться с дамами и не позволял бы себе неприличного тона*» (арт. Щепкин). «Нас понесло с такой силой, *что, нагнав какое-то бревно, мы так в него стукнулись, что дрянной паром проломился и вода разлилась по палубе*» (Герцен.).

Как убедительно показал Л. Гроссман («Творчество Достоевского. Стилистика Ставрогина», стр. 131 и сл.), «Исповедь Ставрогина» дана автором в нарочито неотделанном, «отталкивающе неприглядном» слоге. Этой установке соответствует, напр., и фраза: «Я так был низок, *что у меня дрогнуло сердце от радости, что выдержал характер и дождался, что она вышла первая...*»

В произношении делает более приемлемыми некоторые подобные скопления разный характер тонирования отдельных частей. Ср. у Ф е т а: «Рассказать, *что отовсюду На меня весельем веет, Что не знаю сам, что буду Петь,* — но только песня зреет». «Князь Андрей стоял прямо против Кутузова; но по выражению единственного зрячего глаза главнокомандующего видно было, *что мысль и забота так сильно занимали его, что как будто застилали его зрение*» (Л. Толст.). «...После её доводов было признано, *что угол за занавеской как раз и есть то, что требуется для редкостного жильца*» (Федин). «Вот я, женщина, иду по этой дороге и чую в себе такую силу, *что вырву с корнем всё, что встретится на пути*» (Тренёв).

Предварительное взвешивание, сознательное отталкивание от возможного антиэстетического скопления союзов мы вправе подзревать в тех уже «отделанных» фразах, где возникавшая трудность обойдена и скопление устранено; ср., напр.: «Нет, нет! не оттого признаньем медлю я, *Что я боюсь — она не отзовется Мне на мою любовь, холодный смех тая...*» (Полонск.). «Я сказал ему, *что боюсь, не утонула бы женщина в грязи*» (Горьк.); при отсутствии предшествующего *что*, после *боюсь* естественно появилось бы *чтобы*. «Я знаю, милая, добрая княжна, — сказала Анна Михайловна, хватаясь рукой за портфель, и так крепко, что видно было, *она не скоро его пустит*» (Л. Толст.). После было сознательно опущено естественное второе *что*.

Или: «Медвяный аромат набухающих почек тополей был так приторно сладок, *что у Давыдова, когда он начал говорить, было такое ощущение, как будто губы его слипаются и даже вкус мёда ощущал он, касаясь языком нёба*» (Шолох.). Второе «угрожавшее» *что* обойдено при помощи близкого по смыслу *как будто*.

Расположение слов, определяемое эстетическими мотивами и установкой на выразительность специально выбираемых элементов, выступает в виде тех или иных речевых фигур. Среди последних упомянем только одну из особенно характерных — так называемый х и а з м, расположение параллельных или одинаковых слов в сочетающихся грамматических парах или предложениях в виде буквы х (т. е. в обратном порядке): «Была без радости любовь, Разлука будет без печали» (Лерм.). «Слишком знаем мы друг друга, Чтоб друг друга позабыть» (Лерм.).

Исключительный по выразительности хиазм дан Пушкиным в «Руслане и Людмиле», где пересечение дорог, о котором говорится во фразе, внешне передаётся хиазмом (пересечением) словесным: «Вот под горой путём широким Широкий пересекся путь».

Говоря о стилистических установках в синтаксисе, нельзя оставить без замечаний очень существенного общего различия.

Подчиняясь в основе тем же правилам сочетания форм и использования служебных слов (т. е. осуществляя те же виды согласования, управления и примыкания, нуждаясь в основном в тех же предлогах, союзах и под.), устная и письменная речь, как всем хорошо известно, стилистически друг от друга отличаются. Первая по своей природе рассчитана на слушателя, вторая — на читателя; первая произносится, вторая пишется. Произносящий и слушающий в большинстве случаев не могут по самим условиям осуществления устной речи и восприятия её иметь дело с очень большими синтаксическими целыми: темп речи предъявляет требование, чтобы материал «подавался» на данном отрезке времени без заметной задержки, чтоб он был дан сразу, вообще говоря, без поправок.

Наоборот, пишущий и читающий не нуждаются обязательно в том, чтобы мысль разбивалась в своём грамматическом оформлении на небольшие части: в процессе сложения на письме длинной фразы автор всегда имеет возможность дать оформление сначала одному звену мысли и связать с ним другие иногда значительно позже, когда они уже «подоспеют»; система, напр., союзов, отражающих основное устремление к дальнейшему (причинность, цель и под.), позволяет наметить, что нужно выразить, и сосредоточиться на отделке подлежащего оформлению. Пишущий всегда может и должен перечитывать написанное: перечитывая, он исправляет не удовлетворяющее его и предлагает читателю текст, обязательно отделанный (или предполагающий требовательность к отделке); наличие условий для медленной отделки позволяет оперировать большими целыми, чем при речи устной, когда обычно отделка — выбор из навёртывающихся возможностей (если речь не выучена на память) — должна совершаться быстро.

Письменная речь значительно более «литературна», в ней значительно более отборочного, чем в речи устной. Говорят все, не проходя обязательно соответственной выучки; тот, кто пишет,

обязательно учился. Устная речь в громадном числе случаев — на службе повседневных бытовых потребностей говорящих; письменная — обслуживает важное, а предназначенная для печати — особенно важное или рассчитанное на широкое распространение.

На устную речь в смысле её характера и синтаксических особенностей постоянно оказывает поэтому громадное влияние просторечие, фамильярные способы разговора, язык непретенциозного общения. Таким образом, синтаксис устной русской речи, как и её лексика, свободнее от влияния старославянского языка и языков, которые влияли на русский главным образом или исключительно через книгу.

Наоборот, письменный язык, продукт книги и школы, сохраняет в себе многое, что сложилось в старинных стилях на почве уже отживших и отживающих идеологий.

Наблюдая отличия синтаксиса устной разговорной речи от речи письменной (причём та и другая у того же самого лица, при всей разнице, связаны тысячами переходов друг в друга), для значительной части словосочетаний нужно констатировать их теснейшую зависимость от специфической для каждого из видов речи лексики. Многочисленные старославянизмы письменной речи сообщают ей одновременно и синтаксическую физиономию: главным образом в письменной, напр., речи употребляемое *предшествовать* ведёт за собой типическое для него управление (дательным), *возглавлять* — винительным, *внушать* кому-нибудь что-нибудь, *внедрять* в кого-нибудь что-нибудь; *льстить себя надеждой*, *исполненный решимости* и т. д., и т. д.: «Когда я создавал героя, Кремень дробя, пласты деля, *Какого вечного покоя была исполнена земля!*» (Блок).

Это же нужно сказать и о словах, вошедших из немецкого, французского и т. д.: *импонировать* (с дат.), *дирижировать* (с твор.), *претендовать* (на что-либо), *симпатизировать* (с дат.), *интересоваться* (чем-нибудь), *интерес* (к чему-нибудь), или о кальках, вроде *влиять* на кого-нибудь, *развивать* что-нибудь и под.

Книжны и типичны для определённых литературных жанров (научно-философского, публицистического, канцелярского) синтаксические связи многих отглагольных существительных: *истолкование* (с род.), *забвение* (с род.), но *омерзение* (к чему-либо), *отвращение* (от чего-либо или, чаще, к чему-либо): «Слова Марьи Петровны яснее выразили моё смутное *отвращение к уклонению от войны*» (Гарш.), «...все чувствуют в равной степени неодолимое *отвращение от частных занятий...*» (Григор.).

Ср. и типические канцеляризмы, как: *согласно чего-нибудь* (приказа, распоряжения и под.), *отправлено января пятого дня* и т. п. «Его [лес] гнали модем, россыпью, а у Макарихи ловили, *согласно договоров с лесными конторами*, вытаскивали по склизам и складывали в штабеля» (Леон.).

Значительно реже в устной речи почти неотъемлемые в письменной причастные и деепричастные сочетания; они попадают в неё

из речи книжной и в ряде случаев несут с собой впечатление литературной нарочитости. Чужды разговорному языку также обособленные прилагательные. Проходит различие между устной и письменной речью и по линии форм сказуемости: устная склонна, напр., значительно больше к формам полным (на **-ый, -ой, -ая, -ое; -ий, -яя, -ее**); в ней необычны предикативные прилагательные, тяготеющие к полнозначным глаголам; лишь как редкое исключение можно в ней встретить связку *есть* и *под*.

Меньшая развёрнутость фразы устной сравнительно с письменной сказывается в ограниченности числа членов, входящих в состав ряда с перечислительной интонацией, и в относительной редкости сложных предложений с несколькими степенями зависимости придаточных.

Хотя служебные слова (особенно предлоги) в большинстве одинаково составляют необходимый фонд и устного и письменного языка, но, как мы видели, и тут возможны довольно большие различия в выборе: союзы, напр., *ибо, вследствие того что, нежели*, вообще говоря, чужды разговорному языку; из предлогов в нём решительно предпочитают формы с русской огласовкой: *перед, через* (ср. книжные *пред, чрез*).

Для правильного представления о фактах нужно, однако, принять во внимание обусловленность выбора синтаксических средств ещё и характером того жанра, для которого они избираются. Язык ораторский зачастую бывает значительно ближе по своим установкам к письменному (книжному) языку, чем к собственно устному — разговорному. Язык поэзии, напр., в определённых её видах пользуется многими синтаксическими средствами, типичными как раз для языка разговорного, в других, наоборот, — специфически отборочными, и под.

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

Для критического использования.

А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. 1., Л., 1923.

А. А. Шахматов. Синтаксис русского языка, вып. 2., Л., 1927.

2 изд. в одном томе, 1941 г.

— Важнейшее собрание материала по русскому синтаксису. Не закончено обработкой, но и в сыром виде представляет исключительную ценность. Ср.:

С. И. Бернштейн. Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова. Изв. Отд. русск. яз. и слов. Рос. акад. наук, 1922, т. XXV.

Его же. Грамматическая система А. А. Шахматова. — Русск. яз. в школе, 1940, № 5, стр. 70—83.

А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении, изд. 3, М.—Л., 1928 и последующие (1938 г.—6 изд. со вступительной статьёй проф. С. И. Бернштейна).

— Лучшее в русской литературе научно-популярное изложение русского синтаксиса. Ср. рец. «Шлях освіти», 1929, № 4.

См. также Р. Н. Грацианская. Синтаксическая система А. М. Пешковского в кратком изложении, 1930.

Д. Н. Овсяннико - Куликовский. Синтаксис русского языка, изд. 2, П., 1912.

— Изложение русского синтаксиса в историческом освещении с уклоном в сторону психологизма.

М. Н. Петерсон. Очерк синтаксиса русского языка, М.—П., 1923, Ср. рец. «Путь просвещения», 1924, № 1.

Его же. Лекции по современному русскому языку, М., 1941.

С. И. Абакумов. Современный русский литературный язык, М., 1942.

В. И. Чернышёв. Правильность и чистота русской речи, изд. 3, П., 1914.

Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века. Том II, Киев, 1948.

К ритмомелодике ср.:

В. Всеволодский-Гернгросс. Теория русской речевой интонации, П., 1922.

Л. Сабанеев. Музыка речи, М., 1923.

А. М. Пешковский. Интонация и грамматика.— Изв. по русск. яз. и словесн. Акад. наук СССР, I, 1928.

Б. М. Эйхенбаум. Мелодика русского лирического стиха, П., 1922.

Л. А. Булаховский. К реформе русской пунктуации,— Русск. яз. в совет. школе, 1930, № 4.

ГЛАВА VII

ПУНКТУАЦИЯ (ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ).

Содержание: 1. Общие замечания. 2. Пунктуация на границе фраз. 3. Пунктуация на границах предложений. 4. О пунктуации, соответствующей перечислительной интонации. 5. Пунктуация в границах простого предложения. 6. Тире в простом предложении. 7. Скобки. 8. Многоточие. 9. Пунктуация при цитации и прямой речи. — Из литературы.

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Русская пунктуация в ещё большей мере, чем вообще русское правописание, представляет собою исторический, традиционный продукт, и соответствие её фактам языка лишь очень приблизительно.

Исторические изменения во всём, что касается ритмомелодики, в языках вообще и в русском в частности, — меньше, нежели в фонетике отдельных звуков, ибо ритмомелодика сравнительно с фонетикою последних, определённо отличающаюся от языка к языку, от эпохи к эпохе, имеет гораздо более общий, более общеязыковый характер. Но многое важное и в этой стороне речи с течением времени даёт о себе знать усложнением разнообразия фразы, как отображения более сложной, более дифференцированной мысли, и, будучи обозначаемо в практике письма по традиции только старыми средствами пунктуации, не получает поэтому вполне точного своего выражения.

К тому же, даже и в отношении старой языковой системы наша пунктуация, как есть все основания думать, — в том виде, в каком её стали употреблять в XVIII—XIX столетии, никогда не была ни выдержана в своих принципах, ни последовательна в их проведении и далеко не всегда соответствовала действительным фактам самого языка.

Традиционно применяя её ещё и теперь, лишь со сравнительно небольшим числом изменений против практики конца XVIII и первых десятилетий XIX века, мы, естественно, не можем не видеть несовершенства нашей пунктуационной системы во многих моментах и не можем также не видеть отсутствия полной последовательности в ряде более сложных случаев, — явление, характерное для всех вообще применяемых в практике пунктуационных систем мира.

Мы употребляем, например, запятую в очень различных функциях и читаем тексты, в которых применяем её, весьма по-разному: то с перечислительной интонацией, то с противительной, то с условной и т. д.

Однако способность нашей традиционной системы знаков препинания во всём существенном обеспечивать необходимое понимание текстов делового, научного, художественного и т. д. содержания не подлежит никакому сомнению: она проверена долгим историческим опытом в разных областях культурной жизни, — и поэтому, пользуясь этой системой, создававшейся в живом культурном процессе, не следует и преувеличивать её слабых сторон, успешно преодолеваемых разными средствами ежедневной практики миллионов грамотных людей. Важно, что наша пунктуация обеспечивает понимание основных связей выражаемой на письме мысли и достаточна для того, чтобы передать читающему текст — связанные с его синтаксическим характером моменты эмоциональной окраски.

Формулируя пунктуационные правила, действующие в нашей орфографии, нужно различать устойчивое, нормативное в практике нашей печати и в тех основаниях, на которых она базируется, и моменты необязательные, такие, где за пишущим оставляется известная свобода выбора, моменты, в которых ещё отражается более или менее стихийное формирование новых орфографических обычаев, в свою очередь отражающих, как может заметить глаз внимательного наблюдателя, некоторые общие живые тенденции.

Единой принципиальной, сознательно избранной и последовательно проведённой системы наша пунктуация, как уже замечено, не имеет, и в этом отношении она не более требует к себе критики, чем пунктуация других культурных народов.

Р и т м о м е л о д и ч е с к а я основа русской пунктуации принципиально сводится к требованию обозначать знаками препинания соответствующие синтаксическим членениям п а у з ы логико-психологического характера (в связи с изменениями тона) и м о м е н т ы э м о ц и о н а л ь н о г о порядка, сопровождающие синтаксические членения. Паузы характера физиологического (в принципе) игнорируются.

В согласии с такими ритмомелодическими основаниями знаками препинания отделяются: ф р а з ы (словесно выраженные смысловые целости, сравнительно резко отграниченные от других, соседних с ними, целости, которые характеризуются в произношении интонациями: повествовательной, в основном — спадающей, вопросительной или восклицательной (точнее, разного рода восклицательными); п р е д л о ж е н и я (сказуемые целости), о б о с о б л е н н ы е в т о р о с т е п е н н ы е ч л е н ы, ч л е н ы, грамматически стоящие вне предложения или слабо с ним связанные (обращения, вводные слова и т. д.).

Как правило, не отделяются знаками препинания некоторые части предложения (сказуемое — от подлежащего, управляемый

член от управляющего), хотя бы между ними в произношении и была выразительная пауза, но вызванная, при их распространённости (длине), физиологической потребностью — потребностью набрать воздух для дыхания, необходимого для осуществления другой части предложения, но уже израсходованного при произнесении первой.

Л о г и к о - г р а м м а т и ч е с к и й принцип проявляется в общем требовании, чтобы грамматические пары без специальных оснований не разрывались знаками препинания. Однако, этот принцип не в одинаковой мере применяется к разным видам синтаксических связей. Строже всего он соблюдается относительно грамматических пар «подлежащее — сказуемое», «управляющее — управляемое»; со значительными ограничениями — относительно словосочетаний «определение — определяемое», «определяемое — обстоятельством примыкающие слова», «сказуемое — тяготеющие к нему слова».

Возможные, особенно при большом количестве сопровождающих подлежащее или сказуемое членов, паузы между подлежащей и сказуемой частью не должны, по правилу, отмечаться запятой, т. е. запятая не ставится, напр., в случаях:

Но убедительные представления дяди | на племянника не произвели действия (Гонч.). Мысли и разнородные ощущения до крайности впечатлительной и раздражительной души её | беспрестанно сменялись одни другими (Гонч.). Как бы то ни было, но видевший в первый раз Лизавету Александровну | не заметил бы в ней никакого расстройства (Гонч.). Густое, малиновое солнце | окрашивало берёзовые листочки в бурый, мутный цвет (Леон.).

Не отделяется знаком препинания от следующего за ним сказуемого и последний, чётко тонируемый член сопровождаемого перечислительной интонацией ряда (об этом см. ниже).

У п р а в л я ю щ е е о т у п р а в л я е м о г о могут быть отделены (опять-таки кроме случаев, когда между ними находятся обособляемые члены или когда управляемое дано как обособляемый член) лишь искусственно — знаками нарочито выдержанной паузы: тире или многоточием. Как правило, на границе между частью управляющей и управляемой даже при отчётливой паузе знак отсутствует:

На обратном пути в Москву | им опять овладело оцепенение (Тург.). Гораздо вернее всех этих обвинений тот факт, что в лице носителей натуральной школы | русская литература пошла по пути истинному и настоящему... (Белинск.). Она [Параша] его боится, но приятен Ей этот страх, и робости своей | Она едва ль не радуется тайно (Тург.).

Общим выражением в пунктуации логико-грамматического принципа, кроме правила о неразрывании грамматических пар, действующего, как только что указано, с теми или другими ограничениями, является требование — о т д е л я т ь знаками препинания д р у г о т д р у г а в сложном предложении п р е д л о ж е н и я (соче-

тания сказуемого типа) или предложения — от других синтаксических членений (напр., назывных сочетаний). При этом знаком отделения предложений, связанных союзами или союзными словами, является главным образом запятая; связанных ритмомелодически — двоеточие или тире (запятая с тире); при связях в виде рядов (с перечислительной интонацией) — запятая или точка с запятой. Подробности и примеры см. ниже.

2. ПУНКТУАЦИЯ НА ГРАНИЦАХ ФРАЗ.

Членения фразные и соответствующая им ритмомелодика передаются точкою, восклицательным и вопросительным знаками. Вне фразного употребления точка исполняет только специальную функцию — знака сокращения слова: *А. С. Пушкин, А. А. Потебня, мн. ч.* (= множественное число), *ср.* (= сравни), *и т. п.* (= и тому подобное).

Восклицательный и вопросительный знаки внутри фразы встречаются лишь в специальных случаях (о них см. ниже).

Точка ставится как знак отделения друг от друга фраз (в принципе — законченно выраженных независимых содержаний мысли), произнесённых или подлежащих произнесению с законченно-повествовательной интонацией: на слове, носящем на себе доминирующее логическое ударение, производится сильное понижение¹.

Обыкновенно точка ставится в соответствии ритмомелодике законченного, достаточно резко отделённого содержания. Возможны, однако, случаи, когда автор хочет связанные между собою содержания дать искусственно отделёнными как фразные, самодовлеющие. В этих случаях точка передаёт эту установку на ритмомелодической, усиливающий значение отрываемых друг от друга частей возможной «большой» фразы, *разрыв*:

И вдруг Меркурий Авдеевич слышит голоса — мужской, за ним женский. Тихо. Молчание. Чуть различимые возникают во тьме слитные, наклонённые друг к другу тени. Ближе, ближе. Слышнее шаги. Вот заговорила женщина, и Мешков узнает голос дочери (Федин). — Отсюда, — говорил дьякон, — было всё начало болезням моим. Потому что я тогда не стерпел и озлобился, а отец протопоп Савелий начал своей политикой ещё более уничтожать меня и довёл даже до ярости (Леск.). Под влиянием таких людей, как Беликов, за последние десять — пятнадцать лет в нашем городе стали бояться всего. Бояться громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, бояться помогать бедным, учить грамоте... (Чех.). Ну и — ступай домой. Да. Домой. Ибо тебя учить я не намерен. Да. Не намерен (Горьк.). Мезенцев входит к Кузьмину. Он хочет сказать о забытой якобы книжке. Но он ничего не говорит. Он боится шелохнуться (Эренб.).

¹ В. Всеволодский-Гернгросс. Теория русской речевой интонации, 1922, стр. 52, принимает как нормальный — интервал в кварту.

Нет! Нет! Жестокие легенды всплыли в памяти не для этого. Они были закономерны и диалектически объяснимы для своего времени. Для мрачного, чёрного времени угнетения и насилия (Лаврен.). «Любовь: ...Я убила любовь. И ничего, кроме ненависти к нему. Такой же жгучей, как была любовь...» (Тренёв).

Восклицательный знак обозначает разные типы характеризующих фразу восклицательных и побудительных интонаций:

Секретарь райкома предупредительно постучал карандашом о стеклянную крышку графина: «Время истекло!» (Шолох.). Месяц был чеканно-тонкий, пологий, суливший обильные дожди, и Яков Лукич, взглянув на него, окончательно утвердился в мысли: «Быть урожаю!» (Шолох.). Я воды Леты пью, Мне доктором запрещена унылость; Оставим это — сделайте мне милость! (Пушк.). Не будь, Товарищ, Слепым И глухим. Держи, Товарищ, Порох Сухим! (Маяковск.).

Обращения (с относящимися к ним словами) отделяются от остального текста восклицательным знаком, когда, сопровождаясь восклицательной интонацией, резко (фразно) обособляются. Это обыкновенно бывает в начале большого речевого отрезка. В конце фразы восклицательный знак при обращении обозначает общий её восклицательный характер:

...Ещё ты дремлешь, друг прелестный — Пора, красавица, проснись. Открой сомкнуты негой взоры Навстречу северной Авроры, Звездою севера явись! (Пушк.). ...Лови улыбку и молчанье. С тебя довольно, милый друг! (Пушк.).

Вопросительный знак обозначает соответствующую интонацию.

Косвенный вопрос не сопровождается на письме вопросительным знаком, т. е. мы пишем и печатаем:

Она [Татьяна] спросила, Давно ль он здесь, откуда он И не из их ли уж сторон (Пушк.). Он [Ковалёв] решился на другой же день, прежде представления жалобы, писать к штаб-офицерше, не согласится ли она без бою возвратит ему то, что следует (Гог.).

Однако, собственно-интонационный момент обыкновенно настолько значителен и в косвенном вопросе, что нарушение чисто грамматического правила, запрещающего в таких случаях ставить вопросительный знак, в практике печати и в прошлом и теперь встречается очень часто и, разумеется, тем чаще, чем резче выступает сторона звучания. Ср., напр.:

Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и весёлые приветствия светского человека, как вдруг Верейский, обратясь к Кирилу Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строение, и ему ли оно принадлежит? (изд. сочинений Пушкина под ред. Б. Томашевского, 1936, стр. 551).

Лифляндские рыцари всё ещё раздумывали — садиться на коней? Польские магнаты насторожённо выжидали, готовя, повидимому, на предстоящем сейме запрос королю: с какими целями он втягивает Польшу в эту опасную войну? (А. Н. Толст.).

Пунктуация вопросительных предложений риторического типа в практике колеблется: при риторическом вопросе очень часто вместо вопросительного знака употребляют восклицательный, отдаваясь впечатлению смысла фразы больше, чем её грамматическому оформлению. Так, с тем или другим знаком препинания могут быть написаны фразы:

Кто мог бы тогда ответить на этот вопрос [? или !]. Было ли тогда у нас время думать о всех этих мелочах [? или !]. Поэты юга, вымыслов отцы, Каких чудес с октавой не творили [? или !] (Пушк.).

Аффективным выражением соответствующего содержания являются знаки !!, ??, !? и под.

К неурегулированным случаям относится, довольно, впрочем, редкий, — когда вопросительная фраза во второй своей части имеет предложение — мотивирующий член. Вопросительный знак в этом случае ставят обыкновенно перед последним, а внутрифразную связанность обозначают тем, что мотивирующий член начинают не прописной буквой, как требуется писать после вопросительного знака, а строчной:

... Не оборвались ли с неба тяжёлые тучи и загромодили собою землю? ибо и на них такой же серый цвет, а белая верхушка блестит и искрится при солнце (Гог.).

Но возможны, напр., и: «Г о р н о с т а е в: А не подождать ли, пока он нас съест? Ибо, повидимому, мы ему нужнее, нежели он нам» (Тренёв). Как случилось, что все обитатели этого огромного дома одновременно узнали о великом несчастье, остановившемся у крыльца? Ведь несчастье не успело даже и постучаться в дверь. Огромная толпа людей окружила карету (Голубов).

3. ПУНКТУАЦИЯ НА ГРАНИЦАХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ.

Знаками препинания на границе членений, представляющих собою предложения (сочетания сказуемого типа), являются **запятая, точка с запятой, двоеточие, реже — тире (или запятая с тире), скобки** (о многоточии ниже).

Два первых возможны при членениях и **бессоюзных и вводимых союзами**, три других (кроме специально оговариваемых ниже случаев) — употребляются в принципе на границах бессоюзных членений (о запятой с тире см. ниже).

Запятой во фразе отделяются друг от друга **предложения**, обыкновенно — относительно небольшого размера, сочинённые **союзами** или **перечислительной интонацией**; предложения **главные** — от **придаточных** (безразлично от порядка следования), **вводимых союзами** или **союзными** (относительными) **словами**. Выделяются запятыми **придаточные**, находящиеся среди частей **главных предложений**:

1. Он [Нагульнов] всё убыстрял шаги, кое-где переходя на рысь. Из-под шапки его катился пот, рубаха на спине потемнела, губы

пересохли, **а** на щеках всё ярче проступал нездоровый, плитами румянец... (Шолох.). В эту осень завизжали пилы, затапали топоры, закрипели вековые деревья в сутягинском лесу... и кишмя кишел народ там, где и зверь редко появлялся... (Панф.). ...Но флот всё-таки рос, мои ученики становились красными командирами и корабельными инженерами, многие из них командуют миноносцами, у них есть горизонты, цели страны стали для них личными целями (Лидин).

2. Сначала я предполагала устроить помещение для нас обоих в боковом флигеле... но в нём издавна жили голуби и утки, и очистить его было невозможно без того, чтобы не разрушить множество гнёзд (Чех.). Ночь вздувалась тьмой, тьмой кутала дырявые крыши хибар, затирала разноцветную черепицу на доме Егора Степаныча Чухлява, **и** даже вздыбленная солома казалась причёсанной, приглаженной... (Панф.). Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от ~~визигаемого~~ по лугам и рекам сухого тростника, **и** тёмная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, **и** тогда казалось, что красные платки летали по тёмному небу (Гог.). Начал ветер разгонять хляби, **но** всё ещё не умело солнце пробраться к земле (Леон.).

3. **Кто** не является своеобразным мыслителем в образах, **кто** не является человеком ярких переживаний, тот не художник (Лунач.). Мы никогда не ели того, **что** выходило из-под наших рук, предпочитая кренделям чёрный хлеб (Горьк.). Был прекрасный июльский день, один из тех дней, **которые** случаются только тогда, когда погода установилась надолго (Тург.). Я, вероятно, не сумею передать достаточно ярко и убедительно, **как** велико было моё изумление, **когда** я почувствовал, **что** почти каждая книга как бы открывает передо мною окно в новый, неведомый мир (Горьк.). Ему [Нагульнову] уже казалось, **что** положение его вовсе не такое непоправимое и безнадежное, **каким** представлялось несколько часов назад (Шолох.). Едва лишь Макар стал подходить к коню, **как** тот норовисто махнул головой (Шолох.). Мысль о смерти ему пришла только в момент, **когда** Павел Быков ломом сшиб его с ног, но потом, **когда** его выволокли из толпы и принесли в избу, он уже больше старался не думать о смерти и всеми силами хватался за жизнь (Панф.).

4. Как же вам таскаться по болотам, когда ваше платье, которое не во всякой речи прилично назвать по имени, проветривается и теперь ещё? (Гог.). Трещина, которую дала одна из стен нашей дружеской храмины, увеличилась, как всегда это бывает, мелочами, недоразумениями, ненужной откровенностью там, где лучше было молчать, и вредным молчанием там, где необходимо было говорить (Герцен).

Запятая, однако, не ставится на границе предложений:

1. Перед союзом **и**, если соединяемые на правах сочинения предложения интонационно чётко параллельны друг другу.

Чаще всего это бывает в случаях, если соединяемые таким образом предложения имеют какой-либо общий смысловой член, относящийся и к тому и к другому:

На круглом столе была накрыта скатерть и стоял китайский прибор и серебряный спиртовой чайник (Л. Толст.); ср.: На круглом столе была накрыта скатерть — на круглом столе стоял китайский прибор и серебряный спиртовой чайник. — В сенях пахло свежими яблоками и висели волчьи и лисьи шкуры (Л. Толст.). В экипаже правил солдат и сидела под кожаными верхом за фартуком женщина, вся обвязанная платками (Л. Толст.). У него [Челкаша] сладострастно вздрагивали усы и в глазах разгорался огонёк (Горьк.).

Но возможен ритмомелодический параллелизм и без этого условия. Он относительно часто наблюдается, напр., когда союзом и предложение связывается с предшествующими, сопровождавшимися перечислительной интонацией, — положение, при котором запятая обычно ощущается лишней и не ставится:

Коптила лампа, изредка потрескивала заслонка печи и корки испеченного хлеба на полках тоже трещали (Горьк.).

2. Связанные союзом и соподчинённые предложения (если это и не имеет характера перечисления и соответствующей интонации) со времени выхода стабильных учебников по русскому языку для средней школы, когда соответственные случаи были впервые категорически урегулированы (1933), запятой не отделяются¹:

Дьяк взошёл, покряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто и что он сердечно рад этому случаю погулять немного у неё и не испугался метели (Гог.). Раевский доносил, что войска твёрдо стоят на своих местах и что французы не смеют атаковать более (Л. Толст.). Она расспрашивала Геньку о Москве. Он рассказывал, сколько там автомобилей, как строят метро, как все спешат и какие все счастливые (Эренб.). Вальтер Штраль сообщал, что смазочное масло начинает густеть от холода на высоте и что нужно снижаться в более тёплые слои воздуха, иначе два металлических сердца застынут (Лаврен.).

3. В тех случаях, когда за союзами **а, и, но, ибо, что, чтобы** и др. следует союз **если, когда** или **хотя**. Союзы эти вводят придаточные предложения, с которыми сочетаются главные, допускающие союзы **то** и **но, однако**. При наличии последних ясно выступает невозможность считать **а, и, но, ибо, что, чтобы...** вводящими только подчиняющую часть и обособлять одну подчинённую.

Он замечал, что если речь идёт о героях и учителях, — её лицо странно напрягается и голубые глаза мерцают, точно у ребёнка, слушающего волшебную сказку (Горьк.).

Ср.: «...то её лицо странно напрягается»: ...что если... то...

Я думаю, что если бы нам удалось в этом направлении достичь некоторых результатов, то, безусловно, они бы сказались благотвор-

¹ Нарушения этого правила, однако, и до сих пор в прессе нередки.

но и на производстве (из речи). Мы не хотели этого и устроились так: ноги и туловище сунули в дыру, где было очень прохладно, а головы оставили на солнце, в отверстии дыры, так что если бы глыба камня над нами захотела упасть, то она только раздавила бы нам черепа (Горьк.).

Ср. и: От голоса до малейшего телодвижения в нём всё было властительное, повелевающее, внушавшее в низших чинах если не уважение, то по крайней мере робость (Гог.).

4. В случаях — когда сочетание с придаточным предложением превратилось фактически в цельное предложение: *добиться во что бы то ни стало, делать как следует, встретиться как ни в чём не бывало* и под.:

И обещать, ваше степенство, не могу. Вот лиса — та вам что хотите обещает, а я — не могу (Салт.-Щедр.).

Точка с запятой — знак, употребляемый вместо точки в случаях, когда связь между с о ч и н я е м ы м и (р а в н о п р а в н о с в я з ы в а е м ы м и) предложениями представляется более тесной, чем при фразных членениях, и ритмомелодика не даёт соответственно рисунка типичной для фразы законченности, а только в большей или меньшей мере приближается к ней:

1. Сквозь тонкие высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; жёлтый дрок выскакивал вверх свою пирамидальную верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще (Гог.). Солдаты, утопая по колена в грязи, на руках подхватывали орудия и фуры; бились кнуты, скользили копыта, лопались постромки и надрывались криками груди (Л. Толст.). Несколько батальонов солдат в одних рубахах, несмотря на холодный ветер, как белые муравьи, копошились на этих укреплениях; из-за вала невидимо кем беспрестанно выкидывались лопаты красной глины (Л. Толст.). — Другие примеры см. ниже.

2. Кучка молодёжи весело тащила по улице гремящий пожарный насос, торопливо шагали старики; один из них, в сиреневой рубахе и белых холщёвых портах, седенький, точно высеребранный, и глазастый, как сыч, выкрикивал: — Это, обязательно, кузнец!.. (Горьк.). И в самом деле, послышались голоса внизу; встревоженная бабушка стала о чём-то быстро спрашивать (Чех.). Наде казалось, что она очень взволнована, что на душе у неё тяжело, как никогда, что теперь до самого отъезда придётся страдать и мучительно думать; но едва она пришла к себе наверх и прилегла на постель, как тотчас же уснула и спала крепко, с заплаканным лицом, с улыбкой, до самого вечера (Чех.).

Двоеточие — знак препинания, употребляемый на границе между предложениями, из которых второе (простое или сложное) соединяется с первым на правах подчинения, выражаемого бессоюзно — средствами ритмомелодики, с интонацией мотивирования, или, при передаче прямой речи, за словами, обозначающими, что кто-то сказал, подумал и под., — с интонацией предупредительной:

1. ...Да ведь и солнцу часто очень грустно смотреть на людей: так много потрудились оно для них, а не удались людишки (Горьк.). Он влюблён в гул собраний, в споры, в ругань, за которой чувствуется любовь, в духоту и в возбуждение: здесь рождается воля (Эренб.). Верно, дело это было весьма давно: Пека и Лекса ещё без штанов бежали, а у Катая ещё не слезились глаза и в мороз он совсем без рубашки ходил (Панф.). Он [Андрей] с усмешкою поглядывал на баб, но в душе испытывал некоторую тревогу: уж больно суровы на вид были казаки, томившиеся сзади, за белым ромашковым полем сплошных бабьих платков (Шолох.). 1827 года, весной, в одном из домов венского предместья, несколько любителей музыки разыгрывали новый квартет Бетховена, только что вышедший из печати. С изумлением и досадой следовали они за безобразными порывами ослабевшего гения: так изменилось перо его (В. Одоевск.). Она оторвалась от книги, молча и вопросительно посмотрела на него: он никогда ещё не видел столь оскорбительного чужого взгляда (Коновалов).

2. Он [Глеб] сошёл в бурьян и козырнул в радостном волнении: «Здравия желаю, товарищи женщины!» (Гладк.). Всякий раз, замечая, что при появлении его Марья Филипповна утирает распухшие от слёз глаза, медик заботливо спрашивал: — Али чем больны? (Гл. Усп.).

Изредка встречаются случаи, где связь мотивирующего характера, обыкновенно обозначаемая двоеточием, осложнена тем, что первый член фразы — вопросительный и таким образом тональный рисунок её не совпадает с обычным при подобных соединениях (вопросительная интонация частично захватывает и вторую часть). В этих случаях после первой (вопросительной) части фразы ставится вопросительный знак, но, в отличие от общего правила, вторую часть начинают не с прописной, а со строчной буквы.

Зачем же вам ходить далеко за сеном? мы сами рады служить вашей милости (фолькл.). Нужно ли вернуть материалы? судя по всему, они копия. — Но где достать лучший микроскоп? ведь он стоит очень дорого (из попул. статьи). Зачем возражать? все доводы бессильны.

Ср. также случай, когда и мотивирующее (второе) предложение носит вопросительный характер: *Чему смеются басурмане? разве гробовщик — гаер святочный? (Пушк.).*

Подобная же трудность возникает и в случаях, если первая часть — восклицательная. Обыкновенно предпочитают в таких фразах, сохраняя интонацию мотивирования, восклицательный знак ставить только после второго члена (в конце фразы): *Ах, обмануть меня не трудно: я сам обманываться рад! (Пушк.).* Но возможна и практика, параллельная случаям с вопросительной интонацией: *Развяжите меня! я не буду говорить связанный (Горьк.).*

Как знак между предложениями тире ставится при наличии противопоставления, условности первого и под. Использование этого знака относится только к случаям *б е с с о ю з н о с т и* (за исклю-

чением малоупотребительных противительного и результативного и). Момент интонационный при тире резко выражен:

Любишь кататься — люби и саночки возить (посл.). Волков бояться — в лес не ходить (посл.). Велев ему [казаку] выложить чемодан и отпустить извозчика, я стал звать хозяина — молчат; стучу — молчат... что это? (Лерм.). Но нахмурится ночь — разгорится костёр, И вийсь затрещит можжевельник... (Фет). Скажешь дело — выпущу на волю (Майк.). Нести не могу — И несую мою ношу. Хочу её бросить — И знаю, Не брошу! (Маяковск.).

Тире является также по преимуществу пунктуационным знаком предупредительной интонации: вывода («поэтому», «значит», «а именно» и под.), случаев, где интонационно подчёркивается вторая часть высказывания.

(О двоеточии при предупредительной интонации со значением, что кто-то сказал, подумал и под., см. стр. 429).

Ветер подул — будет дождь. Хлопала парадная дверь — сосед отправлялся на дальнюю службу (Лидин). Но стрельцы, как сырые дрова, шипели, не загорались — не занималось зарево бунта (А. Н. Толст.). Ребёнок не дождался предостережений матери — он уже давно на дворе (Гонч.). И ещё толпа походила на чёрную птицу — широко раскинув свои крылья, она насторожилась, готовая подняться и лететь, а Павел был её клювом (Горьк.). И каждый думал о своей, Припомнив ту весну, И каждый знал — дорога к ней Ведёт через войну (Исаковский).

Реже употребляется тире вместо двоеточия при интонации **мотивирования**:

Но Гриша всё ещё глядел на воду — ему казалось, что он может различить на воде слабый след (Эренб.).

Заметим ещё, что в практике на границе между предложениями всё чаще предпочитают вместо тире употреблять **запятую с тире**, подчёркивая этим выдержанность напряжения тона и длину паузы.

К колеблющимся в практике случаям относятся сочетания предложений, где второе раскрывает сообщение первого («а именно»). При **б о л ь ш о й** д л и н е одного из предложений, вызывающей некоторое снижение тона первой части фразы, предпочитается **д в о е т о ч и е**.

Он видит: женщина из вод, Их рассекая, выплывает Вся на поверхность и поёт... (Полонск.). Я смотрел, куда старуха указывала своей дрожащей рукой с кривыми пальцами, и видел: там плыли тени, их было много, и одна из них, темней и гуще, чем другие, плыла быстрее и ниже сестёр... (Горьк.). Я посмотрела в окно сквозь ветви ясеней и вижу: река вся голубая от луны, а он, в белой рубахе и в широком кушаке с распущенными на боку концами, стоит одной ногой в лодке, а другой на берегу (Горьк.). Песня на реке зазвучала слышнее, старик вскочил и, прикрыв глаза ладонью, устоял на реку: лодка, точно цветами нагруженная, тяжело плыла против течения (Горьк.). ...И лишь только мелькнёт где-нибудь девичий платок, — мгновенно преобразается ленивый с виду, неповоротли-

вый Дымок: он коротким, точным движением, по-ястребиному быстро поворачивает голову, выпрямляется (Шолох.).

Иногда на выбор двоеточия предпочтительно перед тире влияет и такой, напр., факт, как преобладание силы ударения на логическом центре первой половины фразы:

Подписи не было. Почерк был такой же, как всегда: ничто не выдавало волнения писавшей (Лаврен.).

Запятая с тире — знак, заменяющий тире во всех случаях, когда является потребность удлинить паузу на границе предложений или когда перед полагающимся по правилам тире должна выступать запятая в предшествующем членении. В последнем случае, однако, практику нельзя считать установившейся. Естественно, что чаще всего обращаются к запятой с тире как к знаку препинания на границе «перелома» периода — перехода от повышения к понижению.

Примеры 1-го:

Впервые слышал я эти мысли в такой резкой форме, хотя и раньше сталкивался с ними, — они более живучи и шире распространены, чем принято думать (Горьк.). Кирька спустился в подпол. А Зинка сначала заикала и тоненько заскулила, потом, когда уже Кирька совсем огляделся в подполе, — она заголосила, закричала, криком резанула Кирьку... (Панф.).

Примеры 2-го: *Сразу узнал: старуха — жинка слесаря Лошака; задняя, цветущая смехом, — жинка слесаря Громады, а средняя — чужая, не видел ни разу (Гладк.). Сергей в их школьной группе, как не раз приходилось слышать от них самих, — самый способный, самый любимый товарищ.*

В бессоюзных сочетаниях, в которых к мотивирующему или раскрывающему содержание члену есть ещё мотивирующий или раскрывающий и его, обыкновенно избегают одинаковых знаков препинания, и это соответствует изменению в характере ритмомелодики такой фразы сравнительно с двучленной подобного рода. Чаще всего встречаем здесь постановку двоеточия перед первым предложением (ср. спадающую интонацию этой части членения) и тире — перед вторым. Обнаруживается тенденция мелодический рисунок подобных фраз строить по типу: *Наконец итальянцу наскучила эта комедия: не ему было понять душу Магдалины — он уехал (В. Одоевск.). Теперь, когда Челкаш шепнул: «кордоны!», Гаврила дрогнул: острая жгучая мысль прошла сквозь него, прошла и задела по туго натянутым нервам — он хотел крикнуть, позвать людей на помощь к себе..., т. е. по типу таких, где интонация, предшествующая последнему члену, — предупредительная (со значением «а именно», «поэтому» и под.), а на нём сильное логическое ударение. *Глаза его сверкали от гордости: ему доверяют такое опасное и лихое дело — усмирить дикого коня (Ян).* Ср. и такие случаи, где по характеру мысли требовалось бы перед первым предложением поставить тире, а перед вторым двоеточие; на самом деле, знаки препинания расставлены подобным же образом: *Знай-**

те и верьте, друзья: благодатна Всякая буря душе молодой—Зреет и крепнет душа под грозой (Некр.). Существо высказывания сосредоточено в последнем члене, и интонация мотивирования в нём уступила место предупредительной на границе между ним и предшествующим, а ослабленности из-за этого логического удара в предшествующем соответствует постановка перед ним двоеточия. Реже можно встретить предпочтение противоположной пунктуации: *Чтоб одного возвеличить, борьба Тысячи слабых уносит — Даром ничто не даётся: судьба Жертв искупительных просит (Некр.). Шиллер, Гёте, Байрон являли ему мрачную сторону человечества — светлой он не замечал: ему было не до неё (Гонч.).*

Не исключена, однако, и постановка двоеточий перед обоими мотивирующими или раскрывающими содержание отрезками; ср.: *Давали «Травиату». Генька всё время вертелся: его раздражала эта слезливая история, притом он украдкой поглядывал на Лёлю: у неё на щеке золотой пушок, а глаза синие (Эренб.).* В данном примере ещё и отступ, образуемый членением, начинающимся словами «притом он...», облегчил возможность второй мотивирующей интонации и соответствующего ей знака препинания. *Керн не солгал: комната действительно была очень хороша: светлая, просторная и уютно обставленная (А. Беляев).*

Иногда в подобных случаях вместо тире ставится запятая с тире: *Не долга моя ночь: Завтра раненько пойду на охоту,— До свету надо покрепче уснуть... (Некр.).*

Около конца XIX века двоеточие перестаёт употребляться как знак между повышением и понижением развёрнутого периода, уступая в этой функции место тире с запятой. Раньше писали, напр.: *Хотя сердцу человеческому свойственно доброжелательствовать республикам, основанным на коренных правах волюности, ему любезных; хотя самые опасности и беспокойства её, питая великодушие, пленяют ум, в особенности юный, мало опытный; хотя новгородцы, имея правление народное, общий дух торговли и связь с образованнейшими немцами, без сомнения, отличались благородными качествами от других россиян, униженных тиранством монголов: однакож история должна прославить в сём случае ум Иоанна, ибо государственная мудрость предписывала ему усилить Россию твёрдым соединением частей в целое, чтобы она достигла независимости и величия, т. е. чтобы не погибла от ударов нового Батыя или Витовта (Карамз.).*

4. О ПУНКТУАЦИИ, СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ПЕРЕЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ИНТОНАЦИИ.

Перечислительной интонацией могут сопровождаться семантически, а также обычно и формально, однородные членения разной длины. В зависимости от последней потребность снизить голос к концу членения может быть меньшей или большей. Этим опре-

деляется в ряде случаев выбор одного из трёх соответствующих знаков препинания — запятой, точки с запятой или точки.

Но не от одной только длины сопровождаемых перечислительной интонацией членений зависит выбор разделительного знака: и короткие членения могут быть намеренно даны как менее связанные друг с другом, и тогда запятой предпочитается точка с запятой, а точке с запятой — точка; в произношении этому соответствуют специальные более обычного резкие снижения.

Такие формально однородные членения, которые не воспринимаются, как перечислительные и тем самым семантически параллельные, произносятся без перечислительной интонации и поэтому не подчиняются обозначающей её пунктуации, напр.: *Большой красный каменный дом; профессор Александр Афанасьевич Потемня; пойдй посмотри.*

Обыкновенно в случае, когда в состав предложения входит больше трёх параллельных членов, — является потребность сделать между ними интонационный перелом, и на месте его ставят запятую.

Наличие союза и при перечислительной интонации не отменяет запятых, кроме случаев, когда сама интонация слабо выражена и поэтому сомнительна. Это бывает, напр., когда два слова, соединяемых союзами и, представляют устойчивые, привычные речения, вроде: *и тот и другой* (ср.: *ни тот ни другой*), *и здесь и там*, *и день и ночь* и т. п.

П р и м е р ы:

1 а (перечисляются члены предложения): *Всё было чисто вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами (Гог.). Тихий ветерок поигрывал концами бабьих платков, шуршал метёлками камыша на амбарных крышах, нёс со степи пресный запах сохнувшей земли и невыбродивший виноградный дух молодых трав (Шолох.). С дальнего степного пруда ветер нёс гусиный гогот, разноголосое кряканье уток, стелющийся крик куликов (Шолох.). Свинцовая синь Атлантики, густой сапфир Тихого, змеиная зелень Индийского, лиловая густота Средиземного моря, мутные воды Жёлтого, глубокая чернь Берингова и воронья рябь приполярных зыбей оставляли соль своих брызг на его лице, пропитывая и дубя загрубевшую кожу (Лаврен.).* Знаки препинания — з а п я т ы е.

1 б (перечисляются предложения): *Катятся ядра, свищут пули, нависли хладные штыки... (Пушк.). Он был красив и строен, в глазах его всегда, даже при взгляде на презираемых им женщин, светилась тихая ласковость, но одними внешними качествами не объяснишь этого обаяния (Чех.).* Знаки препинания — з а п я т ы е.

1 в (члены предложения при перечислении вводятся союзами): *Какой задумчивый в них гений, И сколько детской простоты, И сколько томных выражений, И сколько неги и мечты... (Пушк., «Её глаза»). Кувшины, звуча, налилися водою, И гордо кивая махровой главою, Приветствуют пальмы нежданных гостей, И щедро*

поит их студёный ручей (Лерм.). Ни охлаждающая даль, Ни долгие лета разлуки, ни музам данные часы, Ни чужеземные красы, ни шум веселий, ни науки Души не изменили в нём, согретой девственным огнём (Пушк.). Знаки препинания — з а п я т ы е.

2а (перечисляются члены предложения; соответствующие членения имеют много зависимых от них слов): И обняло горе старую голову. Сорвал и сдёрнул он все перевязки ран своих; бросил их далеко прочь; хотел громко что-то сказать — и вместо того понёс чепуху; жар и бред вновь овладели им, и понеслись без толку и связи безумные речи (Гог.). Герой [Чичиков], однако, не совсем этого не замечал, рассказывая множество приятных вещей, которые уже случилось ему произносить в подобных случаях в разных местах; именно в Симбирской губернии, у Софрона Ивановича Беспечного, где были тогда дочь его Аделаида Софроновна с тремя золовками: Марьей Гавриловной, Александрой Гавриловной и Адельгейдой Гавриловной; у Фёдора Фёдоровича Перекроева в Рязанской губернии; у Фрола Васильевича Победоносного в Пензенской губернии, у брата его Петра Васильевича, где была свояченица Эмилия Фёдоровна; в Вятской губернии, у Петра Варсонофьевича, где была сестра невестки его Пелагея Егоровна с племянницей Софией Ростиславной и двумя сводными сёстрами Софией Александровной и Маклатурой Александровной (Гог.). Но и все его [лебедя] движения исполнены прелести: начнёт ли он пить и, зачерпнув носом воды, поднимает голову вверх и вытянет шею; начнёт ли купаться, нырять и плескаться своими могучими крыльями, далеко разбрасывая брызги воды, скатывающейся из его пушистого тела; начнёт ли потом охорашиваться, легко и свободно закинув дугою назад свою белоснежную шею, поправляя и чистя носом на спине, боках и в хвосте смятые или замаранные перья; распушит ли крыло по воздуху, как будто длинный косой парус, и начнёт также носом перебирать в нём каждое перо, проветривая и суша его на солнце, — всё живописно и великолепно в нём (Аксак.). Знаки препинания — т о ч к и с з а п я т о й.

2б (перечисляются предложения): Цветы все утренним вином Напоены, и утренняя свежесть На паству манит пастухов; Невидимо под ветвями дерев И видимо в лазури неба Поют проснувшиеся птицы; Ручьи, сияя, льются; На солнце блещут берега; Трава росой сверкает... (Жуковск.). Через несколько минут он [Максим Максимыч] был уже возле нас; он едва мог дышать; пот градом катился с лица его; мокрые клочки седых волос, вырвавшись из-под шапки, приклеились ко лбу его, колени его дрожали... (Лерм.). Знаки препинания — т о ч к и с з а п я т о й.

2в (перечисляются зависимые предложения): То грезилось господину Голядкину, что находится он в одной прекрасной компании, известной своим остроумием и благородным тоном всех лиц, её составляющих; что господин Голядкин, в свою очередь, отличился в отношении любезности и остроумия; что все его полюбили, даже некоторые из врагов его, бывших тут же, его полюбили, что очень приятно было господину Голядкину; что все ему отдали первенство

и что, наконец, сам господин Голядкин с приятностью подслушал, как хозяин, тут же отведя в сторону кой-кого из гостей, похвалил господина Голядкина... (Дост.). У доми учился я напевам И мудрым мыслям у огня — Чтоб огненным, мятежным гневом Звучали песни у меня; Чтоб вольный ритм, как луч над бездной, Вставал победою над тьмой; Чтоб вечный гул громов железных Царил над праздной тишиной; Чтоб над полями сочных пашен Клубился дым, кудрявый дым От жара труб — кирпичных башен, С гудками утром голубым (Д. Костенко). Знаки препинания — т о ч к и с з а п я т о й.

2 г (перечисляются вопросительные предложения): «Вся жизнь мгновенно перед ним пронеслась. Какие были у него радости? кого он утешил? кому добрый совет дал? кому доброе слово сказал? кого приютил, обогрел, защитил? кто слышал об нём? кто об его существовании вспомнит?» (Салт.-Щедр., «Премудрый пискарь»). Знаки препинания — в о п р о с и т е л ь н ы е з н а к и.

3. (Перечисление предложений даётся фразно — со спадающими интонациями): Во дворе не было ни души. Где-то потревоженно кудахтала курица. На крыше скворечни выщёлкивал, запрокинув головку, вороной жаворонок. Со степи слышно было, как посвистывали суслики (Шолох.). Не было ничего больше сказано в эту первую встречу. Окраина заполнялась сумерками. Они поднимались со дворов и пустырей этой Выборгской стороны. В трамваях уже возвращались со служб. Вечерний поезд отходил с Финляндского вокзала. Пригородные молочницы грузились с пустыми бидонами. Воронья густо летело из-за города на деревья Католического кладбища и в парк Палюстрова (Лидин). Полки выходили на линию. Пушки выезжали в интервалы между полками. Армия строилась в три линии — егерскую и две пехотные, но за ними ещё резервные части и кавалерия (Голубов). Знаки препинания — т о ч к и.

Примечание. Выбор для обозначения перечислительной интонации запятой, или же точки с запятой, или точки в большой мере условен. Зависит он главным образом от того, в какой степени пишущий придаёт самостоятельное значение отдельным членениям или, наоборот, склонен рассматривать их как связанные. В основном, однако, надо принять во внимание, что, за сравнительно редкими исключениями, когда соответствующие членения довольно длинные, в придаточных предложениях точек с запятой как заместителей запятых избегают. Точка с запятой заменяет гораздо чаще точку, нежели запятую.

При относительно небольших членениях, отделяемых друг от друга запятой, характерна перечислительная интонация п о с л е д н е г о. В предложении, где за перечисляемыми словами следует продолжение (напр., — и так бывает чаще всего, — сказуемое к нескольким подлежащим), перечислительная интонация, захватывая последний член группы, выступает резко и могла бы требовать своего выражения знаком препинания. Так, действительно, и было в практике первой половины XIX века: В о с т о к о в, напр. («Русск. грамм.», изд. 12, 1874, § 148), учил, что в случаях вроде:

Публичные строения, корабли, пристани, всегда видели и имели его [Петра] в основании показателя, в трудах одобрителя, в совершении награждителя (Ломоносов), — и за последним членом перечисления должна ставиться запятая. В нынешнем правописании это правило отменено в угоду логико-грамматическому принципу, требующему не отделять сказуемой части от подлежащей, и после слова *пристани* запятой мы теперь не поставили бы; но в таких случаях допускается факультативное тире, особенно при краткости сказуемой части.

Перечисляемые члены предложения с вопросительной интонацией, если последняя чётко выступает при каждом, на письме сопровождаются вопросительным знаком: *Где цвёл? когда? какой весной? И долго ль цвёл? и сорван кем? Чужой, знакомой ли рукою? И положён сюда зачем?* (Пушк., «Цветок»), — тип, переходной между фразностью и слитностью. *Кто кличет? Кто плачет? Куда мы идём? Вдвоём — неразрывно — живём вдвоём! Воскреснем? Погибнем? Умрём?* (Блок). Употребление в подобных случаях заглавных или строчных букв на границе членений не принадлежит к числу урегулированных фактов нашего правописания.

В качестве знаков, предшествующих внутри предложения перечислению, приняты двоеточие и реже — тире. Двоеточие обычно после обобщающего слова, предшествующего перечислению частей целого:

Меж ими всё рождало споры И к размышлению влекло: Племян минувших договоры, Плоды наук, добро и зло, И предрассудки вековые, И гроба тайны роковые... (Пушк.). *На ярмарочной площади бесконечными рядами тянулись телеги, а за телегами лошади всех возможных родов: рысистые, заводские, битюги, возовые, ямские и простые крестьянские* (Тург.). *В купе у Сапожкова всё ещё горела вонючая лампочка. Сидели — Гымза; комиссар полка Соколовский, черноволосый чахоточный человек с бессонно горящими черными глазками; двое батальонных; несколько человек ротных и представитель солдатского комитета, с независимым и даже обиженным выражением лица...* (А. Н. Толстой).

Двоеточие как знак предупредительной интонации решительно предпочитается тире, если перечисляемые члены развёртываемого содержания — целые предложения:

Ему чудилось, что все со всех сторон безжали ловить его: деревья, обступившие тёмным лесом и как будто живые, кивая чёрными бородами и вытягивая длинные ветви, силились задушить его; звёзды, казалось, безжали впереди перед ним, указывая всем на грешницу; сама дорога, чудилось, мчалась по следам его (Гог.). *Вся степь была в движении: мчалась конница, ползли полки, грохотали колёсами батареи, слышались ругань, удары, выстрелы, конский визг, хриплые крики команды* (А. Н. Толстой)¹.

¹ О тире перед обобщающим словом см. стр. 436—437.

5. ПУНКТУАЦИЯ В ГРАНИЦАХ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

1. Запятой отделяются друг от друга члены предложения, связанные союзами противительного характера:

И, злясь, видит Карл могучий Уж не расстроенные тучи Несчастных нарвских беглецов, А нить полков, блестящих, стройных, Послушных, быстрых и спокойных, И ряд незыблемых штыков (Пушк.). Родители мои, люди почтенные, но простые и воспитанные по-старинному, никогда ничего не читывали... (Пушк.). ...Мысль, конечно, справедливая, но уже не новая (Пушк.). Она не поворачивалась, но видела Андрея так подробно, точно держала в руках его голову (Федин).

2. Запятыми выделяются (отделяются) члены предложения, вводимые пояснительными союзами:

...Но большинство было на стороне права, т. е. таланта и современных нравственных потребностей... (Белинск.). Я вошёл в избу, или во дворец, как называли её мужики (Пушк., «Капит. дочка»). Консонанты, или согласные, характеризуются преобладанием шумов.

3. Об отделяемых друг от друга однородных членах предложения, сопровождаемых перечислительной интонацией, см. стр. 425 и дал.

Знак, отмечающий в простом предложении большинство членений в связи с характеризующей их ритмомелодикой обособления, — запятая (запяты).

Запятыми отделяются или выделяются:

А. Обращения с грамматически относящимися к ним словами:

... Саврасушка, трогай, Натягивай, крепче гужи! (Некр.). Надо, Володя, быть ловким, любезным, милым, а таким можно сделаться под влиянием только женского общества (Чех.). Пусти, бабушка, погреться, — сказал фельдшер (Чех.).

*Примечание. О восклицательном знаке при обращении см. стр. 417.

Б. Вводные слова и обособляющиеся междометия. — Последние (междометия) отделяются запятой (вместо неё возможно тире) перед ними и — обыкновенно — восклицательным знаком за ними (за этим восклицательным знаком обычно идёт не прописная, а строчная буква):

Глаза, точно, поражали своей необыкновенной живостью, но ничего он не находил в них особенно страшного (Гог.). Я, конечно, видал в своей жизни великое множество разорённых кукол, но как-то они никогда не производили на меня впечатления (Салт.-Щедр.). Словом, стал дед Щукарь кучером и конюхом одновременно (Шолох.). Гости ели и, глядя на Дымова, думали: «В самом деле, славный мальчик»... (Чех.). В ответ на это, я прочитал ему целую лекцию... Но, увы! она не произвела того впечатления, на которое я рассчитывал (Горьк.). Теперь я ещё не могу не жалеть, что я уже дошёл

до того рубежа, где, **увви!** кончается молодость и начинается пора размышлений... (Гонч.).

Примечание. Обычно не выделяются запятыми вводные слова, если они входят в состав интонационно обособляемого словосочетания и имеют смысл дополнительного замечания: *Я буду у вас сегодня, вероятно вечером. Он забыл об этом, очевидно по рассеянности.*

Ритмомелодически вводные слова редко обособляются с достаточной чёткостью¹; большею частью это обособление существует только как тенденция, проявляющаяся главным образом в случаях, когда есть угроза недоразумения из-за совпадения с полнозначным словом: *Она, очевидно, видела, что из её объяснения ничего не поймётся...* (Л. Толст.). *Всё это, может быть, сделано хорошо, но не в соответствии с заказом.* Ср.: «*Всё это может быть сделано*».

Примечание. *О!* — восклицание не следует смешивать с частицею *о*, сопровождающею торжественное обращение. Последняя запятой не отделяется: «*О дружество! предай меня забвенью*» (Пушк.). «*И ты со мной, о Лира, приуныла...*» (Пушк.).

В. Запятой же часто отделяются от остального текста слова — утверждения, отрицания, вопросительные и под., произносимые с короткой паузой за ними и с тоном, отличным от фразного, т. е. без резкого отрыва от дальнейших слов в предложении:

— *Да, были люди в наше время, Могучее, лихое племя...* (Лерм.). «*В о р о т ы н с к и й: Так, родом он незнатен; мы знатнее. Ш у й с к и й: Да, кажется*» (Пушк.).

Г. Ритмомелодически обособляющиеся приложения и их смысловые эквиваленты (вместе с зависимыми от них словами):

Был в Дубовке свой мудрец—солдат Ераков, защитник Севастополя, маленький, тощий, с бритым подбородком и баками, с длинным носом дятла и сердитыми глазами под навесом седых бровей, человек гордый, уверенный в своей мудрости (Горьк.). *Память, этот бич несчастных, оживляет даже камни прошлого и даже в яд, выпитый некогда, подливает капли мёда...* (Горьк.). *Он полагал, что если окружающая жизнь здесь, в глуши, ему непонятна и если он не видит её, то это значит, что её здесь нет вовсе* (Чех.). *Давно, в то смешное, ленивое время, когда ещё и второй Александр на Россию не садился, обитал богатейший помещик в этом краю—Иван Андреич Свинулин* (Леон.). *На бугре, неподалеку от летней дороги, цепью шли школьники, предводительствуемые своим старым учителем Шпынём* (Шолох.). *Научился Семён когда-то, ещё мальчишкой, из тальника дудки делать* (Гарш.). *Я вставал рано, с рассветом, и тотчас же принимался за какую-нибудь работу* (Чех.)

4. Обособляющиеся прилагательные и причастия с относящимися к ним словами:

Егор Иванович перегнулся в палисадник и увидел в луже большой

¹ Это обычно бывает только в случаях, когда они более или менее близки к целым предложениям: «*Да вот, недалеко искать, месяца два назад умер у нас в городе некий Беликов, учитель греческого языка...*» (Чех.).

осколок резьбы, совсем уже почернелый, выбитый, быть может, год назад (Леон.). Один лишь Никита Пряхин дремал на сундучке посреди мостовой. Вдруг он вскочил, босой и страшный (Ильф и Петров). Его [Гаврилу] охватила волна воспоминаний о своей деревеньке, сбегавшей по крутой горе вниз к речке, скрытой в роще берёз, вётел, рябин, черёмухи... (Горьк.). Бой начался. Оба огромные, они сходились, как две тучи (Леон.). Отражённые играющим морем, эти звёздочки прыгали по волнам, то исчезая, то вновь блестя (Горьк.).

Ср. отсутствие запятой при отсутствии обособления: Омытый дождями молодой месяц светлой прорезью покоился на западной окраине неба (Шолох.); на дождями нет в чтении дополнительного ударения.

Более всего на свете не терпелось увидеть ему это, любимое с детства, место (А. Н. Толст.). При другой интонации (отсутствии обособления) запятые могут отсутствовать.

Ср. обычное отсутствие второй запятой в случаях вроде:

Повинуясь могучим стремлениям нашего времени, я долгое время шатался в кумов подвал, внося, насколько мог, в мерзость его запустения понятия о ином, внеподвальном свете (А. И. Левитов).

5. Запятыми отделяются (выделяются) деепричастные обороты и обособляющиеся деепричастия:

Перевязав рану и заклеив её липким пластырем, доктор ушёл (Л. Толст.). Авдеев всё так же лежал, удивлённо глядя перед собою (Л. Толст.). Мы беседовали, сидя на полу перед печью спинами к окнам (Горьк.). Две русые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смотрят на меня своими светлыми глазками... (Тург.). И Андрей, сидя к ней спиной, видел тончайшие чёрточки её лица, и складки платка, и колени, упирающиеся в подбородок, и рассыпанные по платку волосы (Федин). Великан продолжал стоять, понутив голову (Тург.). Отдышавшись, он вернулся в каморку и перетащил из неё тяжёлую связку книг, ноты и картину (Черняков).

Отдельные деепричастия (без зависимых слов) обособляются, однако, не всегда: обособление составляет правило, когда они являются эквивалентами придаточных предложений времени, и относительно редки, когда им принадлежит значение обстоятельств образа действия (как?). Запятые в последнем случае подчёркивают нарочитый, искусственный характер обособления:

Тарантас тотчас сдёрнуло с места, он рванулся вперёд наперерез речной волне — и пошёл, дрыгая и колыхаясь (Тург.). Нина обошла её и, пригнувшись, исчезла за краем спуска (Добровольский). Где ты? С кем ты? Что сказала, Видя пенную корму, Что, качаясь, прорезала Заревую полутьму? (Брюс.).

Примечание. При вышедшем теперь из употребления порядке слов с подлежащим среди частей деепричастной группы подлежащее остаётся не выделенным особо: С знакомцем съехавшись однажды я в дороге... (Крыл.). «Сошедши Пышка с холма и увидя гостей, в минуту узнал их» (Жуковск.).

6. Все другие виды о б о с о б л е н и я:

Алёна, с **красными от жара щеками**, бегала то в сад, то в дом, то на погреб (Чех.). Надя, **уже в шляпе и пальто**, пошла наверх, **чтобы ещё раз взглянуть на мать, на всё своё...** (Чех.). **Может быть, и от всего дома оставил бы Егор Брыкин только кучку деревянной трухи, самому себе на посмеянье**, если бы не остановила его новая встреча (Леон.). Вот перед ним встречи с Филиппом ван-Россумом. Их подробности, **до мельчайших**, заставляют работать память, как пересматриваемые знакомые с детства фотографии (Федин). Но, как орёл в горах Кавказа, **За кругом круг**, уходит в высь, **Чтоб скрыться от людского глаза**, Желанья выше вознеслись (Брюс.). Её не было слышно, но лицо её... **виднелось отовсюду, из каждого угла, как будто комнату заставили мутными зеркалами, не отражающими ничего, кроме этого лица** (Федин).

Кроме уже указанных, к случаям, когда запятая передаёт только синтаксическое членение, не отражающееся ритмомелодически, относятся:

1. Положение деепричастного оборота п о с л е с о ю з а:

...Но в это самое время Вронский к ужасу своему почувствовал, что, **не поспев за движением лошади**, он, сам не понимая как, **сделал скверное, непростительное движение, опустившись на седло** (Л. Толст.). Внезапно **раздался топот скачущей лошади, круто остановилась она у самого костра, и, уцепившись за гриву**, проворно **спрыгнул с неё Павлуша** (Тург.). С секунду он оставался недвижим, но, **взглянув кругом**, он увидел, что солдаты довольно спокойно застёгивали шинели и вылезали один за другим... (Л. Толст.). Я **вынул хлеба, лёг спать, но не спалось, и, прислушиваясь ко всем звукам ночи**, я лежал, **полузакрыв глаза** (Горьк.). Но всюду — **взвизг собак, гром криков, гулы смеха, И, края всё, поют охотничьи рога** (Брюс.).

2. Реже — случаи других обычно обособляющихся членений, которые в положении после союза читаются без паузы, но отделяются паузой на границе с последующим содержанием:

За стойкой, как водится, почти во всю ширину отверстия, стоял Николай Иванович, в **пёстрой ситцевой рубахе и, с ленивой усмешкой на пухлых щеках**, наливал своей полной и белой рукой два стакана вина вошедшим приятелям, Могарычу и Обалдую (Тург.).

3. Запятые выделяют (отделяются) вводимые союзами (наречиями-союзами) членения со значением с р а в н е н и я:

...И конь на дыбы подымался порой И прыгал, как барс, **поражённый стрелой** (Лерм.). Только птичка всё над ним летает, **Под носом шмыгнёт, на ветку сядет И звенит-гремит, что колокольчик ...** (Майк.). Всё осталось попрежнему: **шевелилось село, как муравейник на пригреве, втягиваясь понемногу в водоворот природы и каждое действие своё сопрягая с солнцем** (Леон.).

Если сравнение представляет собою с к а з у е м о е, то оно

может быть или вовсе не отделено знаком препинания, или отделено тире:

Вы сами знаете давно, ... Что ваши алые уста — как гармоническая роза (Пушк.). Река — как зеркало и вся блестит звездами (Фет). Мирская молва — что морская волна (посл.).

С как сравнительным не следует смешивать как в значении «в качестве чего». Хотя пунктуационная практика в этом случае не может ещё считаться установившейся, но с точки зрения смысловой надо решительно отдать предпочтение в последнем случае опущению запятой.

*От Москвы до самых до окраин, С южных гор до северных морей
Человек проходит как хозяин Необъятной родины своей (Лебед.-Кумач).*

Постановка запятой перед **как** делала бы его сравнительным — «подобно хозяину», а не определительным, как следует по смыслу этих строк, т. е. «в качестве хозяина».

В пользу того различия, о котором мы сейчас говорим, можно привести ещё вполне установившийся факт, что перед **не как**, обычно употребляемым в значении указания именно на качество, а не на сравнение, запятой не ставят. Но, если **как** имеет значение, близкое к причинному, оно, с вводимыми им словами, отделяется (выделяется) запятой (запятыми): *Я отказался от мщенья, как от безумства (Пушк.). Мой знакомый, как человек некогда обучавшийся в университете, любил употреблять выражения учёные (Тург.). А Володимирыч, как человек уверенный в силе своего слова, ровным голосом продолжал рассказывать... (Гладков). ...Он приходил к нам по праздникам, один, без Татьяны, которую не выпускал из дому, как дурочку (Гладков)¹.*

Следует ещё заметить, что запятая не ставится также перед **как** как частью парного союза **как..., так и...**: *К такому выводу ведут как теоретические, так и практические соображения.*

Ритмомелодикой чётко определяется потребность в запятой перед **и** вывода; однако, хотя иногда под влиянием этой потребности действительно практикуется в таких случаях постановка запятой, чаще её избегают, механически подчиняясь старому школьному правилу о запятых в простом предложении, не предусматривавшему специально такого положения:

Кудрин залпом выпил обжигающий горло крепкий чай и сразу почувствовал облегчение от ласкового голоса приятеля, от его настоящей, неделанной внимательности, от чувствуемого желания товарища быть по-настоящему полезным пришедшему (Лаврен.). Кудрин с тёплой улыбкой проводил его и, вернувшись к столу, позвонил и приказал вошедшему курьеру распорядиться подать машину (Лаврен.).

¹ Подробности, относящиеся к пунктуации при **как**, см. М. Л. Ванслова Об употреблении союза «как» и о правилах постановки запятой перед ним, — Русск. яз. в школе, 1937, № 2.

Если и приближается к оттенку «но», запятую обыкновенно ставят:

Кудрин не узнавал искалеченного голоса, и лишь по фамилии вспомнил старого чудака-изобретателя (Лаврен.).

6. ТИРЕ В ПРОСТОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ.

1. В простом предложении тире особенно важно как знак, отделяющий предикативно присоединяемый неглагольный или инфинитивный член высказывания (чаще всего — имя существительное):

*На какое-то мгновение её толкает порыв — **спрыгнуть в воду**. Но она обречённо остаётся на месте (Горьк.). Первое время у Зинки дрогнуло старое—**любовь к Яшке** (Панф.). Волосы на голове у него будто корова в неурочный час языком слизнула... а бородёнка жиденькая — **овёс в неурожайный год**, и глаза у дедушки Катая мутные — **пойло телячье**, а с лица смотрит дульковатый нос (Панф.). Недовольно задвигав плечами, Зося отправилась на кухню, а когда вернулась, за обеденным столом сидел последний столовник — **Александр Иванович Корейко** (Ильф и Петров).*

2. Далее, тире обычно между подлежащим и сказуемым — именем существительным, — случай, который, собственно, представляет собою частный по отношению к первому. Здесь приходится, однако, принимать во внимание, выдержана ли между соединяемыми частями пауза. При незначительности её постановка тире нежелательна.

В свою очередь длина паузы зависит от известных грамматических и логических моментов. Из логических имеет значение, напр., является ли сказуемое понятием конкретно-бытовым или же абстрактным либо научным. Учёту подлежит также общий характер предложения — более долгой паузы требует предложение, носящее общий характер логического определения. Имеет значение ещё: выступает подлежащее или сказуемое в виде отдельного слова или целой группы, — при сложности одной из частей высказывания усиливается тенденция увеличивать паузу; так же в случае, если несколько подлежащих имеют одно сказуемое или несколько сказуемых относятся к одному подлежащему.

Обыкновенно при сказуемом с отрицанием пауза меньше. См. ещё — ниже — о логико-психологическом моменте — искусственно выдерживаемой паузе с целью сообщения понятию, называемому за нею, особой значительности.

а) *Вообще характер нового искусства — **перевес важности содержания над важностью формы**, тогда как характер древнего искусства — **равновесие содержания и формы** (Белинск.). Дело поэзии — **жизнь, живая деятельность, вечная борьба** её и вечное стремление человека к достижению гармонии с самим собою и природой (Доброл.). В бесконечных буднях и горе — **праздник, и пожар — забава**; на пустом лице и царапина — **украшение** (Горьк.). Страна Советов — **наша родина**. Там, в странах*

капитализма, «народ» и «общество» — понятия, друг друга **исключающие** (Сельвинск.).

б) *В настоящее время Иванов красноармеец. Его отец рабочий.*

Тире же обыкновенно ставится между подлежащей и сказуемой частями, сочетание которых в языке является по сути искусственным, вторичным, напр. — имени существительного с инфинитивом или, наоборот, инфинитива с инфинитивом и под.:

Здесь встанет и важнейшая задача — изучить, улучшить всячески работу переводчиков (газ). Умереть — не велика мудрость¹, ты бы вот жить умела (Горьк.). Видеть себя в печати — одна из самых сильных искусственных страстей человека, испорченного книжным веком (Герцен). Я знаю, вы думаете, что ваш долг — скакать в армию теперь, когда армия в опасности (Л. Толст.).

Если подобное соединение совершается ещё при помощи связки это, тире ставится перед нею:

Уходить из города, от борьбы, от житейского шума, уходить и прятаться у себя в усадьбе — это не жизнь, это эгоизм, лень... (Чех.). В стране социализма народная поэзия — это поэзия, выражающая революционный лиризм нашего общества, идейный характер его мышления, широту и разнообразие его интересов, историческую перспективу его роста (Сельвинск.).

Если подлежащим являются местоимения я (мы), ты (вы), он... (они), обычно они от сказуемой части с именем существительным, представляющим её центр, не отделяются тире; но употребление последнего нередко при выдерживании паузы, соответствующей вескости второй части высказывания; так и при сказуемом-прилагательном:

Названия — страшная вещь. Ж. П. Рихтер говорит с чрезвычайной верностью: если дитя солжёт, испугайте его дурным действием, скажите, что солгал, но не говорите, что он — лгун (Герцен). Она — большая, пышная, лицо у неё круглое и такой славный, белый, гладкий лоб (Горьк.). Мы — революционеры и будем таковыми до поры, пока одни — только командуют, другие — только работают (Горьк.). Вы — качающиеся середняки, временно заблуждённые, и мы к вам административных мер применять не будем, а будем вам фактически открывать глаза (Шолох.). Я знаю, что вы — старомодны, Давно и не девочка вы (Брюс.).

3. Тире может заменять двоеточие перед словами, уточняющими общее понятие: *Он-то сам перенесёт всё — и огласку, и обиду, и также то, если от него кое-кто отвернётся на селе. Ну, а как она, Улька? (Панф.), — практика опять-таки представляющая развитие первого принципа.*

4. Тире ставится перед о б о б щ а ю щ и м словом:

¹ «Не велика мудрость» формально можно толковать как целое предложение со сказуемым «велика»; сути данного сочетания это, однако, не меняет.

Предстоящий отъезд, слёзы Вари, разговор с Голубевым — всё это как-то приподымало Мезенцева (Эренб.). Чёрная половина земской избы, куча сена в углу, шорох тараканов, противная нищенская обстановка, голод понятых, ветер, метель, опасность сбиться с дороги, и вдруг эти великолепные светлые комнаты, звуки рояля, красивые девушки, кудрявые дети, весёлый счастливый смех — такое превращение казалось ему сказочным... (Чех.). В пыльных одесских окопах, в сосновом высоком лесу под Ленинградом, в снегах на подступах к Москве, в путаных зарослях севастопольского горного дубняка — везде видел я сквозь распахнутый как бы случайно ворот защитной шинели, ватника, полушубка или гимнастёрки родные синиебелые полосы «морской души» (Л. Соболев.). Блестящий, обмытый кузов кареты с вазями и чемоданами покачивается перед нами; спины лошадей, шлеи, возжси, шины колёс — всё мокро и блестит на солнце, как покрытое лаком (Л. Толстой).

Чаще в подобных случаях вместо тире ставят **з а п я т у ю с т и р е**.

5. Между двумя тире иногда может ставиться обособляемое **п р и л о ж е н и е** (чаще всего — распространённое) с оттенком предикативности («а именно»):

Вы, я думаю, согласитесь со мной, что в области вашего искусства — живописи — есть какая-то грань, резко разделяющая два периода (Лаврен.).

6. Важная функция тире — обозначать паузу, соответствующую в произношении **о п у щ е н н о м у** члену высказывания:

Потом всё это как-то обошлось. Прирученный Сеня научился говорить, а Настя — слушать без смущения (Леон.). Настя была для Сени — жизнь, смех, буйный трепет любовной радости, Катушин — уныние, безволие жизни, неподвижность, тишина (Леон.). И ветер я чувствую братом, И мать — воздух полей... (Сельв.).

Первое тире во втором примере факультативно: его может и не быть, а поставленное, оно только обязывает выдерживать аффективную паузу; второе необходимо как обозначение пропущенного в высказывании указания на время. Ср. и: *На шестом десятке своей жизни он преодолел всё, что было назначено и что хотелось ему преодолеть, и от этого приобрёл ещё одно выражение — чуть-чуть скупающей уверенности и покоя (Лаврен.).*

7. Возможно тире как знак выдержанной паузы перед понятием особенно значительным:

На войне, вертясь постоянно около смерти, люди делаются лучше, всякая чепуха с них слезает, как нездоровая кожа после солнечного ожога, и остаётся в человеке — ядро (А. Н. Толст.). Ты, говорит, сынок, многое увидишь на свете, и за границей побываешь, но русским званием — гордись (он же).

7. СКОБКИ.

Скобки — знак того, что предложения или части их вставлены внутрь другого предложения как указание, что это обстоятельства или понятия второстепенного характера, дополняющие, уточняющие, комментирующие и под. те, которые даны в фразе как основные. Со стороны ритмомелодической такому характеру заключённых в скобки членений соответствуют: чёткие паузы с обеих сторон вставленного предложения, убыстрённый темп его произнесения, некоторая ослабленность в силе ударений и иной сравнительно с соседними частями фразы тон.

Предметом став суждений шумных, Несносно (согласитесь в том) Между людей благоразумных Прослыть притворным чудачком (Пушк.). Проводив жениха, Надя пошла к себе наверх, где жила с матерью (нижний этаж занимала бабушка) (Чех.). Упругость в теле (такая упругость у него была только в первые дни его возвращения с фронта) ему была так же приятна, как приятно в знойный день припасть к холодному роднику (Панф.). — Я-то?.. (он опять взялся за кол, тряхнул плетень). Я простой боец, возничий на пулеметной тачанке, моё место в бою... (А. Н. Толстой).

Обычны скобки также при ремарках в драматических произведениях, одинаково — предложениях и членах предложения:

«С о ф ь я:... (Лизе). Пойдём туда, бежим. Л и з а (отводит её в сторону): Опомнитесь! куда вы? Он жив, здоров, смотрите здесь в окно (Софья высовывается в окошко)» (Гриб.).

Иногда скобки (чаще всего именно охватывающие предложения) заменяются двумя тире. Это бывает особенно часто тогда, когда соответствующее членение имеет некоторые признаки связи с другими частями фразы и интонацию скобок получает в известной мере искусственно: *В конце улицы — видела мать — закрывая выход на площадь, стояла серая стена однообразных людей без лиц (Горьк.). Она стала прощаться, и он — оставаться тут, ему было уже незачем — поднялся, говоря, что ему пора домой: ждут больные (Чех.).*

Удобнее двух тире в этих случаях — **запятое с тире**, знаки, не подающие повода, как тире, для хотя бы минутной догадки о других возможных функциях:

Проезжая тем местом, где в первый раз мы услышали за собой стук телеги, Филофей, который оказался весьма разговорчивым человеком, — он мне даже сказки рассказывал, — проезжая тем местом, Филофей вдруг засмеялся (Тург.). Он [Эриксен] встал, отложив карты, и, держась за спинки кресел, — машину бросало в воздушных ямах, — продвинулся вперёд к стеклянной перегородке (Лаврен.). Кое-как перестраиваясь, — лес уже начинал редеть, но ещё не позволял никаких точных движений, — дивизия постепенно подходила к тому месту, откуда открывалась дорога (Голубов).

Наиболее редко скобками охватываются фразы, вернее — фраз-

но построенные предложения, — потому что в подобных случаях соответствующее содержание всегда остаётся так или иначе примыкающим к содержанию ближайшей (предшествующей) фразы или предшествующей и последующей.

Такие построения и пунктуация характерны, напр., для А. Н. Толстого: *Вы привезли поклон от Егора? (Он стоял спиной к свету и только нагнул голову, потому что говорить не мог). А уж я его жду и день и ночь, так ему и скажите.*

Скобки, заключающие члены предложения, имеют со стороны смысловой тот же характер вставного, добавочного, комментирующего содержания, как и при охвате ими целых предложений. Ритмомелодика, однако, в этом случае (убыстрение темпа и т. д.) обыкновенно бывает маловыразительна, а иногда (при отдельном слове) может выступать только как слегка намеченная тенденция. Скобки при отдельных словах или членах предложения в употреблении почти исключительно в научной и под. письменной речи:

Самые значительные из вулканических островов — Сандвичевы (Гавай). — Хорошо привилась в Австралии культура апельсинового дерева, винограда и среднеевропейских фруктов (яблоки). — Подле одной из пирамид возвышается громадный высеченный из камня сфинкс (изваяние лежащего льва с человеческой головой и с вытянутыми передними лапами).

8. МНОГОТОЧИЕ.

В системе пунктуации особое место принадлежит многоточию, знаку прерванной речи или в том или другом отношении не получающей полной округлённости мысли. Этот особенно эмоциональный знак препинания введён в европейскую пунктуацию философом чувства Жан-Жаком Руссо, и с этим знаком исторически связывается новый этап европейского художественного стиля. Сфера его употребления — выражение волнения, аффекта, лирически окрашенные слова-названия и назывные (номинативные) сочетания и под. В научной и под. речи его употребляют для обозначения пропусков в цитатах.

Нередко многоточие сопровождает такие аффективные знаки, как вопросительный и восклицательный. Как со знаком паузы перед содержанием удивляющим и под. с ним соперничает, всё более вытесняя его в этой функции, — тире.

Примеры: Вы думаете, что эти дамы... но дамам меньше всего верьте (Гог.). ...Боже! Сегодня!.. Бедный мой отец! (Пушк.). «Ужель», думает Евгений: «Ужель она? Но точно... нет... Как! из глуши степных селений...» И неотвязчивый лорнет Он обращает поминутно На ту, чей вид напомнил смутно Ему забытые черты (Пушк.). И светла, и легка, ты несёшься туда... Я гляжу и молю хоть следов (Фет). Я думал... не помню, что думал; Я слушал таинственный хор. И звёзды тихонько дрожили, И звёзды люблю я с тех пор... (Фет). «Деньги взял» — сквозь зубы процедил он. — «Не брал

я их, брат! Не надо мне!.. беда от них!..» (Горьк.). — Я вам нравлюсь — верю. И вы для меня... человек не безразличный (Коновалов). Ну, что бы ни было, гляди... В той кучке, видишь? впереди, Там, где ещё в мундирах двое... Вот отошёл... вот боком стал... (Пушк.). В дымных тучках пурпур розы, Отблеск янтаря, И лобзания, и слёзы, И заря, заря!.. (Фет).

Известное стилистическое значение принадлежит многоточию, начинающему фразу или даже значительный по объёму текст в беллетристике. Трудно в подобных случаях говорить о точном психологическом характере такого выбора автором знака препинания, но установочность его несомненна. Повидимому, чаще всего существо дела в таких случаях — в желании натолкнуть читателя на глубокое впечатление разрыва между тем, что рассказывалось раньше, и тем, что автор повествует теперь. В качестве примера можно отослать хотя бы к некоторым начинающимся таким многоточием главам «Барсуков» Л. Леонова.

9. ПУНКТУАЦИЯ ПРИ ЦИТАЦИИ И ПРЯМОЙ РЕЧИ.

Знак (двусторонний), которым выделяются цитаты, — кавычки: Ему [Белинскому] достаточен стих: «Родные люди вот какие» в «Онегине», чтоб вызвать к суду семейную жизнь и разобрать до нитки отношения родства (Герцен). Он почти перестал выходить из дома, всё сидел одиноко на чердаке, читая таинственную книгу «Записи моего отца» (Горьк.). «Почтенному Василию Каширину с благодарностью — на сердечную память», подписана была какая-то странная фамилия, а росчерк изображал птицу в полёте (Горьк.).

Кавычками выделяются слова употреблённые и р о н и ч е с к и, когда автор не скрывает, а, наоборот, подчёркивает характер их употребления:

«Большая кузина», — и при этом названии я не могу без улыбки вспомнить, что она была прекрошечная ростом, — сообщила разом своей ставленнице всё, бродившее в её собственной душе... (Герцен). — Хорошо ему, Иванушке-Дурачку, про «свойства» говорить, — первое молвило Смиреномудрие: — мы и сами не плоше его эти «свойства» знаем! (Салт.-Щедр.)¹.

¹ Кавычки, обычно достигающие той цели, которой должны служить, в одном отношении не обеспечивают, однако, нужного смысла или, точнее, его оттенка. Когда в кавычки берётся слово, в которое вкладывается, напр., ирония, — соответственно природе последней — смысл близится к противоположному тому, что говорится: «Этот «труженик» берётся за работу не иначе как после долгих увещаний»; «К делу привлечён был «специалист», и под. А между тем прямая цель кавычек — именно точность цитации.

Эта двойкость практики относительно кавычек искусно используется Салтыковым-Щедриным для своеобразной смысловой игры. В своей рецензии на «Стихотворения А. Фета» — в «Современнике» за сентябрь 1863 года он пишет: «...И между тем, находятся глубокомысленные критики, которые

В кавычки берутся слова, характеризующиеся как в том или другом отношении н е о б ы ч н ы е, являющиеся архаизмами, неологизмами, арготизмами и под.:

Повторяю: в 184* году Любезнов ни о каких «народо-правствах» уже не думал, а просто принадлежал к числу городов, осуждённых радовать губернаторские сердца (Салт.-Щедр.). Но тут, в этой насыщенной «игрушечным делом» атмосфере, меня вдруг охватило какое-то щемящее чувство, не то чтобы грусть, а как бы оторопь (Салт.-Щедр.). ...Поэтому теперь, когда, помимо его репутации, меня заинтересовала самая личность «самородка-механика», я счёл уже своею обязанностью посетить его и его заведение (Салт.-Щедр.). А старый «ловец человеков» всё говорил, постукивая в такт словам пальцами по краю подноса (Горьк.). Говоря всё это, Москалёв «учитывал» впечатление, и оно складывалось не в его пользу (А. Н. Толст.). Боковые мысли не влияли, разумеется, на горячность слов Сергея Константиновича, но, замечая, что впечатление совсем уже становится неважным, он осторожно начал «спускаться» (А. Н. Толст.).

Примечание. Кавычки в печати в последних двух случаях могут быть заменены курсивом; ср.: «Протяжным голосом и несколько нараспев начал он меня *увещевать*...» (Герцен) .«Кантонист не продолжал разговора; он увидел, что я взят ни за буянство, ни за пьянство, и потерял ко мне весь интерес, а, может быть, и боялся вступить в разговор с *опасным арестантом*» (Герцен). «Скорее всего — сам умер, потому что какая сласть шуке глотать хворого, умирающего пискаря, да к тому же ещё и *премудрого*?» (Салт.-Щедр.).

После выразительной паузы, которая следует за словами о том, что кто-то сказал, подумал и под., употребляется д в о е т о ч и е. Сами точно приведённые слова ставятся в к а в ы ч к а х:

Тут он прервал своё чтение и сказал мне сурово: «Что ты теперь скажешь себе в оправдание?» (Пушк.). Чьё-то лицо, испуганное и радостное, качалось рядом с матерью, и дрожащий голос, всхлипывая, восклицал: «Митя! Куда ты?» (Горьк.).

Кавычек не с т а в я т, если внешняя планировка в книге или рукописи достаточно чётко показывает, что идущие за словами автора — слова передаваемые. Ср., напр.:

Мать, не останавливаясь, заговорила:

— Пусть идёт, — вы не беспокойтесь: я тоже очень боялась, — мой впереди всех. Который несёт знамя, — это мой сын (Горьк.).

Заметим, что если точно приведённые слова предшествуют словам автора, то их заключают в кавычки, но перед авторскими

поэтическую деятельность г. Фета ставят до такой степени высоко, что даже для оценки произведений других его собратий употребляют выражение: «тут есть что-то фетовское». Смеем их уверить, что даже в стихотворениях самого г. Фета, некоторой части которых, впрочем, отдаём должную справедливость, есть очень мало «фетовского».

словами в этом случае ставят запятую, запятую с тире или только тире.

«А я тебе глухаря принёс, Гришук», прибавил Емеля, кончив рассказ (Мамин-Сибир.).

«Ну, а кричать на меня я вам не позволю» — тихо сказала мать (Горьк.).

Если точно приведённые слова заканчиваются на письме вопросительным или восклицательным знаком, то обыкновенно предпочитают употреблять тире:

«Сосед, куда собрался?» — кричит Семён (Гарш.).

«Это каменный уголь?» — обратился я к провожатому (Сераф.).

«Ты удочку спрячь!» — сказал Петька, когда мать довела его до порога парикмахерской (Л. Андр.).

Там, где передаётся много разговоров и кавычки в большом числе были бы технически неудобны, их обыкновенно пропускают, но за соответственными словами ставят уже знак более сильного отделения — запятую с тире или тире.

Мать шутила, сверкая ясными глазами.

— Что, испугался давеча? — спросила она, толкнув меня (Горьк.).

— Я, прежде чем к Манухину пойти, битых пять часов с Семёном советовался.

— Обо мне? с Семёном? — спросил Кудрин, побледнев (Лаврен.).

— В путь, — обронил он коротко (Лаврен.).

— У него [Семёна] партийные руки, — сказал Кудрин: — но к этим рукам всегда нужно прикреплять стороннюю партийную голову, обладающую способностью критически мыслить и направлять руки (Лаврен.).

Как видим, знаки препинания, употребляемые при словах автора вслед за приводимыми словами, выбираются довольно свободно. Известная свобода предоставляется также в случаях, если слова автора стоят между точно приведёнными словами. Сравните:

«Братцы», — заплакал он: — «очень мне приятно, что вы меня уважаете» (Вольнов).

или: «Братцы, — заплакал он — очень мне приятно, что вы меня уважаете».

— Братцы, — заплакал он, — очень мне приятно, что вы меня уважаете; и т. под.

В печати при передаче разговоров кавычки обыкновенно опускаются, слова же каждого говорящего печатаются с красной (новой) строки:

— Товарищ Тимкин, вы сочувствующий?

— Так точно. Стою на платформе...

— Значит, готовьтесь!

— Куда?

— Объявлена мобилизация (Неверов).

— Надобно, чтоб рыбы любили друг друга! — ораторствовал он [Карась]: — чтобы каждая за всех, а все за каждую — вот когда настоящая гармония осуществится!

— Желал бы я знать, как ты со своей любовью к Щуке подъедешь! — расхолаживал его Ёрш.

— Я, брат, подъеду! — стоял на своём Карась: — я такие слова знаю, что любая щука в одну минуту от них в карася превратится!

— А ну-тка, скажи!.. (Салт.-Щедр.).

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

Для критического использования.

В. К л а с с о в с к и й. Знаки препинания в пяти важнейших языках. С.-П., 1882.

Я. Г р о т. Русское правописание. 1885 и последующие изд.

А. Г у с е в. Знаки препинания (пунктуация) в связи с кратким учением о предложениях и другие знаки в русском письменном языке. М., 1905.

А. П е ш к о в с к и й. Школьная и научная грамматика, 3-е и последующ. изд., 1922 и дал.

А. П е ш к о в с к и й. Наш язык. Часть I. Книга для учителя, изд. 3, М., 1923.

А. Ш а п и р о. О реформе русской пунктуации, — Русск. яз. в сов. школе, 1930, № 3.

О. П а р а м о н о в. Новые принципы в пунктуации, — Русск. яз. в сов. школе, 1930, № 4.

Л. Б у л а х о в с к и й. К реформе русской пунктуации, — Русск. яз. в сов. школе, 1930, № 4.

А. Ш а п и р о и М. У а р о в. Орфография, пунктуация и техника корректуры. М., 1933.

С. А б а к у м о в. Методика пунктуации, — Русск. яз. и литер. в средн. школе, 1934, № 4.

Н. П о с п е л о в. Об основах пунктуации в русском языке, — Русск. яз. в школе, 1936, № 4.

С. А б а к у м о в. Современный русский литературный язык. М., 1942.

К. И. Б ы л и н с к и й и Н. Н. Н и к о л ь с к и й. Трудные случаи орфографии и пунктуации. Краткий справочник. Изд. «Правда», 1944.

С. И. А б а к у м о в. Об основах методики пунктуации, — Изв. Акад. педаг. наук РСФСР, вып. 10, 1947.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК 3—4

Глава I.

ФОНЕТИКА 5—39

Содержание: 1. Фонемы и их звуковые вариации. 2. Чередования гласных. 3. Чередования согласных. 4. Деление на слоги. 5. Общие замечания об ударении.— Из литературы.

Приложения: I. а) Образец литературного произношения. б) Список ударений, против которых особенно часто погрешают. в) Чтение *е* в иноязычных словах со смягчением и без смягчения согласного. г) Разрешаемые в литературном произношении варианты произношения *е* : *ě* в отдельных словах. II. Частость употребления в русском языке отдельных звуков. III. Важнейшие особенности вошедших в русский литературный язык южнославянизмов. IV. а) Образец языка московских документов XIV века. б) Образец русского литературного языка второй половины XVII века. в) Образец языка начала XVIII века. V. а) Русские наречия. б) Образец севернорусского говора. в) Образец южнорусского говора.— Из литературы.

Глава II.

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ 40—122

Содержание: 1. Вводные замечания. 2. Состав русской лексики в стилистическом отношении. 3. Областная и социальнодиалектная лексика. 4. Древнеболгарские элементы. 5. Архаизирующая лексика. 6. Неологизмы. 7. Иноязычные элементы. 8. Борьба с варваризмами. Замечания об аббревиатурах. 9. Об источниках литературной фразеологии. 10. Замечания о супплетивных словах (формах) и омонимах. 11. Лексикография.— Из литературы.

Глава III.

МОРФОЛОГИЯ. I. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ 123—195

Содержание: 1. Грамматические особенности языка. 2. Части речи. 3. Вводные замечания о словообразовании. 4. Суффиксы имён существительных. 5. Ударение суффиксальных имён существительных. 6. Суффиксы имён прилагательных. 7. Ударение членных прилагательных. 8. Глагольные суффиксы. 9. Префиксальные имена существи-

тельные и прилагательные. 10. Об ударении префиксов. 11. Бессуффиксные образования существительных. 12. Причастия (глагольные прилагательные). 13. Ударение причастий. 14. Залоговые формы на -ся (-сь). 15. Приметы видов. 16. К ударению видовых образований. 17. Наречия. 18. Деепричастия. 19. Сложные слова. 20. Сокращённые слова. (Аббревиатуры). — Из литературы.

Глава IV.

МОРФОЛОГИЯ. II. ФОРМЫ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ . . . 196—238
(Склонение и спряжение)

Содержание: 1. Склонение имён существительных. 2. Движение ударения в склонении имён существительных. 3. Склонение имён прилагательных. 4. Ударение имён прилагательных. 5. Особенности склонения некоторых местоимений. 6. Особенности склонения некоторых числительных. 7. Ударение числительных и местоимений. 8. Перенос ударения на предлоги. 9. Глагольная флексия. 10. Инфинитив (неопределённая глагольная форма). 11. Аналитические (сложные) формы спряжения. 12. Ударение глагола. — Из литературы.

Глава V.

ПРАВОПИСАНИЕ 239—263

Содержание: 1. Из истории русского правописания. 2. Общие правила русского правописания. 3. Правописание словообразовательных элементов. 4. Правописание флексии. 5. Иноязычные слова. 6. Употребление больших (прописных) букв. 7. Правописание слов слитное и раздельное. — Из литературы.

Глава VI.

СИНТАКСИС 264—412

Содержание: 1. Вступительные замечания. 2. Подлежащее и сказуемое. 3. Второстепенные члены предложения (пояснительные слова). 4. Синтаксические особенности местоимений в простом предложении. 5. О типах бесподлежащих и бессказуемых (односоставных). 6. Сложное предложение. Союзные слова. Союзы. 7. Причастные обороты. 8. Деепричастные сочетания. 9. Обособление. 10. Косвенная речь. 11. Частицы. 12. Сверхфразные единства. 13. Порядок слов. 14. Замечания о стилистическом отборе синтаксических средств. — Из литературы.

Глава VII.

ПУНКТУАЦИЯ (ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ) . . . 413—443

Содержание: 1. Общие замечания. 2. Пунктуация на границах фраз. 3. Пунктуация на границах предложений. 4. О пунктуации, соответствующей перечислительной интонации. 5. Пунктуация в границах простого предложения. 6. Тире в простом предложении. 7. Скобки. 8. Многоточие. 9. Пунктуация при цитации и прямой речи. — Из литературы.

Редактор *Пархоменко А. Н.*
Техредактор *Атамашко В. Ф.*
Корректор *Тихонова М. Г.*

БФ 04109. Зак. № 277. Изд. № 3502. Тираж 30.000.
Бумага $60 \times 92 \frac{1}{16}$ = 14 бумажных — 28 печатных
листов. 30,26 изд. листов. Подписано к печати
11/VIII 1952 г. Цена без переплета 6 руб. 50 коп.
Переплет 1 руб. 50 коп.

Надрук. з матриць книжкової фабрики ім. Фрунзе
Укрполіграфвидаву при Раді Міністрів УРСР, Харків,
Донець-Захаржевська, 6/8 в друкарні „Мистецтво“
Укрполіграфвидаву, Харків, Пушкінська, 44.